МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

Неизданное

Москва
ЭЛЛИС ЛАК
1997

МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

Неизданное

СВОДНЫЕ ТЕТРАДИ

Подготовка текста, предисловие и примечания

Е. Б. КОРКИНОЙ и И. Д. ШЕВЕЛЕНКО

Москва
ЭЛЛИС ЛАК
1997

ББК 83.3Р
Ц 25

Российский государственный архив
литературы и искусства (РГАЛИ, Москва)

Дом-музей Марины Цветаевой (Москва)

В оформлении суперобложки использована
открытка из собрания М. И. Цветаевой:
витраж церкви в Домреми
"Св. Жанна д' Арк, внимающая голосам"

Ц $\frac{4603000000—077}{130(03)—97}$ Без объявл.

ISBN 5-88889-001-4

Предисловие

«...Von Dichtern will man *de l'inédit*» («от поэтов ждут *неизданного*»), — обмолвилась Цветаева в одном из писем к Р.М. Рильке, имея в виду его письма к ней. Насколько сознательной, тщательной и последовательной была работа Цветаевой над своим собственным «неизданным», лишь постепенно открывалось ее читателям последних десятилетий. Растянутость этого «открытия» во времени затемняла смысл открываемого, любопытствующий интерес к которому явно перевешивал стремление понять существо авторского замысла, стоящего за частностями воплощающих его текстов.

Между тем, если облик Цветаевой, каким мы знаем его сегодня, так неповторим и отдéлен в литературной галерее XX века, то именно потому, что неповторима сама формула бытия, воплощенная всей жизнью Цветаевой: «...вовсе не: жить и писать, а жить — писать и: писать — жить. Т.е. *всё* осуществляется и даже живется (понимается) только в тетради». Заявленное таким образом кредо размывает границы между родами и жанрами письма, в которых воплощается авторская индивидуальность, не уравнивая, но делая равнó значимыми все главы и части жизненной эпопеи, написаны ли они стихом или прозой, в форме письма или внутреннего монолога, обсуждают ли они темы интимные или публичные. Потому и тексты, традиционно попадающие в «неизданное», прежде всего — письма и дневники, так, по существу, невторостепенны в творческом наследии Цветаевой, а формула «от поэтов ждут *неиздан-*

ного» есть без всяких натяжек формула цветаевского вйдения адекватного читательского ответа на ее творчество.

Опубликование сводных тетрадей Цветаевой — аккорд хоть и далеко не заключительный, но решающий в истории посмертных публикаций цветаевского наследия. Эта летопись «трудов и дней» не только дополняет или корректирует наше представление о жизни и судьбе Цветаевой, давно уже ставшей по воле автора фактом литературы, но и дает возможность увидеть естественный облик повседневного самовыражения ее личности в слове — ту нераздельность аналитического наблюдения и поэтического образа, письма и стихотворения, бытовой записи и афоризма, которая составляет квинтэссенцию цветаевского литературного мышления.

Начало работы Цветаевой над публикуемым рукописным сводом относится к 1932 г., когда, после ряда колебаний, она приняла решение подчиниться желанию семьи и подать прошение о советском гражданстве и последующем возвращении в СССР. Предполагая, что перевезти весь обширный архив будет невозможно, она взялась за просмотр своих рукописей и последовательную переписку всего того, что ей хотелось бы сохранить из своих дневниковых записей, аналитических заметок, набросков к уже осуществленным и еще не осуществленным замыслам, черновиков и конспектов писем к разным лицам, выписок из прочитанных книг и т.п. Не настаивая, отметим, что одним из психологических толчков к началу этого труда могло стать для Цветаевой участие в просмотре и уничтожении семейного архива ее приятельницы Е.А. Извольской, описанном в «Истории одного посвящения». В тетради Извольской, вырезав несколько первых страниц, заполненных прежней владелицей, Цветаева и приступила к переписке.

В 1933 г., заполнив первую тетрадь целиком, а вторую примерно на треть, Цветаева — по неизвестным причинам — прекратила свою работу. Оборвав переписку буквально на середине очередной записи, она впоследствии так и не вернулась к тому месту, на котором работа была приостановлена.

Второй этап работы над сводными тетрадями относится к 1938—1939 гг. Жизненные обстоятельства Цветаевой к этому времени уже определились отъездом в СССР ее дочери и мужа; в преддверии собственного отъезда, перед лицом необходимости ликвидации всего многолетнего домашнего уклада Цветаева должна была решить и судьбу своего литературного архива. Третья и четвертая тетради заполнялись ею в это время.

Между концом записей во второй и их началом в третьей сводной тетради образовалась значительная хронологическая лакуна. Записи из двух черновых тетрадей остались недопереписанными, а выписки из шести хронологически последующих не были сделаны вообще. Весьма вероятно, что такой пропуск был связан с принятым Цветаевой решением взять эти черновые тетради с собой; учитывая же неопределенность сроков отъезда, ей необходимо было сосредоточиться в своей работе на тех рукописных источниках, которые она твердо решила оставить в Париже или уничтожить. В пользу такого предположения свиде-

тельствует то, что из многочисленных источников выписок, сохранившихся в архиве Цветаевой, лишь два относятся к третьей сводной тетради (причем из одного из них сделаны лишь частичные выписки) и ни одного к четвертой.

По-видимому, было два основных критерия, которые определяли целесообразность включения или невключения отдельных рукописных материалов в ту часть архива, которую Цветаева везла с собой в СССР. Несомненно, ряд источников выписок был оставлен ею в Париже или уничтожен из-за ветхости или незначительности по объему и характеру записей: это были ежедневные карманные записные книжечки и блокноты, отдельные листки, бланки, обложки, конверты, даже папиросные коробки. Другие же рукописи оставлялись ею во Франции по цензурным соображениям. Так, несколько черновых тетрадей 1928—1936 гг., в которых Цветаева работала над «Перекопом» и «Поэмой о Царской Семье» не могли быть привезены в СССР. Эти же цензурные соображения отразились на способе переписки, а точнее — на манере шифровки, относящегося к этим поэмам материала: неупоминание названий поэм в сводных тетрадях («Перекоп» случайно назван полностью один раз) соседствует со стремлением хотя бы пунктирно обозначить некоторые вехи работы над ними.

Если же говорить о манере заполнения сводных тетрадей в целом, то между двумя этапами работы над ними есть как несомненное единство, так и некоторые различия.

Цветаева неизменно последовательна в принципах отбора материала. Все завершенные и ко времени переписки опубликованные стихотворения пропускаются ею, — она фиксирует лишь заглавие или первую строку стихотворения и в ряде случаев дату его написания; сохраняются же наброски к неосуществленным или незавершенным произведениям, а также варианты, не вошедшие в окончательные редакции опубликованных стихотворений и поэм; кроме того, сохраняются наброски, фрагменты и даже тексты целиком тех стихотворений, которые ко времени переписки были завершены, но не публиковались. При переписке дневниковых и аналитических записей, набросков писем, планов произведений и других прозаических фрагментов Цветаева часто прибегает к стилистической правке, парафразам прежних записей и их расширению, значительно реже — к сокращениям и пропускам. Многие переписываемые фрагменты сопровождаются ремарками и дополнениями, как правило, помечаемыми годом переписки или легко распознаваемыми по смыслу как более поздние. Насколько удалось проследить, правка, допускаемая Цветаевой в процессе переписки, не изменяет первоначального смысла записей, а носит в большинстве случаев разъяснительный или уточняющий характер. Нужно иметь в виду, что значительная часть записей в источниках выписок сделана скорописью, иногда с сокращением слов до одной буквы. Поэтому текст сводных тетрадей часто является плодом не просто переписки, но расшифровки Цветаевой своих прежних записей, сам процесс которой невольно влечет за собой стилистическую правку и смысловое прояснение текста прежде всего для самого автора, а в перспективе и для более широкой аудитории.

Что же касается различий в характере заполнения сводных тетрадей на первом и втором этапах работы над ними, то эти различия определяются прежде всего несходством жизненных обстоятельств Цветаевой в 1932—1933 и 1938—1939 гг. Если в первых двух сводных тетрадях она, в соответствии с замыслом, тщательно выдерживает хронологию летописи своих «трудов и дней», допуская лишь незначительные сбои, то в третьей и четвертой тетрадях источники выписок следуют в хронологическом беспорядке, объясняющемся не просто дезорганизованностью в это время цветаевского архива, но разрушенностью всего прежнего уклада ее жизни и неумолимо подтверждающем истинность ее давней дневниковой записи: «Чтó со мной будет — то будет и в тетради».

Именно потому сводные тетради — это и еще один шанс для читателя понять судьбу Цветаевой, а в какой-то мере — и посмертную судьбу ее наследия. Ибо если творчеству Цветаевой, в его значительной части, сужден был долгий путь к читательскому узнаванию, то еще более долгим оказывается его путь к читательскому пониманию и приятию. Настоящему тому суждено поэтому не только отметить новую веху, но и стать новым испытанием в сложной истории взаимоотношений читательской аудитории с творчеством Цветаевой.

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

Зинаида [illegible]

1916 г.

Харбинъ.

(подарок З. А. Г. перед отъездом в Японию, Мёдон, октябрь 1931 г.)

Записи из черновых тетрадей

(подарок Е.А. И<звольской>[1] перед отъездом в Японию, Мёдон, апрель 1931 г.)

...Так с каждым мигом всё непоправимей
К горлу — ремнем...
И если здесь всего земное имя —
Дело не в нем[2].

———

С.М. В<олкон>ский[3].

— Что у Вас уцелело — из ценностей?

Он: — Ничто. (?) (точно спрашивая, проверяя...)

— А человек?

— Мало... Закат солнца... тень трепещущих деревьев... карканье вороны...

———

Вам удалось то́, чего не удавалось до сих пор никому: оторвать меня не от: себя (отрывал всякий), а от: своего. Та́к, подолгу застываю над белой страницей своего Егория Храброго[4]. *Этого* (другое — *всё* было!) этого со мною еще не было.

———

Думать в ответ. Нескончаемый разговор. Что я буду делать, когда прочту Вашу последнюю строчку? (точку!)

(Ответ: писать свое. Как оно и было. Кламар, 29-го июня 1932 г.)

———

Вы — последнее русло моей души, мне так хорошо у Вас в берегах! (как: в руках) О, искус всего обратного мне! Искус *преграды!* Раскрываю книгу[5]: Театр (чужд), Танец (люблю только танец M-elle Laurence из Гейне[6] и Эсмеральды[7], но таких не видела и увидеть не могла бы: танец — *в слове*).

С.М.! Немудрено в Исповеди Руссо — дать живого Руссо, в записях Эккермана — дать живого Гёте[8], в мемуарах Казановы — живого Казанову, но мудрено и *невозможно* в книге о театре...

Всё тайное станет явным. Это, обычно, говорят о лжи (NB! чужой!). Я это говорю о правде, единственно-сущей: правде сущности. Не моя случайная ложь станет явной, а моя вечная насущная правда. Не станет: уже есть.

———

Простите и не примите за дерзость: мне горько, что всегда «по поводу». О как мне бы хотелось — Вас вне театра — балета — мимики, Вас по поводу Вас же, Вас — без, Вас — Вас. «Разговоры»[9] я уже начинаю вспоминать как вскрытую лирическую жилу по сравнению с отрешенностью Откликов.

Победа путем отказа[10]. (У Вас: вездесущие путем отказа. Музыка.)

Стр<аница> 134 (конец)[11]. Слышен голос.

Мысль — тоже страсть (впервые).

Для меня стихи — дом, «хочу домой» — с чужого праздника, а сейчас хочу домой — в Вашу книгу. В чем же дело? До сих пор я любила только свое и только в определенных (человека — в дневниках, стихах, письмах), т.е. беспредельных, самых непосредственных формах — самых не-формах! — человеческой беззащитности. Голого человека. Нет, ободранного человека (себя). Немудрено, что многое сходило. Всё сходило.

Ваша геометрия — пуще всякой магии![12] На всем, чт́о Вы говорите, печать неопровержимости.

Тоска и благодарность. (Стр<аница> 144)[13]

Хеллерау[14] — вражда — точно от меня отрывают Алю.

Но книгу, к<отор>ую я от Вас хочу — Вы ее не напишете. Ее мог бы написать только кто-нб. из Ваших учеников при котором Вы бы думали вслух. Goethe бы сам не написал Эккермана.

Ваши книги — книги про всё (т́ак Аля, $6^{\underline{\text{ти}}}$ л., назвала свою будущую книгу).

Породы Гёте — и горечь та же — в броне. Щедрость в радости, скупость в горе. После Вашей книги хочется (можно — должно бы) читать только Гёте.

Все Ваши дороги ведут *в Мир.* («Все дороги ведут в Рим», — привели *в Рим* и С.М.В.[15] — 1932 г.)

Вчера вечером заходила на Пятницкую (NB! *заходила:* из Борисоглебского пер<еулка> на Поварской! 1932 г.) мне еще слышался Ваш голос, когда Вы читали Пушкина.

Сейчас — ночь со вторника на среду — вспоминала, сколько времени я Вас не видела. Первое, непосредственное — недели две! И: Благовещение — затмение — дальше 28ое (русское), суббота, т.е. день встречи, сегодня 31ое марта — *три дня!*

Дорогой Сергей Михайлович!

Вот тó, что мне удалось узнать в Лавке Писателей[16]. Издатель из Риги еще не приехал. Редакц<ионный> Комитет состоит из Бердяева, Зайцева и Осоргина. Первого Вы знаете, второй и третий — люди безупречные и достаточно-культурные. Я говорила им о Фижмах[17]. Тон приблизительно был таков: «Эх, господа, господа, вы вот снабжаете заграницу Новиковым и К^{о} (NB! К^{о} — они), а знаете ли Вы такую замечательную вещь „Фижмы“» — и т.д. Немножко рассказала. Спросили о длине вещи, я сказала печатный лист. (Тáк?) — Не набралось бы несколько таких рассказов? — Пока один. — Тогда можно поместить в альманахе[18]. Но хорошо бы иметь на руках вещь. —

И вот, дорогой С.М., просьба: если Вам не жалко отдавать Фижмы в альманах (*мне — жалко!*) не могли бы Вы их держать наготове, чтобы к приезду рижского издателя представить в Редакц<ионный> Комитет? (Не решаюсь предложить Вам свои услуги по переписке, — сама и всегда страшусь выпус<кать?> вещь из рук — хотя бы в самые любящие.)

Об этом его приезде буду знать, предупрежду Вас. А другие Ваши книги — цельные? Переписаны ли они? Но — когда начинаешь думать — всё жалко!

Посылаю Вам прежних-времен чаю: противоядие от советских полезных напитков. Если у Вас уже есть, пусть будет еще. Все вечера читаю Художественные отклики, и уже с утра — жду вечера.

МЦ.

Москва, 28го русск<ого> марта 1921 г., суббота.

Дорогой С.М.!

Только что вернулась с Алей из Вашего сжатого загроможденного пер<еулка>, точно нарочно такого, чтобы крепче держал мою мысль. Шли темной Воздвиженкой — большими шагами — было почти пусто — от этого — чувство господства и полета.

Сейчас Аля спит, а я думаю.

Вам (не зная и не ведая, а главное: не желая) удалось то, чего не удавалось д.с.п. никому: оторвать меня не от себя (никогда не была привержена и — мог всякий!) а от своего. Для меня стихи — дом, «хочу домой» — с чужого праздника, а сейчас «хочу домой» — в Вашу книгу. Перемещение дома.

И есть еще разница, существенная.

Любимые книги, задумываюсь, те любимые без <сверху: от> которых в гробу не будет спаться: Mme de Staël — Коринна, письма Melle de Lespinasse[19], записи Эккермана о Гёте... Перечисляю: *ни одного* литературного произведения, всё письма, мемуары, дневники, не литература, а живое мясо (души!). Человек без кожи — вот я́. (Уже само слово *я*...) Под этим знаком — многое сходило.

С.М., немудрено в дневнике Гонкуров дать живых Гонкуров, в Исповеди Руссо — дать живого Руссо, но ведь Вы даете себя — вопреки.

(Не есть ли это закон — вопреки?)

Ваша сущность всё время пробивает Вашу броню, всё время — выпады, вылазки, скобки, *живой голос.*

Простите и не примите за дерзость: мне горько, что всегда «по поводу», о как бы мне хотелось Вас — вне театра, вне — Далькроза[20], вне, без, Вас наедине с собой, Вас — Вас. «Разговоры» я уже начинаю вспоминать как покинутый рай — по сравнению с отрешенностью «Откликов». И как показательно, что Вы из двух книг любите именно эту. И как, поняв, не преклониться?

О искус всего обратного мне! Искус преграды (барьера). Раскрываю книгу: Театр (чужд), Танец (обхожусь без — и как!), Балет (условно — люблю, и как раз Вы́ — не любите). Но как Вы сразу — легчайшей оговоркой — усмиряете весь мой польский мятеж — еще до вспышки.

Я, над первой строкой[21]:

— Не любить балета — это не любить (ряд перечислений и, собирательное:) ни *той* Франции, ни *той* России!

И сразу — в ответ Ваш медлительный, такой спокойный, голос:

— Кто же не любит...

Читаю дальше:

— Но когда вспомните загорелую крестьянку... трагическую героиню...

Слышу голос:

— Перед судом природы. —

И — освобожденно и блаженно — вздохнув, читаю дальше.

(Сейчас Аля — мне: «До свидания, Марина!» и я — ей, не отрываясь: — «Спокойной ночи!» — Белый день! — Смеемся обе.)

Музыка.

Есть у Вас в главе о Музыке (Существо)[22] — такая фраза:

— Конечно, вездесущие достигнутое не победою над пространством, а отказом от пространства...

Читаю сначала в точном применении к Музыке. — Формула.

Потом уцелевают три слова: Победа путем отказа.

Дальше (стр<аница> 134 — Материал[23], в самом конце)

— Что такое полярность с ее распределенным притяжением перед расстилающейся бесконечностью неизмеримых заполярностей.

Два впечатления, слуховое и зрительное.

Читая, слышишь голос вопрошающего — ушами — живой — в комнате. Кто-то, кто не тебя, но при тебе, самого себя спрашивает. Вопрос, постепенно (слово за словом!) переходящий в возглас: в голосовой *вывод*.

Второе впечатление (запечатление) зрительное. Дорогой С.М., если у Вас есть в доме книга, возьмите ее в руки, раскройте на 134 стр<анице>, смотрите в конце...

Это не наваждение, это наглядная — воочию — достоверность. Сами слова — неизмеримые пространства (вроде тех по которым Снежная Королева везла Кая)[24] сам *вид* слов. (Широта и долгота.) Вид слов здесь есть их смысл.

Вы орудие того, о чем Вы пишете. Не Вы это пишете, *это* (*то*) Вами пишет.

Подземные ходы мысли. Шахтер, слушающий голос земли, которую роет, которая хочет, чтобы из нее вырыли руду. (Или — голос руды?)

Отсутствие произвола — власть над предметом путем подчинения ему, — ах, поняла: *Победа путем отказа!*

Но книгу, к<отор>ую я от Вас хочу — Вы ее не напишете, ее бы мог написать кто-нибудь из Ваших учеников, при к<ото-

р>ом Вы бы думали вслух. (Мысленно: только я!) Goethe сам бы не написал книги о нем Эккермана.

Породы Гёте — и горечь та же — в броне. И щедрость та же — только в радости. (У людей — наоборот!) И то же слу́шание природы, послушание ей. После Вашей книги хочется (можно бы — должно бы) читать только Гёте.

Гёте. Целый день сегодня силилась вспомнить одно стихотворение, прочитанное мною случайно, на какой-то обертке, вспоминала, восстанавливала, за́ново писала, — наконец восстановила:

Goethe nimmt Abschied von einer Landschaft und einer Geliebten*)

In eines Sommerabends halbem Licht
Sah er zùm weinenden und letzten Male
Hinab auf Wiesen, Wälder, Berg' und Thale.
Er stand mit wetterleuchtendem Gesicht.

Noch einmal warf sich wie ein wunder Riese
Ihm das gelebte Leben an die Brust,
Dann löste leicht und lächelnd er — auch diese
Umarmung, seiner Gottheit schon bewusst[25].

<Вдоль левого поля, напротив первой строфы:> Hinab — auf Berge?[26]

Знаю одно: Вы бы жили на классическом «острове», Вы бы всё равно думали свои мысли, и так же бы их записывали, а если бы нечем и не на чем, произносили бы вслух и отпускали обратно.

Вы бы всё равно, без Далькроза и др. были бы тем же, нашли, открыли бы — то же. (Законы Ритма Вы бы открыли в движущейся ветке и т.д.) Не отрицаю этим <пропуск одного-двух слов> в Вашей жизни X, Y, Z: ценность спутничества — до (два шахтера — находят жилу). Но Вы ведь всё это *уже* знали, между Вами и Миром нет третьего, природа Вам открывается не путем человека.

Боюсь, Вы подумаете: бред.

---

*) было бы лучше: und von einer Leidenschaft[27] (а была-то, м.б., просто — Liebschaft![28])

Да, но во-первых: если бред, то от Вашей же книги, не от соседней на столе (автор моего «бреда» — Вы́!) а во-вторых: только на вершине восторга человек видит мир правильно, Бог сотворил мир в восторге (NB! человека — в меньшем, оно и видно), и у человека *не* в восторге не может быть правильного видения вещей.

Боюсь, Вы скажете: кто тебя поставил судьей, кто дал тебе право — хотя бы возносить меня до неба? Ведь и на это нужно право.

Задумываюсь: — на славословье?

Высказанная похвала — иногда нескромность, даже наглость (похвалить можно только младшего!) — но хвала (всякое дыхание да хвалит Господа)?[29]

Хвала — долг. Нет. Хвала — дыханье.

И Вы же должны понять, что я не «хвалю» а — потрясена?!

Сейчас — ночь со вторника на среду — вспоминала, сколько дней назад я Вас видела, верней: сколько дней я Вас *не* видела. Считаю: Благовещенье — затмение — суббота 28го ст<арого> марта Ваш приход — сегодня что́? 31ое. — *Три дня.*

Мое первое чувство было — недели две, по тем верстам и верстам вслед за Вашей мыслью и моей мысли к Вам.

Боюсь, Вы подумаете: нищий.

С.М., я не от нищенства к Вам иду, а от счастья.

Ночь со среды на четверг 31/13 на 1/14 марта-апреля 1921 г.

Дорогой С.М., живу благодаря Вам изумительной жизнью. Последнее что́ я вижу засыпая и первое что́ я вижу просыпаясь — Ваша книга.

Знаете ли Вы, что и моя *земная* жизнь Вами перевернута? Все с кем раньше дружила — отпали. Вами кончено несколько дружб. (За полнейшей заполненностью и ненадобностью.) Человек с которым встречалась ежедневно с 1го января этого года[30] — вот уже больше недели, как я его не вижу*). — Чужой. — Не нужно. — Отрывает (от Вас). У меня есть друг: Ваша мысль.

Вы сделали доброе дело: показали мне человека на высокий лад.

---

*) Как это тогда (11 лет назад) много казалось — неделя!

Есть много горечи в этом. Ухватившись за лоб, думаю: я никогда не узнаю его жизни, всей его жизни, я не узнаю его любимой игрушки в три года, его любимой книги в тринадцать лет, не узнаю как звали его собаку. А если узнаю — игрушку — книгу — собаку, другого не узнаю, всего не узнаю, ничего не узнаю. Потому что — не успею.

Думаю дальше: четыре года живу в Сов<етской> России (всё *до* этого — сон, не в счет!) я четыре года живу в сов<етской> Москве, четыре года смотрю в лицо каждому, ища — *лица*. И четыре года вижу *морды* (хари) —

С.М., если бы я завтра узнала, что Вы завтра же уезжаете за границу, я бы целый день радовалась, как могла бы радоваться только *въезду*[31]. Клянусь! Весь день бы радовалась, а вечером бы — молниеносная проверка, и: а вечером бы закрыла Вашу книгу с тем чтобы никогда больше не раскрывать.

Сегодня у Т.Ф. С<крябиной>[32] — вопрос, мне, ее матери: — «Dites-moi donc un peu, Madame, pouvez-Vous me dire — à quoi cela est bon — la vie? Cette masse de souffrances...»[33]

И мне стало стыдно в эту минуту — за свое восхищение от земли.

Быть мальчиком твоим светлоголовым...

(1го русск<ого> апреля 1921 г., четверг)

Я: — «Аля, как ты думаешь — который час?»

Аля: — «Два часа ровно, потому что бабка исповедоваться пошла. Марина! Мы живем по чужим исповедям!»

— М.! Что Бог сделал с собаками! Создал их и не кормит, сделал их какими-то нищухами, побирухами. А если бы он их всех сделал породистыми, тогда бы и породы не было, п.ч. порода — от сравнения.

Значит, чтобы была порода, нужна не-порода.

Занесли Вам с Алей противоядия от полезных советских смесей (хлебных и чайных) — и немножко письменных принадлежностей.

Не была на Вашей лекции только потому что сговорилась идти с Т.Ф., а у нее сейчас дома всякие горести и беды.

Читаю Отклики. Спасибо.

МЦ.

Продолжение большого письма (конечно неотосланного)

Суббота, $9^{\text{тый}}$ — по новому — час. Только что отзвонили колокола. Сижу и внимательно слушаю свою боль. Суббота — и потому что в прошлый раз тоже была суббота, я невинно решила, *что Вас жду*.

Но слушаю не только боль, еще молодого к<расноармей>ца[34] (к<оммуни>ста), с которым дружила до Вашей книги, в к<отор>ом видела и Сов<етскую> Р<оссию> и Св<ятую> Русь, а теперь вижу, что это просто зазнавшийся дворник, а прогнать не могу. Слушаю дурацкий хамский смех и возгласы, вроде: — «Эх, чорт! Что-то башка не варит!» — и чувствую себя оскорбленной до заледенения, а ничего поделать не могу.

О Боже мой, как страшна и велика власть человека над человеком! Постоянное воскрешение и положение во гроб! — Ничего не преувеличиваю, слушаю внимательно, знаю: если бы Вы сейчас вошли (к<оммуни>ст только что получил письмо от товарища и читает мне вслух: «Выставка птицеводства и мелкого животноводства...» Это товарищ его приглашает на Пасху.) <фраза не окончена>

Краткий ход истории с Вами каждого настоящего.

Сначала имя — отдаешь ему дань невольно: настораживаешься. Потом голос; особость, осмысленность, сознательность произношения — точно человек хочет дойти помимо смысла слова, — одним произношением и интонацией: быть понятым иностранцем. Дать смысл через слух (звук). — Вслушиваешься. — Потом — суть: остро́, точно, *то*. Вдумываешься, вчувствовываешься, в — в — в — И уже имя — исходная точка — забыто, торжествует суть, побеждает суть.

А потом, когда очнешься: ведь это тот самый В<олкон>ский, внук *того* Волконского, и сразу 1821 г.—1921 г. — и холод вдоль всего хреота: судьба деда — судьба внука: Рок, тяготеющий над Родом. (Сыновья в наследство судьбы не получают, — только внуки. Точно роду (или <пропуск одного-двух слов>). Передышка сына, чтобы снова собраться с силами.)

С.М., я ничего не знаю то́чно, я ведь ничего о Вашей жизни не знаю, кроме того, что́ Вы пожелали сказать о ней — всем — в книгах, но по всему Вас — сейчас — (и по всему *сейчас*) чувствую, *какими* были для Вас годы 1917 г.—1921 г.

И, глубоко́ задумавшись:

Чита[35] — или Москва 1917 г.—1921 г.? — Еще вопрос.

Еще об одном думаю, идя назад в неведомую мне Вашу жизнь.

Рождается человек. Получает громкое имя. Несет его. (Приучается нести его тяжесть.) Столкновение Рода и Личности. Неслыханное счастье (не носителю — миру!) — личности в породе, породы в личности. Первый полет за пределы гнезда. О Гнезде умолчу — ибо НЕ ЗНАЮ, но не умолчу о катастрофе такого «за-пределы».

Князь — и пишет! в этом есть что-то нестерпимое. Мало, что князь, еще и писатель. (И Пушкину бы не простили — раз не простили даже камер-юнкера.) И сразу: либо плохой князь, либо плохой писатель. О князе спорить не приходится — значит плохой писатель.

Простив (проглотив) рождение — второе рождение (в духе) уже не прощают — давятся. Чувствуют себя обокраденными. (Та́к поэту, например, *не позволяют* писать прозу: мы сами прозаики!) Когда князь занимается винными подвалами и лошадьми — прекрасно, ибо освящено традицией, если бы князь просто стал за прилавок — прекрасно меньше, но зато более радостно (подсознательно: сдал, наш, тоже...) но — художественное творчество, т.е. второе (нет, первое!) величие, *второе княжество*

С.М., м.б. я ошибаюсь, но я хочу чтобы Вы знали о чем я думаю все эти дни принадлежащие Вам и проходящие без Вас.

Бездомная комета и домовый комитет.
(Могли бы выйти стихи.)

Крылья — свобода, только когда раскрыты в полете, за спиной они — тяжесть.

Крылья — синоним не свободы, а силы, не свободы, а тяжести.

С.М., Аля, я, в его — шереметевского дома — сухом и окурочном саду. Сидим на скамейке. Солнышко. В сухом бассейне солдаты играют на балалайках. С.М. насвистывая в лад, с любовью:

— Ах, они прэлэстные, прэлэстные!..

И внезапно, хищно, точно выклюнув — что-то блестящее из подножного сору! Копейка? Нет, пуговица. — «Вам... (он меня никак не зовет, и я глубо́ко понимаю)... это нужно?» Я: — «Н-н-нет...» — «М.б. Але нужно? Играть...» Аля, с моей же неудивляющейся деликатностью (всей деликатностью *невозмож-*

ного неудивления) — «Н-н-нет... спасибо...» — «Тогда я́... Такие вещи всегда так, та́к нужны...» (Бережливо прячет.)

Произносит хребёт (NB! кажется и моя мать так произносила, во всяком случае: *Лёв* Толстой, и, помнится: гале́рка (ведя от галлереи).

А у самого хребет как у рыбы — arêtes[36].

Как настигаемый олень
Летит перо.
обманут день —
И как хитро́!

Все силы ада за спиной —
масть!
Всё дети матери одной,
Чье имя — страсть.

Олень, олень Золоторог,
Беда близка!
То в свой звонкоголосый рог
Трубит тоска...

По зарослям словесных чащ
Спасайся, царь!
То своры дых кровокипящ,
То ревность — псарь.

Всё громче, громче об ребро
Сердечный стук...
И тихо валится перо
Из смуглых рук[37].

4го русск<ого> апр<еля> 1921 г.

<Справа от стихотворения, поперек страницы:> Плохие стихи, не вошедшие в Ремесло. До́роги как память: о то́й Москве, то́й тоске, то́й — мне. Пометка 1932 г.

О двух
В лазури   и герба
Сказ. Дважды стукнула судьба
В сияющие лбы Волконских.

О том, на кандалы корону
Сменившем — сказано до нас.

Нам гордость горькая пришлась
Быть современником второму.
(не кончено)

Над владыками,
Над коронами —
Власть великая
Нам дарована...

(Четверостишие из к<оторо>го вышло — совершенно обратное: «По нагориям, по восхолмиям», напеч<атанное> в Ремесле. 1932 г.)

Тучи как судьи.

Я — блудный сын, который каждый дом принимает за отчий но еще до ужина разубедившись — уходит.

Для меня жирных тельцов не режут.

На што мне

Вырывает из рук бумагу,
В очи сыплет цветочной пылью,
В волосах запевает нагло,
За спиной завивает крылья...
(Ветер)

Где заговорщик, глотающий пепел?

Долг возложив на детей годовалых
Те — остальные — сидели в подвалах, —
Тел без гробов — ждя,
Новых пиров — ждя...

Не дошаливши последнюю шалость
Горстка детей за отчизну сражалась...

Приносим С.М. с Алей самодельные, с пайковыми бобами, пирожки. Швыряет на сковородку, обугливает и, не видя ни ножа ни вилки: — «Можно, я думаю, руками?»

— Нет, ошибаюсь, пирожки были в другой раз, на этот раз был — блин (*мой*, во всю сковородку). Держал руками и рвал зубами.

Внимательность к вещам. — «Прэлэстный угольничек», — тарелка (простая, с цветком).

—

— «Я вижу: несколько человек — штатск<их?> — сняли шляпы: заложники. Там был и мой двоюродный брат, — только он шел с *той* стороны — если бы я его увидел — не знаю — я бы наверное кинулся — чтобы тоже... Кто-то из солдат толкнул меня в грудь. Вернувшись, написал обеим дамам (через два а), что я не могу принимать вознаграждения от правительства, которое тáк обращается с человеком[38].

...Каждый, самый слабый, должен сказать, ответить...

—

В<олкон>ский заключен сам в себе, не в себе — в мире. (*Тоже* одиночная камера, — с бесконечно-раздвинутыми стенами.) Эгоист — породы Гёте. Ему нужны не люди — собеседники (сейчас — не собеседники: слушатели, восприниматели!), иногда — сведения. Изящное отсутствие человека в комнате, говоришь — отвечает, но *никогда* в упор, точно (нет, явно) в ответ на свою сопутствующую мысль. Слышит? Не слышит?

—

Никогда — тебе, всегда — себе.

—

Был у меня два раза, каждый раз, в первую секунду, *изумлял* ласковостью. (Думая вслед после встречи — так разительно убеждаешься в его нечеловечности, что при следующей, в первую секунду, изумляешься: улыбается, точно *вправду* рад!)

Ласковость за которой — чтó? Да ничего. Общая приятность от того, что емý радуются. Его мысли остры, его чувства flottent[39].

Его жизнь, как я ее вижу — да впрочем его же слово о себе:

— «История моей жизни? Да мне искренно кажется, что у меня ее совсем не было, что она только начинается — начнется».

— Вы любите свое детство?

— Не очень. Я вообще каждый свой день люблю больше предыдущего... Не знаю когда это кончится... Этим, должно быть и объясняется моя молодость.

(Про Алю: изумительная девочка...)

Однако, в первый приход, сказал же:

— «Я, вообще, сейчас, кажется, не могу причинить никому ни радости, ни горя...» А вчера: — «Каждый свой день...» (люблю больше предыдущего и т.д.).

Может показаться, когда читаешь эти слова на бумаге, что говорит *горящий* жизнью, — нет, это бросается легко, созерцательно- <под строкой: повествовательно-> спокойно, почти небрежно.

Учитель чего? — Жизни. Прекрасный бы учитель, если бы ему нужны были ученики.

Вернее: читает систему Волконского (Xонского, как он произносит, уясняя Волхонку[40]) — когда мог читать — Жизнь.

(Музыка, запаздывающая на какую-то долю времени, последние солдаты не идут в лад, долгое дохождение до нас света звезд...)

Не поспевает за моим сердцем.

Жаловаться не стану,
Слово возьму в тиски.
С этой мужскою раной
Справимся по-мужски.

Даром сгорают зори,
А не прося за вход.
С этой верховной хворью
Справимся, как Восход.

Великолепным даровым пожаром
В который раз, заря, сгораешь даром?

На встречных лицах, нежилых как склеп,
В который раз ты побежден, о Феб?

Не доверяя бренной позолоте
Они домой идут — на повороте

Счастливые — что уж опять тела!
Что эту славу — сбросили с чела.

еды |
И в предвкушении любви | взаимной —
Домой — домой — домой — к печурке дымной...

Тáк, у подножья нового царя,
В который раз, душа, сгораешь зря?

Суббота
10го русск<ого> апр<еля> 1921 г.

Море — пляшущий погост.

Все женщины делятся на идущих на содержание и берущих на содержание. Я принадлежу к последним.

В старой женщине, берущей на содержание, неизбежная бескорыстность материнства.

Аля: — Смущенная улыбка Дьявола.

Я всегда любила одного за-раз, а на всех остальных — плевала.

Название для книги: — Версты — Ремесло.

Еда (змеи, гады) — Аля.

1ый день Пасхи.

Вот она, кротко раскрыла крылья
— Выпав из рук —
Страннолриимного дома книга:
Книга разлук.

Всех их чесала своей гребенкой,
Каждый был сыт.
Сколько имен в ней — нескромных, громких,
, простых.

<Оставлен пробел для одного четверостишия.>

Моя любовь (бесполезный пожар) к Волконскому доходит до того, что знай я подходящего ему — я бы, кажется, ему его подарила*).

Хорошо было бы, чтобы этот даримый утешал меня от В<олкон>ского.

И всего лучше бы — если бы они — после этого — оба перестали у меня бывать.

---

*) Подходящего или нет, но — подарила. Во всяком случае красивого и внимательного. Некто Эмилий Миндлин[41], из Крыма, 18 лет.

Выслушивать жизнь и устраивать судьбы. Занятие старой женщины. Но Судьба ведь тоже старая женщина.

Мой поток к В<олкон>скому твердо пошел по двум руслам: по руслу заботы (работы!), 2) по руслу стихов.

Я не только ничего не жду взамен, я даже и не знаю, есть ли для него я, т.е. доходит ли даваемое, а если доходит — связано ли со мной?

Приручение В<олкон>ского. Мало славы — если оно даже удастся. Приручаю ведь не собой: двумя ушами, которые слушают. (Я есмь — два уха: говорящий рот мой — уже не услышан.) Ведь ни одно слово мое в ответ не услышано.

Та́к его приручил бы каждый.

Если бы сумел.

Но, руку на́ сердце положа, кому кроме меня это могло бы понадобиться?!

Просто как путь, трудно как осуществление, гадательно как цель, безнадежно как исход.

Для заполучения его души нужна отрешенность — от себя и во многом — от него. Кто отрешен? Старики, но старик, отрешенный от себя, будет отрешен и от тебя (тем отрешен и от тебя).

Огню: не гори, ветру: не дуй, сердцу: не бейся. Вот что́ я делаю с собой.

— За—чем?! —

(Между этими записями по̀ток «Ученика».)

В<олкон>ский — точно хранитель <под строкой: арендатор> не хозяин <под строкой: владелец> своей души. Как нужно̆ думать — и своей Павловки[42].

Я знаю: не сердце во мне, — сердцевина
На всем протяженьи ствола[43].

4ый день Пасхи. В<олкон>ский читает Лавры[44] (предисловие и Италию). Жеманность Скрябина. П. Б-лин (?)[45]; перевод (оче-

видно, стихов). «Он был бы доволен». — Приглашение Али, ответ, подарки, башмаки, — *в гору.*

Законною женою Самозванца...
Невенчанной подругою Царя...

Аля: О Блоке и о лаве: красном отсвете, принимаемом за жизнь (26го апреля, когда он читал).

Князь и цыганка.
— Не могу на тебе жениться, потому что ты не княжна.
— Не могу за тебя выйти, потому что ты не цыган.
И — не смогши — живут, седеют.

Отношением к себе другого он не увлекался — миновал — но отношением к себе *своим* — увлекал — направлял.

(О В<олкон>ском)

О Марине:

Ещё вопрос: чего искала Марина Мнишек? (в честь которой я названа).

Власти несомненно, но — какой? Законной или незаконной?

Если первой — она героиня по недоразумению, недостойна своей сказочной судьбы. Проще бы ей родиться какой-нибудь кронпринцессой или боярышней и просто выйти за какого-нибудь русского царя.

С грустью думаю, что искала она первой, но если бы я́ писала...

(— то написала бы себя, т.е. не авантюристку, не честолюбицу и не любовницу: себя — любящую и себя — мать. А скорее всего: себя — поэта.)

<На левом поле, около последнего абзаца:> 1932 г.

И еще третья возможность: такая страстная ненависть к православию (вернее, такая страстная польскость), что русский трон только как средство ополячения России.

И возвращаясь к себе, с улыбкой: стремись я только к законной власти — ищи я только приключений — держи я в глазах только ополячение Руси — непременно — волей судéб (т.е. всей себя) я бы кого-нибудь из трех самозванцев[46] полюбила.

А м.б. и всех троих.

Точно мать мне это имя дала — как противоядие.

Дорогой С.М.

Это — document humain[47], не больше.

Могу, записав, оставить в тетрадке, могу вовсе не записывать. Важно, чтобы вещь была осознана — произнесена — внутри. Закрепление путем — даже вслух произнесенного слова — уже вторичное.

(Prière mentale.)[48]

А дальнейшее — из рук в руки (и́з уст — в уши) человеку — о, от этого так легко отказаться!

Ни один человек, даже самый отрешенный не свободен от радости быть чем-то (всем!) в чьей-нибудь жизни, особенно когда это — невольно.

Этот человек — Вы, жизнь — моя.

Это началось с первого дня как я Вас увидела: redressement[49] всего моего существа.

Как дерево — к свету, точнее не скажу.

Всё, что во мне было исконного, всё заметенное и занесенное этими четырьмя годами одинокой жизни — среди низостей и <пропуск одного слова> — встало.

Невольно — один за другим — отстали — отпали — внизу остались — все «друзья». Я стала я.

Это и значит — любить Вас.

(Письмо осталось в тетради.)

Когда я чувствую у себя на лбу — солнце, я ощущаю гордость.

— Путь к оправданию царедворчества.

Где? — Везде! — Ушла с солдатами...
(Душа)

Что ни вздох — из тела просишься:
Не живется в доме собственном!

Говорю С.М. о своем рожденном неумении гостить. Ряд доводов и примеров. Он, выслушав, тихонько:

— Я думаю, в Павловке Вы бы гостили...

«Вот другие пишут: входила няня — что-то приносила — выносила... Не знаю, я ничего такого не помню...»

Урезывая *сон* заставляет себя лежать до 10 ч. (очевидно чтобы в постели писать, п.ч. на столе — остатки вчерашней еды и т.п. — негде).

О моей переписке его рукописей.
— Прэлэстный труд. — В каком всё это у Вас порядке.
(Всё это — да, остальное — нет.)

(В промежутке стихи к Самозванцу[50], стихи Разлуки, — постепенность есть в Ремесле.)

Вы выпрямили мое отношение к Вам — незаметно — путем неслышанья и незамечанья всего, что Вам в нем было лишне.

Вы отравили мне всех моих сверстников и современников.

Я настолько не женщина, что всегда предоставляю любовную часть другому, как мужчина — бытовую: хочешь та́к, хочешь эдак, я в это дело не вмешиваюсь.

С Вами ум всегда насыщен, душа всегда впроголодь. Так мне и надо.

Мне часто хотелось Вас поцеловать — просто от радости, но всегда останавливал страх: а вдруг — обидится. Тогда я жалела, что мне не 8 л. как Але, или что я не Ваша любимая собака.

Твои
Запечатленные Кануном.
Я буду стариться, а ты
Останешься таким же юным.

Твои
Обточенные ветром знойным.
Я буду горбиться, а ты
Останешься таким же стройным...

Волос полуденная тень
Склоненная к моим сединам.
Ровесник мой, год в год, день в день —
Мне постепенно станешь сыном...

Нам вместе было тридцать шесть,
Прелестная мы были пара!
И кажется — надежда есть —
Что всё-таки — *не* буду старой![51]

Троицын день 1921 г.
(не вошедшие в Разлуку)

Дорогой С.М.

Сейчас я пережила один из самых сильных страхов моей жизни (исключая страх за чужую жизнь) — и по Вашему поводу. Все эти дни я была занята, не переписывала, совесть грызла, точно я совершаю низость, наконец сегодня, в 3 ч. ночи, докончив большое письмо Але — сажусь. Первое слово на белой равнине листа — и сразу облегчение. Переписывала с 3 ч. до $5^1/2$ ч. — пять страниц. Совсем светло. Радуюсь, что 5 стр<аниц> и что восход — и вдруг: где же I гл<ава>? Странно, что-то давно не вижу. Раскрываю одну папку — нет, другую — нет, перерываю шкаф от письм<енного> стола — нет, книжный шкафчик — нет, все книги на книжном шкафу — нет, постепенно леденею. Роюсь — уже безнадежно — в валиках кресла — нет, и сразу: «Ну да, конечно, — это Бог меня наказал за то, что я не переписывала и — с детства привычка — трижды: «St. Antoine de Padoue, faites-moi trouver ce que j'ai perdu...»[52]

И снова: стол, шкафы, вышки шкафов, папка, кресло, отодвигаю диван, ищу под подушкой — нет, нет и нет. И: никогда не поверит, что я только сегодня хватилась, уверен будет, что я нарочно затягивала переписку, чтобы дольше не сказать... Но что же я скажу? — Потеряла? — Но она в комнате. — Исчезла? — Он не верит в чудеса, да и я не верю. Да и как такую вещь сказать, каким голосом?

Вы никогда не поймете моего тихого ужаса. Если когда-нибудь теряли доверенную Вам рукопись — поймете, иначе — нет.

Сейчас 8 ч., я только что нашла. Чувство как после страшного сна, еще не верится.

Держу, прижав к груди.

Божья Матерь Казанская, спасибо!

(В тексте Б.М.К.Я.С.П. — расшифровала.)

Магдалина! На волю!
Смердит подполье!

Мутна вода!
Совесть просит и молит, а честь тверда:
Честь берет города.

Совесть в ножки бросается, бьет челом,
Лебезит червем...

———

Знаю исход:
Восход.

———

15го июня 1921 г.

———

Мне помнится: за   лосем
Бег —
Длинноволосым я и прямоносым
Германцем — славила богов.

———

(Перечень стихов Разлуки, кончая Ростком серебряным.)

———

Еще в дверях рассказываю С.М., что столько-то дней не переписывала — и почему не переписывала. — «С.М., Вы на меня *очень* сердитесь?»

Он, перебирая бахрому кресла, тихо:

— «Как я могу?.. Это было тако́е прекрасное цветение души...»

———

С.М.В.

— Ваш отец застал февральскую Революцию?

— Нет, только Государственную Думу[53]. (Пауза.) Но с него и этого было достаточно.

(с хищной улыбкой, змеиной)

———

Говоря об алфавитном указателе имен в конце Мемуаров:

— То же наверное ощущает мать, когда моет своему ребенку зубы.

———

Т<атьяна> Ф<едоровна> ему: — Как Вы поживаете? — Благодарствую. Когда солнце — всегда хорошо.

———

У В<олкон>ского стыдливость благодарности.

———

Моя любовь к нему, сначала предвзятая[54], перешла в природную: я причисляю его к тем вещам, к<отор>ые я в жизни

любила больше людей: солнце, дерево, памятник. И которые мне никогда не мешали — потому что не отвечали.

Письмо к Кузмину[55]
(написанное в тетрадку)

Дорогой М<ихаил> А<лексеевич>

Мне хочется рассказать Вам две мои встречи с Вами, первую в январе 1916 г., вторую — в июне 1921 г. Рассказать как совершенно постороннему, как рассказывала (первую) всем кто меня спрашивал: — «А Вы знакомы с Кузминым?»

— Да, знакома, т.е. он наверное меня не помнит, мы так мало виделись — только раз, час, и было так много людей... Это было в 1916 г., зимой, я в первый раз в жизни была в Петербурге[56]. Я дружила тогда с семьей К<аннегисе>ров (Господи, Леонид!)[57]. Они мне показывали Петербург. Но я близорука — и был такой мороз — и в Петербурге так много памятников — и сани так быстро летели — всё слилось, только и осталось от П<етербур>га, что стихи Пушкина и Ахматовой. Ах, нет: еще камины! Везде куда меня приводили огромные мраморные камины, — целые дубовые рощи сгорали! — и белые медведи на полу (белого медведя — к огню! — чудовищно!) и у всех молодых людей проборы — и томики Пушкина в руках — и налакированные ногти, и налакированные головы — как черные зеркала... (Сверху — лак, а под лаком д - - - к!)

О, как там любят стихи! В П<етербур>ге <пропуск одного слова> любят стихи. Я за всю свою жизнь не сказала столько стихов, сколько та́м, за две недели. И там совершенно не спят. В 3 ч. звонок по телефону. — Можно придти? — «Конечно, конечно, у нас только собираются». И так — до утра. Но Северного сияния я, кажется, там не видала.

— То есть...

— Ах, да, это не там Северное сияние, — Северное сияние в Лапландии, — там белые ночи. Нет, там ночи обыкновенные, т.е. белые, но как и в Москве — от снегу.

— Вы хотели рассказать о Кузмине...

— Ах, да, т.е. рассказывать собственно нечего, мы с ним трех слов не сказали. Скорее как видение...

— Он очень намазан?

— На—мазан?

— Ну, да: намазан: накрашен...

— Да не—ет!

— Уверяю Вас...

— Не уверяйте, п.ч. это не он. Вам какого-нибудь другого показали.

— Уверяю Вас, что я его видел в Москве, на —

— В Москве? Так это он для Москвы, он думает, что в Москве так надо — в лад домам и куполам, а в Петербурге он совершенно природный: мулат или мавр.

Это было так. Я только что приехала. Я была с одним человеком, т.е. это была женщина[58]. — Господи, как я плакала! — Но это неважно. Нý, словом, она ни за что не хотела, чтобы я ехала на этот вечер и потому особенно меня уговаривала. Она сама не могла — у нее болела голова — а когда у нее болит голова — а она у нее всегда болит — она невыносима. (Темная комната — синяя лампа <пропуск одного-двух слов> мои слезы...) А у меня голова не болела — никогда не болит! — и мне страшно не хотелось оставаться дома 1) из-за Сони, во-вторых п.ч. там будет К<узмин> и будет петь.

— Соня, я не поеду! — Почему? Я ведь всё равно — не человек. — Но мне Вас жалко. — Там много народу, — рассеетесь. — Нет, мне Вас очень жалко. — Не переношу жалости. Поезжайте, поезжайте. Подумайте, Марина, там будет Кузмин, он будет петь. — Да — он будет петь, а когда я вернусь, Вы будете меня грызть, и я буду плакать. Ни за что не поеду. — Марина! —

Голос Леонида: — М.И., Вы готовы? Я, без колебания: — Сию секунду!

Большая зала, в моей памяти — Galerie aux glaces[59]. И в глубине, через все эти паркетные пространства — как в обратную сторону бинокля — два глаза. И что-то кофейное. — Лицо. И что-то пепельное. — Костюм. И я сразу пон<имаю?>: Кузмин. Знакомят. Всё от старинного француза и от птицы. Невесомость. Голос чуть надтреснут, в основе — глухой, посредине — где трещина — звенит. Чтó говорили — не помню. Читал стихи. Запомнила в начале что-то о зеркалах (м.б. отсюда — Galerie aux glaces?). Потом:

Вы так близки́ мне, так родны́,
Что будто Вы и нелюбимы.
Должно быть так же холодны
В раю друг к другу серафимы.
И вольно я вздыхаю вновь,
Я *детски* верю в совершенство.
Быть может...

(большая пауза)
...это не любовь?..
Но та́к...
(большая, непомерная пауза)
похоже
(маленькая пауза)
и почти что неслышно, отрывая, а исходе вздоха:
...на блаженство![60]

Было много народу. Никого не помню. Нужно было сразу уезжать. Только что приехала — и сразу уезжать! (Как в детстве, знаете?) Все: — Но М.А. еще будет читать... Я, деловито: — Но у меня дома подруга. — Но М.А. еще будет петь. Я, жалобно: — Но у меня дома подруга (?). Легкий смех, и кто-то не выдержав: — Вы говорите та́к, точно — у меня дома ребенок. Подруга подождет. — Я, про себя: — Чорта с два! Подошел сам Кузмин. — Останьтесь же, мы Вас почти не видели. — Я, тихо, в упор: — «М.А., Вы меня совсем не знаете, но поверьте на́ слово — мне *все* верят — никогда в жизни мне так не хотелось остаться как сейчас, и никогда в жизни мне так не было необходимо уйти — как сейчас». М.А., дружески: — «Ваша подруга больна?» Я, коротко: Да. М.А.: — «Но раз Вы уж всё равно уехали...» — «Я знаю, что никогда себе не прощу, если останусь — и никогда себе не прощу, если уеду...» Кто-то: — Раз всё равно не простите — так в чем же дело?

— Мне бесконечно жаль, господа, *но* —

Было много народу. Никого не помню. Помню только К<уз>мина: глаза.

Слушатель: — У него, кажется, карие глаза?

— По-моему черные. Великолепные. Два черных солнца. Нет, два жерла: дымящихся. Такие огромные, что я их, несмотря на мою чудовищную близорукость, увидела за сто верст, и такие чудесные, что я их и сейчас (переношусь в будущее и рассказываю внукам) — через пятьдесят лет — их вижу. И голос слышу, глуховатый, которым он произносил это: «Но *та́к* — похоже...» И песенку помню, которую он спел, когда я уехала... — Вот.

— А подруга?

— Подруга? Когда я вернулась, она спала.

— Где она теперь?

— Где-то в Крыму[61]. Не знаю. В феврале 1916 г. т.е. месяц с чем-то спустя мы расстались. Почти что из-за Кузмина, т.е. из-за М<андельшта>ма, который не договорив со мной в Петер-

бурге приехал договаривать — в Москву. Когда я пропустив два (мандельштамовых) дня, к ней пришла — первый пропуск за годы — у нее на постели сидела другая: очень большая, толстая, черная[62]. — Мы с ней дружили полтора года. Ее я совсем не помню, т.е. не вспоминаю. Знаю только, что никогда ей не прощу, что тогда не осталась.

14го июня 1921 г. — Вхожу в Лавку Писателей, единственный слабый источник моего существования. Робко, кассирше: — «Вы не знаете: как идут мои книжки?» (Переписываю, сшиваю и продаю.)[63] Пока она осведомляется, я, pour me donner une contenance[64], перелистываю книги на прилавке. Кузмин: Нездешние вечера[65]. Открываю: копьем в сердце: Георгий! Белый Георгий! *Мóй* Георгий, которого пишу два месяца: житие. Ревность и радость. Читаю: радость усиливается, кончаю — <пропуск двух-трех слов>. Всплывает из глубин памяти вся только что рассказанная встреча.

Открываю дальше: Пушкин: *мой!* всё то, чтó вечно говорю о нем — я. И наконец Goethe, тот о котором говорю судя современность: Перед лицом Goethe —

Прочла только эти три стиха. Ушла, унося боль, радость, восторг, любовь — всё, кроме книжки, которую не могла купить, п.ч. ни одна моя не продалась. И чувство: О, раз еще есть *такие* стихи!..

Точно меня сразу (из Борисоглебского пер<еулка> 1921 г.) поставили на самую высокую гору и показали мне самую далекую даль.

Внешний повод, дорогой М.А., к этому моему письму — привет переданный мне от Вас Г-жой Волковой.

(Письмо оставшееся без ответа.)

(Стихи к Кузмину в Ремесле: Два зарева — нет, зеркала! — 19го р<усского> июня 1921 г.)

Глаза умирающих —

В прекрасную даль.
Мы им не товарищи,
Нас им не жаль.

Встреча с поэтом (книгой) для меня благодать ниспосылаемая свыше. Иначе не читаю.

Стихи о России
(Китеж-град или Версты)

Перечень
(в порядке написания)

(NB! Как хорошо, что *не* Китеж-град![66] Есть кажется в Париже такая книжная, а м.б. и гастрономическая русская лавка[67]. — 1932 г.)

Любить только женщин (женщине) или только мужчин (мужчине), заведомо исключая обычное обратное — какая жуть!

А только женщин (мужчине) или только мужчин (женщине) заведомо исключая необычное родное — какая скука!

И всё вместе — какая скудость.

Здесь действительно уместен возглас: будьте как боги!

Всякое заведомое исключение — жуть.

Трагедия голландского полотна платка, попавшего в круг сморкающихся в руку равна только трагедии сморкающейся руки, попавшей в круг голландского полотна платков.

Мое непревозмогаемое отвращение к некоторым своим стихам — прекрасным, знаю, но из мутных источников. Будущим до этого не будет дела, а мне дело — только до будущих.

Мужское во мне:

Боязнь обидеть поцелуем. Чувство: ты мне доверился, а я —. Так было с Володей Алексеевым[68], с которым ни разу — потому что действительно доверился. Чувство — после поцелуя — позорной победы, постыдного торжества. *Скука* победы.

Неумение, чтобы меня любили: нечего делать.

Я, кажется, всех мужчин превращаю в женщин. Хоть бы какой-нибудь один меня — назад — в свой <сверху: мой> пол.

(Ряд стихов о Георгии)

Аля: Отсутствие захваченности, одержимости, полнейшее отсутствие упора, отпора, перебарывания.

Сновидчество во всей его пассивности.

Безграничная художественная и душевная восприимчивость, но без выхода в действие.

—

Сны про С. Порода снов — новая.

Постель срывается. Несколько винтообразных кругов. — Не двор. — Чаща залы, лечу высóко, часть узнаю — из другого сна. — А! —

С. на постели, очевидно, госпиталя, стриженый, каким его в жизни никогда не видала (потом спросила Асю — стриженый!) и не представляю себе: бобриком, загорелый, не сон — он. В более ранних снах спрашивала, жив или нет. Никогда не отвечал, или — иносказательно. Сегодня (несколько снов: друг за другом — в одном сне (весь сон — минуты три)) уже не спросила. Не: его голос, глаза, улыбка, а — он, <фраза не окончена>. — М., Вы знаете, что М.И. Остен арестована? — А кто это? — Присутствующая Ася, укоризненно: — «М.! Ведь С. рассказывал!» Я: — Да, да! — Ее любил М<андельшта>м! Я: — Ну, если бы Вы знали, С., кого он здесь *не* любил!

Аля тоже здесь, входит, выходит. Помню ясно фразу, оканчивавш<ую?> чтó-то, что исчезло: — «всё — Марина!»

Не сон о человеке, а сам он. Помню как клонился, клонился ко мне, головой в колени. Говорил о боли в ноге (рана). Я ясно, явно, *ушами* во сне (*не* воображением, не переводом желаемого в <пропуск одного слова>, мыслимого в слышимое) *достоверно* слышала его голос, не ушами сна, а ушами дня. Просто: я сейчас видела и слышала С. Загар, худоба, кротость, стриженость. В белой рубашке.

Это — *особая* порода снов, я бы сказала — maximum дозволенной во сне — жизни (в отсутствии — присутствия). От сна — только закрытые глаза.

Часть сна: просыпаюсь, лежу на левом боку, свет, сердцебиение, поворачиваюсь на другой, покрываюсь одеялом с головой, зажимаю глаза, но сквозь сжатые ресницы — точно веки сняты — вижу: плэд с меня стягивают — толчек — срываюсь вместе с постелью. Несколько кругов по комнате, стена раздвигается, отвесный полет вниз. Я так привыкла к этому виду полета (непрерывности падения) что — с колокольни буду падать — не испугаюсь, т.е. испугаюсь точно так же как во сне: знакомо-испугаюсь. Падаешь — и не кончаешь, и знаешь, что не кончишь, не до-упадешь — и поселяешься в падении. Свыклась не сразу, через длинный ряд снов. Такие сны мне снились с 14 л. до $18^{\underline{ти}}$ л., перерыв на 8 лет. $26^{\underline{ти}}$ л., в 1919 г. начались опять, последние месяцы почти непрерывно: всё узнаю. Особен-

ность и отличие от всех других: мне не снится, что я лечу: я лечу. Сон — предлог, я бы сказала: законный предлог, не больше. (Чтобы мне сразу не перейти в разряд летающих на Брокен.) Никакой «фантастики». Никаких туманностей. Та же я, и удивляюсь так же, как в жизни, когда удивительно. Еще особенность: тонкая подделка пробуждения. Все мои жесты ведомы и подсказаны, напр. — на правый бок, покрыться. Но плэд снимают, *веки видят*.

Еще особенность: пусто́ты. Залы — без мебели, отвесы, геометричность. Цвет сероватый (как и в жизни, когда поглощенный одним, не обращаешь внимания: защитный цвет сосредоточенности). Под потолком — проволока. Часто — перила. Всегда заранее знаю, что сегодня так будет. Даже сейчас приготовила тетрадку и карандаш.

Я бы сказала так: — Каждую ночь я вижу С. Это бывает во сне.

Линия Благовещения:

Взгляд:

Она: раскрытые глаза, ожидание, <пропуск одного-двух слов> он хочет сказать, подымает глаза — остолбеневает — она от взгляда — потупляется, он сказал, она ничего не слышала.

Линия движения: при виде его она встает с колен, он преклоняется. — Встреча глаз. — Она — ниц, он — уже вестник — встает.

Я не сновидящий, у меня зоркий сон. *Я* глазами вгрызаюсь, не в меня вплывает. И сны так вижу — со всеми пятью чувствами (NB! в жизни у меня — одно, мои чувства во сне прозревают, в жизни они все, кроме слуха, бесконечно-притуплены, как сквозь вату, целую гору ваты. Та́к, могу долго держать горящий уголь, а держа бисеринку — ничего не чувствую, и запах чувствую только страшно-сильный, непереносимый для других, — точно ноздри заткнуты. О глазах говорить нечего — сплошной туман и сияние всех близоруких: звездные туманности на Смоленском рынке напр. Вкус? Никогда его не проверяла, тоже, наверное, третьесортный. Впрочем то же что с руками — не обжигаюсь: пью и ем огонь. (Нёбо — вторые руки.)

Но слух, слух, слух. Слух не прощающий *ничего*. Слух благодаря которому я так исступленно страдала раньше чем в детстве: в младенчестве: когда немка-бонна Августа Ивановна что-то высасывала из зубов, и позже — когда в Лозанне старшие ученицы — Magda и Martha — что-то напевали, в два голоса,

жирно и жаворочно-поднебесно. О, сжатые кулаки в ответ на *смех*. И полная беспомощность, ибо — кто поймет?)

Как другие продают на рынке — та́к я вижу сон.

Изобразительные искусства и слово.

Изобразительные искусства грубы́, точно берут за шиворот: гляди, вот я. Очевидность. Наглядность. Crier sa beauté sur les toits[69]. Никто не может сказать, что картины нет — раз ее видел. Кроме того, даже если человек картины *не понял*, то всё-таки видел — цветные пятна. Т.е. *глаз* его удовлетворен, ибо глазу большего не нужно, бо́льшее нужно — разуму.

А стихи? Восемь буквенных строчек. А Музыка? Пришпиленные блохи нот. Никакой красоты, никакого подкупа. Меня нужно понять — либо меня нет. Отсюда и <пропуск одного слова> беззащитность слова. И поэта.

Отрывок письма к Чаброву[70].

Алексей Александрович! Вечером мне уже недостает Вас, моему волнению — Вашего. Душа с двух раз — привыкла. Сейчас мне никто не нужен, все лишние. Моя пустыня заселена: кони, крылья. Но Вы са́м — из них. В Вас ровно столько человеческого, сколько мне сейчас нужно: меньше было бы скудно, больше — трудно. Когда я́ с Вами, я — впервые за́ три года — не делаюсь Вами, не расстаюсь с собой. Я, с Вами — одна в комнате, думаю вслух (как часто это делаю в жизни). (А! поймала себя: «в жизни» — стало быть это не в жизни? — Проверяю себя. — Не в жизни.) Думаю вслух, а о Вас — не думаю.

При моей 1) учтивости 2) хищности (а другого заполучаешь только *им же*. Я — по крайней мере. Наталья Гончарова, напр., Пушкина — собой. Как Лиля Брик — Маяковского. Собой, т.е. пустотой (красотой)) — итак: при моей учтивости и хищности это думанье вслух — всецело от Вас. При всем желании не могу сосредоточиться на Вас, п.ч. «на Вас» это уже — другой, а здесь, — ни меня ни Вас: одно́: — что́? (М.б. это и есть дружба? П.ч. любовь определенно *два*, двое — которые друг в друга ломятся и друг о друга расшибаются: рог о рог и лоб о лоб.)

Если двое, сговорившись идти направо, захотят обмануть друг друга, они оба повернут налево — и опять совпадут. (Мы.)

Отношение которое может изумительно изощриться. У нас с Вами, кажется, *одно мастерство*.

(Письма к С.М.В., это — к Чаброву и т.д. и т.д. — чувство, что в <фраза не окончена>

(Моя старая пятнистая советская тетрадь, из к<отор>ой переписываю, греется на солнце как старая черепаха или ящерица. И я рада за нее — как за старую черепаху или ящерицу.
— 10го июля 1932 г.)

Благовествующий час.
Полная чаша.
(Несколько попыток Благовещения)

О всеми ветрами
Колеблемый лотос!
Георгия — робость,
Георгия — кротость.
Очей ...
и влажных
Суровая — детская — смертная важность.

О — в мире чудовищ
Георгия — совесть,
Георгия — благость,
Георгия — слабость...

Ты блудную снова
Простивший жену...

— Так слушай же!

— *и после этих слов — письмо*

1го русск<ого> июля 1921 г.
в 10 ч. вечера
письмо от С.[71]
— Георгий Победоносец! — Бог! Все крылатые сонмы!
— Спасибо.

(NB! Всё это красным чернилом и вершковыми буквами.)

Когда из глаз твоих сиротских скроюсь —
Не плачь, дитя. — Тебе мальтийский пояс
Останется.

(NB! Настоящий: черный с золотыми терниями, и поныне у меня в корзине. — 1932 г. Шпага осталась между двух балок, на борисоглебском чердаке.)[72]

—

(Запись карандашом:)

Если от счастья не умирают — то — (какое-то слово пропущено, очевидно: наглядно, достоверно) — от счастья каменеют. Я закаменела. — Слёзы через три часа. — Два самых счастливых дня: 25го марта (Благовещенье) 1919 г. — и сегодня, 1ое русск<ого> июля (весь день мерещилось Благовещенье). С сегодняшнего дня — жизнь. Впервые живу. Всё время с 18го января 1918 г.*) висела в воздухе. — Краткие передышки: секунды получения письма. А последние месяцы — после ноября**) — уж совсем на облаке. Глядела в небо как домой.

—

— Письмо к С. —

Мой Сереженька! Если от счастья не умирают то — во всяком случае — каменеют. Только что получила Ваше письмо. Закаменела. — Последние вести *о* Вас, после Э<ренбурга>, от Аси: Ваше письмо к Максу. Потом пустота. Не знаю, с чего начать. — Знаю с чего начать: то чем и кончу: моя любовь к Вам. Письмо через Э<ренбурга> пропало — Бог с ним! я ведь не знала, пишу ли я *кому-нибудь*. Это было

(В тетради — неокончено)

—

Дальше беловики Георгия (О всеми ветрами...)

—

(Стихи: В сокровищницу полунóщных глубин[73], Возвращение Вождя, А девы — не надо[74], и С чужеземного брега, не вошедшее в Ремесло. А впрочем: С чужеземного брега — раньше, *до* письма, очевидно вписано спустя, для памяти, на первое свободное место, — ибо (всё красным) — лиловым чернилом:)

С чужеземного брега иль с облака
слышишь — слышь:
[...]
Через
Тем же голосом спящим тебе отвечаю: да!

---

*) день отъезда С. в Армию после командировки.

**) падение Крыма (узнала 1го ноября в Камерн<ом> т<еатре> на прем<ьере> Благовещенья Клоделя. Когда запели Интерн<ационал>, я одна, во всем театре, очень на виду (ложа прессы) *не* встала: не п.ч. не хотела, а п.ч. — НЕ МОГЛА).

С чужеземного брега иль с облака
смотришь — видь:
За изменой измена — кольца не сумела чтить
Но одно уцелело: мужская морская честь:
Тем же голосом медным тебе отвечаю: есть!

С чужеземного брега иль с облака
В благовещенский день мой, под
Устремив свою душу как птицу в пролет окна
Тем же голосом льстивым

(Очевидно — конец июня 1921 г.)

Я, седая бродяга...
(Тогда — не седая, но я всегда опережаю:
Тот чьи следы — всегда простыли,
Тот поезд, на который — все
Запаздывают...)[75]

...Каждый врозь и все дыбом
Под рукой нелюбимой.
Каждый вгладь и все долу —
Под любимой ладонью.

Аполлону на лиру
Семь волосиков вырву
С легким привкусом дыма,
С легким привкусом тмина...

Аполлону — на струны,
Птицелову — на сети...

(3го июля 1921 г.)

(Стихи. Жив и здоров! — Под горем не горбясь — Кома да, вскачь![76] — в последнем варианты:)

Спокойною рукою оправил китель
Команда: вплавь!
Пятидесяти кораблей Предводитель —
Георгий, правь!

и еще:

Спокойной рукою
Команда: вплавь!

Чтоб всем до единого им под портик
Софийский — правь!

Сны:

Лунная ночь. Южный большой город. Идем с Алей мимо вечернего празднества, очевидно морского корпуса. Костры — и под луной — некий торжественный церемониал. Церемониал в юморе. Похороны не-умершего (нарочные) — куплеты на заунывный лад — золотые треуголки под луной — маниакально-марионеточная точность движений: всё преувеличенно–в лад. Припев: — «А мы еще та́к можем — и та́к можем — и та́к можем...» (соответствующая замедленная жестикуляция). Торжественный гротеск. Обряд. Сворачиваем в сторону, я — Але: «Зрелище явно-беззаконное и контр-революционное: кортики, треуголки...» И — обомлеваю: — Аля! Перед глазами арка красного кирпича, старая, довременная какая-то, красная даже под луной*). Какой-то проход. И в арке, шагах в двадцати — татары. Четверо: белые балахоны, войлочные белые цилиндры, неподвижность. Один манит рукой: — «Красавица! Скажи мне!» В голосе и жесте — зазывание. Отступаем (медленно, как в жизни, когда боюсь). — «Так дочку нам свою оставь!» Чувствую в Алиной ладони ее бьющееся сердце. Крутой поворот, бежим. Женщина в пестром платке — трава — развалины. Мы здесь не шли, но бежим *обратно*. — «Татары!» Женщина, по инерции, еще несколько шагов — и, *услышав!* поняв! — падает. Бежим. Каменный ход под сводами. Бежим. Али не чувствую, только рука ее. Каменный топот татар. Ход сначала вниз, потом подымается, и снова вниз и вновь подымается, — и снова — и снова. Наконец понимаю: мы топчемся на одном месте! <Пропуск одного-двух слов>! Из последних сил — в бесчисленный раз — и — в боковую дверку и — на́ пол. Ванная детского приюта. Аля почти что без дыхания. Забиваемся в угол, на́ пол. Аля, одними губами: — «Умереть!» Сидим на полу. Окно: матовое. За ним — лестницей — тени подымающихся детей. Выжидаем. Тени — дальше. Но татары могут свернуть. Я — Але: — «Идем!» Она, с полузакрытыми глазами, в изнеможении: — Умереть. Беру за руку, молнией по лестнице. У закрытой двери — дама. — «Ради Бога — пустите — татары...» Она, не удивляясь: — Нельзя. — Куда-нибудь, хоть на полу... Я дочь профессора Цветаева, у меня билет Союза... Смягчается, ведет вверх. Приветливая

---

*) Такие арки и стройки видела в 1931 г. на Колониальной выставке[77].

клетушечка — débarras[78]. На кровати — хлеб. Сажает Алю в кресло, надевает ей шляпу, и мне шляпу. На моей какие-то надписи, письмена, женские имена на незнакомом языке. Шляпа мала, вдавливает мне ее и, певуче: — «Я их знаю, я у них была, они бы не вернули Вам Вашей дочери». — «Самый старый — самый ...?» — «Не—ет, он жалеет, он с ними и жалеет, он сопровождает... Какая хорошая девочка...» Отрезает кусок хлеба Але и мне. — «Их знают, их все знают... Какая красивая шляпа!» И, певуче — имя за именем — те неведомые имена. — «А это (кажется: Джалина) — они мне дали, та́к я у них звалась. Какая красивая шляпа!» Я, завороженно: — «Вы любуетесь — собой же!..»

———

Просыпаюсь, холодею. А ведь татары могли первые сообразить, что мы бежим по кругу — могли просто ждать — или — еще лучше! — пойти навстречу. Слава Богу, что я во сне этого не сообразила — это бы случилось. Особенность *моих* снов: подсказываемость — мною — событий*). Тем, что — предчувствую, тем — что боюсь, тем — что хочу — подсказываю. О, как я бы тогда испугалась — я бы умерла. Они бы ждали недвижно.

И они этого хотели: моего испуга. Они всё знали: и замкнутость хода, и бессмысленность бегства, и боковую дверку. Но пока я не испугалась возможности их явления навстречу — они явиться не смели — должны были бежать — и всегда на том же расстоянии. Всё дело было в моем страхе: а вдруг остановятся! Тайная игра. И проиграли — они.

Они не были убийцы. Они завораживали. Та которая у них *была*, с цветными шляпами, осталась завороженная, и сама завораживала, в ее голосе была любовь к нам. И — ведь сон оборвался — кто знает?..

Никогда не забуду: красная кирпичная арка, красная даже под луной, почти звенящая лазорь — и в белых балахонах — как древние каменные идолы — с одинаковым призывом правой руки — татары.

———

Каменщики. Ком-Ин-Терн. Немецкие песни. Прыжок в окно. — Не боюсь. — Беседа. — Папиросы. — Оказалась женщина.

———

*) Любопытно, что переписывая, мне хотелось вписать: «Автор моих снов — мой ясновидящий страх» и тут же читаю: «Особенность моих снов...» т.е. тот же ход мысли (и фразы) одиннадцать лет спустя. 1921 г.—1932 г.

И — внезапное допонимание:

Детский приют. — Молчаливая теневая лестница детей — ни звука! — «какая красивая девочка!» — завораживающесть существа — м.б. всё было предуказано <под строкой, после «преду-»: смотрено>! — и боковая дверка? М.б. мы, спасаясь от них — к ним же? И выиграли — они?..

— О! —

———

(Все сны — карандашом, спросонья, слепыми глазами. По горячему следу.)

———

Не на одной земле —
Одном стебле.

Не на одной земле —
В одном седле.

Не на одной земле —
Одном крыле!

7$^{\underline{\text{го}}}$ р<усского> июля 1921 г.

———

Не лавром, а тёрном
На царство венча́ный,
В седле — а крылатый!

Вкруг узкого стана
На бархате черном
Мальтийское злато.

иглы
Терновые — Богу
И другу — присяга.

Высокий загиб
Лебединый — и сбоку
Мальтийская шпага.

Мальтийского Ордена
Рыцарь — Георгий,
Не пьющий, не спящий,

Мальтийского Ордена
Рыцарь — Георгий,
На жен не глядящий.

Когда-то Дракона
Сразивший, а ныне
К широкому Дону

Горючей пустыней
К Тому под знамена
На помощь спешащий...

(Не кончено)[79]

Тихонько:
Рукой осторожной и тонкой
Распутаю путы:
Ручонки и звенья
Льняные — и поволоку амазонку
По звонким, пустым ступеня́м раздруженья...

Ручонки — и тенью
Летейскою поволоку амазонку
По звонким, пустым ступеням раздруженья...

Как черная Лета
С плечей моих льется
Одежда...

(Варианты — того[80], в Ремесле)

А той, что в петлицу тебе — в слезах —
Святой продевала знак,
Скажи: не чужая в моем дому, —
Что руку ей крепко жму.

А той, что в растерянный конский скок —
Широкой рукой — цветок,
Скажи — что доколе дыханье есть —
Что вечно он будет цвесть!

А пуговицы пришивающей — той —
Поклон от меня земной.

Старое письмо[81], заложенное на этом месте

Москва, 2го сентября 1918 г.

Милая Аля!

Мы еще не уехали. Вчера на вокзале была такая огромная толпа, что билеты-то мы взяли, а в вагон не сели.

Домой возвращаться мне не хотелось — дурная примета, и я ночевала у Малиновского[82]. У него волшебная маленькая комната: на стенах музыкальные инструменты: виолончель, мандолина, гитара, — картины, где много неба, много леса и нет людей, огромный зеленый письменный стол с книгами и рисунками, старинный рояль, под которым спит собака «Мисс» (по-английски значит — барышня).

Мы готовили с Малиновским ужин, потом играли вместе: он на мандолине, я на рояле. Вспоминали Александров, Маврикия, Асю, всю ту чудную жизнь[83]. У него на одной картине есть тот александровский овраг, где — ты помнишь? — мы гуляли с Андрюшей и потом убегали от теленка*).

Сейчас раннее утро, все в доме спят. Я тихонько встала, оделась и вот пишу тебе. Скоро пойдем на вокзал, встанем в очередь и — нужно надеяться, сегодня уедем.

На вокзале к нам то и дело подходили голодные люди, — умоляли дать кусочек хлеба или денег. Поэтому, Аля, ешь хорошо, пойми, что грех плохо есть, когда столько людей умирает с голоду. У Нади[84] будет хлеб, кушай утром, за обедом и вечером. И каждый день кушай яйцо — утром, за чаем. И пусть Надя наливает тебе в чай молоко.

Пиши каждый день, читай свою книгу, если придет кто-нибудь чужой, будь умницей, отвечай на вопросы. Поцелуй за меня Никодима и Таню[85], если их увидишь.

Целую тебя, Алечка, Христос с тобой, будь здорова, не забывай молиться вечером.

(Мой отъезд напоминает мне сказку про козу и козленят, — «ушла коза в лес за кормом...».)

Поцелуй за меня Ирине[86] ручку и самоё-себя в зеркало.

До свидания!

Марина

Кланяйся Наде.

Записи с моей стены

Сколь восхитительна проповедь равенства из княжеских уст — столь омерзительна из дворницких.

Внутренняя (жизненная) заражаемость при полнейшем отсутствии подражательности — вот моя жизнь и стихи.

---

*) Впоследствии «Красный Бычок».

Бог больше Мира, Мать больше ребенка, Гёте — больше Фауста. Стало быть мать Гёте — больше Гёте? Да, потому что — может быть — в ее недрах дремал нерожденный сверх-Гёте.

Ничтожен и не-поэт — тот поэт, жизнь к<оторо>го не поэма. — Опровергните!

(Для утверждения или опровержения нужно было бы сначала определить что такое поэма а главное не-поэма. 1932 г.)

Лбы стариков. — Победа Верха. — Триумфальный вход (свод) в Смерть (Бессмертье).

Не спать *для* кого-нибудь — да! (шить, переписывать)
Не спать *над* кем-нибудь — да!
Не спать *из-за* кого-нибудь — ну, нет!

Желая польстить царю, мы отмечаем человеческое в нем — дарование, свойство характера, удачное слово, т.е. духовное, т.е. наше.

Желая польстить *нам* цари хвалят: чашку из к<отор>ой мы их угощаем, <пропуск двух-трех слов> копеечного петуха в руках у нашего ребенка, т.е. вещественное, т.е. *их*(-нее), то, чем они так сверх-богаты.

Вся моя история с Волконским.

(Причем оба — неизбежно — всей осознанной недоступностью им — нашего, нам — ихнего — до гомерических размеров — усиливаем. Каждый до́ неба превозносит в другом — *свое*, данное тому в размерах булавочной головки.

— А м.б. — то́, в чем знает толк.

— А м.б.

<Оставлен пробел в две строчки.>

История В<олкон>ского с Н<иколаем> II (Фижмы)[87]. История Гёте с Карлом-Августом (любая биография Гёте, — его выход из дирекции Театра)[88].

— Та́к, начав со сходства основного, нападаю понемногу и на сходство внешних судеб, — которых, между прочим (*внешней* судьбы) — нет. Жизнь такая же проэкция внутренней судьбы — как лицо.

— Вы любите Гёте?

С.М.В., мечтательно: — «Нет — представьте себе! — никогда не любил... Он мне всегда казался таким холодным, бесстрастным...»

(— А себя бы ты — любил??)

Я, к С. — Я не знала, где Вы, но была там же где Вы, а так как не знала, где Вы, то не знала, где я — но я знала, что я с Вами.

Стахович[89] был барственен, В<олкон>ский царственен: все повадки: точность приходов (однажды, в проливной дождь, я, потрясенная, глазам своим не веря: — «С.М. Вы?!» — «Я же сказал...» — «Но...» — «Это так освежает... Я всегда отлично чувствую себя в природе, во всех ее проявлениях (с хищной улыбкой:) чего не могу сказать (не улыбка, а змея: и, тихим шипом:) ...о человеческом обществе...»

Итак: точность приходов, вычеркиванье человека из жизни как только не простился перед отъездом (привычка к царедворцам), глаз на красивые мелочи быта (тарелка, застежка на кушаке), незамечание бытовых изъянов, доверчивая занятость — озабоченность — поглощенность собой, полнейшее равнодушие к (отрицательной) обстановке (<пропуск двух-трех слов> — со мною!) романтическая любовь к неожиданностям. Так, Революция, уничтожившая буржуазию, его и не коснулась: приключение. И, пожалуй, в глубине души — лично за себя — тайно — рад.

Ночь: (вслепую, карандашом, — очевидно электричество у нас так и не загорелось)

С ужасом думаю о притуплении чувства за последние годы, — не любовного (брезгую!) — *жалости*. Между мной 18 л. и мной 28 л. в этом <пропуск одного слова> — бездна, а мною 8 л. и 28 л. — несоизмеримость. Точно творческая сила (умение всё проявить: уверенность со всем справиться) съела и это. Только сон (сновидение) возвращает. И С.

Нет. Просто Бог опомнился и дал *первый слой кожи*. (1932 г.)

Уехал | на последнем корабле
Последним — |
— Удар крыла! — взлет крови — междометье —
И поворотом памяти — к тебе —
Туда — в твое восемнадцатилетье.

Лепечущим младенчеством зыбей
Эвксинских — высь ! Лавром
Обласканная. Взор, благоговей:
Мы снова на листе заглавном.

Земля высокомерная! Ступню
Отталкивающая как ладонью!
Когда ж опять на грудь твою | ступлю
тебе |
Заносчивой пятою амазоньей, —

Сестра высокомерная! Шагов
Не помнящая!
Земля, земля Героев и Богов —
Амфитеатр моего Восхода!

Тебя пою, пергаментная сушь
Высокодышащей земли Орфея!

Кормилица Героя и орла...
[...]
Лишь оттиск берегущая крыла —
Земного не приемлющая следа...

Смерть Блока. Стихи к Блоку.

Чрево, ужель не узнало — чада?

Единственный случай совпадения протокола и легенды: Жанна д'Арк.

Не потому сейчас нет Данта, Ариоста, Гёте, что дар словесный меньше, — нет: есть мастера сло́ва — большие. Но те были мастера́ *дела*, те жили свою жизнь, а эти жизнью сделали писание стихов. Оттого *та́к* — над всеми — Блок. Больше, чем поэт: человек.

(Верно и спорно, но оспорить могла бы только я же.)

Прямо в эфир
Вьется тропа.
— Остановись!
Юность слепа.

Ввысь им и ввысь!
В синюю рожь!
— Остановись! —
В небо ступнешь![90]

<Справа, напротив стихотворения, поперек страницы:> NB! Если бы критики вместо зачем и почему (написано) отмечали бы такие вещи как:

Прямо в эфир
Вьется тропа.

(Ich will nicht länger
Am Boden hocken!
Lasst meine Kleider!
Lasst meine Locken!
Lasst meine Hände —
Sie sind ja mein!)[91]

(Стихи Отрок, Огнепоклонник)[92]

По мановенью горят, гаснут

Гляну — горят, отвернусь — гаснут...

Дай уголек проглочу на́-смех...
(кому? себе, над собой же)

14го р<усского> авг<уста> 1921 г.

Письмо к Ахматовой
(После смерти Блока)

Дорогая Анна Андреевна! Мне трудно Вам писать. Мне кажется — Вам ничего не нужно. Есть немецкое слово Säule[93] — по-русски нет — такой я Вас вижу: прекрасным обломком среди уцелевших деревьев. Их шум и Ваше молчание — что́ тут третьему? И всё-таки пишу Вам, потому что я тоже дерево: бренное, льну к вечному. Дерево и людям: проходят, садятся

(мне под тень, мне под солнце) — проходят. Я — пребываю. А потом меня срубят и сожгут и я буду огонь. (Шкафов из меня не делают.)

Смерть Блока. Еще ничего не понимаю и долго не буду понимать. Думаю: смерти никто не понимает. Когда человек говорит: смерть, он думает: жизнь. Ибо, если человек, умирая, задыхается и боится — или — наоборот — <пропуск одного слова> то всё это: и задыхание — и страх — и <пропуск одного слова> жизнь. Смерть — это когда меня *нет*. Я же не могу почувствовать, что меня нет. Значит, своей смерти нет. Есть только смерть чужая: т.е. местная пустота, опустевшее место (уехал и где-то *живет*), т.е. опять-таки жизнь, не смерть, *немыслимая* пока ты жив. Его нет *здесь* (но где-то *есть*). Его *нет* — нет, ибо нам ничего не дано понять иначе как через себя, всякое иное понимание — попугайное повторение звуков.

Я думаю: страх смерти есть страх *бытия в небытии*, жизни — в гробу: буду лежать и по мне будут ползать черви. Таких как я *и поэтому* нужно жечь.

Кроме того — разве мое тело — я?*) Разве *оно* слушает музыку, пишет стихи и т.д.? Тело умеет только служить, слушаться. Тело — платье. Какое мне дело, если у меня его украли, в какую дыру, под каким камнем его закопал вор?

Чорт с ним! (и с вором и с платьем).

Смерть Блока.

Удивительно не то, что он умер, а то, что он жил**). Мало земных примет, мало платья. Он как-то сразу стал ликом, заживо-посмертным (в нашей любви). Ничего не оборвалось, — отделилось. Весь он — такое явное торжество духа, такой воочию — дух, что удивительно, как жизнь вообще — допустила? (Быть *так* в нем — разбитой!)

Смерть Блока я чувствую как вознесение.

Человеческую боль свою глотаю: для него она кончена, не будем и мы думать о ней (отождествлять его с ней). Не хочу его в гробу, хочу его в зорях. (Вытянувшись на той туче!)

---

*) Десять лет спустя, в 1931 г., у Эпиктета читаю: <Цитата не вписана.>

**) Впоследствии, точь-в-точь, слово в слово о Р<ильке> (Твоя смерть). Повторение не мысли, а явления, однородную мысль вызывающего. Недаром я Блока ощущаю братом Р<ильке>, его младшим в святости — и мученичестве. Знаю, что из *всех* русск<их> поэтов Р<ильке> больше всего любил бы Блока.

Но так как я более человек, чем кто-либо, так как мне дороги все земные приметы (здесь — священные), то нежно прошу Вас: напишите мне *правду* о его смерти. Здесь дорого всё. В Москве много легенд, отталкиваю. Хочу правды о праведнике.

Моя Радость!*) Жизнь сложна. Рвусь, п.ч. теперь знаю, что жив — 1го июля письмо, первое после двух лет молчания. Рвусь — и весь день обслуживаю чужих. Не могу жить без трудностей — не оправдана. Чувство круговой поруки: я — здесь — другим, кто-то — там — ему**). Разговоры о том, как и что «загнать», сумасшедшие планы, собственная зависимость и беспомощность, чужие жизни, к<отор>ые нужно устраивать, ибо другие еще беспомощнее (я, по крайней мере, веселюсь!) целый день чужая жизнь, где я м.б. и не так необходима. Сейчас у меня живут двое[94]. Целый день топлю, колю, кормлю. Недавно — случай. Отупев и озверев от вечного варенья каш, прошу одного из своих — как бы сказать? — неуходящих гостей поварить за меня — раз всё равно сидит и глядит в огонь — той же печки. И, изумленная гениальной простотой выхода, иду в свою комнату писать. — Час или сколько? — И вдруг: запах, сначала смутный, т.е. не доходящий до сознания, верней доходящий как легкая помеха: чем-то гадким (но когда же — за годы — хорошим??). Запах (а м.б. сознание) усиливается. Резко. Непереносимо. И — озарение: что-то горит! И — уже откровение: кастрюля горит, сама, одна!

Вбегаю в столовую (как прежде называлось, ныне — лесопильня и каменоломня, а в общем пещера).

У печки, на обломке, мой кашевар.

— Чтó это? — Мечтательный взмах палестинских глаз. — «Я не знаю». — Да ведь — каша горит! Всё дно сгорело! Да ведь каши-то уж никакой и нет, всё сгорело, всё, всё! — Я не знаю: я мешал. — А воды не подливали? — «Нет. Вы не сказали. Вы сказали: мешайте. Я мешал». В руке — обломок, верней останок ложки, сгоревшей вместе с кашей и кастрюлей — у него в руке.

Сидел и мешал.

О том же М<индли>не (феодосийский семнадцатилетний *женатый* поэт). В<ольkenш>тейн с еще кем-то, проходя ко мне:

*) Почему мои радости всегда были горькие и далекие? 1932 г.

**) <Примечание не вписано.>

— Всё как следует. И дежурный варит кашу.

(Он-то — «дежурный» — в другом смысле, а я — как солдат, деньщик.)

Пишу урывками — как награда. Стихи — роскошь. Вечное чувство, что не вправе. И — вопреки всему — благодаря всему — веселье, только не совсем такое простое — как кажется.

Посылаю Вам шаль.

— Аля, послать Ахматовой? — Конечно, Марина! Вы породы шальнóй, а не шáльной. — Дорогая моя шáльная порода, носите, если понравится[95]. Я для Вас не только шаль — шкуру с плеч сдеру!

Целую нежно. Пишите

МЦ

17го р<усского> авг<уста> 1921 г.

(Эгоцентризм письма, происходящий не от эгоизма, а от бесплотности отношений: Блока видела три раза — издали — Ахматову — никогда. Переписка с тенями. — 1932 г. И даже не переписка, ибо пишу одна.)

(Стихи: Виноградины тщетно в саду ржавёли[96] — Сивилла (Горбачусь — из серого камня — Сивилла)[97]. Первая сцена Давида[98], к<отор>ую перепишу в отдельную тетрадь отрывков и замыслов[99].)

Под музыку.

Страшное ослабление, падение во мне эмоционального начала: *воспоминание* о чувствах. *Чувствую* только во сне или под музыку. Живу явно-рациональным началом: *душа* стала разумной, верней разум стал душой. Раньше жила смутой: тоской, любовью, жила безумно, ничего не понимала, не хотела и не умела ни определить ни закрепить. Теперь малейшее движение в себе и в другом — ясно: отчего и почему.

Выбивают меня из седла только музыка и сон.

Аля: — Марина! Я подметала и думала о евреях. Тогда — из тысяч тысяч — поверил один, теперь — Ленину и Троцкому — на тысячу вряд ли один не поверит.

— Аля! Вся Библия — погоня Бога за народом. Бог гонится, евреи убегают.

(Сплошные пласты Саула.)[100]

К Ахматовой[101]:
(в ответ на *упорный* слух о ее смерти)

Соревнования короста
В нас не осилила родства.
И поделили мы так просто:
Твой — Петербург, моя — Москва.

Блаженно так и бескорыстно
Мой гений твоему внимал
На каждый вздох твой рукописный
Дыхания вздымался вал

Но вал моей гордыни польской —
Как пал он! С златозарных гор
Мои стихи как добровольцы
К тебе стекались под шатер...

Дойдет ли в пустоте эфира
Моя лирическая лесть?
И безутешна я, что женской лиры
Одной, одной мне тягу несть.

30го авг<уста> 1921 г.

Письмо к Ахматовой[102]

31го р<усского> авг<уста> 1921 г.

Дорогая Анна Андреевна! Все эти дни о Вас ходили мрачные слухи, с каждым часом упорнее и неопровержимей[103]. Пишу Вам об этом п.ч. знаю, что до Вас всё равно дойдет, — хочу чтобы по крайней мере дошло верно. Скажу Вам, что единственным — с моего ведома — Вашим другом (друг — действие!) среди поэтов оказался Маяковский, с видом убитого быка бродивший по картонажу Кафэ Поэтов. *Убитый горем* — у него, правда, был такой вид. Он же и дал через знакомых телегр<амму> с запросом о Вас, и *ему* я обязана второй нестерпимейшей радостью своей жизни (первая — весть о С., о к<отор>ом я ничего не знала два года). Об остальных (поэтах) не буду рассказывать, — не п.ч. это бы Вас огорчило: кто они, чтобы это могло Вас огорчить? — просто не хочется тупить пера.

Эти дни я — в надежде узнать о Вас — провела в кафэ поэтов — что́ за уроды! что за убожества! что за ублюдки! Тут всё: и гомункулусы, и автоматы, и ревущие быки, и ялтинские проводники с накрашенными губами.

Вчера было состязание: лавр — титул *соревнователя* в действительные члены Союза. Общих два русла: Надсон и Маяковский. Отказались бы *и* Надсон и Маяковский. Тут были и розы, и слёзы, и трупы, и пианисты, играющие в четыре ноги по клавишам мостовой (NB! знаю я этих «пианистов», просто — собаки! NB! паршивые), и «монотонный тон кукушки» (та́к начинался один стих), и поэма об японской девушке, которую я любил (тема Бальмонта, исполнение Северянина)

Это было у моря,
Где цветут анемоны...

И весь зал, хором:

Где встречается редко...
Городской экипаж[104]

Но самое нестерпимое и безнадежное было то́, что больше всего ржавшие и гикавшие — САМИ ТАКИЕ ЖЕ, — со вчерашнего состязания.

Вся разница, что они уже поняли немодность Северянина, заменили его (худшим!) Шершеневичем.

На эстраде Бобров, Аксёнов, Арго (громадный ражий детина вроде мясника), Грузинов. — Поэты. —

И — шантанный номер: крохотный — с мизинчик! — красноармеец (красноармейчик) вроде Петрушки, красная <рисунок шапки> шапка (каж<ется> — шлык!) лицо луковицей.

— Товарищи! А я вам расскажу, как один прапор справлял имянины! (Руки — рупором:) — Матрёшка! Коли гости придут — не принимать, нет дома.

Кто-то из жюри, вежливо: — «Позвольте, товарищ! Да ведь это анекдот».

— Матрё—ёшка!!

— Здесь стихи читают.

И красноармеец: — «Довольно нам, товарищи, катать на своей спине бар! Пусть теперь баре нас покатают!»

И я, на блок-ноте, Аксёнову: — «Господин Аксёнов, ради Бога — достоверность об Ахматовой. (Был слух, что он видел Маяковского.) Боюсь, что не досижу до конца состязания».

И учащенный кивок А<ксёно>ва. Значит — жива.

Дорогая Анна Андреевна, чтобы понять этот мой вчерашний вечер, этот аксёновский — мне — кивок, нужно было бы знать три моих предыдущих дня — *несказáнных*. Страшный сон: хочу проснуться — и не могу. Я ко всем подходила в упор, вымаливала Вашу жизнь. Еще бы немножко — я бы словами сказала: — «Господа, сделайте тáк, чтобы Ахматова была жива». Я загадывала на Вас по Библии — вот: Le Dieu des forces...[105] Утешила меня Аля: — «Марина! У нее же — сын!» (Скажу еще одно — спокойно: после С. и Али Вы мое самое дорогое на земле. Такого восторга как Вы мне не дает никто.)

Вчера после окончания вечера просила у Боброва командировку: к Ахматовой. Вокруг смеются. — «Господа, я Вам десять вечеров подряд буду читать бесплатно — и у меня всегда полный зал!» Эти три дня (*без Вас*) для меня Петербурга уже не существовало, да чтó — Петербурга... Эти дни — *Октябрь* и *Перекоп*. Вчерашний вечер — чудо: Стала облаком в славе лучей[106]. На днях буду читать о Вас — в первый раз в жизни: питаю отвращение к докладам — но не могу уступить этой чести другому[107]. Впрочем всё что я имею сказать — осанна! Не «доклад», а любовь.

Тó, что скажу, запишу и привезу Вам. Привезу Вам и Алю.

Кончаю — как Аля кончает письма к отцу:

Целую и низко кланяюсь.

МЦ.

Луна несет с собой пустыню.

Ночь — жертвенная, стихия совести. Стояние над могилой: мало любил!

Не надо работать над стихами, надо чтоб стих над тобой (в тебе!) работал.

Высокодышащая грудь земли.

Ветер потерь.

(Пласты Саула. Стих к Маяковскому — тот, что в Ремесле — очевидно в благодарность за Ахматову.)

Не обольстись личиною спокойной:
Я Ревность, зажигающая войны.

Не доверяй потупленной рабе:
Лишь в первый день служанка я тебе!

Еще   угождаю,
А уж родные шепчутся: чужая!

Уже звонят во все колокола —
А я еще очей не подняла!

А подняла —
Чтó не узнал троянскую проказу?

Если я на тебя смотрю, это не значит, что я тебя вижу!

(Я — всем.)

12го русск<ого> сентября 1921 г.

Если я на тебя смотрю, это значит, что я тебя не вижу, — видела бы (доходило бы до сознания) — не смотрела бы. (1932 г.)

На людей я смотрю только глубокó задумавшись, т.е. *ничего* не видя: т.е. совершенно бессмысленно, безмысленно, именно как бык на новые ворота.

Ничего не видя, но всё-таки смутно отвращаясь как никогда не отвращаюсь от телеграфного столба или острия колокольни. *Быстро* отвращаясь (просыпаясь).

(1932 г.)

Аля: — Марина! Скажите мне какого-нб. художника, который рисовал каррикатуры.

Я, неуверенно: — Гойя?

— Марина, если бы Гойя прошел по этим улицам и видел озабоченность, с какой здесь везут тележку с пайком и беспечность, с какой везут гроб с покойником!

Революция уничтожила в русской орфографии женский род: райские розы. Равноправие, т.е. *будь мужчиной* — или совсем не будь!

Аля: — Марина, я иногда люблю вдыхать запах до крайности, пока что-нб. насильно не оторвет.

Сегодня была минута, когда у меня на спине (горбу) сидели три кошки: сначала Грэ́гори, потом присоединился Лемур и, наконец — Хиту́. И все — сами! К моему великому ужасу, ибо

еще секунда — и я осталась без глаз. (Со спины естественно перешли повсюду: ожерельем.)

Дурак, вошедший бы в эту минуту, назвал бы это стилизацией, еще бо́льший дурак — стилем. (Как Ш-ро, напр., узнавший, что я ем одни бобы — NB! последнее в пайке, ибо всё остальное пожирается и отдается сразу — сказал, что это «стильно».) А я называю — напастью. Кошки меня *изумительно* любят (чуют мою беспомощность, неумение вовремя сбросить).

Около $15^{го}$ русск<ого> сент<ября> 1921 г.

Аля $18^{го}$ русск<ого> сент<ября> 1921 г.

— Марина! Какое блаженство — быть кошкой и любимой!

— Марина! А у советских работников — бог *обедов?*

(В ответ на мои стихи:

Бью крылом
Богу побегов[108])

(Ряд стихов «Ханский полон».)

Аля, мне:

— Вы похожи на фантастические фигуры в моей азбуке: икс-игрек!

(Я в Сережиной куртке — и шали.)

Аля, $26^{го}$ р<усского> сент<ября> (мой день рождения — 29 лет и Сережин — 28 лет)

— М., как я рада, что у меня большие ноги! Большая нога — это твердость и быстрость. У римских полководцев, напр., у спартанцев.

Дарю Але «Герои древности» для развития в ней доблести, и что же? — любимцем оказывается Алкивиад.

Моя обувь и Алины глаза — вот все наши козыри. — Вопиют.

Как жимолость вкруг дуба обвилась,
Как водоросль льнет к Леандру Геро.

Брал города,
Статен и бел…

Конь мой! Куда
Всадника дел?

...Месяц мой новый,
Кинжал кривой!
К конскому кову
Клонюсь травой...

С самого краю
Теперь — трава

<Оставлен пробел в две строки.>

В 1918 г. я *уже* ходила, а в 1921 г. *еще* хожу в мужской обуви. (Тогда *еще*, а теперь *уже* никто.)

С первого дня революции (28го февраля) я уже знала: всё пропало! и поняв, не сопротивлялась (NB! не отстаивала).

Низенькие окошки, за которыми такие огромные глаза. (Заставы.)

Але суждено воскресить древних богинь.

Сейчас одежда создает форму, тогда — тело под одеждой.
(Проще: сейчас одежда создает тело, тогда тело — одежду.)

Удивительное чутье Али жеста при ненависти к театру. Изображает: Диану над Эндимионом, стража бодрствующего, стража спящего, женщину которая увидела богиню. В Але есть начало статуи.

(Теперь — одиннадцать лет спустя — как сбылось! И внешне, и внутренне. И как я об эту статуарность — ежечасно и бесполезно — *бьюсь.*) (1932 г., июль)

Алина история про голого герцога:
Очень мрачный и совершенно голый герцог расхаживал по своей земле. Встречается поселянин. Поселянин его спрашивает: — Тебе не холодно? — Нет. А твоему лицу — холодно? — Нет. — Так знай, что я весь — лицо.

И молча, торжественными шагами, направляется к своему замку.

(рассказывала С.М. Волконскому)

— «М.! Ведь я Вам подстилаю пеленку!» Я, сраженная ее великодушием: — «Нет, нет, Алечка, спасибо, а ты́ на чем будешь спать?» Аля: — А я тоже на пеленке, — ведь у нас *две!*

(3го русск<ого> окт<ября> 1921 г.)

Гордость и робость — розные сестры
Над колыбелью, дружные, встали.
— Лоб запрокинув! — гордость велела.
— Очи потупив! — робость шепнула.
Так прохожу я — очи потупив —
Лоб запрокинув — Гордость и Робость[109].

3го русск<ого> окт<ября> 1921 г.

(Блаженны дочерей твоих — Семеро, семеро — Уже богов — не те уже щедроты — Тщетно, в ветвях заповедных кроясь... — Сколько их, сколько их ест из рук — Богиня Верности[110] — С такою силой в подбородок — руку (4го—11го окт<ября> 1921 г.).)

Пожелайте мне доброй дороги,
Богини и боги![111]

Постель, сопротивляющаяся человеку: еженощное борение Иакова (то, на чем с Алей спим).

Всё раньше всех: Революцией увлекалась 13^{ти} л., Бальмонту подражала 14^{ти} лет, книгу издала 17^{ти} л.

— и теперь — 29 л. — (только что исполнилось!) окончательно распростилась с молодостью[112].

Только плохие книги — не для всех. Плохие книги льстят слабостям: века, возраста, пола. Мифы — Библия — эпос — для всех.

Алино двустишие:

Жалоба Нереид

О Фаэтон, о многосмелый гость,
Сын Гелиоса и Океаниды...

(Стихи: Молодость моя! Моя чужая! — Варианты:)

О насколько ты
— Милая! — меня была моложе.

———

Ты́ волос закручивала кольца,
Ты́ ресниц оттачивала стрелы.
Строгие уста давая — ско́льким?
За чужие я грехи терпела

———

Выжила шального постояльца!
Молодость моя — сдалась насилу!
Так дитя, на дальние светила
Изумясь, кольцо роняет с пальца

———

Выжила шального постояльца!
Голая стою — глаза раскрыла.
Так дитя, на дальние светила
Изумясь, кольцо роняет с пальца.

———

Отрешенная женщина легче сходит с пути.
(а м.б. — и с ума. 1932 г.)

———

Чем отрешеннее женщина — тем легче сходит с пути. Душа терпимее инстинкта. Кроме того, инстинкт *не* обманывает (NB! душа только и делает, что) и *может быть* еще труднее найти себе настоящего любовника чем настоящего друга.

———

5го ноября 1921 г., по старому.

———

(Стихи: Молодость — Муза (Ни грамот ни праотцев)
Вариант: Чем ближе — тем призрачней,
А рядом — как за́ морем!
Скоро уж из ласточек в колдуньи — Без самовластия, с полною кротостью.)

———

NB! Упала ресница — *будет* письмо от С. Ресница — огромная!

———

Варианты из «Без зова, без слова»[113]

Не слышишь как свищет
Твоя роковая метель.
Какая из тысяч
Качает твою колыбель?

———

Надбровного свода
Всё та ж роковая дуга...
Над сальной колодой
Захожая медлит судьба...

Червонный — бубновый...
[...]
Чепца кружевного
Как тернии падает тень...

Надбровные своды
И глаз синеватый свинец

NB! Для Записной Книги:

Тело насыщаемо, душа — нет. Поэтому тá любовь — островами, соединенными (разъединенными!) пустотой (океана, т.е. одиночества) неминуемо гибнет.

Обкормишь — сдохнет. (Это до меня лучше сказал Ростан

Car l'amour — ô étrange et   nature! —
Vit d'inanition et meurt de nourriture[114]

(NB! о Казанове однако этого не скажешь)) —

И даже досыта кормить нельзя, ибо долго не захочет. Дразнить или голодом или приправами (1001, но не больше!). И в итоге, тáк или иначе, — раз тело всё равно сдохнет! — Да раньше: при первой болезни <фраза не окончена>

Снисхожу *до*, снисхожу, но не дома в ней, всегда недоумеваю: зачем? Уж поистине: *в никуда*. Как в стену.

Где старец тот Осип
С девицею свет-наш-явлéн?
Звезда-моя-россыпь,
Которая — в Град Вифлеем?

Орфей и Офелия — вода. —

(Стихи к Блоку: Как сонный, как пьяный, — Так плыли: голова и лира)

Я знаю, что это — ложь.
(Опять, вероломный, водишь!)

Есть улица, где живешь,
Земля, по которой ходишь.

Та́к, Господи, и мой обол — и т.д. весь конец стихов к Блоку.

1918 г. — Разгул Развала
1921 г. — Развал Разгула

О Морфее, посещающюем только царей и героев.

Здесь будущее в легкой дреме,
Там выбывшего — легкий прах...
Блаженная! что скажешь, кроме:
— Благословенна ты в женах!

(Стихи Вифлеем)

Аля: — Доглядеть сон про Блока.

За последние годы я ставлю встречи та́к, что меня заведомо-нельзя любить, предпосылаю встрече — невозможность, — которой *нет* и есть только в моей предпосылке, *которая есть моя предпосылка.* — Не по воле, это делает всё во мне: голос, смех, манера: *за* меня.

Меня любил бы Платон.

(Стихи к сыну Блока, в Ремесле[115] — Подруга[116])

...
Над своим сироткою,
Богородица моя,
Робкая и кроткая!

— И ты родишь Царевича ему...

Другая нам — синейшая — Нева!

Только через живую женщину с ребенком на руках я могу ощутить (полюбить) Богоматерь. Слишком мешают (охладили, отдалили) — картины.

Ангелы не голубые, а огненные. Крылья — не легкость, а тяжесть (сила).

И может быть я новое скажу
Об ангельской любови.

Экскурсии — экспедиции... Мне — Золотое Руно!

Дорогая Н<адежда> А<лександровна>[117], я всё ждала, что Вы придете, во вторник говорила: в среду, в среду: в четверг... Но уж неделя прошла, как мы были у Вас с Алей. Вы никогда не придете.

Молодой человек, имени которого я не знаю, передал мне Ваши слова, из которых я поняла, что я Вами внутренне принята. М.б. сейчас Вам в Вашей жизни ничего не нужно нового, новое всегда — чужое, тогда пусть так и останется.

Я очень робка.

(Предыдущий абзац в скобках, очевидно я решила предпосылку невозможности — отставить.)

Мне бы очень хотелось Вас видеть и именно чтобы Вы́ ко мне пришли, я так часто эти дни глядела на дверь и думала: как это будет? и всё слушала шаги — как некое чудо, которого ждала и не дождалась.

Я бы Вам тогда дала новые стихи, захватите книжечку.

Но м.б. Вам сейчас в Вашей жизни ничего не нужно нового, новое всегда — чужое, тогда пусть так и останется.

Стихи я Вам тогда пришлю письмом.

МЦ

— На случай, если бы Вам захотелось придти, прошу, напишите заранее несколько слов, чтобы я наверное была дома.

Адр<ес> мой: Борисоглебский пер.

д. 6, кв. 3

Запись С. (очень молодая, лет 18ти, 19ти — черновая, в к<отор>ой пишу — его):

Есть люди и люди. Одних мучают вопросы: что́ есть Бог, что́ есть вселенная, что́ есть пол, что́ есть человек.

А другие говорят: — Я не знаю Бога, но я знаю молитву. Вселенная — мысль о ней мне чужда и неприятна, но звездное небо, огонь, сушу, ветер и воду, но осень, весну, зиму и лето, но утро, вечер, ночь и солнце — кто обвинит меня в том, что я не чувствую вселенной?

Я не знаю что́ есть пол, но живу любовью. А на вопрос: что́ есть человек, они ответят — *Я*.

Которая из этих двух пород ближе к Богу?

Явно первая, а не вторая, а вторая — явно я́ (как первая — явно он. Таким и остался. Такой и осталась.)

Философ — и поэт. 1932 г.

Еще две строки С., тоже обо мне:

На руке ее кольца — много колец. Они будут, а ее уже не будет. Боже, как страшно!

Не забыть о Блоке[118]: разгружал на Неве баржи, не говоря кто́. — На скамейке — Н.А. К<оган> — Как Вы думаете, я еще буду писать стихи?? На Воздвиженке: — Катька! — Долгая улыбка. — Может быть мне суждено умереть, чтобы ему воссиять. (О сыне.) Перламутровый крест с розами и икона. Макет Арлекина (Пьеро и Коломбина остались у Любовь Дмитриевны. Всё перечисленное — подарки сыну, видела глазами.) Вот откуда — Роза и Крест. Письма. Пушкинский росчерк. О сыне: — Если это для Вас важно — то и для меня важно. Всё зависит от Вас. — Если это будет сын, пожелаю ему одного: совести. — «Он был скуп на это» (автографы). Был на той войне добровольцем. На нынешней: — Освободите меня... Посмертная записка о Двенадцати. — Простите, что я не могу подать Вам руки (болела). Любящий сын: яичница и слёзы (матери).

Аля — о Н.А.К. — Тело как кисея, любовь — как стена.

Снегурочка в последнюю минуту таяния.

Самозабвение: полнейщее самосознание при полнейшем забвении всего, что́ не ты: не *то́* в тебе. — Другозабвение.

Женщины говорят о любви и молчат о любовниках, мужчины — обратно. (Мужчины этого слова и в рот не берут, как — снижающего: их мужской престиж бездушия.)

Похороненное на Кавказе монпансье.

Из малиновой певчей прорези
Ярохлещущий ледодых.

Доколе поэты — дотоле престолы.

Встреча с Н.А.К. — моей — из стихов к Блоку — Подругой.

Без стука — головка, потом всё тело. Всё тело — дымок.

— Здесь живет М.И.Ц.

(В дыму печки и махорки не разглядеть не только меня, но слона.)

До здорованья, до руки, так напрямик, что как бы пройдя сквозь стол, стоящий посреди комнаты и дороги, не останавливаемая ничем как взгляд:

— На этом портрете Александр Александрович не похож.

— На этом портрете Блок похож.

— Нет.

— Да.

Для пояснения: первое и единственное, что разглядела из двери: последнюю карточку Блока, в тетрадочный лист, просто приколотую кнопкой над обломком дивана, на котором сплю.

Впечатление тени, пригнанной Ревностью — лютейшей из всех: посмертной.

Здорованье: в руке — ничего.

Долго, сопротивляясь *взлому*, не говорю, что Блока — лично — не знала. Весь разговор из: (она) — Александр Александрович (я:) — Блок. Чувствую, что я неизмеримо богаче — и ближе. (Как много позже, в данном 1932 г. в разговоре с пушкинской внучкой[119]: — до улыбки.)

Наконец, через какой-то срок, щадя как всегда — недоступную мне слабость, слабость, которой, со всей своей силой, в жизни — затерта ибо такие с Блоком, а не я — через <пропуск одного слова> пять минут моего уединенного торжества — сдаюсь.

— Я ведь Блока, лично, не знала...

Ее рассказ о том как Блок читал мои стихи.

— После каждого выступления он получал, тут же на вечере, груды писем — женских, конечно. И я всегда их ему читала, сама вскрывала, и он не сопротивлялся. (Я ведь очень ревнивая! *всех* к нему ревновала!) Только смотрел с улыбкой. Так было и в этот вечер. — «Ну, с какого же начнем?» Он: Возьмем любое. И подает мне — как раз Ваше — в простом синем конверте. Вскрываю и начинаю читать, но у Вас ведь такой особенный почерк, сначала как будто легко, а потом... Да еще и стихи, я не ждала... И он очень серьезно, беря у меня из рук листы:

— Нет, это я должен читать сам.

Прочел молча — читал долго — и потом такая до-олгая улыбка.

Он ведь очень редко улыбался, за последнее время — никогда.

Два слова о Н.А.К.

Показывала мне его письма — чудесным сильным старинным почерком — времен деда (Тургенева) а м.б. еще и Пушкина, показывала мне подарки сыну — розу и крест, Арлекина, иконку, показывала мне сына: Сашу с *его* глазами, *его* веками, *его* лбом, *его* губами (единственными). — Похож? похож? — показывала мне себя с сыном — портрет — где художник, нечаянно и нарочно, несколько устаршив ребенка, дал совсем Блока, — я сейчас с ранней обедни: сороковой день:

— Помяни за раннею обедней
Мила друга, светлая жена[120] —

с декабря 1921 г. по 29го р<усского> апреля 1922 г. (день отъезда) растравляла меня невозможной назад-мечтой: себя — матерью этого сына, обожествляемого мною до́ его рождения (Вера Зайцева[121]: — «Н.А.К. ждет ребенка от Блока и страшно боится, захочет ли он ходить с ней с таким животом», — стихи к Блоку читала *с ним* в себе!) преклоняла меня перед этим ребенком как пастухов перед Вифлеемским — всё это *было*, я — *любила* и ее и сына, было Благовещенье и Рождество — я ведь непорочного зачатия не требую, всякое зачатие непорочно, ибо кровь рождения смывает всё — а Блок был *ангел:* я ведь крыльев не требую —

В 1922 г., в мае, в Берлине, за столиком Prager-Diele[122], я — Альконосту[123], — только что приехавшему:

— Как блоковский сын?

— У Блока не было сына.

— Как не было, когда... Ну́, сын Н.А. Коган?

— Кажется, здоров. Но он никогда не был сыном Блока. У Блока вообще не могло быть детей. Да и романа никакого с ней не было.

— Позвольте, а сходство?..

— Сходство, действительно, есть. Его видела (женское имя, каж<ется> поэтесса, секретарша какого-то петербургского Союза писателей или поэтов, — м.б., Гуревич[124]) и говорит, что действительно — таинственно — похож.

— Но, милый, я этого ребенка видела: все блоковские черты. Сличите с детской фотографией! И письма видела...

— Н.А. ведь — фантазерка, авантюристка, очень милая женщина, но мы все ее давно и отлично знаем и, уверяю Вас, никто, кроме Вас, этой легенде не верит. — Смеются. —

— Но письма, *его* рукой…

— Н.А. могла подделать письма…

— И слово блоковское подделать: — Если это будет сын, я пожелаю ему одного — совести — ?!

— М.б. он и верил. Она могла его убедить. Я повторяю Вам, что у Блока не могло быть детей. Это теперь точно установлено медициной…

— После смерти?! — Голубчик, я не врач, и совершенно не понимаю как такую вещь можно установить после смерти — да и при жизни. Не могло, не могло — и вдруг смогло. Я знаю одно: что этот сын есть и что это — *его* сын…

— Она ведь тогда жила с двумя…

— Хоть с тремя — раз сходство. Но, если даже на секунду допустить — для чего ей нужна была вся эта *чудовищная* комедия?! Ведь она целый мир могла убедить — кроме себя. И подумайте об этом *чудовищном* одиночестве: одна в мире она́ знает, что это *не* блоковский. Как же жить с такой тайной? А главное — зачем?

— Вы забываете, что у Блока было огромное наследство.

— Не понимаю. Иносказательное? Слава сына Блока??

— Вовсе не иносказательное, а самое достоверное литературное наследство, право издания на его книги. Ведь та́к — всё идет матери и жене, если же сын…

— А теперь довольно. Это — гадость. Вы м.б. издатель Блока? М.б. *издателю* Блока нужно, чтобы у него не было сына? И посмертная экспертиза не медицинская, а издательская…

Все (Геликон[125], Каплун[126], Эренбурги[127], другие) смеясь:

— М.И.! Да <одно слово стерто>! Чего же *Вам* так горячиться? Ну́ — блоковский, ну́ — не блоковский…

Я (слёзы на глазах) — Это — посмертная низость!! Я видела письма, я видела родовой крест — розу и крест! — я видела как она этого ребенка любит…

Алконост: — Петр Семенович[128] его тоже очень любит…

Я, окончательно задохнувшись: — Я *никогда* у Вас не буду издаваться…

Алконост, с улыбкой: — Очень жаль.

Окончание:

1927 г., осень, приезд Аси[129].

— А как блоковский Саша?

— Марина, никто кроме тебя уже больше не верит в его блоковство. А ты знаешь, что говорит о нас Н.А.: — «Какие странные эти Цветаевы — очень милые, но — зачем им понадобилось распускать слух, что Саша — блоковский??»

П.С. в нем души не чает. Мальчик чудовищно-избалован — и больной: пляска Св. Витта. В прошлом году его возили на Океан, жили — Н.А. и он где-то здесь во Франции. Я его не так давно видела. Он очень похож на старшего сына П.С. от другой жены: Витю.

Сергиевская ул. д. 7, кв. 12
Гольцев Б.В.[130] 3-08-75
3-63-26 Центропечать
с 11 ч. до 5 ч.
1-74-47 (дома, веч<ером>)
5-15-33 (кв. напротив, утром)

при Наркомпросе — деятели литературы и печати
пятн<ица>, понед<ельник> (театр)

Рига Николаевская 20, кв. 1
К<нигоиздательст>во «Лира» — Башкирову[131].

Сейчас нужно печку топить и на минуточку (!) осадить писанье.

Аля: — М.! Вы знаете — кто Шер-Хан? Брюсов! Тоже хромой и одинокий, и у него там тоже Адалис. «А старый Шер-Хан ходил и открыто принимал лесть». Я так в этом узнала Брюсова. А Адалис — приблуда, из мóлодых волков[132].

(Книга Джунглей)

40-90-13 (Ольга Александровна Шор)[133] в 7 ч. — пятница — чтение. Уг<ол> М<алой> Никитской и Скарятинского, д. 21, кв. 2 во двор и налево, в углу дверь в кухню, 2ой эт<аж>.

Мой кормилец и пожралец.

— Нет, нет, дружочек, не contact de deux épidermes[134], а всё тот же мой — восторг перерос вселенную.

1220 Копончук Игнат, Кузнецкий, 6, № IV Жилищный Зем<ский> Отдел 45, 37

Егорушку из-за встречи с С.М.В. не кончила — пошли Ученик и всё другое. Герой с которого писала[135], верней дурак, с которого писала героя — омерзел.

14го дек<абря> 1921 г.

— С кого ж как не с дурака — сказку? Во всяком случае, дело не в *дурости* героя. Не в дурости героя, а в схлынувшей дурости автора. (Пометка 1932 г.)

Замком по морде (*ЗАМ*еститель *КОМ*миссара *ПО МОР*ским *ДЕ*лам).

Аля: — Спасибо, Марина, ешьте, я уже во сне наелась, — всё такие большие! (зерна курмы).

Аля, требующая, чтобы нашего дивана (который покупают: К<ога>ны) не чинили.

Диван еще из Трехпрудного[136] (залы) — полукругом, обитый синей, с красными цветочками, набойкой (NB! проще: *набитый* синим).

Стеной топимся (деревянные дома, разбираемые)
Стеной кормимся (книги и *рамы*, продаваемые)
Стеной успокоимся (— стенка)

Меж кроваткой и тетрадкой

Черная работа по стихам, это детские пеленки + возможность Байрона.

Имажинистская работа по стихам, это детские пеленки + невозможность Байрона.

Неизбывное стояние над корытом, где белье всё грязней и грязней.

(Перестаю вписывать, какие стихи пишу, ибо пишу всё время и можно проследить по Ремеслу. Буду помечать только большие вещи — или циклы.)

1922 г.

начинается строками:

Тайная страсть моя
Гнев мой явный —

Спи, враг![137]
(Могилы на Красной площади)

Разговор
(в тетради записан Алей)

Я: — Марина! Что такое садóвая вода?

М.: — Не садовая, а сóдовая. Это от изжоги — у тебя когда-нибудь бывает изжога?

Я: — Нет, это у Вас бывает изжога. Когда Вы видите автомобиль или издателя Всемирной Литературы.

Другой разговор:

М.: — Аля! Ты думаешь — она меня не обжулит?

Я: — Нет, М. Разве Вы не видели с каким видом она к Вам пришла? Как молодой змейный попрошайка. А табак набивала, точно не табак, а золото. И косила на вас как (нарисована лошадиная голова)-пферд (штекенпферд). Научите как писать. — Хороша издательница![138]

Ошельмовала — и как! Не заплатив ни копейки, а главное не дав корректуры напечатала конец моего Конца Казановы (NB! только третью сцену, ибо первые две были у меня) с выпусками, пропусками и чудовищной обложкой: вместо гладкого и белого парика XVIII в. — черный виноградо-кудрявый, людовиково-четырнадцатый, а главное: за занавеской девушка, выносящая что-то вроде горшка.

Соиздатель — рыжебородый коммунист, к<отор>ый впоследствии поручился за мою благонадежность и порука к<оторо>го чуть было не угробила моего отъезда, ибо до него еще был, за всякое, исключен из партии. Кажется — некто Яковлев, но не ручаюсь.

1932 г.

По нагориям,
По восхолмиям,
Вместе с пильнями,
С колокольнями...
и т.д.

Потом:

Суть — двужильная,
— — — —
Вместе с пильнями,
С наковальнями...

Бьюсь, бьюсь, бьюсь. Знаю только одно, что слово должно быть длинное, во всю строку <приписка между строк: как самохвальная> — слышу его — и знаю, что его нет. Развалины, оскалены, охальные, двуспальная, сусальная, — *поминальная* — нелепость, но длина та... Словом, целый день — до вечера — и ничего не найдя — сплю.

Утром, первое с чем просыпаюсь:

ЧУЖЕДАЛЬНАЯ

— Camó.

Это чужедальная всегда ощущаю как *чудо.*

Аля:

— Вас надо сжечь, чтобы Вас согреть, да и то Вы из гордости будете говорить, что Вам холодно.

Аля, после музыки Скрябина (слушала у Т<атьяны> Ф<едоровны>, играл Чабров) — внезапно:

— Скрежещущий ультрамарин. Стуканье старых зубов о новые, — кастаньеты из собственных костей. Оголенные мускулы демонских крыльев. Недобрый сон с добрым намерением. Знаете от чего умер Скрябин? Он умер от заражения крови, — это даже показательно: отравление музыкой. Весь треск огней всех а́дов. Вся непобедимость побежденного ада.

16го р<усского> января 1922 г.

Слёзы, пролитые у дверей богатых.

Drache и Rache — и всё Nibelungenlied[139].

Над стихом «Слёзы на лисе моей облезлой» Алина надпись:

ДИВНО НРАВИТСЯ.

Из письма к N

Рука дающего не помнит, помнит только рука берущего.

Как бы с превращением разделяющих наши тела вёрст — в вершки, вершки, разделяющие наши души, не превратились бы в вёрсты!

(Пиша Дочь Иаира:)

Бледность можно толковать как отсутствие краски, можно — как присутствие белизны, серизны.

Итак: отсутствие, доведенное до крайности, есть присутствие.

Итак: смертная бледность, очевидно, румянец иной жизни.

(Стих, не вошедший в Ремесло:)

Чтó это — крылом и звоном
Легкий сон тревожит мой?
Это там, за тихим Доном —
Белый лебедь боевой.

Чтó это — свинцом и стоном
Зубы сдвинуло мои?
Это там, за тихим Доном
Лебединые бои!

Крик: — Марина!

Как ударюсь лбом о плиты,
Разом крылья разведу.
Вострокрылой соколихой —
В лебединую страду!

Выноси, народ-мой-вихри!
Вскачь над   Москвой!
        любой |
Вострокрылой | воронихой
Смерть — над Областью Донской!

Крик: — Марина!

Кто это — навстречу зорям,
Белый — с именем моим?
Это там, за синим морем —
Белый лебедь невредим!

Исполать Святой Егорий —
Лебединые Бои!
Это там за синим морем —
Невредимые мои!

5го русск<ого> февраля 1922 г.

— Ваши стихи, Марина, прямо Петербург по крепости!
(Аля — 9го р<усского> февраля 1922 г.)

Сон (Встреча)

Мы с Алей читаем книгу про декабристок Гагáриных: описание фамильных черт Гагариных: горбатый нос, черные глаза,

смуглота. Изба — снег — мертвый торговец. И вот мы уже сами те мать и дочь, всё это с нами. Ложимся, леденея: она от меня, я — от нее (торговец!).

Южный кавказский город: свет, — сквозь jalousies[140] — утро. Голоса. Мы с Алей бесконечно-долго возимся. Наконец С. впрыгивает в окно: целуемся. Оба настороже, неловкость и самоуверенность. У меня чувство: неверно, надо было дать мне ВОЙТИ, сидя не встречают. Аля грязная от слёз (капризы) и двусмысленная фраза С. — «Она тó, что я вижу, превосходит». Дама лет 50ти, в балахоне, с к<отор>ой С. на ты и по именам: — Саша — Сережа. Мысль: — «Старая дура передо мной хвастается» и отражение себя в зеркале: — «Ну и я недурна! Есть чтó любить».

Обход сада. Огромное количество собак: безумно-лающий Одноглаз (Коктебель, голодная смерть), издыхающий Лапко, *розовый* от парши Шоколад, идем то с С., то с Пра[141], то с Максом[142]. Пра говорит, что можно снять крышу и лазить прямо сверху. (Крышей кормит скот.) Я советую уехать. Откуда-то и́знизу (мы на камне) грозные морды голодающих быков и коров, одна корова — рогастая — страшна. Макс в белом балахоне вежливо и стойко ее заклинает.

Кабинка (на суше). Лакированные белые стены. Морские флажки. (Тóт Новый Год из стихов!) Много народу. Старуха, которая ложечкой (смиренно) вылавливает довесок бублика из чьего-то кофе, и, робко: — «Вот, я $4^1/2$ брала, мне довесок сухой-то и положили». С нее за этот сухой довесок — вычитают. Я, мысленно: — «О, черти! Только гроза прошла, вся кровь — и опять за прежнее!»

Входит другая прислуга. — «Барин, какие очереди-то на площади за зельтерской!» Я, смутно: — «Умрем от жажды», вслух: — «Разве воды нет?» — «Это с мешками от зельтерской стоят. Да кто их знает — нынче есть, завтра нет».

Мы с С. одни. Я, вынимая нашейную цепочку: — «С., поглядите!» Он, разглядывая: — «У меня такой же, вот...» Выцветшая ленточка, число: «17го января, 75 мин., секунд...» Медаль <рисунок овала> фарфоровая: синее морское сражение, тонущий парус. Прислуга: — «Ох, барин, лучше спрячьте! Не дай Бог — придут! Нет, лучше разбейте, а я осколки вынесу...» Я, смутно: — Пре́даст! Из-за *этого* погибают. — Уходит. Я, С.: — С. Уедемте! (В Москву? Пайки? *Ему?* Нет!) — «С.! В настоящую заграницу! Ну, Вы будете играть!»

С., таинственно: — Разве я *могу* играть?

Гляжу: лицо одутлое, бледное, блудяще-актерское. В профиль — он, прямо — не узнаю.

Сон обрывается.

——

11го февраля 1922 г., ночь.

——

Сон как бы из глубины опыта с белыми: Крыма до́: последнего Крыма.

Начало: Гагарины — явный след рассказов Т.Ф. С<крябиной> о Киеве. Морская кабинка с флажками — из пражского письма С. Конец (пайки — ему?! нет!) явно-мой, как и *мое* — видение актерства (лицо бледное, одутлое, блудливое) в к<отор>ом его С. не вижу — и не узнаю́.

(Пометка 1932 г.)

——

Матерщина ты моя,
Безотцовщина!

——

(Россия 1918 г.—1922 г.)

——

Список: (драгоценностей за границу)

Кадушка с Тучковым
Чабровская чернильница с барабанщиком
Тарелка с львом
С<ережин> подстаканник
Алин портрет
Краски
Швейная коробка
Янтарное ожерелье
Алиной рукой:
Мои Валенки, Маринины башмаки
Красный кофейник, примус
Синюю кружку, молочник
Иголки для примуса

——

Москву 1918 г.—1922 г. я прожила не с большевиками, а с белыми. (Кстати, вся Москва, моя и *их*, говорила: белые, никто — добровольцы. Добровольцы я впервые услыхала от Аси, приехавшей из Крыма в 1921 г.) Большевиков я как-то не заметила, *вперясь в Юг* их заметила только косвенно, тем краем ока, которым помимо воли и даже сознания отмечаем — случайное (есть такой же край слуха) — больше ощутила, чем заметила. Ну, очереди, ну, этого нет, ну, того нет — а *ТО ЕСТЬ!*

Еще могу сказать, что руки рубили, пилили, таскали — одни, без просвещающего <под строкой: направляющего> взгляда, одни — без глаз.

Оттого, м.б., и это отсутствие настоящей *ненависти* к большевикам. Точно вся сумма чувства, мне данная, целиком ушла на любовь к *тем*. На ненависть — не осталось. (Любить одно — значит ненавидеть другое. У меня: любить одно — значит не видеть другого.) Б<ольшеви>ков я ненавидела тем же краем, которым их видела: остатками, не вошедшими в любовь, не могущими вместиться в любовь — как во взгляд: сторонним, боковым.

А когда на них *глядела* — иногда их и *любила*.

Может быть (подчеркиваю!) — любить: *не* коммунизм (настаиваю!) а могилы на Красной Площади, *мой*, восемнадцатого года, разбой, молодых командиров войны с Польшей и многое другое мне помешала моя, заведомая, сразу, до-Октября любовь к белым, заведомость гибели — их и их дела, вся я *до начала* была замещена <сверху: заполнена>.

Любить б<ольшевик>ов мне не дала моя — сразу — до начала — вера в окончательность их победы, в которой столько раз — и так сильно — сомневались они.

(Пометка 1932 г. Не разрабатываю.)

Родство вещей через слово: семьи, семейства слов.

Голуби: горох: жемчуга.

Почему я *всегда*, выходя из двери, иду в обратную сторону, в которую сюда — *не* шла. М.б. от чуждости — всей моей сущности — самогó возвращения (по следам), от исконного *дальше* (мимо!).

Или просто — дефективность? (такая-то точечка в мозгу).

Честь — вертикаль. Совесть — горизонталь. Честь дана только горным народам, как совесть только дóльним. — Проверить. —

(Сугробы, Масляница[143], разное)

Золоторыбкино корыто?
Еще кому-нибудь!
Мне в этом имени другое скрыто:
Русь говорю как: грудь.

Для записной книжки:

Ворожба по сугробам. — Весна: дребезг — *ударная* весна (весна в ударном порядке)

— что даже весна
У нас | — в ударном порядке!
них |

Не улицы — пролеты. Тротуары плывут небом. «Высугробить». — Но сугробов тех не высугробить. — Оглядываться в будущее. Сон у Б-сов под шубами. — Цветной стереоскоп. — Через сонные пространства. — С лихвой — коновязь — чебезга. —

Я, кому-то, о польском *золотом* корридоре: — Трагический транзит.

Аля: — «М.! Знаете, у Вас сейчас вид всех свобод — как их изображают: волосы змеевидные, плечо вперед и всё существо как-то дыбом».

Я кому-то: — Я наверное любила бы гребенки... (видение высоких коралловых гребней времен Валерииной матери[144] — или много раньше: le peigne implanté[145] — Неаполь).

Любила *бы* — если бы чтó? Очевидно, если была бы женщиной.

Женственность во мне не от пола, а от творчества.

Парки сонной лепетанье[146] — такая.

Да, женщина — поскольку колдунья. И поскольку — поэт.

Февраль 1922 г.

Здесь кончается моя старая верная московская тетрадь (черепаха, ящерица, тá, которую десять лет спустя с любовью грею на солнце). (1932 г.)

Несколько записей, случайно не внесенных и относящихся к марту 1921 г., т.е. к году дó:

Кто закон голубиный вымарывал?[147]

Непереносным костром в груди
Вражда — вот пепл ее, на бумаге.

Непереносны на площадѝ
Чужие гимны, чужие флаги.

Непереносно, когда рожден
Сынóм, сыновнейшим из сыновних,
Святые ризы делить с жидом
И миновать ее гроб на дровнях.

И знать, что тело ее черно,
Что вместо матери — тлен и черви.
О, будьте прокляты вы, ярмо
Любви сыновней, любви дочерней!

И знать, что в каждом она дому́,
И что из каждого дома — вынос.
— Непереносно! — И потому
Да будет проклят — кто это вынес!

———

Март 1921 г.

———

Изнемогая как Роландов рог...

———

Как нежный шут о злом своем уродстве
Я повествую о своем сиротстве...

За князем — род, за серафимом — сонм,
За каждым — тысячи таких как он,

Чтоб пошатнувшись — на живую стену
Упал и знал — что тысячи на смену!

Солдат — полком, бес — легионом горд,
За вором — сброд, а за шутом — всё горб.

Та́к, наконец, усталая держаться
Сознаньем: перст и назначеньем: драться

Под свист глупца и мещанина смех
— Одна из всех — за всех — противу всех! —

Стою и шлю, закаменев от взлету
Сей громкий зов в небесные пустоты.

И сей пожар в груди тому залог
Что некий Карл тебя услышит, Рог![148]

———

Март 1921 г.

———

Не в споре, а в мире —
Согласные сестры.
Одна — меч двуострый
Меж грудью и миром
Восставив: не выйду!
Другая, чтоб не было гостю обиды —
И медом и миром[149].

Дети литературных матерей: литераторов — или жен (т.е. нищих и не умеющих шить (жить!)) всегда отличаются необычайностью одежды, необычайностью обусловленной: необычайностью вкусов и случайностью (несостоятельностью) средств к осуществлению.

Пример: Мирра Бальмонт, которую — улица Революции 1920 г. — всегда водят в белом, т.е. грязном — и разном.

Пример: Аля — в мальчиковых рубашечках, схваченных юнкерским поясом и моей работы берете с георгиевской ленточкой.

Не только дети — сами матери (мое полотняное красное московское и мое полотняное синее берлинско-парижское, мои паруса, моря́ полотна!).

И отцы (шляпа Б<альмон>та, галстук Чирикова, шарф Пастернака), — без различия дара и возраста. О цилиндре и плисовых шароварах Есенина не говорю, ибо — маскарад, для других, я говорю о кровном, скромном, роковом.

О Боже ты мой, как объяснить, что поэт прежде всего — СТРОЙ ДУШИ!

Аля: винный (от невинный)
затменные фонтаны

Девочка на улице, при виде нас с Алей:
— Мне жалко эту маму! Она стра—ашная!

Ребенок, щурящийся чтобы увидеть собственные глаза.

J'ôte ce baiser. — J'ôte ces claques[150].
(Ариадна Скрябина в детстве)

Март 1921 г. — пробуждение у Али любознательности (март, к<оторо>го в *моей* жизни никогда не было).

Аля, читающая книгу про птиц и зверей:
— М.! Я ведь птиц люблю, а не органы!

Предисловие к Егорушке:

Житие Егория Храброго мною не вычитано и не выдумано. Оно мне примечталось. Таким и даю.

МЦ

или, короче:
Егорий Храбрый
— примечтавшееся житиé —

Волосы — после мытья — звенят.

Аля: — М.! Ее душа не полетит не потому что она грешная, а потому что она грузная. Ее душа — плоть.

Заложенное в тетрадку начало письма к Э<ренбур>гу:
Москва, 7го нов<ого> марта 1922 г.
Мой дорогой!

Сегодня у меня блаженный день: никуда не ходила, шила тетрадку для Егорушки (безумно-любимая вещь, к которой рвусь уж скоро год) и писала стихи. И теперь, написав С., пишу Вам. — Все счастья сразу! — Как когда слушаешь музыку. (Там — все реки сразу.) Писала стихи Масляница, трепаные как она сама.

Сегодня за моим столом — там, где я сейчас сижу, сидел Чабров. Я смотрела на него сверху: на череп, плечо, пишущую руку — и думала: так я буду стоять над пишущим Э<ренбур>гом и тоже буду думать свое.

Чабров мой приятель: умный, острый, впивающийся в комический бок вещей (особенно мировых катастроф!) прекрасно понимающий стихи, очень причудливый, любящий всегда самое неожиданное — и всегда до страсти! — лучший друг покойного Скрябина.

Захожу к нему обычно после 12 ч. ночи, он как раз топит печку, пьем кофе, взаимоиздеваемся над нашими отъездами (— Ну, как Ваш? — А Ваш — как?) никогда не говорим всерьез, оба до задыхания ненавидим русскую интеллигенцию. Но он — дворя-

нин, умеющий при необходимости жить изнеженной жизнью*), а я? ктó я́? даже не богема.

У него памятное лицо: глаза как дыры (гиэна или шакал), голодные и горячие, но не тем (мужским) — *бесовским!* жаром, отливающий лоб и оскал островитянина. При изумительном — как говорят — сложении (С. видел его в Покрывале Пьеретты — Арлекином, говорил — гениален (пантомима)) при изумительной выразительности тела одет изо дня в день в ту же коричневую куцую куртку, не от безденежья, а от безнадежности. Мы с ним друг друга отлично понимаем: à quoi bon?[151]

(Письмо не кончено)

Здесь, на этом письме, окончательно кончается моя старая черепаха.

После черепахи была еще тетрадь — черновик Переулочков[152] (а м.б. на листках?) — последней вещи, которую писала в России.

Последняя Москва

Заметки из Асиной радужной самошивной тетради[153]

где поправки Переулочков, начало Мóлодца и берлинские стихи

Про тый шелковы́-рукавчики,
Про Мариночку- -отравщичку

Про того красавчика,
Про Мариночку- -отравщичку.

К С. (глаза)
Мохнатые, махровые...

Скороговорочка, речь окольная

---

*) NB! Только и умеющий! (и обращать других в рабство). *Его* Корсика. 1932 г.

Записи о Мóлодце:

Маруся (Мóлодец?)

1) Первая встреча 2) Вторая встреча (Колокольня) 3) Третья встреча (вопрос и угроза) 4) Возмездие (вопрос и угроза) 5) Второе возмездие (вопрос и угроза) 6) Крестовая улица 7) Барин — слуга — пробуждение 8) Жизнь Маруси 9) Пир 10) Херувимская

Действующие лица: Маруся, мать, брат. — Мóлодец. — Барин. Слуга. (NB! Никого лишнего!)

Светлый стан: Василёк (брат) и барин.

Темный: Мóлодец.

Между: мать, Маруся.

Почему Маруся в первый раз *не* сознается, что *видела*, и еще раньше ничего не говорит матери?

Ставлю себя на ее место — и: если скажу (дома) — <фраза не окончена>

В первый раз Маруся ничего не говорит дома *из смуты*, просто из страху не сознается.

Второй раз — любовь и страх потери его. Он уже искренно *просит* сознаться (человек перебарывает упыря).

Третий раз — связанность преступлением (уже отправила брата).

Почему она в третий раз не сознается? (Сознание — разлука с ним.) Если сознаешься — избавишься, я из твоей жизни навек пропаду. Признаешься — жива будешь — я́ пропаду, не признаешься — сама пропадешь. В третий раз он ее *умоляет* признаться (живи!) она же — не хочу тебя губить. Двойное *живи*.

1ый вопрос — нахрапом

2ой вопрос — соблазн (раскрывши карты)

3ий вопрос — Я НАД СОБОЙ НЕ ВОЛЕН, — мольба о признании.

1) Была? — Нет. — Видела? — Нет. — Нý, так...

2) Смотри, если не была (нет) и не видела (нет) — то помни: завтра...

М<аруся> сознательно запирается (преступление).

3) Спрошу: была? скажи: была! а не то — я не волен — тебе завтра самой... Но ежели всё-таки не сознаешься, проси чтобы тебя (под порогом и т.д.). — Может — свидимся.

Линия Мóлодца: упырь — человеком.

Линия Маруси: мать в землю (только бы не разлучаться!) себя — в землю (только бы не навек!).

Два момента в Мóлодце: *до* какого-то часу (*до* ворот) — человек, в воротáх — *тот.*

И конец — апофеоз — оба в вихре Херувимской.

Марусино БЫЛА уничтожило бы Мóлодца. Он сперва играет на ее страхе, потом на ее любви, в конце он уже *молит* ее об этом: БЫЛА, но она знает конец этого *была* и сознательно гибнет.

Если мать и *брат,* то потом у Маруси — сын. (Братец простил!) Сын (на руках) НЕ ХОЧЕТ в церковь.

После

Маруся проснулась — всё забыла. Зáново живет. Кто ты? — Не знаю. — Чья ты? — Не знаю. — Жизнь с барином. В жар от красного цвета. Тяга (отвращение) к огню, к вину. — Сквозная. —

Рождение сына снимает заклятие (братец простил!). Исчезает с плеча голубок и является — в люльке — ребенок. Ребенок удерживает ее от церкви. Смутная слава Маруси: порченая.

Забыв всё — как объяснить ее нежелание ходить в церковь? Единственное, чтó уцелело — это ЗАПРЕТ Мóлодца: в церковь не ходи, а то навек... (И не договорить, тáк что неведомо: *спасешься* или *пропадешь?*)

Кто ЗАПРЕЩАЕТ ей церковь, — ребенок или Мóлодец? (Вещий ребенок, — но какого возраста??)

Единственное чтó уцелело — УЖАС перед церковью: им — тайной — *собой.* Ребенок подтверждает. Барин, любя, не неволит.

Слова для Мóлодца:

маленка (кадушка)
порóбил (оробел)
початок (мера пряжи)
мизинный
на воротáх расстрелять
крутой кипяток
покéль (пока)
мамон (деньги)
напредкú (наперед)
щикатулка
лежень (деревья)
его семейные
свежина (мясо)
провúнка (вина)
дуван дуванить (NB! чудно!)
рóсстань
язычник (вестовой)
нáвершный (верховой)
ярица (яровой хлеб)
головить (быть главой)
поперéчки (не делай мне...)
кожевья

трудные (трудовые)
похи́мостить (заворожить)
взабы́ль (в самом деле, но можно и от забыть)
попона (одёжа)
непослу́хмянный
вешни
опочив держать

---

1) Рубаха 2) Колоколенка 3) В ворота́х 4) Вторые вороты 5) Третьи вороты 6) Крестовая улица 7) Барин 8) Херувимская.

Первое слово Мо́лодца:
Дочь Маруся весела

И затем весь черновик первой главы.
Невошедшие строки:

Промеж нами сваха —
Красная рубаха!

Крута в мельнице вода —
Пришла де́вице страда

Красна в де́ревце руда —
Пошто, де́вица, бледна?

Чистовик первой главы. — (30го марта—6го апреля 1922 г.)

Начало второй, конч<ается> на словах:
Стоит наш знакомец-то,
Грызет упо—

Последние строки:
Так изо всех из рек

—

Распознаю, о друг,
Голос твоей реки.

Площадь[154]
(очевидно, страх пространства)

Ока крылатый обыск:
Вброд или вдо́ль сте́н?
Знаю и пью робость
В чашечках ко́—ле́н.

Нет голубям зерен,
Нет лошадям трав,
Ибо была — морем
Площадь, кремнем став.

Береговой качки
злей
В башни не верь: мачты
Гиблых кора́б—ле́й...

Грудь, захлебнись камнем...

(Последнее слово Москвы)

Запад[155]

Под булыжниками — под колёсами...

Запись письма к Э<ренбур>гу:

Тогда, в 1918 г., Вы отметали моих Дон-Жуанов («плащ», *не* прикрывающий и *не* открывающий), теперь, в 1922 г. — моих Царь-Девиц и Егорушек (Русь во мне, то есть вторичное).

И тогда и теперь Вы хотели от меня одного: *меня*, т.е. костяка, вне плащей и вне кафтанов, лучше всего — ободранную.

Замысел, фигуры, выявление *через*, всё это для Вас было более или менее бутафорией.

Вы хотели от меня главного, без чего я — не я.

Сегодня Вы говорили мне о ПОРОДЕ стихов, это внешнее, без этого Вы не могли, по-настоящему Вы, сами того не ведая*), говорили о моей душе и жизни, и Вы говорили мне, т.е. я это слышала: «Я люблю Вас только в большие часы, перед лицом смерти, перед лицом — да второго „перед лицом“ и нет».

Я Вас ни разу не сбила (себя — постоянно — и буду), Вы оказались зорче меня.

Тогда, в 1918 г., и теперь, в 1922 г., Вы были жестоки: — ни одной прихоти! (даже в этом!).

Стало быть — надо убить.

Вы правы.

Блуд (прихоть) в стихах ничуть не лучше блуда (прихоти, своеволия) в жизни. Другие — впрочем, *два* разряда — одни,

---

*) NB! (1932 г.) в том-то и дело, что не ведая и что ведала только я.

блюстители порядка: — «В стихах — что́ угодно, только ведите себя хорошо в жизни», вторые (эстеты): — «Всё, что угодно в жизни — только пишите хорошие стихи». И Вы один: — «Не блудите ни в стихах ни в жизни. Этого Вам не нужно».

Вы правы, потому что я к этому, молча, иду.

<Вдоль левого поля, на первой странице письма:> NB! Ни одно из слов взятых в кавычки Э<ренбур>гом не сказано и сказано быть не могло. Нужно было быть *мной* чтоб из этого равнодушного циника, цинического игрока (словами и смыслами) сделать лирика, нет, больше: стоика, — и та́к — от лирика и от сто́ика — страдать. 1932 г.

В какой-то области я Вам даже Вы не говорю, Вы у меня без местоимения. Вот что-то — нечто — сила — движение — я по дороге — удар — не в меня — но принят мной*).

В другой — духовно-душевной, что ли? — Вы собеседник, тот не только от кого идет, но и к кому идет. Спор (согласие) двух голосов.

Но есть еще третье: там где Вы — Э<ренбур>г, который — и названия Ваших книг, и отрывочные рассказы из Вашей жизни (постепенное обрастание Вас одеждами) — рассказы кого-то о Вас.

И — внезапно: что́ — последнее, основное? Костяк — не рассасывающееся — или пустота, <пропуск одного слова>. То обо что разбиваешься — или то, в чем пропадаешь? Имянно́е (то, что создает имя: то́ именно) или безымянное? Это я не о Вас, это я закона ищу.

Я думала — три, но есть еще Вы: с трубкой, т.е. только трубка. Когда я думаю о том кто курит трубку и любит дождь (а м.б приписываю?) мне кажется, что с таким хорошо путешествовать и не расставаться.

Но этот уже книг не пишет, и с ним-то именно и придется расстаться, п.ч. всё остальное: безымянную силу, голос, книги (написанные и ненаписанные) я унесу с собой — не жестом захвата —

Но об этом я уже писала.

Разговор.

— Аля, как ты думаешь, как себя будет чувствовать С., когда приедет?

---

*) Вернее: Вот что-то — нечто — сила — движение — Вы́ по дороге — удар — Вы уклоняетесь — как всегда уклонялись все — кроме Р<ильке> и Б.П.

— Если Э<ренбур>г нас не выгонит[156].
Я: — Наверное не выгонит. Но что мы будем делать с утра?
Аля: — С вечера закажем три завтрака.

———

21го мая 1922 г. — Устала.

———

Ты привыкла: хозяйку в снег,
А сама на ее постели!
А в дому моем был твой век —
С черной лестницы, в черном теле
(Любовь)

———

Так, разложена и не воссоздана:
Перья — щебеты — и кости порознь,

Так доверчиво прождав, что сложится,
Изумленная своим ничтожеством,

Некой спорностию безголосою
Под законностями: под колесами.

Так, растравленная до бесстрастия,
Без архангела, без веры в мастера,

Всеми клочьями поняв: не свяжется,
Так, без легкости, но и без тяжести —

Обесславленное и разъятое
Дня из дней твоих творенье: пято́го.

———

30го нов<ого> мая 1922 г.

———

(Явно — после ряда бесед с Э<ренбур>гом.)

———

А обо мне зайдет, скажи: просторы,
Еще: прощай, еще: рукой не трогать!
Да, ибо создана в тот день, в который
Кровь создана — и мех, крыло — и коготь.

Как буйствовала по
Первая кровь — и как в крыле вздымалась!
И как потом — увы! — месивом стылым
В тот глиняный сосуд — самая малость.

Не одолеть бескровному завету
Моей крови́ — пернатой и косматой!

Ни даже года в ней, ни даже века:
Ты в метрике моей прочтешь: ДЕНЬ ПЯТЫЙ.

31го нов<ого> мая 1922 г.

Где милосердная рука,
Приемлющая без отдачи?

А если у меня к тебе
Страсть к голоду и страсть к алчбе —
Минующая хлеб и воду?

Единственен и неделим
Вздох — и не место здесь двоим

ибо
Бог — и на голод ненасытен.

Божественно и безоглядно
Растет прибой.
Не губы, жмущиеся жадно
К руке чужой —

Нет, раковины в час прилива
Тишайший труд.
Божественно и терпеливо:
Так море — пьют[157].

Ру́ку чужого человека
Нести к губам.

Отчаяннейшее из мужеств —
Чужая плоть.

Не спрашиваю — и не спрашивайте!
Ведь праведными — не накрашенными —
Устами ведь, а не стихами ведь:
Не памятниками: беспамятствами.

Час, когда Бог подаст

Я никогда не понимаю, что́ я в жизни человека.
(Очевидно — ничто. 1932 г.)

Всё те ж: утешь!
Всё те ж: убей!

Твоя неласковая ласточка

Милый друг, теперь работаю только так: око за око, т.е. письмо за письмо. Пришел час: или нашей беседы или моего замолчания. (Замечаете, что змея начинает поднимать голову? — недораздавленную.)

У Вас нет ко мне ни доверия, ни человеческого отношения, Вы втайне считаете меня вредной и льститесь на меня *вопреки* чему-то в себе. Завороженность, а не приверженность. — Жаль.

— Марина! Наша комната сейчас похожа на чердак горничных. И горничная удивляется, что господин не говорит ей, что ее любит.

Тих междуребёрный расстрел,
Глух междуребёрный застенок.

[...]
...От нищенств и напраслин.
Да, ибо в час, когда придут цари —
Дитя покинет ясли.

Сиротствующее — найдет отца
И даже век не взбросит
Когда придут и розы и сердца
И лавры на серебряном подносе

Удостоверишься — повремени!
Что выброшенной на солому
Не надо было ей ни славы, ни
Сокровищницы Соломона[158].

И вместо всех — в ма́ревах дней и судьб —
Мне строящихся храмов —
Я бы хотела та́к: камень на грудь —
И по́д голову — камень.

До убедительности, до
Убийственности — просто:
Две птицы вили мне гнездо:
Истина и Сиротство.

Ты, последний мой колышек
В грудь забитую наглухо.

Danzig Promenade, 6
Verlag «Век Культуры»[159]
Ив<ан> Яков<левич> Герман

Lützow 85-49[160]
Magdeburger Str<aße> 25
Pension Höltzl-Sheridan

Nestorstr<aße> 6 bei Pinkus
Herr Sotschiwko[161]

— Конец радужной тетради —
Берлин, июль 1922 г.

Девять писем
с десятым, невернувшимся, и одиннадцатым — полученным[162]

17го июня 1922 г.

— Письмо первое —

Две тщетности — на сон грядущий. (Это наш с Вами час, днем мы — ремесленники.)

Мой родной! Книга, которая сейчас — Вашей рукой — врезалась в мою жизнь — НЕ случайна. Услышав — обмерла*).

Вы сами не знаете — Вы ничего не знаете! — до чего всё ПРАВИЛЬНО.

Но Вы ничего не знаете, Вы только очень чутки (не СОЧУВСТВЕННО, — как зверь: всем востромордием!) — в какие-то минуты Вы безошибочны.

Я не преувеличиваю Вас, всё это в пределах темнот (которые *бес*предельны!) — и мехов (шепотóв, бормотóв и т.д.). — Пока. —

Я знаю Вас, Вашу породу, Вы больше вглубь (и не отвес, а винт), чем ввысь. А вглубь — это ночь. Уносит — рассвет, уводит — закат, ночь втягивает и погружает. Тонет сама. Поэтому

---

*) Florentinische Nächte[163]

мне с Вами хорошо без света: в голосах (как в мехах!), я бы сказала: в голосовых настороженностях. Это не переутончéние: я просто точна.

Поэтому во все ТАКИЕ часы Вашей жизни (срок полгода!) Вы будете — со мной.

Есть люди страстей — чувств — Вы человек дуновений. Мир Вы воспринимаете накожно: это не меньше чем: душевно. Через кожу (ощупь, пять чувств) Вы воспринимаете и чужие души, и это, может быть, верней. Ибо в своей области Вы — виртуоз (попутная мысль: забалýю?) Вам не надо всей руки в руке, достаточно и рукава.

Поэтому Вы так *дома* в некоторых моих стихах (НЕ в Красном Коне!). — Чуткость на умыслы. —

Я не преувеличиваю Вас в своей жизни — Вы легки даже на моих пристрастных (милосердных! неправедных!) весах. Я даже не знаю, есть ли Вы в моей жизни? В просторах души моей (слово Кн. Волконской о В. Соловьеве)[164] — нет. Но в том: ВОЗЛЕ ДУШИ, в каком-то МЕЖДУ, во всем предсонном, во всем где «я — не я и лошадь не моя» — там Вы не только *есть*, только Вы́ и есть. (Сейчас!)

Вы слегка напоминаете мне одного моего друга — пять лет назад — благодаря которому я написала много лишних стихов, враждебных всем как *не мои* и близких только — всей его породе[165].

Но я не хочу сейчас говорить о нем, я его давно и совсем забыла, я хочу сейчас радоваться Вам и тем темным словам (силам) которые Вы из меня выколдовываете.

Последние годы я жила такой другой жизнью, так КРУТО, так СКУПО, в таких ледяных задыханиях, что сейчас — руки развожу: я???

Мне нежно от Вас как от меха. (Другие будут говорить Вам о Ваших высоких духовных качествах, еще другие — о прекрасном телосложении. — Может быть! — А для меня — мех.)

Но мех — разве меньше? Мех: ночь — логово — звезды — вой — и опять просторы.

Логос и логово. (Я — к Вам, и я — к Белому, кроме того — оцените цинизм! — неплохое название для статьи. Но я не пишу статей!)

— Мои нежный! — (От присутствия которого мне нежно: дающий мне быть нежной)

— Не окончено —

———

19го нов<ого> июня 1922 г.

— Ночь вторая —

Вино высвобождает во мне женскую сущность (самое трудное и скрытое во мне!).

Женская сущность — это жест (прежде чем подумать!). Зоркость не убита, но блаженное право на слепость.

— Мой нежный (от которого МНЕ —) всей моей двуединой, двуострой сущностью хочу к Вам — в Вас: как в ночь. — Стихи и сон! — (Ваши слова, — всё помню!) Как многие увидели во мне — только стихи!

Помню еще слова: нежность и жадность, всё помню и беру Вас с собой в свой еженощный сон — благословенный.

Вы для меня ночь, вся ночь: от шарлатанств ее — до откровений — самый тайный — самый темный дом моей души.

Всё через душу, дружок, — и всё обратно в душу. (Самопитающийся фонтан.) Только шкуры — нет, как и: только души. Вы это знаете, с Вашей звериной ощупью. — Мой сплошной мех! (не только зверь, — и хвоя).

А если в окрасках: Вы — карий: Как Ваши глаза.

Мой маленький, таких писем я не писала никому*). Всё знаю: и Вашу поверхностность, и легковесность, и пустоту (ибо Вы — пусты) но Ваша земная поверхность (шкурная восприимчивость к душе другого!) мне дороже других душ.

За Вашей пустотой — пусто́ты (отроческих глаз, — недаром ОТРОК — Вам[166], и недаром от Вас — Флорентийские Ночи!).

И Вы думаете, я не поняла нынче: «которое же из трех?» и — нечто между безнадежностью и позабавленностью — (люблю в Вас <пропуск одного слова>) — Ваше: — «Да я не о том! Совсем не о том!»

Мое дитя (позвольте та́к!) — мой мальчик! Если я иногда не отвечаю в упор, то потому что иных слов в иных стенах не терпит воздух. (Стены — всё терпят <фраза не окончена>

Знайте, что я, словесница, в большие часы жизни — тот спартанец с лисенком: помните? (Позвольте повеселиться: с целым выводком лисенят!)

Не знаю, залюблены ли Вы в жизни — скорей всего: да. Но знаю — (и пусть в тысячный раз слышите!) — что ТА́К никогда, никто...

И на каждый тысячный есть свой тысяча-первый раз.

---

*) С тех пор как перо стала держать — нет, даже *до* пера! — всем, всегда.

(От Флорентийских ночей до Шехерезады — а? И еще Саул над Давидом. Ликую от ПРАВИЛЬНОСТИ всего!)

Мой маленький! Сейчас 4-тый час ночи, мне блаженно до растравы, я с Вами, лбом в плечо, я невинна, я бы все свои стихи (бывшие и будущие) отдала Вам: не как стихи, — как вещь которая Вам нравится!

— И еще одну чудовищность — хотите?

Помните Ваши слова, взволновавшие меня (болевым!)... «и жестокая». Слушайте внимательно: не могу сейчас иных рук, НЕ МОГУ, могу без ВАШИХ, не могу: НЕ Ваших!

Верность: невозможность иначе. Остальное вопрос воспитанности, — воли — Мартина Лютера и житейских соображений (не сбережений ли? Тот же Лютер!).

Как видите, учусь на Вас.

Будьте бережны и осторожны. Моя жизнь — не моя, следовательно: не Ваша.

Только жажда моя — Ваша.

И возьмите меня как-нибудь на целый вечерок с собой: я по Вас соскучилась.

— Ночь третья —

20го июня 1922 г., 4 1/2 ч. утра
(а в 2 ч. расстались!)

Жесточайшая расплата за голодный час с Вами. Хватит духу — расскажу. Жизнь жестоко мстит за мое первое «во имя свое». Но этим я заработала право на всю себя к Вам. Теперь я поняла: всё как нужно. Начав — *нужно* было кончить. Так я обре<ла?> право на Вас в моей жизни, теряя — быть может — Вас.

Это очень жестоко: я не знала не хочу, потому что не знала: хочу, мне всё было — равнó. А теперь, распахнув руки (не крылья, но не меньше <фраза не окончена>

Мой мальчик, мой мальчик родной, темно-каряя моя радость, мой бедный спорный дом! — Поймите, между тем часом и этим неполных три часа. Как я хотела быть с тобой, вылежаться на твоей груди за все эти дни и ночи. Губами вглубь.

Когда я сидела с Вами на той бродяжной скамейке («галантность», «воспитанность») у меня душа разрывалась от нежно-

сти, мне хотелось взять твою руку к губам, держать, так, долго — та́к долго... Губами — руке: — Спасибо за всё.

Но ты видишь: мы расстались почти сурово. (Первые птицы! Мой с Вами час!) Я могу без тебя, я не девочка и не женщина, мне не нужны́ ни куклы ни мужчины. Это я и раньше знала. Теперь я знаю одно: то, чего не хотела — и то, чего не хотела знать.

Может быть ты скажешь: — Такой мне тебя не нужно. Иду и на это. На одно не пойду: ложь. Я хочу, чтобы ты любил меня всю, какая я есть. Это единственное средство (быть любимой — или нелюбимой).

Чувствую себя Вашей, как никогда ничьей. Уже не боюсь слов. Когда возобновятся все ваши перекрестные крутежи, я всё равно от тебя уйду (из тебя — уйду). Уйду от *робости*, недоумения, — о боли моей ты не будешь знать.

Мой век с Вами — час. И мне нужно от Вас только одного: Вашего разрешения: вот этих слов: «Люби меня *как* хочешь и как *не* хочешь: всей собой!» — Я ведь говорю не о жизни, не о ходе дней, — какое время *вместит* любовь? Я говорю о разрешении на ВНУТРЕННИЙ разбег, ибо и его могу сдержать. Сдерживаю. (Уже *не* сдерживаю!)

Мне нужно от Вас: моя свобода к Вам. Мое доверие. — И еще знать, что Вам от этого не смутно.

Небо совсем светлое. Над колоколенкой слева — заря. Это невинно и вечно. Я тебя люблю сейчас как могла бы любить твоего сына. Хочу только: головой в плечо.

Не думай, что я миную в тебе простое земное. Люблю тебя всего — понял? — с глазами, с руками, с повадками, с твоей исконной ленью, с твоими огромными возможностями тоски, со всей твоей темной (вне<?>) бездной: жаления, страдания, отдачи. — Что это не на меня идет — ничего. Я для себя от тебя хочу ТАК многого, что ничего не хочу. (Лучше не начинать!)

Только знай — мой нежданный, недолгий гость — мой баловень! — что никто и никогда тебя та́к — (не так сильно, а так именно). И что я отступив от тебя, уступив тебя: как всякого — жизни, как всякому — дорогу <пропуск одного слова>, никогда от тебя не отступлюсь.

— У нас с вами неверные встречи. Я сейчас совсем спокойна, как мертвая, и в этой полной ясности утра и души говорю тебе: с тобой мне нужны все тесно́ты логова и все просторы ночи. Все тесно́ты и просторы ночи. Чтоб я, вжавшись в твое плечо, могла прослушать всего тебя.

Какое бесправье — земная жизнь! Какое сиротство!

Жму твою руку к губам. Пиши мне. Пиши больше. Буду спать с твоими письмами как спала бы с тобой. Мне необходимо от тебя что-нибудь живое.

Всё небо в розовых раковинах. Это самый нежный час. И что-то уже отлегло: начало письма. Растворилось в тебе.

У меня странное чувство: вслушайся внимательно: точно что-то взято́ у тебя. — Спи спокойно. Первые шаги на улице, наверное рабочий. — И птицы. —

Аля спит.

М.

Мой нежный![167]

Несколько слов в Ваш утренний сон: ночью рука от нежности всё-таки не удержала пера!

У меня к Вам еще два блаженных камня — колеблюсь — *нужно*, чтоб знали, но — если Вы человек — Вам не может не сделаться больно.

Буду ждать. Не камни: две ЛЮТЫЕ мечты, неосуществимые в сей жизни, исконная жажда моего существа, самая тайная, семижды семью печатями запечатанная.

Теснейше связаны: нет одной без другой, — по замыслу.

То для чего я на свет родилась.

<Вдоль правого поля, напротив последних трех абзацев:> Какая *детская* загадка! Вроде: два конца, два кольца...

Кто знает? — Было однажды у Вас — при мне — слово, которое уже тогда ожгло меня болью. (Не забудьте: живу наперед!)

Когда-нибудь это письмо будет для Вас так же ясно, как эти буквы, в тот час, когда эта моя жажда станет Вашей.

В моих руках — в Ваших руках — всё.

М.

Рассвет какого-то июньского дня, суббота.

(Только у большого человека такое письмо не вызовет самодовольной улыбки. У большого-вообще и у большого в любви (Казановы, от меньшего — ПЛАКАВШЕГО!).)

$25^{\underline{\text{го}}}$ нов<ого> июня 1922 г., воскресение[168]

Дружочек!

Рвусь сейчас между двумя нежностями: Вами и солнцем. Две поверхности: песчаная — этого листа, и каменная — балкона. От обеих — жар, на обеих — без подушки, на обеих — закрыв глаза.

И не перо одолевает, а Вы, — ибо стихов я сейчас не пишу. (Писала пол-утра!)

— Солнышко! Радость! Нежность! — Вчера не горел свет, и я руки себе грызла от желания писать Вам.

(Не путайте моих утренних, дневых, вечерних писем — с ночными! *Все* разные, все — я, но больше всего я — тá, те. С Вами.)

У меня были такие верные — в упор — слова к Вам. Это был мой час с Вами, который у меня украли, с клочьями вырвали. Лежала — и воспитанно скрежетала.

— Дура? —

Я сейчас поняла: с Э<ренбургом> у меня было Р, моя любимая (мужественность!) буква: д*р*ужба, ге*р*ой, го*р*а, п*р*осторы, *р*азлука: всё прямое во мне.

А с Вами: шепота, щека, щебеты <пропуск одного слова> и — больше всего — ЖИЗНЬ, до безумия глаз мною сейчас любимое слово: в каждом стихе *Жизнь*.

И в этом: «дружочек!».

<Вдоль правого поля:> А все девять писем вместе с десятым, невернувшимся — попытка жить.

Мой родной, знаю, что это безобразие с утра: любовь — вместо рукописей! Но это со мной ТАК редко, ТÁК никогда — я всё боюсь, что это мне во сне снится, что проснусь — и опять: ге*р*ой, го*р*а...

— Радость! —

А вчера весь вечер я Вами любовалась — честное слово: до умиления! Такая внезапная мужественность: стихи — мои, проза — моя, пьесы — мои, и ни одной секундочки — собá-ака! — (как ругательство!) — внимания ко мне, имя которой для Вас ДОЛЖНО сейчас звучать как: *мое!*

Я знаю, история синицы и журавля. Но, увлеченный синицей (целыми стаями синиц, т.е. стихов) — в руках — не прогадайте журавля — в руках же!

— Смеюсь. — Ничего не прогадаете: mit *Haupt* und *Hauch* und *Haut* und *Haar*[169].

— Вы не устали слушать? — Пишу сразу три стиха. Ну и книга же будет! (Продам Гуковскому.)[170]

— Письмо пятое[171] —

26<u>го</u> июня 1922 г., ночь

Родной!

То, что сегодня слетело на пол и чего Вы даже не увидели, было ненаписанное письмо к П<астернаку>[172].

Вы сейчас ложитесь. Боже, до чего я умиляюсь всеми земными приметами в Вас: усталостью (тигрино-откровенным зевком!) зябкостью («не знаю почему — зубы стучат!» — у подъезда) внезапной (но еженощной!) ночной прожорливостью (в Prager-Diele — шницель).

— «Но Вы из меня делаете какое-то животное!»

— Не знаю. Люблю таким.

И еще — меня сейчас осенило — Вы добры́. Это не пустое слово. Вам часто *жаль*, т.е. больно, болевая возбудимость в Вас не меньше радостной. В этом мы похожи.

Мой родной мальчик, беру в обе ладони Вашу дорогую головочку, какие у Вас нежные волосы, стою над Вами как над маленьким. — Сколько у нас с вами могло бы быть. (NB! маленьких?)

Теперь слушайте, это *настоящая* жизнь.

Вы лежите, я вхожу, сажусь на край, беру к губам руку, вгребаюсь, любуюсь, люблю. За окном — большая жизнь, чужая, нам нет дела, всё проще простого: Вы, я. И целая ночь впереди:

Я Вам рассказываю — всякие нелепости, смеемся — ничего любовного! — ночь наша, что́ хотим то и делаем. Но ночь еще *своя*, собственная, со своими законами, и вот — через смех, произвол, пену — ПРАВДА: единственная: губы к губам.

Вы прелестно целуете (уничтожьте мои письма!) без натиска — нежно <пропуск двух-трех слов> настойчиво и осторожно, с каждой сотой секунды глубже, как человек, который хочет пить — и не сразу...

Некое душевное изящество, выдержка, — до поры.

С Вами не смутно (тяжелой смутой) — нежно, очень нежно, еще нежней, сверх-сил-нежно (игра: холодно, теплей, еще теплей, совсем тепло, — до «горит» у нас с Вами не доходило!).

<Вдоль левого поля:> Любовная любовь — вода, небесная — огонь. (В пояснение: вода: влажное начало, ил. Огонь: ничего не растет и всё сгорает.) 1932 г.

Плывешь. Вы невинны (радостью), Вы не сопреступник, не соубийца души, тьмы Вы сюда не вносите — только темнóты.

Как я бы хотела, как я бы хотела — ведь это нежнейшее, чтó есть — Вашего засыпания, какой-нибудь недоконченной фразы, всего предсонного с Вами! — Чтобы лучше любить! Ибо тогда души безоружны и явнее всего.

Милый друг, я только в самом начале любви к Вам — любови! — еще ничего не было, я только учусь, вслушиваюсь.

Я бы хотела многих Ваших слов, никогда не скажу. Чувство: ничего не опережать, заострить внимание и вглубь (себя, другого). Из этого может вырасти огромное — при бережности. Бережность, это Ваше слово, помню и благодарю.

Ведь всякую встречу можно повернуть самовольно (исказить!) эта встреча да будет по замыслу, не Вашему, не моему, самой любви, самóй судьбы. — Если ей вообще быть суждено! —

Будет час: у меня встанет к Вам неутолимая жажда — ах, знаю! — но это еще не скоро, и от Вас не зависит. Это — этап.

Не обманывайтесь внешними признаками: руки и губы нетерпеливы, это — дети, им НУЖНО давать волю (чтобы не мешали!) но главное не в них: душа, вначале опережающая, в середине запаздывает: или недолет или перелет, ибо она не наша <сверху: здешняя> и не соизмеряется.

— Спокойной ночи. Прочтите это письмо нá ночь, и тут же — сонно-выпадающим от сна карандашом — несколько слов мне, НЕ ДУМАЯ. — Буду любить и беречь.

Сегодня в кафэ мне на секунду было *очень* больно, Вы невинны, это я́ безмерна, Вам этого не нужно знать.

Спите. Не хочу ввинчиваться в Вас как штопор, не хочу *розни*, ничего не хочу *хотеть*. Если всё это — замысел, а не случайность, не будет ни Вашей воли, ни моей, вообще — в какие-то минуты — ни Вас ни меня. Иначе — бессмысленно: МИЛЫХ — сколько угодно.

Я хочу — ЧУДА.

М.

30го нов<ого> июня 1922 г., ночь[173]

Мой дорогой друг!

— Ибо сейчас обращаюсь к другу. —

Мой дорогой друг! — Хотите правду о себе, которой Вы от *любящей никогда* не услышите? Мы сейчас сидели за столиком, Вы слушали стихи, и музыку, и меня. Сейчас я дома и одна и думаю и первая мысль: это человек ПРЕЖДЕ ВСЕГО — наслаждения. О, не думайте: я беру это слово во всей его тяжести, и оттого что я его та́к беру — мне почти что больно (ибо это — неизлечимо).

Не наслаждение: женщины, вино и прочее простое, а: дерево, музыка, свет. *Всё* доходит, но исключительно через шкуру, точно души никогда и не было. (Ваша шкура — медиум.) Всё Вас гладит, всё по Вас — как ладонь. Мне любопытно: ЧЕМ Вы слушаете Бетховена?

(Не говорите: не люблю, боюсь слишком явной расщелины, ибо бетховенское: Durch Leiden — Freuden[174] — мое первое и последнее на земле и на не-земле!)

Ладонь — люблю, вся *жизнь* — в ладони. Но поймите меня! Нельзя — только ладонь.

Стихи Вы любите — даже не как цветы: как духи. Разрывается у Вас от них душа? Боль, — что́ она в Вашей жизни? (В моей — ВСЁ.)

Мой родной! Если бы это окончательно было так — и завтра! — я бы нынче не тянулась к Вам как тянусь. Я хочу для Вас страдания, но не грубого, как те явные чудеса, не поленом по голове бьющего (ибо тогда человек тупеет: обрубок, бык), а такого: по жилам как по стру́нам. Как смычок. И чтобы Вы за этот смычек — отдали последнюю душу! — Чтоб Вы умели жить в нем, поселились в нем, чтоб Вы дали ему в себе волю, чтоб Вы не разделывались с ним в два счета: «больно — не хочу».

Чтобы Вы, сплошная кожа, в какие-то часы жизни стояли — без кожи.

Я не хочу, чтобы Вы — такой — такой — такой — *в искусстве*, миновали что бы то ни было «потому что тяжело». Вы не любите (НЕ ХОТИТЕ) Достоевского и Вам чужд Врубель — пусть это будет сила в Вас, а не слабость, преодоление через знание, а не закрывание глаз. Я не хочу Вас слабым, потому что не смогу Вас любить.

Будьте слабым в личных проявлениях, в маленьких пристрастиях, но не переносите этого на большое, слабости не терпящее. Вспомните, что эпикурейцы из всех искусств жизни лучше всего умели: УМИРАТЬ. Эпикурейство обязывает.

Будьте

—

Это слово случайно осталось последним. Прервала жизнь. Это слово не случайно осталось последним.

Я Вас бесконечно (по линии отвеса, ибо иначе Вы этого принять не можете, не вдоль времени а вглубь не-времени) — бесконечно, Вы мне дали *так* много: всю земную нежность, всю возможность нежности во мне, Вы мой человеческий дом на земле, сделайте та́к чтобы Ваша грудная клетка (дорогая!) меня вынесла, — нет! — чтобы мне было просторно в ней, РАСШИРЬТЕ ее — не ради меня: случайности, а ради того, что через меня в Вас рвется.

Беру тебя за головочку (я сто́ю, ты выше меня, тянусь) смотрю на <под строкой: в> тебя, потом, не отпуская рук, сама подставляю голову. И потом, чуть запрокинув: на́.

Возьми меня с собой спать, в самый сонный сон, я буду лежать очень тихо: только сердце (которое у меня — *очень* громкое!). Слушай, я непременно хочу проспать с тобой целую ночь — как хочешь! — иначе это будет жечь меня (тоска по тебе, спящем) до самой моей смерти. Ты ведь знаешь, что́ мне здесь важно.

Поцелуй за меня мою вторую мечту.

М.

2го нов<ого> июля 1922 г., ночь[175]

<Поперек страницы, перед началом письма:> NB! Думаю, что между 30т<ым> нов<ого> июня и 2ым нов<ого> июля — либо письмо Б.П., либо письмо к Б.П., либо усиление дружбы с Белым. Слишком явный — солнцеворот (*от* корреспондента!). — Проверить. — (1932 г.)

Милый друг!

Как Вы похожи на Ваше письмо! (Читала его более внимательно, чем Вы — писали.) — Линия наименьшего сопротивления.

Мне нравится Ваше письмо, перечитывала его за два дня — четыре раза (часы, конечно, знаете).

Я бы одно только хотела знать: для меня ли Вы его писали, или для себя, или

Вы в письме плывете: не гребя, на спине. Как это у Вас еще хватило силы держать перо? (Не силы — действенности!)

Некоторые места, которых сразу не поняла (почерка), так и остались темными. Косноязычия в письме нет, оно плавное: слово за словом. А Вы уже вообразили, что тонете в море?

Вы любите слова, Вы к ним нежны и они Вам благодарны: льнут. Во мне, думаю, Вы любите главным образом слово, через слово и душу. Бывает, что через душу — слово. Я бы предпочитала единовременность и единоглавенство (хорошее слово? — выдумала — и по Вашему поводу! Подарите мне за него мундштук — только не белый. А свой вчера сходя с автомобиля — каталась с Белым — потеряла*). Непременно подарите! — Список растет.)

Вчера я с иронической рыцарственностью Вас защищала, это меня услаждало, гладило пó сердцу, хотя и знаю, что:

...за добрые дела
Лозэн, не любят![176]

Кстати, кажется продаю Фортуну Гике[177].

Есть нежные слова в Вашем письме, тоже гладящие пó сердцу, по всему верху грудú — ладонью. С таким письмом хорошо спать. — Спасибо.

По Вас не скучаю — пока, но (знаю себя) через три дня бы заскучала. И потом — Вы *дома*, *очень* думать о Вас значило бы — и Вас заставлять думать, т.е. úз дому — уводить (не самомнение, первая гадалка скажет!) а я против даже самого нежного насилия.

А если сами думаете обо мне — Вам меня уводить не приходится.

Хочу Ваших писем. Продолжайте. Письмо — испытание.

«...нежность на исходе» (от растраты). Это чудесно и правильно. И, смотрите: от «на исходе» — неизбывность, чем больше даешь, тем больше остается, закон правильный даже в мире внешнем. (Я, напр., раздающая НАПРАВО И НАЛЕВО — в самом *злободневном* — партийном — смысле! — стихи из Ремесла (NB! ВАШЕГО) и отчаивающаяся когда-либо до конца избыть.) Я бы хотела прочесть Ваши стихи. — Дадите? — Прочту внимательно и скажу правду. (Оттого, верно, и нé дал! 1932 г.)

Вы, конечно, из лени, не напишете мне ни строчки, Вы вроде Али, которую нужно соблазнять неграми или хватать за загривок: пиши! Днем — море, вечером — сон.

---

*) Вот она и разгадка — солнцеворота! Восхитительная (от земли восхищающая) ночная поездка с Белым в Шарлоттенбург[178].

Когда я уеду — и вот, не знаю, что́ дальше. Вижу себя, глядящую — согласно Вашему определению — вполоборота, через плечо, но не на Вас: на себя — эту.

———

Моя нежность! Завтра или послезавтра спрошу Вас, что́ в точности Вы делали во втором часу ночи, нынче, в воскресенье.

Помню Ваши утренние волосы: кудрявые, и дневные: проборные, и ночные: лохматые, — самые милые! И всю Вашу небрежную (не бережете!) нежность. Но слишком думать о Вас нельзя.

———

Спокойной ночи. — Если Вам сейчас снится хороший сон — то, конечно, *моей* милостью.

———

9го нов<ого> июля 1922 г., ночь

— Письмо девятое, последнее —

Мой родной,

Сегодня наши мысли врозь, Вы берете в сон — другую, я — целое небо.

От стихов (напряжения) мне страшно захотелось спать, я ждала Ваших шагов, мне не хотелось, чтобы я когда-нибудь — в будущем — смогла сказать себе, что хоть раз пропустила Вас по своей вине, я взяла подушку и легла — головой в дверях балкона. Подымаю глаза: две створки двери — и всё небо. Шагов было много, я скоро перестала слушать, где-то играла музыка, я вдруг почувствовала свою низость (всех годо́в и последних дней!) я знаю, что я не такая, — это только потому, что я пытаюсь — *жить*.

Жить — это *кроить* и неустанно кривить и неустанно гнуться и уступать — и ни одна вещь не стоит (да и не сто́ит! простите эту грустную, серьезную игру слов) всё на мягких ногах, как тот идол, а когда хочешь выправить (не жить — быть!) — весь хребет трещит, разрыв (не с человеком, — *только* души!).

Мой родной, я совсем не знаю, доходит ли. Я еще полна этим пустым небом. Оно плыло́, я лежала неподвижно, я знала, что я, лежащая, пройду, а оно, плывущее, останется. (Небо плывет вечно и безостановочно: с тех пор как земля и раньше чем земля, а *я* — всё прохожу: вечно и безостановочно. Я — это все те которые так лежали и смотрели, лежат и смотрят, будут лежать и будут смотреть: видите — *я* тоже бессмертно!)

И вспомнила утро: недоуменно, вне негодования. Это просто была не я. Разве *я* — могу кроить и рассчитывать. Нет, это

жизнь за меня старается. *Я* могу — дá — рваться (как ребенок: к тебе) — разрываться — но дальше!.. Все исхищрения, все лоскутья (урезки!) — как не завести рук за спину?

Разве нужно — в *таком* осуществлении — *такой* ценой?

Друг, должно быть небо — и для любви.

Знайте, не раскаяние и не угрызение, ни от чего не отказываюсь, пока под веками и на пороге губ.

Простите меня за мои сегодняшние слова и помыслы, я была не в уме.

Друг, Вы сегодня не пришли, потому что писали письма, мне уже не больно от таких вещей — приучили — (Вы — и все, Вы ведь тоже «бессмертны»! — как та лежащая: глядящая я) — когда Вы когда-нибудь, на досуге, перечтете мои записные книжки — не только ради формулы и анекдота — когда Вы иначе, меня *живую* ища, перечтете — Вы зáново увидите нашу встречу. Думаю, в жизни со мной поступали обычно, а я чувствовала *необычно*, поэтому никого не сужу. От Вас как от *близкого* я видала много боли, как от *чужого* — только доброту, никогда не чувствовала Вас ни тем, ни другим, боролась в себе за каждого — значит: против каждого.

Это скоро кончится — чую — уйдет назад, под веки, *за* губы — Вы ничего не потеряете, стихи останутся. Жизнь прекрасно разрешит задачу, Вам не придется стоять распятием (да простит мне Бог и Ваше чувство меры — непомерность сравнения!).

Родной! Вне милых бренностей: ревностей, нежностей, верностей, — вот тáк, под пустым небом: *Вы мне дороги.* Но мне с Вами просто нечем было дышать.

Я знаю, что в большие часы жизни (когда *Вам* станет дышать нечем, как зверю задохнувшемуся в собственном меху) — минуя мужские дружбы, женские любови и семейные святыни — придете *ко мне.* По свою бессмертную душу.

А теперь — спокойной ночи.

Видите, небо рознит меня не с Вами, только <фраза не окончена>

Целую Вашу черную головочку.

М.

Письмо десятое, невозвращенное[179]

Письмо одиннадцатое, полученное[180].

Вы поймете, Марина, как мне трудно писать: я сознаю себя кругом виноватым. Виноват в отсутствии той «воспитанности»

(внутренней и внешней) которую Вы так цените. Но постигает же людей чума, и меня постигла жестокая прострация, гнусное состояние окостенения, оглушения, онемения. Всё проходило мимо и никакие силы не могли бы заставить меня делать то, что делать было необходимо. Сейчас всё это — позади, и я чувствую какую-то особенную послеболезненную бодрость. Мне очень тяжело, что мое молчание могло Вас навести на ложные предположения. Я долго и тяжко спал. Спящие не ходят на почту. (Я, 1932 г. — Но едят.) Прошу этому верить.

<Вдоль правого поля:> NB! Ненавижу слово: бодрый. Фокс-террьер — бодрый. А в общем — всё письмо — послеобеденная дóбрость.

Я возвращаю Вам письма дабы у Вас была полная уверенность в том, что они — не у меня. Я оставил только одно — последнее, переданное Вами в день отъезда. Оно мне дорого, как завершение какого-то пути, как последнее слово удаляющегося голоса. Впрочем, если Вам не по себе от этого листочка в моих руках — верну его тотчас.

Я шлю Вам (заказным)
1) 2 конверта с документами
2) тетрадь 21 г.
3) Стихи 17 г.
4) "   " 18 г.
5) Две записных книжки
6) Книги Ахматовой
7) Юношеские стихи

Лиловую книжечку, куда Вы записывали мне стихи, я оставил. Не в виде документа или памятки, а просто как кусок жизни переплетенный в кожу. (Я, 1932: какой в этой фразе (и образе) — ЖИР!) Если это не по праву (не «законно») — напишите, пришлю.

<Вдоль верхнего, левого и нижнего полей:> Противная ассоциация с порнографическим <пропуск одного слова> переплетенным в женскую кожу (с груди). И еще: этот «кусок жизни» — просто сердце: живое мясо души. Не сомневаюсь, что наряду с остальным, моему корреспонденту сильно нравилась сама видимость книжки: темно-синий сафьян, в каковом, кстати, для себя никогда не пишу. Так, в последний раз оправдалась моя о нем «ощупь», так в первый раз его оЩупь — на мне — удовлетворилась.

Корректуру «Ремесла» (в сверстанном виде) высылаю той же почтой. Ради Бога — не задерживайте и верните Durch Eilbo-

ten[181] и заказным. Книга появится в конце ноября и будет хорошо отпечатана, не беспокойтесь.

Если напишете — отвечу без промедления. Я проснулся. У меня отшибло память на личную жизнь. Помню человеческое и общее. И Вас помню на балконе, лицом вверх и глазами в ночное черное небо, равно безжалостное для всех.

Белый шлет Вам привет и просит стихи в «Эпопею». Сообщите, какие печатать. Как Ваша литературная работа? Гейне переводите? Из записных книжек не хотите чего-нибудь смастерить?

Я посылаю Вам на этой неделе 20:000 германских марок. Вы живете в стране со зверской валютой, и, представляю себе, как это мало. А Гика?

Есть у Вас новые стихи? Пришлите, пожалуйста, по старой памяти.

Желаю Вам добра

Ваш

Берлин, 29.10.22.

(для ясности 29го октября 1922 г.)

Все люди берегли мои стихи, никто — мою душу. (1932 г.)

Чехия

Записи из первой чешской черновой (зеленая с черным: зебра)[182]

Слева, в виде эпиграфа:

«От сего, что поэт есть творитель, не наследует, что он лживец: ложь есть слово против разума и совести, но поэтическое вымышление бывает по разуму та́к, как вещь МОГЛА и ДОЛЖЕНСТВОВАЛА быть».

Тредьяковский[183]

— Начинаю эту тетрадь в Чехии, в горах у лесника — без адреса — 6го нового августа 1922 г.

Первый стих: Сивилла
(Сивилла: выжжена, сивилла: ствол)

Невошедшие строки (варианты)

...Битв... ибо веком сглазив
Вечным — навек взошел
В тело (столбняк и кладезь) —
Фебовой флейты ствол.

<Справа от четверостишия, поперек страницы:> NB! сглазив — как наказав: наказав вечным веком, бессмертием.

Битв... ибо зраком сглазив
Вещим —

Голос и кость
(Сивилла)

Проточные жилы (рек)

Разрозненные голоса
Арфы Давидовой

— — по дорогам
Яблони сторожевые

Ибо на тебе, шиповник.
Капли сердца моего

Так,
Кануть безвестно!
Элизиум! Братство лесов!
Рай мой древесный!

Заживо ризы раздарив
[...]
Посмертное струенье ив
Принять при жизни.

Та́к, в судорогу ваших дел —
Всей благостью потусторонней

Золото моих волос
Тихо переходит в седость

Не жалейте: всё сбылось
Всё в груди — спелось.

Спелось — как вся даль слилась
В стонущей трубе окрайны.
Господи! Душа сбылась, —
Умысел твой самый тайный.

———

Не твердите мне, что — рус
Волос мой
Ранней седостью горжусь:
[...]

Несгорающую соль
Дум моих — ужели пепел
Фениксов отдам за смоль
Временных великолепий.

———

Да и ты посеребрел,
Спутник мой! К громáм и ды́мам
К молодым сединам *дел* —
Дум моих причти седины.

Горделивый златоцвет,
Роскошью своей не чванствуй!
Молодым сединам *бед*
Лавр пристал — и дуб гражданский[184].

———

(Не окончено и в Ремесло не вошло — а могло бы.
Около 20го сентября 1922 г.
Горние Мокропсы, близь Праги.)

———

Но до Господа дойдут
Рёвы | труб.
Зовы |

———

зов
Утробы завóдской
Сброд и картузов
Сиротство, сиротство!

На вытяжку — корпуса
Рабочий поникший
С ребенком, что родилсй

Сегодня | — для них же
Намедни |

<Справа от наброска, поперек страницы:> Отголоски пражской Свободарни[185].

———

Все жалобы к Богу несет труба.

———

...Где начало правды, где схлынул жир
Дорогих квартир
Где   и столько дыр —
В смерть — и выход в мир.

———

Бедному на том свете дадут шубу, богатому — душу.

———

На корысти — коросте —
Так блаженно и просто: другая жизнь.

———

Где из свалочной ямы
Первым сядешь за стол.

———

Юных ангелов седость,
Седость ранних монархов

———

Оттого что так рано мой волос сед —
Обещаю и знаю, что смерти нет.

———

Где кажется дадут: поэтам — хлеб,
Богатым — душу.

———

Как казачьи набеги
Лихорадки крапивной
(Любовь)

———

И улыбаясь молодости бурной
Я голову свою несу как урну.

———

Опомнись же! Вторая четверть века!
Что делаешь?
— Да уж который год
Бесчувствую и провожаю реку
Души своей и радуюсь: растет.

———

На требованья жилистого века
И женскую   : тридцатый год!

Бесчувствую и провожаю реку
Души своей, и радуюсь: растет!

——

На требованья жилистого века
Что делаю? Да уж который год
действую |
Бесчувствую | и провожаю реку
Души своей, и радуюсь: растет!

——

(28го сент<ября> 1922 г.)

——

Если камень летит — в меня́ он.

——

С крыши камень упал — в меня́ он.

——

Или тот, лавролобый,
В чащах Дафну узрев?..

——

Радуги переброс.

——

Лбов — тихая обуреваемость.

——

В упокоенный плеск
Струений тростниковых.

——

Лысеющие леса

——

NB! Мельницу с одним окном, ручей, горбатый мостик.

——

Проводы реки.

——

Ива, древо скорбящих.

——

Разрозненные голоса
Арфы Давидовой.

——

Посмертный скарб.

——

25го русск<ого> сентября 1922 г., день С<ережи>ных имянин, полковой праздник марковцев[186] и канун моего тридцатилетия. (Подпись под стихом «Так, заживо раздав...».)

——

Не цветом, а светом
Загадка решается: клен

——

Такая ж заплата
Как слово: любовь.
Ложь: пурпур и злато,
Ложь: киноварь, бронза и кровь

спетом
[...]
Не цветом, а светом
Загадка решается: лес

Осенний...

——

Аминь и Осанна!
Иного не вспомнят уста

——

Пресветлая осень,
Какое подобье избрать?

——

(Хождение возле: «Не краской, не кистью».)

——

27го р<усского> сент<ября>—10го нов<ого> Окт<ября> 1922 г.

——

Даль, в верстовых столбах пошедшая ввысь.

——

Все поезда — в Бессмертье, по дороге — Россия.

——

Все поезда — в Бессмертье, полустанок — Россия.

——

Лестницей ребер, рук —
Тел воскресающих...

——

Дух, справившийся с прахом

——

Шелесты фольги
(NB! шелест засохшей листвы на дубах — точный шелест фольги.)

——

То́ благовествую, что́ сама
Нынче лишь узнала:
В строгой постепенности псалма,
Зрительною ска́лой...

——

То живописую чтó сама
Нынче лишь узрела

клочья…
Просыпаются — кто в чем успел
Лечь на сон бессрочный

Старческих, не знающих *сего*,
Отроческих — птицы…

Вихрь седобородый…

Вяз седобородый…

Смертная жизнь:
м |
Слабых | — сеть
Дерева жизнь:
Славу петь!

Я знаю:
Такая же будет сквозная —
Та роща…

Хочешь? Помоги
Вспомнить! На иконках —
Шелесты фольги,
Проволочек тонких…

Сухие дубы — как елки с украшениями — когда нечаянно качнешь.

В *этой* стране —
Песни в цене!

— так опаду
… — и так восстану!
NB! Непременно старого Давида!

…День когда тьма от света

Отделена была. Столь наг и чист
Свет, что три ночи сряду

Стихи забрасываю: каждый лист —
Целою Мессиадой!

———

Тетрадь откладываю: каждый лист —
Целою Мессиадой!

———

В сиром воздухе загробном —
Перелетный рейс...
Сирой проволоки вздроги,
Повороты рельс...

Точно жизнь мою угнали
По стальной | версте —
двойной |
В сером мороке — две дали...
(Поклонись Москве!)

———

Точно жизнь мою убили.
Из последних жил
В сиром мороке в две жилы
Истекает жизнь[187].

———

Две продольности и встречный
Гром: железа речь.
Разве некой поперечной
Посередке лечь?

———

Разве некой поперечной
Не победа — лечь?

———

Под колесами не слышно
Рельс, не видно рельс.

———

Разве поезд — только поезд
И его ли ждешь?

———

28го Октября по новому (Октябрь всегда пишу с большой буквы, из-за того — московского) вечером, в 11 ч. 20 мин. — на щеке — паук. (Espoir.)[188]

———

Не нáдо вам моéй любóви!
Обманываю вас —
Панóве!

———

В Сочельник кончила Мóлодца. За два месяца — ни стиха.

Зов —
Прародины.

Можжевельник монашествующий.

Что любовную любовь
Отбываю, как повинность.

Растворяю окно: гора или облако?
(Не стих, запись)

Хочу написать Окно (за кисеей).

Запись одной весны (книга). Устрашает необходимость фабулы. Люблю не людей, но души, не события, а судьбы <под строкой: а со-бытиё — со всем>. Я не умею выдумывать, брезгую вымыслом. Так прекрасно всё спелось без меня.

Не люблю из черной работы — только мытье полов: чувствую действительное унижение: долу перед прахом (который отрясают с ног). И унижение не только <пропуск одного-двух слов>, просто: мне на четвереньках — низко. Пол хорош для лежания: вытянувшись как мертвец.

Проще: не люблю из черной работы — только мытье полов: слишком помойно.

Я не изгоню из этой книги людей, они в нее сами не войдут (как в мою жизнь).

Весна: звенящее, сквозное, не оперенное.

Котел. — Платформа. — Въезд. — Колодец. — Лысая гора (можжевельник). Дубовая рощица.

«Что с ним сделала жизнь». Жизнь, — но ведь это вёсны и лета и осени и зимы, и разливы рек, т.е. опять вёсны — и лета — чтó они с нами — нам — делали, кроме доброго?

«Что со мной сделала жизнь» — стихи.

Люби другое, и страдать будешь от другого — и страдать будешь по-другому: по-своему: родному <сверху: высокому>.

— Просквозило всю голову!
(на горе)

Встречи с П<астерна>ком, на платформе, ожидая пóезда в Прагу[189].

Моя душа теряет голову.

Памятью и рассудком помню, что есть другая жизнь — горячая, где жарко. Сердцем — нет: оно всецело на службе моих горных подъемов (т.е. ног, и легких, и лба).

Весну этого года я увидела черной, в темноте, скорей услышала, чем увидела — в шуме разлившегося ключа, поздно вечером, когда уже ничего не видно.

Это книга отрешения: платье всё время падало, я его вяло удерживала — и вдруг задумалась, загляделась, а оно — <пропуск одного слова> — скользнуло и вот — кружком как пес у моих ног: жизнь.

Быть действующим лицом — да, если бы не с людьми! В лесу например — действующим лицом
Мне плохо с людьми, потому что они мне мешают слушать: мою душу — или просто тишину.
Такой шум от них! *Без звука*. Пустой шум

Знаю, что весна со мной сотворит — чтó не знаю (тó, чего еще не знаю).

Запись моих близоруких глаз.

Я знаю, что за облаком — боги. Два слова во мне неразрывны: *боги* и *игры*. А наших земных игр не люблю: ни взрослых ни детских.

Почему такая свобода во время сумерок? Уверенный голос, шаг, жест. А я́ знаю: лицо скрыто! Свобода маски. Мне в жизни нужно, чтобы меня не видели, тогда всё будет как <пропуск одного слова>. Исчезнуть чтобы быть. (Не смерть ли?)

Я не больной. Больной неустанно меняет положение, потому что дело не в кровати, а в нем. Я металась пока не напала

на одиночество (единственный бок одиночества). Следовательно дело было в кровати, а не во мне.

6-летний мальчик, сын режиссера, целует ручку. Ах, если бы не режиссера сын, а сапожника! — Сам —

(NB! Странно: переписываю эту запись — речь о Лелике Т<ур>жанском[190] — как раз в день его шестнадцатилетия: 25го июля 1932 г. Он более чем когда-либо «целует ручку». В мифологию больше не играет, но танцует на балах.)

Моя душа слишком ревнива: она бы не вынесла меня красавицей.

Черный. Белый. Темный и светлый мне нужнее: больше дает. Думаю — п.ч. черный существует еще и как разряд: густоты, степени жара и пр. (Черный: жаркий: густой: резкий —), т.е. как ряд определенных присутствий, мне не-нужных, лишних, м.б. враждебных.

Черный: ряд (свойств и вещей), темный — всё.

Тáк, вопрос цвета решать светом, степенью света. Это я почувствовала осенью.

— Шум надувающихся и проносящихся ручьев. — Этого слова я искала вчера, проходя темным вечером по деревне. Черный остов церкви, запах березового лыка (размоченных ливнями плетней) под ногами вязь, грязь, — и справа и слева, вдогон и в обгон — шум надувающихся, торопящихся, проносящихся ручьев.

Думаю, что из всего что на свете видела и не видела я больше всего люблю Сицилию[191] потомý, что воздух в ней — из сна. Странно: Сицилию я помню тускло-радужной, <пропуск двух-трех слов>. Знаю (памятью), что в ней всё криком кричит, вижу (когда захочу) бок скалы ощеренный кактусами, беспощадное небо, того гиганта без имени под которым снималась: крайность природы, природу в непрерывном состоянии фабулы, сплошной исключительный случай, а скажут при мне Сицилия — душевное состояние, тусклота, чайный налет, сонный налет, сон.

Запомнила, очевидно, ее случайный день и час, совпавший с моим вечным.

Помню дорогу, мощеную пластами как реку — пластами — постепенную, встречного осла с кистями и позвонцами, сопутст-

вующие холмы с одним единственным деревцем, кислую марсалу и кислый хлеб. И монастырю, в который мы шли (развалинам) и дороге, которой мы шли и дню, в который мы шли — всему этому, очевидно, было имя ,(иначе бы не было: который). А вот — память взяла и забыла, переместила бренную (данную) дорогу, день, час в совершенный: сновиденный мир.

Сицилию я помню Флоренцией, в которой никогда не была.

А м.б. только всего — ранняя сицилийская весна.

У меня летом была отчаянная мысль: я та́к люблю эту березу, но я буду замерзать под ней зимой — она <фраза не окончена>

И то же с моим колодцем, под горкой, пастернаковским, из которого в ведре несу — ведрами ношу! — луну: упаду — только повышу уровень...

Значит: обман: это мое сознание: как оно меня любит! Значит: себя́ — тешу.

А потом поняла: они тоже беззащитны, они тоже ничего не могут, нам вместе холодно, страшно и т.д., не *они*, а я — должна их защищать. — Стихи. —

Непроспавшееся небо, точно протирающее глаза верхом руки.

(Начало февральских стихов к Б.П.)

Узнать у А<льтшулле>ра[192] наибольший диапазон человеческого голоса. Хорошо бы у кого-нибудь — нечеловеческого.

Так нового века Патрокл и Ахилл
Мы свято друг другу явили
Что́ могут — в железном сознании КРЫЛ —
Последние силы и жилы.

Я сейчас в первый раз в жизни понимаю что́ такое поэт (стою перед лицом поэта)[193]. Я видала людей, которые прекрасно писали стихи, писали прекрасные стихи. А потом жили, вне наваждения, вне расточения, копя всё в строчки: не только жили: наживали (-лись). И достаточно нажив разрешали себе стихи (как маленький чиновник — поездку на дачу — после целой департаментской зимы). И, естественно — месяцы и месяцы жильничества (лучше бы — жульничества!) скопидомства (-душства) — небытия! — т.е. зная, что им стихи сто́ят, в какую ко-

пеечку им самим влетели, и естественно, говорю, требовали за них с окружающих непомерной платы: кадил, коленопреклонения, памятников за́живо, множа то малое что́ дали на всё в чем себе отказали и этот счет предъявляя.

И я, жалея в них *нищих*, галантно кадила — и отходила. Я ведь многих, многих поэтов знала. И больше всего любила, когда им просто хотелось есть — или просто болел зуб: это человечески сближало. Я была НЯНЬКОЙ при поэтах — совсем не поэтом — и не Музой! — молодой (иногда трагической!) нянькой. — Вот. — С поэтами я всегда забывала, что я — поэт. А они, можно сказать — и не подозревали.

Вы, Пастернак, в полной чистоте сердца — мой первый поэт, т.е. судьба разворачивающаяся на моих глазах, и я так же спокойно (<пропуск одного слова>) говорю Пастернак — как Байрон. Ни о ком не могу сказать сейчас: я его современник, если скажу — польщу, пощажу, солгу. И вот, Пастернак, я счастлива быть Вашим современником. Читайте это так же отрешенно как я пишу, дело не в Вас и не во мне, это безлично, и Вы это знаете. Исповедуются не священнику а Богу. Исповедуюсь (не каюсь, а воскаждаю) не Вам, а Daemon'у[194] в Вас. Он больше Вас, но Вы настолько велики, что это знаете.

Последний месяц этой осени я <пропуск одного слова> провела с Вами, не расставаясь, не с книгой. Я одно время часто ездила в Прагу, — и вот, на нашей крохотной станции — ожидание поезда. Я приходила рано, в начале темноты, когда фонари загорались. (Повороты рельс.) Ходила взад и вперед по темной платформе — далё-ёко! И было одно место: фонарный столб — без света — это было место встречи (конец платформы), я просто вызывала Вас сюда, и долгие бо́к о́ бок беседы, никогда не садясь, всегда на ногах.

В два места я бы хотела бы с Вами: в Weimar, к Goethe и на Кавказ (единственное место в России, где я *мыслю* Гёте).

Я не скажу, что Вы мне необходимы, Вы в моей жизни необходны, как тот фонарный шест, — который всегда встанет, на всех моих путях. В начале темноты, в конце платформы.

Тогда осенью я совсем не смущалась, что Вы этого ничего не знаете — видите, не писала же, и не написала бы никогда, если бы не Ваше письмо, — не потому что тайна, а потому что Вы всё это сами знаете — может быть только с другого конца: по ту сторону платформы. (Там где кончается платформа начинается Пастернак. Формула той платформы. Той осени. Меня той осени.)

«Хочу» — можно и расхотеть, хочу — вздор. У меня и в детстве не было хотений.

«На вокзал» было: к Пастернаку, я не на станцию шла, а на свидание (надежнее всех, на которые когда-либо… Впрочем, *мало* ходила: не снисходила: пальцев одной руки хватит… Но об этом потом — тогда́ — или никогда)… Вы были моим счастливым свиданием, Пастернак.

И, заметьте: никогда нигде кроме той асфальтовой дороги. Уходя с вокзала я просто расставалась: сразу и трезво — как в жизни. Я Вас никогда не брала с собой домой. И никогда нарочно не шла. Когда прекратились поездки в Прагу, кончились и Вы (встречи).

Рассказываю Вам всё это, п.ч. в Прагу больше не езжу (раз в месяц, за иждивением — и днем, уничтожающим: начало темноты, смысл фонаря — и бесконечность за концом платформы, оказывающуюся всего только шахматами полей).

Теперь о союзничестве. Когда я кому-нибудь что-нибудь говорю и другой не понимает (*всегда:* никогда!) первая мысль: Пастернак. Не мысль: оборот головы. Как полководец за подкреплением. *Ссылаясь.*

Как домой иду. Как на костер иду. *Вне* проверки. Я например знаю, что Вы — из всех — любите Бетховена (даже больше Баха), что Вы больше стихов любите музыку, что Вы «искусства» не любите, что Вы не раз думали о Паганини и хотели писать о нем, что Вы *католик*, а не православный. Пастернак, я читаю Вас, но я как Вы не знаю Вашей последней страницы.

Мне хочется сказать Вам — и Вы не рассердитесь и не расстро́итесь, ибо Вы мужественны и бескорыстны — что в Вашем творчестве больше Гения, чем поэта, сдавшегося ему на гнев и на милость. (Только низкое себялюбие может сражаться с ангелом! «Самоутверждение» — когда всё дело: в самосожжении!)

Еще, Пастернак, я хочу чтобы Вас не зарыли, а сожгли.

Ваша книга[195]. Пастернак, у меня к Вам просьба. «Так начинаются цыгане»[196] — посвятите эти стихи (мысленно) мне. Подарите. Чтоб я знала, что они мои. Подтвердите право на владение. И есть крик, вопиюще-мой: — Это я, а не вы — пролетарий (который кстати всегда произношу та́к:

— Нет, не вы, — это я́ — пролетарий!)[197]

Пастернак, есть тайный шифр. Вы — сплошь шифрованы. Вы безнадежны для «публики». Если Вас будут любить, то из страха: одни — отстать, другие — быть обвиненными в отсталости, третьи (уже исключение) — как звери Орфея, повинуясь, т.е. тоже из страха. Но *знать* (понимать)… Да и я Вас не знаю,

да и Вы себя не знаете, Пастернак, мы тоже звери перед Орфеем, только Ваш Орфей — не Пастернак: *вне* Вас.

А есть другой мир, где Ваша (наша) тайнопись — детская пропись. С Вас там начинают (первая ступень). Пастернак, подымите голову! Выше! Та́м — Ваш «Б<ольшой> Политехнический зал».

Ремесло. — Мо́лодец. — «Женское ничтожество». — Беседа с Вашим гением о Вас.

А теперь, Пастернак, просьба: не уезжайте в Р<оссию> не повидавшись со мной. Россия для меня — un grand peut-être[198], почти тот-свет. Знай я, что Вы в Австралию, к змеям, к прокаженным — мне бы не было страшно, я бы не просила. Но в Россию — окликаю: итак, Пастернак, предупредите, я приеду. Внешне — по делам, честно — к Вам: по Вашу душу, проститься. Вы уже однажды так исчезли — на Девичьем Поле, на кладбище[199]: изъяли себя *из...* Просто: Вас не стало.

Пастернак, я привыкла терять, меня не удивишь, меня обратным удивишь. Удивите! (удачей). Пусть хоть раз не сбудется судьба. Нынче в первый раз боюсь — и борюсь за: что́? да просто рукопожатье.

Я вообще сомневаюсь в Вашем существовании, слишком похоже на сон: по той свободе, которая у меня к Вам, по той *беззаветности* (освежите первичный смысл), по той несомненности, по той *слепости.* (Сплю на оба глаза, а м.б. — «Спи, глазок, спи другой...» а про третий — забыла.)

Я бы могла написать целую книгу наших встреч, не написать: записать. Знаю, что — было. Так, удостоверенная в таком Вас, сомневаюсь в простом Вас: простого Вас, да просто: Вас нет.

Больше просить об этом не буду, только если не исполните (под каким бы ни было предлогом) — рана на жизнь.

Не отъезда Вашего боюсь, а исчезновения (пропаде́ния).

Вы пишете: «не хочу о себе», и я говорю: не хочу о себе. Стало быть — именно о Вас. Вам плохо потому что Вы с людьми. — И всё. — С деревьями Вы были бы счастливы. Не знаю Ваших дел, но — уезжайте на волю.

Да, одно темное место в Вашем письме. Вы думаете, что я «по причине гордости и стесненности» <пропуск двух-трех слов>. Дружочек, я Бога молю всегда жить — как живу: я *раз* в месяц бываю в Праге, все остальные двадцать девять — я на горе, с

можжевеловым кустом, который — Вы. Единственная моя горечь — что я в Берлине не дождалась Вас.

Никогда не слушайте суждений обо мне людей: я многих задела (любила и разлюбила, няньчилась и бросила) — для людей расхождение ведь вопрос самолюбия. За два месяца в Берлине <фраза не окончена>. Единственное, чего люди не прощают, это что ты без них, в конце концов — обошелся. Не слушайте. Если Вам что-нибудь о моей жизни нужно знать. — сама расскажу.

—

Пишите чаще. Без оклика — никогда не напишу. А писать мне Вам <фраза не окончена>. Писать — входить без стука. Вы же, когда бы обо мне ни думали, знайте, что думаете — в ответ: мой дом — весь — на полдороге к Вам: у самого порога, которого между нами — нет. Где уж тут: стук в дверь: раз навсегда сорвана.

—

(всё это — карандашом в тетрадь)

—

С 7ое по 14ое февраля[200]:		Надо:
Гора[201]	Богиня Иштар[202]	Фонарь
Орган[203]	Лютня	Лестница Иакова
Поэт[204]	Азраил (два)[205]	
Душа		
Сириец[206]		
Колыбельная[207]		

—

Мать меньше чем кто-либо видит своего ребенка в настоящем: либо на горшке (вчера), либо на троне (завтра).

—

На пургу не дунешь, млад!
Вьюнош-млад, вьюнош-млад!
На луну не плюнешь, млад!
Вью—нош млад!

—

(Из этого: Расколюсь — так в стклянь[208])

—

...Любезность — или нежелание огорчить? Глухота — или нежелание принять?

...А знаете, как это называется?

Из всех, за всю жизнь — только один вместил: 61 года от роду — и очевидно миллиардер — т.е. привы <слово и фраза не окончены>

...У Вас же великолепный выход: что́ превышает — на долю Гения. Он и не такое вместит.

Это не игра, п.ч. на игру нужен досуг. Я же задушена насущностями: от стихов до вынесения помоев, до глубокой ночи. Это *кровное.* Если хотите: кровная игра. Для меня всегда важно прилагательное.

——

Отношение к Вам я считаю срывом — м.б. и ввысь. (Вряд ли.)

——

Я не тот (я другой!) — тогда радуюсь. Но чаще «не тот» — просто *никто.* Тогда огорчаюсь и отступаюсь.

——

Смирение — это последнее любопытство: до чего дойдет (мужчина, гость, Бог, <пропуск одного слова>) и на чем наконец остановится — и есть ли конец — и остановится ли?

——

Edelstein — в Германии я бы любила бриллиант[209].

——

Вспархиванье птиц: отрывистое мурлыканье.

——

Могу есть — грязными руками, спать — с грязными руками, писать с грязными руками — не могу. (В Сов<етской> России, когда не было воды, вылизывалась.)

——

Чудовищность причастия: *есть Бога.* Богоедство.

——

Чешские гуси меня ненавидят, капитолийские бы любили.

——

Как тросточка *довершает* руку!

——

(Запись о любимой серой тросточке[210], купленной С. на аукционе имущества бывшего царского посла и подаренной мне, а затем — много спустя — потерянной мною в Моравской Тшебове, на холму, собирая чернику.)

——

Отправить на тот фронт.

——

— А она всё-таки вертится! — Да не вертись — завертелась бы!

——

Дворянство хорошо когда ты окружен (как шея — петлей) коммунистами, когда ты с людьми достаточно — человека.

NB! А с дворянами? Теми, вроде Бунина, в дворянской фуражке[211], т.е. дураками. И злостными.

Ответ кажется будет таков: когда я с дворянами мне бесконечно трудно вспомнить, что и они — люди (т.е. любят, болеют, а главное — умирают).

(1932 г.)

Аля: — Мама! Нимб — только вокруг святых и вокруг луны.

Плоха для мужчин — хороша для Бога. (Плоха, стара, негодна́ и т.д. — хороша, молода, годна́ и т.д.)

Я бы из одной гордости никогда не пошла в монастырь к сорока годам. Из одного — уважения — к Богу.

Испакостилась о мужчин — Бог очистит.

Магдалина, когда раскаялась, была *хороша* и *молода*. Когда мы говорим: Магдалина, мы видим ее рыжие волосы над молодыми слезами. Старость и плачет скупо.

М<ария> М<агдалина> принесла Христу в дар свою молодость, — женскую молодость, со всем что́ в ней бьющегося, льющегося, рвущегося.

Мария и Марфа сестры не лазаревы, а христовы. Заведомая отрешенность — жертвенность — бесстрастность сестер (Катя и Юлия Р<ейтлингер>)[212]. Одна варила, другая слушала. Мария + Марфа — одна идеальная сестра: абсолют сестры. Больше любить — женски любить. (Т.е. — меньше любить.)

(Неисчерпаемо!)

Я — то́ Дионисиево ухо (эхо) в Сиракузах, утысячеряющее каждый звук. Но, утверждаю, звук всегда есть. Только вам его простым ухом (как: простым глазом) не слыхать.

Пишу из комнаты (именно *из*, а не в!).

ждали |
Как знали | и звали... как сладко веяли
Азалии, далии над Офелией

Как ткали и пряли ей ризы бальные
Азалии, далии и ветви миндальные

О сладость — дай ее!
О младость — дли ее!
Азалии, далии,
Азалии, лилии...

———

(Не пригодилось, ибо ни азалии, ни далии не пахнут, следовательно: не веют.)

———

дело
Дитя — не в Гамлете!

———

В любви мы лишены главного: возможности рассказать (показать) другому, как мы от него страдаем.

———

Следствие: *другой*, которому мы еще можем рассказать, т.е — любовь к другому, т.е. опять: невозможность рассказать другому как мы от него страдаем.

———

Любовь: друг (тот кому можно) ставший другим (т.е. тем кому нельзя), т.е. чужим, т.е. врагом.

———

Невозможность — того или иного высказывания — есть уже начало страдания от другого, т.е. наша невозможность (рассказать другому что бы то ни было) наше страдание опережает: сначала: нельзя, потом: страдание, что нельзя: потом само страдание от другого. Сама невозможность уже есть страдание, хотя бы никакого страдания (к<отор>ое невозможно рассказать) еще не было. «Если ты мне сделаешь больно, я даже не смогу тебе пожаловаться, значит — ты мне меньше и дальше другого»*). Почему же «не смогу», а главное: откуда же «не смогу». Оттуда — откуда всё (знание). Знание наперед (в случае опыта — назад) невозможностей: своих и любви. Инстинкт оленя, рожденного преследуемым. Самозащита слабого, нет: заранее побитого. А почему (не смогу)? Да потому что ты мне тогда сдела-

*) а если дальше и меньше — так и *больно*.

ешь еще больней — т.е. опять знание (наперед или назад) безжалостности, больше: порочности любви.

Итак: заведомая невозможность обнажить предполагаемую (NB! неизбежную) рану эту рану создает.

В момент писания мне всё ясно, будет ли мне всё так же ясно в момент читания?

(Правда поэтов — тропа зарастающая по следам[213]. 1932 г.)

— Здесь что-то скрыто, надо *ОТРЫТЬ*. Мне — первой.

(Чтение поэтов)

Утрата друга и приобретение врага.

(Любовь)

Друг — врач, любимый — враг.

Посвящение Февраля.

Крыло Вашего отлета (большое косое облако в вечер того дня).

Пишу Вам[214] в легкой веселой лихорадке, казалось бы — предотъездной, но — предсмертной (я не боюсь больших слов, потому что у меня большие чувства: вернее: не слова у меня большие, а — чувства). Пастернак, я не приеду. У меня болен муж, и на визу нужно две недели. Если бы он был здоров, он бы м.б. сумел что-нибудь устроить, а та́к я без рук. На визу нужно две недели: разрешение из Берлина, свидетельство о тяжелой болезни родственника (где его, где — ее — взять??) — здешняя волокита. У меня здесь (как везде) ни друзей ни связей. Я уже неделю назад узнала от Л.М. Э<ренбург> о Вашем отъезде: собирается... Но сборы — это месяцы! Кроме того, у меня не было Вашего письменного разрешения, я не знала, нужно Вам или нет, я просто опустила руки и ждала. Теперь знаю, но поздно. Пишу Вам вне лукавства и расчета и вне трусости (объясню). С получения Ваших Тем и Варьяций, нет раньше, с известия о Вашем приезде я сразу сказала: Я его увижу*). С той лиловой книжечки я это превратила в явь, т.е. принялась за большую книгу прозы (Земные приметы, вроде дневника)[215] т.е.

---

*) и увидела же — на горе, можжевельником. 1932 г.

переписку, рассчитав ее окончание на половину апреля. Работала не разгибая спины, все дни. — Гору сдвинуть! — Какая связь? Ясно. Так вскинуться я не вправе (перед *жизненной* собой). У меня (окружающих) *очень* трудная жизнь, с моим отъездом — весь чортов быт на них. Но я <фраза не окончена>. Мне встречу с Вами нужно было заработать (перед собой). Это я и делала. Теперь поздно: книга будет, а Вы — нет. Вы мне нужны, а книга нет.

Еще последнее слово: не из лукавства (больше будете помнить, если не приеду, не больше — ложь! Этот романтизм я переросла, как и Вы) не из расчета (слишком буду помнить, если увижу! — Больше чем сейчас — нельзя!) и не из трусости (разочаровать, разочароваться).

Всё равно, это чудовищно — Ваш отъезд, с берлинского ли дебаркадера, с моей ли богемской горы, с которой 18го *целый день* (ибо не знаю часа отъезда) буду провожать Вас — пока души хватит.

Не приеду потому что поздно, потому что я беспомощна, потому что Слоним[216] например достанет разрешение в час, потому что это моя судьба — потеря.

———

А теперь о Веймаре. Пастернак, не шутите. Я буду жить этим все два года напролет. И если за эти годы умру, это (Вы!) будет моей *пред*последней*) мыслью. Вы не шутите только. Я себя знаю, я 16ти лет два года подряд, день в день, час в час любила Герцога Рейхштадтского — Наполеона II — любила сквозь всё и всех, *слепая* жила: Пастернак, я себя знаю.

Вы — мой дом, в Вас я буду думать *домой* каждую секунду, я себя знаю. Сейчас весна. (У меня много записано в тетрадку о Вас эти дни. Когда-нибудь пришлю.) Сейчас у меня мысли путаются: как перед смертью: *ВСЁ* нужно сказать.

Предстоит огромная бессонница Весны**) и Лета, я себя знаю, каждое дерево, которое я облюбую глазами, будет — Вы. Теперь мгновенная самооборона: как с этим жить? Все эти бесконечные вечера, костры, рассветы — здесь русские всё время жгут костры — я себя знаю, я заранее в ужасе. Тогда, летом, я это остановила, перерубила отъездом в другую страну, всё то осталось на каменном отвесе берлинского балкона и в записных

---

*) а что́ — последней?

Вру, конечно, — конечно последней.

**) «Весна наводит сон... Уснем!»[217] — да, ибо каждая вещь равна своему обратному.

книжках. Но сейчас я никуда не уеду, никуда не уйду. Всё это (Вы) уже во мне. Пастернак, я доехала.

Теперь резко: что́ именно? В чем дело? Я честна и ясна: СЛÓВА — клянусь! — для этого не знаю. (Перепробую все!) Насколько не знаю — увидите из февральских стихов. Знаю только, что встреча с Вами была бы для меня некоторым освобождением от Вас же, выдохом, — Вам ясно? Законным. Ведь лютейшего соблазна и страшнейшей безнаказанности*) нет: пространства!

А теперь, просто: я ЖИВОЙ человек и мне ОЧЕНЬ больно. Где-то на высóтах себя — нет, в сердцевине — боль. Эти дни (сегодня 9ое) до Вашего отъезда я буду очень мучиться.

(9—18ое — девять дней, девять дён — досмертья.)

Февраль 1923 г. в моей жизни — Ваш. Делайте с ним что́ хотите.

Пастернак, два года роста впереди, *до* Веймара. (Вдруг — по-безумному — начинаю верить!) Буду присылать Вам стихи. О Вас (поэте) буду говорить другим: деревьям и, если будут, друзьям. Ни от одного слога не отрекаюсь, но Вам это тяжело, буду молчать. Но тогда остается одно: о себе к Вам (в упор) — то, чего я так тщательно (из-за Вас же!) не хотела. Это будут — стихи.

Слово о Вашей мысли навстречу моей вечной**) остается в силе. Другое, которое Вам было неприятно, должна истолковать. «Сумейте» не значит: «выучитесь». — «Сделайте чудо, наконец» — увы, относится ко мне, а не к Вам: т.е. будьте концом этого наконцá, — после стóльких нé-чудес будьте чудом — Вы.

...Мы еще ни о чем не говорили. В Веймаре будет долгий разговор.

Непосредственно после этого письма Вы получите другое, со стихами. Сделайте мне радость, прочтите их только в вагоне, когда поезд тронется. Чтобы я с Вами простилась — последней. Вторая просьба: оставьте верный адрес.

---

*) Другие бы сказали — наказания!

**) смысл: permanente[218]. 1932 г.

— Наши письма опять разминулись, открытка была в ответ на первое. Я тогда не поняла «до скорого свидания», — теперь ясно, но поздно.

———

(Стихи: Ипполит[219] — Провода — и к «Вереницею певчих свай»[220] — пометка:)

NB! Видите, начав *в упор*, потонула, растворилась в общей жалобе — одного (одной) — за всех. Так и в жизни.

Будьте терпеливы, вынесите буйство первых дней, — вы́поется!

———

Вопль больниц:
Вернись!
Вопль блудниц:
Забудь!

———

Голубиная купель:
Небо: тридевять земель.

Мне, за тем гулявшей за́ морем
Тесно в одиночной камере
Рук твоих,
Губ твоих,
Человек, — и труб твоих,
Город —

(дальше — неудачное шестистишие и — конец:)

Мне, решать привыкшей — в мраморе
Тесно в одиночной камере
Демократии и Амора[221].

———

(Март 1923 г.)

———

Отрывки письма

...Я буду терпелива, и свидания буду ждать как смерти*).
...Я знаю только Вашу душу.

———

*) Отсюда: Терпеливо, как щебень бьют
Терпеливо — как смерти ждут
Буду ждать тебя[222] —

Умею любить вселенную позвёздно и погнёздно, но это величайший соблазн — раз в жизни — оптом, в собирательном стекле — чего? — ну хотя бы глаз.

...Нужно быть терпеливым, великодушным, пожалуй — старым, старше возраста. Только старик (тот, кому ничего не нужно) умеет взять, принять *всё*, т.е. дать другому возможность *быть* приняв — избыток. Открещиваться и принимать *вздох* (выдох!) за *вексель* — дело наглой молодости или осмотрительной зрелости. — При чем тут я?! — («Не по адресу») — т.е. то, что слышу всю жизнь.

...Миллиард — за жизнь — прочитанных книг. — Так? — И очень много написанных. Откуда же чудо первичного волнения? — Почему *это* ударило, а не соседнее? У каждого поэта только один читатель, и Ваш читатель — я.

Теперь, внимание: я же не слепая и не глухая, Ваше признание (меня, поэта) до меня доходит, я же не открещиваюсь. Вы поэт, Вы видите — *будущее*. Хвалу сегодняшнему дню (делу) я отношу за счет завтрашнего, раз Вы видите — это будет (следовательно — есть)*).

Ничья хвала и ничье признанье мне не нужно, кроме Вашего. О, не бойтесь моих безмерных слов, их вина в том, что они еще слова, т.е. не могут еще быть *только* чувствами. Когда я окончательно <пропуск одного слова> в Вас я перестану Вам писать.

Я очень спокойна. Никакой лихорадки. Я блаженно провожу свои дни. В первый раз в жизни не наваждение а <пропуск одного слова>, не чара а знание. Вы в мире доказаны помимо меня.

О, не превышение прав и не упокоение в себе! Кроме Элизиума есть еще чешский лес, с тростинками, с хворостинками, с шерстинками птиц и зайцев — лбом в Элизиум, ногами на чешской земле. (Boehmeswald[223], Борис!) — Поэтому покойно, упокоено только мое главенствующее. А ногам — для того чтобы идти к Вам — нужна рука, протянутая навстречу.

Хочу Ваших писем: протянутой Вашей руки.

---

*) Логическая ошибка. Надо: Раз Вы видите — это *есть*, следовательно — будет. 1932 г.

(Опять Провода: Эвридика — Орфею[224], Не чернокнижница — В час когда мой милый брат (26го марта 1923 г.) — Терпеливо как щебень бьют)

Воздух вздохнул.

В диалоге с жизнью важен не ее вопрос, а наш ответ.

Я охотно посылаю (отсылаю, ссылаю) свою душу в другие тела (на другие звезды!) чтобы отсюда с ней же, или оттуда с собой же — беседовать.

(Любовь.)

Или: я охотно заселяю чужие тела своей душой. (Вроде колоний.)

Не живя с Вами, я всю жизнь буду жить не с теми, но мне не важно с кем: *кем*. Живя Вами, я всю жизнь буду жить — *ТЕМ!*

(Исконная и полная неспособность жить с человеком, живя им: жить им, живя с ним. Как жить *с душой — в квáртире?* В лесу может быть — да. В вагоне может быть — да (но уже под сомнением, ибо I кл<асс>, II кл<асс>, III кл<асс>, причем III кл<асс> вовсе не лýчше I, как и I кл<асс> III кл<асса>, а хуже всех — II кл<асс>. Ужасен — разряд.)

Жить с ним, живя им — могу только во сне. И — чудно! Совершенно так же как в своей тетради.

Мне другого, минуя все свои исконные невозможности — как и себя — прежде всего на совместность — жаль.)

Знаете как это бывает? Вы ставите вопрос, сгоряча, первым движением: — нет, потом — глубже: да, потом — еще глубже: нет, глубже глубокого: да... (Не четыре ступени: сорок!) И конечное: *да*.

Так и с Вашим вопросом (ибо не утверждение, а вопрос, в утверждении — вопрос. Наша с Вами разница: Вы и утверждая — спрашиваете, я и спрашивая — утверждаю) — о сестре. («Слово нашей самой большой мужской выразительности: сестра» — привожу из памяти. 1932 г.) — Уже сейчас не помню, чтó сгоряча, м.б. и *да*, важна смена! Как с лестницы. Но в Вашем вопросе я не вглубь шла, а ввысь.

Думаю, что из упорства никогда не скажу Вам того слова. Из упорства. Из суеверия. (Самого *пустого*, ибо вмещает *всё*, самого страшного, после которого всё начинается, то есть — кончается.) Его можно произносить по пустякам, когда оно заведомо — гипербола. Мне — Вам — нет.

Еще: дарить — хотя бы душу — отделять. (Впрочем душа резиновая и всё тянет с собой, вся тянется.) Предпочитаю ничего Вам не дарить, не говорить об этом.

Сегодня вечером, холодя себе весь левый бок промерзлой стеной весеннего вагона (сидела у окна) думала: этого жизнь мне не даст — Вас рядом. Даст чехов, немцев, студентов, гениев, еще кого-то, еще кого-то: — Бориса Пастернака она мне не даст.

— «Не ждите ни меня ни моих писем...» Милый друг, я буду ждать *Ваших дел.*

— Ах, Вы и это слово писать задумываетесь? Для меня все слова малы, отродясь, всегда. И за малейшее из них я так: из недр — благодарна. Я и не такие выслушивала молча, не отвечая, как не отвечают на вздох. Для меня они все малы, я ни одного не боюсь, другой у меня ни за одно не отвечает. Я — ни на одно.

Не бойтесь. Я не кредитор. Я и свои и чужие забываю раньше чем другой успеет забыть. Я не даю забывать — другому (т.е. эту роскошь оставляю за собой).

Я дружбу ставлю выше любви, не я ставлю, стоит выше, просто: дружба стоит, любовь лежит.

Horizontales-u<nd>-wertikales Handwerk[225].

Всё в мире меня затрагивает больше чем моя личная жизнь.

Сестра, это отсутствие страдания (не ее, от нее!). — Не будете. —

На моей горе растет можжевельник. Каждый раз, сойдя, я о нем забываю, каждый раз, всходя, я его пугаюсь: человек! потом радуюсь: куст! Задумываюсь о Вас и, когда прихожу в себя — его нет, позади, миновала. Я его еще ни разу близко не видела. Я думаю, что это — Вы.

Можжевельник двуцветный: изнизу голубой, сверху зеленый. В моей памяти он черный.

Нам с вами важно условиться, договориться и — сговорившись — держать. Ведь, обычно, проваливается потому что оба ненадежны. Когда один надежен — уже надежда. А мы ведь оба надежны, Вы и я. (?)

Со мной сумел (вместил и ограничил) только один[226], вдвое старше Вас. Вместил, ибо бездонен, ограничил — ибо не любит женщин и этим всю женскую роль с меня снял, т.е. освободил от — и этой возможности, которая почему-то так сразу становится неизбежностью (решающей).

Мой дом — лбы, а не сердца.

Люблю мужественность и в мужчинах. Женственный (физически, ибо остальное — вне пола), женственный мужчина мне куда омерзительнее — быкоподобного, который — совсем не омерзителен, а только как бык <пропуск одного слова>: о чем думает?

(Стихи: Весна наводит сон. Уснем, 5го апреля. Сдайся — ведь это совсем не сказка![227] —)

Стихи — следы по которым я иду в Вашу душу. Но Ваша душа удаляется и я, раздосадованная, опережаю, делаю прыжок, вслепую, на авось, и потом, обмирая, жду: туда ли свернете?

Книгу должен писать читатель. Лучший читатель читает закрыв глаза.

Хлебная ложь (ложь самого хлеба, т.е. необходимости есть и жить).

А покаместь ты на небо
Не возьмешь меня к себе,
Сквозь какие толщи хлеба
Проедаться мне к тебе?

А покаместь
[...]
Ты меня не создал мышью —
Так зачем же закрома?

А рука строчи́т и стро́чит
Слог — стежок
Через сколько тысяч строчек
Пропеваться мне к тебе?

...

...

Ты меня не создал швейкой —
Так зачем же вороха

Лоскутов этих?..

Ребенок играет Цезаря с горшком на голове: шлем.

Книга должна быть исполнена читателем как соната. Буквы — ноты. В воле читателя — осуществить или исказить.

Оправдание предисловий:
Я ее писала, я лучше знаю, как ее читать.

Роману читателя с книгой предшествует роман писателя с книгой. Писатель старше читателя на все черновики. Писал — дед!

(Вроде предисловия к «Земным приметам»)

— Не читайте сразу: эта книга не писалась, а жилась и жилась $2^1/2$ года. Прочесть ее в вечер то же самое что мне — прожить ее в вечер.

...Не судите сразу. Эта книга предвосхищенный Страшный Суд, с той разницей, что я-то говорю Богу, а меня-то будут судить люди. После нее мне Богу мало что́ останется сказать, если я что́ и утаивала, то — чужие грехи, ценные Богу только из *собственных* уст.

Единственный недостаток книги — что она не посмертная. — Для вас. —
Но успокойтесь: я не в землю зарываю, а сжигаю!

(NB! Книга никогда не вышла. 1932 г.)

Г<орние> Мокропсы, 10го апреля 1923 г.

Пол в жизни людей — катастрофа. Во мне он начался очень рано, не полом пришел — облаком. И вот, постепенно, на протяжении *лет*, облако рассеялось: пол распылился.

Гроза не состоялась, пол просто-миновал. (Пронесло!)
Облаком пришел — и прошел.

Если бы мужчины влюблялись: теряли голову — от сущностей, они бы теряли ее и от семилетних, и от семидесятилетних. Но они влюбляются в прерогативы возраста. Семнадцать лет, — значит тó-то и тó-то — возможно, а та же три года назад, *та же!!!* — и не посмотрят, головы не обернут.

Весьма расчетливое теряние головы, вроде 12% помещения капитала (от 4% до 20% — это уж дело темперамента — qui ne risque rien ne gagne rien, qui risque peu[228] — и т.д.). Но — всегда с %.

Но люблю я одно: невозможно[229].

Это, кроме поэтов, очень и очень редко любят еще и женщины.

Тайна: ведь это не *от* кого-нибудь, а *с* кем-нибудь. Третьему нечего обижаться, человек, который умеет втроем, первый предаст.

Летом Э<ренбург> однажды сказал мне: есть только три жеста: жест Евы к Адаму, жест Адама (оберегающий) к Еве, жест Евы к ребенку и Авеля, оберегающегося от Каина. Все остальные — вытекли.

— А голова поднятая просто к небу?

Значит у меня к Вам — не первичный жест?

(Три, когда — четыре: и здóрово же я считаю! Я бы, теперь, сказала тáк: взаимный жест Евы и Адама, жест Евы к ребенку и взаимный жест Каина и Авеля. Т.е. любовь — материнство — война. А — голод? А — молитва? А — смерть?

Э<ренбур>гу, совершенно лишенному первичных жестов, не верю ни на копейку ни в чем. Словá — словá — словá. — 1932 г.)

Века скверная болезнь.

Мелким струением
Бисер березовый.

NB! Лесной Царь.

Страстней чем Белого Въезда я жду Страшного Суда: нищеты <под строкой: тщеты> всех дел и чистоты всех умыслов.

Страшный Суд для всех кто страдал день не осуждения, а оправдания.

В день великого оправдания.

Фараон в данном случае та венчающая точка пирамиды ради которой основания пирамиды (биллионы!) и лежат под камнями. Камень под камнем, тяжесть под тяжестью, лишь последняя точка (фараон) дышит. Только этой точкой пирамида и дышит. Она ее смысл, она ее покой, ее разрешение и завершение.

Не Царь (Поэт, Вождь) народ топчет <сверху; попирает>, народы его возносят.

Чем ненавидеть единицу биллионы должны отождествить себя с ней, но не: *мы* — он! а: *он* — мы.

Я никогда не забываю, что я гостья. Земля мне этого не прощает.

Мертвые — как дети — хорошеют день от дня. (И в памяти живых — и Там!)

Письмо критику[230]

Я не знаю, принято ли отвечать на критику иначе как колкостями — и в печати. Но поэты не только не подчиняются обрядам, но — творят их. Позвольте же мне нынешним письмом утвердить обряд благодарности поэта — критику. (Случай достаточно исключительный, чтобы не слишком рассчитывать на ряд последователей!)

Итак, я благодарна Вам за Ваш отзыв в Днях. Это — отзыв в самом настоящем смысле слова. Вы не буквами на буквы, Вы существом на сущность отозвались. Благодарят ли за это? Но и благодарность — отзыв! Кроме того, Вы ведь писали не для меня, так и я пишу не «для Вас», хотя и к Вам. (Вам — о Вас.)

Я не люблю критики, не люблю критиков. Все они, в лучшем случае, кажутся мне неудавшимися и поэтому озлобленными поэтами. Но хвала их мне еще непереноснее их хулы: почти всегда *мимо*, не меня, не за то. Так напр. сейчас в газетах хвалят не меня, а явно Любовь Столицу (т.е. всё сказанное обо мне отношу на ее счет, ибо — НЕ Я!)

Ваша критика умна. Простите за откровенность. Вы вежливы: неустанно на Вы. Вы <пропуск одного слова>: не поэтесса, а по-

эт. У Вас хороший нюх: та́к, задумавшись на секунду: кунштюк или настоящее? (ибо сбиться легко — при нынешнем KDW[231] поэзии!) — нет, настоящее. Утверждаю: Вы правы. Так, живя стихами с — ? — да с тех пор как на свете живу, только этим летом узнала от своего издателя Геликона, что́ такое хорей и что́ такое дахтиль. (Ямб знала по названию блоковской книги, но стих определяла как «пушкинский размер», «брюсовский размер».)

Вам будет любопытно узнать, что Белый свою Глоссологию (?)[232] написал после моей Разлуки, как и свою «После разлуки»*). Я была тем живым примером, благодаря которому возникла теория. (Говорю Вам вне тщеславия, если бы страдала им давно была бы знаменитой!)

Что еще? Ах, пожалуй, главное! Спасибо Вам сердечно и бесконечно за то, что не сделали из меня бабу style russe[233], не обманулись *видимостью* (NB! баба — бабы не напишет!) что единственный из всех (NB! как мне всех хочется сделать единственными: всякого! 1932 г.) за последнее время обо мне писавших удостоили, наконец, внимания сущность, — то, что над и вне.

Спасибо Вам за заботливость: «Куда дальше? В музыку, т.е. в конец?!» Верю, что Вы искренне в тот час задумались, потому отвечаю: нет! Из лирики (почти-музыки) — в эпос.

Это не Ваш «планирующий спуск», это разряжение голоса — в голосах, единого — в множествах. Чем на тысячу голосов выражать одну свою душу, я буду одним голосом выражать тысячу чужих, которые тоже одна <пропуск одного слова>. То чего не может один могут (в одном) многие. Единство множества. Оркестр тоже единство.

— Вам ясно?

А что за «Ремесло»? Песенное, конечно! Ремесло в самом <фраза не окончена>. Противовес и вызов слову и делу (безделию <сверху: неделу>) «искусство». Кроме того, *мое* ремесло, — в самом простом смысле: то, чем живу, — смысл, забота и радость моих дней. Дело дней и рук.

О ты́ чего и святотатство
Коснуться в храме не могло —
Моя напасть, мое богатство,
Мое святое ремесло![234]

---

*) После «Разлуки» (книги) и после разлуки с женой Асей[235], в жизни совпавших (Берлин, лето 1922 г.).

Эпиграф этот умолчала, согласно своему правилу — нет, инстинкту — ничего не облегчать читателю, как не терплю чтоб облегчали мне. Чтоб *сам*.

Читатель ведь пока ты с ним не столкнулся — друг и пока о тебе не написал — ты его чтишь. (Иногда, notre cas[236], и потом.)

Посылаю Вам свою Ц<арь->Д<евицу> — не для отзыва, а потому что Вы, очевидно, ее не читали. Вот он, источник всех навязываемых мне кокошников!

Ах! Еще одно спасибо: за Посмертный марш, за, в конце, явный (раз Вы в «Днях») взлет над злобо*днев*ностью, за то что сердце Ваше (слух) подалось на оборванность последних строк: *в лад падало!*

$20^{\text{го}}$ апреля 1923 г.

Прага[237]:

Где сроки спутаны, где в воздух ввязан
Дом — и под номером не наяву!
Я расскажу тебе о том как важно
В летейском городе моем живу.

Я расскажу тебе как спал он,
Не выспался — и тянет стан
Где между водорослью и опалом
День деворадуется по мостам.

Где мимо спящих Бого́родиц
И рыцарей дыбящих бровь
Шажком торопится народец
Уродцев | — переживших кровь.
Потомков |

Где честь последними мечами
Воззвав — не медлила в ряду.
О городе, где всё очами
Глядит — последнего в роду.

$21^{\text{го}}$ нов<ого> апр<еля> 1923 г.
(Стихи, не вошедшие в После России.)

Варианты Пражского Рыцаря:

В роковую проседь
Вод — отважься!

Этого ли просишь,
Рыцарь пражский?

Мальчик! Воин!
Щеки — горячей
Под конвоем
Каменных очей!

...А
... вослед веслу —
Я учусь себе потихоньку
Ариаднину ремеслу.

Быть оставленной — значит долго,
Долго помнить —

Быть оставленной —
В предутренний час истом
Предоставленной другом — богу:
Небожителю — божеством

(Около «Оставленной быть»[238] — и уже формула всего Тезея[239].)

Тезей, ты оставил! Тезей ты как вор
[...]
Веленью Дионисову распростер
Подругу. Клейми же, бессмертный позор
Тезея — бессмертного труса!

(Послестишие к «Оставленной быть — это втравленной быть» — не вошедшее.)

Оставлена, брошена
[...]
— Пусть так, но не дешево
Уступлена, куплена...

Строки из Пустыни славы[240]:

А покаместь во лжах и в ложах
Не наложничаю — из жил
Вылезая как змей из кожи
Буду петь — последнюю жизнь!

Библейские беды

Мир о коем досель молчали
Лиры
в начале
И петля́ на худой конец

(Крюк на к<отор>ом висит колыбель, превращается в крюк для пе́тли.)

Поэт — через стихи — причастен материнству как женщина — через стихи — отцовству.

— — Как старческая страсть
Растроганная травкой.

Задернулись лавочки,
Дозорят ручьи...

(Поэма Заставы, Поэт[241], Ручьи, разные)

Тетрадь кончена 10го нов<ого> мая 1923 г. в Горних Мокропсах, близь Праги. Кончена — как и начата — Сивиллой. Кончена с благодарностью и с грустью, — *эти* дома (обратно иным земным!) покидаются нелегко!

ЗАПИСИ ИЗ ЧЕРНОВОЙ МÓЛОДЦА (ЧЕРНАЯ КАРТОННАЯ ТЕТРАДЬ С БЕЛОЙ НАКЛЕЙКОЙ)

Дай Бог кончить Мóлодца целиком к 15-му нов<ого> Октября 1922 г.!

После него — Ионафан[242] и Егорушка. Ионафана — дай Бог кончить к 1-му января 1923 г.!

Для Мóлодца: II ворота — задача — ее любовь (тяготение) и его любовь (отказ).

Маруся — Мóлодцу: — Пей, пей мою кровь!

Еще две встречи. Сегодня только предупреждает (искушает). — Можешь от меня легко отделаться, только скажи, что

видела и мигом сгину и *никогда* не вернусь. А не скажешь: мать помрет.

[...]
Слов не внемлет.
Тихим голосом (в себя):
— Лучше в землю.

Последняя встреча.

Маруся, я загубил брата и мать, черед за тобой. Я в себе не волен. Зе́мно прошу тебя: скажи правду. Скоро пробьет полночь, я буду спрашивать. А потом — беги к попу, мой *дом* на самом конце, с краю (чтоб легче вставать!) пусть выроют и вобьют мне в глотку осиновый кол. — Маруся, я люблю тебя пуще...

Блаженная смерть — рожь — звон — пчела — она цветок — душу пьет — одна кровиночка. — Эту оставлю. — (*NB! на разживу!*)

Последние слова Маруси: — Я великая грешница. Выносите меня, девки, под порогом и похороните на перекрестке. — Голубок. —

NB! Третьи ворота: уже после смерти матери (продав). — Вспляшем! — Пляска. Она *пуще* его. (Как всякая она — всякого его.) — «Приходи». Смерть от него — блаженство.

NB! дохлятина
(проклятия)

Моя русая коса!
Зачем, русая, росла?

Дальше: Под порогом.

Пляска (столбняк: огненный столп) — вспляшем! — ужас девок — пляшет одна (одни). — Черед за тобой! — Откажись! — Мой дом на погосте — четвертый с краю, пусть выроют, да вобьют мне в глотку осиновый кол. — Беги к попу! — Не хочу я твоей кровки красной, не хочу я твоей муки смертной, я тебя пуще жизни... Отталкивает. Она закидывает ему руки вокруг шеи. — Полночь. — Вопрос. — Ответ.

Ночь. Луч. — Жужжание. — Шмель. — Цветок. — Блаженная смерть. Последняя кровиночка: «А вот эту оставлю. На разживу».

Утро. Девки. — «Как я грешница великая пред Богом — Выносите меня, девки, под порогом!»

Вынос: Мать с братцем — на кладбище, Марусю на перекресток. Братнин гроб полегчал. — Голубок.

Слова: скоропомощный, тишать, мирственный, жестоко полюбить, подрумяночка, блудяга, виноватиться, игольны ушки, вреда́ (существ<ительное>).

И снова утро сливами
И листьями увенчано.
Забытое! — счастливое! —
Девичество! — Младенчество!

От всей глубокомыслицы
Столичной — душу выправить.
Уже в живых не числиться:
Зарытой быть! Забытой быть!

Такою нищей женщиной
обуться |
Уснув — одеться | не во что! схватиться не за что
Проснуться — дом бревенчатый! —
Такой богатой девочкой

В синь широковетвистую |
— и с листьями |
Рви — ибо тысячи!
Улыбчивая истина:
Девичество! Мальчишество!

Девичество! — Девчончество! не кончится

(В лесу, на дереве. Дальше начало «Деревьев»: В смертных изверясь, — 5го нов<ого> сент<ября> 1922 г. Когда обидой опилась. Дальше — опять Мо́лодец.)

Варианты:

Чтоб ни спых ни сполох
Потревожить не мог
Промеж тех четырех
Прямохожих дорог...

---

1. Чтоб вам кровушки не высосала жильной —
Схороните меня, девки, на развилье

2. Как я честнóй не заслужила —
Схороните меня, девки, на развилье

3. Как виновному не велено с безвинным —
Хороните меня, девки, на развилье

4. Чтобы душенькам не снилася безвинным —
Хороните меня, девки, на развилье

5. Чтобы дождички следы мои | размыли —
скорей меня |
Схороните меня, девки, на развилье

6. Чтобы дождички грехи мои замыли —
Схороните меня, девки, на развилье

7. Как я горенки не выслужила зимней —
Хороните меня, девки, на развилье

8. Как я с нежитью и в смерти неразрывна —
Хороните меня, девки, на развилье

———

Ан — порх голубок
На сестрин гробок

———

Мечта о 2ой части
(Дай Бог кончить к Рождеству!)

Действующие лица:
Маруся
Барин
Слуга
Голубок

Белый стан:
Барин, Голубок (потом — сын)
Темный:
Слуга, Гости.

Гости здесь то же что девки в 1й части. Слуга — тайный слуга (орудие) Мóлодца, враг Голубка (братца). Голубок *над* Марусей (четою). Слуга — гонитель Голубка. Единственная (кроме Голубка) явная невинность — Барин.

Барин: веселый, трезвый (непременно соединить!) исполняющий все желания Маруси, задаривающий и т.д.

Три условия Маруси: 1) *никогда* гостей, *ничего* красного в доме и пять лет (годов) без обедни. К концу пятого года у нее рождается сын. (Братец простил!) Вместо голубка — люлька. К

концу (катастрофе) сгущение всего: Маруся, стосковавшись, нарушает обет и становится цветком (м.б. соблазн — слуги?) слуга доносит, барин, раздосадованный, зовет гостей — все гости в красном! — (бесы!) — похвальба — издевка гостей, барин заставляет Марусю идти в церковь — крестить сына — и: Херувимская. Херувимская: апофеоз Мóлодца. Явный отлет в ад.

—

II часть
(Начата 12/25 Октября 1922 г. — С Богом!)

Эй, звоночки, звончей вдарим!
и т.д.

Варианты:

...Нов у барина глазок,
Скок у барина легок
Брови сдвинув, рот разинув
на белом на снежке NB!
: розан размалинов | розмаринов
В разлазоревом горшке

—

Где крестом дорога
Сошлась — с снегом вровень,
Глядит барин: розан
намалеван...

—

Где крестом дорога
Сошлась — дар дарован!
Глядит барин: розан
Точно намалеван.

—

Посередь снегов — столбок,
Под столбом — глаза ожег!..

—

— На всё, барин, очередь,
На всё, барин, заповедь!
Спешит барин — мочи нет! —
Цветочек выкапывает

Полны варежки нагреб,
По коленочко в сугроб

— Инде ж, барин, писано,
Чтоб саван — весну рожал?

С цветочками, с листьями,
А сам-то — что уголь-жар!

В обе рученьки бьет,
К самой душеньке жмет

На всю жызть, моя сласть!
Кажный листик обтряс.

Шапка на́земь, шубка на́стежь —
К самой душеньке прижал!

Жесты: распахнуть шубу, спрятать цветок.
NB! усилить перекресток и жар цветка.

Постепенность
(без сына)

I глава — Барин. Барин — слуга — Цветок. Слуга указывает, барин выкапывает и увозит.

II глава: Цветок. В двух словах любовь барина к цветку (муравленый горшок, поливка, не надышится). На сцену — слуга: «Ты вот так-то и так-то, а попробуй-ка не поспать нынче ночью...» Барин не спит. Превращение. Дает ей пройтись по комнатам (спящая), хватает за обе руки, разговор. Три Марусиных условья: пять лет без обедни, изгнать красный цвет, не принимать гостей: А цветок мой — от соблазну — сожги. Барин соглашается. — Спят.

III глава: Барин уезжает. Слуга заманивает Марусю в «особую светелку» где цветок. Маруся не удерживается и ночью становится цветком. («Зачем не сжег?!»)

IV глава: Приезд барина, донос слуги, гнев барина: враз нарушает все три условия, или — барин приезжает в ночь, застает Марусю цветком — объяснение — угрозы и вечером: пир.

V глава — Херувимская.

Постепенность:

III глава. К концу пятого года. Рождение сына. (Кто-то простил.) Барин советуется со слугой, как бы порадовать барыню: назови гостей, устрой крестины — развеселится.

IV Пир

V Херувимская

---

1. Как с двенадцатым, с последним — в самый звон
Как встряхнется-встрепенется стебель-сон

2. Как с двенадцатым, с последним — следом в след —
Как встряхнется-встрепенется стебель | -цвет
зелень |

3. Как с двенадцатым, с последним, сроком в срок,
Как встряхнется-встрепенется стебель-сок

Красное при́даное,
Бусы коралловые
Стан запрокидывает,
Руки выламывает

Платье одергивает,
Дрему отряхивает

С красного сборчатого
Дрему отряхивает

Белы |
Светлы | мраморные стены,
А ее стена — без тени

— да с костью ль?
Страшная гостья!

Светлы месячные игры.
Посередке: стол неприбран

Востры́ бариновы лыжи

2го ноября по-новому — переезд в чудную — почти аю-райскую — хату, предпоследнюю в деревне, почти в лесу. (Наша лесная дорога: въезд.) Низкая, три окошка, кафельная печка (белый с голубым изразец) — старик и старушка, причем старушка глуха и глупа.

Здесь я *непременно* должна кончить Мо́лодца. — К Рождеству.

— Дай Бог! —

В щечки — ладошками
Вперлась —

Зал в два света

———

— в два цвета,
Зал в два света

———

Ручки стиснула
Месяц | — ливнями,
Слёзы |
Ну поистину —
Дева дивная

———

Платье — красного атласа
...
Красным морем пролилася
Середь лунных | морей
мертвых |

———

Ручку правую сдружила
А и с левой рукой...

———

Белизну я воспринимаю не как отсутствие цвета, а как присутствие.

———

Куды ни глянь —
Вьется! Вот-вот
В лунную стклянь
Рыбой уйдет

Куды ни кинь —
Клином! Вот-вот
В лунную хлынь |
синь |
Дымом уйдет...

———

1. Подивился барин дичи...
— Может грех какой девичий:
Со-сна, во-сне...
— Не знаю, нé...

2. Подивился барин сдаче:
— Может грех какой ребячий:
...во сне...
— Не зна—ю, нé...

3. Подивился барин вздору:
— Может грех такой, который

———

Долго ль — вместе лечь?
(Дольше — вести бечь!)

———

Мой последний сказ —
В нужный день и час...

———

Листья ли с древа рушатся,
Розовые да чайные?
То |
Нет | — с покоренной русости
Ризы ее, шелка ее.

Ветви ли в воду клонятся
К водорослям да к ржавчинам?
То |
Нет | — без души, без помысла
Руки ее упавшие.

Смолы ли в траву пролиты,
В те ли во льны кукушечьи?
То |
Нет | — по щекам на коврики
Слёзы ее, — ведь скушно же!

Барин, не тем ты занятый,
А поглядел бы зарево!
То в проваленной памяти
Зори ее: глаза его![243]

———

Расставаться — ленятся...

———

(Конец первой черновой Мóлодца: черная тетрадка с белой наклейкой.)

———

Вторая черновая Мóлодца (черная средней толщины, без наклейки)

Черновая для Мóлодца

(Тетрадь подарена Сережей 1/14 ноября 1922 г. в Чехии, в Горних Мокропсах, близь Праги. Начата 2/15 ноября 1922 г., в день

рождения моей матери. Ей сейчас было бы 53 года. Сейчас, когда переписываю — почти 63 г.)

II ч<асть>

Глава третья

Ровно выстрел пушечный
Часы-сроки грянули, —
И в снегах подушечных
Молодая барыня

Никого не слушавши
Часы-сроки грянули...

Из письма к Б.П.[244]

(NB! Обе черновые Мóлодца приходятся посредине зеленой с черным тетради, т.е. тогда Б.П. еще не уехал.)

...Мой любимый вид общения — потусторонний: сон. *Я* на полной свободе.

...Письмо не слова, а голос. (Слова мы подставляем.)

Я не люблю встреч в жизни: сшибаются лбами. Две глухие стены. (Брандмауэра, а за ними — Brand![245]) Тáк не проникнешь. Встреча должна быть аркой, еще лучше — радугой, где под каждым концом — клад. (Où l'arc en ciel a posé son pied...)[246]

Но тем не менее — захудалое, Богом забытое (вспомянутое!) кафэ — лучше в порту (хотите? (Nordsee!)[247]), с деревянными залитыми столами, в дыму — локоть и лоб —

Но я свои соблазны оставляю тоже в духе.

Сейчас расстаются на слишком долго, поэтому хочу — ясными и трезвыми словами: — на сколько и когда. Потому что я — тáк или иначе — приеду. Теперь признáюсь Вам в одной своей дурной страсти: искушать людей (испытывать) непомерностью своей правдивости. Давать вещь тáк, как она во мне и вовне*) — есть. *Испытание правдой.* Кто вынесет? Особенно если эта правда, в данный час, — Осанна! *Моя* Осанна! Осанна мо-

---

*) Пример во-вне:
— Ты поцеловала себя в зеркало как я тебя просила?
— Нет, в той комнате было холодно и я не пошла.
NB! Прибавлено при переписке, Б.П. этого не писала. 1932 г.
NB! Полнота правды есть ее точность. Не: всЁ, как было, а: всё КАК БЫЛО. 1932 г.

его данного (вечного) часа. Я не умеряю своей души (только — жизнь). А так как душа — это никогда: *я*, всегда: *ты* (верней — *то*) — то у другого или руки опускаются (трусливое, хотя *тоже* правдивое: «да ведь я не такой!») или земля ходит под ногами, а на земле — я́, и ноги по мне. Принимаю и это.

Я знаю, что в жизни надо лгать (скрывать, кроить, кривить). Что без кройки платья не выйдет. Что только устрашишь другого потоком ткани. Что в таком виде это не носко — и даже невыносимо. Но мои встречи — не в жизни, вне жизни, и — горький опыт с первого дня сознания — в них я одна (как в детстве: «играю одна»).

Потому что ни другому, ни жизни *резать* не даю. Моя вина — ошибка — грех, что средства-то я беру из жизни. Та́к ведя встречу нужно просто молчать: *ВСЁ* внутри. Ведь человек не может вынести. (*Я* бы могла, но я единственный из всех кого встретила — кто бы могла! Я всему большому о себе верю. *Только* ему. *Нет* — слишком большого!)

А потом меня обвиняют в жестокости. Это не жестокость. Свет перестал брезжиться (пробиваться) через тебя, через эту стену — тебя, ты темный, плотный, свет ушел — и я ушла.

К чему сейчас всё говорю? А вот. (Соблазн правдой!) — Вы сейчас мой любимый русский поэт, и мне нисколько не стыдно сказать Вам, что только для Вас и именно для Вас сяду в вагон и приеду. Ездят же чтобы купить себе пальто.

Никогда не поверю, что Вы есть. Вы есть временами, потом Вас нет. (Ваше исчезновение на кладбище.)[248]

То, что Вы пишете о себе (русло, наклон, плоскость) правильно. Вы — слушайте внимательно — как сон, в который возвращаешься (возвратные повторные сны). Не сон, действующее лицо сна. — Или как город: уезжаешь — и его нет, он *будет* когда ты вернешься.

Та́к, в жизни я Вас наверное не пойму, не соберу, буду ошибаться, нужен другой подход — разряд — сонный. Разрешите вести встречу та́к: *поверьте!* Разрешите и отрешитесь.

Не думайте: мне всё важно в Вашей жизни, вплоть до нового костюма и денежных дел — я ведь насквозь-*сочувственна!* и в житейских делах проще простого (родней родного!), *быт* — это ведь общий враг, в каждом костюмном деле мы — союзники! Я не занимаюсь лизанием сливок (*с меня* их *всегда* лизали, оставляя мне обездушенную сыворотку быта, топя меня в ней! Подыхай, т.е. живи как хочешь, будь прохвостом, только пиши хорошие стихи, а мы послушаем (полижем!)) но — пока я Вам (о чем очень, глубже чем Вы думаете, горюю) в бытовой жизни не нужна — будем жить в вне-бытовой. Но если бы Вам — предполо-

жение — почему-либо понадобилось приехать в Прагу, я бы узнала нынешнюю валюту, и гостиницу — и всё чего не знаю.

Глава IV Пированьице

— Здоро́во! Здоро́во!
С морозу! С морозу!
Живи да не вдовствуй!
С морозцу! С морозцу!

— С морозу — да угости!
— С дороженьки поднеси!

Про́мерзли, продро́гли!
С до́роги! С доро́ги!

Про́стыли, захолодали!
топи баню!

безназва́нные! |
Здравствуй, гости, князья-други безымянные! |
Ручьи-реки-дожди-ливни разливанные...
(Вино)

Линия: Барин велит барыне выйти с сыном. Слуга *без* барыни: один, без канпаньи. «Говорит: не слышу. Говорит: не выйду». Три слова еще — тебе на ушко. Смех гостей: уродка! Барин сам за ней, приводит. — Хороша да некрещёна! Дворянское слово.

...Как не первенца качаю,
А меньшого | братца
родного |

Записи.

Я в жизни никогда не делала того, что *не* хочу и никогда — того, что хочу.

Обед не сто́ит, чтоб его готовили. (Лучше — сырой!)

Когда-то, С.М.В. — мне: «Комната, где готовят — кухня, поэтому не: „Какая грязная комната“, а: „Какая чистая кухня“».

Я не могу делать то, чего не хочу.

Могу только не делать того, что хочу.

Как невозможно мне делать то, чего не хочу!
И как легко не делать того, что хочу!

Делать то, чего не хочу для меня — невозможность.
Не делать того, что хочу — обычное состояние.

Та́к, не могу сказать, что не хочу готовить обеда, могу только сказать, что пока готовлю обед страстно хочу писать стихи.

Только потому обед и сварен.

Сейчас, 10 л. спустя, даю такую формулу: все мои не хочу были духовные: у меня не было физических не хочу — очевидно из-за глубокой демократичности тела, *до* меня привыкшего...

А так как обед — и мытье полов — и так далее — и очень далее, ибо конца этому нет — вещи порядка явно-физического, я их безропотно и делала, и делаю, и буду делать.

Я ни к чему не чувствую отвращения, кроме — Но это бы заняло десять томов.

Летаргия: усиливающийся звон, скованность (мертвость) тела, единственное живое — дыхание, единственное сознание: дышать. И вдруг — сразу — отпускает. Это не сон: <пропуск двух-трех слов> только полная беззащитность слуха и тела: не хочу слушать и не могу прервать, хочу двинуться и не могу начать. Раздвоение сущности: тело — мертво и существует только в сознании. На кровати ничего нет кроме страха перестать дышать.

Отличие от сна: во сне я — живу, о том что я сплю — только вспоминаю, кроме того во сне (сновидении) я свободна: живу призрачным телом. А здесь умираю живым.

Это у меня с двенадцати лет, и это у меня двенадцати лет называлось карусель.

Варианты: возглас (чаще издевательский), иногда — одна интонация (от которой — холодею) — среди полного бдения (но *всегда* в темноте) иногда впрочем и посреди чтения — интонация издевки или угрозы — затем: постель срывается, летаем — я и постель — вокруг комнаты, точно ища выхода окна: простор, постели нет, я над городом, лесом, *морем,* падение без конца, знаю, что конца нет.

Либо: воздушное преследование, т.е. я по воздуху, те — по земле, вот-вот достанут, но тогда уже я́ торжествую, ибо — *те не полетят.*

Но всё: и тóлько звон, и полет с постелью, и пасть–не упасть и погоня — всё при полном сознании скованности тела лежащего на постели — даже когда я с постелью вылетела в окно — всё как спазма, меня *свело* и, если не отпустит — смерть. И сквозь всё: погоню, полет, звон, выкрики, единственный актив и физический звук собственного дыхания.

Когда мне было четырнадцать лет мне наш земский тарусский врач (Иван Зиновьевич Добротворский, свойственник отца) в ответ на рассказ сказал, что от глаз — зрения. Но я тогда уже поняла, что глаза не при чем, раз всё дело в слышимом и — больше! — раз *ничего не вижу*. Другие (не врачи) клонили к отделению астрального тела и прочему, но им я тоже не верила, видя, что я живая, попадаю в теорию, мой живой — смертный — страх в какой-то очень благополучный (и сомнительный) разряд. Не зная ни медицины ни мистики вот чтó

— сердце, мстящее мне ночью за то, что делаю с ним днем (тогда, 12ти лет — наперед мстящее: за то, что *буду* делать!) вернее платящееся за мою <сверху: нашу> дневную — исконную — всяческую растрату. И наполнение этого ужаса — звуковыми, т.е. слуховыми, т.е. самыми *моими* явлениями. Если бы я жила зрительной жизнью (чего бы быть не могло) я бы этот ужас видела, т.е. вместо интонаций — рожи, м.б. даже не рожи, а мерзости без названия, словом тó, что в зрительной жизни соответствует интонации (голосовому умыслу).

Исконная и северная Wilde Jagd[249] сердца, которого в своей простоте не знает — и не может знать — латинская раса.

Вся мистическая, нет — мифическая! — Wilde Jagd крови по жилам.

Тáк — умру.

Предисловие к Мóлодцу:

Эта вещь написана вслух, не написана, а сказана, поэтому, думаю, будет неправильно (неправедно!) читать ее глазами.

Спойте вслед!

Чтó могла — указала ударениями, двоеточиями, тирэ (гениальное немецкое Gedankenstrich[250], та <пропуск одного слова> морщина между бровями, здесь легшая горизонталью).

Остальное предоставляю чутью и слуху читателя: абсолютному слуху абсолютного читателя.

Зная только одни августейшие беды, как любовь к нелюбящему, смерть матери, тоску по своему семилетию, — *такое*, зная

только *чистые* беды: раны (*не* язвы!) — и всё это в прекрасном декоруме: сначала феодального дома, затем — эвксинского брега — не забыть хлыстовской Тарусы, точно нарочно данной отродясь, чтобы весь век ее во всем искать и нигде не находить — я до самого 1920 г. недоумевала: зачем героя непременно в подвал и героиню непременно с желтым билетом. Меня знобило от Достоевского. Его чернóты жизни мне казались предвзятыми, отсутствие природы (сущей и на Сенной: и *над* Сенной в виде — *неба:* вездесущего!) не давало дышать. Дворники, углы, номера, яичные скорлупы, плевки — когда есть небо: *для всех.*

То же — toutes proportions gardées[251] — я ощущала от стихов 18летнего Эренбурга, за которые (присылку которых — присылал все книжки) — его даже не благодарила, ибо в каждом стихотворении — писсуары, весь Париж — сплошной писсуар: Париж набережных, каштанов, Римского Короля, одиночества, — Париж моего шестнадцатилетия.

То же — toutes proportions encore mieux gardées[252] — ощущаю во всяком Союзе Поэтов, революционном или эмигрантском, где что ни стих — то нарыв, что ни четверостишие — то бочка с нечистóтами: между нарывом и нужником. Эстетический подход? — ЭТИЧЕСКИЙ ОТСКОК.

У женщины — творчество всегда нарушенная норма. — А у мужчин, очевидно, обычное состояние?

Ж. Занд на Майорке, пиша свои многотомные — прекрасные — романы, учила детей, чинила и готовила.

Шопен просто сходил с ума.

Скифская страсть к бессмертью. (Мое — «отыграюсь!».)

Сон про Ахматову. (Волосы — лес — раздорожье.)

Сон про Блока. (Два шага по земле, третий — в воздух.)

Люди не требовательны, но я — требовательна. Потому *тáк* пишу (из жил).

Люди требовательны, но я — не требовательна. Потому *тáк* хожу (одеваюсь).

Я *сню* свои сны (волевое).

Снить, тьмить. Мра (смерть).

Мне сон не снится, я его сню.

Попытка главы десятой и последней — «Херувимская»
(Дай Бог!)

Рай проспишь

Вставай, барыня!
Рай проспишь!

Линия:

Слуга будит барыню.

Перед рассветом: голоса, голос — над барыней и над барином (спят врозь). Барыне голос: не езди, не сдавайся и — чем больше голос убеждает — тем она (обратное). («Сыном поплатишься» (Проклятьице). — Трижды.) — Над барином: Спьяну хвастал. Брось дворянскую спесь. (Слово.)

Слуга стучит к барыне:

— Вставай, барыня, —
Рай проспишь!

Сначала к барину: — Обедню проспишь. Царство проспишь. Барин: — Не поеду. Барыня: — Не поеду. Слуга — лицемерно — потакает (чтó дворянское слово — ветер носит!).

Линия гóлоса: не езди, не сдавайся, сыном ответишь, мужем ответишь. А уж коли — не гляди в левое окно, цельную обедню очи тупь. Дальше — не в моей власти. Был тебе верен. (Без местоимений, просто — голос. Не зовет никак.) А окликну — откажись: не я. (Не я, не я, — другому жена.)

Над барином: — Не неволь жену, пять деньков еще <под строкой: всего> до сроку…

Попытка «Херувимской»
(— Дай Бог!)

Рассвет

Сонных очей — мечтаньице

Рассвет, рассвет!
Что — сер? что — сед?

Чтó цедят? Молоко, вино — сквозь зубы.

И бражник не цéдит

И цы́ган не крáдет,
И нищий не клянчит

Харчевня, кабак, кабатчик, трактирщик, сбитенщик, кравчий, пивовар, постоялец, постоялый двор, целовальник, бражник, корчмарь, шильник, жид.

Запись: — Тот кто обходится без людей — без того и люди обходятся. Так обходятся, напр., что дали Блоку умереть от голодной цинги. Окруженность в прямой зависимости от зазывания, привлечения. Чтó делают актеры? Выходят на улицу, сдирают с себя всё: — Вот я́! И как хорош! (Бесстыдствуют.) Это делают и поэты, но действуя на более изысканное (глубокое, редкостное) чувство: слух — и душу (если есть!), зазывая к себе *в духе*, следов<ательно> уже менее окружены. (Есенин, зазывающий цилиндром либо онучами и Байрон — ручными леопардами — уже актеры: актеришки.)

Но и здесь: желание или нежелание привлечь — всё. Даже при соизмеримом даровании, возьмите окруженность Белого и отчужденность Блока.

— «Тебя рвут на части? Ты этого хочешь».

...und suchen schöne Bilder
Und sind ihr ganzes Leben so allein...[253]

Иуда разрываемый на части зрителями — вот божественность актера.

Орфей разрываемый на части менадами — вот божественность поэта.

Ибо — один против всех.

Всякое иное разрывание на части — бесчестье.

Люди ревнуют только к одному: одиночеству. Не прощают только одного: одиночества. Мстят только за одно: одиночество. К тому — того — за то, что смеешь быть один.

Etre и avoir[254].

Avoir — не мешает.

Etre — *МЕШАЕТ*.

Еще: Твое avoir не мешает (не может помешать) другим être, хотя бы потому, что они твоим avoir — хотя бы с краю — пользуются, хочешь-не хочешь — присосеживаются.

Твое être МЕШАЕТ, спать не дает другим, ибо явное имущество и явно недоступное. Явно-недоступное преимущество.

Те кому твое être не МЕШАЕТ — сами *сущие*, т.е. имущие одного с тобой порядка: недоступного и неотъемлемого.

А может быть (приписка 1932 г.) всё — наоборот, т.е. простая зависть к имущему и глубокое равнодушие к сущему: незамечание его. Мои завистники (естеству) что-то — как будто — из Царства Небесного!

Ни одной вещи в жизни я не видела просто, мне — как восьми лет, в приготовительном классе при взгляде на восьмиклассниц — в каждой вещи и за каждой вещью мерещилась — тайна, т.е. ее, вещи, истинная суть. В восьмиклассницах тайны не оказалось, т.е. та простая видимость — бант, длинная юбка, усмешка — и оказалась их сутью — сути не оказалось! Но тогда я, восьмиклассница, перенесла взгляд на поэтов, героев, прочее, та́м полагая. И опять — врастя в круг поэтов, героев, пр., опять убедилась, что за стихами, подвигами и прочим — опять ничего, т.е. что стихи — *всё*, что они есть и могут, подвиги — всё, что они есть и могут, что поэт — в лучшем случае равен стихам, как восьмиклассница — банту, т.е. видимое — своей видимости, что это-то и есть *то*, для чего у меня — от бесконечного преклонения — никогда не было (и вопреки всему — не будет) — имени. (Говорю не совсем точно, ибо боюсь упустить.)

Бант — знак, стихи — знак... Но — чего? Восемнадцатилетия (бант), но восемнадцатилетие — чего? И если даже найду, то *то* — чего — знак?

Так я видела мир восьми лет, так буду видеть восьмидесяти, несмотря на то, что та́к никогда его не *увидела* (т.е. вещь неизменно оказывалась просто — собой). Ибо таков он *есть*.

(Лето 1932 г. Меня не обманули только Б.П. и Р.М. Р<ильке>. Меня (упорство моего неверия в видимость как в таковую) подтвердили только Б.П. и Р.М.Р., которые оба мне были несуждены. И *все* поэты (которых не знала). И слово Гёте:

Alles Vergängliche ist nur ein Gleichniss[255]

которое я знала, которое я *явила* — *отродясь*. (Впервые услышала его 17 л. в Мусагете[256], от одного из местных гётеянцев, таких же безнадежных как пушкинианцы, как все *анцы* — если только не армяне.)

Меня не обманули только все деревья, все повороты старых (нехоженных) улиц, все старые стены с молодым плющом, все — все — все —

Меня обманули только — люди, которых я пыталась, *все* люди (мно—ого!) которых я пыталась любить, т.е. иносказать — в другой мир, откуда — мне казалось — они, как я, родом, *все* — родом (вспять-сказать!) и оказавшиеся как раз тем, чему я не верила, т.е. делец — делами, поэт — стихами, любовник — губами (если не руками!), восьмиклассница — бантом. Т.е. каждая вещь своим аттрибутом. *Только.*)

———

Дальше — Херувимская:

Нищие. — Как поминать-то? — Звать-то как? Чтить-то как? — Не знаю. — Не помню. — Легкое пересмеиванье (скрытое). М<аруся> как причастница. Говор народа, все голову в ее сторону, шепот: откуда такая? чья такая? Зачарованность и легкая жуть. М<аруся> потупив глаза (*ни разу* не вскидывает за службу, всё — внутри, слухом). *Доходит* только свое, ответные мысли и *трижды* голос: не гляди! Треск свечей. Гул народа, стук поклонов, ее свеча — гаснет. М.б. при входе — последний взгляд — на барина? «Ровно вижу тебя в последний раз» — или: «Ровно вижу тебя в первый раз» (или оба?). — Шутливо-ласковый ответ барина: «...моя немолённая...»

Шепот барина: — Молись,
Моя немолённая!

Певчие. Один голос пуще всех ликует, или: голос знаком. (Спор *в ней* двух голосов, *оба* — *его.*) А м.б. много: певчие, нищие, он, *ее* мысли, les fidèles??[257] Да еще слова́ службы. М.б. певчих — похерить?

И — перед Херувимской — третье: не гляди!

— и —

Глянула.

Из службы только то, что́ ей важно и *иначе* чем сказано (видоизменить, сохраня).

Не забыть сына и (последний взгляд на) барина.

———

— Тако зеницу ока,
Свят, сохрани мя!
...Сбудутся сроки,
Вспомнится имя...

———

Тако зеницу ока,
Свят, сохрани мя!

(Красные — щеки!
Красное — имя!)

———

Необходимо ввести: народ (хотя бы слуховым, всё кроме зрения: шепот, стук поклонов, жар свеч и т.д.). Бормотанье часов. Народ: чья такая? Вводить это *между* стро́ками часов. Необходимо: Барин слева (перекличка с: Месяц слева), ребенок у сердца, их несуществование для нее.

Линия Мо́лодца (двойная) — не гляди, не взгляни. Дальше отдельные (дребезг стёкол) возгласы службы, ектении, оглашенные изыдите (сильный дребезг стёкол). Усилить: не гляди!

Тихо в храме
—
Бормотание
Часов.

———

Круче сына
К груди.

— Не гляди!

———

Из письма[258]:

— «Почему — мне?» Руку на́ сердце положа — случайность. Я как луч и как нищий стучусь во все окна. Или: я как луч и как вор вхожу во все окна. Дорога луча. Луч идет пока его не примет взгляд. Луч шел. Ваше дело — остановить. Тогда окажется: луч шел *к Вам*. Будьте — тем.

И вот, первая обида уже сменяется в Вас чем-то вроде жалости, не торопитесь: луч и *без* взгляда и *после* взгляда. Луч — сам взгляд! Я не *ищу* людей, но я не хочу этого упрека Богу из собственных уст: — Зачем ты послал меня на́ землю жить раз среди живущих я не встретила ни одного живого. — Поэтому и пытаюсь. И встречала: больше собеседников, чем друзей, больше лбов, чем сущностей. (И меньше всего — душ.)

Есть еще то́ хорошее в Вас для меня (во мне для Вас — всё!) — Вы не притча во языцех, *имя* меня отталкивает (в жизни), та́к я из ложной гордости и заранее-безнадежности пропускала главные человеческие события в моей жизни — и буду пропускать отыгрываясь на не-именах, которые — *не случайно* не став именами, ибо имя — не выслуга, а *заслуга* и ничем не покупается, кроме истинной ценности: не покупается, а рождается — итак: отыгрываясь на не-именах, которые большей частью оказывались *ничем*. Пропуская (упуская) больших, останавлива-

ла — мелочь, та́к: Иксу отдавала то́, что отродясь принадлежало Блоку. Или — Богу.

Есть еще то́ хорошее в Вас для меня (хорошо — первое хорошее!) — Вы, если не ошибаюсь, из мира музыки, мира высшего моего: то, чем я кончаю — с этого у вас начинают, есть надежда быть по́нятым.

---

1. Ровно стравы опилась
2. Ровно пламя опилась
3. Ровно жара опилась
4. Ровно крови опилась
5. Ровно серы опилась
6. Ровно яду опилась
7. Ровно пены опилась (?)
8. Ровно смоли опилась (NB! надо бы — смол*ы*)
9. Ровно зелья опилась
10. Ровно вару опилась (NB! варить смолу)

Запись: Заражаемость, но не подражаемость. Но: зараженная fièvre pourpre[259] болею ею как крапивной лихорадкой (справляюсь!).

И: зараженная — только всего крапивной лихорадкой — нет, ибо не заразна! — краснухой, болею ею как fièvre pourpre.

Бледная немочь и fièvre pourpre (Св. Августин). — Выразительность иных слов.

Женщина во мне спит глубо́ко — всегда — годами, пока ее — самыми простыми средствами — не раздразнят. Самыми простыми средствами, дающими такие самые непростые — ум-за-ра́зумные — последствия.

Очарование: отдельная область, как ум, как дар, как красота — и не состоящая ни в том, ни в другом, ни в третьем. *Не* состоящее, как они несоставно́е, неразложимое, неделимое.

И нравление (слово) — как ладонь
На взлобье.
(Рифма — надгробье, беззлобен)
Чудное слово: взлобье. Взлобье горы́. (Гёте)

[...]
Ложь — и ничего не сложится!

[...]
— в покой мой божеский,

Творческий, в мой день седьмой
[...]
Не твои ли,
[...]

[...]
В очесах, дыханье сузивших —
Крупная игра притворств,
Мутная вода союзничеств...

Брось! Всё знаю! Каждый ход
Знаю: от аза́ до ижицы.
Знаю что́ меня сведет
В ад: очарованье низости!

Отведи глаза, вдвойне
Близкие и ненавистные!
Ибо срочное и *не*
Доблестное в них написано.

Не щеми меня зрачком
Ибо взгляд от взгляду множатся
Где-то под седьмым замком
Дремлющие ненадежности.

Взором, спокойно готовым
На величайшую низость
(он)

Взором, спокойно готовым
На величайшую нежность
(она, я)

— Проскомидия. — Часы.

Сохрани мя, Господи, та́ко зеницу ока, в крове крылу́ Твоею покрыеши мя. От лица нечестивых острастших мя: врази́ мою душу одержаша... Объяша мя, тако лев готов на лов и тако скимен обитаяй в тайнах.

...Окропи мя иссопом — и очищусь, умы́еши мя — и паче снега убелюся... Яко чуждии восташа на мя, и крепцыи взыскаша душу мою...

Вонми, Боже, молитву мою и не пре́зри моления моего. Вонми ми и услыши мя: возскорбех печалию моею и о стужения

грешнича. Сердце мое смя́теся во мне и боязнь смерти нападе́ на мя. Страх и трепет прии́де на мя и покры мя тьма... (И рек) кто даст ми́ криле, тако голубине, и полещу и почию...

...Уста их мягче масла, словеса их паче елея — и тя суть стрелы (но они суть обнаженные мечи). Му́жие кро́вей и льсти не преполовят дний своих.

Последняя строка Мо́лодца:

До—мой:
В огнь синь

звучит как непроизнесенное: аминь: да будет та́к (с кем — произнести боюсь, но думаю о Борисе).

Синь да сгинь
Край села...
и:
Домой:
В огнь *синь*

т.е., первая строка и последняя строка, первое слово и последнее слово, — об этом не думала — САМО. Самозамыкание круга. Из сини Руси́ — домой: в огнь синь.

Мо́лодец кончен 24го декабря 1922 г., в Сочельник.

С аспидом — аспид,
С ястребом — ястреб

Ястреб — истребитель.

Для «Семейной Хроники»
(мечтаю написать)

Семейную Хронику[260] я читала впервые двадцати девяти лет от роду, т.е. ровно на двадцать лет позже чем она обычно читается, т.е. в возрасте Софьи Николаевны (матери), а не Сережи, Багрова-внука. Попутная мысль: почему маленьким детям дают взрослые книги («классиков», — точно они от слова холодней и безвредней. И — понятней!). Ведь не для 9ти л. и не 9ти л. от роду писался Багров-внук (себя — внука писал — дед!), не для 14ти лет — обычный гимназический возраст — Рудин, и пр. Что думают учителя, давая 14-тилетнему (*-ней!*) в руки Евгения Онегина, где для 14-тилетнего (*-ней!*) — *только письмо.*

Зачем так огорчать (от: горечь), омрачать девочку, так разжигать — мальчика? — Именно *давая*, ибо если ребенок сам берет! страстно! из рук рвет! — то мы уже имеем дело не с ребенком (возрастом), а с сущностью (вне), с особой особью любве- или стихолюбов, с Байроном в возможности или в будущем, т.е. с существом всё равно обреченным, с тем которого — спасти — нельзя.

Но как могут учителя, давая Евгения Онегина в руки среднему 14летнему, ждать в ответ 1) хорошего сочинения 2) разумного поведения. Давать ребенку поэта (верней — поэму) то же самое, что прививать тифозному — чуму. Двойное безумие: исконное и навязанное. Но дети мудрее, разумнее — безнадежнее — чем я о них думаю: Онегин — в парту, «Лизочкино счастье» Чарской — на стол.

Не Пушкина, не Чарскую давать (дарить!) — Лескова (Соборяне), С. Лагерлёф (*не* Гёсту Берлинга!), очень, очень, очень Диккенса, так же — Андерсена, и больше чем можно, *т.е. всего* **Alexandre Dumas**, т.е. сплошное благородство и действие, — и В. Скотта, конечно (потом не захочется) — всё только не любовь в голом виде, или, как в Е<вгении> О<негине> если не в голом виде то силой дара покрывающей и быт и рассуждения и природу.

И никогда не — Семейную Хронику, т.е. живую душу несчастной, страстной, прекрасной женщины, живое мясо ее души.

Книги где конфликт *не* внутренний, та́к, образно: Геракла (Авгиевы конюшни), а не Тезея (лабиринт, т.е. клубок, т.е. любовь, т.е. Наксос) — никаких лабиринтов, никаких тайников души (и тела!) — *сами! — рано!* —

Никаких Неточек Незвановых и Бедных Людей, ибо Неточка — *уже* Соня Мармеладова, княжна Катя — уже Аглая.

Подвиги, путешествия, зверей, зверей, зверей. Джунгли Киплинга, Марка Твэна, всё что на белом свете дня или при достоверной луне (в достоверной тьме) ночи — под таким и таким-то градусом.

Тогда будут — здоровые дети, здоровые провинности, здоровые (свои) болезни, — здоровые люди.

Те же кому суждено быть поэтами — эти запретные книги, ни одной не читав, сами, из себя, на углу стола, под ор своих счастливых товарищей — напишут[261].

Европейский кинематограф как совращение малолетних.

С<офья> Н<иколаевна>. Горячечная гордячка. Горячка гордости. Стихия ревности. Страсть к сыну. Попытка любви к му-

жу (роман в одиночку, диалог в одиночку). Дочь: «ребенок меня не любит». Страсть к сыну — как *ответная* страсть. (Вспомнить жену Захер-Мазоха, мать того нелюбимого «**schwarze** <сверху: **noiraud**> **Kind**»[262], из-за любви его, т.е. любви к нему — выбросившуюся из окна[263], и слова Р. Рол<л>ана о материнстве: **l'amour maternel qui dans l'ombre les couve toutes (passions)**[264].) Роман с душой старого самодура. (*Ее* пара. Разрозненная пара.) Обольщение. Тайный союз. (После смерти, в его столе — *ее* письмо, бережно сохраненное и глубокó-запрятанное: не читанное своим!) Гордость падающая при зачарованности (стариком). С<офья> Н<иколае>вна — и природа. Разгадка: *природа как быт.* Душа XVIII в. — вне природы, вся в человеческом: **Lespinasse**, Казанова, обратный край — Вольтер: либо страстная, либо мозговая, *всегда* сухая.

Парижанка XVIII в. в Уфимской губ<ернии> XVIII в. Парижанка XVIII в. за уфимским помещичьим сыном XVIII в.

Парижанка — душой и телом, *умом* и телом. Редкая разновидность: героиня, не любящая природы, данная в природе, *любовная* героиня — без героя: одна любовь.

---

21 декабря

2го нов<ого> января 1923 г. — благословясь —

— Продолжение Егорушки —

Написано:

1. Младенчество
2. Пастушество
3. Купечество

Должно быть написано:

4. Серафим-Град
5. Река
6. Елисавея
7. Престол-Гора
8. Орел-Златоперый
9. Три плача

Необходимо вести повествование круче, сокращать описания: *этапами*, не час за часом — иначе никогда не кончу. Меньше юмора — просторнее — NB! не забывáть волка.

(Отрывки — как будто бы — никуда не вписанные)

Глядит Егор: в лицо заря
Разит: пожар малиновый!
Обетованная земля —
Слободка соколиная.

Глядит Егор на дело рук
Людских: пожар соломенный!
На тысячу земель округ —
Рдянь | из печи́ из доменной.
Огнь |

А что за люд
Таков смугло́вит?
Мечи куют
Для будущих битв

—

—

Ножи вострят
Для будущих сеч

Точильщики божески!
Точить ножи-но́жницы!

Как мы ножинками теми —
Парши-шёлуды — да с темем!

Как мы недругам | христовым —
ворогам |
Башки-головы — да с корнем!

Богонравы...
Добродеи...
Костоправы,
Брадобреи.

———

Жилочки горячи!
Запишите в ковачи!
Иди с миром:
Твой путь — мимо!

———

Кровь твоя весела
Просится в сокола

———

А что за гром
Таков серебря́н?
— Кресты куем
Для праведных ран

———

Миновали ковачей —
Шаг от шагу горячей

— клубом
— варом:
Винокуры,
Пивовары.

А что за кипь-
Така-за крепь?
— Нутро крепить:
Солдат греть.

— А что за квас
Таков за
— Чтоб зноб не тряс (трёс)
Чтоб тряс | не брал
страх |

— Квáснички-пузыри
Запишите в

— Иди, братче!
Твой квас — хватче!

А что за тес
Таков за сруб?
— Кто тяжко нес —
Чтоб спал без смут

Что за кровать
Така — тесна?
— Солдатику:
Чтоб спал без сна.

— А что за тес таков за свеж?
А что за лес таков за част?
— Бескрёстному сугробу — крест,
Гол в землю лез — Господь подаст |
Бог тесу даст |
Бог гроб подаст |

Плотнички-столяры,
Разрешите до поры
В. те гробочки-в кипарисы...
— Рано, рано, потрудися!

Скоро невеста
Со́кола словит:
Будет и крестик,
Будет и гробик

———

Попытка беловика (тогдашняя)

Царство черных рук:
Рая | первый круг
Града |

Глядит Егор: в лицо заря
Разит — пожар малиновый!
Обетованная земля, —
Слободка соколиная.

Глядит Егор на дело рук
Людских: пожар соломенный!
На тридевять земель округ
Рдянь | из печи́ из доменной.
Огнь |

— А что за люд
Таков смугловит?
— Мечи куют
Для будущих битв.

— А что за гром
Таков серебря́н?
— Кресты куем
Для праведных ран.

— Жилочки горячи!
Запишите в ковачи!

— Отстань, юнец:
Сердцам — кузнец!

(Взрастай, юнец,
Сердцам — кузнец!)

Иди с миром,
Твой путь — мимо

(Иди мимо, —
Твой путь — и́ный!)

Уж ты диво-городьба
Соколина слобода

Мозоль-удаль-чернобыль
Труженицка рудожиль!

Пильщики,
Плотнички —
Божьи работнички:

— А что за лес таков за част?
А что за тёс таков за свеж?
— Безвестному кургану — страж,
Бескрёстному сугробу — крест...

Как станет пó полю мести
Шрапнель, свинцовая пурга:
Донскому воинству кресты,
Донскому воинству гроба.

Плотнички-крестари,
Разрешите до поры
В тот домочек в | кипарисов
Под кресточек |
— Рано, рано, потрудися!

Скоро невеста
Сóкола словит:
Будет и крестик,
Будет и гробик.

Бредут. Что пасти львиные
На них — печищи доменны.
Один пожар — малиновый,
Другой пожар — соломенный.

Полымь шелковый,
Пузырящийся,
Плещущий —
Колокольщики,
Плавильщики,
Литейщики.

Распрям злым
Царство предано.
Глас творим:
Звон серебряный.

После зим —
Пашни зелены!
Звон творим:
Радость велию!

— Колокольщички щедры:
Запишите в звонари!

— Звоним — с крыши,
Твой звон — выше.

Закипела кровь:
— Не звонарь — так в чан!
Уж с жерлом ровь в ровь
...
— ан:

И сгинуло!
Морским морска
Пресиняя
Лазорь-река.

Лазорь-река

NB! Кто перевозчик? М.б. — закрытая женщина, неуспокоенная: муж бéз вести пропал, вот она его и ждéт — перевозит. (Не ты? Не ты?) Или же: ждет мстителя за всех убиенных. — Или же: Богоматерь: ждет мстителя за Сына.

Для Лебединой Слободки: Игорь с дружиной.

Лазорь-Река: испей, испей! Отмсти! Отмсти! Перевозчица: хлебнешь той воды — навек ожжет тебя женская слеза, через нее погибнешь. Жалоба реки: плач матери — жены — дочери (?). Перечисления. Егорий — конечно — пьет.

Ветлы плакучие,
Вёслы плескучие...

Синь-ты-излучина,

Вёсла плескучие
Лодочка легкая...

Вёсла в уключины

———

Что —
За перевозчица:
Лик занавешенный...

———

Синь-ты-излучина,
Хлынь быстролётная!
Вёсла плескучие,
Лодочка легкая...

———

Плещут, полощатся,
, проносятся
За перевозчика —
цах |
Баба на вёсельках. |

———

Синь-моя-ладаны
Ширь моя синяя,
Ширь неоглядная,
Синь нерушимая

Неспешная — без о́дыши,
Степенная — без о́гляди.
Сидит Егорий в лодочке,
Под ним — шелка лазоревы

Что ладаны — расстелены,
Что лебеди — полощатся.
Ладья — одновесельная
И баба перевозчицей

Соколье Подворье,
Прощай, страна!
Уносит Егорья
Синя́-волна.

———

Уж ты синь речка́ да с просинями!
Кто на синь твою положится?
Плывет лодка одновёсельная,
Вместо лодочника — лодочница:

Жена мужняя ль, вдовица ли?
Молода ль утешная?
Аль от слёз глаза повыцвели?
Не видать — лицо завешено.

Платье — покроя:
Ровно бы струи.
Лик под фатою:
Правит вслепую.

Волна струечкой расколется,
Струя лебедью полощется.
Таковы слова соколику
Говорила перевозчица:

— Не зови слезы — да жемчугом,
Не зови морской — да пресною,
Эти волны — слёзы женские,
Эти всплёски — слёзы сестрины

Слеза   вдовичья,
Кровяная: материнская.

———

Что пропал румян
И не шлет вестей.
Солона — из ран...
Той воды не пей!

Что шумит камыш
Из его кости́.
Той   не слышь,
Той   не льсти

И   — что кровь в пески:
— Испей, испей!
Отмсти, отмсти!

И   — что
Отмсти! Отмсти!
Восстань! Восстань!

И дружно:
— К оружью!
Раскатом:
— Поратуй!
За мужа! За мужа!
За брата! За брата!

— Жжет язва!

— За князя, за князя!
За сына, за сына!

Погиб!
Исчез!
И всхлип
И вспле́ск

Не ест!
Не пьет!
И вспле́ск,
И вsplёск...

———

Жжет язва!

За князя, за князя!
За сына! — Не выне-

———

—

За сына, за сына,
За сына! — Не выне-
сло сердце, всей горстью
в зыбь
Егор.
Испил молодец кровяной слезы,
Отведал женского плачу.

Не вынес — львиная
Душа! И хлынула
В уста Егорьевы —
Река лазорева.

———

Не вынес — львиная
Душа и хлынула
В уста малиновы —
Струя полынная

Ровно бы —
Между
В уста Егорьевы —
Река лазорева

И струя — струе как птицы:
— Спите! Спите! Мститель! Мститель!

И волна волне — как сосны:
— Славьте, славьте! Послан, послан!

И в лоб и в тыл,
И вsplёск и всхлип:

— Испил! Испил!
Отмстит! Отмстит!

На седьмые небеса —
С лица дивного фата!
...
Голубины воркота

Вешние,
Вербные,
Щедрые,
Чистые...
— Мать Милосердная!
Дева Пре...

— Тише, таи!
Слышу... Навек...
Трепет фаты,
Лепет ладьи
О брег...

(Конец второй черной тетради с Мóлодцем и попытки беловика Лазорь-Реки.)

Марина Цветаева
Черновая тетрадь (II в Чехии)[265]

Прага, Горние Мокропсы

(Черная, без блеску, формат книги, а не тетради, толстая.)

Тетрадь начата 10го нов<ого> мая 1923 г. в День Вознесения, в Чехии, в Горних Мокропсах, — ровно в полдень. (Бьет на колокольне.)

Время, я не поспеваю

(Хвала Времени — 10го мая, 11го мая — Мало ада и мало рая[266] с пометкой:

Это местничество могил!

Это как немецкое dies, не как: это есть. Т.е. возглас, а не утверждение (пояснение). Вся строка — одна интонация негодования (Cette bassesse! — вернее: petitesse!)[267].)

Это — Давиды на Голиафов!

——

Сердце не примет твоих условий,
Жизнь! Голиафами навзничь рухай!
Это — разъятые узы крови:
союзы духа.

——

Совести сброшенная личина!

——

Совести сорванная личина!

——

Зримости сорванная личина!
Зрячести сброшенная | повязка
сдернутая |

——

...В час, когда время порвав как привязь
— — — — —
...Это Саулы у прозорливиц.

——

Черным пó белу на конверте. —
Есть такая страна — Бессмертье!

——

Души, это не только ты,
Я, — но тысячи нас, но сонмы
...тьмы...

——

Вечность, это не только — слух.
(Слух *о*)

——

Единственная рифма — и внешняя и внутренняя — к: газет — к<лозет>.

——

Забота бедных: старое обратить в новое, богатых: новое в старое.

——

Весь вопрос формы и содержания: одновременно вступить на коврик. А в Царстве Небесном — не женятся.

——

(Стихи: Час обнажающихся верховий, А может — лучшая победа...[268] (14го мая))

——

Ландшафт сердца

Здесь никто не сдается в плен,
Здесь от века еще не пели
И не жаловались. Взамен
Пасторалей и акварелей:

Травок, птичек, овечек, дев —
Спарты мужественный рельеф.

Здесь с отвеса сердец и стен
Слаборóжденного —

Спарта спертая: и плеть!
Здесь сердца на одну колодку!
Соловьям, чтобы им не петь,
Здесь свинцом заливают глотку

Спарта спертая: и плеть!
Здесь сердца на одну колодку!
Соловьям — воспрещенье петь.
Здесь свинцом заливают глотку

Полководцам — за лишний слог.
Спарты мужественный заскок!

...
Каждый взращивает лисенка
Под полою
Целый выводок лисенят!
Целым выводком

(Не окончено)

— Перерыв из-за переписки «Земных Примет».

Сивилла (когда-нибудь!).

Сивилла, когда-то любимица Феба, забыла испросить у него вечную молодость. (*Только* — бессмертье!) И вот — стареет. Любовь к Фебу пребыла, Сивилла — голос Феба. (Встреча Сивиллы с юной любимицей Феба: собой — той, но в другом теле, вечной той: с бессмертьем шестнадцатилетья (цветка живущего — день) — Сивилла давно не слышит людей (вестей) — только вопросы! — но вот, ветер, ворвавшись в пещеру — донес. — Встреча Сивиллы с сыном Феба, их узнавание. Сын Феба не видит Сивиллы, он только слышит ее голос. — Это го-

ворит скала! — Но по мере его возгласов, голос Сивиллы (вечной, Вечности) нежнеет. — Это говорит трава. — Это говорит ручей.

Юноша влюбляется, хочет видеть, настаивает, наконец врывается в пещеру и разбивает себе грудь о скалу (Сивиллу).

Плач Сивиллы над телом юноши.

Не забыть

$18^{\text{го}}$ нов<ого> ($5^{\text{го}}$ русск<ого>) мая 1923 г. — 12-летие моей встречи с С. (Коктебель, $5^{\text{го}}$ мая 1911 г. — Прага (Горние Мокропсы) $5^{\text{го}}$ русск<ого> мая 1923 г.)

Дикая, иди ко мне!

(Сафо — подруге, или кто-то (тот, которого не было) — Сафо.)

(Перерыв из-за Земных Примет.)

На дне она, где ил

Июнь

(Диалог Гамлета с Совестью — $5^{\text{го}}$ июня 1923 г.)

Когда друг другу лжем
(Ночь, прикрываясь днем)
Когда друг друга ловим
(Суть, прикрываясь словом)·

Когда друг к другу льнем
В распластанности мнимой
(, прикрываясь льном,
Огнь, прикрываясь дымом!)

Так, майского жучка
Ложь — полунощным летом

Ты думаешь — робка
Ночь — и ушла с рассветом?
Так, черного зрачка
Ночь, прикрываясь веком

Подземная река —
Ночь: глубока под светом!
Так, черного зрачка
Ночь, прикрываясь веком

———

Подземная река —
Ночь: глубока под днем!

———

Ты думаешь — исчез
Взгляд? — Подыми! — течет!
Свет, это только вес
Свет — это только счет

———

Брось! Отпусти домой
В ночь, в огневую | реку
родовую |

. . .

Свет — это только веко
Над хаосом

(Не окончено)[269]

———

— Магдалина!
Бьющаяся!

———

Магдалина!
Льющаяся!

———

Магдалина!
Длящаяся!

———

(Стихи Мореплаватель — 12го июня 1923 г.)

———

Аля о Белом:
Чужой, ненужный, фарфоровая разбитая штучка.

———

Отрывки Сахары[270]:

Перерезанною веревкой —
Связь — и в сердце мое как в пропасть!

———

красавцем спящим
Спишь во мне как в хрустальном гробе

<Справа от последнего двустишия:> NB! Ледяной Аид (расщелина)

———

По каким городам и чащам
Мне искать тебя?
— красавцем спящим
Спишь во мне как в хрустальном гробе

<Справа от последнего четверостишия:> — Ты падал в меня — я пела!

А пока, — — —
На поверхности пляшем — взрывы
—
Без возврата и без отзы́ва.

прорве |
Ты во мне как в бездонной люльке |
бездне |
Спишь: ты падал в меня — я пела!

Но моих ледяных Аидов
...Этна...
А домашним скажи, что — тщетно:
Грудь своих мертвецов не выдаст.

Легче с башни лететь и в Этну — (NB! нужно —
Эмпедоклом — Эйфелевой)

Сочетавшись с тобой как, Этна
С Эмпедоклом...
— Усни, сновидец!
А домашним скажи, что — тщетно:
Грудь своих мертвецов не выдаст.

В грудь и ребра мои закован

Глубже грота, алькова

Зря Елену клянете, вдовы!
Не Елениной красной Трои
Огнь, — расщелины ледниковой
Синь, на дне опочиешь коей.

(17 нов<ого> июня 1923 г.)

В час последнего отчаянья,
В час последнего доверия

На уста — печатью крайнею
Перст тебе кладу. — Эгерии
Вверься...

(Впосл<едствии> Луна — лунатику)

—

Глубоки и черны трущобы
Крови: каждая капля — заводь

—

NB! Неуменье наслаждаться чувством победы (нелюбовь к наслаждению вообще и к этому в частности), глубокое недоумение перед ней, а главное — полное незнание, что́ с ней делать, *тупик* победы, сразу превращающий меня из победителя в побежденного. — Отсутствие азарта? — Необычайное и неустанное присутствие его. Но — раз победил — длить победу? Но какое крохотное напряжение (что-то удерживать на таком-то уровне) по сравнению с тем! И какая скука!

Длить, — вообще не мое.

—

Я не рассчитана на вершки и на секунды. —

—

Я рассчитана на бо́льшие пространства и сроки.

—

Где она — мера моей безмерности!

—

(Луна — лунатику)

—

Творчество поэта только ряд ошибок, вереница вытекающих друг из друга отречений. Каждая строка — будь то вопль! — мысль работавшая на всем протяжении его мозга.

—

Под ударом трагического единства
Бьется занавес как

—

(или — рвется?)
(Занавес — $23^{\underline{го}}$ нов<ого> июня 1923 г.)

—

Раскрытая ладонь. Дай погадаю
Пытающийся скрыть себя, но не
Затоптанный огонь... Дуга над далью,
Протягивающаяся ко мне...

—

Расплёсканную в птичьем свисте
— Зачем не уберег? —

Набросанную щедрой кистью
На полотне дорог,

...

Где провода слились —
Меня, твоей бессонной смуты —
Единственную мысль.

(Из этого: Строительница струн — приструню
И эту...)

Ты́ — продвиженье льдов полярных,
Ты́ — изверженье Этн!

Презренная ветошь среди новизн,
Я здесь ничего не смею.
Будьте живы и лживы, живите — жизнь!
Обыгрывайте — Психею!

А теперь я должна Вам[271] рассказать тот сон, давно, среди зимы, который у меня почему-то духу не хватило рассказать Вам в жизни. Мы идем по пустынному шоссэ, дождь, столбы, глина. Вы провожаете меня на станцию, и вдруг — неожиданно, одновременно — Вы ко мне, я к Вам, блаженно, как никогда в жизни! Рассказала — иными словами — В<алентине> Ч<ириковой>[272]. И та, смеясь: «Бросьте! Он никогда не поймет!» Поймите теперь, что́ я чувствовала день спустя, идя с Вами рядом по мокрой глине, вся еще в том сне, в *чувстве* его.

Рассказываю Вам теперь, чтобы Вы знали, что есть в мире не только день, но и ночь, не только любовь, но прови́дение, зоркая ночь древних, предвосхищающая (или — предрешающая?) события. Тень опережающая тело. Этот сон в моей жизни ничего не изменил, я переборола ночное наваждение, месяцы шли, мне было всё равно — и вдруг, тогда (*теперь!* но уже *тогда*), у самой станции, провожая Вас в первый раз: — «Если бы...» *Всё* вернулось. Та же глина, та же станция, та же я. (*Та́* глина, *та́* станция, *та́* я.) Это был мой сбывшийся сон. Не относитесь легкомысленно. Сны у древних направляли жизнь, а древние были и мудрее и счастливее нас.

<Вдоль правого поля:> Запись внесенная в тетрадь позже и другим чернилом, очевидно октября 1923 г.

В жизни — одно, в любви другое. Никогда в жизни: всегда в любви.

Любовь — не состояние, а страна.

(Стихи: Сахара, В некой разлинованности нотной[273]:)

Судорожный час когда как солью
Раны засыпает | нам любовь
забивает |
Наглухо...
Закатной канифолью
Смазанные струны проводов...

— — — —

Час, когда кифару раскроя
Кровоистекающая Сафо
Плачет как последняя швея...

Это — остаются. Боль — как нота
Высящаяся... А там — клубы
Низящиеся...
Женою Лота
Насыпью застывшие столбы...

Тезей, Ариадну предавший, Тезей — презираю!

Плач безропотности, плач животной
Смерти

Вот и не было тебя! Впустую
Птицей выплеснувшийся рукав...
К белому полотнищу вплотную
Грудью и коленями припав...

Равнодушное дело | духов.
тело |

Я не знаю земных соблазнов

—

Запрокинуто тело навзничь
Но глаза вопрошают небо

И погружаюсь как в реку
В мимо-текущую Вечность

———

И погружаюсь как в вечность
В мимо-текущую реку.

———

Струею шелковой
Из рук скользящею

———

—

Что сталось с чувствами?
Себя текущею
Водой почувствовав

В ладонях берега
Поросших ивами
От древа к дереву
Теку — счастливая

—

—

Всеотпускающей
И всеприемлющей...

———

—

—

А старикам в меня
Глядеться вязами

———

(NB! бросаться кольцами)

———

—

Не ванной цинковой

—

Дианой с нимфами!

———

Между нами — клинок двуострый...

NB! Сама душа — разве уже не двуострый клинок! (моя)

———

Синь речная — Магдалина
Исходящая мелодией.

———

Написать[274]:

1) Синь речная — Магдалина
2) Магдалина:
   Льющаяся!
3) Иоанна Припадающего
4) От трагического хозяйства
5) Себя текущею
   Водой почувствовав
6) Между нами — клинок двуос<трый>

———

Какого-то июля 1923 г.

Дорогое мое дитя![275] У меня за всю жизнь был всего один маленький друг — моих 17ти лет в Гурзуфе мальчик Осман, одиннадцати. Я жила совсем одна, в саду выходившем на Генуэзскую крепость, возле татарского кладбища. И я этого мальчика любила тáк и этот мальчик меня любил тáк, как никогда уже потом никто меня и, наверное, никто — его. Я сейчас объясню: всё это была наиглубочайшая бессмыслица. Я была стриженая (после кори, волосы только начинали виться) — все татарки длинноволосые, да еще по 60-ти кос нá голову! — во мне *ничего* не было, за что меня татарский мальчик мог любить, он *всё* должен был перебороть, его мною дразнили, я ему *ничего* не дарила, мы почти не говорили с ним, и — клянусь, что это не была влюбленность! Мы лазили с ним на мою крепость — на опасных местах, тех, без веревки, местах даже запретных, где лазили только англичане, он мне протягивал свою ногу и я держалась — а наверху — площадка: маки, я просто сидела, а он смотрел, я на маки, а он на меня, и смотреть, клянусь, было не на что, я была стриженая и во мне даже не было прельщения «барышни»: ни батистовых оборчатых платьев, ни белизны — полотно и загар! — ходили с ним на татарское кладбище — плоские могильные плиты цвета вылинявшей бирюзы — «Тут мой дедушка лежит. Когда я прихожу — он слышит. Хороший был» — и к нему на табачные плантации (он был без отца — и хозяин!) и к нему в дом, нá пол перед очагом, где вся его семья (вся женская) — 10 мес. ребенок включительно неустанно пили черный кофе — не забыть бабушки (или прабабушки) 112-ти лет, помнившей Пушкина — он покупал мне на 1 коп<ейку> «курмы», горсть грязи, которую я тут же, не задумываясь, съедала. — Когда я уезжала он сказал: — «Когда ты уедешь я буду приходить к тебе в сад и сидеть». И я, лицемерно: «Но меня не будет?» — «Ничего. Камень будет». И в по-

следнюю ночь ни за что не хотел уходить, точно я уже умерла: — «Я буду с тобой и не буду спать». В 12 ч. заснул на моей кровати, я тихонечко встала и пошла на свою скалу. Ночь не спала. Утром в 6 ч. разбудила. Пошли на пароход, и он опять нес вещи, как в первый раз, когда с парохода. Простились зá руку. Тут — заскок памяти: помнится — брезжится — что в последнюю секунду что-то произошло: либо вскочил на пароход, либо — не знаю каким чудом — встретил меня в Судаке. М.б. вскочил в лодку и плыл вслед? Честно: *не* помню, только помню, что что-то под самый конец — было, а откуда на меня глядели его черные (всего лихорадочнее: татарские) глаза, с гурзуфской ли пристани, с судакской ли — не знаю.

Через 2$^1/_2$ года я, уже замужем и с 2хлетней Алей была в Ялте, поехала в Гурзуф, отыскала Османа — Осман-Абдула-Оглы: у фонтана — данный им навек его адрес — огромного! привезла его в Ялту, познакомила с С. — «Хороший у тебя муж, тихий, не дерется». Алей любовался и играл с ней. Обо мне рассказывал: «Когда ты уехала я всё приходил к тебе в сад, сидел на том камне и плакал» — просто, повествовательно, как Гомер о судьбах Трои. Был еще рассказ — о том, как он одной из этих зим ездил со своей школой в большой город: Москву и искал там меня. Было или нет, Москва ли этот большой город или Симферополь — так и не выяснила, рассказывал как сон. Но во сне или нет — искал меня. Потом как-то затосковал, сорвался с места: Домой поеду! Некрасивый, востролицый, очень худой.

Эту любовь я считаю — gros lot de ma vie[276]. Не смеюсь и не смейтесь. В ней было всё, что мне нужно: *сознание* (certitude)[277], но сознание — *такое*. —

Пишу это п.ч. Вы напоминаете мне моего Османа, не Вы, которого не знаю, а свое чувство, которое (которые) знаю: узнаю́. Ваше двадцатилетие где-то во мне равняется его одиннадцатилетию. Из той же области чувств: без дна и без дня, вслепую и впустую. Пишу Вам как мысль идет, не сбивайте — и не делайте выводов: мы ведь еще не знакомы.

(Спросить Османа: — Ты любишь меня? было бы — просто грубостью. И *совсем* не знаю чтó бы он ответил. Дикари *не* знают как это называется. 1932 г.)

Дорогая деточка моя, как рассказать Вам то чувство глубочайшей благодарности за некие мимолетности Вашего пера и мысли. Ведь мне дорого только нечаянное, сорвавшееся! То,

напр., что я, прочтя «поэтесса», чуть-чуть передернулась и — учитывая слишком многое — и наперед устав! — смолчала, а Вы *не* смолчали. («Поэтесса» это как «актриса» что-то подозрительное, в меру уличное: недоросшая сестра — старшей.) Любуюсь Вашей настойчивостью с «ремеслом». У Вас старинное деление на вдохновение и ремесло. Но нельзя же назвать книгу «Вдохновение». Пусть читатель *сам* назовет! Впрочем, довольно о книгах, давайте о Вас: чувствую в Вас *свой* костяк, Ваша мысль нелегко сдается, да это и не ее дело! И — раз навсегда — мне этого не нужно, мне не это нужно, мне нужно одно: доверие и некое чудо проникновения в мою настежь-распахнутую и посему трудно-читаемую душу. (В раскрытые двери собаки входить боятся. Им нужна щель: чтобы мордой.) Читайте в моих книгах всё чтó прочтется, всё что захотите прочесть. Это не фраза! Это самостоятельная жизнь (действие и поле действия) моего слова в другом, тó, чтó мое слово делает само, без меня (дети без родителей ведут себя чаще всего препакостно, но они от этого не делаются детьми соседа!). Мои стихи — это мои дети на свободе, без корректива (гасителя, глушителя) моего родительства (авторства). А м.б. — сама я́ на полной свободе: как во сне.

Иногда думаю о себе, что я — вода. (Эти дни я много на реке. Чудесная: Moldau: Влтава: почему не Млдава??) Налейте в море — будет морем, налейте в стакан — будет стаканом. Дело вместимости сосуда — и: *жажды!*

———

О русском русле. Дитя, это проще. Русская я только через стихию слова. Разве есть русские (французские, немецкие, еврейские и пр.) чувства? Просторы? Но они были и у Атиллы, есть и в прериях. Есть чувства временные (национальные, классовые), вне-временные (божественные: человеческие) и дó-временные (стихийные). Живу вторыми и третьими. Но дать голую душу — без тела — нельзя, особенно в большой вещи. Национальность — тело, т.е. опять одежда. Прочтите Ц<арь->Девицу — настаиваю. Где суть? Да в ней, да в нем, да в мачехе, да в трагедии разминовений: ведь все любови — мимо: «Ein Jüngling liebt ein Mädchen»[278]. Да мой Jüngling никого не любит, я только таких и люблю, он любит гусли, он брат молодому Давиду и еще больше — Ипполиту. Вы думаете — я так же не могла написать Федру? Но и Греция и Россия — тело, т.е. одежда, Вы не любите одежды — согласна — сдерите ее и увидите суть. Это (в Ц<арь->Д<евице>) сделал пока один Борис Пастернак. — «На Вашу вещь не польстится иностранец, в ней ни опашней, ни душегреек, ничего русско-оперного, в ней человеческая душа, это иностранцу не нужно».

А Переулочки — знаете, чтó это? Не Цирцея ли, заговаривающая моряков? Переулочки — морóка, неуловимая соблазнительница, заигрывающая и заигрывающаяся. Соблазн — сначала раем (яблочком), потом адом, потом небом. Это *сила* в руках у *чары*. Но не могу же я писать их как призраков. Она *должна* обнимать, он *должен* отталкивать. Но борются не тела, а души.

———

Поезжайте нá море — я сейчас целый день на реке! Это тоже возможность беседы. Хотите еще одну умилительность о Вас? Вы — пишущий, профессионал слова, не хотите слов! И не могу не ответить Вам одним четверостишием из стихов прошлого лета:

Есть *час* на те слова:
Из слуховых глушизн
Высокие слова
Выстукивает жизнь[279]

Я не боюсь слов. Они не страшны именно тем, что — всегда малы́, всегда тень (чтó резче и ярче тени!) что за словами — всегда — еще всё. Я *всегда* за слова! Когда человек молчит мне тяжело, — как вагон который не идет: — Ну же! Можно без рук, без губ, без глаз — нельзя без слов. Это — последняя плоть, уже духовная, воспринимаемая только сутью, это последний мост. Без слов — мост взорван, между мной и другим — бездна, которую можно перелететь только крыльями!

———

Теперь вслушайтесь внимательно и взвесьте: дает ли Вам — о моей душе, скажем — что-нибудь моя живая жизнь. Когда вернее: видя или не видя? В упор или потупясь? Не видеть, чтобы видеть (я) или видеть, чтобы не видеть? (опять я же?) Так я склонна утверждать, так я научена утвержд<ать>. Но — случайность ли наша живая жизнь (unsere lebendige Erscheinung)?[280] Не есть ли в этом уклонении (от живой Erscheinung другого — и даже собственной) некое высокомерие? Можно ли быть привязанным — к духу? Можно ли любить собаку вне тела? Призрак собаки. Собаку — вне собаки: ушей, зубов, упоительной улыбки до ушей и т.д. На собаке (единстве) лучше видно.

И возвращаясь к человеку: не жизнь ли вяжет (жизнь: ложь, жар, спор, обида, дележ). И не променяете ли Вы Вашего незримого и абсолютного собеседника на первую встречную зримость: относительность: — на *жизнь!* Это я тáк спрашиваю. И больше утверждаю, чем спрашиваю!

———

Горние Мокропсы, близь Праги, какого-то июля 1923 г.

———

Вкратце:

Ариадна	Тезей,
Ипполита (Антиопа)	Ипполит
Федра	

Тезей, выведенный Ариадной из лабиринта, увозит ее на остров Наксос и там, по велению Диониса, покидает. (Неблагодарность.) Но, любя, забыть не может — и —

Тезей, спасенный Ариадной, увозит ее на остров Наксос и там, по велению Диониса, покидает.

По возвращении его с Наксоса врывается враждебное племя амазонок, осаждают город и убивают Ипполиту (жену). Возмездие первое.

Тезей женится на Федре, сестре Ариадны, в дни Наксоса малолетней.

Встреча Федры с Ипполитом.

Ненависть Ипполита к Федре: ненависть матери к мужчинам: ненависть сына к женщинам 2) ненависть к сестре *той*, — АРИАДНЫ — из-за которой так страдала оставленная Ипполита (NB! почему страдала, раз Тезея — ненавидела? Или — любила?) ненависть к сестре той из-за которой (возмездие богини Тезею!) Ипполита — погибла. (Слово Ариадны: Будь верен!) Ненависть к заместительнице матери.

Гибель Федры и Ипполита.

Упокоение в одной могиле.

Ариадна (мудрая) выводит Тезея из лабиринта. Выведя, хочет проститься, Тезей умоляет ее ехать с ним. — «Не проси, тебе грозят беды». Тезей не боится бед. (Не для того тебя вывела из одного лабиринта чтобы завести в другой. Не для того тебя вывела нитью, чтобы запутать в сетях. NB! в этом роде, можно переиграть клубком.) — Ступи на корабль! — Не хочет. — Открой тайну! — Не в моей власти ни предотвратить ни открыть. Через меня ты когда-то потеряешь всё. — Не потеряв тебя — я ничего не потеряю, а потеряв тебя — мне нечего терять. — Долгий спор. Наконец Ариадна, *любя его*, берет с него клятву в верности. — Даже если сам Зевес потребует меня у тебя — будь верен. — Клятва Тезея. Отъезд.

(Ариадна едет с Тезеем не из-за ее <сверху: своей> (собственной) любви к нему, а из-за его отчаяния, и из-за поколебавшейся веры в богов (предначертание). — Слабость.)

Наксос. Ариадна — Тезею: «Эту ночь еще — спи без меня!» Сон Тезея: явление (голос) Диониса. Борьба между любовью к Ариадне и страхом божества. (Дионис — искуситель.) Дионис грозит ему (NB! чем? очевидно — гибелью Ариадны). Тезей покоряется и выкрадывается с острова. (Можно короткий диалог с малолетней — NB! семилетней — Федрой. Можно — неспящую и присутствующую Федру.)

Пробуждение Ариадны. — Отчаяние. — Федра: «Сестра, я за тебя отмщу!»

Возвращение под черным парусом: гибель отца. Поход амазонок (гибель Ипполиты).

Ариадна.

Ариадна выводит Тезея из лабиринта. Тезей умоляет ее ехать с ним. Она отказывается. — «Выведя тебя из одного лабиринта, я тебя введу в другой. Тебе сейчас еще не поздно потерять меня. Или: Потеряв меня сейчас, ты ничего не потеряешь, кроме своей мысли обо мне. Потеряв меня потом ты потеряешь не только меня, но всё что когда-либо было и будет твоим». — «Мне нечего терять, кроме тебя. Едем». Отказывается во второй раз: «Я, любя тебя, буду твоей бедою».

— Ты меня не любишь? — Люблю. — Ты меня не любишь! — Зачем же мне было выводить тебя из лабиринта? — Так почему же ты <фраза не окончена>

Ариадна выводит Тезея из лабиринта. Тезей зовет ее с собой. Она отказывается. — Ты любишь другого? — Нет. — Любовь на просьбу говорит: да. — Мудрая любовь на просьбу может, а порой и должна говорить сказать <так!>: нет. Когда ребенок просит у матери дать ему в руки пламя... — Я не ребенок, я — Тезей... и т.д. Едем! — Да сопутствуют твоему кораблю добрые ветра! — Я увезу тебя силой! — Когда слепой ведет зрячего — погибают оба. — В третий раз и в последний... (NB! Необычайная *сила* этой формулы! принудительная и магическая.) — Тезей! Не в моей власти ни раскрыть ни предотвратить. Сын бога Поссейдона, совладай с бушующим сердцем (кровью). Оставь меня! Оставив меня сейчас (NB! Ариадна — *всё* знает? И Наксос?) ты совершишь подвиг, слава к<ото->го превысит все твои бывшие и будущие подвиги. Еще не поздно меня терять. Тезей, откажись! Тезей, я люблю тебя! Но знай одно: сейчас последний срок для потери. После того как твои уста прильнут к моим (NB! что-то уж очень они торгуются, NB! вроде меня — в любви), ты уже не волен меня оставить, я уже не вольна тебя спасти.

2) Оставив меня хотя бы час спустя как твои уста прильнут к моим (NB! проще — поцеловать, что́ я и делала, а потом — продолжала) ты совершишь проступок за который всю жизнь будешь нести кару. Сейчас ты теряешь только меня, тогда ты потеряешь всё, что́ когда-либо было и будет твоим. Еще не поздно меня терять! Сейчас — последний срок для потери. Тезей, откажись!

— В третий раз и в последний...

— Нет!

— Отец, отец, прими и уничтожь своего несчастного сына! (Отец — Посейдон, т.е. пучина.)

— Остановись! —

...Тезей, я женщина и слаба сердцем. Страх и страсть затемняют мое зренье. Но пока я еще *вижу*, Тезей, видь: войны, беды, измены, кровь — вот что́ ждет тебя, если ты меня оставишь. Я не вольна тебя спасти. Нить выводит из лабиринта, но не удерживает тела над бездной. Страшной клятвой, герой, клянись: никогда, ни наяву, ни во сне, ни в первый час утра ни в последний <под строкой: первый> час ночи, ни ради очей другой девы ни по велению — хотя бы самого Зевеса ты не оставишь меня.

Тезей клянется. Объятье. Оба исчезают за скалой, за которой море и паруса. Через сцену (NB! не театральную! моей души, где всё это происходит) — маленькая девочка, простоволосая, в слезах и в бешенстве. — Ариадна! Ариадна! Ариадна! О, возьми меня с собой! О, не покидай!

Фигура Тезея. Ариадна делает несколько шагов навстречу Федре, плача прижимает ее к себе и все трое скрываются за скалой.

Ариадна:

I

1. Чужестранец
2. Выступление Тезея
3. Оракул

II

1. Лабиринт
2. Сон Тезея (Наксос)
3. Плач Ариадны

III

1. Плач Тезея
2. Возвращение (Черный парус)

Женщины:

1. Медея (Эгей)
2. Ариадна
3. Малолетняя Федра
4. Голос Сивиллы

Герои:

Эгей
Тезей
Посейдон

Ввести: нить и созвездие (венец Ариадны).

Федра:
1. Нападение амазонок (см<ерть> Ипполиты)
2. Тезей — Федра

II

1. Встреча с Ипполитом
2. Отъезд Тезея
3. Письмо

III

1. Проклятие
2. Гибель Ипполита (кони)

Афродита, разгневанная «изменой» Тезея Ариадне омрачает его страстью к Федре, затем к Елене. Тезей погибает из-за Елены: согласно обещанию он, получив по жребию Елену, идет с другом похищать у Плутона Персефону. За это время братья увозят Елену и чужой царь овладевает его царством.

Ариадна: ранняя юность Тезея: восемнадцать лет.

Федра: зрелость Тезея: сорок лет. (Федре около тридцати, Ипполиту — как первому Тезею — восемнадцать.)

Елена: старость Тезея, шестьдесят лет. (Елене, по мифу, семь. Нужно — двенадцать.)

Необходимо, в начале Елены, в монологе, чем-нибудь заполнить это 20-летие после смерти Федры. (NB! *Когда* — Ипполита? *До* Федры, раз — Ипполит. Тезей, чтобы утешиться, идет походом на амазонок и побеждает их царицу Ипполиту. — Так?)

NB! Можно в Ариадну (I акт) ввести Медею, злую волшебницу, любимицу старого Эгея, нашептывающую ему злое на сына. Эгей, влюбленный в Медею (NB! целая семейная хроника — или скандальная? Chronique scandaleuse de[281]) наполовину верит. После отъезда сына он прогоняет Медею.

Достоверность.

Тезей воспитанный вдали от отца. Приезд Тезея: пир: отравленный кубок Медеи.

Медея убеждает Царя Эгея, что Тезей — не его сын, или — что Тезей желает свергнуть его с престола.

Дружочек, я давно не слышала Вашего голоса, Ваш голос мне нравился, он делал меня моложе.

Недавно, в предместьи Праги, в поле ржи, перед грозою, сидя прямо на дороге, по которой уже никто не ходил (лбом в

грозу, ногами в рожь), я рассказывала одной милой своей спутнице — Вашей сверстнице — больше ржи, дороге и грозе, чем ей! — конец одной встречи, начало которой Вы знаете. Это был конец, я чувствовала горечь и пустоту. Вся довременная обида вставала — моя рождённая обида!

— А как же это началось? — Как всегда, с писем, с моих милых, с его милых... — Но как же это всё могло так кончиться? — Как же это могло *не* кончиться — та́к? — А зарева полыхали, грозя поджечь рожь. — Только Вы простите, я всё это выдумала. — Как жаль. Это было так хорошо.

(Ей-то хорошо — слушать, а мне-то, с которой всё это было (!).)

Сейчас я уже в точности не помню что́ рассказывала, помню, что был Берлин, ночные асфальты, стоянки под фонарем, чувство растравы, чьи-то благоразумные слова... (Когда повторится — узна́ю!) Дитя, Вы гнусно вели себя, Вы сделались 40летним, а я совсем бессмысленной, у меня д.с.п. еще чувство обиды на Вас за собственную ложь. (NB! Жаль, что не Вы тогда были рядом, перед грозою и под грозою, на пустой дороге, во ржи! Но я бы и Вам врала.)

Что́ из этого всего выйдет? Не знаю. По-мо́ему — уже вышло.

Да, дружочек, навсегда дарю Вам этот свой просторный, пустынный час. Не «ложь» свою — ведь это была не ложь, а опыт наперед! — а нежность свою, благодаря к<отор>ой эта ложь могла возникнуть. (О «знакомых» не лгут.) Преждевременный нож в сердце — вот название этой лжи. Этой ложью я только опередила нож. — Формула. — (Письмо — не литература. Нет, литература — письмо.)

Рожь, ложь и нож.

Отрывки:

Благовония Магдалины. — Застенчивость хороших се́мей[282].

Не труден (Но — труден)
— — —
Не будем
Переступать порогов

(NB! не мудрено: из Берлина — в Прагу! Кстати: Прага: порог (слав<янское> праг) 1932 г.)

(Сок лотосова сока:)
гималайского |
Так с непреложного | слона
Раджа глядит. Так кедр — с Ливана
(Die Höhen von Libanon)[283]

Под тропи́ками родилась
Любовь

(NB! Ну, а душа — явно на Северном Полюсе! 1932 г. Нет: *разум* — на Северном. А душа? Явно на высшей горе мира. (Какой?) Узнать. Додумать.)

...Где всё забвение вещей
зернах

Покоится. Несла их три
Но и последнее, мой милый:
Зерно индийской конопли,
Рассеянная, | обронила.
Беспамятная |

О невесомости вещей
О невещественности веса

В тебя как в Индию войдя...

Дорогое мое дитя![284] Это письмо — вопрос на самую чистую чистоту, которая только возможна между двумя людьми, лично не связанными, ни в чем друг от друга не зависящими, свободными друг перед другом и друг *от* друга. Что́ у Вас в точности было с Э<ренбур>гами? Причины, вызывающей этот вопрос, сказать не вольна, но цель его — продолжать относиться к Вам как отношусь, а для этого мне нужно одно: правда, какова бы ни была. Я хочу Вас безупречным, а безупречность — не отсутствие повода к упрекам: вольное подчинение (*подставление* себя) упреку: — упрекай! (если можешь, а я — конечно — не смогу). Есть степень гордости и правдивости души, где уже нет самолюбия (faire le beau!)[285] т.е. правдивости и гордости настолько, чтобы идти под упрек как солдат под обстрел: души моей не убьешь. (Это еще зовется и вера, по мне — знание: малости каждого греха.)

Итак, не бойтесь «разочаровать», если это даже низость — я меньше всего судья! и если даже неблаговидность — я меньше всего эстет. Я хочу мужской *правды*. И всё.

По́вода к расхождению могут быть два: красота Л<юбови> М<ихайловны> и идеология Э<ренбур>га. Первый случай: какой-нибудь юношеский натиск — переоценка средств, второй — тот же натиск наоборот, т.е. отскок, словом: в первом случае слишком явное признание, во втором — слишком явное непризнание. И в обоих случаях — катастрофа.

Помня мою цель Вы не откажете мне ответить. Предупреждаю, что поверю без проверки и вопреки очевидности на которую у меня отродясь нет очей.

Лично клонюсь к возможности второй, ибо — учитывая явную катастрофу — идеологией своей Э<ренбур>г больше дорожит чем Л.М. своей красотой, хотя бы потому что первая проходит, а вторая остается. — Мы всегда держимся за ненадежное. —

Пишу Вам как в гроб.

Всё так же — в ту же! — морскую синь —
Глаза трагических героинь.
В сей зал, бесплатен и неоглядн,
Глазами заспанных Ариадн

Оставленных, очесами Федр
Отвергнутых, из последних недр
Вотще взывающими к ножу...
Так в грудь, жива ли еще, гляжу.

Для глаз нет занавеса. Назад
В ночи́ отчаливающий! Взгляд
Души — безжалостнее свинца.
— В ночи́ прокрадывающийся —

...

Для чувств — нет ярусов! Пуст — театр!
Так мести яростной моея —
Мчи, семипарусная ладья![286]

24го нов<ого> июля 1923 г.

Для Ариадны:

Я сына от тебя хотела.

(После этих слёз:)
Несоленой кажется соль

Пишу Вам[287] во мху, пока себе в тетрадь. На меня сейчас идет огромная грозная туча — сияющая. Я читала Ваше письмо и вдруг почувствовала присутствие чего-то, кого-то — рядом. Оторвалась — туча! Я улыбнулась ей так же как в эту минуту улыбнулась бы Вам.

Короткий мох колет руки, пишу лежа, подыму голову: она, сияющая, и сосны. А рядом, как крохотные танцовщицы — лиственницы. (Солнце сквозь тучу брызжет на лист, тень карандаша — как шпага.)

Шумят поезда и шумят пороги (на реке) и еще трещат сверчки, и еще пчелы, и еще в деревне петухи — и всё-таки тихо. Мой родной, уйдите с моим письмом на волю и прочтите его та́к, как я его пишу. Дружочек, вспоминая Психею и Елену, думаю, что я не была такой, что это меня люди научили, т.е. бесчеловечности: я научилась от людей — м.б. они ей на мне учились. N я люблю ка́к (и т.д.) но ка́к (и т.д.) он мне безразличен. Чтобы с точностью определить это *ка́к* нужно владеть хорошим женским (или мужским) инстинктом. Профессионально-женским, профессионально-мужским. Я этим не блещу — сейчас долго рассказывать! — но видя и видя и видя вокруг себя такое нечеловеческое деление живого на части, такую точность расчета и границ, я — о себе не говорю — допустила его в других, перестала (из высокомерия) удивляться, не поняв — сдалась. О, как это цвело в Prager Diele, и как это меня оскорбляло, Господи!

— Этот эту любит так-то… — Зачем та́к-то? Просто *любит*. — Нет, п.ч. это дает ему возможность любить эту — так-то и третью — другим манером.

Точно нельзя — целиком — двоих! Всем собой — целых двух! Выход из катастрофы многолюбия в безнаказанность распутства. И потом всем вместе сидеть и пить чай.

Я не розню и я не об этом говорю. Выбирать: т.е. принимать одно и отвергать другое, т.е. разборничать: вытыкать как вилкой из блюда — бездушное упражнение над живым, живодерство. Есть стихия со-чувствия: делать чужое *моим*, кровным. О, это оскорбление очень знакомо мне через стихи: я люблю в Вас то-то и не люблю в Вас того-то. И я (теперь уже) молча: «Ты ничего не любишь». Права выбора в себе я не даю, когда начинают — отстраняюсь, уношу с собой всё блюдо, оставляю другого с пустой вилкой, как в немецких сказках или в детских снах.

Но — сейчас будьте внимательны — есть еще одно: стихия чисто-любовная, наибеспощаднейшая. Там это цветет. Ведь это дух разрушения! Там душа — только в придачу! Если наша встреча слепо-*зрячая*, то те любови зряче-*слепые:* глаза раздирают, чтобы лучше видеть и ничего не видеть, кроме как на миллиметр от своих (а то и вовсе *вне* расстояния!) — такие же разодранные глаза. Там — ненависть.

Думаю о Вашем втором зрении. Оно — изумительно. В одном из предыдущих писем — «поэтесса» — я поморщилась и уже в следующем — а я ничего не спросила — пояснение. То же сегодня. Вчера я Вам писала (еще на Берлин) об эстетской «отраве ради отравы», а сегодня Ваша приписка: — «Что-то в моем последнем письме было не так». — Дорогое дитя мое, откуда?

Но признаюсь Вам сейчас в одном. Сейчас, идя пó лесу я думала: — а откуда же: сделай мне больно! (то, что мы все знаем и, чего не зная, мы ничего не знаем) — этот вечный вопль души в любви. Вопль, надежда, жажда.

Чтó — это желание боли? И не об этом ли Вы, опережая, писали? Ведь душа — единовременность, в ней всё сразу, она вся — сразу. Это жизнь распределяет. Постепенность — дело выявления, не суть. Пример из музыки: ведь вся гамма в горле уже есть, но нельзя спеть ее *сразу*, отсюда: если хочешь спеть гамму, не удовлетворяясь иметь ее в себе, смирись и признай постепенность.

Перевод вещи во время.

Есть в Вашем письме нечто вроде упрека. — «Вы отравлены логикой». Дитя, этот упрек мне знаком как собственная рука. Мне не было 16ти лет — поэт Эллис[288], к<оторо>го Вы знаете по записям Белого[289] — сказал обо мне: — Архив в хаосе. — «Да, но лучше, чем хаос в архиве!» Это — *я*, один из моих камней (о меня!) преткновения людей и спасательных кругов от них.

Вы сейчас на воле. Выберите себе какое-нибудь любимое дерево. Это необходимо. С собой Вы его не возьмете, в себе — да. Ничего бы не следовало любить чтó не возьмешь с собой в гроб.

...В<еру> З<ай>цеву я нежно люблю, и она меня, не понимая, очень. Б<орис> К<онстантинович>[290] мне скучен. А Х<одасеви>ч — гнусен. Последние стихи его о заумности[291] — прямой вызов Пастернаку и мне. Конечно, он о нáс — думал. Ангелам

Богу предстоящим я всего предпочитала человека[292]. Наши лучшие слова — интонации. (Кстати, откуда Х<одасеви>ч взял, что ангел говорит словами?!) Жену его[293] знаю (слегка) и глубоко-равнодушна, хотя бы из-за того уже, что никогда, никогда, ни секундочки не любила Х<одасеви>ча, т.е. в главном: в двуедином видении любви и поэзии с ней расхожусь. Из поэтов люблю Пастернака, Маяковского и — дá, Мандельштама. И совсем по-другому уже — Ахматову и Блока. В Х<одасеви>че я не чувствую стихии, а не чувствую — потому что ее нет. Вам как литер<атурному> критику нужно быть и широким и бесстрашным и справедливым. Он *зол* и без обратной стихии добра. Он — мал. Маленький бесенок, змееныш, удавёныш с растравительным голосом. Бог с ним, дай ему Бог здоровья и побольше *разумных* поэм и Нин!

Есть ли у Вас Tristia М<андельшта>ма? М.б. Вам будет <пропуск одного слова> знать, что стихи: «В разноголосице девического хора», «На розвальнях уложенных соломой», «Не веря воскресенья чуду» и еще несколько — написаны мне. Это было в 1916 году и я тогда дарила ему Москву. Стихов он, из-за жены (недавней и ревнивой) посвятить не решился. У меня много стихов к нему, приеду — привезу. (Между пр<очим>, все «Прóводы» в каком-то № «Русской Мысли»[294]. Стихи 1916 г.)

Дружочек, я подарю Вам все свои дохлые шкуры, целую кладовую дохлых шкур! — а сама змея — молодая и зеленая, в новой шкуре, как ни в чем не бывало. Может, и ее подарю!

О Белом. В прошлом году, когда я приехала из России я встречалась с ним (знакома была с 1910 г., но встретилась только в 1922 г.), он рванулся ко мне навстречу — весь — с фалдами и чувствами. У меня было чувство бесконечного умиления и жалости и горечи за такое одиночество (всяческое!) я твердо знала, что будь я сейчас свободна, я бы осталась с ним, смутно, но верно чуя, что для него, именно для него, призрака — сочувствие, участие, восхищение людей — мало. Что ему просто нужен — уход. (Я не сказала — простой, да какая тут простота, когда — поэт!) Что ему просто нужно — очень непростые вещи. (Это мне напоминает книгу священника (академика) Погодина «Простые речи о мудрёных вещах»[295], еще из библиотеки деда.) И я бы, не любя его, всё-таки его, всего его, на себя взяла — и только потому, что рядом не было никакой другой, не только не было, но как раз — убыло (уход Аси). Но это было невозможно, такого оставлять (внешне, хотя бы на час) нельзя.

Ибо нельзя, одновременно: с 1 ч. дня по 1 ч. ночи — в Праге (куда я ехала) — и в Берлине. А ему именно нужно было в Берлине, т.е. с ним. Не именно меня, я думаю, — он меня даже не рассмотрел, хотя и писал о Разлуке, хотя ко мне из своего гробовщицкого поселка Zossen'а и рвался — скажем, безымянно-меня, но я сумела бы вчувствоваться. (И не на такое жизнь — сердце — чернила — а, главное, время — тратила! Единственное из всего перечисленного — и опущенного — невозместимое!) Чего бы я, голубчик, не сумела! *Но* —

Отношение было спокойное, он глубоко и сердечно-воспитан, со всплёсками нежности — он весь — всплёск! — с моими ответными — и с его ответной радостью. Никогда не забуду поездки в автомобиле, ночью, в Шарлоттенбург, когда деревья мчали на нас. Было чувство того света. О, расскажу! И это — подарю. Это не дохлая шкура, это отрезок (хотя и крохотный) живой змеи. Кстати, ненавижу змей, завидев поперек дороги а иногда просто заслышав (а здесь их мно-ого! *Позор на гады*[296]. В самых земляничных и ежевичных местах:

Берегись
Змеи любят землянику!

И речные есть. Плывешь — и она плывет) — итак, завидев и даже не-завидев бегу обратно три километра не оборачиваясь, до дома.

Змея или нет, но жизнь. Здесь не было огорчительных достоверностей.

А! Поняла! Болевое в любви единолично, усладительное — безлично. Боль называется *ты*, усладительное — безымянно. Поэтому «хорошо» нам может быть со всяким (NB! можно это «хорошо» от всякого не принять) боли мы хотим только от одного. Боль есть *ты* в любви, наща личная в ней примета. Отсюда: «сделай больно!» т.е. скажи, что это ты, назовись.

— Читали ли Вы Николая Курбатова?[297] Начал он его писать в дни горячей дружбы со мной и героиню намеревался писать с меня. Но — как скоро Э<ренбур>г ни пиши, дружить со мной — еще <пропуск одного слова>, поэтому: не успел. Разошлись — сразу и резко. Зачатая в любви, рожденная в гневе, героиня должна была выйти чудовищем. — Напишите.

Прозрение — презрение — призрение.

(Прозрение — тебя в веках, презрение — к тебе, в вершках, призрение — тебя, в руках.)

Это волчицы грусть,
Схожая с громом:
— Ромул мой, Ромул!

Стихи за июнь[298]:

1. На дне она где ил
2. Когда друг к другу льнем
3. Закачай меня
4. Чем окончился этот случай
5. На назначенное свиданье
6. Рано еще —
7. Пядь последняя и крайняя
8. За́навес
9. Красавцы, не ездите!
10. Строительница струн
11. В некой разлинованности
12. Брат
13. В глубокий час души
14. Божественно и детски гол
15. Глаза трагических героинь
16. Наклон

(Стихи: Наклон, к ним пометка:)

Проверьте и будьте внимательны, это не пустой подбор сравнений, это — из книги подобий, которая есть — я. Напишите, которое из них больше дошло (ожгло). Наклоняться можно и ввысь (раз земля — шар!). На коленях, ведь это довершенный наклон: мать перед спящим сыном, к к<оторо>му сначала клонилась — до-клонилась — т.е. молится. Не принимайте наклона как высокомерия и коленопреклонения как смирения, это не те меры. Откиньте всякую, увидьте движение, и вне человеческого дурного опыта, увидьте *смысл* его.

Смогу ли я, не боясь и не считаясь (— чужого страха и: с чужим расчетом) быть с Вами тем кто я есмь. Вы в начале *безмерности.*

— Есть ли у Вас мир, кроме моего, т.е. природы, работы, одиночества? Значат ли что-нб. в Вашей жизни: дела, деньги, «друзья», войны, новости, открытия, — всё чем заполняют день. Любите ли Вы что-нибудь кроме? (всего, т.е. одного). Будьте правдивы, не считайтесь с тем, что от того или иного ответа я буду любить Вас больше — или меньше, ведь для Вас важно быть любимым — именно в упор, чтобы Ва́с любили, а не со-

седа. Есть ли у Вас это чувство — негодования как на оскорбление — когда любя Вас — любят мимо, навязывая Вам — чужие добродетели! Чтó Вам от того, что я буду любить Вас — не знаю как — когда это — не Вы?! Только оскорбительно.

Истоки мне Ваши близки, русло может быть чуждо, да о русле (ходе) реки нельзя говорить, пока она не дошла до устья. Подвержены ли Вы музыке, меняетесь ли, и *мгновенно* меняетесь ли от нее? В Prager-Diele (единственная пядь земли, на которой мы вместе стояли, да и то врозь! Не без иронии: «земли») в Prager-Diele ее просто не слышали, не услышали поэтому и меня.

—

Помните, что Вы должны мне быть неким духовным (слово между нами излишнее!) оплотом. Там, где всё содержание, формы нет, это Вы обо мне сказали (ставлю ударение и на Вы и на мне). И вот, эта встреча чужого отсутствия (т.е. сплошной формы, если была бы мужчина — сказала бы: форм!) с моим присутствием (т.е. сплошным содержанием), — словом, с Берлином у меня много неоконченных (не: неуплоченных, а: сплошь переплоченных!) счетов, я должна иметь Вас союзником, хотя бы мысленным. Стихи мне перед людьми не оплот: брешь в которую все ломятся. Я должна знать, что *вся* в Вас дома, что мне другого дома не нужно. (Как черновая тетрадь, в которую — всё.)

Вы наверное думаете, что я страшно торгуюсь: и собакой (слепца!) будь, и оплотом будь, и домом, и краем земли. Деточка, м.б. *всё* выйдет по-другому и я от Вас буду искать оплота (бежать на край земли)?! — Шучу. —

(NB! Когда я говорю «шучу», тут-то и становится серьезным! 1932 г.)

Моя тетрадь для стихов превратилась в тетрадь записей к Вам, а моя обширная переписка — в диалог. Впрочем, для точности прибавлю, что кроме Вас для меня сейчас еще — вне Праги — существует С.М. В<олкон>ский, мой далекий, недосягаемый друг.

—

Знайте, что я далеко не всё Вам пишу, чтó хочется, и далеко еще не всё хочу, чтó буду хотеть.

—

Исток моего доверия к Вам — самооткрытый Вами Добровольческий Марш[299] в Ремесле и то (не знаю чтó) что Вы мне — один из всех людей — сейчас в письмах даете.

—

Хорошо именно, что Вам 20 л., а мне 30 л. Если бы я была на 10 лет старше, я не говорила бы о материнстве. (NB! — о бабушкинстве!)

———

А хотите — 10 л. и 20 л.? Прежде чем говорить нет, взвесьте. Проследите внимательно вопрос, он менее добр и прост чем кажется.

———

Чтó совершает со*бы*тия между нами, никогда вместе ни одной секунды не *быв*шими? Какое восхитительное доказательство со-бытия!

———

Человечески любить мы можем иногда десятерых за-раз, любовно — много — двух. Нечеловечески — всегда одного.

———

Отрывки:

Психеи неподсудной.

———

Будьте живы и лживы, — живите жизнь!
Обыгрывайте Психею!

———

круг
Сих неприсваивающих рук...

———

(Раковина — 31го июля 1923 г.)

———

...солью
Моря и крóви...

———

Так в ненавистный дом —
Улица тащится

———

Так о своем, родном
Грезит приказчица,
Так в ненавистный дом —
Улица тащится

———

Ужас заочности...
Так из песочницы
Тихо течет песок.

———

Это — заочности
Взгляд — из последних глаз!

———

Разминовение минут

———

Из Валтазарова зала зла
Я тебя вызвала и взяла —
В зори…

———

Тише — утешу

———

В самую душу тебе шумя…

———

солью
Моря, и кровью —

———

Как в детства глухие года
[…]
Когда города
Обрушиваются на нас
Глухими дверьми
И слепостью стен фабричных,
В те первые дни
Отчаяний заграничных…
Подъездов, застав…

———

Когда новостей
не хочешь

———

Смысл: та́к подъезжаю к — любви? смерти? старости?

———

NB! Я не хочу ставить между Вами и мной — своего отношения которое — рано или поздно мне Вас заслонит (NB! своей оценки, которая — рано или поздно — мне Вас *откроет*). Поэтому не посылайте — своих стихов, для них еще рано.

———

арий

———

(Кастальскому току[300] — 4го нов<ого> авг<уста> 1923 г. В глубокий час души, В глубокий — но́чи[301] — 8го нов<ого> авг<уста> 1923 г.)

———

Минута: варианты:

Минута: ми́нущая: минешь!
Не выманишь из рощи Муз!

Семидесяти кож змеиных —
Минутностями не смущусь

Шестидесяти сроков мнимых
Секундностями...

Минута: ми́нущая: минешь!
Акулам в люк!
Да будет выброшено ныне ж
Что́ завтра б — вырвано из рук.

Глаза перерастают жизнь,
Куст обгоняет лес.

Час без путей, но и без пут —
Час...

Так писем не ждут[302] — 11$^{\underline{\text{го}}}$ авг<уста> 1923 г.
Минута — 12$^{\underline{\text{го}}}$ авг<уста> 1923 г.

Есть час Души[303]: варианты:

С глаз — все завесы! Знай — гроза —
Душа! Грозы же час —
Час запахов. В тот час глаза
Растут и царства в нас

С глаз — все завесы! Все пуды
С подошв! Все звёзды — в пруд!
Час запахов. В тот час сады,
Растут, глаза растут.

Есть час Души — 14$^{\underline{\text{го}}}$ нов<ого> авг<уста> 1923 г.

Дошли ли до Вас[304] мои письма от 26$^{\underline{\text{го}}}$ и 28$^{\underline{\text{го}}}$ июля, последнее, согласно Вашей просьбе, по старому адр<есу>. Никогда бы не решилась тревожить Вас в Вашем молчании, если бы не страх совершить несправедливость, приписав Вашей сознательной воле то́, что м.б. объясняется своеволием почты. Вкратце: я писала Вам дважды и ни на одно из писем ответа не получила. Последнее что́ я от Вас имела — открытка с просьбой писать по старому адресу. (Ровно три недели назад.)

Если мои письма *дошли* — всякие объяснения Вашего молчания — излишни. Равно как всякие Ваши дальнейшие заботы о моих земных делах, с благодарностью, отклонены. Мне останется только просить у Вас прощения за ошибку дверью, что́ — наперед и наугад — в этих строках и делаю.

Итак, жду только «да» или «нет». Это из всех слов, в конце концов, всё-таки самые содержательные.

МЦ.

Адр<ес> мой до 1го окт<ября>[305] прежний, дальше — не знаю, ибо переезжаю.

P.S. Был у Вас от меня с оказией около 30го июля один человек, но ничего, кроме пустоты и извёстки в Вашей квартире, не нашел. — «Там давно никто не живет».

———

(Приписка чернилом:)

Не скрою от Вас — и в этом м.б. мое предельное великодушие — что Вы одна из моих горчайших и жесточайших обид ЗА ЖИЗНЬ.

———

Между нами клинок двуострый[306] (Б.П.) — варианты:

1. Но бывает такая примесь
Прерий в ветре и бездны в губ
Дуновении

2. Но бывает такая примесь
Прерий в ветре, такая вслух
Тайна сказана. Меч, храни нас
От бессмертных душ наших двух!

Двух? Но это тела — по счету!

———

Двух? Но если
— двое сказать — кто смог?
Нет, от нашей | единой крови,
этой |
От которой — потек клинок!

———

магнолий |
Губы — что́! Лепестки из боли |

—

Нет, от нашей единой воли,
От которой — потек клинок!

———

Боль и сласть — равенства знак

Но бывает такая примесь
Прерий в ветре и бездны в губ
Дуновении… В рай не примут?
Так в аду — даром сожгут!

Но бывает такая примесь
Прерий в ветре и бездны в губ
Дуновении…   ринусь
Как пловец — в черную глубь!

          Меч, храни нас
От беды — пущей меча!

Слушай (вот уж шепчу) срываясь
С неба (вот уж к плечу) звезда
В море падает… Острова есть

(Кончено 18го авг<уста> 1923 г.)

Любовь, любовь,
Вселенская ересь двух!

Гудят провода,
На них воробьи —
Как воры…

Руками держи
Любовь свою, мни
Тискай!
Правами вяжи!
Глазами вражды, сыска
Гляди — На груди

Курьерская гарь
К большим городам —
Не к вам мы!
Я думала встарь
Что — по проводам
Телеграммы
Идут: по струне
Спешащий лоскут:
«Срочно».

Сама по струне
Хожу — вся душа —
В клочья!
Мне писем не шлют
Последнее Шах —
Отнял.
Бумажный лоскут
Повисший в ветрах —
Во́т я...

———

Пространство — стена
Но время — брешь
В эту стену.

———

Душа стеснена.
Не стерпишь — так взрежь
Вены!
Пространство — стена,
Но время — брешь
В эту стену.

<Вдоль правого поля, напротив последнего фрагмента:> Время, т.е. смерть, т.е. конец пространству и времени.

———

(Без рук не обнять[307]: варианты)

Прав — только сосед...

———

Иначе — звезда
Сглазит!

———

(24го авг<уста> 1923 г.)

———

Всё меня отшвыривает, Б.П., к Вам на грудь, к Вам в грудь. Вас многие будут любить и Вы будете знаменитым поэтом, но никогда и ни в ком Вы так не прозвучите, я читаю Ваши умыслы.

———

(Меж нами — десять заповедей[308]: варианты:)

И плакала бы, и плакала бы
Пока не стало глаз.

———

Час сей — года накапливался...
(века?)

Теки ж, теки же, огненная,
На глиняные пески!
Страсть, по частям распроданная,
Расплёванная — теки!

Отчáянием, раскáянием —
Испариною с чела!

тóржищам

Господи! *Злые* — люди!
Вот я и девой
Блудною вышла.
Каждый хвалил мои груди
Сердца ж под левой —
Никто не слышал.

Господи! *Злые* — дети!

Господи! Злые — тоже
Слуги твои.

Дитя моей души![309] Беру Вашу головку к себе на грудь, обнимая обеими руками и — так — рассказываю: я за этот месяц исстрадалась. Вы действительно дитя мое — через боль. Достоверности следующие: ни на одно из своих последних писем я не получила ответа, мое последнее письмо опущенное мною самой в Праге 2? числа пропало, как и Ваше последнее. Станьте на секунду мною и поймите: ни строки, ни слова, целый месяц, день за днем, час за часом. Не подозревайте меня в бедности: я друзьями богата, у меня прочные связи с *душами*, но чтó мне было делать, когда из всех на свете в данный час души мне нужны были только Вы?! О, это часто случается (NB! кстати, не оправдание и даже не объяснение: чаще всего случаются — низости. 1932 г.) собеседник замолк (задумался). Я не приходо-расходная книга, я — сплошной расход и сплошной кредит. Моя главная забота всегда: не болен ли? Жив — значит, мой! Но с Вами другое: напряжение мое к Вам и Ваше ко мне (?) было таково (о как я не знаю, не знаю, не знаю другого!) что молчание здесь было явной злой волей: *злой*, п.ч. мне было боль-

но, *волей,* п.ч. этого другой и хотел. Я непрерывно о Вас думала, я ни о чем другом не думала — о Вы не знаете меня! — Мои чувства — наваждения, и я *безумно* страдаю! Вначале это был сплошной оправдательный акт: невинен, невинен, невинен, это — злое чудо, знаю, ручаюсь, верю! Это — жизнь искушает. Дорвусь. Дождусь. Завтра! Но завтра приходило, письма не было, и еще завтра, и еще, и еще: Я получала чудные письма — от друзей, давнишних, и совсем от чужих, все точно сговорились, чтобы вернуть меня в (постоянное) чувство: себя, вернуть мне себя, меня — себе — да, я читала письма и радовалась и отзывалась, но что-то внутри щемило и ныло и выло и разгоралось и гасло (*не* гасло!) настоящий нож в сердце, не <пропуск одного слова> даже во сне. Две недели прошло, у меня отстоялась горечь, я брала себя за́ голову и спрашивала (вслух) — За что? Ну, любит магазинную (или литературную) барышню, — ну, а я-то при чем? Я-то что сделала? Нет, барышня — вздор, это просто — жест игрока (для 20ти л. — недурно!) — дал — возьму обратно. *Заставить страдать* (l'éternel masculin)[310]. Но, друг, я не из тех, льстящихся на плеть, как только я вижу, что другой — *нарочно* (мучает), я сразу перестаю страдать. *Мне смешно.* И если мне все эти недели ни разу не стало смешно — то только потому, что уверенности в Вашем мучительстве — у меня не было. (И — глупо: зачем плеть, когда всё само плыло Вам в руки, та́к плыло Вам в руки, *такое — всё!* Когда вся тайна, вся сила, вся чара были *в правде:* в абсолютной безмерности чувств?!) Если Вы игрок, Ваша ставка — проиграна.

И такая боль потери, такая обида за живую мою душу, такая горечь, что — не будь стихи — . О, мне *этого* хотелось: чужого и тупого *тела,* без души (говорят, что бывает!) чтобы и помину не было о душе, зачем душа, когда ее *та́к* топчут? И не Вам месть — себе: за все ошибки, все промахи, за эти распахнутые руки, вечно хватающие *воздух.*

Друг, я не маленькая девочка (хотя, в чем-то — никогда не дорасту) — жгла, обжигалась, горела, страдала — всё было! — но *та́к* разбиваться как я о Вас разбилась — ни о кого, никогда. Это была ставка доверия, поймите. Я оборвалась с Вас как с <фраза не окончена>

Последние дни (третьего дня, вчера) я уже чувствовала к Вам шутливое презрение, я *знала,* что Вы и на это письмо не ответите и с губ моих, с самого края их, уже неудержимо рвалось: хам!

Я получила Ваше письмо. Я глядела на буквы конверта. Я еще ничего не чувствовала. (Я не из плачущих, слёз не было ни

разу, не было и сейчас.) Я еще не раскрывала письма. Внутри было — огромное сияние. Я бы могла заснуть с Вашим невскрытым конвертом на груди. Письмо было — *во мне.* Этот час был то к чему я рвалась — ну-ка, помножим? В сутках — 24 часа, а дней всех прошло 32. 24x32 **<запись вычисления в столбик>** =768 часов, о я не преувеличиваю, Вы меня не знаете, — узнайте меня! Это письмо было предельным осуществлением моей души, я свою душу держала в руках. — Вот. —

Думаю о бывшем. Дитя мое, это было искушение. Одновременная пропажа *двух* писем: обоюдо-пропажа: два вопроса без ответа (здесь, кажется, помогла бы алгебра — или космография? Я *тогда* всего этого не учила, не зная ка́к понадобится!) В этом что-то роковое. *Жизнь* искушала — и я поддалась. Вы, мое кровное, родное, обожаемое дитя, моя радость, мое умиление (NB! я этого человека никогда не видела и даже не попросила карточки — 1932 г.) — сделались игроком, из призраков — почти что приказчиком, я вырвала Вас из себя, я почувствовала презрение к себе. Я была на самом краю (вчера!) другого человека, просто — губ. Провожала его на вокзал, стояли под луной, его холодная как лед рука в моей, руки не расходились, слова прощания уже кончились, глядели, *не* глядели, и я: «Если бы...» и как-то задохнувшись... «Если бы...» (сейчас не была такая большая луна...) и тихонько высвободив руку: — «Доброй ночи!» — Не судите меня. Если бы... Вы меня знали (Вы бы поняли что я Вас сейчас уже не люблю, люблю другого. 1932 г., в подлиннике же:) Вы бы поняли, что к губам этого милого, ласкового, веселого, *чужого* человека меня влекло просто — отчаяние. Это было вчера, в 12-том ночи. Уходил последний поезд.

(С этого 12<u>го</u> ч. ночи начинается жизненный этап поэм: Горы и Конца. — 1932 г. Всё последующее уже — явно — *тому.*)

Думай обо мне что́ хочешь, мальчик, твоя голова у меня на груди, держу тебя близко и нежно. Перечти эти строки вечером у последнего окна (света), потом отойди вглубь комнаты, сядь, закрой глаза. Легкий стук: — Это я. Можно? — Не открывай глаз, ты меня всё равно узна́ешь! Только подайся немножко — если это даже стул, места хватит: мне его мало надо. Большой ты или маленький, для меня — всё мальчик, беру тебя на колени, нет, та́к ты выше меня и тогда *моя* голова на твоей груди, а я хочу тебя — к себе. И вот, рассказываю тебе: руками по волосам и вдоль щеки, и никакой обиды нет, и ничего на свете нет, и если ты немножко ближе придвинешься,

ты услышишь то́, что я так тщетно тщусь передать в стихах и в письмах: просто — сердце.

—

У меня есть записи всего этого месяца: «Бюллетень болезни». Пришлю Вам его после Вашего следующего письма.

Убедите меня в необходимости Вам моих писем, — трещина доверия, ничего не поделаешь.

$1^{\text{го}}$ переезжаю в Прагу, новый адр<ес> мой: Praha Kašiře Šwedska ul<ice> 1373[311] — мне.

«Окказия» не заставшая Вас была просто деньги, я боялась берлинской революции и хотела чтобы у Вас была в руках возможность выехать. Сейчас, из-за переезда, их уже у меня в руках нет, но как только войду в колею непременно вышлю — если Вам нужно, о чем убедительно прошу сообщить. Кроны здесь — ничто, в Берлине они — много, и я не способна на только-лирическую дружбу. Просто — Вы мой, мое дитя, я не могу, чтобы Вы нуждались. (Если *не* нуждаетесь — тем лучше!)

А вот Вам земные приметы: ли́ца, мое и Алино, скорее очертания, чем лица.

—

Записи.

Чудо души и причуда губ.

—

Плач Ахилла над телом Патрокла.

—

Вы, как критик, читаете современный хлам, вещи одного дня, а Вам, как моему другу, нужно читать Библию и Трою.

—

Дайте мне Вас — издалека — вырастить. Мне хочется вложить Вам в руки самое лучшее и самое вечное, что есть в мире: подарить Вам *всё*. Когда говорят: «я даю тебе мою душу» думают только о губах, о заботах и о слезах. Это получающий знает и *поэтому* — принимает. Когда же я́ говорю, я действительно думаю о *всей* душе: *моей* — всей, т.е. мне ведомой, и всей вне-моей, той которая не может быть моей (ни Вашей!). Это получающий знает и поэтому — не принимает (не принял бы и одно́й моей!). Дайте мне чудо приемлющих до конца (и без конца!) рук. Будьте своими двумя ладонями и подставьте их. Соберите себя в две ладони и раскройте их. Ясно?

(NB! Так же безнадежно как принять в ладони весь ливень: несколько капель, остальное — мимо. 1932 г.)

Напор велик и *плоскость* мала (подчеркиваю для ударения).

—

Отрывки:

Так <в> воздухе   и синем
Гиганта шаги по вершинам.

NB! Луна сквозь лохматое дерево.

О городе: видение города, город у ног, звезды сорвались с неба нá землю — вызвездило — ночью город — карта звездного неба[312].

Тысячью бессонных окон
Вызвездившая земля

Разве пó небу ступают?!

Но не столь земля презренна
[...]
Небо ночь свела на землю:
Картою созвездий — прах

Расстилается...

Я смотрю на свои земные дела как боги на битву троянцев с ахейцами.

(Стихи: С этой горы — как с крыши... 30го августа 1923 г.)

Нищеты моей пригорок!
Не отдам тебя за негу —
Оттого что ночью город
Опрокинутое небо

Звездное

Оттого что город — звёзды
Для глядящего с горы

Звездной и военной картой
Город лег (златая Прага

Именем)

Небо сведено на землю
Картою созвездий — Прах
Расстилается...

О благовониях (непоставленный ей вопрос Христа: откуда?).

(Два стиха Магдалина[313] — 31го авг<уста>)

Я тебя запеленала
В огненную пелену
(волосы)

Губы стонущие: мало!
: льну!
Я тебя запеленала
В огненную пелену

До свиданья!
То есть:
До страданья

2го нов<ого> сентября 1923 г. переезжаю в Прагу.

Прага (переехала 2го)

3го сент<ября> 1923 г. (в окне туман, Аля говорит: Живем в небе.)

Б<ахрах>у отправила во вторник и в среду (экспрессом) т.е. 28го и 29го.

Этот отлив —
Крови от щек...

Отлило, обмерло

Самый ничтожный порой как взморье
Тихого Океана

Знаете, этот отлив атлантский
Кро́ви от щек

Час, когда книгу достать из шкафа
Труд
Час когда лиру роняет Сафо

Станций:
Расстанься

Это письмо похоже на последнее. Завтра 5ое, последний срок. Не напишете — Вам не нужно, значит не нужно и мне. Моих писем Вы не могли не получить, или же: повторяющаяся случайность есть судьба (русское «не-судьба»!). Я писала Вам во вторник, 28го и в среду 29го (экспр<ессом>). Я писала Вам из глубины существа, была перед Вами беззащитна как перед собственной душой. Если Вы на *эти* слова не сумели найти слов, Вы их никогда не найдете и лучше кончить сейчас.

У меня к Вам ни гнева, ни обиды, — ни одного дурного чувства. Спасибо Вам за всё доброе, другого помнить не буду.

Не скажу Вам даже, что навсегда прощаюсь с Вами, это решит жизнь. Не отнимаю у Вас права когда-нибудь, в какой-то там час, окликнуть меня, но не даю Вам права окликать меня зря. Это уже будет делом Вашей чести (ве́рней, чем совесть!).

Когда-нибудь пришлю Вам стихи: Ваше да вернется к Вам, ничего не присваиваю и ничего не стыжусь: это — уже очищенное, можете их всем читать.

«Бюллетень болезни» оставляю, как был, в тетрадке — видите, я правдива и не пишу, что жгу.

А Вам, дружочек — и задумываюсь: не знаю, чего пожелать?

Расставание или разминовение — не знаю. М.б. расставание — на день, м.б. разминовение — на жизнь. Я сыта ожиданием и тоской и сознанием несправедливости и праздным биением в стену, всё это не для меня, я в такие времена не живу. Мне нужно *быть* и *расти*, та́к я по рукам скована.

Милый друг, сейчас мы друг от друга дальше, чем были вначале — между нами живой человек[314]. Если это у Вас не считается — не будет считаться и у меня. Дороги души напрямик и свыше жизни, — но — я Вас не знаю. *Между* нами ничего и никого, но рядом со мной живой, чужой. Если это Вам мешает — простимся. Не скрою что ничего от меня к Вам не

изменилось*) — я м.б. столь же чудовище как чудо — но не зная Вас, или: зная Вас — не могу скрыть и достоверности. Ваше изменение, если последует, принимаю: Вы молоды и чувствуете *свою* боль.

Друг, если бы Вы тогда, после выяснения, рванулись ко мне, нашли бы *простые* слова, ничего бы не было, но — Вы велико- и равно-душно поручили меня Богу — я без иронии — т.е. большой дороге: вернули меня домой, отказались от меня. (*Я* слов *не* боюсь.)

—

Презренную и прекрасную бренность.

—

До свиданья
То есть:
До страданья

—

Океáний
           сады.
До свиданья:
То есть
До страды
Новой...

—

Расставаний
Розные
Столбы...
До свиданья
То есть:
До страды!
В   пламенем
Игравший хворост,
До свиданья:
До ножа — еще раз
В грудь —
До свиданья:
То есть:
До суда
Дня —
Где растаптывавших сердце — судят.
—   поправший всё! —
Где за сирое мое словцо

*) кроме напряжения, т.е. — всего. 1932 г.

Там станций
Где за сирое мое словцо: останься...

—

Тише всего
Веко — к оку.

—

Тише всего —
Шаг судьбы

—

(Дно оврага — 10го сент<ября> 1923 г., Никогда не узнаешь, что́ жгу[315]: варианты:)

Недоверчивым внукам своим поведай:
— Просто — с ангелом лечь!
Прав, что слепо берешь. От такой победы
Руки могут — от плеч!

—

О не вглядывайся! Под луной бродячей
С кем — и мало ли снал?
Прав, что слепо берешь. От такой удачи —
Слёзы могут — из скал!

—

листвой |
Под луной | паду́чей — во мне́, бродя́чей —
Кто судьбы не искал?

—

О не вглядывайся! Под листвой падучей —
С кем и мало ли спим?
, сухие сучья...
С летом кончено сим.

—

Проходные руки, стихи на случай —
С часом кончено сим

—

Ночь. Листвы падучей
Дождь. Сухие сучья
Рощ. Из синей тучи
Столп: стальная кось

—

Ночь. Листвы падучей
Дождь. Сухие сучья
Рощ. Меж лбом и тучей —
Мост: стальная кось.

—

...   и руки —
Врозь.

(Запись невероятно-сокращенная и мелкая, догадываюсь с трудом:)

Если Вы внимательно вчитаетесь в первое после разминовения, очень внимательно, сверх, Вы поймете что в жизни моей не всё как месяц назад. Разбег был взят слишком большой, я уже неслась по пути живого (допелась!) если это был бы столб я бы разбилась. Не хочу договаривать словами, хочу чтобы Вы поняли так, и та́к поняли (правильно). Я могла бы Вас вовсе не мутить, но — здесь всё начистоту, иначе вся встреча не будет сто́ить ни копейки. (NB! в конце фразы сомневаюсь, *прочесть* невозможно, восстанавливаю изнутри и более подходящего (и по виду) не нахожу.) Человек со мной рядом. Ваше дело поставить его — между нами. Счастлива ли я с ним? Да. *Пос.* ум. (?) <сверху: Поскольку умею (?)> Не скрою, напиши *Вы* мне это, я бы сказала: как я — (?) Посему, если будет — не пишите. Ничего не знаю о будущем, — м.б. и мост! (т.е. *с моста*, 1932 г.) Мне нужны руки *люб.* др. (*любого* другого?) хотя бы, чтобы в последнюю минуту — столкнул. Этот человек — хороший повод для смерти, всё налицо. *Ча́ры чуждости.*

Запись — другому[316]:

Веянье севастопольского утра: молодость, свежесть, соль, отъезд. *Та́к* складывались у меня чувства к человеку. — Господи, научи глядеть вглубь! — А сейчас вспоминаю как и я всегда сердечно удерживала Вас.

(NB! Севастополь: его рассказ. Чувства — м.б. о моих к нему в связи с его рассказом. (NB! Я и по сей день способна любить человека «за Севастополь».) Господи, научи — *его*, конечно (меня, пожалуй — *разу*чи!). Посл<едняя> фр<аза>, очевидно, обо мне: как я его, и не любя, сердечно удерживала (NB! любила бы — не удерживала бы!). И уже явно к нему:)

Ваше прошлое, к<оторо>го я не знаю, для меня — клад. Вы пришли ко мне богатым — хотя бы страданиями, к<отор>ые вызывали! унизанный, как жемчугами — слезами оставленных. Пусть всё это не *та́к* было, *я* иначе — не увижу!

Дно Оврага: варианты:

С койки затхлой
Ночь по каплям
Пить — другую поищи!

Тьма — без пятен,
Дождь — бесплатен,
Смерть беспошлинна в ночи.

Я вечность знала в чаду часов,
В распутице чувств и стрелок.
: песок
В песочнице — слишком мелок!

Когда ж поедем?

В Бессмертье что час — то поезд!

К тому же:

Для меня одиночество — временами — единственная возможность познать другого, прямая необходимость. Помните, что я Вам говорила: окунать *внутрь* и та́к глядеть. Та́к Вас сейчас окунаю. И гляжу. И вижу. Моя задача (о, у Вас тоже есть своя!) доказать Вам нищету мира вещественного: наглядных доказательств. Знаете, иногда я думаю: ведь я о Вас почти дословно могу сказать то, что говорила о Казанове: — «Блестящий ум, воображение, горячая жизнь сердца — и полное отсутствие души». (Раз душа не непрерывное присутствие, она — отсутствие.) Душа это не страсть, это непрерывность *боли.*

(Та́к Поликсена, узрев Ахейца[317] — 12 bis сент<ября>[318] 1923 г.)

Женщины Трои:

Елена — пустое место красоты
Кассандра — видящая
Поликсена — страсть к врагу
Андромаха — вдова Гектора, *мать*
Пенфезилея — любовь-ненависть
Ифигения — смерть за Грецию
Энона — жена Париса, ненависть до гроба

— и все, кроме первой и последней — я.

Вотще ожидают на том краю
Подруги, в лепете трав забвенных...
Вверяюсь, теряюсь — и вновь пою
Презренную — и прекрасную бренность!

Подруги! Милые! Раньше тьмы
Ушедшие!
за те холмы
Зашедшие — раньше солнца!

Пограничный холм.

Граница — или страница?·

И вот, опустив ресницы,
Гадаю: бешеных дней моих
Граница — или страница?

Не в первый раз — не в последний раз?

Аллеи последняя алость.

(Как та чахоточная что в ночь[319] — 15го сент<ября> 1923 г.)

Стою, гадаю: канун? конец?

Нищий и вечный жест

Не крепость: брать не надо штурмом!

Бюллетень болезни[320]

(с трудом обнаруженный в тощей синей тетрадочке в несколько листков — так легко могшей пропасть!)

Пока я буду говорить — о Ваших стихах или о Вас самом: — «Нет, не та́к, та́к не надо» — всё хорошо: под всеми этими *нет* — одно сплошное *да*. Когда же начнется: «Да, да, правильно, очень-хорошо, совершенно-верно» — *всё* поздно, ибо под всеми этими *да* — одно сплошное-безнадежное! — НЕТ.

(В первом — сосредоточенное внимание, страстная жажда правды — своей и чужой — исхищренное и напряженное проникновение в другого — проникновение слухом — неустанная проверка высокой меры — ничего не спустить как поэме! вся надежда, вся вера, вся ставка на подлинник, вся непомерность требования от другого как от себя.

Во втором: снисхождение, высокомерие, усталость, равнодушие, двое-душие, без-душие.

В первом: tout à gagner[321].

Во втором: rien à perdre[322].

— по-русски: всё равно провалилось! —)

Присылайте мне все вырезки Ваших статей, — я газет не читаю: одним видом брезгую! — *Вас* я читаю и чту. Вы для меня не газета, а книга, — почти что белая (м.б. очень черная: горе: NB! мое от Вас — в будущем). Мне это важно как встреча с Вами вне Вас и меня, как Вы — и мир. Много ли Вы в газетах лжете? (Иного они и не заслуживают.) Прочувствую Вас и сквозь ложь.

Стихи сбываются. Поэтому их не все пишу.

Перечтите, если не лень, в Ремесле «Сугробы».

...И не оглянется
Жизнь крутобровая!
Здесь нет свиданьица,
Здесь. только проводы...[323]

Писано было в полном разгаре дружбы, на прямой дороге схождения, по которой шли (шлось) гигантскими шагами — целыми телеграфными столбами, положенными вдоль! — ...а ведь *вышло, сбылось*. В час разминовения я бы иначе не написала.

Я знаю это помимовольное наколдовыванье — почти всегда *бед!* Но, слава Богу, — себе! Я не себя боюсь, я своих стихов боюсь.

Книги и люди ничего не открыли мне кроме моей безмерной возможности любить: Готовности служить.

Та́к, начав с: «Я привыкла к Вашим письмам», я пожалуй кончу это письмо (когда??) — «Я отвыкла без Ваших писем».

Как странно, что пространство (т.е. вся свобода между двумя) — стена, в которую ломишься.

2го

Когда люди, сталкиваясь со мной на час, ужасаются тем размером чувств, которые во мне вызывают, они делают тройную ошибку: не они — не во мне — не размеры. Просто: без-

мерность встающая на пути. И они может быть правы в одном только: в чувстве *ужаса.*

4го

Я вольна была бы скрыть от Вас эту скуку — раз письмо *есть* и она прошла (NB! не послать Вам письма!). Но — не хочу. Сумейте вместить. — Или Вы из тех, кто «привыкает», «избаловывается»?.. (Хорошую собаку — не забалуешь.)

Просьба: не относитесь ко мне как к человеку. Как к дереву, к<отор>ое шумит Вам навстречу. Клянусь, что это не фраза — и правда более полная чем Вы думаете, ибо дерево шумит Вам навстречу только если Вы это так чувствуете, а так: — просто шумит, *только Вам,* если Вам так нужно, если никому не нужно — никому. Вы просто попадаете под шум (как под дождь, как под Рок) — Ваше дело присвоить — или отдать далям (отослать — дальше!) или вовсе не услышать.

Итак: как к дереву которое шумит Вам навстречу. Вы же дерево не будете упрекать в «избытке чувств». Вы только услышите как «уста глаголют». Если Вы меня заставите быть с Вами человеком, т.е. считать, я замучусь — и замкнусь, п.ч. считать я не умею.

Ваше молчание — чтó? Занятость? небрежность? расчет? «Привычка» или преувеличенно-исполненная просьба («пишите только когда и если до зарезу нужно и только то что невозможно — никому другому»). До злости — исполненная! Теряюсь. Через несколько дней (10, примерно) привыкнув и отказавшись — успокоюсь. Но *пока* мне эти дни тяжелы.

Чувствуете ли Вы тó, что я. 'В письме узнаю. Если нет — Schwamm drüber[324], как мне, 16летней, дрезденская гадалка сказала о моей первой любви.

Мокропсы, 30го июля 1923 г. (NB! письмо в Бюллетене долженствовавшее стоять первым, но эти записи рассеяны и не разобралась в числах)

Дружочек!

Как это глупо вышло — с окказией! У меня не было ни минуты сроку, если бы раньше знала я бы переслала Вам что-нб. свое, живое, «земную примету», <фраза не окончена>

Мне очень хочется подарить Вам одну вещь, но она навек, и я не знаю как Вы относитесь к таким (страшным) подаркам.

Мой друг, скучаю без Вас. Скука во мне — не сознание отсутствия, а усиленное присутствие, та́к что, если быть честным (точным!): не *без* Вас, а *от* (!) Вас.

В каком-то из Ваших писем Вы, на не-совсем еще умелом и мне уже очень милом языке своем пишете: «Мне не хватало теплоты»*). Прочтя, задумалась, п.ч. во мне ее нет (та́к что, если Вам именно *ее* не хватает — со мной больше чем с кем бы то ни было и — вечно будет не хватать!). И тут же, мысленно перечеркнув, заменила: нежность. И тоже задумалась, п.ч. она во мне *есть*.

Дитя, никогда не берите (а м.б. — не ждите!) — никогда не применяйте ко мне того, что заведомо не может жечь: ведь даже лед жжет! И бесстрастие жжет. Всякий абсолют жжет. А вот теплота — нет, п.ч. она тогда уже *жар*, т.е. ее уже нет. (Степень (ступень) ведущая к собственному уничтожению.) Обратное жару не холод, а теплота.

А нежность — от ледяной до смоляной! И всё-таки — нежность.

Так вот, об этой нежности моей, сосущей и растущей, так неожиданно вставшей и так *певуче* во мне жалующейся. Я очень счастлива. Это совсем как смычок.

Теперь, начистоту: есть ли у Вас мир, кроме моего: ДУШИ? — Значат ли что-нибудь в Вашей жизни: дела, деньги, друзья, идеи, войны, новости, открытия, смена правительств, спорт, моды, — всё чем заполнен день (— проще бы «Дни»). *Вне* их отражения в мире Души, конечно (которое есть преображение!), ибо тогда: и вода — не вода и земля — не земля. Существует ли для Вас всё это *как таковое?*

«Деловая жизнь», «мужская жизнь», «общественная жизнь», и, приостановившись — семейная жизнь. (Единственная без кавычек.) Развлечения? Зрелища? Хождение в гости? Споры на тему? Литературные течения? Фут-бол? Техника? Вопросы дошкольного образования? Конгрессы? Судьбы Европы? Лекции Бердяева?

---

*) Ненавистное мне слово — и вещь. Теплоту признаю только одну: причастную, ибо здесь она достоверность: зна́ешь о чем говорят. Печной и весенней теплоты нет, ибо она — тепло. А теплота людская — спасибо!

NB! Я всю жизнь страдала от людской «теплоты»! 1932 г.

Теплых сужу — как в Евангелии[325]. В моей оценке «теплоты» собеседника — уже бесконечное <пропуск одного слова>, снисхождение: снижение.

Друг, если Вы ко всему этому равнодушны, Вы *пусты* как я. Вы пусты, как Музыка. Вы *без* событий. Вы без стен. Вы — вне, Вы — <пропуск одного слова>. Вам легко будет умирать.

Но жить — Вам будет трудно!

Мне всё скучно. Заранее и заведомо. Когда я с людьми, я несчастна: пуста, т.е. полна ими. Я — выпита. Я не хочу новостей, я не хочу гостей, я не хочу вестей. У меня голова болит от получасовой «беседы». (*Клянусь*, что аспирин.) Я становлюсь жалкой и лицемерной, говорю как заведенная и слушаю как мертвец. Я *зеленею*. Чувство, что люди крадут мое время, высасывают мой мозг (который я в такие минуты ощущаю как шкаф с драгоценностями!) наводняют мою блаженную небесную пустоту (ибо небо — *тоже* сосуд, т.е. безмерное место *для*) — всеми отбросами дней, дел, дрязг. Я переполняюсь *людьми!*

Пишу Вам по горячему следу вчерашнего посещения из Праги: 5 ч. подряд, 4 человека, да нас трое, итого семь. И самым жалким среди этих семи, бесспорно, была я.

Друг, если Вы не таковы, Вам будет трудно со мной. Если таковы — *мне* будет трудно с Вами. (Лучше и дважды лучше — так.)

У меня *трудно* рифмует только с *чудно*.

Будьте правдивы, не считайтесь с тем, что я от того или иного ответа буду любить Вас больше — или меньше. Чтó Вам из того, что я буду любить Вас — не знаю кáк! — если это не Вы?!

Недавно напала случайно на Ваш отзыв в Днях о Степуне[326]. Хотите *мой* взгляд? Трагедия Степуна в невытравимости благополучия, <фраза не окончена>. Там у него жены и любови тонут, пропадают, — а он считает — и размещает: Марину — в такой-то разряд, Елену — в такой-то (точно: *по такому-то разряду*) без всякого страха, в полном уюте, — как коллекцию жуков — на память. (Умерли-то *они*, я-то — живу!) И даже жути нет: *не:* до жути доведенное благополучие, не *герой* Гофмана — *читатель* Гофмана, в шерстяных носках, с очками на носу и кисточкой над носом читающий ужасы собственной жизни, понятые только Гофманом.

Никогда не забуду. *Кажется* 1920 г. Москва. Лето. Скамейка Тверского бульвара. *Я* на скамейке. Возле, в песке — т.е. в пыли — Аля. Кто-то с тростью или с зонтиком, вразвалку, мягкая шляпа: Степун. Присаживается. Только что приехал из деревни — по театральным делам (ТЕО — звалóсь) и скоро опять

едет. Живет? Великолепно. Мало есть — отлично, а то вместо лица — что-то свиное. И т.д.

— А что Вы там делаете — в своей деревне?

— *Я* пишшу, а они — паашшут...

Они — мать и жена, друг друга ненавидящие и соревнующиеся в любви к нему. — Во́т.

С страстным увлечением и со всеми подробностями рассказывает мне свой роман (тот который пишшет, пока те паашшут) — теперешний Николай Переслегин. — «Природу и обстановку я нарочно даю пошлыми: скамейки, клумбы с астрами, пруд...» — «Природу — пошлой?.. И: ne peut pas qui veut[327]: как это Вам удается: природу — пошлой? И это где-нибудь у Вас оговорено? А то еще подумают...»

— Ничего не подумают (самодовольно). Даже не заметят.

— Я тоже думаю.

Ваша отповедь ему[328], с цитатами из моего врага Ходасевича наверное? (Брента)[329] мне близка только как отповедь-вообще <пропуск двух-трех слов>. *«Проза»*, что́ думает Х<одасеви>ч, и что думаете Вы и что думает Степун, когда вы все это пишете. Девушка выходит замуж за старика — «проза»? Про̀тивоестественность, чудовищность, тайна такая, что куда там Тристанам и Изольдам! Куры под столом и самовар на столе, все герои Чехова — «проза»?! Какая проза когда от этого слёзы <пропуск одного слова> от умиления (NB! не у меня) или волосы дыбом становятся от ужаса: *живые*, *ра́з* живут, есть Этна и Эмпедокл, а они хотят в «Москву». (NB! только слухом (зато с самого раннего детства) слыхала, никогда, по сей 1932 г. августа 31ое не читала ни Дяди Вани, ни Трех сестер, ни Чайки (к<отор>ую по детским запечатлениям всегда путаю с Дикой уткой[330], — мне даже тогда казалось, что в театре всегда играют про птиц) — и *нечаянно* не читала, просто: не пришлось, — в полном собрании сочинений, к<отор>ое в доме было, нужно думать — всегда пропускала — от заведомости чуждости, в к<отор>ой не ошиблась: не читав *знаю* как если бы: не сама писала, а — жила: ведь вся моя жизнь, внешне 1922 г.—1932 г. жизнь трех сестер, только не трех, а одной, без двух других, без эхо, без всего что у тех, счастливых, было и главное с достоверной невозможностью Москвы, достоверно без Москвы — и не только Москвы достоверной, но всех *Москв!* Жизнь трехсестринской кухарки, т.е. еще бедней и серей: без кума пожарного, а глав-

ное без достоверной трехрублевки — пусть даже рублевки — на рынок. Вóт.)

Да ведь это же — куры и самовар, пар самовара и пар московского поезда — ТРАГЕДИЯ*). Проза, это то, что примелькалось. Мне ничто не примелькалось: Этна — п.ч. сродни, куры — п.ч. ненавижу, даже кастрюльки не примелькались, п.ч. их: либо ненавижу, либо: не вижу, я никогда не поверю в «прозу», ее нет, я ее ни разу в жизни не встречала, ни кончика хвоста ее. Когда подо всем, за всем и надо всем: боги, беды, духи, судьбы, крылья, хвосты — какая тут может быть «проза». Когда всё на *вертящемся шаре?!* Внутри которого — *ОГОНЬ.*

Степун — бюргер с порываниями в Трагедию (das Tragische)[331]. Байрон в Трагедию не рвется, он в ней живет, вне ее — не живет. Она за ним по пятам гонится и загоняет его в Албанию.

Дитя, я глубоко-необразована, за всю жизнь не прочла ни единой философской строки, но я знаю *душу*, я каждый день вижу небо и каждую ночь вижу сны. Вы — критик и Вам необходимо писать о книге, и нельзя со всеми ссориться, всё учитываю, только всегда хочу и, пока с Вами, всегда *буду* хотеть знать: Вы ли это, или «pour la galerie»[332].

Думаю о Вас и боюсь, что *в жизни* я Вам буду вредна: мое дело — срывать все маски и все брони: иногда при этом задеваю кожу, а иногда и мясо. Людей Вы через меня любить не научитесь, — *всё кроме людей.* Но живут «с людьми»...

1го

Я давно не слышала Вашего голоса и мне уже немножко пусто без Вас. Молчание мне враждебно, я молчу только когда это нужно другому. (NB! Не примите дословно!) Голос — между нами — единственная достоверность. Когда я долго Вас не слышу, Вы перестаете *быть.*

Мне некому о Вас сказать. Аля, с двух лет до девяти бывшая моим «в горах — отзы́вом», сейчас, десяти лет, играет в кукол и глубокó-равнодушна ко мне. Вы моя тайна, сначала ра-

---

*) Не самовар и куры, а они сами, которые в этом видят трагедию. Вспомните трех сестер Бронтё, которые так же жили[333].

достная, потом болевая. О, Бог действительно хочет сделать меня большим поэтом, иначе он бы так не отнимал у меня всё!

—

Наблюдаю боль (в который раз). Те же физические законы болезни: дни *до*, начало, постепенность, кризис. До смерти у меня никогда не доходило. Боль для меня сейчас уже колея, горечь уже — вода, узнаю, узнаю, узнаю. NB! Это не значит, что горечь — сладка, это вода — горька!

О, мои юные учителя, не ставшие моими учениками! О, мои юные ученики, ставшие моими учителями! — Спасибо. —

—

Я поняла: Вы не мой родной сын, а приемыш, о к<ото-р>ом иногда тоскуешь: почему не мой?

—

Русский народ царственен: это постоянное: *мы, наше*. (Написала и поняла: как хорошо перекликнулось с Моисеем! Как *неслучайно* царская дочь над корзиной!)

—

(Мы, наше можно также понять как ничье, безымянно-божье. Вне гордыни <сверху: сиротства>: *я*. Но тогда и царское: Мы, Наше — ничье, безымянно-божье, вне уродства: гордыни: я. Мужик как царь: один за всех. 1932 г.)

—

И еще: мужика «мы, наше» делает царственным, царя — народ*ом*. — И обоих — божьим.

—

Ломит голову. Ломаю голову.

Болезнь? Любовь? Обида? Сознание вины? Страх? Разочарование?

Оставляю болезнь: любовь, но чем любовь к кому-нб. может помешать Вашей ко мне *дружбе?* Обида — да, поводов много: просьба не писать (детское самолюбие), отзыв о Х<одасеви>че (дружеское самолюбие), отзыв о его жене (рыцарство?), упрек в эстетстве (человеческое достоинство). Сознание вины (т.е. содеянное предательство)? — но разве у меня есть *виноватые?* Разочарование: слишком сразу отозвалась: друг, я не обещала Вам быть глухой! Страх — вовлечься. Я не вовлекаю и не завлекаю, я *извлекаю: из* жизни. Потом: из меня <сверху: себя> — в Жизнь.

—

И последнее: просто-небрежность. Не верю в такую простоту. Небрежность — следствие.

—

Мне уже не так больно ($7^{ое}$, десятый день), еще десять дней — и пройдет, перегорит, переболит. У меня уже любопытство, горечь, враждебность скорее себе, чем Вам, но во всяком случае <фраза не окончена>

Горечь — это скорее холод чем жар. Вроде ожога льда.

$8^{го}$ на горе

Мой (перечеркнуто). Нет, мне еще очень больно. Но я безмерно-терпелива. Сегодня утром — письмо, смотрю — не Ваш почерк, всё равно чей, раз не Ваш.

Завтра — две недели как я получила Ваше последнее письмо. Чтó я теряю в Вас? Да временное русло своей души, общий знаменатель дел и дней. Упор. Прицел. — Вы были моим руслом, моей формой. — Опять разливаться!

Дальше вырван листок, так что Бюллетень болезни действительно обрывается. На последующем последнем листке — книжка была очевидно для подсчета белья —

4 простыни — 4
наволочка — 1
муж<ских> руб<ашек> — 2 и 5 (одна верхняя)
воротн<ичков> —
нос<овых> платков — 7
полотенец — 1
Дамск<их> руб<ашек> — 3
Дамск<их> штанов — *)
Фарт<уков> — 2
лифчиков — 3
ночн<ых> руб<ашек> — 1
М<ужских?> штанов — 1

В пояснение самой себе, а отчасти и себя — тогда и впредь:

Ceux qui vivent dans la retraite, dont les existences se déroulent dans la réclusion des écoles ou de tout autre lieu clos par des murs et gardé, sont exposés à être bientôt et pour longtemps négligés dans la mémoire de leurs amis, habitants d'un mond plus libre (clos non seulement par des murs, я, 1932 г.). Inexplicablement,

*) из чего не следует что я ходила *без*, очевидно были одни, к<отор>ые непрерывно стирались.

peut-être, et juste à la suite d'une périod de relations d'une rare fréquence, d'une succession de petits événement dont la suite naturelle semblerait plutôt encourager que suspendre la communication, survient un arrêtsoudain, un silence muet, un long espace d'oubli. Cet espace là est toujours ininterrompu; il est aussi entier et inexpliqué. La lettre ou le message jadis fréquents sont suspendus, la visite, aitrefois périodique, cesse; le livre, le journal, ou tout autre signe qui témoignait de souvenir, ne prviennent plus.

Il y a toujours d'excellentes raisons pour justifier ces intervalles, mais l'ermite ne peut les connaître. Bien qu'il soit inactif dans sa cellule, au dehors ses amis tournoient dans le tourbillon de la vie. Cet intervalle vide qui passe pour lui si lentement au point que les pendules mêmes paraissent arrêtées et que les heures sans ailes marchent péniblement à la manière des vagabonds fatigués et prêts à s'arrêter près des bornes, ce même intervalle, sans doute, se trouve fécond en événements et haletant de précipitation pour ces amis.

L'ermite — s'il s'agit d'un ermite raisonnable — avalera ses propre pensées et enfermera ses propre emotions durant ces semaines d'hiver intérieur. Il saura que le Destin avait l'intention qu'il imitât le loir en cette occasion; alors il se soumettra, se mettra lui-même en boule, se glissera dans un trou de la vie et se résignera doucement à se laisser emprisonner par le mouceau qu'y transportera le vent et qui, bientôt, le bloquera et le gardera dans la glace pour la saison nouvelle.

Qu'il dise: «C'est très bien; cela doit être ainsi puisque c'est ainsi». Et peut-être qu'un jour son sépulcre neigeux s'ouvrira, que la douceur du printemps reparaîtra, que le soleil et le vent du sud l'atteindront les haies en bourgeons, les chants des oiseaux et des rivières libérées l'inciteront à une résurrection chaleureuse.

Peut-être sera-ce le cas; peut-être en ira-t-il autrement; il se peut que la gelée pénètre dans son coeur et ne fonde plus; il se peut qu'au retour du printemps un corbeau ou une pie becquètent du mur ses os de loir.

Eh bien, même dans ce cas, tout sera bien; on suppose que dès son commencement il se savait mortel et qu'il devrait un jour suivre le chemin destiné à toute chair: «Aussi bien tôt que tard».

L'espace blanc est toujours un point nuageux pour le solitaire.

...Vers la dernière de ces sept et longues semaines j'admis ce que pendant les six autres j'avais jalousement exclu, la conviction que ces blancs étaient inévitables: le résultat des circonstances, le décret du Destin, une part du sort de ma vie et surtout un sujet sur l'origine duquel aucune question ne devait jamais être posée et sur

la conséquence douloureuse duquel aucune plainte ne devait jamais être proférée.

...J'essayai divers expédients pour soutenir et remplir mon existence: je commençai un grand ouvrage de dentelle, j'étudiai l'allemand avec quelque assiduité, j'entrepris un cours régulier de lectures dans les volumes les plus austères et les plus gros de la bibliothèque; en tous mes efforts j'étais aussi orthodoxe que je savais être. Y avait-il erreur, pourtant, sur quelque point? Fort probablement.

Mais l'heure du supplice était celle du courrier

Так писем не ждут:
Так ждут — письма[334].

Mais l'heure du supplice était celle du courrier; par malheur je ne la connaissais que trop bien et j'essayais aussi vainement qu'assidûment de me cacher cette connaissance, redoutant la torture de l'attente et l'aballement écoeuré du désappointement qui, quotidiennement, précédait et suivait le coup de sonnette bien connu.

Je suppose que les animaux en cage et nourris chichement au point de rester toujours affamés, attendent leur nourriture comme j'attendais une lettre. Oh — pour dire la vérité et abandonner ce ton faussement calme qui, si on le soutient longtemps, use l'endurance de la nature — je subis durant ces sept semaines des craintes et des douleurs cruelles, d'étranges épreuves intérieures, de misérables défaillances de l'ésperance, d'intolérables envahissements du désespoir. Ce dernier La lettre — la lettre bien-aimée — ne voulait ras venir; et elle était toute la douceur que j'avais à attendre dans la vie[335].

Charlotte Brontë — <1853>
МЦ — 1932

— Не знаю, обнаружится ли в дебрях моих записей еще одно мое письмо, последнее, знаю, что в дебрях сундуков существует на него ответ: целый обвинительный акт: за ужасное (у меня — намеренное, чтобы сразу разорвать) слово: связь, за разбитое его доверие, преданность, приверженность. (Было ли всё это — ничего не знаю и никогда не узнаю.) На последнее письмо, уже дико мучась от другого: другим, не ответила.

1926 г. — весна, помнится. (2-го ноября 1925 г. приехала в Париж.) Мы на Villette, у Черновых[336]. Новые люди, успех первого вечера, воженье вдоль виллетского канала увесистого чуд-

ного Мура, и пр. и пр., сердце — отчасти, время — целиком замещено. И — письмо от А. Б<ахраха>. Просит повидаться. Назначаю. Нееврейски-высокий, но типично-еврейский молодой человек, долговязый, с большими глазами (или очками?) с большими ушами, с большими губами. У Ч<ерно>вых его знают, по крайней мере с виду: как усердного танцора на эмигрантских балах и неудачного претендента на руку дочки Цейтлиных[337] (меценатов) — красотки — предпочедшей ему какого-то профессора. Отношение (ч<ер>новское) юмористическое. Подготовленная, нацеливаюсь.

Сидим в кухне — *все* Черновы, т.е. *с нами* человек двенадцать — и едим кровавую колбасу (будэн, изделие местных бойнь, какой-то особенный сорт: с кашей).

— А это, чтó Вы едите, кровавая колбаса. Она очень полезная: сгущенная кровь. В этом кусочке, напр., — правда интересно! — целая бочка крови, конечно не бочка, но вроде. Между прочим, ее покупают на метры — здесь два — но она когда жаришь сильно адится, тáк что нужно покупать три. Здесь как раз бойни, очень удобно.

А.Б. — Гм...

И т.д. — повышенно-деловито и участливо, точно в ответ на его подробные расспросы, точно весь он, А.Б., от этого будэна зависит (так человеку хором объясняют как лучше проще быстрее пройти туда-то, где он в 3 ч., скажем, непременно должен быть).

Словом, с колбасы не съехали.

Говорили впрочем кажется еще о Борисе Зайцеве.

(Сейчас — и только сейчас — вижу, что шутка вышла не совсем уместная: из-за еврейства — и крови, которых тогда не связала и которых, убеждена — ибо знал меня — не связал *он*. Могли связать — другие, но плохих других — не было. Невинно веселились (все, кроме него). Сейчас чуть-чуть жалко вспоминать: кажется единственный раз в жизни была со всеми — против одного (как год или <около?> спустя — единств<енный> раз — со всеми — *за* одного: Линдберга: toutes proportions gardées![338]). Но цель моя была — только мистификация: оказаться после такого, после *того* лирического потока — дурой, занятой только кровавой колбасой. Словом, если не щадила его, не щадила и себя, ибо *никакого* разъяснения не последовало. М.б., взволнованный встречей, ничего и не заметил, кроме: много народу, разговоры не о том...)[339]

Гóда — не знаю, знаю весна, положим — 1927ая[340]. Пишу, очевидно после перерытия дебрей, т.е. напав на какое-нб. его, А.Б., письмо (трогательное) т.е. его — того, себя — ту, всё — то — узнав! — что очень хочу повидаться по-человечески, не нá людях, не за едой (NB! колбасой) и предлагаю встретиться на Ch<amp> de Mars — таким-то поездом (день, число, час). Если *не* может — пусть предупредит.

Число, день, час, поезд. Champ de Mars. Иду вдоль перрона, подымаюсь по лестнице, вхожу в здание вокзала — никого. Жду возле вокзала 10 мин., спускаюсь по лестнице, сажусь в обратный поезд.

Дома пишу: На вокзале была, но никого не было. Если шутка — неудачная, месть — недостаточная, т.е. недостаточно крупная, т.е. просто мелкая: никакого мелкого самолюбия у меня нет, а крупного не бывает. «J'ai failli attendre»[341], — да я всю жизнь — жду (тем хуже для тех кто не приходят!) внутри себя жду и внутри дома, на улице — никогда, а если да — то не дольше десяти минут и не больше пяти раз за жизнь — но всё это — частности. Недоразумение? т.е. очередное разминовение? Но повторяющаяся случайность есть — судьба, здесь: не-судьба.

Ответ: никакого письма не получал. Ждал.

Я, в ответ: — Роковое, ибо адр<ес> был тот и я сама опускала. Что ж, попытаемся еще раз, но пусть теперь назначает — óн, м.б. у него более легкая рука.

Ответа — никакого. Дивлюсь и перестаю думать.

Через день — письмо: — Стоял, ждал, прождал три поезда, Вас не было.

Я, в ответ: — Стоял и ждал в Neuilly (или еще как-то), а я сидела и ждала (письма) в Мёдоне — которого так и не дождалась.

В ответ в закрыт<ом> конверте: телеграмма его мне: жду Вас там-то, такого-то, таким-то поездом. Не сможете — предупредите — телегр<амма> возвращенная ему с надписью: Destinataire inconnu[342].

В Мёдоне я, тогда, жила два года, ни разу не переезжала, и знали нас, из-за огромной переписки, больше чем кого бы то ни было. Смотрю: 2, Av<enue> Jeanne d'Arc Meudon Mme Zvétaieff-Efron — совершенно верно и точно.

— ? —

Больше не писали и не пытались. Очевидно — устали оба. (NB! Назвать весь этот случай всерьез судьбою мне мешает некрупность человека. С Б.П. это была бы — судьба, и не дай

Бог!) Тоже очевидно, что не та́к уж было нужно: что совсем не было нужно — раз обошлись.

Совсем-конец
или
Послесловие

Еще через год — посылка, книжная. Открываю: все мои книги: Царь-Девица, Ремесло, Мо́лодец, и еще и еще... Почерк на бандероли — его. В углу отправитель. *Понимаю* (зачем шлет) и делая вид, что принимаю за подарок, раздариваю тут же (необходимо было, а купить было не на что) всем Черновым: Оле — Стихи к Блоку, Наташе — Ц<арь->Девицу и т.д. и т.д.

Денег — возместить — не было никогда. Тем и кончилось[343].

Так или иначе, тогда, летом 1923 г. я этого человека — *любила. Этого* ли человека — любила?

(1932 г.)

А — он??? (Всякий он, <пропуск одного слова> кто не я — для меня вопросительный знак. Отвечали мне, т.е. понимала я — только: Dinge[344]. И поэтов. И женщин. (То есть опять — себя.))

Конец флорентийских ночей[345]

Ночь с 1925 г. на 1926 г. Я только что приехала в Париж. Бал Писателей. (NB! Кадриль Литературы.)[346] Залы, отдельные комнаты, в одной из них, с притушенным (придушенным) светом — № новогодней программы — гадают. Со мной еще двоетрое. Входит, влетает группа костюмированных, один отделяется, подходит, кланяется. В белом бурнусе и чалме. — «Узнаете?» — Нет. — Ну, вглядитесь, неужели костюм так изменяет? — Вглядываюсь. — Неужели Вы серьезно не узнаете?

Молодое миловидное лицо, темный.

Робко: — Теперь мне действительно как будто кажется, что я Вас где-то когда-то... Как будто — голос...

Вглядевшись еще: — «Нет, я Вас определенно вижу в первый раз».

Вокруг — не то одобрительный, не то удивленный — смех, возгласы, и на фоне общего шума:

— Такой-то.

— Вы?! Господи! Ради Бога, простите, но я так близорука, и так плохо помню лица, и мы с вами так давно не виделись, и Вы тогда были с усами...

— Я — с усами? Но я никогда в жизни не носил усов!!

— Быть не может. Я отлично помню: с черными усиками, щеточкой.

— Но уверяю Вас, что я никогда в жизни...

Тут вступаются окружающие: — М.И., Вы перепутали, Вы его с кем-то другим спутали, он действительно никогда не

— Странно. Я отлично помню. Вот такие маленькие, щеточкой.

Г<елико>н, с отчаянием: — Большие или маленькие, щеточкой или как у Вильгельма — я *никогда* не носил усов!

— Ну, я Вам верю. Только странно: отлично помню: маленькие черные усики. Или — стойте, стойте! — или это было пэнснэ? Вообще что-то было — чего нет — да, наверное пэнснэ, а те усики щеточкой — это были брови... Должно быть тáк... Но — как странно.

— Действительно — странно.

Оскорбленный — отходит.

Руку нá сердце положа: узнала или не узнала? Действительно ли, до такой окончательной степени, не узнала? Думаю: в первую секунду — да (т.е. *не*), во вторую — забрезжило, в третью — знала (узнала! по голосу, конечно) но воспользовавшись неподдельностью ибо действительностью своего первого возгласа, уже взятым разгоном (голосовым и внутренним) неузнавания — продолжала не узнавать всё дальше и до конца.

Никогда не окликнул. Изредка — раз в три года — слышу о нем — всё то же: из<дательст>во прогорело, занят какими-то делами.

Ну, а — усы? В усы — честно — верила, мало: их — видела, как только себя назвал — увидела, и увидела, что — отсутствуют. И щеточками бровей — вовсе не отшутилась. Что-то над чем-то, а усы ли над губами или брови над стеклами — это уже частность, это — ему знать, а не мне. Хватит с него <сверху: с меня> и — щеточки!

X, Y, Z — дело не в именах — если бы все прошедшие через эту тетрадь, т.е. мою жизнь — неважно с какого по какой год — ибо так было, есть и будет, и тетрадь по существу — одна, если бы любой из них или: хотя бы один из этих всех меня

вдруг, неожиданно, как во сне бывает, окликнул, *назвал* зá руку через стол:

— Марина!

Если бы кто-нибудь из этих всех отважился назвать меня по имени — как во сне и тогда — взглянуть — как во сне и тогда — взять зá руку — как во сне и тогда, я бы каждого — сразу (даже никогда не виданного и не любимого!) не только узнала, — всё бы забыла — кроме него. (О как рванулась бы через стол — и все годы!)

<Вдоль правого поля:> Уже слышу свое «дружочек!».

Мое нáглухо-забвение и нáчисто неузнавание ведь только в ответ (я ведь никогда не знаю, *было* ли) — в отместку себе, а не им, и если оно цельнее и полнее ихнего, то только потому что я сама (<пропуск одного слова> моя любовь тогда) полнее и сильнее их — любви и самих.

Чтобы мне, ничего не знавшей кроме, тáк не узнать — нужно было именно (когда-то, хотя бы вчера) ничего не знать кроме. Знакомых я помню (приблизительно). Друзей — точно и прочно.

Но — С.М. без меня обошелся, Э<ренбур>г без меня обошелся, Г<елико>н без меня обошелся, тот А.Б. без меня обошелся, как обошелся тот кого в этой тетради пока что только провожала — только что проводила! под луной, как обойдется тот, кого еще и тени нет в тетради (скоро ляжет через лист) как обошелся же Б.П., разойдясь с женой и женившись не на мне: на НЕ-МНЕ: полюбив — другую.

Как один не обошелся: Р<ильке> — скажете, п.ч. умер? — как не обошелся *бы* Р<ильке>, без всех, но не без *всего* обходившийся. Я же, чисто, просто, без <пропуск двух-трех слов>. (All.) Оттого и *allein*. Das All ist allein[347]. (П.ч. всё *в нем*, а не *вне*.) <Пропуск одного слова> не через <пропуск одного слова>, а через *включение*.

Запоздалые записи весны 1923 г.
(пастернаковской)

Апрель

Когда я уезжаю из города, мне кажется, что он кончается, перестает быть. Так о Фрейбурге напр. где я была девочкой. Кто-то рассказывает: «В 1912 г. когда я, проездом через Фрейбург...» Первая мысль: — Неужели?.. (Т.е. неужели он, Фрейбург, есть, продолжает быть?) Это не самомнение, я знаю, что я в

жизни городов и людей — ничто. Это не: *без меня?* а: *сам по себе?!* т.е. он действительно есть (будет, был) вне моих глаз есть, не я его <фраза не окончена>

Когда я ухожу *из* человека, мне кажется, что он кончается, перестает быть. Так о Z напр. Кто-то рассказывает. «В 1918 г., когда я встретился с Z...» Первая мысль: — Неужели?.. (Т.е. неужели он, Z, есть, продолжает быть...) — Это не самомнение, я знаю, что я в жизни людей — ничто, это глубокое, невинное изумление, за которым — пусть я в жизни городов и людей — ничто — очевидно нечто — есть.

(Перекличка с С.М.В. об Але — той же весной 1923 г. в Чехии: «Ничего удивительного. Сначала она думала, что всё внутри, а теперь начинает открывать, что есть что-то и <пропуск одного слова>. Просто — открывает внешний мир». Я: — Факт существования чего-то во-вне.)

Кончается, перестает быть. Здесь нужно различать два случая. Сильно обжитые (оживленные? выжатые?) мною люди и города пропадают безвозвратно: как проваливаются. Не гулкие Китежи, а глухие Геркуланумы.

Те же, лишь беглым игрищем мне служившие (в которых я, в людях и в городах, только проездом, где <сверху: в которых> не жила, через которые только прошла) — застывают. На том самом месте. На том самом жесте. Как в стереоскопе.

Когда я слышу о первых, я удивляюсь: неужели *стои́т?* Когда я слышу о вторых, я удивляюсь: неужели *растет?* (дальше).

Повторяю, это не самомнение, это глубокое, невинное, подчас радостное изумление.

Слушаю, расспрашиваю, участвую, сочувствую и — втайне: Не Фрейбург. Не тот Фрейбург. Личина Фрейбурга. Обман. Подмена[348].

Если часто уезжать, можно обезлюдить (обезгородить) всю Европу!

14ти лет я была убеждена, что это *мои* глаза зажигают по Москве фонари.

Это достоинство у меня есть: безвозвратность.

Эвридикины асфодели.

Веймар и май.

Продвигающаяся по пашням.

Для тех, откричавших последние крики,
Свидания ножик востер.
Не надо Орфею сходить к Эвридике
И братьям тревожить сестер.

Небо — тридевять земель.

Аля: Сумасшедший священник (?) оплакивающий каждую секунду. (NB! связь утеряна. 1932 г.)

Диалог о домике.

За этот — пожизненный ад

Как зуб к десне,
Как дуб к сосне...

«Не нашел своего лица...» У поэта должно быть не лицо, а голос.

Май 1923 г.

— Это так преломляется в Ваших глазах! (Люди обо мне и мире.) — Нет, не прелом—ляется: выпрям—ляется!

Я (о своих Земных Приметах, к<отор>ые тогда переписывала)

— Будь я критиком, т.е. имей я возможность говорить о своих вещах вслух, я бы о своих Земных Приметах сказала: — Поразительная легкость в мыслях!

Переписка с С. на Штейнере (доклад, поскольку ныне помню, о детях дошкольного возраста, предназначенный, поскольку помню, для рабочих)[349]

Я: — 1) Как в церкви! — 2) Посрамляет естественные науки. — 3) Скоро уйдем. 4) Совсем не постарел с 1909 г.

С.: Лев[350] распластан ибо полагает, что этот Ersatz[351] Льва его посрамляет сплошными grossartig'ами[352].

Я: — Терпи. Накормлю яичницей. Бедный Лев! *Ты* — настоящий.

С.: Бюллетень о состоянии Льва:

Успокоился. Обнаружил трех львов на стене. К псевдо-Льву свое отношение определил: «Злая Сила!»

Я: Жалею Льва. Этот похож на *Чтеца-Декламатора.*

С.: Для меня — на незнакомом языке!

Я: Он обращается исключительно к дамам. 2) Простая элементарная пропаганда антропософии. 3) Будет ли перерыв?

С.: — Сам жду. Вдруг — нет? Вдруг до утра? А?

Лев

Я: Если Шт<ейнер> не чувствует, что я (<пропуск одного слова>) в зале — он не ясновидящий.

Запишу, что помню. Во-первых, вовсе не помнила, что Штейнера, раньше, уже видела. (Иначе откуда бы: совсем не постарел с 1909 г. Очевидно в отрочестве, в Москве.) Доклад был скучный. Но сначала о докладчике. За кафедрой — юноша. Движения птицы. Главное действующее лицо: перекатывающееся адамово яблоко, как у мучеников. Молодой протестантский проповедник. Никакого пробела на груди, сплошь черен, застегнут наглухо, только у самого горла узкая кайма воротника. *Молодой* Бодлэр. «Sehr geehrte Herrn und Damen… Herrn und Damen… Herrn und Damen… Zahnwechsel… Herrn und… Zahnwechsel… Damen… Damen… Zahnwechsel…»[353] crescendo и из presto — prestissimo[354] — как обратный (снизу вверх) водопад, вот-вот сейчас имеющий оторвать ему голову.

— «Bis 7 Jahre ist ein Kind nur ein grosses Auge»[355].

Больше *ничего* не помню.

Чувство явного несоответствия голоса и говоримого, голосового (и душевного) размаха — и смысловой <пропуск одного слова>. Не сказал *ничего* нового, ничего примечательного, ничего своего, но сказал — голосом, шеей, адамовым яблоком — та́к, что до сих пор помню, верней — вижу.

Зал ужасен: пражские немцы, т.е. худшие во всем мире, п.ч. мало-мальски приличные из Праги, после революции, ушли. Короче: сплошные приказчики, пришедшие послушать своего (немца). По окончании каждый считает своим долгом подойти к Herr Doktor и оповестить его кто о своем нынешнем сне, кто о первом зубе своего ребенка. Идут как к акушерке или к гадалке. А он — как Блок в 1921 г. под напором ненависти — под напором этой любви — всё глубже и глубже в деревянную сте-

ну кафедры, к<отор>ая вот-вот станет нишей, а он — святым. И всё выше и выше *умученное* адамово яблоко. И с неизбывной кротостью — всем — каждому: улыбку, ответ, кивок. Очередь приказчиков на ясновидящего: я в самом конце. Последняя. (Всем — нужнее!) Стою, борюсь: та́к устал — и еще я́... Но: *я*, ведь это всё-таки не эти все. И — если он ясновидящий... Пока борюсь — уже предстою. Тому юноше — тысяча лет. Лицо в сети тончайших морщин. Тончайшая работа времени. Шаг назад — и вновь юноша. Но стою́ — и леонардовой работы старость. Не старость — ветхость. Не ветхость — призра<чность?>. Вот-вот рассыпется в прах. (*Сколько* стою? Секунду?)

И, набравшись духу и воздуху:

— Herr Doktor, sagen Sie mir ein *einziges* Wort — fürs *ganze* Leben![356]

Д<олгая?> пауза и, с небесной улыбкой, mit Nachdruck:

— Auf *Wieder*sehn![357]

(Доклад этот был вскоре после пожара Johannisbau[358] и незадолго до его смерти.)

У каждого свое повторяющееся событие в жизни. Это и есть «судьба». (То, что мы помимовольно и непреложно, одним явлением своим на пороге — вызываем. Следствия, вырастающие из ходячей причины — нас.)

Не весна в деревне — деревня в Весне. (Ибо Весна стихия и в деревне вместиться не может...)

«Русские березки», «русский можжевельник». Ложь. Самообман. Если не скажут — не отличить. Весна — Стихия и мне от нее ничего, кроме нее, не нужно.

Стало быть — безразлично: Чехия или Россия? Да, везде, где дерево и небо — там весна. — Ну, а в Африке? Нет, в Африке будет Африка, а не весна. Там для меня, пришлого, *баобаб* одолеет дерево. Надо родиться среди *баобабов*.

Для меня опасны слишком *выявленные* города и страны. Отвлекают. Стихии не <фраза на окончена>

Когда я иду в лес я иду в свое детство: в ведение и в невинность.

Если бы я была мужчиной, я непременно бы любила замужнюю женщину: безмужнюю женщину: ненужную женщину.

Предрассудки, предшествующие рассудку, с молоком матери всосанные: не преображенные ли инстинкты?

Та́к, отродясь и особенно в московский голод никогда не заглядывалась на съестные витрины. Еще подумают: хочу! Еще подумают: не могу! *Явно* хотеть и не мочь — мерзость!

И вот, в 1923 г., в Праге, от одного бывшего гвардейца узнаю: мой всосанный предрассудок (*никто* не учил!) — параграф гвардейского устава: Никогда не заглядываться на витрины, особенно — гастрономические. Я не воспитывалась в Гвардии, — м.б. мой предок какой-нибудь? А составитель устава — просто нищий гордец.

Начитанность <под строкой: Чтение> тоже делает одиноким: «вращение в <пропуск одного слова> кругах».

Есть, очевидно, и круговая порука зла: он, не желая, мне, я, не желая, другому, тот, не желая, еще кому... Безымянная. Круговая отместка — кому?

Остров Pathmos — не на тебе ли я родилась?[359]

Эротика, это похоже на рот и на грот.

Тело! Вот где я его люблю: в деревьях.

Platon и Platen. (Первого — никто не судил.)[360]

Интонация: голосовой умысел. Intonation: intention vocale[361].

NB! 20 год. Бальмонтовское ведро!

В моих стихах кто угодно спутается. Ничтожные поводы иногда вызывали *эпохи. Эпос.*

Присяжные поверенные и поэты.

Единственное чего я никогда не ощущала стихией — любовь. Дружбу (Д) — да!

О, мне всего мало, поэтому и не начинаю, не начну. (Я с людьми.)

До свидания великого! (Р. Ш<тейнер>)

ранили, —
До великого свидания!

Сестра: в этом и простор и страдание. И еще — запрет. Простор, порожденный запретом. («Отыграюсь».) *Победа путем отказа.* (С<ергей> В<олконский>)[362] Будь я женой, я бы ревновала к сестре. Беспредельность не может ревновать к пределу. (Думаю о Б.П. 1932 г.)

Б.П. Заочный оплот.

Жена — предел. Тупик, разверстый ребенком.

(Из мыслей к Б.П.) ...Втроем не выйдет. Я и вдвоем умею плохо. Два уже меньше чем один (в *котором* другой). Мы уже меньше чем я (в котором ты). Два это рядом. *Весу* меньше. (Я вешу еще всем тобой, та́к мы вес — поделили, и земля нас конечно вынесет!) Нет, не обольщаюсь и не обольщаю: втроем не выйдет. (NB! 1932 г. М.б. — тоже гвардейский устав? Ne daigne[363].) Могут выйти *два* вдвоем (мое с Вами, мое с ней). Зачем втягиваете? Я — размежевываю. Не отводите мне никаких мест.

Сонмы голосов дозвучивающих.

Vorfühlen. Nachfühlen[364]. Вы́ поймете когда пройдет, я — прежде чем стряслось.

Сострадай!

——

Люди по мне проходят бесследно. Выходит: они — волны, а я — камень. (Без никакого следу кроме *соли*.)

——

Выпеть и выжечь.

——

Не хочу того слова: оно круг. (Из двух рук!) Гораздо больше, чем всё.

——

Встреча должна быть аркой. Не в упор (кто кого?) не две дороги вдоль (перекресток, чтобы вновь разойтись, да просто: РОССТАНЬ!) а радугой. Арка: увечнённая встреча. Не встретились, а непрерывно встречаются. Вечность в настоящем времени. Настоящее время (Presens) вечности.

——

Чем дальше основы арки, тем выше арка. Нам нужно отойти далёко. Для нужной нам высоты нам нужно отойти очень, очень очень далёко, м.б. (отступая спиной) и немножко оступиться — *по ту* сторону.

——

Кусочек из Диккенса. (Шаги перед грозою. История двух Городов.)[365]

——

Мои стихи, равно как мои платья хороши в темной комнате. При белом свете дня — сплошные дыры (ожоги).

——

Mme Roland у подножья эшафота[366].

——

Море отражает дно (себя, недра).
Дно — одно.
Река отражает небо.
У реки не может быть лица, только поступь и голос (бег и звук). Лики ее — те небеса, под коими протекает. В известном смысле я — безлична.

——

Не оскорбила бы меня только страсть ангела: его стыд с семижды седьмого неба превышающий мой (с седьмого).
Еще: его стыд (mésalliance)[367] вместо моего собственного.

——

Бог (магнит) некоторых забыл снабдить сталью.

15го нов<ого> апреля:
Чувство, что дорога за мной пропадает, зарастает по следам.

Дети меня жестоко ненавидели в детстве. Я не простила детям.

Мой страшный страх обид.

Меня нет: обижайте пустое место! Пустующее как раз на том месте где я стою́ (где вы думаете, что я стою).

Белый и Блок: Внутренняя радость дающая внешнюю.

Застава: концы концов: все концы с концами сходятся: начало всяческой беспредельности: дали, горя, песни...

Апрель (конец, 29ое). Говорят, самое любовное время — полночь. Неправда: час призраков. Еще: рассвет. Неправда: слушаешь гудки заводов и вокзалов: тоску просыпающегося дня. *Нет* любовного часа, а если есть то скорей уж полдень (Bettina: «Meine verschlafendste Zeit»)[368].

Если бы любовная любовь не включала в себя: услады и забавы, я бы может быть ее и любила. Если бы она была совсем горькой. (Т.е. — не собой. 1932 г.)

Дорваться друг до друга — да, но не для услады же! Как в прорву. «Зной — в зной, Хлынь — в хлынь, До—мой: — В огнь синь»[369].

Чтобы потом — ничего не было.

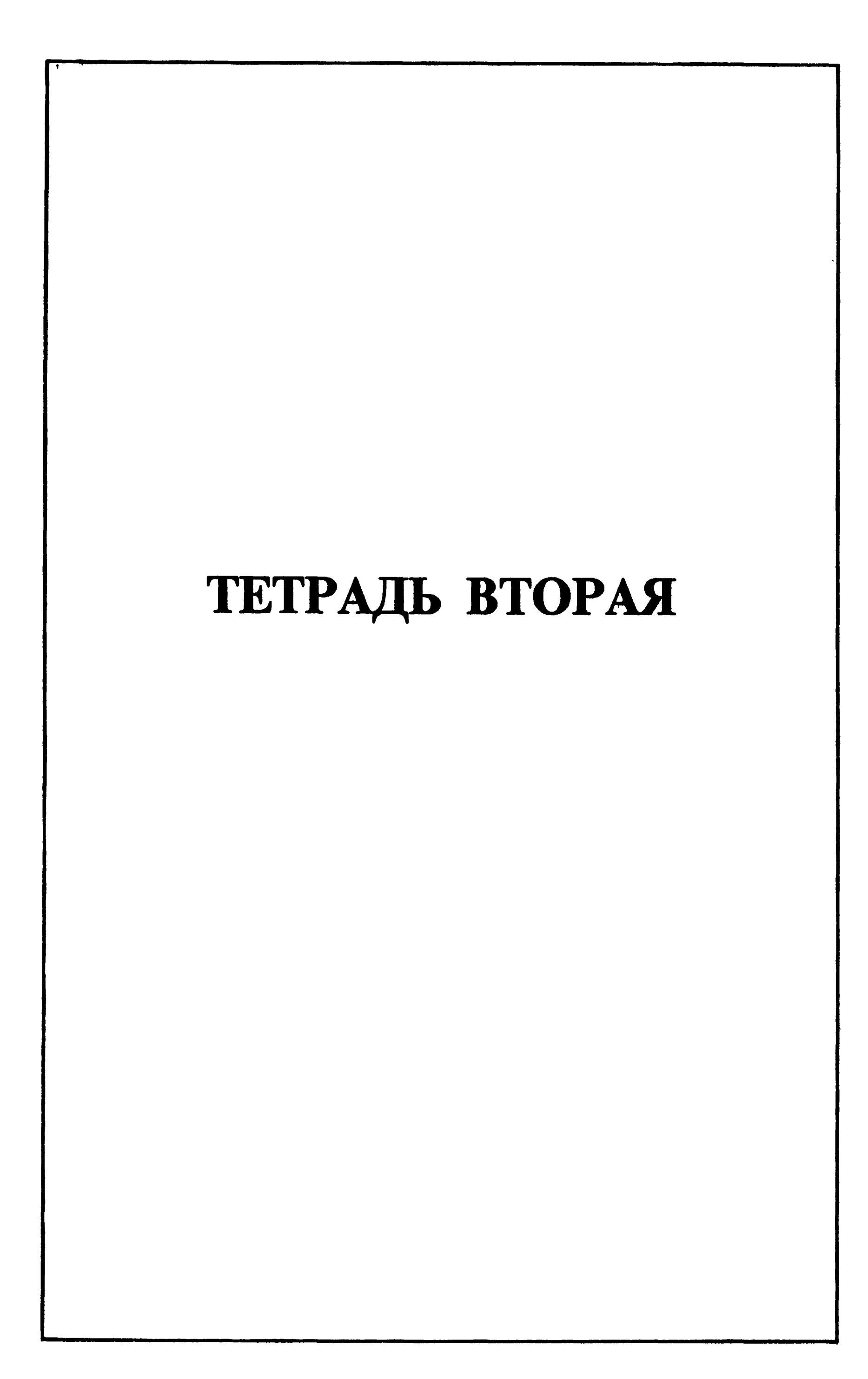
Чудо в физическом мире ограниченно, ибо огр<аничен> сам физ<ический> мир. Но чудо (безгран<ичность?>) ограниченным

быть не может, следов<ательно>: или чудо происходит не в физ<ическом> мире, или в физ<ическом> мире чудес не происходит.

А м.б. другие (сущности их) вскрываются исключ<ительно> в любви (Эросе). Но может ли сущн<ость> вскрыться в частности? *И* в частности, да. Но почему же исключительно в этой?

Может ли сущность (Аполлон, Дионис, Люцифер) вскрываться исключ<ительно> в Эросе? Нет, сущности скрываются, пропад<ают> в Эросе. М.б. он и есть из богов — сильнейший! Да и то ложь: ибо частность Эроса в сущности Диониса, напр., растворяется.

«Поэт в любви». Нет, ты будь поэтом в помойке, да.



ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

Записи из черной черновой тетради

Прага

(Переписано из Пшенова 17го сент. 1923 г.)

Строки:

Касатик ты удалец:
Смерти вина и гроша!

—

Престольники, плотники
Лёг на царских престолах!

—

Натопленные, молельники
Лёг на царских (серых) престолах!

—

Рай сладкий — чей нам!
Была — и прошла!
Касатик ты удалец.
Смерти вина и гроша!
Не флирты, не лавры,
Рай чуткий — всё нам:
(Всё чуткое, что свято!)

—

Без плетей и без брани, —
Сладко не до слёз!
Нам ночь с тобой прощанье:
В поле мало цветов!

—

Нам ночь с тобой сгорит:
В поле мало места!

—

... Внизу волн много,
Вровень с перил гробей...
Пушистый наездник
Над водяными тобой...

—

В море много звёзд:
(В! гроза)

—

Небо, что страшное сердце,
Открыто — что в море отпусти
Дно сети

—

В граде разогнано,
Градом — Деружь.
Выше! Вот дно,
Небо — Цезаря
Имя — рапира:
Там в груди моей
Страсти рыцарей,
Страшно Римлянам!

—

Реки тайные
Рядом — из мрамору.
Давно стоят
Рома с Ангелами...

—

Всё — из мрамора
(В! небо)

—

Записи из черной черновой тетради[370]

Прага

(Приехала из Тшебова 17$^{\underline{\text{го}}}$ сент<ября> 1923 г.)[371]

Строки:

Наспаться успеешь:
Смерть вечна и прочна!

———

Крестильным, нательным
Ляг на дýшу крестом!

———

Нательным, могильным
Ляг на дýшу | крестом!
сердце |

———

Раз сладкие — пей их!
Была — и прошла!
Наспаться успеешь:
Смерть вечна и прочна!

Не жмурясь, не маясь,
[...]
Раз нужные — нá их:
(Все нужны, что свежи!)

———

Без клятв и без взяток, —
Счастию нé до счетов!
Наш час с тобой краток:
В поле много цветов!

———

Наш час с тобой срочен:
В поле много могил!

———

Не так же ль восточный
Ветер — розу любил?
Наш час с тобой срочен:
В поле много могил!

———

...Виски твои лысы,
Крови скуден прибой!..

Шумят кипарисы
Над вчерашним тобой...

———

В море много гребцов!
(NB! угроза)

———

Небо, ты страшнее моря,
Оттого что в море тонут:
Дно есть

———

В прах затоптана,
Прахом — брезгую.
Выше! Вот оно,
Небо — Цезаря
Импе—ратора:
Так в груди моей
Страсти ратуют,
Старый Римлянин!

———

Речи тайные
Розы — к мрамору.
Дивно спаяны
Roma с Amor'ом...[372]

———

Всё — из мрамора
(NB! небо)

———

Нет ли ниши мне,
Старый римлянин?

———

С колоннадами,
Легионами...

———

Крик станций окончен 24го сент<ября>

———

Прав кто-то из нас
Сказавши: Любовь — живодерня![373]

(NB! Кто-то из нас — я. Пометка 1932 г.)

———

Почем покупал —
Не важно, а вот: почем продал?
(не вошедшее в «Живодерню»[374])

———

Поезд подан,
Кто-то продан

NB! Лета: река без отражений.

Стол: простор. Стол: престол.

Варианты Пражского Рыцаря:

От счастливых
Лиц, забывших | — всё—
заспавших |
Рыцарь, в ивах
Прячущий лицо...

В смертной смете |
В тот |
Час — живи века! —
Станет Летой —
Каждая река.

(...мстить мостами:)

Тем кто —
—

Нас поставил |
оставил |
На таком мосту

Вот тебе и мост!

(Перекличка с: Вот тебе и месть!)

Мост *к* любимым:
Есть и мост
От

Слаще крошек
Хлебных — пища есть!
Бросил — брошусь:
Вот тебе и месть!

Урну *Эту* урну
Охраняй от рук,

Караульный
На мосту разлук!

Лучше | крошек
Слаще |
Рыбам — пища есть:

По набережным, где седые деревья,
По следу Офелий... (Она ожерелья
Сняла: не наряженной же умирать!)
Но всё же
(Раз смертного ложа — неможней
Нам быть нежеланной!
Раз это несносно
И в смерти, в которой
Предвечные горы мы сносим... —)
Она все немногие вёсны
Сплела — проплывать
Невестою — и венценосной[375].

28го сент<ября> 1923 г.

Крови оборот быстр.

Метельщицы подметают листья...

...Мести: дорога пуста!
Мосты: пустые места.

Уровень воды.
Уровень беды.

Октябрь 1923 г.

Темнейшее из ночных
Мест: мост[376]

(4го Окт<ября> 1923 г.)

...Туда в веселящий газ
Глаз, газа, крашенных язв.
За стойку, где *всё* — за нас!
На койку, где *все* — до нас...

— Бархатных нор
Ночных — блаже вода!

———

В бессмертье — что час — то поезд![377]

(6го Окт<ября>)

Варианты:

Чем рвать, гнать, распинать, клясть
Поэта — когда же вспомните,
Что: ад,   третий класс — страсть!
Но *не* — дамская комната!

———

А потом, на площадке, в сплошную тишь
Окунувшись:
— на чей-нибудь окрик: Чего стоишь?
Улыбнуться: А так... звезды...
(NB! как у Данта)

———

Водосточная труба:
точная судьба.

———

NB! Только легши на рельсы — уедешь. Еще: ты поедешь только тогда, когда *по тебе* поедут. Самые быстрые колеса, это те, которые по тебе едут. (Самый скорый поезд — это тот, который по тебе едет.)

...не́:
Севши — уедешь, легши — уедешь!

———

Атлантики или страсти вам

(NB! А есть такое слово: Атлантика? Для меня оно несомненно. *Извне* усумнилась.)

(Из черной записной книжки[378].
Прага, Октябрь-ноябрь:)

(Герою Поэмы Горы и Конца:)[379]

...

Нам дано прожить вместе целый кусок жизни. Проживем же его возможно лучше, возможно дружнее.

Для этого мне нужно Ваше и свое доверие. Будем союзниками. Союзничество (вопреки всему и через всех!) уничтожает ревность.

Это начало человечности, необходимой в любви. «Не на всю жизнь». — Да, но *что́* на всю жизнь?! (Раз жизнь сама «не на всю жизнь» — и слава Богу!) Это мое вечное желание добра к Вам говорит. Не будьте злым, не мучьте.

———

(Древняя тщета)[380]
Вариант:

...Разве выступаем — из одежд?
Этого — хотим?
— Нет, много больше!

———

Связать: швейное и кисейное

———

NB! Свежевать
(любовь)

———

Брак, где *оба* хороши — доблестное, добровольное и обоюдное мучение (-чительство).

———

(Под занавесом дождя)[381]
Варианты:

...То демоны очага
В разверстом плаще Эринний

———

То демоны очага
В разверстом плаще Эринний
Торопятся: верность, страх
...
— То Завтра на всех парах
Проносится вдоль перрона

———

...волны атлантской
Раскатами... Под ногой
Подножка или пространство?

———

$1^{\underline{го}}$ мая 1925 г.
— $15^{\underline{го}}$ октября 1923 г.
——————————— $5^{1}/_{2}$
1 г. $7^{1}/_{2}$ мес. (— ?)

<Справа, поперек страницы:> смысл вычисления утрачен[382] (1932 г.)

———

Торопишься ехать — ложись на рельсы!
колесами *те* быстрей,
Что...

В Бессмертье прямая дорога! Нету
Прямее! —
Которые , как
по твоей груди

В Бессмертье прямая дорога: рельсы!

тихими подошвами

Поссейдон, покровитель Тезея, обещал ему исполнить три желания. (За что? Почему?) Гибель Ипполита через Поссейдона (Вал).

Покровительство:

Афродита	Поссейдон	Артемида
|	|	|
Ариадна	Тезей	Ипполит

Федра (?)

NB! Кто бы ни покровительствовал Федре — плохо покровительствовал. Федре покровительствовало — только всего миртовое деревцó.

За Ариадну боролось два божества: Афродита (земная любовь) и Дионис. Осмыслить Диониса.

Кто была мать Ариадны и Федры? («Преступная любовь».) Ариадна и Федра — дочери Миноса. — Что с матерью?

Федра у меня *не* рассуждает, только хочет.

Федра боится *только* быть отвергнутой, отнюдь не: виновной. Исступление гордости, а не (преступление против) совести.

Трезенская земля.

Есть (должны ли быть) у Федры дети?

У Эврипида Федра умирает из-за опозоренности: страха перед Тезеем и пр., т.е. чувств посторонних любви.

Федра умерла потому что Ипполит достоверно ее отверг.

Тезей *любил* Федру.

Ипполит:

Гимны Орфея, бескровная пища. Трезенские поля. Венетские кони.

Точная картина гибели Ипполита:

Вал преследует колесницу и пугает коней. Кони понесли, колесо — о камень, колесница опрокидывается, Ипполит ударяется о скалу и кони влачат его по берегу.

У Эврипида всё выдает кормилица, без воли Федры. — Ложь. — Кормилица только передает.

Эврипид Федру облагородил — и ослабил.

Федра: крайность любовного бесстыдства и бесстрашия. Стыд и страх *только* перед Ипполитом.

У Эврипида явление Артемиды и благой конец. Ипполит не выдает Федры, не оправдывается перед отцом. Федру изобличает Артемида.

По мифу (и мне) всё выдает кормилица.

Смысл. Тезей, бросивший Ариадну, проклят Афродитой и должен, одно за другим, терять всё что любит. Мстя Тезею (NB! те боги не карали, а мстили) Афродита зажигает в сердце его жены Федры страсть к Ипполиту (сыну Амазонки). Встреча Ипполита и Федры (можно в лесу). Письмо Федры под деревцем.

Роль кормилицы? *Не* соблазнительница (NB! чтобы не любить Ипполита нужно быть слепой), она только убеждает Федру *в удаче,* дает ей последнюю уверенность (снимает последние сомнения).

Очень важна роль кормилицы.

Очень важно: союз Ипполита с Артемидой, его отрицание Афродиты. Гнев Афродиты *и* на Ипполита. (Весь он — прямой вызов ей. Ипполит любовью *брезгует.*) (Один бросает свою любовь (и ее любимицу) на острове, другой не чтит самоё Любовь (её). Один предпочитает ей (Афродите) Диониса, другой — Артемиду.) Одна Федра здесь *жертва* (и Тезей и Ипполит получают *по заслугам,* именно: по доблестям (Афродита ненавидит муж-

скую доблесть: всякая доблесть — против нее)), итак: одна Федра здесь жертва (плохо ли тебе служила?), Федра — средство, через Федру Афродита уничтожает и Тезея и Ипполита. Федру она, как Ариадну — любит.

Афродита:

Восточное происхождение культа. Чтят также на острове Крит.

Влажное время года. Богиня влажной весны (дольних мест).

Любовники Афродиты: Адонис на Кипре, Гефест на Лемносе, Арес в Фивах, Анхиз в горах Иды.

Золотая Афродита.

Слова Федры Афродите:
«Знала ли ты, по убитом Адонисе плача...»

Критянки: Пасифая, Ариадна, Федра.

Борьба Артемиды (Ипполит) и Афродиты (Федра).

Яблоко. Мирт. Роза. Голубь. Widder[383] (?) — Дельфин, лебедь.

Дионис:

Бог влажных мест. Дионис воскресает и умирает. Скала на которой он спал с Ариадной — источник нектара. (По мне — он с Ариадной на Наксосе не спал: спал Тезей, а м.б. лучше, чтобы и Тезей не спал? (Поцелуи и разговоры.))
— Плющ, виноград.

(По мне: Дионис — мужское явление Афродиты, ее единственный и истинный брат. Такой же близнец, как Феб — близнец Артемиды. *Пара.* Чувствую это по презрению, к<отор>ое у меня к обоим.)

Минос:

Сын Зевса. Остров Крит. Главный город Кноссы (ос). Общение с Зевсом в пещере. Законы Миноса. (Минос вроде Моисея.) Господство над морем.

Позднейшие источники: злой и грозный царь, царь тьмы. (Единственный просвет (световое пятно выхода!) — сын. Световой выход из пещеры (себя) в сына.) Жена — Пасифая.

Две версии: 1) Минотавр рожден Пасифаей от быка. Принадлежит Зевесу.

2) Минотавра (чудовище) Минос получает со дна морского, от Поссейдона. Пасифая чувствует к нему страсть.

Два Миноса: символ солнца, *свет*лый, и другой: пещерный, Минос тьмы. Законодатель и *охотник.* (Ипполит — в дедушку.)

Пасифая — мать Ариадны и Федры. Найти — смерть Пасифаи.

Миносу покровительствуют Зевес и Поссейдон. Единственная любовь Миноса — убитый сын.

Думаю, правильнее будет дать Миноса царем тьмы, близким другом Минотавра. Минотавр ему нужен и Минотавра он ненавидит (ревность к Пасифае). М.б. Пасифаю — вовсе отбросить?

Минотавр:

Владетель лабиринта. Требует кровавых жертв. Лабиринт — карта звездного неба.

Необходимо понять: кто от кого зависит: Минотавр от Миноса, или Минос от Минотавра. Кто кого держит в страхе? Думаю: Минотавр — ропщущий слуга. Нечто вроде сокаторжника. Минотавр поддерживает в Миносе злое. Ариадна, рукой Тезея, убивает — *зло*, освобождает отца. Ариадна — освободительница.

Из черновой Тезея[384]

Тетрадь начата 1$^{\underline{го}}$ октября 1923 г., в дивный солнечный день в Праге, на горе.

— Дай Бог! —

Тезей: сын царя *Эгея* и дочери трезенского царя Питея *Этры.* Незаконный сын. (Strauchbalg!)[385] Бездетный царь Эгей, страшась пятидесяти сыновей своего брата Палладия, тайком сочетается браком с дочерью своего друга, трезенского царя Питея —

Этрой. Короткий союз. На прощание — просьба Эгея: — «Если у тебя родится сын, выдай его за сына бога Поссейдона и до поры скрывай от него его рождение. Под этой скалой — меч и сандалии. В час, когда он сможет отвалить эту скалу, открой ему ктó он и направь его, обутым в мои сандалии и с моим мечом в руках, ко мне, в Афины». — Всё сбывается. Тезей, вырастя, сваливает скалу, достает меч и сандалии и отправляется к отцу.

Дорожные приключения. Упомянуть ложе Прокруста. (Тезей убивает Прокруста на его же постели.)

Встреча с отцом. Старый Эгей во власти Медеи. Медея, страшась Тезея, ставит перед ним отравленный кубок. Но в эту секунду старый Эгей узнает свой меч — вскрик радости — объятья — кубок опрокинут — каменные плиты пылают — Медея, в ужасе, бежит.

Ариадна

Ариадна: дочь критского царя Миноса и нимфы Пасифаи. Минос: сын Зевса. Двойное покровительство: Зевса и Посейдона. (NB! Посейдон покровительствует и Миносу и его врагу Тезею. Додумать.) Два Миноса: символ солнца (светлый) и другой, пещерный, Минос тьмы. (Темным сделался после гибели сына.) Минос — царь, дающий законы. Уединяется в пещеру, где общается с Зевсом. (NB! Конечно — Моисей!) Минос — мудрый. (Думаю, что двойную сущность Миноса можно объяснить гибелью его любимого и единственного сына Андрогея.)

Пасифая:

Роковая любовь к Минотавру.

Минотавр: чудовище: полу-человек, полу-бык. Две версии: по одной Минотавр сын солнечного быка и Пасифаи, по другой — Минос получает Минотавра из бездны морской, в дар от Посейдона. Так или иначе: страсть Пасифаи к Быку. Ревность Миноса к Минотавру. Минос запирает Минотавра в лабиринт.

Додумать: ктó господин: Минос или Минотавр? Ктó Минотавр: узник или царь лабиринта? *Мне* мнится, что Минос в союзе с Минотавром, Минос в Минотавре нуждается, ибо Минотавр пожирает его данников. Минотавр — олицетворение кровавой мрачности самого Миноса. Убивая Минотавра, Тезей освобождает и самого Миноса.

Если же Минотавр — владелец лабиринта и Минос ему подвластен, то: *Минотавр* требует кровавых жертв.

Лабиринт: звездное небо. (Пусть перекликнется.)

— Дай Бог! —

— Вставай, кто не спал!
(первое слово Тезея)

Записи на полях Тезея:

за чистой далью
Линия полей...

Это был первый акт моего женского послушания. Я *всегда* хотела слушаться, другой только *никогда* не хотел властвовать (мало хотел, слабо хотел), чужая слабость поддавалась моей силе, когда моя сила хотела поддаться — чужой.

...И подаждь нам силу и крепость
К продолженью ученья сего.

...Теперь, захотев быть счастливой, осознав не только свои обязанности, но и *права*, я вижу как я глубокó несчастна.

Возвращение Тезея:

Тезей в вещем сне видит оставленную Ариадну, — ее плач, приближение Диониса, ее диалог с Дионисом. (...Ты берешь меня насильно, с насиль<ственных?> неб<ес?> куда ты меня восхищаешь я буду сиять только для *него*.) Уносящаяся колесница.

И пробуждение: он видит (зритель не видит) как Эгей бросается в море. Или: гонец.

О другом:

От этой болезни: времени — нас лечит только то, что из времени уводит: музыка, работа, любовь. Все остальные занятия — тщетны.

(NB! Любовь есть только *вид* времени, его острая форма. — 1932 г.)

Спрут зимой гложет и сосет свою ногу.
Борей (зимний ветер) из Фракии.

Фиалковые струи Гипокрены.

Кругоземельный Океан.

Одежда Тезея: Шлем. Красный хитон. Сверху плащ.
Лемносский пламень (ныне потухший вулкан).

Вопленницы.

———

О другом:
Колени: колыбель: каюта.

———

Я любовь свою как купол
Опускаю над тобой.

———

В колыбель моих колен

———

Неутомимо и неутолимо — люблю.

———

Аэропланы — как летаргия.

———

ивы...
Дерева — как взрывы.

———

Дерево — как фонтан.

———

О вечная песенка:
Если б встретиться раньше!

———

Дней тихие стада,
Идите тихо.

———

Письма, ношенные на груди —
Нечитаемы

———

(NB! те, сложенные в конверт, те — нечитаны)

———

Сердце ушло — со всеми солдатами!

———

Вулкан, извергающий слёзы и строфы.

———

Маленькая записная черная[386]

Прага
Октябрь-ноябрь 1923 г.

(Карандашом в книжку, очень сокращённо и почти совсем стерто)
Вернувшись лежала как мертвая на полу.

Я перед Вами не виновата (я Вас тогда не знала), я перед любовью виновата, я готова была молиться, у меня была вера отчаяния. Господи, сделай чудо, дай мне поверить в тебя (в любовь). Ибо если Бог — один, любовь — одна, ибо если Бог — есть, любовь — есть. А потом подумала: смерть. Это было огромное облегчение, единственная возможность в этот час. Смерть и мост. В тот час.

Думаю о смерти с усладой, ибо:

У живущ<их?> — жизнью веселой
Далекó не веселая жизнь!

Держите меня крепче, не уступайте, не возвращайте меня — жизни. Столкните лучше в смерть. Дело не в том чтобы писать стихи.

Такое можно рассказывать, когда впереди достаточно времени, чтобы *забыть*, т.е. будущее целой ночи или целой жизни.

(Я же не <пропуск одного слова> преступник?)

Такое можно рассказывать, когда есть уверенность, что другой знает, как ты его любишь.

После Вас — никого: лучше смерть.

Вы единственный кто попросил у меня *всей меня*, кто мне сказал: любовь — есть. Так Бог приходит в жизнь женщин.

Поверьте в меня.

Если бы Вы были со мной, Вы бы увидели, что я изменилась. Моя болезнь — это только Ваше отсутствие в моей живой жизни. Когда Вы уходите — я как призрак.

И все-таки я *не* была легкомысленной.

Я вернулась домой полумертвая. Ни Г., ни Минос, ни Апостол Павел не помогли. Постояв локтями на столе, — потом полежав на полу — не ставя вопросов, не <пропуск одного слова> собственных ответов, зная только одно: умереть! — я наконец прибегла к своему обычному лекарству: природе. Вышла на улицу и сразу — на тепл<ые?> крылья ветра, в поток фонарей... Ноги сами шли, я не ощущала тела. (Р<одзевич>, я поняла: я одержима демонами!) Это было почти небытие, первая секунда души после смерти.

Этот рассказ. Что в нем было такого ужасного? Да то, что я, рассказывая, видела себя воочию, что вороша весь этот *прах*, ощущала его как <пропуск одного слова> — это была очная ставка с собой. И что́ я почувствовала? Отвращение.

Стена между нами росла с каждым моим словом. Ваше любованье *им* было мне н<ожом?> в сердце, Вы становились его союзником, т.е. моим врагом, почти им. Каждая Ваша у<лыбка?> говорила: «Поделом! Умейте отличать ценное от неценного». Это звучало как исповедь текущего часа, точно всё это случилось *вчера*. На меня сегодня вставало и шло всё мое прошлое, мое <пропуск двух-трех слов> прошлое, и оно уводило меня от Вас, вырывало меня у Вас, обращало мою любовь к Вам (святыню!) в эпизод. Вы, выслушав, не могли мне верить, я, рассказав, могла ли себе верить сама?

Это было *отчаяние*.

Вообще, после нашей встречи я перест<ала?> ценить себя. Я завидую каждому встречному, всем *простым*, вижу себя игралищем каких-то слепых сил (демонов), я сама у себя под судом, мой суд строже Вашего, я себя не люблю, не щажу.

Вы — это моя совесть, говорящая мне *прямо*.

Ужасает меня (восхищает) непримиримость Вашей любви.

Ни кольца, ни посвящения, никакой памяти, мне это сегодня даже было больно. Или всё — или ничего. Не всё — так ничего. И это не фраза, это Ваша суть. (— «Видите, я Вам открываю все карты!» — «А у меня совсем нет карт».) В таком отказе — царственность владения: из моего мне же даришь.

Вот за это — и за осенние листья в парке — и за молчание на улице —

Р<одзевич>, я скажу Вам тайну, только не смейтесь (не бойтесь!) — я Elementargeist[387], у меня еще нет души (NB! это после *всего-то!* 1932 г.) душа (по всем сказкам) таким существам дается только через любовь.

Спала сегодня в Вашем халате. Я не надевала его с тех пор, но сегодня мне было так одиноко и отчаянно, что надела его, как частицу Вас.

Конец истории, оказалось, рассказала неверно. Я просто забыла (перепутала). Пришел он ко мне впервые непосредственно от той, оторвавшись от нее, случайно встретив меня в гостях, ушел он от меня — непосредственно к той, оторвавшись от меня, случайно встретив на улице, м.б. пожалев, м.б. просто по-

влечась. Потом — его письмо и исповедь и мое прощение (мой промах!) И после этой трещины (склейки) — рассказ того: «Вы знаете, почему он к Вам вернулся? *Когда* он к Вам пришел после долгого перерыва?» Я (предположительно): — 16$^{\underline{\text{го}}}$. — «Ну, 16$^{\underline{\text{го}}}$ в 4 ч. он свез ее в больницу, а вечером был у Вас. Мотивировка: не могу без женщины». Та умерла одна, томясь по нему, зовя его, завещ<ав?> ему всё, что у нее оставалось: свои чудные черные волосы.

Когда, долго спустя, уже давно расставшись, я однажды спросила его: «Но почему же Вы ни разу, ни разу не пошли?» он ответил: «Раз зашел, она спала, такие худые, худые куриные руки, все жилы наружу, одни кости — я не мог». И вздохнул.

Я о ней за *всю* встречу ничего не слышала, только изредка, когда я смеясь спрашивала: «Чья же я преемница?» он с милейшей из усмешек: «Ах, так одна рвань... У Вас не было предшественниц... Всё, что не Вы — рвань. А?»

Рассталась я с ним не из-за себя, а из-за нее — о, не из страха, что со мной поступят так же — я м.б. этого и заслуживала! — из-за ее одинокого смертного часа, смертного отчаяния, из-за ее косы, которую он схватил, как дикарь — трофей, из-за глаз ее, которых я ему не могла простить.

(Эту косу его друг видел у него на стене, прибитую гвоздиками.

Прав *кто-то из нас,*
Сказавши: любовь — живодерня...[388]

1932 г.)

Я благодарна поэтам:

Le ciel est par-dessus le toit
Si bleu, si calme.
Un arbre par-dessus le toit
Berce sa palme

Ô qu'as-tu fait, toi que voilà,
Pleurant sans cesse, —
Dis, qu'as-tu fait, toi que voilà —
De ta jeunesse?[389]

— Значит, я не одна такая.

...Подумали ли Вы о том что Вы делаете, уча меня великой *земной* любви? Ну, а если научите? Если я, действительно, всё переборю и всё отдам?

Любовь — костер, в который бросают сокровища, так сказал мне первый человек, которого я любила, почти детской любовью, человек высокой жизни, поздний эллин[390].

Сегодня я (13 лет спустя) об нем вспоминаю. Не этому ли учите меня — Вы?

Но откуда Вы это знаете, Вы, не лучшей жизнью меня — живший? И почему у Вас только укоры ко мне, а у меня — одна любовь?

М.б. женщина действительно не вправе <фраза не окончена>

Но у меня и другое было: моя высокая жизнь с друзьями «в просторах души моей»[391].

Теперь, отрешась на секунду, что я женщина: вот Вам обычная жизнь поэта: верх (друзья) и низ (пристрастья), с той разницей, что я в этот низ вносила весь свой верх, отсюда — трагедия (NB! Горгулов[392]. До чего, очевидно, РУССКОЕ — это нерусское слово. 1932 г., при переписке). Если бы я, как Вы, умела только играть (СОВСЕМ не умею!) и не шла бы в эту игру всей собой, я была бы и чище и счастливее. (NB! счастливее — да, чище — нет. 1932 г.) Моя душа мне всегда мешала, есть икона Спас-Недреманное Око, так во́т — недреманное око высшей совести: перед собой.

(NB! Внося верх в низ, душу в любовь, я неизменно возвышала — другого и никогда не снижалась — сама. Ни от одной любви у меня не осталось чувства унижения — своего, только бессовестности — чужой. Мне не стыдно что я тебя такого любила: я тебя не такого любила и пока я тебя любила ты *не* был таким, но тебе должно быть (и есть) стыдно, что ты меня такую не любил — не так любил.)

А еще, Р<одзевич>, неудачные встречи, слабые люди. Я *всегда* хотела *служить*, всегда исступленно мечтала слушаться,ввериться, быть вне своей воли (своеволия) быть младше <фраза не окончена>. Быть в надежных старших руках. *Слабо* держали — оттого уходила.

Как поэту — мне не нужен никто. Как женщине, т.е. существу смутному, мне нужна ясность, — и существу стихийному — мне нужна воля: воля другого к лучшей мне.

Никто не захотел надо мной поработать.

Если Вы будете *долго* любить меня, *сильно* любить меня — Вы м.б. со мной совладаете.

Tout comprendre c'est tout pardonner[393]. — Да, я слишком много в жизни понимала: слишком *всё!* Тот мой «промах» (прощение «измены»). Человек говорит мне то, что мог бы скрыть (его *добрая воля!*) человек из жалости скрывает от меня то, что должен был бы сказать. Человек из жалости клонится к оставленной — мне ли не понять? И разве я в своей жизни, *жалея,* не делала того же и хуже? И, наконец, разве эта фактическая «измена» — не мелочь, и не мелочность будет из-за мелочи человека отталкивать? Не будет ли это перенесением отношения исключительно в лежачую плоскость «близости»?

Гордость? Она у меня не здесь живет.

Но — ты не пошел к женщине в ее смертный час, ты, два года бывший с ней и как умел любивший ее, ничего не увидел кроме «куриной шеи» — этого я не понимаю и потому простить не могу. Я не прощаю тебе предпочтения ей, больной, <пропуск одного слова> здоровой. Меня от тебя тошнит.

И еще: ты скрыл от меня ее существование, заставил меня — почти что грабить мертвую, меня, так страдающую от чужой боли, так содрогающуюся от нее!

Меньше всего меня уязвило то, что он пришел ко мне «п.ч. нельзя же без женщины». Женщин в Москве много, глупое хвастовство мужчины — мужчине, даже школьника — школьнику, «удаль» — за которой ничего кроме стыда и страха. Ко мне он пришел — *под крыло.* Невесело ведь — с черной косой, а? И одиноко — с новой косой? Вот и пришел «погладить меня по головке» (стриженой).

Всё это рассказываю Вам, чтобы Вы видели, что я и в низинах не теряю человеческого образа, и на самом дне колодца — остаюсь собой. Мой верх при мне.

Во мне двойная разверстость (беззащитность) поэта и женщины, за каждое чужое веселье я плачу стократ.

Отсюда — спасение в тетрадь, в дружбу, в одиночество, в природу, в зеленый куст сирени Румянцевского Музея — если помните. Чистоту я находила только в одиночестве. Это был<и?> две перемежающи<еся?> жизни, одна — смутная и трудная, другая — отрешенная и вдохновенная. Весь мой прошлый год прошел та́к. Встретившись с Вами я встретилась с никогда не быв-

шим в моей жизни: любовью — силой, а не любовью — немощью.

Ваше дело — довершить, или, устрашившись — бросить. Но и тогда скажу, что это в моей жизни *было*, что чудо — есть, и этих моих нескольких дней с Вами, давших мне всю любовь, у меня никто и ничто не отнимет.

М.

— «Это Вам удастся мимоходом». Нет, ничто мне не удастся мимоходом: ни Вы — мне, ни я — Вам. Ибо у меня тоже своя миссия в Вашей <пропуск одного слова> о которой — в свой час.

А сегодня у меня целый вечер — мой, и завтра — несколько вечерних часов. Как жаль. Земные часы дня, так же как часы души должны нести <пропуск одного слова> не только нежность — но надежность.

Буду думать о Вас.

И — спасибо за всё.

А у меня есть для Вас один подарок — только это не подарок, погодите возмущаться, это часть меня.

(— Чтó? — 1932 г.)

(Циническая мысль: если бы собрать все эти «части меня», составилось бы: либо целое — чудовище, либо ничего бы не составилось, ни одна часть бы не совпала.

Итак: не «часть меня», а вся я — в немыслимо-малой частице: кольцá, письмá.)

Ноябрь 1923 г.

Любовь и бром
Работают.

Бьются дроби времени:
Четверти, половины.

Сердце выметено: метлою
Улица в шесть утра.

Ничего не осталось — чисто

NB! Мусорщики.

Страшные сны: (переезд в пустой дом) 1) приезд в веселый дом 2) Пустая дача.

Язва совести и рана страсти.

(Живу через Смиховский холм[394], ту — гору — из Поэм Горы и Конца, у Кати и Юлии Рейтлингер. С Р<одзевичем> — рассталась. Ка́к — Поэма Конца. 1932 г.)

Любовь и бром
Работают врозь.

Бром клонит в сон,
Любовь клонит в смерть.

Вернувшись лежала как мертвая на полу с чувством[395]

NB! 10го ноября 1923 г. Меня радуют только сон, тепло, еда (*снов* боюсь), души уже нет, есть безвоздушность, задыхание, секундами еще что-то острое: *живая* боль. Я потонула в мертвой воде.

Пугает меня сердце (о́рган), живущее свою жизнь и *всё* подсказывающее.

И убийственно страшит одиночество, вот полчаса остаться одной. Чувствую вес каждой минуты. Мыслей почти что нет, есть *одно* что-то, нескончаемое. И — огромная апатия, *страшно* пойти в лавку за спичками, <фраза не окончена>

Отвращение к стихам и книгам, *не верю* <подчеркнуто трижды>.

Цепляние за мелочи, желание услышать свой голос, говорить что-то. Цепляние *всем* существом за *ничто*. Зоркое внимание к окружающему.

Тщетно жду Вашего экспресса. Нам необходимо повидаться, и возможно скорей. Если Вы оскорблены тем, что я во вторник вместо свидания с Вами пошла слушать Сл<онима> об Анне Ахматовой[396] — Вы ничего не поняли: я просто не хотела представать Вам истерзанной и полубезумной, как было в те дни, и послушать как любила и страдала (NB! зачем: — *и?*) другая женщина, хоть на миг растворить свою боль в чужой!

Теперь слушайте. Разговор, о котором я Вас прошу м.б. последний (зависит от Вас). Если последний — о последнем прошу. Могла бы Вам всё написать, но хочу увидеть Ваше лицо и услышать Ваш голос.

Сегодня ночью я видела страшные сны. Я приезжаю на Вашу станцию, иду по той тропинке, долго-долго, сворачиваю в деревню, нахожу дом, но это не дом, а какое-то увеселительное заведение с садом. Вхожу. Издалека вижу Вас, окруженного целой толпой веселых людей, у Вас в руке или цветы или бокал — что-то вопиюще-радостное, и я хочу к Вам и никак не могу прорваться, люди не дают, Вы не хотите — смех, хоровое пение, кто-то подбадривает: «Это всегда так», я тянусь, не дотягиваюсь и просыпаюсь в холодном поту.

Во имя этого страшного сна и *всего* страшного сна моей теперешней жизни — не томите меня, мальчик — помните, я Вам говорила, что Вы меня никогда не обижали, и Вы еще в последний раз говорили: «я от Вас никогда не уйду» — не-обидьте *еще раз*, не уходите не простившись, в Вашем молчании я чую ненависть, не ненавидьте меня.

Р<одзевич>, всё зависит от Вас. Я Вас спрошу одну вещь, Вы на нее ответите. Мне необходимо Вам *всё* сказать и мне необходимо, чтобы Вы меня выслушали.

Назначьте мне день встречи, *любой* день и *любой* час, но сделайте это та́к, чтобы я экспресс получила накануне, чтобы не размину<ться?>. Я сейчас мертвая, в Ваших руках всё, но я ни на чем не буду настаивать, Вы меня знаете.

И, если это в последний раз, мне необходимо Вам сказать несколько слов НАВЕК, как перед смертью.

М.

Ничего низкого и недостойного Вы обо мне не должны думать. Я перед Вами совершенно чиста.

Не томите! Пишите сразу. До Вашего письма не живу.

Только что стук: почтальон. Обмираю. Два письма Юлии[397].

В длинную улыбку лепится
Рот — при всей своей бескровности
Улыбающийся лепету
Чьих-то будущих любовников
    (NB! детей, маленьких мальчиков — 1932)

Сердце горит говорить с тобою

Тайное свиданье

Ноябрь, конец ноября:

Мысли: Право на жизнь — право тела. Если мы, после смерти любимых, опять хотим жить, то не потому что душа забыла, а п.ч. тело вспомнило (жизнь, себя). Начинаешь есть, потом смеяться, потом нравиться (действенное). Душа не при чем, тело ее просто усыпляет, оглушает. — Перекрикивает. — И оно, по-своему, право. Только не говорите о *нашем* праве на жизнь.

Мой горячо-родной

О Ненависть, молю, пребудь на страже,
Среди камней и рубенсовских тел.
Пошли и мне неслыханную тяжесть —
Чтоб я второй земли не захотел![398]

— Спасибо за чудесное утро: весь груз <пропуск одного слова> вся радость встала. Я не только не забы<ла?> Вас, сегодня трижды видела Вас во сне: один раз хуже другого.

Первый сон: кладбищенская стена и высокая девушка, которая Вас ищет. Гулкий голос, выкрикивающий в пространство какие-то слова и сроки. Церковные своды отдают, чувство, что голос до Вас дойдет (Вас нету).

Второй сон: у нас встреча, поздняя. Я должна быть, но что-то мне не дает. И Ваш рассказ, спустя: «Я думал, что это Вы, издалека принял за Вас: та же *кажущаяся* простота, а когда разглядел (узнал) — было уже поздно».

Третий сон: Вы при мне (незримый)

(Оборвано)

Перст — в рану Фомы[399]
(У Фомы — своя́ рана)

Перст в рану — Фомы

Прошла по душам как по странам

Федра (о красоте и о страсти): — Разве страсть красит? Бесстрастье красит! (Всё время — обратное.) Да, но у меня взамен красоты есть страсть (вот э́то: припасть).

Вспоминает Ариадну, *мало* любившую. Да разве, со мной *быв*, можно от меня уйти?! Спроси Тезея

Диалог Диониса и Тезея. *Понять* Диониса: хочет ли он — просто Ариадну или ее бессмертия? Кто великодушней: Тезей или бог? Диалог над спящей, сомнения Тезея: а м.б. земля — сто́ит неба? — Да, особенно, когда эти щеки станут землей! Я не могу сделаться человеком, стань ты́ — богом. (Я не могу стать меньше, стань ты — больше!)

Елена.
— Что тебе подарить?
— Зеркало у меня есть.
(Старый Тезей и малолетняя Елена.)

Елена *выдумывает* зеркало.

Письмо из другой тетради, очевидно раньшее по времени:

Начинаю письмо со скромного требования: Р<одзевич>, мне нужно — чудо. Я сейчас совершенно разбита и Вам предстоят чудовищные трудности. — Не боюсь! — Нет, бойтесь.

Мы люди чужих пород. Я, понимая Вас до глубины — не принимаю, Вы, принимая меня до глубины — не понимаете. Вы верите мне в кредит.

Вы застали меня в час огромной душевной разбитости. — Бывает! — И человек, если не сделает для меня чуда, ничего не сделает. А чудо вот в чем: мне нужен дом, дом для каждой моей тоски, для кажд<?> <пропуск одного-двух слов> для голоса каждой фабричной трубы во мне, мне нужна бесконечная бережность и, одновременно, сознание силы другого, дающее нам покой.

Р<одзевич>, будя во мне мою женскую сущность, знаете — что́ Вы будите: мою тоску, мою слабость, мое метание, мою безудержность, всю стихию и весь хаос. Вы вместо цельного сильного единого существа получаете в руки концы без начал и начала без концов, <фраза не окончена>

Дитя родное, приди Вы ко мне в другой час (?) Вы бы застали меня другой, но сейчас я после огромного поражения, не смейтесь, дело не в Икс и не Игреке, дело во мне.

И вот — оцените положение! — *я у Вас* прошу *уверенности*, я, не уверенная ни в чем, кроме себя (я так и не открыла того «внешнего мира», который, по словам С.М.В. сейчас открывает Аля — «и вдруг с удивлением замечает, что что-то еще есть кроме того, внутри») — у Вас, не уверенного вообще ни в чем.

Вы не в тот час пришли ко мне, мне сейчас всё — слишком больно, живая рана. Болевая восприимчивость (способность страдать) у меня вообще чудовищная, сейчас я растравлена, лишней боли я сейчас <фраза не окончена>

Знаете, в химии (кажется, единственное, что я вынесла, но — твердо вынесла!) — насыщенный раствор. Так во́т, насыщенный раствор горечи.

Слушайте внимательно: будь я сейчас собой, т.е. Ахиллесом, я бы с радостью вошла в этот новый бой, сейчас я — живое мясо, места живого нет! Всякое невнимание, всякое невникание — тень небрежности, — небережности, — всё что в естественное время души для меня <пропуск одного-двух слов> сейчас для меня немыслимо. Я *пере*страдала и больше не могу.

Еще не поздно, дружочек родной, остановиться. Ну, встретились, ну, подошли близко — беды нет — бывает! — не дайте мне ввыкнуться и не ввыкайтесь сами. — Переболит. — Я в таком состоянии как сейчас — слишком трудная радость, больше тягость чем радость, мне нужен врач души, а не — друг. (Тирэ, очевидно, от переборотого желания написать: враг — как оно и есть, ибо нет бо́льшего врага, больше: мучителя — изверга! — чем нас любящий (добивающийся). Пометка 1933 г., впрочем знала уж и тогда. Всегда.)

Ну, подумайте себя в такой роли: утешителя, утишителя, убаюкивателя.

О, я не преувеличиваю, я *очень* точна, не улыбайтесь <пропуск одного слова> слова! справимся! — больше всего я Вам верю, когда я с Вами ближе всего, рука в руку, а этих средств убеждения у нас, у Вас не будет — ввиду всей жизни!

Из той же тетради, неоконченное:

Милый друг, сейчас идут самые ужасные дни моей жизни, и Вам нужно переродиться, чтобы меня внутренно не утерять. Я разорвана пополам. Меня нет. Есть трещина, только ее и слышу. Моя вина (<пропуск одного слова> совести во мне!) началась с секунды его боли, пока он не знал — я *НЕ* была виновата. (Право на свою душу и ее отдельную жизнь.)

Все эти дни я неустанно боролась в себе за Вас, я Вас у совести — отстояла, дальнейшее — дело Вашей силы. Это моя единственная надежда. *Вся* моя надежда на Вас, я сейчас выбыла из строя, во мне живого места нет, только боль. Та́к не живут, я и не живу.

(Опять черная клеенчатая записная)[400]

— Прага Окт<ябрь>-ноябрь 1923 г.

Принимаю в поле слуха

———

Мелочь дождя.

———

Сказочник! Не в меру развил
Жизни среднюю главу.
Краем уха, краем глаза,
Други, жизнь свою живу.

Некой собственною тенью
Проплываю, не пыля.
Замыкают поле зренья
Шляпы низкие края.

———

...Говорят, что за полями —
Синева иных полей...

———

Расстаются тени — с вещами.

———

Были и не застали. Зайдем в $7\frac{1}{2}$ ч. Свидание с Кубкой[401] (поэтом) налажено.

(Записка Ходасевичу, тогда приехавшему с Горьким в Прагу и с которым из-за «большевизма» (Горького) никто из русских не общался.)

———

Из Крылова:

Нам страшно вместе быть с тобой,
Итак, скажу тебе не для досады:
Твоих мы песен слушать рады —
Да только ты от нас — подальше пой!

———

(Басни Крылова, «Змея»)

(М.б. разгадка к загадочным исчезновениям из моей жизни всех — было приблизившихся.

Пом<етка> 1933 г. — Это я еще когда-то называла «лизанием (с меня) сливок».)

———

МАРШРУТЫ:

В Русский Дом[402]

Мимо памятника Карлова на́местья (башни) перехожу и (лицом к ней) налево до Вацлавского на́местья (перехожу) и улица напротив, первый дом налево, вторая дверь.

В Ресторан «Москва»

По Ечной до первой площади, Hôtel Graf, пер<вая> следующая улица — Сокольска, вправо по Сокольской на левой стороне ресторан «Мо́сква» — в *2* ч. <подчеркнуто дважды>.

Перейти площадь, первая ул<ица> направо Сокольская.

L. Preller — Griechische Mythologie, Band II[403].

(Конец черной записной)

ИЗ ЧЕРНОЙ ЧЕРНОВОЙ (II В ЧЕХИИ)[404]
— Продолжение —

16го Октября 1923 г.

...Как из недержащих
Ладоней — душу вызволить?
(к Б.П.)

...Между Сивиллою и Сиреною...

— «Осмелься!» льстят, «на рельсы!» — льстят...

А где это царство Где-то
И встретят ли там свои —
Об этом знают поэты —
Цыгане — и соловьи.

ИЗ ЧЕРНОВОЙ ТЕЗЕЯ[405]:

На полях карандашом:

Это был первый акт моего женского послушанья. Я *всегда* старалась слушаться, другой только *никогда* не хотел властво-

вать (мало хотел, слабо хотел) — чужая слабость поддавалась моей силе, когда моя сила хотела поддаться — чужой.

———

И подаждь нам силу и крепость
К продолженью ученья сего.

———

...Примите жену распутную!
Я думаю смерть — уютная.

———

Опять черная черновая[406]:

Совесть: око недрема́нное.

———

И душу дробя
Вздох тихой страды:
Два дня без тебя:
Два дня без воды!

———

24го Окт<ября> 1923 г.

———

Отрывки:

Улицы — не виноваты в ужасах
Нашей души.

———

Наборщики слепнут
Над нашими жалобами.

———

Наблюдения:

Дерева как взрывы

———

Дерево как фонтан
(Ива)

———

...Ты меня любивший дольше
Времени —
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах[407]

(Каж<ется> 12го декабря)

———

Гора моей грусти

Гром проливающихся ставень —
Какой ужасный звук!

Вспомни, вспомни мои глаза
С остановившимися слезами!

Нужно: *поэму лестниц*.
(Улицы — лестницами. Отлогими.)

Без будущего

О перстне Соломона.
Об Иове.
Проводы: всю дорогу.
Кафэ: набережная: мост: предместье: лестница: гора: пустырь. (Подъем.)

Непременно нужно: Поэму расставанья.

Разлука висела в воздухе —
Синей/Верней чем Дамоклов меч.

Никелевых ложечек
Легкий звон.

— Вы меня не любите...
— Лучше — та́к.

... Уйдемте
Плакать начну.

Не попадаем в шаг. — Как завтра встану? — Ты просишь дома, а я могу тебе дать *только* душу.

Черновая Тезея[408]

Запись
(5-го Декабря 1923 г., Прага)

Личная жизнь, т.е. жизнь моя в жизни (т.е. в днях и местах) не удалась. Это надо понять и принять. Думаю — 30летний

опыт (ибо не удалась *сразу*) достаточен. Причин несколько. Главная в том, что я — я. Вторая: ранняя встреча с человеком из прекрасных — прекраснейшим, долженствовавшая быть дружбой, а осуществившаяся в браке. (Попросту: слишком ранний брак с слишком молодым. 1933 г.)

Психее (в жизни дней) остается одно: хождение по душам (по мукам). Я ничего не искала в жизни (вне-жизни мне всё было дано) кроме Эроса, не человека а бога, и именно бога земной любви. Искала его через души.

Сейчас, после катастрофы нынешней осени, вся моя личная жизнь (на земле) отпадает. Ходить по душам и творить судьбы можно только втайне. Там, где это непосредственно переводится на «измену» (а в жизни дней оно — так) — и получается «измена». Жить «изменами» я не могу, явью — не могу, гласностью — не могу. Моя тайна с любовью — нарушена. Того бога не найду.

«Тайная жизнь» — что́ может быть слаще? (мо*ее!*) Как во сне.

Неназванное — не существует в мире сем. Ошибка С. в том, что он захотел достоверности и, захотев, обратил мою жизнь под веками — в таковую (безобразную явь, очередное семейное безобразие). Я, никогда не изменявшая себе, стала изменницей по отношению к нему.

Право на тайну. Это нужно чтить. Особенно когда знаешь, что тайна — рожденная, с другим рожденная, необходимость и дыхание его. Имена здесь не при чем. Будь мудр, не называй (не спрашивай).

Итак — Schwamm drüber[409]. Под надзором не могу любить. Единственная свобода которую ты бы мне мог дать, это — не знать. Она у меня отнята.

О, вопрос здесь не в «удобствах». «Муж» и «любовник» — вздор. Тайная жизнь — и явная. Я — на воле. Сна. Тайная я, которую никто не знает. *Моя* жизнь — и с тобой. Зная меня ты знал, что я не могу *без меня* (в другом). Зачем же ты сказал об этом — и назвал?

Schwamm drüber. —

Итак, другая жизнь: в творчестве. Холодная, бесплодная, безличная, отрешенная, — жизнь 80летнего Гёте.

Это: будучи ласковой, нежной, веселой, — живой из живых! — отзываясь на всё, разгорающейся от всего.

Рука — и тетрадь. И так — до смерти. (Когда?!) Книга за книгой. (Доколе?) Еще: менять города, дома, комнаты, уклады-

ваться, устраиваться, кипятить чай на спиртовке, разливать этот чай гостям. Да, гостям, ибо на другое я не вправе.

Никого не любить! Никому не писать стихов! И не по запрету, дарёная свобода — не свобода, моих прав мне никто не подарит.

Друзья? Мало, вяло, не по мне, не для меня. Я «подруга», а не друг. Die Freundin, а не die Frau[410]. Замысел моей жизни был: быть любимой семнадцати лет Казановой (Чужим!) — брошенной — и растить от него прекрасного сына. И — любить всех.

М.б. в следующей жизни я до этого дорвусь — где-нибудь в Германии. Но куда мне загнать остаток (боюсь, половину) *этой* жизни — не знаю. С меня — хватит.

Тезей у Миноса.

(Начато 5<u>го</u> Декабря 1923 г.)

Не отстану и не остыну.

Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах[411].

Зной озноба.

Оставленного зала тронного
Столбы (оставленного в срок!).
Косые улицы наклонные,
Стремительные как поток.

Чувств обезумевшая жимолость,
Уст обезпамятевший зов...
Так я с груди твоей низринулась
В бушующее море строф[412].

(Смесь Тезея и собственной беды.)

12<u>го</u> декабря 1923 г. (среда) — конец моей жизни.
Хочу умереть в Праге, чтобы меня сожгли.

(На этой записи обрывается Тезей.)

Опять черная черновая[413]

1924 г.

Schon in meinem achtundzwanzigsten Jahre gezwungen Philosoph zu werden; es ist nicht leicht, für den Künstler schwerer als für irgend jemand.

Beethoven (Testament)[414]

Моравская Тшебова[415]

Снилось (приблизительно, во сне снилось — формулой): любовь надежнее всего весною, когда она совсем бессмысленна, вся — из двух распахнутых рук. Снилось еще налаживанье, с помощью какой-то не то прислуги, не то приспешницы, спрашивающей: — «Как лучше? Скрыть всю карету или только содержимое?» И я: — «Как же Вы скроете целую карету с лошадьми? Лучше стерегите, предупреждайте».

Снилось еще два храма, кажется Храм Спасителя и другой, в 10 раз выше — Успенский собор. Всё это на расстоянии гладкой укатанной дороги, ведшей прямо к ним. Храм Спасителя умещался в том ровно 10 раз. (Глазомер.)

Душа во сне не отчаивается и продолжает свое. Смысла, вернее применения первого сна во внешней жизни — не вижу. Второй — хотя и с грустью — дай Бог!

— Господи, дай мне на этот Новый Год — написать большую и прекрасную вещь. Больше не знаю о чем (для себя) просить: всё остальное — неосуществимо.

Нет, Господи, еще: дай мне много, много денег, чтобы я, лишенная возможности главного и единственного дара, могла хоть чем-нибудь издали скрасить ему жизнь.

Непременно, непременно, непременно нужно: Поэму Расставания, потом — м.б. бросив Тезея — *Ахилла* (поэму!). Поэма Дружбы и Любви. — Разделить на главы: Ахилл в шатре, Ахилл и Пенфезилея, Ахилл и Патрокл, Ахилл у Приама, Ахилл и Поликсена

Или просто: Ахилл (жизнеописание).

Для Поэмы Расставания:

Горе началось с горы.
Та гора была над городом.

(Выписываю только строки, не вошедшие в Поэму Горы:)

А овраги той горы

Та гора была — как пещь
Огненная (те же отроки!)

Может в час стать
Каждая гора — Голгофою

Та гора была как гроб
могила братская

Та гора хотела пить

Лучше не было той горы!
Уводили ее дороги
За

Чаровали ее овраги

... — *в рай*
Низвергали ее овраги!

Та гора *хотела!* Песнь
Брачная — из ямы Лазаревой!
Та гора вопила: — Есмь!
Та гора любить приказывала

Та гора была как горн

Та гора была — подъем
В ад — и в небо спуск. —

NB! Дать видение города у ног:
Картою созвездий — прах[416]

Когда Гамлетово быть или не быть произносят в насмешку, я чувствую *задохновение презрения.*

Ахматовский хомут (любовь)

Ты, чье сердце с корнем выдернула

Холм рябиновый и вересковый

—

NB! Примету дома: с крышей черепичатой

—

Будет весна (я в нее не верю)

—

Между забыться и забыть.

—

Я в жизни даю себя связывать по рукам и по ногам.

—

Рай без единой яблони

—

Гора неслась лавиною
И лавою ползла

—

(Сухим потоком глиняным — 1ая строка)

—

Нелюдима гора, гола
. . . .
Красной глины гора, гола

—

Красной глины гора, гола
хвоя
Нелюбимой гора была,
А теперь ее любят двое

—

Страсти заповедь нагорная

—

проповедь |
Это заповедь | нам нагорную
Истолковывала гора

—

Верность — приверженность.

—

Люди счастье ведут от *не: не* холодно, *не* скучно, *не* больно.

Снова Прага

(вернулась 9го нов<ого> января 1924 г.)

Та гора —
Ныне —
На мне.

—

Если б только не холод крайний
Замыкающий | мне уста
Затворяющий |
Я бы людям сказала тайну:
Середина любви — пуста.

Мне, чтобы жить, нельзя приходить в себя.

1924 г. (СТАРЫЙ)

Сны: Аля на мостках, зеленая вода.

Р<одзевич>. Много людей. Здоровается, еле подавая руку, с подчеркнутой (противоестественной) небрежностью. Я, *весело:* — Р<одзевич>! Разве так здороваются? — Потом блуждание с ним по какому-то чужому городу (пригороду) — замшённые каменные плиты, улица (кажется — в Италии) уводит в даль. Время ограничено. Слов не помню. Никак не можем расстаться.

Сегодня узна́ю, что ждал меня тогда, у С.И.[417], в воскресенье. Просил у А<лександры> З<ахаровны> негатив для переснимка[418].

Вести о нем: 1) эта, 2) заезд за «провинциалочкой», 3) вальс в корридоре 4) Привет мне и поздравление с Н<овым> Годом в ответ на книгу (В<олю> России)[419]. — Вчера. —

Гора горевала о том, что — минул
Час из шестидесяти минут

Наполеон, на Елену сослан,
Жизнь свою — отроку диктовал.

Страна Увы

— С этого места не сдвинусь!
(Место — Любовь.)

Еще говорила (а кровь как демон
Билась и злилась в простенках тел)
Гора говорила. Мы были немы.
Где ж, чтобы раненый на́ смерть — пел?
(NB! А все поэты?! 1933 г.)

Еще говорила, что это — демон
Шутит, что радости нет в добре...

Легче нести небо на плечах (Атлант) чем в груди (любящий).

—

Как горевала! Ведь каждый кустик
длил

—

Мысль: Бетховен был одержим демоном, Гёте демонов удерживал. Отсюда страх Гёте перед Бетховеном, а м.б. тайное сознание, что *быть* одержимым — больше.

—

Как, ни одной из бессчетных весен —
Нам?!

—

Луна — как перстень Соломонов

—

Гора горевала о дикой грусти
Пса, перепутавшего следы

—

— Чтоб ни поэм, ни времен, ни весен,
Друг! на погост вези!
Гора горевала о том, что врозь нам —
Вниз, по такой грязи...

—

Мысли:
Мне не хорошо ни с девушками, ни с женщинами: девушки для меня слишком глупы́, женщины — слишком хитры (скрытны́).

—

«Никого не встретил за жизнь». Ложь. Встречаешь, когда хочешь. Короче: «никого не встретил за жизнь» — значит тебя самого не было.

Здесь жажда вызывает воду. (Мираж — во всей его прекрасности и действенности.)

—

Не вера вызывает воду, а — жажда. И верней чем собственная (которую можно перебороть) — жажда других (Моисей).

—

Моисей и Александр — вызывающий и выливающий.
Мне Александр — дороже.

—

За эгоизм — при непременной наличности эго. То же что принято называть эгоизмом — просто анимализм и даже вита-

лизм и даже паразитизм, — вещь вредная и неинтересная. Selbst essen macht fett. An einem anderen sich nicht nur satt, sondern fett — essen[420]

Отдельные записи:

Вопрос Тезея — Дионису: —

— Но зачем же не раньше? Зачем дав мне эту ночь? Ведь только после ночи с любимой мы знаем как ее любим.

Ведь ты пришел воссоединить небо и землю, в ней они воссоединены, зачем разрывать?

— Я не разрываю — я освобождаю. Я дал деве — землю с тобой, я хочу дать ей — небо со мной (ночь с тобой — и бессмертный день со мной).

— Лучше убей меня!

— Тогда она тебя не забудет. Но ты боишься страдания: разлуки — вот тебе сонное зелье, мое заговорное вино, уничтожающее всякую память.

— Я не хочу ее забыть.

Встреча богов и смертных для того, чтобы боги забыли о своем бессмертии, смертные — о своей смертности.

Вакх: — То, что я требую от тебя — божественно.

— То, что ты требуешь от меня — чудовищно.

— Оно и есть: божественно. Остальное — человеческое.

— Дай мне хоть в последний раз поглядеть на нее, разбудить ее, сказать ей...

— Тогда она никогда тебя не забудет.

— Ты хочешь, чтобы я ее бросил как вор?

— Да, ибо великодушная душа о ворах и трусах не горюет. Иначе она и со мной не забудет тебя.

— Но поверит ли она, что я бросил ее как вор??

...Уйти от нее как вор, как трус, как раб — воспользовавшийся. Мне — которому она всё дала?

— Иначе она никогда не станет совершенной богиней.

— Но если она и с тобой не забудет меня?

— Тогда земная любовь совершеннее небесной, тогда *ты* — бог, а *я* — смертный.

— Какое мне дело до богов и до смертных? Я хочу — ее!

— Та́к — ты ее потеряешь.

(Карандашом, очень сокращенно)

Пастернак, полгода прошло, — нет, уже 8 месяцев! — я не сдвинулась с места, так пройдут и еще полгода, и еще год — если еще помните![421] Срывалась и отрывалась только для того, очевидно, чтобы больнее и явнее знать, что вне Вас мне ничего не найти и ничего не потерять. Вы, моя безнадежность, являетесь одновременно и всем моим будущим, т.е. надеждой. Наша встреча, как гора, сползает в море, я сначала приняла ее (в себе) за лавину. Нет, это надолго, на годы, увижусь или не увижусь. Во мне глубокий покой. В этой встрече весь смысл моей жизни, думаю иногда — и Вашей. Просто: читаю Ваши книги и содрогаюсь от соответствия. Поэтому — ни одна строка, написанная с тех пор, Вас не миновала, я пишу и дышу — в Вас (место — *куда* дышишь. *In* Sie[422].). Кáк это будет в *этой* жизни — не знаю — как-нибудь — это случится той силой горы.

Если сон снится всю жизнь — какое нам дело (да и как узнать?) что это — сон? ведь примета сна — преходящесть.

Восемь месяцев, подумайте, день за днем! Всякая лихорадка отпустит. Когда мне плохо, я думаю: Б.П., когда мне хорошо, я думаю: Б.П. (Б.П., мне не бывает «хорошо», — либо плохо, либо — блаженно!) когда музыка: — Б.П., когда лист слетает на дорогу — *это просто Вы*, Вы мой спутник, моя цель и мой оплот, мой оборот нá. Я не выхожу из Вас, хотя и оборачиваюсь. Всё, и болевое, и блаженное с удесятеренной силой отшвыривает меня к Вам на грудь, в грудь, я не могу выйти из Вас даже когда <фраза не окончена>

О внешней жизни. Я так пыталась любить другого, всей волей люби<ть?> но тщетно, из рук другого я рвалась, оглядывалась на Вас, заглядывалась на Вас — как на поезд заглядываешься долженствующий появиться из тумана и который — хочешь-не хочешь — увезет. Я не виновата в том, что <фраза не окончена>. Я всё делала чтобы не <фраза не окончена>

Так было, так есть, так будет.

———

Я не жду Ваших писем, отпуская Вас тогда я отпускала Вас на два года, на все дни, на каждый день этих двух годов, на каждый час. Мне эти годы, часы, дни просто нужно проспать. Сон — работа, сон — природа, сон — любовь к другому. Тревожиться и ждать Вас я начну — хотела сказать 31го апреля, нет, честно: 30го марта 1925 г.

Смешно мне, не отвечающей за час, загадывать на годы, но вот — полугодие уже есть. Так пройдут и остальные три.

———

Сорок веков и остаток весен
— Друг! — за часок вблизи!

Записка[423]:
В лесу, вблизи, скоро придем.
М.Ц. и Аля
(Алиной рукой: Помни долг!)

Та гора была — миры!
— Господи! Ответа требую! —
Горе началось с горы.
И гора и горе — пребыли.

...Чтите мой угрюмый холм
тише тихого
...
Глиняный, в туманах Смихова.

Мысли:
О том, что я человек должна помнить я и не помнить другие.
О том, что я поэт должны помнить другие и не помнить я.
(О подсудности человека в поэте и неподсудности поэта в человеке.)

Верность: приверженность: влюбленность в одного до полной потери зрения и слуха. Для Бога не ценна, ибо из седьмой заповеди не исходит. И никакой заслуги нет.

либо

Верность: обреченность («но я другому отдана»)[424] насильственное ослепление и оглушение. Постоянство насилия над собой. Для любимого (можно ли без кавычек?) не ценна, ибо — из седьмой заповеди исходит.

Словом: либо Бог недоволен, либо — тот.

Будет весна. Я в нее не верю.
Разве уснешь:
Вёсны основаны на доверьи:
Взвесишь — и нет весны!

Будет весна. Я в нее не вни́ду
Так же как *нищий* — в рай

Не оттого что весны не нужно
Мне: *я* — не нужна!

Вёсны: ведь это же с каждой почкой:
Зной! Лето краснó!
Вёсны — ведь это же с каждой почтой:
Сплош—ное письмо!

Мысли: Каждое поступить есть преступить: чей-то закон: человеческий, божеский или собственный.

Я не удаляюсь в природу, я ударяюсь в нее — всем отпрядыванием от человека и потому, м.б., так *ненадёжно.*

(25го января 1924 г.)

Послесловие вышло длинное
Но и память во мне — долга.

...Как люблю я тебя, Любовник!
О, хотя бы за слова звук!

зное
Точно
Л язычное, б губное
Разделив соловьиным ю

(NB! н — нёбо — небо)
... на грани зубов и губ

Милый аист, носи, не спрашивай —
Все желанны! законны — все!

Милый аист, носи, не спрашивай —
Не печась о своей красе
Надо женщиной быть: вынашивать!
Все желанны! законны — все!

Лежу в поле. Еле вожу карандашом. Закрою глаза — и с тобою.

Поэма Горы кончена 27го января 1924 г.
Прага — Гора — (Смиховский холм)

Теперь Поэму Расставания (другую). Весь крестный путь, этапами 1) Встреча у фонаря 2) Кафэ, окно в пустоту 3) Путь набережной. Я: — «Возьмите мою руку, что же толкаться» 3) <так!> Мост (и бесконечность) 4) Последние улицы (улицы не виноваты в ужасах) 5) Другой фонарь 6) Гора (изгородь) 7) Последний жест.

Назвать: Поэма последнего раза.

Послесловие к Горе (Есть пробелы в памяти — бельма) написано 1го февраля 1924 г.

Ровно год спустя — м.б. час в час — рождение Мура. (Пометка 1933 г.)

Чем видеть тебя наяву с другою — предпочитаю видеть тебя во сне — со мною.

Себя стравить — кому?

...Как любовники помпеянские

Но зато — в мне неизвестной
Жизни: «жизнь как она есть»...

Мой родной,

Слышала от Булгаковой[425], что Вы больны. Если будете лежать — позовите меня непременно. Решение не вид<е?>ться не распространя<лось?> ни на Вашу болезнь, ни на мою. Вы — *больной*, и под запретом для меня — это больше чем я могу вынести. Не бойтесь моей безмерности, буду с Вами, какой Вы захотите.

Живу снами о Вас и стихами к Вам, другой жизни нет. Снитесь мне каждую ночь. Сон под Новый (24 г.) записан. Снился он мне, очевидно, в тот час, когда Вы с кем-то чем-то развлекались на острове (потом это зачеркнуто и взамен:) еще не уходили с острова.

Но не хочу (не до́лжно!) о себе, хочу о Вас и о Вашем здоровье. На днях пришлю Вам немного денег, Вы мне родной, эти деньги — мои, о них никто не знает, мысль о том, что я хоть чем-нибудь могу скрасить Вашу внешнюю жизнь — моя единственная радость, Вы у меня ее не отнимайте, за нее Вам Бог — всё простит.

Благодарна Вам каждый миг моей жизни. Вся любовь, вся душа, все мысли — с Вами. Когда кто-нибудь передает от Вас

привет закусываю себе губы в кровь. Не переставайте передавать приветов, это <фраза не окончена>

P.S. Нашелся Чабров! Завтра же пишу ему чтобы разложил карты: на Вас и на меня (отдельно, не предупреждая). Гадание пришлю.

Друг, простите эту слабость, слишком больно.

Ночью внезапно просыпаюсь: луна во всю комнату, в ушах слова: — «Еще третьего дня он говорил мне, что я ему ближе отца и матери, ближе всех». И первое: — «Ложь! Неправда! Милее, дороже, желаннее — пусть! Но ближе — нет!» (Это Б<улгако>ва говори<ла?> в моем сне.)

Кстати, отсутствие великодушия или чутья? Вчера я, не удержавшись, и очень сдержанно: — Ну как Р<одзевич>?

Большая пауза, и *ледяным* тоном:

— Он болен.

Я, выдерж<ивая?> паузу: — Чем?

— Невроз сердца.

— Лежит?

— Нет, ходит.

И, не переждав моего следующего вопроса:

— «М.И., я бы очень хотела прочесть Вашу прозу...» и т.д.

Ах, ты мою прозу хочешь прочесть, а ПОЭМУ моей жизни — нет?!

О, Р<одзевич>, клянусь, будь *я* на ее месте — я бы так не поступ<ала?>! Это то же самое что запрещать нищему *смотреть* на дворец, который у него вчера продали с молотка. Нововладельчество во всей его грубости и мерзости. Право последнего. Право присутствия. Во мне — негодование встало. Ведь, если она хоть что-нибудь понимает, она должна понимать, что каждое ее посещение — один вид ее! — для меня — нож, что только мое исконное спартанство и — м.б. мысль что обижая ее я обижаю Вас — заставляет меня не прекращать этого знакомства.

Потом, среди совсем уже другого разговора, отчеканивая каждый слог:

— Я забыла сказать, что Р<одзевич> просил передать Вам привет.

— Надо вытереть окно, сказала я, — ничего не видно.

И достав носовой платок долго-долго протирала все четыре стеклянных квадрата.

Посмертная ревность? Но тогда не ходи к <пропуск одного слова> на могилу и не проси у него песен.

Мóлодца я ей все-таки прочла, как всегда буду делать всё, о чем Вы попросите — во имя Ваше и в память Вашу.

Но перебарывая одну за другой все «земные» страсти (точно есть — небесные!) я скоро переборю и самую землю. Это растет во мне с каждым днем. Мне здесь нечего делать без Вас. — Р<одзевич>! — Я недавно смотрела «Женщину с моря»[426] — слабая пьеса и фальшивая игра — но я смотрела ее *в абсолюте*, помимо автора и исполнителей. Обычная семейная трагедия: справа — долг, слева — любовь. Любовь — моряк, а сама она «с моря». И вот, Р<одзевич>, она остается.

Глядя на нее (я пьесы не знала) я всё время, всем гипнозом своим подсказывала: — Ни с тем, ни с другим, — в море!

Р<одзевич>, не обвиняйте меня в низости и не судите *до сроку.*

Итак, если заболеете (будете лежать) позовете? О, я ни в чем не нарушу покоя Вашей души. Кроме того, увидев Вас, просто *увидев, услышав* — нет, это такое счастье, к<отоpo>го я даже не могу мыслить.

Не болейте, мое солнышко, будьте здоровы, веселы, знайте, что моя любовь всегда с Вами, что все Ваши радости — мои. На расстоянии это возможно.

Целую Вашу руку в ладонь.

М.

Просьба: не слушайте никаких рассказов обо мне. Я сейчас в Вашей жизни — мертвец: без ПРАВА ЗАЩИТЫ.

«А на его могилке растут цветы, значит ему хорошо» — это всё, что, в лучшем случае, Вы обо мне услышите. Не давайте вставать между нами (полнотою фактического незнания и полнотою внутреннего знания) третьему лицу: *жизни*. И еще просьба: не рассказывайте обо мне Б<улгако>вой: не хочу быть Вашей *совместной* собственностью.

(«Et dites-vous parfois mon nom dans un baiser...» Melle de Maupin[427]. Пометка 1933 г.)

Посылаю Вам посылочку. Не сердитесь. Больше писать не буду.

2ая п. п-на 30 янв. (вторая посылка послана 30го января)

...Зарыть тебя, живого,
И камнем завалить
Мне помогает — слово...

Идти всё прямо-прямо,
Глядеть всё мимо-мимо...

Если я умру, то как змея, соскучившись по новой шкуре.

Я 20 (или 200?) % банк. Не помещают, п.ч. заведомо лопнет.

Hölderlin[428]

«Des Herzens Woge schäumte nicht so schön empor und würde Geist, wenn nicht der alte stumme Fels, das Schicksal, ihr entgegenstände»[429].

O wie hatten die alten Tyrannen so recht Freundschaften wie die unsere zu verbieten. Da ist man stark, wie ein Halbgott (und duldet nichts Unverschämtes in seinem Bezirke)[430].

Sprech ich nicht aus *Deiner* Seele Dir?[431]

Dich wundert die Rede? Liebster! alle Scheidenden sprechen wie Trunkene und nehmen gerne sich festlich[432].

Weh ist ein gutes Wort, weh ist ein wahres Wort, weh ist ein gnadenreiches Wort.

(Heil<ige> Kunigunde)[433]

... Und immer
Ins Ungebund'ne gehet eine Sehnsucht...[434]

Названия для книги*):
Умыслы
Игры слов и смыслов
Соломонов перстень

---

*) оказавшейся «После России» — 1933 г.

Февраль

Отдельность: — Я услышала то, что хотела сказать. («Это жегшее уста — Слово, я его услышала».) «Жить: чем и зачем?» — «Вы слишком верили моим улыбкам». — «Мы мужественны будем?» — «Я ухожу от Вас, любя Вас всей душою». — «С оборотом на тебя». — «В кафэ?» — «*Домой!*» — «Вы даже не удерживаете». — Уйдемте. Плакать начну. — Вы слишком много думали. — Задумчивое: — Да. — Мимо жизни моей прошли.

Поэма последнего*) начата 1го февраля 1924 г.
Первые строки:

Ждал на назначенном месте
Как судьба.

(Вписываю, как в Поэме Горы, только невошедшее.)

...Я же у трех гадалок:
«Любит, ждет».
Преувеличенно-жалок
Взвыл гудок

...Точно мои же жилы
Вскрыл — и смолк...

Нам с вами надо говорить.
Мы — мужественны будем?

Не с мертвецом могила:
Пустая колыбель.

Единственное, к чему я не мертва, это: стихи, музыка, природа, души.

— А что же *кроме?*

— О, много! Общественность, вещественность — всё, чем люди живут.

И — набережная. Воды
Держусь (стены кирпичной —
Слепец)

---

*) (Поэма Конца. Пометка 1933 г.)

— Никогда не пройдите мимо!
— Мимо жизни моей прошли.

Соловей: опьянение собственным горлом (горем).

Приметы: — «Никогда не пройдите мимо...» — Тяжело. — Расстанемся здесь. — Жар руки (бока). В кафэ: — *Вы* — не веселая?! На горе: — В той жизни? — Et puis ce fut tout[435].

О сжигании: «Я подарю Вам свой пепел, Вы удóбрите им свой цветник — живых цветов». (Слова не скáзанные, но м.б. возможные в поэме. Дать *как мысль*.)

Свет
Из разительного стал рассеянным.

Чтобы понимать стихи, т.е. брать от них наибольшее нужно воображение: быстрота и подвижность (гибкость) ассоциаций.

Чтобы понимать *песню* — ничего не нужно, кроме души в теле — и даже не в теле — да и понимать не нужно.

Луна — Соломоновым перстнем.
Читаю: тщета.

(NB! Не выдумала ли я Соломонов перстень? Что-то давно о нем ни от кого не слышу. Только собственный свой рассказ — о нем. И — слышала ли когда? 1933 г.)

Гляжу на твои дорогие руки:
И это пройдет.

На этих улицах тебя не встречу —
На них несчастные живут.

О маленькой девочке (мальчике) — к<отор>ую я, очевидно, погладила, думая о Р<одзевиче> — оттого и переставила на мальчика. Пометка 1933 г. NB! Незаконными должны быть только мальчики, вернее — незаконн*ые* должны быть только мальчиками, «незаконная дочь» — даже не звучит!)

Женщины застав.

Кафэ: приметы.

Можно refrain[436]: «плакать не надо». — «Уйдемте, — плакать начну». Белокурый затылок. — Тяжело. — «Ах, Вы так сразу соглашаетесь, не пробуете отстоять...» (я, конечно) «Вы меня никогда... Разве расстаются — та́к?» Не забыть позу: рука уткнута в диван, голова отклонена. Живые слова: — «Вы вступаете в серую, скучную колею. Всё это — только в стихах». *Дать обвинительный акт*. После акта — мой вопрос: — Какие же выводы? — Никаких, просто тяжело. — Тогда сделаю их — я. Вывод и есть выход: расстаться! — Я этого не говорил. — Великодушие? Или самолюбие? Как на эстраде, где никто не хочет читать первый. Когда *никто* не хочет — читаю я́. — Правы кругом. (я, конечно) — Я могу быть вором, но не нищим.

Набережная

Молчание на набережной. Рука. — Можно — в последний раз? Крепко пожимаю руку. Весело. — «Ничего, ничего, ничего не понимаю! Мне с Вами хорошо!»

Пылали маленькие жаровни
С каштанами...

Фабричные здания, пустынный рынок, — дождь — «Наша улица!» — «Уже не наша». Поворот горы (спрячь на самое дно). (ЗДЕСЬ — ПЕРЕЛОМ) — «Я порчу свою жизнь, я не хочу портить своей любви». Еще примета: раньше: стеклянный полукруг двери (харчевня) где несколько утр подряд. Всё в последний раз.

Адрес (адреса): — «Надеюсь, что буду достаточно известен».

Общая линия: лед, мужественность. До поворота горы: не сдаваться. Столбняк.

— Дарите мне все свои книги. (Одну для меня.)

Никому обо мне не говорите — из последующих. — Это то, о чем я Вас хотела просить.

— Посвятить Вам книгу? — Нет. — Кольцо на память? — Как всем?

У меня нету слов. (он)

— Книги, кольца... *Я* от Вас хотел — Вас.

Умыслы:

Тайное, никогда не становящееся явным.

Последнее с чем считаются земные судьи и единственное, что́ зачтется на Страшном Суде.

Пример: интонация: голосовой умысел.

Умысел не цель, а некий тон поступка.

Умысел — исток поступка. Та́к: не с какой целью? А: *из* каких побуждений?

Разница между умыслом и замыслом. Умысел: тайное побуждение. Замысел: явная воля к...

Умысел — в нас, замысел — наш.

Замысел учтим, поэтому часто неудачен. (Неудачный замысел вещи.) Умысел, как неучтимый, ни удаче ни неудаче не подвержен. Отсюда: L'intention y est[437]. Неудачный замысел. Нет неудачного умысла. Поступок налицо, и: — каков был Ваш умысел? (Не совпадение.)

Замысел и есть поступок. Плохо замыслил — плохо и вышло.

Когда двое хотят друг к другу...

Отлучается лист от древа...

Жемчуг в стакане
Плавят, подковы
Плю́щат — не плачут

Мы — мы только когда окончательно потеряем чувство я. Самосознание ставшее самозабвением.

Но чтобы потерять — нужно иметь.

«Rechne es Dir nicht zu hoch an: Gewohnheit ist ein gar zu süsses Ding»[438].

O Begeisterung! So finden
Wir in Dir ein selig Grab,
Tief in Deine Wogen schwinden

Still frohlockend wir hinab,
Bis der Hore Ruf wir hören
Und, mit neuem Stolz erwacht,
Wie die Sterne wiederkehren
In des Lebens kurze Nacht[439].

(1910—1933 г.)

Любимые русские стихи:
Уж за горой дремучею[440] (с младенчества)
К морю — Пушкина (с 10 лет)
Цари, я мнил (Державина)[441]
Мой костер (Полонского)[442]

Эпиграф к Набережной:

Мост.
Кир—пичный мост.
Через кирпичный мост.
Через кирпичный—пичный—пичный—пичный — мост.

(Стихи 7летнего мальчика. Читать, постепенно замедляя.)

Дальнейший ход:

VIII Мост. (Мост, делящий два мира. *Тот* берег — жизни.) Через Лету. Летейская Влтава (Moldau). До середины. Здесь — взрыв веселья: — «Мне хорошо, мне хорошо, мне хорошо… Мне тепло, твоя рука на моей, я твоя, ты мой…» (Я, живая вернувшаяся в царство теней — или мертвая — в царство тех? Тело в царстве теней или тень в царстве тел?) Островки. — Давай жить на таком островке? И — воспоминание: мимо шалаша или лесной землянки? — Здесь можно было бы жить! — Здесь *нужно* было бы жить!

IX «На этих улицах тебя не встречу…» Можно здесь — о славе. Фабричные корпуса — пустые. Усилить дождь.

Мимо каварни[443] (полукруг). Постоим! И — видение: утро, бессонные веселые лица сквозь кофе, Вы меня учите жить. (Прежде всего надо начать одеваться. — Вы меня будете любить и в лохмотьях!) Наша улица

X Поворот и перелом. «На самое дно». (NB! где *никогда* не бываешь. 1933 г.) Еще несколько шагов. Фонарь.

XI Гора и слёзы. Меховое, мокрое. — На том свете?

XII Et puis ce fut tout[444]. Сгорбленная фигура большими шагами.

Связующее и разъединяющее начало моста.

Руки еще надеются

Нету надёжнее безнадежности́!

Верность неверных

Твои глаза зеленые,
Прозрачные, как ложь.

16го марта 1924 г. — Когда я не пишу стихов, я живу как другие люди. И вот, вопрос: — Как могут *жить* другие люди?
И вот, на основании опыта: другие люди *НЕ* живут.

Обкормленный баснями
Соловей

— Я Вам никогда не лгал.

Я не верю в вечность чувств *в жизни*, верю в вечность их внутри (NB! где их так редко тревожишь. В жизни, как всё — снашиваются. 1933 г.) Не мыслю страсти изо дня в день, *годы*, а иначе — зачем быть вместе? Под веками я в тебе ты у меня — уцелеем, будем жить и царить. Но отказаться — не могу.

Конторская барышня
И пражский студент

Кла́дбище! Место куда кладут.

два лунатика
Края крыши одного.

(Не Р<одзевичу>)[445]

Вы хотите перейти через жест, я хочу перейти через слово, — не хочу слов (обычной монеты), не хотите жеста (своей обычной) — из какой-то гордости. Слово со всеми, жест — со всеми, хотим говорить друг с другом на чужом (его) языке.

Я нашла формулу: меня притягивает к Вам Ewig-Weibliche[446].

—

Мы с Вами заблудились в Pays du Tendre[447], — видите — немалая страна! (Не Malá Strana![448])

—

...et son amitié encore, qui était plus grande que son amour[449].

—

Ох, устала!
Вниз, со скалы!
Вздохи вала
Вздоха валы
(Cáфо)

—

Дальнейший ход: Улица лестницей, Наша улица! — Уже не наша... М.б. здесь о славе? (Адрес? Надеюсь, буду — достаточно знаменит. — Мертвые не читают газет. — Мы расстаемся, восходя.)

Cóль ожигает щёки,
Пéред глазами — крэп.
— Адрес? Его прочтете
В справочнике судéб!

—

Попутные мысли (NB! почти невозможно разобрать — тáк сокращено)

Вы не хотите переделывать меня, а меня надо переделать, посему *в жизни* Вы бы только утысячерили мою слабость, Вы бы меня не дотворили *женщиной*. Вы пленились моей душой, и Вам хорошо со мной (с ней) в царстве теней. Вам хорошо со мной *такой*, а мне плохо с собой такой. Вы влечетесь к чуже—роднóму, к чужерóдному. Меня, как Elementargeist[450], нужно расчаровать — освободить — воплотить — через любовь. А Вы, наоборот, сам становитесь Elementargeist.

Когда Вы говорите о своей маленькой девочке — у меня слёзы навертываются.

—

Врозь идущие руки распятья

—

Нежиться как ужи...
(NB! гадость! 1933 г.)

—

Мне с тобою — так спалось,
О тебе — так пелось!

—

Дочку свою, прошу,
Не называй Мариной!*)

—

Пригород: руки твои в рубцах,
Первый листочек клейкий...
Князь, засыпающий на руках
Маленькой белошвейки...

—

Когда я думаю во времени — всё невозможно, всё сразу — безнадёжно. А та́к — где-то (без *где*), когда-то (без *когда*) — о, всё будет, сбудется!

(Борису)

—

Моя просьба — за три месяца (?), последняя гора — дождь — у забора (огород) пес, просовывающий лапу...

—

Любовь в нас — как клад, мы о ней ничего не знаем, всё дело в случае. Другой — наша *возможность* любви. И поэтому, никогда заранее: «буду — не буду». Человек — повод к взрыву. (Почему вулканы взрываются?) Иногда вулканы взрываются сокровищами.

Дать взорваться больше, чем добыть.

—

Я знаю, какая я в дне, но я не знаю, какая я на дне. Дна своего достать без другого я не могу.

—

Благословен ты, дающий мне меня.

—

(К Б.П.)

Высшая ирреальность.

Вы единственный за кого бы я умерла без всякого сознания жертвы, чью жизнь предпочла бы своей не как мне ценнейшую, а как — ценнейшую *моей*.

—

В уровень моего восторга.

—

Вы во мне — как золото Нибелунгов.

—

*) Дочку свою, родившуюся в <пропуск даты>[451] назвал Натальей. — 1933 г.

Эпиграф из Пастернака:
«Я живу с твоей карточкой...»[452]

Время — бремя небольшое
Я живу с твоей душою

———

Про себя тот клад схороним!
Знать не надо посторонним
(В просторечии: своим)
Знать не надо и самим

Нам: как клад в тебе покоюсь!
Так магнит глядит на полюс...

———

От тебя,   , не скрою,
Что живу с твоей душою
В страсти, слаще чем земной!
(С мужем — пусть и пусть — с женой!)

Вечность: время небольшое:
Я живу с твоей душою

———

(16го мая 1924 г.)

———

Бóрюшка, Бóрюшка!
Гóрюшко мое!

———

И тело телом обкормя...

———

Запись: Ничему так не изменяла в жизни как стихам: изменяла им со всяким встречным. И ничто так не пребывало — не держало — не <фраза не окончена>

———

(18го мая 1924 г.)

———

О насыщаемости тел,
Ненасыщаемости душ

Лился в подушечную глушь
Удушливую, в ноздри, в рот,
В грудь, отданную грабежу.
Подушка — облаком, и вот
Уже на облаке лежу...

Уже сопутствующий — сплыл,
Уже помеху отстраня...

...Что только продолженье крыл —
Растерзанная простыня.

Что всё, что страстью на земле
Зовется, чувств —
Лишь в собственном крыле
Застрявший... Выпутаться тщусь.

Продолжение и, надеюсь, окончание Поэмы Конца.
(Оцените это *надеюсь!* 1933 г.)

Май 1924 г. — Если встреча со мной другого не возвышает — она меня унижает, другого не <пропуск одного слова> — меня уничтожает.

Милый друг[453], м.б. в мире внешнем Вы правы — значит мир неправ.

Со дня Вашего приезда Вы видели всех, кроме меня. Как мне после этого верить, что я Вам — нужней других? Есть вечные вещи: вернувшись — рвануться, это так просто.

— «Но условились в четверг». Да, а сегодня, в среду, экспресс: «приходите сегодня», — не п.ч. соскучился, а п.ч. в четверг нельзя. Милый друг, у меня руки опускаются, не могу тянуть на канате — и ниткой брезгую! — не привыкла, не привыкну, не моя роль.

Всё важнее, все нужнее, всё непреложнее меня: семья, дела, любовь, я в Вашей жизни — душа (NB! зачем так много? просто — удовлетворение самолюбия. 1933 г.) с душою Вы не считаетесь. Я только с жизнью своей не считаюсь.

Поэтому, не будучи в Вашей жизни насущностью, не имею права и не хочу обременять Вас насущностями — своими (мне стыдно за все мои просьбы назад) оставим все эти курорты и устройства — обойдусь — дело не в этом, о совсем не в этом.

Если хотите видеть меня еще раз до отъезда — не отказываюсь, но и не рвусь. Пусть будет всё та́к, как *Вы* хотите.

Щенков никогда не надо поить горячим — иначе они сбиваются с чутья. — Сбита с чутья. —

— Свидимся! — На том свете?
— Да, в царстве моем!

Поэма Конца кончена 9го июня 1924 г., в Иловищах.

(А *конец* во мне — куда раньше! Начав как вздох, дописывала как долг.)

—

Эхо: ответ камня на голос. Эхо: заложенный в камне голос, как зеркало: заложенный в стекле лик, как тень: заложенная в плоти бесплотность.

—

Строптивая скрипка.

—

Зарубка на стволе дерева.

—

Конец II чешской черной черновой тетради.

(Начата 10го мая 1923 г. в Горних Мокропсах — кончена 10го июня 1924 г. в деревне Иловищи.)

—

Черновая Тезея[454]

Картина II Тезей у Миноса
(Начинаю 9го июля 1924 г. — дай Бог!)
Выше, выше! Пробивши кровлю...
и т.д.

—

20го июля переехала из Иловищ в Дольние Мокропсы в разваленый домик с огромной русской печью, кривыми потолками, кривыми стенами и кривым полом — во дворе огромной (бывшей) экономии. Огромный сарай — к<отор>ый хозяйка мечтает сдать каким-нибудь русским «штудентам», сад с каменной загородкой над самым полотном железной дороги. — Поезда.

III картину начинаю в Дольних Мокропсах 21го июля 1924 г. Дай Бог — и дайте боги!

—

Дальнейшее:

Монолог Ариадны у входа в лабиринт. — Спокойствие или ужас? — Перемежение. М.б. молитва Афродите. Прислушивание: глухо. Лабиринт не выдает своих тайн. М.б. рассказ о лабиринте, упоминание о Дедале (строителе). Перекличка с звездным небом (замышлен по образу звездного неба). Апогей ужаса и мольбы — удар — это Тезей обезглавил Минотавра. Лабиринт сотрясается. — «Не выпусти нити! Не выронь души!»

Явление Тезея. Великолепие его. Клубок — весь. Окровавленный меч. (В конце клянется этим мечом.) — «Дева, едем!»

Только сейчас прозрел! Вся жизнь моя доселе — блуждание в лабиринте. Ты — исход, выход и свет. Обретя мир, не возвращаются в лабиринт. Упорство Ариадны:

...оставь надежду!

Допытывание Тезея: жаль отца? Но потеряв Андрогея — он всё потерял. Дважды жизни не теряют.

— Мой отец — убийца твоего брата? Но *твой* отец мог бы быть убийцей твоего жениха! (NB! Иезуитизм! 1933 г.) — «Боишься бесславья? (Женская честь.) Но до Афин я тебя и помыслом не задену, а в Афинах я сделаю тебя царицей, ибо отец несомненно уступит мне престол». (Молчание Афродиты.) Долгая пауза. — Ты меня не любишь? Но этого не может быть! — Не может быть. — Так что же?

— Не жалость к отцу, не ужас перед твоим, не девическая робость, именуемая женской честью, а на последний домысел я тебе ответила. — Слушай:

Я — любимица Афродиты, и благоволение ее — над *моим* любимым! Но если мой любимый изменит, милость ее обратится в гнев, благословение — в ненависть. Гнев богини погубит тебя. — Но... — Слушай дальше: — «Ну, допустим, что есть на свете такое чудо: верный Тезей («Любовь и долг — но это так же ново — как белый волк — и верный Казанова!» (Приключение[455]. Пометка 1933 г.)): верный герой (по звуку не хуже ведь, чем — вероломный? NB! а это уже совсем я, живая речь!) — но ведь и меня, любимицу Афродиты, может полюбить другой, другие. И не всегда это бывают — смертные! Меня может полюбить бог и ты меня... уступишь». — Уступить тебя? — Да, ибо ты чтишь богов. То, что не могли над тобой ни мои слёзы, ни моя красота, ни — ни — смогло над тобой одно имя богини. Покоряясь ее велению ты нарушил свою клятву Миносу. Покорившись велению другого божества ты можешь нарушить и клятву Ариадне. — Так клянусь же тебе! — О, не клянись! — Сим мечом! — О, зачем клялся? Но я клятвы твоей не приемлю! — Что я тотчас брошусь на меч или в море, если ты не дашь согласья.

Молчание Ариадны. Молчаливое объятье. Улыбка сквозь слёзы. Хор радости. Апофеоз.

(Старые записи карандашом в тетрадку, непривычными вершко́выми буквами:)

12$^{\underline{го}}$ декабря 1923 г.

Вспомни, вспомни мои глаза
С остановившимися слезами

Так и солнце было единождь остановлено

Не приказываю слезам литься

Что оставалось Лизе после встречи с Лаврецким?[456] Войти в свою келью и разбить себе голову óб стену.

Жить: *чем* и *зачем?*

Надо умереть пока не поздно.

Сегодня еще — вчера. И держусь за этот звук. Вчера, это еще родное. Вчера, это еще *почти* в руках. Раз *вчера*, то этого еще почти что не случилось.

14го Декабря 1923 г.

Так око опускает веко:
Какой ужасный звук!

(NB! очевидно — виево?)

На этих улицах тебя не встречу —
На них несчастные живут

Дальше, июль 1924 г.

Не буду у Бога просить отсрочки...

Неповтóрен —
Будь один.

Мысль:

Умыслы — в мире дословном (дословесном) то же, что тайнопись в мире сем. Умысел можно передать только тайнописью.

Богини рождали героев, а любили пастухов.

Богини бракосочетались с богами, рождали героев, а любили пастухов.

(Афродита: Гефест: Эней: Адонис)

— Перерыв из-за болгарской поэзии[457], две поездки в Прагу, и т.д.

Бог, дай — и боги, дайте!

Я ревную к земной любви, *такие* небесные песни и чувства.

Эпитеты к Вакху: двусущий, двуединый, двусердый, двуличный, двудонный (двоедонный). Кубок двоедонный.

IV сцена. Наксос. (IV сцена начата 7$^{\underline{го}}$ августа 1924 г., четверг. Дай Бог — и дайте боги!)

В этой сцене Тезей соблазнен Дионисом. (Бог влажных мест.) Общий ход: монолог Тезея над спящей Ариадной (найти!). «Спит, негой насыщенная...» То, что тебя усыпляет, меня лишает сна. Избыток страдания и неги — то, что женщину усыпляет, мужа лишает сна. Сонные реплики Ариадны: — Люблю. — Навек. — Побудь. (и т.д. — найти. —) Иногда — вопросительные интонации. Тезей над спящей повторяет клятву — страшную клятву: — Если же я, в помрачении ума и сердца, когданибудь тебя оставлю — да сразит меня Афродита, да не знаю я счастья в детях и в битвах (упомянуть отца) да узнаю я измену женщины и славы, да обманет меня мой собственный сын и лучший друг, да сразит Афродита ту, ради которой я тебя оставлю, да —

И, вступление Диониса. Основа: вкрадчивость.

Либо — А всё-таки ее отдашь! (уступишь, покинешь)

Вакх хочет Ариадну. Как бог, он может ее отнять, но он, очевидно, хочет и Тезея, он хочет доброй воли Тезея *к жертве* (NB! глупость! Он хочет, чтобы Ариадна его любила, т.е. разлюбила Тезея, а для этого нужно, чтобы Тезей ее оставил: «бросил». — Да и то не гарантия! Вообще, слабое место. А м.б. Вакх — просто игрок? Соблазнитель *и* мужских душ? 1933 г.) Легко отдать жизнь за родину, как ты этого хотел, пустяк — сразить Минотавра, но есть чудовище страшнейшее: собственное жадное сердце: срази его!

— Отступись!

— Уступив ее тебе, я уступаю ее смерти и старости, ибо ни бессмертия ни вечной юности ты ей не дашь. С тобой она — женщина, со мной богиня. Погляди на нее: вот она покоится, в роскоши своей весны. От тебя зависит увековечить эту весну (сделать эту весну — вечной). Силой я ее у тебя не возьму, мне нужна добрая воля. (Дар. NB! Насколько несравненно Христос *выше* всех богов. — «Милости хочу, а не жертвы»[458], т.е. РАДОСТИ хочу, а не... Какое непомерное требование!)

— Спроси у нее самой! — О, у женщин не спрашивают! *Тебе* надлежит быть ее судьбой.

Борение Тезея. — Но я дал клятву! — Тяжесть ее попрания падет только на тебя. (NB! Вакх *знает* с кем говорит! 1933 г.) Что же может быть слаще жертвы во имя любимой?

— Но будет ли она счастлива (без меня?) с тобой? Она не может быть счастлива без меня!

— *Твоя* Ариадна — нет, у *моей* Ариадны будут новые чувства.

— Но позволь мне по крайней мере сказать ей...

— Тогда вся жертва напрасна. Узнав, что ты покинул ее любя — она никогда не забудет тебя, даже богиней.

— Но она сочтет меня последним предателем!

— Снеси и это. Тезей, есть у меня от *памяти* — прекрасный напиток, вернее летейского. Выпей — и ты покинешь ее без боли.

— Но я не хочу ее забыть!

— Тезей, то, что я хочу от тебя...

или

Тезей: — То, что ты хочешь от меня — выше сил человеческих!

— Меньшее может стать бо́льшим. Сделайся богом.

(Возглас Тезея о лабиринте (сердца).)

— Прах <сверху: Смерть> — бессмертье — выбор твой!

Чем-то (сейчас еще не знаю, чем) Вакх одолевает. Тезей уже хочет склониться к спящей. Голос: — «Не искушай естества! От рук, протянувшихся навстречу, ты не уйдешь. Простись с ней в мыслях (внутри)». — Тезей без оглядки идет на свет. Можно (после некоторой тишины) звук весел. Ариадна продолжает спать.

Можно, как последнее слово в картине, голос Вакха: — Бог!

Перерыв с 10<u>го</u> по 19<u>ое</u>. Поправки I сцены. Поездка в Прагу (Ремизовы)[459]. Переписка прозы для «Огней»[460].

Между Тартаром и Олимпом
Перебрасывающий мост

Три сна о Б.П.
(вкратце)

1) Звонок по телефону в окно к жене. — «Нет и не будет». — Снежные московские переулки. Отбиваемся от других. Идти некуда и время на счету.

---

2) Ищу его по всем пустым классам какого-то учебного заведения.

———

3) 25го августа, утром. Приезжие советские. Статья Троцкого с картинками. Обольщаю советских, с одним о стихах, засыпаю, один другому — шепотом: — «Ц<ветае>ва, ну́, знаешь — стихи Белого[461]». Я, просыпаясь: — Как тихо ни говорите — я всё слышу.

———

Бо́льшего, чем я Вам давала тогда, не я не могла Вам дать, а Вы не могли взять.

Взять у меня — вот единственная возможность дать мне. (Лейтмотив моей жизни с людьми и, особенно, с любимыми.)

———

IV картина — Наксос — на́черно кончена 1го сентября 1924 г.

———

ГЛУБИ́ТЬ (углублять) — хорошая рифма к ГУБИТЬ!
«Glissez, mortels, n'appuyez pas!»[462]

———

Картина V
Возвращение
(картина начата 5го сент<ября> 1924 г. — по числу — день Алиного рождения — дай Бог!)

Царь Эгей на прощальной площади в Афинах. Утро четвертого дня. Час *до* восхода. Царь Эгей, бессонный, сидит на ступенях своего дворца. Прорицатели. Жалоба Эгея на неизвестность. Раньше братская урна прибывала раньше. Три ночи прошло — ни звука. «Хоть бы прах твой увидеть, сын!» (Жду прибытия братской урны.) Явление жреца Посейдона. Царь, жертва богу принесена. Помни, твой сын под особым покровительством бога. — Бог сей властен на́ море, но не на суше! Если бы лабиринт находился на тысячу локтей под водой — я бы был спокоен.

— Царь, сын твой, еще в юношестве отваливший скалу, под к<отор>ой (и т.д.) сын твой, убивший Прокруста, сын твой — сын твой, сразивший Марафонского быка — сын твой одолеет и Минотавра. — Не забывай, что к Минотавру идут безоружными. — Но не с отрубленными руками! Любовь к отчизне и две *тезеевых* руки. — Три ночи уже — ни слуху ни духу. Злой знак. — Благой знак.

Прорицатель: — Царь, я этой ночью следил звезды и гадал по птичьим внутренностям — странное имею сказать тебе. Сын твой жив, но душа его мертвей <пропуск одного слова>, сын твой

плывет, но ладья его тяжелей свинца. Сын твой победил, но взгляд у него — побежденного.

— Жив! Всё остальное...

Вестник: — Царь! На горизонте — ладья...

— Парус?

— Черный.

— Проклятье!

(Посейдону, жрецу, прорицателю, птицам, звездам)

Спор прорицателя с вестником. Исчезновение Эгея. — Весть о гибели Эгея. Стонущий хор отцов и матерей (Хор стонов). — Перекличка с $1^{\text{ой}}$ картиной.

Явление Тезея. Семь юношей и семь дев. Ликование последних. (Два хора.) Жрец Посейдона — Тезею: — Твой отец погиб. Толкование Тезеем черного паруса (либо забывчивость (NB! с горя) либо знак скорби по Ариадне). К хору: — Я забыл, а вы? — Мы — не смели.

Вызов его Афродите.

— Узнаю тебя, Афродита!

Тысячегорстное,
Тысячеверстное
(море)

И в жилах
струей багровою
страсть мою —
Стыдливую и суровую

О Судьбе (горе) и Доле (дольней жизни)

Часто около частокола

Рваный платок на худом плече

Перерыв в 5 дней (грибы, поездка в Прагу, Алин день рождения). Возобновляю 5/18 сентября (день Алиного рождения) с лишний раз подтвержденной достоверностью, что *всё*, кроме писания — ничто. (Всё, не разряжающееся — разрешающееся — в слове.)

Дальнейшая линия: оплакивание хором (народом) царя.

Переезд во Вшеноры. $23^{\text{го}}$ сентября 1924 г. — везет сумасшедший, к<оторо>го мы по дороге опаиваем пивом и одуряем па-

пиросой (NB! некурящего!) — а три дня до этого вязание, из к<отоpo>го ничего не вышло.

Итак — с Богом!

Запись:

Мое самочувствие в любви — самочувствие человека, у которого только три дня <пропуск одного слова>. Обреченность и восторг.

Наблюдение о лесе: лес играет сам с собою[463]. В лесу непрерывная игра: леса — с самим собою (тени, света, листьев, отсветов — с самими собою)... Дать всю лесную мелочь.

Наблюдение: Развешенные на ветру простыни: прохождение под ними мнимых людей.

Сравнение: так же часто, как мать повторяет имя собственного ребенка.

Боль, знакомая как глазам — ладонь,
Как губам —
Имя собственного ребенка[464].

От меня не бегают — бегут.
За мной не бегают — ко мне прибегают.

Хитросплетенный мрамор
(лабиринт)

NB! Для Федры:

— Я так от тебя устала, что получив тебя, я — кажется — усну.

Шпажник, шафран
(Rittersporn?)[465]

Но — вьявь и воистину —
Знай: тело пройдет!

Приписка: NB! не странная ли молитва для Тезея, *простого* героя?

(1926 г.)

Под чистовиком Тезея подпись:

(1ая часть Гнева Афродиты — Ариадна — кончена 7го нов<ого> Октября 1924 г., во вторник.)

Нельзя «Гнев Афродиты» п.ч. вроде «Гнева Диониса» Нагродской, еще потому, что так может называться явно-плохая вещь. Лучше просто: Тезей.

Достоверности (по мифу) о Федре.

Внешняя фабула:

Тезей, после долгого вдовства, уже в зрелых летах (50 лет?) женится на Федре, сестре Ариадны. У Тезея взрослый сын, однолеток (— «мой однолеток!») Федры, единственный сын от брака с Ипполитой, амазонкой. Ипполит воспитывается у матери Тезея, Этры, в Трезенах. Федра об Ипполите слышит, но его никогда не видела.

Приезд Ипполита к отцу. Буйная встреча радости. *Безумная* любовь Тезея к сыну. — Проси чего хочешь! Бери что́ хочешь! — Мне ничего не нужно. Воспоминание о первой встрече с его матерью (Ипполитой) во главе женских войск, о ее, о их любви, о ее гибели рядом с ним, на крепостном валу Афин.

Федра, не сводя глаз с Ипполита:

— Счастлива та, что породила такого сына!

Либо: отъезд Ипполита из Афин. — «Итак, мой сын, ты нас уже покидаешь? Трижды солнце не успело зайти и наше солнце покидает нас? Скажи, чем мы тебе...» Обращение к Федре: — «Проси вместе со мной!» Федра: — Как я могу? М.б. в Трезенах, где я никогда не была, звезды ярче и женщины красивее... — Жена! Жена! Ты не знаешь этого юноши. Он весь в мать! (Сын Амазонки.) Рассказывает — с разгорающимся увлечением — об Ипполите. Федра не слушает. Параллель между царством амазонок, куда рвалась, и его любовью к друзьям. Настойчивые вопросы Тезея, куда торопится. Ответ Ипполита: — «Я спешу на празднество Артемиды». Уговоры Тезея. Почтительное упорство Ипполита. Тезей отпускает.

Намечающиеся картины

Охота.

Вкратце: Трезены. Прогулка Федры с кормилицей в лесу. (*Я* лично не нахожу нужным.) Охота. Отдых после охоты. Пирушка друзей, либо жертвоприношение. Лесной храм Артемиды.

1. Охота:

Храм Артемиды в лесу. Отдых после охоты. Ипполит в кругу друзей. Жертвоприношение Артемиде, хвала вольной лесной жизни — т.е. вызов Афродите. Похвальба каждого. Ипполит, разгоряченный охотой, вином и дружбой, бросает вызов Афродите. — Гонительница рода моего!

...Ты, уже лишившая моего отца столького (перечисление) — богиня: врагиня мужской доблести, ты — иссушительница чресл и мозга, ты, обращающая мужа в (что-нибудь унизительное) *меня* ты доблести не лишишь — я вызываю тебя!

Явление Федры. Остолбенение друзей. Федра, со смыслом: «О, я не богиня (Не бойтесь! Я не богиня), я только усерднейшая из ее служанок, молодая жена твоего отца, — твоя мачеха, Ипполит! (либо: новая жена твоего отца, твоя молодая мать, Ипполит!) Прости меня, что нарушаю твое веселье! — Рассказ о том, что они с отцом приехали посетить престарелую Этру. Холод в кругу друзей. — О, я не желаю мешать вам! Я только гуляла и сейчас буду продолжать свою прогулку!

Зовет кормилицу.

(NB! Здесь Федра у меня grande coquette[466] — не годится. Должно быть дано смятение первой страсти: удар по голове.

Федра сильна невинностью.)

Проза Бориса Пастернака утомительна[467]. Есть два рода утомления: то, которое вы испытываете после целого тома мелких рассказов Чехова (или Джерома, или Аверченки, — Твэна, пожалуй, нет) или от полуторачасового пребывания с человеком, который вас занимал или которого вы занимали — и утомление от непрерывной формулы: en présence de quelqu'un[468].

От пустоты и от полноты.

Первое утомление — утомление растраты (без восполнения), бездеятельности, безучастности, безплодия. Вас обокрали и ошельмовали. Вы смеялись — и ничего не осталось.

Утомление второго рода — утомление от непрерывности *прихода:* так рыбаки устают в удачные дни. С вас на протяжении какого-то срока непрерывно требовали — *всего вас.* Утомление сообщничества — сподвижничества — соперничества. Вы — лицо действующее. От вас всё зависит (весь улов).

Утомление сложенных рук (даже «tourner les pouces»[469]) и напряженных мускулов.

После первого (чтения Чехова напр.) — гору сбросил, к<отор>ую на тебя навалили, море изверг (чужой пустоты) — к<отор>ое в тебя влили.

После второго — гору сдвинул, море осушил.

Первое — истощает, второе — обогащает.

И еще: обратность процессов до и после <сверху, после «процессов»: и следствий>. Читая Чехова или беседуя со знакомым вы (именно *вы*, *я* от Чехова томилась с детства) и не подозреваете о своей усталости. Только когда захлопнули книгу или дверь за выходящим — вы изумленно восклицаете: — Боже, до чего я устал!

(Чтение Чехова — вязание в воздухе, без результата — восполнения — связанной полосы.)

Напряжение растраты неосознанно, и утомление подкрадывается яко тать в нощи. Процесс растраты — усладителен, завершение его — опустошительно. Душа точно мстит за то, что человек часами мог обходиться без нее. (Расплата за *каждое* развлечение: расплата за растрату *на ничтожное*.) И — о стрáнность! — выпитое море превращается в ощущение: выпит! (в твою собственную выпитость). Полная параллель и даже тождество с опьянением алкоголем.

С прозой Пастернака (как всякого большого мастера, — нет, Чехов тоже был мастер! — как всякого большого *духа*) — обратное. Читал — точно об стену бился, чуть ли не булыжник на мостовой колол, кончил — огромный прилив силы. Отданное — вернулось. Так Пастернак чувствует — закончив Урал[470].

Посему книги Пастернака (м.б. самого дионисического из моих современников) никогда не сравню с вином, а прозу Чехова, или иных бытовиков, — именно с вином, с развратом вина, сравню.

Вдохновение.

Есть священный инстинкт — и в этом меня подтвердит каждый пишущий — оберегающий нас от доверия к слишком легко давшемуся. Стихотворение, написанное в 10 мин., всегда подозрительно.

Тот же священный инстинкт оберегает и *настоящего* читателя (т.е. <пропуск одного слова>, а не трутня) от доверия к слишком легко в него льющемуся.

Радость добычи — почему это торжество мужского сознания не распространяется и на книгу (душу другого), ограничивается областью дел (чаще «дел») и любви?! Всё в мире сем надо завоевывать — т.е. за всё платить собой — друга как женщи-

ну и книгу как друга. Готового нет. Есть, но неизбежно второй и третий сорт.

Богов из глыбы высекают и несколько веков спустя тем же усилием мышц из земли выкапывают. «Как по маслу» — в жизни как в искусстве <фраза не окончена>

Б.П., поэт как прозаик, прежде всего нуждается в сподвижничестве. Рука, ищущая встречной (а скорей даже — «coup de main!»[471] 1933 г.). За непосильное берусь — помоги же! Сезам откройся, чтобы я со всеми своими сокровищами — за твоими сокровищами — в тебя вошел.

Б.П. осуществлен только в настоящем читателе, т.е. Б.П. один — умысел, Б.П. + идеальный читатель — умысел + действие, т.е. полный поступок: свершение. Б.П. свершается не в напечатанном количестве страниц, как Бунин напр., хотящий только одного: любуйся! — Б.П. свершается только в читателе. Он не данное, а *даваемое.* Не сотворенное, а творимое: рождаемое. Весь он — самый акт *дачи.*

И в силу именно этой необходимости в сотворчестве, этой полной своей зависимости от другого, он так единственен, уединен и одинок.

«Чувствуй» (воспринимай) и «любуйся» — вот с чем идут к читателю писатели типа Бунина. — «Я сделал, а ты посмотри», «*дал*, а ты возьми», «страдал, а ты поразвлекись». Писатели типа Бунина хотят зрителя, писатели породы Пастернака хотят — писателя, второго себя.

«Работай» говорит Б.П., — «я бился — побейся и ты». (Я — над материалом, ты — надо мной, к<отор>ый для тебя тот же материал: первоисточник: природа.) Это — шахтер, в походе за золотом, а не рантье, нам это золото на своих литературных приемах, в виде устриц, орхидей и чего еще? — расточающий.

Б.П. нам дает, нет, Б.П. нас приводит на прииски. — Добывай.

Б.П. — *наше местознание.* Добыча — наша.

Но насколько несравненно больше доверия и любви в этом «бейся», чем в олимпийском «любуйся» Бунина. Б.П. с нами последним — своей *трудовой* жилой делится — не ценнее ли банкирского «золотого дна».

Б.П. — наша трудовая, следовательно — золотая жила.

(Пишу Б.П. и всё время думаю о Втором Фаусте Гёте.)

Творчество Б.П. — огромная лаборатория (алхимика). (NB! связать с *тем* золотом. Пожалуй, образ еще верней, ибо здесь больше *добыванья* и — не забыть! — та́к Бертольд Шварц изо-

брел порох.) Это прежде всего материал, черновик. Есть поэты «без черновиков» — сразу на́бело — имя их легион и цена им грош. Есть поэты — сплошные черновики. Гёльдерлин, напр., с четырьмя вариантами одного и того же стихотворения (абсолют, очевидно, им найден на небесах!).

Есть два рода поэтов: парнасцы и — хочется сказать — везувцы (-ийцы? нет, везувцы: рифма: безумцы). Везувий, десятилетия работая, сразу взрывается всем. (NB! Взрыв — из всех явлений природы — менее всего неожиданность.) Насколько такие взрывы нужны? В природе (а искусство *не* иное) к счастью вопросы не существуют, *только* ответы.

Б.П. взрывается сокровищами.

(NB! Второй Фауст — *работа* (лаборатория) целой жизни и «Ueber allen Gipfeln ist Ruh...» на стене охотничьего домика...[472] Связать. 1933 г.)

Борис родной. Я не знаю, дошло ли до Вас мое письмо — давнишнее, в начале лета. Длительность молчания между нами равна только длительности отзвука, вернее: все перерывы заполнены отзвуком. Каждого Вашего письма (*всегда* — последнего!) хватает ровно до следующего, при частой переписке получилось бы нечто вроде сплошного сердечного перебоя. (Боже, как я себя утешаю — и тешу! 1933 г.) Сила удара равна длительности его действия, — есть ли в физике такой закон? Если нет — есть.

Б<орис>, если не долетело, повторю вкратце: в феврале я жду сына. Со мной из-за этого сына уже раздружились два моих друга — из чистой мужской оскорбленности, негодования, точно я их обман<ула?> — хотя ничего не обещала! А я, в полной невинности, с такой радостью: в феврале я жду сына (оба меня любили, т.е. так думали) (NB! внимание к моим скобкам, — в них «ist der Hund begraben»[473] 1933 г.) — и знаете, чего ждала и не дождалась в ответ: «— *Ваш* сын! Это должно быть — чудо!» и еще: «но пусть он будет и внешне похож на Вас!» (NB! одного без другого не бывает: иная физика — иная суть, *доказательство* <сверху: *наличность*> — иной сути. 1933 г.) Это я бы сказала *Вам*, Борис, потому что я Вас люблю — и этого ждала от них, потому что они меня любят а дождалась — ну

(NB! Один пришел в ярость, нет оскорбления, которого бы я от него не выслушала — помню, даже внешне был страшен, а другой просто — исчез. 1933 г.)

Теперь я совсем одна, но это неважно, всё, что не насущно — лишне, *двоих* не теряют, а *одного* — не было, я ничего не по-

теряла, кроме — от времени до времени — радости текущего часа, такой, в моей жизни, редкой.

Борис, мне неприятно повторять тó свое письмо, тем более, что писала я в глубокой потрясенности, теперь я свыклась — но там была формула, необходимо, чтобы она до Вас дошла: «единственное отчаяние мое, Борис — Ваше имя». (NB! не совсем вижу, где формула? Так сокращено, что расшифровываю наугад. И, внезапно — ясно как на ладони: — единственное, от чего мне больно, — Ваше имя.) Я его Вам посвящаю, как древние посвящали своих детей — божеству.

Борис, с рождения моей второй дочери (родилась в 1917 г. умерла в 1920 г.) прошло 7 лет, это первый ребенок который после стольких лет — постучался. Б<орис>, если Вы меня из-за него разлюбите, я не буду жалеть. Я поступила правильно, я не помешала *верстаку жизни* (совсем гётевское наблюдение и определение и даже форма, только Гёте бы вместо: жизнь сказал: природа. О «Детстве Люверс» — потом) я не воткнула палки в колесо судьбы. Это единственное, что я чту. (Право на бытие — всегда — во всем: от права на бытие данной строки, вопреки самым роковым от нее последствиям — до моего сына во мне.) Да, Борис, и будь этот ребенок у меня от первого встречного, он бы всё равно — *был*, потому что он захотел — *через меня — быть*. Да, Борис.

Впрочем, Вы мудры и добры — зачем всё это? Горечи моей Вы не сможете не прочесть уже с первой буквы февраля. (NB! Наш с ним месяц, верней — мой с ним, тех моих, того моего потока стихов к нему — февраль 1923 г. меховой можжевельник — «кипарис». 1933 г.) Ни о радости, ни о горечи я говорить не буду.

Я назову его Борисом, и этим втяну Вас в круг.

Б<орис>, я закончила большую вещь — I ч<асть> трилогии Тезей — Ариадна. Приступаю ко второй. В «Соврем<енных> Записках» (XXI кн<ига>) есть моя проза, из советских записей[474] — достаньте и прочтите. Часть сказки «Мóлодец» уже отпечатана, выйдет к Рождеству, пришлю. (Здесь очень неисправные типографии.)

(Не окончено)

— за игру за твою великую,
за утехи твои за нежные...

(Морской Царь — Садку)[475]

Материалы для статьи Болгарские народные песни[476]

(дали на просмотр перевод Федорова[477])
Отрывки — в моей переделке.

Образцы яз<ыка>

У овец — ягнята ярки,
Все овчата мохноглазы,
Все козлята востророги

Наливала — так с обмером

(Молитва Лазаря)
Павлин гуляя
Уронит перья
Сберет их дева
Сплетет в венок

Сирень та — осыпалась,
Вкруг шеи обвивалась
Той шеи — всех светлее...

Лес ты мой, лес зеленый!
Путь мой идет — не лесом.
Если ж иду я тобою —
Из-за густой твоей тени,
Из-за воды быстротечной...

(не тем же ли мог объяснить герой свое пребывание в гроте Калипсо?)

Красна дева, пестропола,
Пестропола, долгокоса

Всё красиво, всё шелкóво,
Всё раскрашено толково

Райские врата затвóрены,
Геенские — отворёны

Легенды и обряды

Св. Никола на трапезе святых роняет полную чашу. Не разбивается, не разливается. Удивление. Объяснение: — Только сел

я за трапезу, разлилось Черное море, потопить корабль хотело. Корабельщики взмолились, слёзно все они взмолились... Полная чаша в руках Николы — гибнущий (спасенный) корабль.

Огненная Мария — лик засухи.

Христос — наводитель мостов.

Св. Георгий и Божья Матерь («У овец ягнята ярки...»).

Божья Матерь проклинает кукушку, кукованьем разбудившую Младенца.

Янка и ангелы. Ангелы обманом вынимают из Янки душу (яблоко).

Дары Св. Николе. Св. Никола отвергает богатые дары золотарей, землепашцев, виноделов. Я хочу одну копейку, — да и то в мой день единый, день единый, день Николин.

Господь и святые гости. Господь на олене, Божья Матерь на серне, Св. Иоанн на голубе, Св. Георгий на коне, а Св. Никола — на соколе́.

— Глубина символов и роскошь образов —

Родина и Чужбина

Тоска по родине в болгарском сердце так сильна, что на первой же странице отдела «Родина и Чужбина» заставляет молодую женщину, выданную матерью «в пустую Софию» молить Бога: «да свижусь с отцом и братом, да мать найду в могиле».

Роза, красующаяся: на черной юнацкой шапке, и на тонком стволе винтовки (чуть ли не испанский образ! Та же ли кстати, игра слов по-болгарски: *роза* на винтовочном *стволе?*)

Семья (древо)

Его ветви рвутся к небу,
Корни вьются в сыру-землю.
Его ветви — милы-снохи,
Сыновья его — коренья,
А вершины — милы внуки

Любовь

Распахнул он десно крыло —
И выпало письмо бело́

Совет *монаха:* иди в город и выбери там подругу по́ сердцу.

Мужской цинизм: — пойманная девушка молит: — «Пусти меня, Гесмаджи, я одна у своей матери!» — «Полно ты, полно, Евангелина, — и я у бабки один ведь тоже!»

Много, драгана, желаю!
Желаю, но не имею:
Твоих поцелуев желаю!
(И ответ жестокой драганы:)
— Целуй меня, милый, скорее!

Черная Чума. Петкана и мертвый Лазарь. Брат странным образом архангел, влезает на плеча Чумы.

Свобода и неволя:
«Замуж не выйду за турка —
Девять лет и еще два года...»

Три кукушки. Первая от зари и до зари — любимая, вторая изредка — сестра, третья — неустанно — мать родная.

Русский король Стефан, не желающий менять веры.

Лес и юнак:
Прекрасная былина о Короле Марке, погубившем силу свою (богоборчество). Прощание с вольной жизнью. Призыв леса.

Русалки и змеи.

Любовь мужа к жене. На десятом году вдовства спрашивает у мертвой:
— Прошла ли теперь твоя оспа?
Светла ли, свежа ли кожа?

Несчастная в замужестве молодая женщина. Ожерелье сдавившее горло — это ее первый милый, а запястья, сковавшие руки — «дети мои, малые дети»...

Три раны: от турецкой сабли, от винтовки тонкой, от девичьих зубок...

Юноша, повстречав девушку, теряет всё: конь вырывается, пес убегает, сокол улетает. Совет матери: — Коня купишь, пса достанешь, сокол прилетит, — догоняй девицу!

Юнак искушает девицу: — «Кому, скажи мне, хранишь, красотка, ты лик свой белый?» — А лик свой белый храню, мил братец, земле я черной. — Кому, скажи мне, хранишь, сестрица, ты щеки красны? — А щеки красны храню, мил-братец, зем-

ле я черной. — Кому, скажи мне, хранишь, (и т.д.) Совет юнака: — Отдай мне (перечисление <сверху: очи, уста и щечки>)... а Бог... отпустит!

Три пташки поют молодым. Первая в сумерки: вечер! вторая перед полу́ночью: спать ложиться! третья перед зарею: вставать! Первой молодая — если б знала — дала бы хлеба, второй — сахару, третьей — горькой полыни.

Мгла на горе и над горой — вздохи юноши о милой.

Гора придавила троих пастухов. Первый молит: — У меня мать на воле, второй — сестра на воле, третий — жена на воле. Кого отпустит?

(NB! Знаю: — «*Душа* — на воле! Ибо бездыханного тела даже гора не хочет. Потому что — простой мертвец. Все вы любите лежать — камнем лежать — на душах: *живом.* 1933 г.)

(Камнем лежать — на душах живых!)

Отрывок письма (очень сокращено, еле разбираю)

Милый друг[478],

Скучаю по Вас. Мне даже жаль, что под самый конец так повернуло. Не чувствовать — вот мое страстное желание. Не болеть (?) — вот решение. «С Вас содрана кожа» — вот слово одного еврея обо мне.

Мне столько нужно Вам сказать — разрываюсь. (NB! Никто никогда не хотел слушать. 1933 г.)

Хочу ходить с Вами по какой-нибудь заставе, мо́сту, в темноте, на полной воле, долго. Этого никогда не будет.

Вы, как имеющий Бога (NB! *кому* — пишу? Никого что-то не помню «имеющего Бога» которому я бы — такое писала. 1933 г.) неизбежно должны ощущать меня, как низшее, бессловесное, и если когда-нибудь будете любить меня, то как дерево — с безнадежной жалостью. Я — то, с чем Вы уже справились. Не совсем справились, от первой листвы еще немножко больно, но — и это пройдет.

Что́ еще? *Всё.* (Noch alles.)[479]

Это письмо сочтите полученным, но не написанным. Да и не письмо.

(«Не-письмо» относится к лету 1926 г., С<ен>-Жиль, когда в этой же тетради окончательно правила Тезея.)

Сон:

Огромный богатый особняк во Франции. Комнаты, каких давно не видела, вещи, о которых я давно забыла. Простор, блеск и свет богатого дома (богатства).

Это Ва́ш дом, я в гостях у Вас, но Вас нету. Много гостей. (Ни одного мужчины.) Нарядные горничные — blanc et noir[480] — бесшумные и быстрые как тени. Серебряные подносы. Сижу в кругу других. Беседа на французском. Что́ мы все здесь делаем — не знаю. (NB! Просто — «в гостях». Единственное место где делаешь неизвестно что́ и где *делать* — ничего нельзя. Явная отвычка Революции и Чехии. 1933 г.)

Входите Вы, не входите — проходите, быстро минуете. Мне необходимо Вам что-то сказать (что́ — не знаю). (NB! Знаю: «Не уходи! Побудь со мною...»[481] 1933 г.) Естественно, не окликаю и не гляжу.

Руки в каком-то тесте — вязкое. Необходимо смыть. Иду в какую-то детскую (без детей). Там Вы и какая-то Ваша родня (женщины, пожилые). Недоуменно прошу воды. Вы берете кувшин и льете мне прямо на́ руки — никаких умывальников — стою в озере. Какая-то дама, пожилая, с карими подпалинами под глазами, испытующе: — «Какая Вы молодая! И уже дочка 5 л.». — 10-ти лет — поправляю я. — И не скрываете? — Madame, dix ans de vie *vécue!*[482] Выходим, я и Вы. Вы садитесь в кресло, я рядом, на стуле. Между нами лакированный красный столик, на нем папиросы. Беру одну — рассыпается, другую — рассыпается, третью...

И, не глядя: — Мне Вам нужно одну вещь сказать.

— Об этих рассыпавшихся папиросах?

В тоне наглость и грусть.

— М<арк> Л<ьвович>, мне Вам уже нечего сказать.

Встаю. Выхожу. На большой лестнице движение. Чемоданы, картонки, веселая суета горничных.

— Madame est arrivée! Madame est là! Le petit chien de Madame![483]

Собачка в лентах. — <пропуск одного слова> переполнена. Но *выйти* — встретиться. Захожу в первую дверь. Занавес. Испуганный шепот нескольких женщин:

— Asseyez-vous là, Vous dérangez la contredanse![484]

Занавес раздвигается. Плавное проплывание лиц и тел.

Случайность[485]

(В мире белых беглых эстетов)

После тяжелой мрачной книги белого мясника Савинкова[486] можно отдохнуть над легкой и изящной книгой белого эстета, философа, мечтателя и идеалиста Сергея Волконского «Быт и Бытие». Бывший князь имеет за границей много досуга и предается неторопливым устным и печатным размышлениям на тему: «прошлое, настоящее, вечное», — таков подзаголовок книги. Волконский и пишет и говорит и думает красиво. А окружают его эстеты (белые, конечно) — которые и слушают красиво. Из красивых разговоров и красивого слушанья родилась красивая книга.

Волконский рассказывал, поэтесса Марина Цветаева слушала. Потом она восхищенно просила рассказчика непременно записывать в записную книжечку все красоты разговоров. Князь отказывался, но красиво:

«Когда я что́ „записал" я тем самым изгнал это из себя, я, как бы сказать, изменил химический состав своего *я*, и, конечно, в сторону обеднения. Вот почему я никогда не имел записной книжки».

Однако поэтесса Цветаева настаивала и красивые слова оказались записанными... только не в записную книжечку, а в рукопись целой книги, о которой речь. Долго и тщательно выбиралось название.

«Однажды Вы мне написали, что нравится Вам, как я быстро от неприятных вопросов быта перехожу к сверхжизненным вопросам бытия. И тут же я подумал, какое было бы красивое заглавие „Быт и Бытие"».

Как далеко заходят беглые и белые эстеты наши в поисках красивого, видно из такого образчика словесного их кокетства: «Я был в Париже, Вы были в Праге...»

Это ведь неисправимые кокеты и эстеты. Советское помело вымело обоих из России*), одного в Париж, другую — в Прагу. И, перекликаясь из Парижа в Прагу, лишние люди новой штамповки кокетничают: — Вы замечаете изящное чередование П и Р. Это я не намеренно. Прага и Париж. П. и Р.

Неприятные вопросы быта для Волконского и Цветаевой связаны с пребыванием их в сов<етской> Москве.

---

*) Ленивое помело, ибо выметалась, т.е. ждала разрешения на выезд, день за днем, *шаг за шагом* — 11 месяцев! М.Ц. (тогда)

— «Это было в те ужасные гнусные московские года. Вы помните, как мы жили? В какой грязи, в каком беспорядке, в какой бездомности? Да это — что! А помните нахальство в папахе, врывающееся в квартиру? Помните наглые требования, издевательские вопросы? Помните жуткие звонки, омерзительные обыски, оскорбительность „товарищеского“ обхождения? Помните, что такое был шум автомобиля мимо окон: остановится или не остановится? О, эти ночи!..»

Так вот, всё это и есть быт. «Товарищи, папахи, автомобили, звонки», — всё это быт.

О, потревоженные сиятельные эстеты! Так вы говорите — вам до «товарищей» уютнее жилось и красивее? И никто в папахе к вам не врывался в квартиру и никто не уплотнял, не реквизировал, не национализировал княжеских имений? Красивенько вы тогда жили? А теперь — Прага и Париж — красивое чередование П и Р — не правда ли?

Итак, папахи и «товарищи» — это неприятные вопросы быта. Каковы же сверхжизненные вопросы бытия?

«А помните наши вечера? Наш гадкий, но милый „кофе“, наши чтения, наши писания, беседы? Вы читали мне стихи из Ваших будущих сборников. Вы переписывали мои „Странствия“ и „Лавры“... Как много было силы в нашей неподатливости, как много в непреклонности награды! Вот это было наше БЫТИЕ».

Теперь мы видели наших великосветских эстетов во весь рост. Гадкий, но милый кофе на керосинке, стишки, взаимные комплименты, переписывание друг другу стихов. И это уже не быт, а *бытие*. И даже «героически-напряженное» бытие.

(«Правда», 6$^{\underline{го}}$ авг<уста>, среда, № 177. Статья Сосновского[487].)

Моему заместителю по передаче своими словами Сосновского и К$^{\underline{о}}$ — привет.

МЦ

(NB! Статья, очевидно, перепечатка из Правды, а «заместителю» — очевидно авт<ор> служит в Наркомнаце, «РУССКИЙ СТОЛ», т.е. там же и тем же где в 1918 году — я.)[488]

Здесь конец черновой Тезея, возвращусь к ней летом 1926 г. (несколько писем к Рильке).

Черновая (III в Чехии)[489]

Июль 1924 г.

(Тетрадь начата 4<u>го</u> июля 1924 г., в Иловищах, близь Праги)

— «Eh bien, abuse! Va, dans ce bas monde il faut être trop bon pour l'être assez».

(Гениальное слово Marivaux)[490]

—

— Для стихов. — Мысли.
(Переписано из промежуточной тетради)[491]

Выранивающие ребенка
(руки)

—

Верность: осознанная единственность (осознание единственности) — своя | и другого.
своей |
себя |

—

Верность: осознанная единственность <пропуск одного слова> и другого, две единственности, дающие единство. (Единственная возможность для меня верности.)

—

По *этой* примете Ахилл мог любить только Елену, настолько единственную, что от нее не осталось даже <под строкой: ни одного> изображения. (Подумать о *моей* Елене, семилетней, ничего не хотящей кроме — зеркала.) Пенфезилея ему — сестра. (Брат.)

—

И возвращаясь к первой записи: итак мне, для верности, не хватает только сознания единственности — в мире, раз навсегда, ни до ни после — другого. Не единственности для меня, — объективной единственности.

Короче и проще: верной можно быть только великому человеку. Не равновеликому (хотя и этого хватит!) ибо — ведь на часок и от себя сбегаешь? — а, если можно, выше.

—

Единственность для меня и есть объективная единственность, т.е. никогда объективно не-единственное я не осозна́ю и не утвержду для меня единственным. Мой масштаб и мировой здесь совпадают. С той разницей, что я единственность в мире чую раньше, чем мир.

Ведь я о единственности, а не о признанности говорю.

Верной можно быть только бесконечно тебя — высшему и, по крайней мере *одной* с тобой силы.

Ибо величие настолько же дело *силы* как высоты.

Итак, Господи, пошли мне высшего и, по возможности, сильнейшего. А потом уж — суди.

Итак, начав с необходимости равновеликости как единственного условия *моей* верности, кончаю воплем о бóльшем.

Больше себя людей я встречала. (Старше, выше. Жертвеннее — С., отрешеннее С.М., чище — кажется всех (NB! если чистота — *неведение*).) Сильнее — нет.

Верны*м* можно быть только величи*ю*. (1933 г.)

О поэзии и прозе.

Сущность точно раздвоилась по двум руслам поэтического и прозаического слова. Ибо *разное* через них говорит.

Рационализм прозы некий подстрочник к иррационал<изму?> стихов. Лаборатория мозга, души и сердца, внезапно взрывающаяся — совсем не тем. Так Бертольд Шварц, ища золото, нашел порох.

Бертольд Шварц — даже не воспоминание, а местопребывание детства. Freiburg in Breisgau, Wallstrasse 10, Pension Brinck[492] 1904 г.—1905 г. Черная статуя на какой-то площади. (Или в *моей* памяти — черная? От пороха.)

«Ты» и «я» — пограничный столб, делящий Тамбовскую и Рязанскую губернию — мнимость.

Я, это ты + возможность тебя любить.

(Ты, это я + возможность себя любить. *Ты*, единственная возможность себя любить. Экстериоризация своей души. 1933 г.)

В будущем не будет границ. — Надпись на советской границе.

L'avenir n'aura pas de frontières[493] — Наполеон на Св. Елене.

Об этом советские, конечно, не знали. Но они ведь и есть l'Avenir![494] (1933 г.)

В будущем не будет границ, — это я говорю, но иначе, об ином будущем, единственном, которое *есть*. Остальное — всё — настоящее (presens)[495].

Проливать воду в песок только потому, что она не фильтрована. А верблюд (араб) смотрит и умирает.

(Явно-*личная* запись, непосредственный смысл к<отор>ой утерян. М.б. о Борисе, не отсылающем мне писем из-за их не окончательности (NB! то, что так часто делаю я сама, но из-за неполучения их ни один верблюд (араб) не умирает. Я никому не была нужна *как вода*.) 1933 г.)

Край, где женятся на сестрах
...
! — я остров:
По́суху ко мне нельзя.

Морем: мною.

Моему брату в пятом времени года, шестом чувстве и четвертом измерении — Б.П.

(И в седьмом небе — прибавляю я в 1933 г. — для <пропуск одного слова>.)

Ратоборство равных.

В следующий раз рождусь не на планете, а на комете.

Предисловие для прозы:

Сто лет назад вышла в свет одна житейски-спорная (в божественности своей — бесспорная) женская книга, с следующим вызовом взамен предисловия:

— Dies Buch ist für die Guten, und nicht für die Bösen[496].

И вот, сто лет спустя бросаю этот вызов моей подруги — наоборот:

— Dies Buch ist für die Bösen, und nicht für die «Guten»[497].

Три стиха[498] с 30го июня:

Есть рифмы в мире сем — 30го июня 1924 г.

Не суждено, чтобы сильный с сильным — 3-го июля 1924 г.
В мире где всяк — 3-го июля 1924 г.

...Явь, а может быть виденье
Сонное...
(Остров)

С нижней — дрогнувшею — губой
Закусив — — обиду
Неумолчное как прибой:
— Возвратите мне Бриссеиду!

Троя — что́! Есть одно: —
И обида : добыча
Вырванная...

...сердечной дикостью
Меченные с пелен.

Строки:

(20-го июля переехали из Иловищ в Дольние Мокропсы — паром через реку — в огромный двор и в крохотный домик, где ни одной прямой линии, а стены в полтора аршина толщины. — Вход под аркой. — С 15-го июля неустанно пишу Тезея. Много отдельных строк.)

Вереницею комнат, где жил и маялся
Жизнь, ужели предстанешь в предсмертный час?

Души, души неуживчивые!

покрывало
— Откуда мне сын?
Я мужа не знала.

(Если то-то и то-то со мной — не моя вина, это доказывает лишь...)

Божества на моей земле
Ужасающее бесправие.

Поля в снопах. Слепят.

Над колыбелью твоею — где ты? —
Много — ох много же будет пето!

Где за работой швея и мать —
Басен и песен не занимать.

Над колыбелью твоею нищей
Многое, многое с Бога взыщем:
Сроков и соков и лет и зим —
— Много! — а больше еще —

Над колыбелью твоею скрытной
Многое, многое Богу крикнем
+
+

Над колыбелью твоею скромной
Многое, многое Богу вспомним
— Повести спящие под замком. —
Много! а больше еще — сглотнем.

Лишь бы дождаться тебя да лишь бы...
Многое, многое станет лишним:
Выветрившимся! вчерашний дым...
. . . .
Всё недававшееся — моим!

5го авг<уста> 1924 г. (Не окончено)[499]

(Вариант, неважный)
...Над колыбелью тв
Многое, многое станет явным —
Psyche[500]: прошедшая сквозь тела
: чем стала и чем была

—

...Всем бы колыбель:
Только *мачеха* качает!
11го авг<уста> 1924 г. (жизнь)

—

между делом, т.е. во время Тезея.

—

Непременно стихи о забываемости (меня) — музыки, запаха, весны. Память не держит. Не держатся в памяти. (3го сент<ября> 1924 г.)

—

Имени — упоминанье

—

Ноты — маки, но вверх стеблем

—

Как над маковыми —
Головами...
(Ноты — маки, но вверх стеблем)

———

горят
...
На линейках опрятных гряд:
Грядках опусов...

———

Обеспамятев от памяти

———

Ворочается вулкан

———

Женщина, что у тебя под шалью?
— Будущее![501]

———

Мститель (ребенок)

———

Камни сыпались с звуком шелка
Рвущегося

———

Между перстом и ногтем

———

Не забыть и не избыть

———

Пела как стрелы и как моррэны
Мчащие из-под ног...
(8го ноября 1924 г.)

Тогда же «Так только Елена...».
«Вьюга наметает в полы» — 19го ноября 1924 г.

———

Листья сыпали осины
На двух любящих. — Лило.
Уговаривал мужчина —
Женщину. Но помело
Осени — слова глушило

— «Но всегда и нерушимо —
С оборотом на тебя».

———

«Врылась, забылась, и вот как с тысяче-
Футовой лестницы без перил...»[502]
(24го ноября 1924 г.)

———

«В мозгу — ухаб проложен...»[503] — 26го ноября
«Точно гору несла в подóле...»[504] 29го ноября
суббота

«Ятаган? Огонь?» |
«Живу — не трогаю...» | 1го дек<абря> 1924 г.

Слова: с надсердки (в сердцах), вчерне, непременная воля, об*ы*мая, преслушный

Четырежды взятый, семижды отнятый
(город)

Все — над воловьей
Жилой любви!

(Смысл: зубы сломаешь над воловьей жилой любви.)

Так. . . .
Маляры — раны закрашивают
На домах после обстрела

Полотерская — 18го декабря 1924 г.

когда ново
Казанова
(*органическая* рифма)

Ох: когда трудно, томно, или *после* усилия
ах: неожиданность, изумление, новизна, восторг
эх: не везет, не дается, птица — из рук, мог бы — да...

Неодолимые возгласы плоти:
Ох! — эх! — ах![505]

Тако во облацéх

...
Все животы в родстве!
Выйди на площадь да погромче —
И сговорятся — все!

(NB! сильнее)
Целого лирика в переплете
— Не в десяти ль томах? —
Неодолимые возгласы плоти:
— Ох! — Эх! — Ах!

———

В глухонемые часы: без рифмы

———

Чем задохнуться — так разорвемся ж!

———

«Емче органа и звонче бубна» — 28$^{\underline{го}}$ дек<абря> 1924 г.

———

NB! О Царе Мидасе

И хлебом стал звук.

———

И звуком стал хлеб.

———

NB! На всякое *ох* есть *ах* — и на всякое *ах* — *ох!*

———

Евы золотое яблоко.
...Ты меня забудешь наглухо.

———

...Как там живут?
Не задумавшись отвечу: — Тесно.
Воздух вымерили по вершкам
И восторг отпущен по квадратам

———

земл<е?> |
...Что́ не о советской, то, Москве |
Речь, а о звезде одной, совсем не
Звездной...

———

Несколько бессмертных строк

———

Пела рана в груди у князя
Или раны его — стрела
Пела?

———

«Не возьмешь моего румянца»[506] — 25$^{\underline{го}}$ дек<абря> 1924 г., чешское Рождество.

———

+
+

Пела рана в груди у князя
Или раны его — стрела
Пела — к милому не поспеть мол —
Пела, милого не отпеть —
Пела. Та, что летела степью
Сизою? — Или просто степь
Пела, белое омывая
Тело... «Лебедь мой дикий гусь»
Пела... Та, что с синя́-Дуная
К Дону тянется...
Или — Русь
Пела?[507]

(Конец декабря 1924 г.)

...Как билась в своем плену
От
И к имени моему
Марина — прибавьте: мученица

Здесь кончается 1924 г.

На пороге между 1924 г. и 1925 г. — стихи Крестины

«Воды не перетеплил
В чану, зазнобил как надобно...»

1925 г.

«Воды не перетеплил» — 1-го января 1925 г.

Мысль: — Если Христос и любил плоть, то как поэт: для подобий своих и притч — чтобы людям понятней — никогда в упор, никогда — как таковую.

Вот Соломон — любил! (Песня Песней, с такой цинической натяжкой выдаваемая католиками за прославление Христовой невесты — Церкви. NB! М.б. *Римская* — действительно такова (с грудя́ми, с гроздями). *Наша* — с *гвоздями* (Распятия).

(Христос плоть не любил, а допускал. 1933 г.)

В теле как в трюме
В себе как тюрьме

Из мыслей о редакторах и редакциях:

Ведь всё равно, когда я умру — всё будет напечатано! Каждая строчечка, как Аля говорит: каждая хвисточка! Так чего же ломаетесь (привередничаете)? Или вам вместо простой славы <пропуск одного слова> солнца непременно нужна <пропуск одного слова> сенсация смерти? Вместо меня *у стола* непременно — я *на* столе?

(И это — напечатаете!)

У Али восхитительная деликатность называть моего будущего сына: «Ваш сын», а не «мой брат», этим указывая его принадлежность, его — местоположение в жизни, обезоруживая, предвосхищая и предотвращая мою материнскую ревность (единственную, в к<отор>ой страдание не превышается — не погашается — презрением!).

О безнравственности «института кормилиц»

Кормилица. Будь они, я бы конечно взяла кормилицу — («Барыня, у Вас молока как у мы-ыши», нянька Надя, 1920 г.) — и без всяких угрызений совести, по той простой причине, что мой ребенок — в мире — ценнее. Слишком мало шансов, чтобы у меня родился дурак, а у нее — Ломоносов.

(Хотя бы потому, что из нас двух я — Холмогоры! 1933 г. Или, во всяком случае, столько же.)

Сто́ило бы Канту (к<отopo>го никогда не читала и не прочту) назвать свою книгу «Игры пера», как его бы столетия подряд упрекали бы в легкомыслии. Я слишком знаю portée[508] (гипноз) названия. Это единственное в чем верит поэту — философу — высшему — критик. И почти всегда — зря. Так *«Ремесло»* мое например — вызов — и проверка, во всяком случае <пропуск одного слова> — на́двое.

И меж твоим и моим сиянием
Не поскупился на расстояние
Бог...

(Б.П.)

...и *дрожу* в тепле.
Если бы знали как тесно в теле мне
Собственном —

Пожелание к Новому Году

Дорогая Марина и Рысь!

Желаю Вам Сына Бориса (непременно гения, не чета мне), чудесного подарка от Лисевны[509] (платье или ч<то->н<ибудь> в этом роде), неожиданной откуда-нибудь получки, очень большой. Я не надеюсь, что мой скромный фартук может Вам доставить удовольствие. Прилагаю Вам при пожелании скромное иждивение, нá ночь, чтоб у Вас оно не переводилось все ночи 1925 г. Желаю Вам еще всё то, что желаете *Вы*.

Итак — с 1925 годом!

Целую, целую, целую Вас

Ваша, вечно Ваша Аля

Что будет в этот день (31го декабря) с нами в 1926 г.?

P.S. Вашему сыну Борису будет почти что год.

Строки:

...Что с видом Сивиллы старой
Скучает по скалам
(Ель)

Ель моя! старая
Сивилла моя!

Мысль:

Есть люди, общество которых нас унижает. Это сложнее чем кажется. Люди, которые на нас линяют. (NB! самые *слабые*, самой слабой окраски: *прочно*-серой!) — На мою бессмертную душу?? — Нет. Но она, в их обществе, отсутствует, устраняется, оставляет меня *одну* aux prises avec[510] —. (Моя душа — не я, я, это я + душа. Мое осознание ее + она. Она, устраненная, я без нее — всё я: осознанное ее отсутствие: *МИНУС*.)

Две категории: одни унижают нас перед собою (мною), другие — перед лицом окружающих (NB! одного). Видя меня напр. в первый раз с X., человек невольно объединяет нас, как бы мы ни различались. Это особенно распространяется у меня на женщин: *я* всегда чувствую себя ответственной за глупости, которые они говорят. Мне стыдно. Нечто родовое.

Есть общество — как сообщничество (сопреступничество).

8го января 1925 г.

Строка:

Погребенная за́живо под лавиною
Дней...

Три своих над Платоновой половиною
Промотав...
(души́)

Душа́ моя! Тайга моя!

Этой жизни — местность и тесность.

И еще скажу: самоедом в чу́ме...

NB! Строка:

В море, где мало плавала,
Много плакала...

«Существования котловиною» — 11го янв<аря> 1924 г.
(NB! 1925 г.)

По всему — чему угодно —
Только не по розам!

NB! Мысль:

Стихи мне нужны как доказательство: жива ли я еще? Так узник перестукивается со своим соседом.

Я в себя стучу как в сте́ну...

«Как Муза моя? Жива ли еще...»[511] 2/15го янв<аря> 1925 г.

Я бы хотела когда-нибудь написать повесть о *невинной* любви. О двоих, на нее отважившихся.

Все вы бедные, бессудьби́нные...

Мысль:

Лирика (т.е. душа и я) — вечная трагедия. Никакой связующей нити между вчера и сегодня. Что́ со мной будет — то будет и в тетради. Чего со мной не будет — того не будет и в тетради — верней: то будет — *в тетради*. Но будет и не будет — случайно, не по моей воле, вне моего замысла. Мне оста-

ется только сидеть и ждать — у вечного лирического моря — вечной поэтовой *погоды.*

— Море! — небом в тебя отваживаюсь...

Око! Светом в тебе расслаиваюсь...

Мысль:

Я не люблю, когда в стихах описывают здания. На это есть архитектура, дающая.

Высота, отвес, наклон, косяк, прямой (косой) угол — это принадлежит всем, поэту, как зодчему. Этим путем здание — да. Evoquer[512].

Предметы как таковые в стихах не нужны: музей или мебельный склад («на хранение»). Фронтон отождествленный с собственным (или не-собственным) лбом — да...[513]

Бессмысленно повторять (давать вторично) вещь уже сущую. Описывать мост, на котором *стоишь.* Сам стань мостом, или пусть мост станет тобою, отождествись или отождестви. Всегда — *иноскажи.*

Сказать (дать вещь) — меньше всего ее описывать.

Осина дана зрительно, дай ее внутренно, изнутри ствола: сердцевины. Только *такая* осина тебя ждет, для желтой, стоящей, сущей — ты лишний. Тебе ей нечего дать.

За приверженность струне...

Сердце с правой стороны

С шаманами,
С цыганами...
Душа моя! Тайга моя!

Свист-иволга! Ширь-таволга!
Душа!   шалая
Не тяглая, а беглая —
До краю ль ей? До брегу ль ей?

Тайга — сама в бегах

Чтó до собственной мне жизни?
Не моя — раз не твоя!

Младенчество:
Татары, полотеры, плотогоны, *Дог*, утопленники

—

Чтоб больше не возвращалась
И не посещала мест…

—

Мысль:
(30го января 1925 г.)

Есть вещи, которые можно только во сне. Те же — в стихах. Некая зашифрованность сна и стиха, вернее: обнаженность сна = зашифрованности стиха. Что-то от семи покрывал, внезапно сорванных.

—

Под седьмым покрывалом — ничего: Ничто: воздух: Психея. Будемте же любить седьмое покрывало («искусство»).

—

Февраль (1925 г.)

Сын мой Георгий родился 1го февраля 1925 г., в воскресение, в полдень, в снежный вихрь. В самую секунду его рождения на полу возле кровати загорелся спирт, и он предстал во взрыве синего пламени. Sonntags, Mittags и Flammenkind[514].

Родился в глубоком обмороке — откачивали минут 20. Спас жизнь и ему <и> мне Г.И. Альтшулер, ныне, 12го, держащий свой последний экзамен.

Накануне (31го марта (описка: 31го января)) мы с Алей были у зубного врача в Řevnic’ах[515]. Народу — полная приемная, ждать не хотелось, пошли гулять и добрели почти до Карлова Тына. Пошли обратно в Řevnic’ы, потом, не дожидаясь поезда, рекой и лугами — во Вшеноры.

Вечером были с С. у А.И. Андреевой[516], смотрели старинные иконы и цветную фотографию, вернувшись домой около 2 ч. — еще читала в постели Диккенса: Давид Копперфильд:

Рождаюсь.

Мальчик дал о себе знать в $8^{1}/2$ ч. утра. Сначала я не поняла — не поверила — вскоре убедилась — и на все увещевания «всё сделать чтобы ехать в Прагу» не соглашалась. Знала что до станции, несмотря на всё свое спартанство, из-за частоты боли — не дойду. Началась безумная гонка С. по Вшенорам и Мокропсам. Вскоре комната моя переполнилась женщинами и стала неузнаваемой. Чириковская няня вымыла пол, всё лишнее (т.е. всю комнату!) вынесли, облекли меня в андреевскую

ночную рубашку, кровать выдвинули на середину, пол вокруг залили спиртом. (Он-то и вспыхнул — в *нужную* секунду!) Движение отчасти меня отвлекало. В 10 ч. 30 мин. прибыл Г.И. Альтшулер, а в 12 ч. родился Георгий. Молчание его меня поразило не сразу: глядела на дополыхивавший спирт. (Отчаянный крик Альтшулера: — Только не двигайтесь!! Пусть горит!!)

Наконец, видя всё то же *методическое*, как из сна, движение: вниз, вверх, через голову, спросила: — «Почему же он не кричит?» Но как-то не испугалась.

Да, что — мальчик узнала от В.Г. Чириковой[517], присутствовавшей при рождении: — «Мальчик — и хорошенький!» И, мысленно сразу отозвалось: — Борис!

Наконец, продышался. Выкупали. В 1 ч. пришла «породильная бабочка». Если бы не было Альтшулера погибли бы — я-то не наверняка, но мальчик наверное.

Никогда не забуду его доброго проникновенного голоса: — «Скоро родится, Марина Ивановна...»

<Пробел в несколько строк >

Говорят, держала себя хорошо. Во всяком случае, ни одного крика. (Все женщины: — Да Вы кричите! — Зачем? — И только одна из них на мое (— Ну как?) тихое: «Больно». — И нужно, чтобы было больно. Единственное умное слово, а любила меня — больше всех (А.И. А<ндреева>).) В соседней комнате сидевшие утверждают, что не знай — чтó, не догадались бы.

———

Sonntagskind — будет понимать речь зверей и трав. Mittagskind — но в Mittag'е уже Sonntag: зенита. Flammenkind —

Flamm' wird alles was ich fasse
Kohle — alles was ich lasse —
Flamme bin ich sicherlich![518]

И (материнская гордость) — особый огонь: синий.

———

У Георгия было семь нянь: волчиха-угольщица, глядящая в леса, А.И. Андреева, В.Г. Чирикова, Муна Булгакова, Катя и Юлия (!!!) Рейтлингер. Чешка — цыганка — волжанка — татарка — и две немки. (Городок Reutlingen, либо на Неккаре либо на Рейне). Причем одна из этих немок[519] — православная (лютая!) монашка, в черной рясе с широченным ремнем, строгая до суровости и суровая до свирепости — иконописица — сидела и три часа подряд молча терла наждаком доску для иконы, чем окончательно сводила меня с ума. Воплощение чистейшего *долга*, во всей его неприкрашенности, ничем-не-скрашенности и

безрадостности. Сидел протестант, больше — солдат Армии, Спасения и выполнял свой долг.

Муна Б. (татарка) была как тень и наверное думала о своем несбыточном сыне от Р<одзевича> — о котором — немножко — с снисходительной над собой — и ним — и всем — улыбкой немножко думала и я (не забыть записать этой дичайшей сцены ревности, в кафэ, когда узнал, что у меня будет сын. Сначала — радость, потом, когда сообразил — ревность. Но всё это смыто ПОТОКОМ КРОВИ РОЖДЕНИЯ.)

Муна Б. при ребенке напоминала татарскую невольницу — «полоняночку» — м.б. даже ту, разинскую — черные бусы глаз *создавали* чадру... Инородческая тишина над тайной...

В.Г. Чирикова (актриса, волжанка) кокетничала как всегда со всеми и всем, старая актриса просто — играла: в молодую мать (это я без злобы, она и молодой матерью будучи — играла, доигрывала) в молодое материнство, всё равно чье, ее или мое... — А он прехорошенький! Почти что — горбоносый! А ноздри! ноздри! Прямо — Шаляпин — наполняя комнату и, мне, голову жестами рук в браслетах и всплесками юбок искусственного шелка, *особенно* свистящего.

...Цыганка (А.И. Андреева) над ребенком была воплощением звериного материнства, <пропуск одного-двух слов>, матерью-зверем и даже звер*ью*. Сначала отдав дань его исключительности:

— ЛОБ!!! Сейчас видно, что сын интеллигентных родителей! и исключительности имущественного положения:

— А сколько «спинжаков» тебе на<дарили?>, сколько жилетов! И хотя бы — одни штаны!

— Вы не так кормите! Подымите выше! Да разве это — грудь? Как в такой груди может быть молоко?? Чтó там, вообще, может уместиться? Не удивительно, что он недоволен, я́ бы на его месте... Я бы на Вашем месте просто дала бы ему цельного молока от коровы. Доктора́? — Богатырь!

...Как — и это всё? И Вы думаете, что он может быть сыт? Ничего, что ничего нет — хотя иллюзию оставьте. А я бы на Вашем месте просто настояла бы ему овса — и т.д. и т.д. — самовластно, ревниво, нетерпимо и нестерпимо, доводя меня до тихих слез, которые я конечно старалась загнать назад в глаза или слить с боков висков — помню даже тихий стук о подушку — ибо знала, что всё это от любви: ко мне, к нему, к *живому*, и от жгучей, м.б. и неосознанной раны, что всё это — не с нею и с нею уже никогда не будет. (Безумно-любимый Л. Андреев и сорок, а м.б. и больше, лет.)

— У А.И. к нему естественные чувства бабушки — улыбаясь сказал мне *мой* доктор.

— Не бабушки — подумала я — бабушки отрешеннее. Не бабушки, а матери к невозможному, несбыточному последнему. Сейчас — или никогда. И знает, что — никогда...

———

...И еще — няни. Вот Катя Р., сестра того женского квакера с наждаком. Катя Р., высокая, белокурая, шалая. Всегда коленопреклоненная — то перед одним, то перед другим. На колени падающая — с громом. Катя Р., с целым мешком дружбы и преклонения на спине — через горы и холмы Праги — защитного цвета мешок, защитного цвета дождевой плащ — огромными шагами через горы и холмы Праги, а то и из Праги во Вшеноры — с чужими делами и долгами и заботами в мешке — носящая свою любовь на спине, как цыганки — детей, <фраза не окончена>

Катя Р., так влюбленная в мои стихи — и так влюбленная в С.

...Она и Алю носила на спине, даже галопом, по нешуточным горам Вшенор — огромную толстую десятилетнюю Алю — чтобы порадовать — ее и что-то себе — лишний раз — доказать. Ту Алю, которая ее на мокропсинской горе (можжевеловый кипарис: Борис) под предлогом видом <так!> шоколадных конфет накормила козьими — в сахаре.

Эта буря меня обслуживала — тихо, этот лирический водопад тихо звенел о стенки кастрюлечек и бутылочек, на огне страстей ва́рилась еда. В Кате Р. Георгию служили побежденные — демоны.

———

«Мать мальчика». (Александра Захаровна Туржанская.) Тоже любившая С. Мать мальчика Лелика, одинокая мать брошенная отцом[520]. К ней я тогда ринулась со своим страшным горем (Р<одзевичем>) и она как тихое озеро — приняла.

Белая комната с ежедневно, до страсти! мо́емым полом, с особой — нечеловеческой страстью! в малярийные дни. Откроешь дверь и в саду — т.е. в окне, в котором яблоня, которое — яблоня. Поскольку помню — вечно-цветущая. Просто — райская. Кроватка. Плита, чище зеркала. К ней другие ходили за пирогами, я — за тайной — всего ее непонятно, неправдоподобно-простого существа. И с самотайной — себя. «Есть на свете, друг Горацио, вещи, которые и не снились мудрецам»[521]. Шекспир здесь, конечно, о *простых* вещах говорит. «Мать мальчика» была именно такая вещь, *такой* простоты — вещь. Чего никто не понимал кроме меня. (А она?)

Монашка. Православная. М.б. — Флёнушка из «В лесах и на горах»[522]. Отцветшая, отбушевавшая Флёнушка. Бескровное лицо с прозрачно-голубыми — секундами непроницаемо-сизо-дóчерна-синими — глазами, ровно столько губ сколько нужно для улыбки, — улыбка *без* губ —

Прямоносая, лицо *молодой* иконы. Таких, в старину, за эти глаза — жгли. А нынче они — с этими глазами — по ресторанам. И хорошие «чаи́» — за эти глаза. (Моя тоже была — в Константинополе.)

Игрой случая страстно любила мой детский «Волшебный фонарь» и из всех книг увезла, когда бежала, только его. Его и Евангелие. (М.б. за сходство с молитвенником.) В Константинополе его у нее украли (по русск<ому> выразительному слову «зачитали», т.е. та́к читали, что ничего не осталось — владельцу. То же самое, что «заспать» младенца.) Познакомились через Алю, ходившую играть к сыну «матери мальчика». Не сразу. *Она* за моим именем не гналась. Ждала событий.

Честно могу сказать, что последующая любовь к С. ни в чем не помешала ее любви ко мне. *Она его знала* и знала что́ я для него. Верьте вяжущим вам фуфайки и няньчущим Ваших детей. Эти за Вас — в огонь пойдут.

И вот ежедневное явление на пороге. — Здравствуйте, М.И. Здравствуй, Борис! — не спрашивая как моя ревнивая цыганка: — Зачем — Борис? Сейчас все — Борисы! (Я: ?) В честь Пастернака? И Пастернака бы нужно было переименовать, а не то, что... Ну, в честь Пастернака — еще что-нибудь. Книгу ему напишите...

Это было воплощение тишины, уместности, физической умелости. Как дома пироги у нее возникали сами — без рук — или только с помощью рук — и даже не рук, а нескольких (заклинательных, навстречу и *по желанию вещи*) движений — так и здесь:

— Переложить «Бориса» — перестлать мне, не прикоснувшись ко мне, постель — руки сами, вещи сами, магический сон, тишина.

(*Катерина* из Страшной мести, *Катерина* из Грозы[523]. И еще:

Катя-Катерина,
Разрисована картина.
Катя коврик вышивает,
Офицера поджидает.
— Офицер молодой,
Проводи меня домой!

А мой домик на горе —
Два окошка во дворе.

Два — как глаза. И не как, а: — глаза. Два синих глаза.)

— Я никогда не любила своего, как я люблю этого. Я своего, маленького, не любила. Стеснялась. Ни за что бы не взяла нá руки —

совершенно не понимая, до чего она вся, всё девичество и всё первое-женское, и всё последующее женское, до чего ВСЁ — в этом признании. И до чего это признание — *закон.*

Такие у тебя, Мур, были няни.

Не забыть посещения — нет, именно визита, а не посещения — католического священника о. Абрикосова[524]. Шелковая ряса, шелкóвые речи, поздравления, пожелания. Его единственного из всех мужских посещений я — <фраза не окончена>. С ним, перед ним единственным — ощутила себя женщиной, а не мною, а не матерью. Женщиной в ночной рубашке. Перед мужчиной в рясе <сверху: шелку>. Элегантная беседа. Реплики. Никакой человеческой теплоты. Никакой святости. Парирую как могу. (А лежа — физически трудно.)

Впрочем, я больше смущалась за него, чем за себя. *Рим* во Вшенорах!

Не забыть — нет, не няню, доброго гения, фею здешних мест — Анну Александровну Тешкову[525]. Приехавшую — с огромной довоенной, когда-то традиционной коробкой шоколадных конфет — В ДВА РЯДА, без картона, без обмана. Седая, величественная, Екатерина *без* вожделения, нет, лучше Екатерины! изнутри-царственная. Орлиный нос как горный хребет между голубыми озерами по-настоящему спокойных глаз, седой венец волос (ледники, вечность) высокая шея, высокая грудь, *всё* — высóко. Серое шелковое платье — *конечно*, единственное, и не пожалённое для Вшенорских грязей, ибо — первый сын! —

— Я могу без конца смотреть на таких маленьких. На их лицах еще всё *ТО* написано. Что они видят? Что они помнят?

— с такой явностью преклонения в эт<?> <пропуск одного слова> наклона.

(Пишу плохо. Всё это — черновик. Но иначе — никогда не запишу. Уйдет. 1933 г.)

И, наконец, возвращаясь к первой ночи — к ночи с 1-го на 2-ое февраля —

Чешка-угольщица. Первая. Никогда не забуду как выл огонь в печи́, до́красна раскаленной. (Мальчик, как все мои дети, обскакал срок на две недели (— от чего, впрочем, как все мои дети, не был ни меньше, ни слабее, а еще наоборот крупнее и сильнее других) — и нужна была теплица.) Жара. Не сплю. Кажется, в первый раз в жизни — блаженствую. Непривычно-бело́ вокруг. Даже *руки* — белые! Не сплю. *Мой сын.*

— О—о—о́—о — угрожающе-торжествующе воет огонь, точно не в печи, а в самой мне, пронося меня точно самой мной, унося меня из самой меня дымоходом пищевода сквозь трубу шеи и стукнувшись о темя куда-то дугой в затылок, *занося* мне затылок ниже подушек, проваливая меня ниже можного и вновь начиная с ног...

И торопливое сонное невнятное бормотание старухи — всё на ц и на зж — чешка из *той* Богемии: Яна Жишки, Жорж Занд и «богемского хрусталя».

А вот — Алина запись[526]:

Совсем другое

27 марта 1925 г.

Живем мы теперь очень давно во Вшенорах. Как-то, в темный синий вечер мама мне сказала, что у нее будет ребенок (а у меня сестра или брат). И вот мы с ней, гуляя по двум надоевшим шоссэ, мечтали. (Конечно о мальчике.) Какой будет, на кого похож, как назовем? Мама должна была ехать в Прагу, в лечебницу, от 1<u>го</u> до 20<u>го</u> февраля. Так там ей сказал доктор. (Лечебница была на острове, на Влтаве.) Она бы до 20<u>го</u> жила у Кати Рейтлингер а там в лечебницу. Лечебница была сопряжена с неприятностями: во-первых курить нельзя, потом было нужно свое: разные деликатности, ночные рубашки, чего у нас и в заводе не было.

И вот в один прекрасный день папа побежал за Альтшулером, дико растерялся, позвал Анну Михайловну Игумнову[527], а я в это время всё перетаскивала в другую комнату, разные вешалки, чемоданы, ведра. Постелила чистые простыни, выбила плэд. Потом прибежали целые полчища дам с бельем, тряпьем, флаконами и лекарствами. Они меня выгнали к Жене[528] и Муне. Я видела в окно пробегавшего Савву Андреева[529] и еще и еще прибывавших дам.

Часа через два за мной зашел папа и сказал, что мама меня хочет видеть, но что к ней нельзя, что у меня брат, очень хо-

рощий и большой. Я мигом маме написала записку и была как сумасшедшая от радости.

Брат мой Георгий родился 1го февраля 1925 года, в воскресенье. При его появлении присутствовали Анна Ильинична Андреева, Анна Михайловна Игумнова, Валентина Георгиевна Чирикова, Новэлла Евгеньевна Ретивова (Чирикова)[530], чириковская няня, Наталья Матвеевна[531] (родственница Андреевой), Г-жа Альтшулер[532] и сам Альтшулер. Барсик! Когда-нибудь ты это прочтешь!

(NB! Я из всего Бориса оставила себе скромного Барсика.)

Алина же, позднейшая запись
(уже во Франции, д.б. первый год Мёдона, т.е. осень 1927 г., Муру 2^1/2 года — после Асиного приезда[533] и скарлатины)

Когда Мур родился он был немножко меньше моего медведя (я: очень большого!) но вскоре его перерос.

При его рождении присутствовали многочисленные феи: А<лександра> З<ахаровна> — фея шитья и кулинарного искусства, Вал<ентина> Георгиевна — фея вечной молодости, няня — фея трудоспособия (мыла пол), Анна Ильинична — фея того же, что и В<алентина> Г<еоргиевна> но даже скорее — фея вечной красоты и беззаботности, Анна Мих<айловна> Игумнова — фея хозяйственности, Н.Е. Ретивова — фея домовитости, В.А. Альтшулер — фея равнодушной неряшливости и Наталья Матвеевна — фея рабства и робости. И потом фей — сам Альтшулер, — фей медицины, высокого роста, худобы, доброты и еще всяких хороших качеств.

(Опять я:)

А вот про Анну Мих<айловну> Игумнову я, тогда перечисляя Муриных нянь, забыла. (Вот она, благодарность!)

Дочь убитого Герценштейна[534]. Ярко, жарко-черная. Невероятной быстроты речь. *Безумие рационализма*. Так напр., однажды вхожу: на столе, свесив ноги, совершенно голый мальчик. — Почему это он... — А я его сейчас буду кормить шпинатом. А так как он его ненавидит и всё потом приходится снимать — и стирать, я сразу снимаю. *До* еды. (Пояснительно:) Чтобы не стирать. Выкупать — легче.

Никогда не забуду голого зеленого мальчика. Теперь (1933 г.) ему 12—13 лет. — Полюбил ли шпинат?

Продолжение «Рождаюсь»
(из III чешской черной черновой)

...В тот день были поставлены нá ноги все Мокропсы и Вшеноры. Я и не знала, что у меня столько друзей. Радость, когда узнали, что сын была всеобщей. Поздравления длились дней десять.

IV Союз[535] предложил С. назвать сына Иван, Лутохин[536] д.с.п. предлагает Далмат, я хотела Борис, вышел — Георгий.

Борисом он был 9 месяцев во мне и 10 дней на свете. Но — уступила. Уступила из смутного и неуклонно-растущего во мне чувства некоей несправедливости, неполности, нецельности поступка. Борисом (в честь Б.П.) он был бы только мой, этим именем я бы его отмежевала от всех. Радость С. меня растрогала и победила: раз радость — то уж полная радость, и дар — полный дар.

2) Назовя мальчика Борисом, я бы этим самым ввела Б.П. в семью, сделала бы его чем-то общим, приручила бы его — утеряла бы Б.П. для себя. Тонкое, но резко-ощутимое чувство.

3) Имя Борис не сделает его ни поэтом (достаточно <пропуск одного слова>!) ни Пастернаком.

4) Хороша звуковая часть: Георгий Сергеевич Эфрон — вроде раската грома.

5) Св. Георгий — покровитель Москвы и белых войск. Ему я своего будущего сына тóгда, в Москве, посвятила. Имянины мальчика будут 23го апреля, в Егорьев день — когда скот выпускают и змеи просыпаются — в Георгиев день — праздник Георгиевских кавалеров. Георгий — символ Добровольчества. (Одна чекистка — в 1922 г. — мне (была перехвачена тá почта) — «Почему они все — Жоржики?» — «Не Жоржики — а Георгии!»)

6) и главный (все главные!) довод: — Назвав его Борисом я бы этим отреклась от всего будущего с Б.П. — Простилась бы. — Тáк, за мной остается право.

7) легче уступить, чем настоять.

Девиз своему сыну я дарю:

NE DAIGNE![537]

Неожиданно осенило за несколько дней до его рождения, применительно к себе, без мысли о нем. (М.б. óн во мне — *мыслил?*) Девиз, мною *найденный* и которым счастлива и горда больше, чем всеми стихами вместе.

Ne daigne — чего? Да ничего, что — снижает: что бы оно ни было. Не снисхожу до снижения (страха, выгоды, личной боли, житейских соображений — и сбережений).

Такой девиз поможет и в смертный час.

Внешность — аккуратная светлая голова, *белые* ресницы и брови, прямой крупный нос, чуть раскосые, с длинным разрезом средней величины стально-синие глаза, рот с сильно-выступающей припух<лой?> верхней губой, острый подбородок. Руки с чудесными глубокими линиями жизни, ума и сердца. Глубока и сильна линия дарования (на левой руке — от четвертого пальца вниз).

Общее выражение: добродушное, милое. Ни секунды не был красен. Все говорят: красавец. (М.Н. Лебедева[538]: — «Таким маленьким красивыми быть не полагается».) Красивым не назову, но — *мой:* сердце лежит!

Через лоб — огромный и совершенно-законченный — ярко-голубая жила: Zornesader[539].

Уменьшительные: Егорушка и чешское Иржик (был у чехов такой король) — на память о Чехии.

Приданое великолепное: ни одной вещи купленной: сплошь подношения! Меньше всего пеленок, больше всего кофточек: не шутя — штук 50! Этим обилием — устрашена.

Есть раздвижная американская коляска — для когда постарше — купленная за 50 крон у каких-то русских.

В<оля> Р<оссии> подносит ему настоящую, с верхом. — Письмо приведу. — Пока спит в андреевской бельевой корзине. Есть ванна (одолженная). Есть — всё. Ни один мой ребенок так не был встречен. Дай Бог РОСТУ и ВЕКУ!

В вечер дня его рождения актер Брэй (редкий и страстный знаток стихов и такой же поклонник Пастернака) читал в Чешско-Русской Едноте мои стихи[540], в частности «Посмертный марш» и «Новогоднюю».

Третий день как встала. Чую, что скоро будут стихи.

(Помню как ни за что не хотела выходить на волю. «Да Вы — выйдите, погода чудная» — и т.д. Как под теми или иными, вовсе не *моими* — предлогами: слабость, усталость, не знаю чего — оттягивала. Мне казалось просто немыслимым —

перешагнуть порог. И диким, что никто этого не понимает. Точно так просто — взять и выйти.

Нежелание выходить из <пропуск одного слова> круга чрева.)

— Счастливый мальчик! Весной родился! (докторша Романченко, как я чувствовавшая 1ое февраля — весною. А какая тогда бушевала метель!)

Третий день как встала. Чую, что скоро будут стихи.

С спокойствием кормящей

Лирическое млеко

(Состав: ревность, гордость, обида, пр. Всякими ядами.)

— не молоко:
Чистейшее вдохновение!

Мысль: (NB! Я всё, что не стихи, тогда называла мыслью. А м.б. так и есть — у меня?)

Никогда я та́к не чувствовала отдельности души от тела, как этот год. Душа моя живет не во мне, а вне. Она меня зовет. (— Wo bleibst Du denn?)[541] Совсем не удивилась бы, встретив ее на улице. — «Ты похожа на мою душу».

А что такое тело (я)? Тело — опустелый дом души, сознание отсутствия ее, тело: тоска по душе.

(NB! а *чем* тоскуешь?)

Душа — охотник, охотится на вершинах, за ней не угонишься. Моя тяга в горы (физическая!) только желание <пропуск одного слова>. День встречи с моей душой был бы, думаю, день моей смерти: непереносность счастья.

Живу как сомнамбула: ем, пью, перекладываю, кормлю. И вечная посуда. И соринки, которые подбираю. Нужно это моей душе? Нет. Точно меня кто впряг — и везу. И совсем не хочу прислуги. Всякая относительность отношения — и существования — для меня — оскорбление. Tant pis — tant mieux[542]. *И обратно.* Это не лечится из капе́льниц. Сама жизнь — болезнь. Всякая.

А может быть, если бы я как В<олкон>ский брала билет на пароход в Тунис, я говорила бы иначе.

У меня по отношению к себе (душе и телу) — садизм. (NB! *ненавижу* медицинские термины. Всё нужно иносказывать.) Желание загнать на́смерть. «Надорвалась, кляча!» (К.И.)[543]

Живу, везу. Но глаза весь день полны слёз и что-то внутри так натянуто, как ни одна струна ни под одним смычком. Так только жилы натягиваются — на дыбу.

18го февраля 1925 г.

А стихов нет. (Как Аля в детстве: «Стихи устали». Конечно устали — биться и разбиваться в дребезги — о посуду, qui, elle, reste intacte[544]. Я глиняную миску *больше* берегу!) Вспоминаю Жан-Кристофа и ту музыкальную лавину вместе с Foehn'ом[545].

Большая головная усталость — д.б. от бессонных ночей. Для других я еще — Кастальский ток, для себя —

Бывало — и проходило (приходили). И, конечно, — пройдет (придут). Но сейчас без них тяжело, просто — доказательство несуществования.

(NB! Всё это *накануне* Крысолова. Если б знать! 1933 г.)

У погоды и времени года
Память собственная, за нас
Помнящая...

Нет забывчивей моей | крови...
нашей |

Я́ не помню, но что-то помнит...

Та́ весна окликает эту
(Иль сия окликает ту?)

Невозвратна как время
Но возвратна как вы, времена
Года...

Равнодушна как вечность,
И пристрастна как первые дни
Вёсен...[546]

Спроси у волны морской:
Кто именно?

Беспамятность! — лишь с мужской
Сравнимая...

Из письма:

Лилит: пра-первая, нечислящаяся. Ревность к звуку. Дробление суток. Все мужчины (если они не герои, не поэты, не духи и не *друзья*)...

От безмыслия — к бессмыслию (поэтический путь Б<альмон>-та). *Трагедия* вселюбия? *Комедия* вселюбия. Дон-Жуан смешон. Петух на птичьем дворе. Дон-Жуан — функция.

Аля: — Он мужчина и потому неправ.

Aus meinen *kleinen* Leiden
Mache ich *grosse* Lieder...[547]

Стихи:

«Променявши на стремя» — д.б. начало марта[548].

Запись: — У меня ничего не было за душой, кроме больших слов. Они и были мною.

Великие слова!
Они и были мною.

О Крысолове (Hammeln).

Дочка, дочка бургомистрова!

(NB! Первая строка Крысолова.)

И ивы нежные мои,
Лениво зазеленивающие.

Мечта о Крыселове
(Небольшая поэма)

Посвящается *моей* Германии.
(Начато 1го марта 1925 г. Георгию — месяц.)

быстрые...
Дочка, дочка бургомистрова!

Краткая фабула (по легенде).

Город (Гаммельн) погибает от крыс. Бургомистр назначает награду: тому кто город Гаммельн от крыс избавит — руку своей дочери (красотки). Явление зеленого охотника (Jäger'a). Ратуша. Предложение. Подтверждение. Крыселов играет на дудке и уводит (неизвестно куда) всех крыс. На след<ующее> утро — в ратушу. Отказ бургомистра отдать ему свою дочь. (Предшествует целый ряд предложений (замен) к<отор>ые Крыселов отвергает.)

Угроза Крыселова. Третий день. Утро (или полдень?). Звуки волшебной дудки. (Чтó встает? Дать постепенность.) Дети — мальчики и девочки. Если будни — с школьными ранцами, если воскресенье — с игрушками и молитвенниками. Мимо ратуши. Из ворот — дочка бургомистра с молитвенником. Врастающий в землю бургомистр. (Лучше — *бегущий* вслед!)

Два варианта: или описание озера: постепенность захождения, погружения. Вода смыкается над головой. Центр — бургомистрова дочка.

Либо — по слухам — завел их всех в гору. (Горное озеро, внутри горы.)

Толкование:

Охотник — Дьявол — Соблазнитель — Поэзия.

Бургомистр — быт.

Дочка бургомистра — Душа.

Крысы — земные заботы, от которых Охотник освобождает город. (?)

Быт не держит слова Dichtung[549], Dichtung — мстит. Озеро — вроде Китеж-озера, на дне — Вечный Град, где дочка бургомистра будет *вечно* жить с Охотником.

Тот свет.

(Входят в опрокинутый город.)

Шляпа с огненным пером (от какой птицы?).

Главы:

1. Крысиная напасть.
2. Охотник.
3. Увод крыс.
4. Бургомистр.
5. Увод детей.
6. Озеро.

Две музыки: первая — для крыс: крупами, сахаром, сальными огарками — врывается Индия: тропики. Тропическая крыса зовет.

Другая: каждый ребенок слышит в ней свое: мальчики — барабан, сражение (конские гривы, хвосты, литавры, раны...) девочки (и т.д.) некоторые идут — сонные, другие — за подарками, иные слышат звон медных кастрюль и видят гигантские игрушечные *кухни:* плиты, сковороды и т.д.

Дочка бургомистра: пение ангелов? (дать *демонов*). Просто — рай?

NB! Эпизод: бургомистр, видя напасть, затыкает ей уши воском (венчальные свечи под колпаком).

Проходит *сквозь* воск.

(«Музыка прошла сквозь воск!»)

Хорошенько дать крысиную толкучку, грызню, возню, «крысы ноги отъели»...

NB! Лирические отступления.

Тих и скромен город Гаммельн...

(Здесь начинается черновик Крысолова)

Мысль: Единственная женщина, которой я завидую — Богородица: не за то, что *такого* родила: за то, что та́к зачала.

Старый Немирович-Данченко, при встрече:
— Ну, как Ваш Дофин?

Строки:

Ваше небо — бэль-этаж

Не иконами — талисманами

Остров, где заключаются браки
По соответствию голосов
(Борис, Борис)

Dr František Kubka. Vratislavova ul<ice> č<íslo> 4 Žižkov[550].

Попытка письма к Розенталю[551] (по совету О.Е. Черновой)[552]

Многоуважаемый Леонид Михайлович,

Я ничего не знаю о Вас, кроме Вашего имени и Вашей доброты. Вы же обо мне еще меньше: только имя.

Если бы я по крайней мере знала, что Вы любите стихи — моя просьба о помощи была бы более оправдана: так трудна жизнь, что не могу писать, помогите. Но если Вы стихов — не любите?

Тем не менее, вот моя просьба: нуждаюсь более чем кто-либо, двое детей (11 л.' и 6 недель), писать в настоящих условиях совершенно не могу, не писать — не жить.

Если можно, назначьте мне ежемесячную ссуду, ссуду — если когда-нибудь вернется в России прежнее, и субсидию — если *не* вернется.

(Про себя: знаю, что не вернется!)

Деньги эти мне нужны не на комфорт, а на собственную душу: возможность писать, то есть — *быть*.

Могла бы ограничиться официальны прошением, но Вы не государство, а человек <фраза не окончена>

Руки — чтоб гривну взымать с гроша...

(Очевидно, ассоциация с Розенталем — кстати, ловцом жемчуга (NB! *чужими* руками) и, кстати, естественно мне никогда ничего не ответившим.)

10го марта 1925 г.

Если бы мне сейчас пришлось умереть, я бы дико жалела мальчика, которого люблю какою-то тоскливою, умиленною, благодарною любовью. Алю бы я жалела за другое и по-другому. Больше всего бы жалела детей, значит — в человеческом — больше всего — мать.

Аля бы меня никогда не забыла, мальчик бы меня никогда не вспомнил.

О его имени: *мое* имя было Борис, был бы Борис — с первого дня был бы Борисом: Борюшкой, Барсиком. Георгий — Сережино имя, мой дар С. и мой удар — себе, потому, д.б. не зовется.

Когда начну?

Буду любить его — каким бы он ни был: не за красоту, не за дарование, не за сходство, — за то, что он *есть*. М.б. это самая большая любовь моей жизни? Может быть — СЧАСТЛИВАЯ любовь? (Такой не знаю. Любовь для меня — беда.)

И чуть с языка не сорвалось: — Борюшка! — нет, в этом я честна, ну пусть — Георгий. Барашек мой.

— Господи! — (думаю о смерти) не узнать каким ты будешь, не увидеть тебя. Я на тебя за все эти пять недель ни разу не рассердилась (нужно знать меня, мою физическую любовь к свободе и повышенную слуховую чувствительность!). Самое мое острое и частое чувство к тебе — благодарность.

———

(Продолжение Крыселова: гимн пуговице.)

———

Волосы вверх, как у музыкантов,
Гениев, прощалыг...

———

И была доброта в той руке...
(NB! — чьей? 1933 г.)

———

Запись:

Сыну своему я пожелаю быть, как я, произведением природы, а не искусства.

———

Демон
Шуман

———

(Об утрачиваемости первоначального смысла больших имен. Шуман — (Schumann) — башмачник, а звучит как шум потоков — как оно и есть. Особенно для русских.

Кто же сейчас думает, что Пушкин — от пушки, Некрасов — от некрасивости, Фет — от fett[553], <фраза не окончена>

———

Мысль:

Влияние далекого современника уже не влияние, а сродство. Для того, чтобы напр. Генрих Гейне (1830 г.) повлиял на меня (1930 г.) нужно, чтобы он заглушил во мне всех моих современников, он — из могилы — весь гром современности. Следовательно, уже мой слуховой выбор, предпочтение, сродство. Не подчинение, а предпочтение. Подражатель не выбирает.

———

50 гр. воды 50 гр. молока неполную чайную ложку манной крупы, варить 5 мин.

Два раза в день по две ложки.

(Здесь начинается манный прикорм Георгия. Шесть недель. Переносит отлично.)

———

Мысли и строки
(Борису)

Мы встретимся как покойники

Не иметь уже права дарить (брак) не иметь уже права терять (нищета). В обоих случаях ничто не твое, в первом — ни улыбки, во втором — ни копейки.

А главное (нищета) масса лишнего хламу, который не имеешь права выбросить.

Удивляюсь любящим землю как лучшее мыслимое, ничего кроме нее не желающим. «Не́ желаем, потому что не знаем». А я желаю, потому что знаю. Мое желание и есть знание. Если не нравится эта — значит, есть другая. Не было бы другой — нравилась бы эта. (Заложенность другой — внутри.)

И еще: у меня к земле в лучших *ее* случаях неизменное: ce n'est que ça?[554] (Лучший *ее* случай — <пропуск одного слова>.) В лучших *ее*, потому что музыка, небо — иногда любовь — не *ее* (случаи), иной земли — законы.

(NB! А материнство? А природа? — Додумать. — 1933 г.)

«Вот моя деревня,
Вот мой дом родной»[555] —

что касается меня — я всегда предпочту родной «деревне» — чужой «город», своему маленькому — чужое большое. (А разве есть свое маленькое и, главное, разве есть *чужое* большое?)

Что же касается *деревни* и *города* — Дольние Мокропсы поныне предпочитаю Парижу. Там были гуси — и ручьи — и вдоль ручьев дороги — и красная глина из которой Адам, красная глина как на Кубани, где я никогда не была — и тот мой можжевеловый кипарис (Борис <фраза не окончена>

Таруса — Langackern — Коктебель — Мокропсы (Вшеноры) — вот места моей души. *По ним* — соберете.

В Париже (живу восемь лет) и тени моей не останется. Разве что на Villette (канал, первый Париж...). 1933 г.

Сравнение: курит как цыганка.

Запись:

— «Чего только ни сделаешь, чтобы они не плакали!»

Это у женщин распространяется и на мужчин.

(Первая глава Крыселова закончена 29го марта 1925 г. — Писала ровно месяц.)

Попытка 1ой главы нáчисто
КрысЕлов

— Теперь о Крыселове. Так и напечатали в Воле России — КРЫСЕЛОВ. Редактора друг другу: — Но почему Крысéлов? Разве Крысéлов? Наверное ошибка, описка... Но нет: — везде. М.б. М.И. тáк больше нравится? И только один Сталинский[556], безапелляционно: «Раз у М.И. Крысéлов — значит Крысéлов и есть. М.И. *не может* ошибиться. Значит мы все ошибаемся».

Так и оставили. Так и стояло в (кажется мартовском)[557] № Воли России: КРЫСЕЛОВ.

Потом — началось. Главный редактор — лютый старичок Лазарев[558]: — «Товарищи, мы опозорились». И все знакомые: — В чем дело?

Дошло до словаря (с него бы нужно было начать!). КрысОлов. Я: — Ошибка. Смотрим в другом: КрысОлов. Во всех словарях Праги, Вшенор и Мокропсов (Дольних и Горних) — КРЫСОЛОВ.

— Но, господа, в чем же дело?

— Не знаем. — Вáм знать.

— Но я была уверена... голову на отсечение... я и сейчас так слышу... м.б. потому что крысы — гнусность, а так: СЕлов — еще гнуснее? А м.б. от: мышéловка? — и т.д.

Следующая глава уже была: КРЫСОЛОВ. Но позорище мое д.с.п. в №-ном количестве экз<емпляров> — по белу свету — да, и в России! — ВОЛЯ РОССИИ № III МАРТ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА — КРЫСЕЛОВ

И эсеры — до сих пор не забыли! И сейчас, восемь лет спустя:

— А помните, М.И., как Вы нас тогда всех подвели с КрысÉловом? Мы *все* были уверены, только один Евсей Александрович:

— Раз *М.И.* — тáк и есть.

(Первая глава КРЫСÉЛОВА «ГОРОД ГАММЕЛЬН» закончена 19го марта 1925 г. 1—19 марта 1925 г.)

Записи: (20го—22го марта 1925 г.)

Ценность книги я измеряю срочностью необходимости выписки. Если нечего выписать, или — есть что́, но время терпит, она мне не нужна.

Чтобы необходимость жгла руку, а карандаш — бумагу.

Теперь у меня есть всё: дом — любовь — Мечта — воспоминание.

— «Eh bien! abuse. Va, dans ce monde, il faut être un peu trop bon pour l'être assez»[559].

(Гениальное слово Marivaux)

— Комедийный писатель, а какая грусть! Почти — Христос.

— Нечего сказать — «marivaudage»![560]

Б.П., когда мы встретимся? Встретимся ли? Дай мне руку на весь тот свет, *здесь* мои обе — заняты![561]

Б.П., Вы посвящаете свои вещи чужим — Кузмину[562] и другим, наверное. А *мне*, Б<орис>, ни строки. Впрочем, это моя судьба: я всегда получала меньше чем давала: от Блока — ни строки, от Ахматовой — телефонный звонок, который не дошел и стороннюю весть, что всегда носит мои стихи[563] при себе, в сумочке, — от Мандельштама — несколько холодных великолепий о Москве[564] (мной же исправленных, досозданных!) от Чурилина — просто плохие стихи (только одну строку хорошую: Ты женщина, дитя, и мать, и Дева-Царь)[565], от С.Я. Парнок — много и хорошие[566], но она сама — не-поэт, а от Вас, Б.П. — ничего[567].

Но душу Вашу я взяла, и Вы это знаете.

(От Маяковского, в ответ на то, в Ремесле[568] (читанное ему еще в Москве) и приветствие в № I Евразии[569] — за которое меня тогда погнали из Последних Новостей — тоже ничего. — «А, знаете Цветаева меня приветст<вовала?> в этих строках. Я сразу не понял. Значит — одобряет? Передайте ей, что я непременно, непременно ей напишу».

Но, занятый племянницей Яковлева — танцовщицей, кажется...[570] Во всяком случае, скача вслед за ней через кобылу, набил себе шишку...

Бедный М<аяковский>. Кто о нем так горюет как я?)

Единственный с лихвой мне вернувший

Князь Сергей Михайлович Волконский, посвятивший мне *целую* книгу, открыто и <пропуск одного слова>: «Милая Марина...»[571]

Единственный, из моих современников, человек *моего* поколения. (Родился 4го марта 1858 г., т.е. за 35 лет до меня, мог бы быть *почти* моим дедом!)

И Кузмин никогда не ответил на стихи[572]. И Sigrid Undset[573] — на письмо (о *ней* же). И Comtesse de Noailles[574] (о *ней же* — и *ка́к!*). Всех не перечесть!

Повторяющаяся случайность есть судьба. (1933 г.)

Lieblingskind hat viele Namen[575]. Кстати, Георгий у меня — Барсик: хвостик Бориса, тайный.

(А оказался — Мур!)

Строки:

«Хорошо поедете,
Холодком поедете...»
(Тот свет)

Дай мне руку на весь тот свет —
Здесь мои обе — заняты.
(Из письма)[576]

Дописать:

Как билась в своем плену
От скрученности и скрюченности...
И к имени моему
Марина — прибавьте: мученица.

Сижу — и
Сижу — и слушаю,
Как расстояние растет

И католическая душа у меня есть (к любимым!) и протестантская (в обращении с детьми), — и тридцать три еретических, а вместо православной — пусто. Rien[577]

Тарусская, хлыстовская...
(душа)

Написать Б.П. «Расстояние»[578]

Нас расставили, рассадили...

Аля:

Я (о себе и критике, невозможности им охватить меня целиком, ибо *предела* — нет):

— Словом, нужно ждать, чтобы человек помер...

Аля: — Пойман!

Выгребая золу:

— Правда, печка живая! Как живое существо, которое нужно освобождать от сгоревших радостей.

Макса[579], Макса забыла, с его посвящением — мне — лучшего сонета (Бонапарт)[580] в ответ на что? — на мою постоянную любовь к другим — при нем, постоянную занятость другими, а не им, заваленность всеми — на его глазах. Макса, которому я даже никогда ничего не *подарила* (нужно знать меня! Без подарка в дом *не* вхожу!) — а он мне — сколько моих любимых книг! — Макса, которому я ничего не дала, кроме радости, что я есть.

Единственного человека, которому я *ничего* не дала, а он мне — *всё*.

Показательно, что — «забыла». *Последняя* (по счету и качеству) неблагодарность. (1933 г.)

<Вдоль левого поля:> И главное — писав о нем в течение 6ти мес.! Макс один мне дал и передал за всех.

Дальнейший план Крыселова.

1. Город Гаммельн (Введение)
2: Сны
3. Город Гаммельн бьет тревогу
(Базар. Хозяйки. Герольд.)
4. Увод крыс (Да — да, нет — нет)
5. Честность честных (В ратуше)
6. Дочка Бургомистра
7. Озеро

II. Сны

Город Гаммельн спит. Муж видит во сне жену, жена мужа, сын — страницу чистописания, дочь — заштопанный отцовский чулок, служанка — добрых хозяев (или печной горшок). (Что может видеть добродетель во сне? Собственные добродетели.) И — нашествие крыс.

——

Рас—стояние: версты, мили…

——

Рас—стояние: врозь-стояние

——

Ах, рублем разменяли —
Мостом —— развели
Разводным…

——

Ах, мостом (с тобой) развели
Разводным…

——

Нас рублем разменяли царским,
Ах, мостом, с тобой, развели
Разводным…

——

(разменяли:)
Нас рублем, с тобой, неразменным! |
Рублем сказочным неразменным |
Ах, рублем, с тобой, разменяли |
Ах, мостом, с тобой, развели
Разводным…

——

«Расстояние: версты, мили…» — 24$^{\underline{го}}$ марта 1925 г.

Любопытна судьба этих стихов: от меня — к Борису, о Борисе и мне. Часто, и даже годы спустя, мне приходилось слышать: «Самые замечательные во всей книге», узнавать, что эти стихи — чьи-то любимые: гвоздь в доску и перст в рану. Оказывается, они большинством были поняты, как о нас (здесь) и тех (там), о нас и России, о нас *вне* России, без России

(По просторам земных широт
Рассовали нас как сирот…)

И теперь, перечитывая: всё, каждая строчка совпадает, особенно:

Разбили нас — как колоду карт!

Строка, за выразительностью, тогда мною оставленная, но с огорчительным сознанием несоответствия образа: *двух* нельзя разбить как *колоду*, колода — множество, даже зрительно: карты летят!

Даже мое, самое личное, единоличное:

Который уж, ну — который *март?*

(Месяц того потока стихов к Борису) *март* — почти что пароль нашего с Б<орисом> заговора — даже этот март оказался общим, всеобщим («Которую весну здесь сидим и сколько еще??»)

Редкий, редчайший случай расширения читателем писательского образа, обобщения, даже увечнения частности.

Ни о какой эмиграции и России, пиша, не думала. Ни секунды. Думала о себе и о Борисе. — И вот —

Запись:

Милые! А может быть я так много занимаюсь собой потому что никто из вас мною не занялся достаточно?

Записи (24го марта)

Брови — в угрозу

— Слово, точно слетевшее с змеиных уст Вольтера. Общее в разрезе губ: щель, а сквозь щель — свист.

(Гейне?)

Мальчиков нужно баловать, — им может быть на войну придется.

Аул — аул!..

Тайное, как рот

Княже! Друже!

— Но лица моего не забудь!
— Я его никогда не знал.

Русской ржи от меня поклон — 26го марта
(Последний стих «После России»)

Краской ли? кожей ли?
Запахи ожили!

Тайная исповедь:
Запахи рыскают

—

Ищут щелей...

—

Оперение, оветвление деревьев...
(*не* стих)

—

Откровенное как черновик

—

Черновика откровеннее

—

Сокровенней рта

—

Аля (о Георгии) — Теперь я ему молочная сестра! (допивает остатки «и́шки»)

—

Если кто-нибудь черезмерно восхваляет Вам свою ненаписанную вещь — не возмущайтесь: это замысел. Каждая мать вправе надеяться, что родит — гения. Жалка и отталкивающа только переоценка *данного.* Материнская (вернее отцовская) слепость на сбывшееся (*не*сбывшееся). Но ребенок растет и может *вырасти.* Рукопись же <пропуск одного слова> — раз навсегда.

—

Замысел автору предстает всегда как исполненный *Гёте.* Автор еще не успел столкнуться с своей несостоятельностью. Первая строка докажет — несостоятельность каждого замысла в *не-тех* руках.

—

В моем лице Вы столкнулись с Романтизмом всерьез: непродажным, т.е. платным.

Ибо: что́ не продаешь — за то платишь (платишься!). Всю жизнь плачу́ (плачусь!).

—

Не дитя укачиваю...
Думу — убаюкиваю

—

Не дитя укачиваю —
— утихомириваю...

—

Занавешенная шалью —
Как печалью

—

«Пока не требует поэта
К священной жертве...»[581]

— А меня — *всегда* тербует! И я *всегда* погружена! (в заботы мелочного света). И не малодушно (гениальное слово!) а — великодушно: п.ч. *мне* ничего не нужно (из сует).

———

Шахматная партия страстей...
(Строка во сне)

———

...Отдай я Вас на людской суд — Вас бы люди разорвали. А я, как видите, Вас даже иногда во сне вижу...

———

Если Вы щадите себя (свою душу) Вы — презренны. Если мою — Вы просто меня не поняли.

———

Пес видит — будку
Цыган — судьбу.
(Гаммельн: Сны)

———

— — — всей колоды
Карта — пройгрышнейшая!

———

Аля: 3го апреля 1925 г.
— М.! Две вещи разные и равнó-ужасные: икона — зеркало.

———

(Я:) Икона — око. Если не око — картина.

———

Каждый день — в новой шали,
Каждый день — в новой лжи... |
— в старой лжи |

(Очевидно вяжу ту голубую шаль, к<отор>ую потом из-за единственной ошибки, никому не заметной, не вынеся сознания несовершенства подарила Кате Рейтлингер. 1933 г.)

———

(Всё это, то-то и то-то)
...Позади, как детские прозвища...

———

Паровоз похож на Петра. Царь-рабочий. Паровоз — бунт в шорах, взрыв в латах. Движется и движет п.ч. взрывается.

Паровоз ожидаем: сигналы, флажки. Ограничен и предначертан: рельсы. Позади — *порядок.* Паровоз — законен, авто-

мобиль — весь — произволен. Под поезд — бросаются. Автомобиль — переезжает. (Слепой дурак.)

Европа собирает остатки древности, как стареющая женщина остатки красоты. В обоих случаях — музей. (Если не морг.)

Пыль, пригвожденная дождем
(пр*о*гвожденная?)

— Tu l'as voulu, Georges Dandin![582]
— И странных же вещей я «хотела»!

Записи:
Недоступный как горизонт.

(недоступить!)

70летняя старуха, крадущая для 14летней внучки — пудру. (Быль.) Какая сила женского сочувствия!

А особенное — в подвалах:
Неособенен — особняк!

Запись:
В Вербное воскресение (чешская Пасха) 12го апреля Мурзик весил 5 кило 5 гр. (На наши деньги 12$^1/_2$ ф<унтов> с хвостиком. 2$^1/_2$ мес. Ест «шику».)

...Швейцар с булавою,
А я с головою:
Сквозь стену пройду!

Запись (16го апреля, Страстной Четверг)
У меня с каждым евреем — тайный договор, заключаемый первым взглядом.

Ограниченным может быть только бездушный. Душа — безгранична, и акт (факт) ее — снятие всех границ.

(А умственных? Додумать. 1933 г.)

Строка:

Я дарю тебе,
Сына, на меня похожего

Я дарю тебе Урал |
Кавказ |
Сибирь |
Сына, на тебя похожего

(лучше всего Урал, п.ч. мужское и явно-русское)

(Чистовик II главы Крысолова «Сны» — 22го апреля 1925 г.)

Строки, случайно выпавшие при переписке:

(Бюргеры, ей — бюргерши...)

То́й — пропавший без вести,
Этой — Цезарь рядышком...
Женщине ж порядочной —
Ничего не грезится[583]

Запись:

Есть элегическое материнство, лирическое. Черновик — под ключ! И есть чревное, черновое: пеленками в нос.

(Проще: вежливое — и невежливое. 1933 г.)

Пеленки: черновики материнства (младенчества).

Вполоборота — как смотрят в прошлое

Выразительнее руки,
Судорогой сжимаемой

Марки, короны, франки,
Доллары — имена
Многи, одна — чеканка!
Будет одна жена —
Мужу, жене — единый
Муж. Потому-то так
Дружно друг другу спины
Дружный воротит брак

...

...

Жизни моей ненáвисть,
Нё̈нависть: верность *из*

Вторая глава Крысолова — Сны — закончена 22<u>го</u> апреля 1925 г.

Следующая глава: Базар. NB! Можно покупательниц изобразить в виде кухонной утвари.

Ратуша — ки́рка — рынок
(Kinder — Küche — Kirche)[584]

Ратуша — кирка — рынок
(Ну, а по-нашему, значит, так:
Церковь — острог — кабак)
— *вдова* —
Русь, и — злословить!
Ратуша — Гаммельну — голова,
Гаммельну — кирка — совесть
Рынок же — — живот:
Чем человек живет

(Строки, не вошедшие. Жаль. 1933 г.)

...ни в любовь, ни в дружбу —
Верю только в ворожбу.

Лишь о любви — — совсем:
Всё — переговорили!

Запись:

Аполлону служат наедине, Вакху же — вкупе. Бог душ и бог толп (стай, свор). Только путем этой установки осмыслила свое отвращение *от* этого бога. (S'encanailler![585] 1933 г.)

У всех по-разному разрывается душа и у всех по-одинаковому нарывает палец. Есть, конечно, еще мой *ответ* на эту боль, но это уже корректив *Психеи:* не палец — по-разному, а мы (она) по-разному.

Ограниченность физической боли и радости, ограниченность возможностей их и в них, безвыходность, тупик. (Это меня возвращает к моей очень молодой — 17<u>го</u> года — записи: Безысходны только вещи физические.)

От сахара *заведомо* сладко. Можно из-за этого возненавидеть сахар.

(26го апреля)

Строка:

Забывается, как кукушка...

(NB! от лета — к лету. Мы настолько забываем ее, что никогда не ждем — и всегда удивляемся)

26го апреля, в воскресение, Мур весил 5 к. 85 гр., т.е. 6 к. без 15ти. — 3 мес. без 4 дней. Почти 15 русск<их> фунтов.

Строки и записи:

Место—имение: не имею
Места...

Место—имение: места нету
Мне...

(NB! Хорошо, что остановилась, ибо *вместо имени:* вместо—имение! 1933 г.)

«Более, чем красиво! более, чем <пропуск одного слова>!» *Более* нету. Каждое качество и есть свое более.

Стихи везде хороши, и стихам везде плохо.

(как мне)

Место имев в моем сердце,
По мою правую руку...

(То из чего потом возникло, хотя совсем по-другому, — «Как живется Вам с другою?»[586])

Какая у меня тоска — в женском обществе! Именно тоска, а не скука. Точно я уже *обречена* на них — как пятидесятилетняя, без права предпочтения их (женщин) —

Спрятаться, потеряться — мечта, как себя помню. Раз даже осуществила: 4 г., пассаж, белый медведь, негр над сухим фонтаном. — Как тебя зовут, девочка?[587] —

Для того, чтобы быть собой, мне нужно потеряться (потерять себя). Как во сне. Как (иные) в вине. Быть сонной: сáмой: пущщей собой.

Я, это когда меня нет. Только мой восторг. Alles andere schenk ich ihnen...[588]

Почему я сажусь на конце стола, оставляя пустоту. Для невидимого, незримого.

Друг, по горячему следу
Слез...
Препечальная почесть!
— «С Вашим счастливым соседом
Я поменялся бы тотчас!»

Обомлевать, распинаться,
Льстить? (Возвеличен, целован!)
Мой сотрапезник парнасский —
С бедным соседом столовым?

Но не за высшим ль столом ты?..
— Нет! не пойму! надоумьте! —
Для передачи солонки?
Для пополнения рюмки?

Только-то?.. Кравчий имперский —
С кем?
И с усмешкой, как внуку:
— Место имев в моем сердце
По мою правую руку!

29го апреля 1925 г.

(Дура, дура! Разве не легче поухаживать за ужином, чем — любить?? 1933 г.)

Строки:

(когда кончутся)
Строки и сроки

В час, когда все пройдут
Строки и сроки

След
Слёз
Свеж

Непроливающиеся, — такие крупные!

В них несбывающееся — не ты, несбывшийся!

Слезы задерживаемой...

Непроливающиеся, в счет не идущие...

1го мая 1925 г. — ПАСТЕРНАК — ВЕЙМАР. Мурке ровно 3 месяца.

(День когда мы должны были «через два года» с Пастернаком встретиться в Веймаре.)

Записи:

Призраки вызываются нашей тоской. Иначе они не смеют. (С робостью призрака) Доведите ее (дотоскуйтесь) до отчаяния, и они станут полновластными хозяевами ваших дней и ночей. Если призрак является днем — вы дотосковались до́ смерти. (*Призраку* переступить порог *зари!*)

(Всё сказанное — *обо мне.*)

«Призраки являются когда их не ждут».
(Эпиграф к предыдущему отрывку)

Не шелестенье бумаги — *враг:*
Я! — — —
— — как
Призраки входят — без спросу:
Дотосковался!

Душа не может быть *заполнена* никем и ничем, ибо она не сосуд, а содержание. (Тело — сосуд.) Ибо она — заполняющее, единственное заполняющее. Это во-первых. Во-вторых же: — ибо она беспредельна.

Душа может быть заполнена только душою, т.е. собой же. Как море — морем, небо — небом.

Строки (NB! неважные, важна только *интонация*)

— В день один не вложишь гóда!
— Вложишь! *Жизнь* в единый час —
Вкладываю

Мур:

3го мая (3 мес. 3 дня) Мур весил 6 к. 40 гр. чистого весу. (NB! как золото!) Первое слово (нёбное, горловое) совершенно явственно, с характерным франц<узским> r — «heureux»[589].

10го мая Мур весил 6 к. 70 гр. чистого весу.
17го мая — 7 к.
24го мая — 7 к. 20
31го мая — 7 к. 50 (4 мес. — 1/2 пуда 1 ф<унт> с хвостом)

Строка:

Счастье — курчавое

(предвосхищение будущих Муриных кудрей!)

С ручками, с ножками
— Ушки сторожкие —

Эх, вишенка | моя
ягодка |
Скороспелочка!
Колясочка моя
Тарахтелочка!

Каждую народную песню, будь то русская, французская, немецкая, пр. — я неизменно чувствую — *моею.*

Из Алиного дневника о Муре[590]
Мур в Чехии

Сперва — Мур в Волероссийской коляске (паучихе) — лысый, большеголовый, в чепчике. Большой круглый лоб, безбровые дуги над ярко-синими глазами, маленькие кулачки с трогательными пальчиками и еще более трогательными ноготками, похожими на крошечные листочки шиповника. Когда солнце Мур лежит в шелковой голубенькой распашонке, в коляске, во дворе. Я сижу на березовой скамейке и его сторожу. Иногда рядом си-

дит Лелик, и мы почтительным шепотом играем «в Катю и Гришу». Мур никогда не плачет, он очень торжественен и умен. Купали его раньше в тазу, а потом в страшном сером баке, к<оторо>го мама безумно боится, купают с подстилкой, с градусником, с губкой и каким-то особенным, очень легким на вес мылом, точно из пены. Купаться Мур любит, и в воде делает всякие неуравновешенные движения, брыкается и обдает всех присутствующих водой.

У Мура очень большое приданое, давали вещи знакомые, знакомые знакомых, знакомые знакомых знакомых, и незнакомые. У него шесть пеленок полосатых голубых, шесть полосатых серых, шесть белых двойных, три белых тройных, двенадцать разных, и даже одна моя, *М*осковская. У него одно одеяло белое шерстяное, одно белое войлочное, одно розовое с амурами (М<аргариты> Н<иколаевны>), одно розовое с белыми полосками, и одно голубое с белыми полосками (NB! купленные мною наперед наугад: на мальчика и на девочку. Розовое д.с.п. живо, голубое, сделавшееся грязно-белым, исклочи́лось. 1933 г.) Да. Еще одно голубое, стёганое, подарок Валентины Чириковой[591], и голубая с кружевом подушечка. Потом около сотни распашонок, кофточек, теплых, холодных, полотняных, вязаных, кружевных, шелковых, и т.д. (И ни одних штанов. *Я*.) И всех цветов. Чепчиков уже меньше, около десяти. (Почти совсем их не носил. *Я*.) Два из них сшила А<лександра> З<ахаровна> из кружева моего старого платья. Она же сшила матрасики и два конверта. Нельзя не упомянуть восемь Тешковских свивальников, которые живы и поныне. И еще костюмчик, вязаный, голубой, с шапочкой, бывший Ирусин[592].

— Передайте Цветаевой и скажите ей, чтобы не <пропуск одного слова>, что — ношеное. Бабушка всю жизнь в чужом проходила!

(Передача от «бабушки» Брешко-Брешковской[593].)

Из Алиного чешского дневника

31го марта 1925 г.

Барсику идет третий месяц. (*Я*: только завтра, после 12 ч., пойдет!) У него вот сколько имен: Барсик, Марсик, Зай, Баран, Максик, Гзак. и маме еще хочется Димитрий, потом Мурз, Мурзак, Мурзик, и еще много, много. (*Мое* любимое было: Веро́бушек, — от Воробушек, но только — зверского.) Он очень, очень хорошенький (*м.м.* (NB! либо: «мое мнение», либо: «мамино

мнение»)) у него голубые глаза, шелковые волосочки на затылке, верхняя губа — заячья (т.е. сильно выдающаяся) и явно-мамин носик. Плачет он довольно редко, всегда чист, и от него не пахнет этим затхлым детским запахом. Он спит в большой белой коляске, даже повозке, которую ему подарили Лебедевы. Он сегодня перешел на систему Черни, т.е. молоко, вода, мука и масло. Муку и масло жарят, и получается месиво вроде кофейной гущи. Потом к этому еще молоко с водой, и получается что-то вроде кофе с молоком. Я теперь допиваю остатки и нахожу их очень вкусными. Я теперь Барсикина молочная сестра.

Погода у нас сегодня теплая, но неустойчивая. Завтра наверное опять мороз, снег и дождь. Когда я <запись оборвана>

25го апреля

Мурке уже около трех месяцев. Теперь весна устойчивая, — жара. Мы все давно без пальто, а в платьях, хотя еще не летних.

Мама и я возим коляску по верхнему шоссе, Мурка такие путешествия очень любит и спит. Но несмотря на весну жизнь у мамы ужасная: у ней нет ни минуточки времени, чтобы писать, но виной этого не Мурка, а всё вместе, весь быт. От примуса к Мурке, от Мурки за водой, от воды к уборке, и т.д., и т.д.

25го апреля (продолжение)

Пасха прошла чудесно: мы с папой были у заутрени, когда вернулись — всё было мамой приготовлено. На постеленном белой скатертью столе стояли кулич и пасха, яйца всех цветов и мастей, у́жене мясо (солонина), масло, сыр и бутылка вина. Мама всё собственноручно убрала, завесила окно, подмела пол и вымыла посуду.

---

30 апреля

Мой день

Встаю часов в 8, в 8$^1/_2$, убираю нашу с мамой и Муркину комнату, потом прихожу в другую. Там уже зажжен примус, мама мелет кофе, папа подметает. Накрываю на стол, моюсь, пьем. После этого стол очищается, на нем появляются

1го мая

весы, мука, масло, сковородка и 7 или 8 бутылочек. Если папа дома, то иногда жарит «Черни» он, но большей частью мама. Он (т.е. Мурка) получает почти $^1/_2$ $^1/_8$ (по-чешски: «осьминки») масла в день. Потом мама мне дает перевод по-французски, после окончания вожу Мурку по́ двору, 10 шагов наверх, 10 шагов

вниз, 10 шагов наверх, 10 шагов вниз... В это время маме всё же не удается писать: на примусе варится суп, который то недокипает, то перекипает, то примус непрочищен, то слишком горит, и т.д., и т.д. Потом Мурка кушает и укладывается спать и мы обедаем. После обеда приходит прислуга, которая убирает, и мы в это время уходим с коляской по верхнему шоссе, если тепло, то довольно далеко, если холодно, то близко. Возвращаясь пьем чай, отпускаем прислугу и от 7ми до 11ти является Лове[594]. Ужинаем, моюсь, ложусь.

Березовая беседка

Наверху двора, за загородкой — березовая беседка. В ней по утрам сторожу Мура и пишу. Почти весь Крысолов там написан. Одиночное заключение на воле. Покой и Wunschlosigkeit[595] тюрьмы. Всё, что надо: стол, тетрадь, Мур. Вместо железной решетки — березовая, с вьющейся зеленью, как рукою трогающей меня по (тогда совсем золотым еще и молодым!) волосам.

Ко мне сюда никто не ходит, я отсюда никуда не хожу — и не хочу.

Там же снята Мурина первая карточка — трехмесячная, где он весь сдвинутый, а я — улыбаюсь. Эту карточку я называю — Наклон.

(Запись 1933 г.)

Записи об Ахилле[596]

Ахилл: сын нереиды Фетиды (дочери Зевеса, значит — внук Зевеса) и героя Пелея. По ночам мать, желая ему дать бессмертье, держит его в небесном огне, *чтобы выжечь всё смертное*, имевшееся в нем от отца. Днем же залечивает ожоги амброзией.

Пелей подстерегает, вырывает ребенка, Фетида со стоном возвращается в Океан, Ахилл останется смертным.

(Младенчество)

II (Отрочество)

Воспитание Ахилла у кентавра Хирона. Вскармливает его медвежьим костным мозгом и печенью львов и кабанов. — Патрокл. —

Прозорливец Колхас, встретив его в лесу предсказывает о взятии им Трои и его, под стенами Трои, смерти.

Фетида, прослышав, подымается со дна морского по лестницам Пелеева дворца, переодевает Ахилла в девичьи одежды и отвозит его на остров Скирос, к царю Ликомеду.

III (Юность)

Ахилл за прялкой. Деидамия. Ранний союз. Колхас открывает местопребывание героя.

IV

Одиссей и Диомед у Ликомеда. — Девушки. — Звук боевой трубы. Все врассыпную, Ахилл хватается за копье и щит. Прощание с Деидамией.

V (Ифигения)

Агамемнон, предводитель греков, убивший на охоте Артемидину лань, узнает через прозорливца Колхаса, что гнев богини прекратится лишь тогда́, когда Агамемнон принесет ей в жертву свою дочь Ифигению.

Письмо Агамемнона в Микены — Клитемнестре (жене) с приказом везти в Авлиду Ифигению для бракосочетания ее с Ахиллом.

Встреча Ахилла с Клитемнестрой. Изумление Ахилла. Разъяснение. Доверенный слуга раскрывает Клитемнестре замысел Агамемнона. Отчаяние и мольбы Клитемнестры. Врываются воины, требуют Ифигению, Ахилл встает на защиту, Ифигения отклоняет, любовь Ахилла растет. «Дитя Агамемнона, я ревную тебя к Греции <и> Грецию, которой ты обручена (обречена) к тебе». Ифигения идет на место жертвоприношения, Ахилл с обнаженным мечом становится в головах, чтобы в последнюю секунду ее спасти, но восхищенный ее <пропуск одного слова> в последнюю секунду бросает меч.

Ифигения восхи́щена на Олимп, вместо нее убита молодая лань.

Отчаяние Ахилла: — Моя невеста у меня все-таки о́тнята! Что́ мне до ее бессмертья!

(Девять лет войны)

VI
(Гнев Ахилла, Бриссеида)

Агамемнон, вернув жрецу Феба — Хризосу — его дочь Хризеиду, отнимает у Ахилла его любимую пленницу — Бриссеиду.

Ахилл, повинуясь Афине, не оспаривает своей добычи, но от дальнейшего участия в войне — отказывается.

Жалоба Ахиллеса на берегу морском. Ответ Фетиды: — Горе тебе, дитя мое, что я тебя родила! Так мало дано тебе веку и так много слез и обид! Но я сама подымусь к Громовержцу и испрошу для тебя помощи. Сейчас он на трапезе благочестивых эфиопов (= эфиопийцев), на берегу реки Океана, но через 12 дней — обещаю тебе умолить его. Пока же пребывай на своих кораблях и дли свой гнев на Агамемнона (Данайцев).

На двенадцатый день (Ахилл в палатке) Фетида подымается со дна морского на вершину островерхого (зубчатого) Олимпа. На высшей вершине, один, в стороне от других богов, восседает Зевес. Обняв левой его колена а правой, по обряду просящих, касаясь его подбородка, — Отец Зевес! Если я когда-нибудь чем-нибудь тебе послужила, почти моего сына Ахиллеса, обреченного на такую раннюю смерть (чье цветение — так ко́ротко). — Рассказ. — Молчание Зевеса. Фетида настаивает. — *Да* или *нет*.

— «Не к добру твоя просьба и не к добру ты меня ссоришь с Герой, и без того уже во всем мне обратной. Беги скорее, пока она тебя не заметила. И да будет тебе достаточен кивок моей главы, равный самому непреложному обещанию». Тако реча, кивнул Зевес своей главою, и вершины Олимпа содрогнулись от сего кивка.

Фетида же, удовлетворенная, нырнула в свою морскую бездну.

VII
Поражение Данайцев (Зевес держит слово)

С утра равновесие сил обоих борющихся станов. Но в полдень Зевес кладет на свои золотые весы два жребия. Жребий греков — к земле, жребий троянцев — к небу. Громовой удар. Молния. Ужас в рядах греков. Диомед на Гектора. Зевес, не желая победы греков, мечет ему (Д<иомеду>) под ноги молнию.

Греки бегут на корабли. Гера и Афина *за* греков. Спешат на Олимп, чтобы вымолить у Громовержца победы (пощады) грекам. Но Зевес неумолим. — «Не ранее успокоится Гектор, чем когда греки в последнем отчаянии будут загнаны на корабли и Ахилл выйдет из своего шатра. Такова воля Рока».

VIII
Отказ Ахилла

Ночное собрание вождей. Трапеза. Агамемнон признает свою вину перед Ахиллом и предлагает дать ему, для его умиротворения: десять талантов золота, семь треножников, двадцать <пропуск одного слова> двенадцать коней, семь цветущих жен, к<отор>ых он, Агамемнон, сам завоевал, — наконец, Бризеиду. И, после взятия Трои, двадцать троянок, прекраснейших после Елены. И, по возвращении домой, собственную дочь в жены и семь городов.

Вожди у Ахилла. Ахилл в палатке играет на серебряной лире. Патрокл слушает. Радость Ахилла при виде Феникса и Одиссея. — Так люблю я вас, что радуюсь вам и во гневе.

Сам жарит гостям на вертеле барана, и козу, и кабана. — Трапеза. —

Одиссей вступает в переговоры, перечисляет Ахиллу все дары Агамемнона, передает его раскаяние, умоляет Ахилла положить гнев на милость.

— Агамемнон мне ненавистен как врата Аида. Раз он меня обманул — второй раз он меня не обманет.

Огорченные и негодующие вожди удаляются. Ахилл снова принимается за лиру. Патрокл, у ног, слушает.

IX
Второе поражение греков. Ахилл посылает Патрокла на разведку.

Нестор выносит из боя раненого Махаона. Беспокойство Ахилла: — Пойди, Патрокл, погляди, кого это выносит из боя Нестор. Странное сострадание к грекам шевелится в груди моей.

Нестор приглашает Патрокла сесть за трапезу. Патрокл: — «Нет, я только послан Ахиллом узнать кого это ранили». — Не все ли равно Ахиллу (обличительная речь). Нестор вспоминает Ахилла и Патрокла маленькими. — Ахилл был сильнее, но ты был старше и мудрее. — Просьба о воздействии. Доро́гой Патрокл подымает и лечит раненого Еврифила. (NB! Ахилл и Патрокл *вместе* воспитывались у кентавра Хирона.)

X
Смерть Патрокла

Посейдон становится на сторону греков. Гера, опоясанная любовным поясом Афродиты, убаюкивает на Олимпе Зевеса. Бегство победоносного Гектора. Надежда в рядах Данайцев.

Пробуждение и гнев Зевеса. — Посылает Ириду к Посейдону с приказом немедленно выступить из боя, Аполлону же повелевает вылечить и ободрить раненого Гектора. (Аполлон, с самого начала, *за* Трою.) Посейдон негодует, грозит, но повинуется. Аполлон утешает и обнадеживает Гектора (раненого Аяксом — камнем — в грудь).

Патрокл, видя поражение греков, бросает Махаона <сверху: Эврифила> и спешит к Ахиллу, надеясь умилостивить его.

Плачущий Патрокл у Ахилла. — Все лучшие пали или ранены. Ранен Диомед, ранены Одиссей и Агамемнон, ранен Эврифил. Не божественная мать и смертный отец тебя, Ахилл, породили, а морская бездна и каменный утес. Если сам не хочешь — дозволь мне.

Патрокл переодевается в облачение Ахилла — уже горят Гектором подожженные данайские корабли — шлем с конским хвостом, латы, щит, два копья — третьего, — подарок Пелею Хирона, из фессалийской Esche[597] (?) Патроклу не поднять —

Ахилл сам собирает своих верных Мирмидонцев — пьет из кубка, из которого, кроме него, никто не пил, во славу Зевеса — мольба Зевесу о победе греков — остережение Патроклу: — Только с одним не сражайся: Гектором, и одного бойся: Аполлона. Молитва Зевесу: о победе греков и о невредимости Патрокла. На первое Зевс кивает, на второе качает головой — оба незримо.

Страх в рядах Троянцев. Принимают Патрокла за Ахилла.

Патрокл убивает Сарпедона, смертного сына Зевеса. Троянцы бегут. Патрокл за ними — на собственную гибель.

Зевс, предрешивший гибель Патрокла, отнимает у него тело Сарпедона, но дарует ему, до его смерти, еще одну победу. Троя была бы взята, если бы не явление Аполлона, трижды заграждающего Патроклу путь. Патрокл, узнав бога, отступает.

Аполлон, в лице Азиоса, нашептывает Гектору о неминуемой победе над Патроклом. Гектор — снова в бой.

Патрокл убивает камнем брата Гектора, Кебриона. Троянцы отнимают тело. Патрокл, в ярости, убивает их трижды девять. Но тут в ряды троянцев вступает, облаченный в облако, Аполлон. Сзади наносит ему плашмя удар по голове — шлем со звоном катится в песок — разбивает в руке его копье, застилает ему глаза облаком. Троянец Эвфорбий сзади пронзает его копьем. Подбежавший Гектор вонзает ему копье в живот. — Что, Патрокл? Ты хотел обратить Трою в груду пепла (и т.д.)... Тебя же пожрут коршуны. Что́ — помог тебе твой Ахилл?

— Меня, до тебя, одолел — из богов Аполлон, из смертных — Эвфорб. Ты только снимаешь с меня доспех! Но одно

тебе предрекаю: близка твоя смерть, и я знаю, от чьей руки ты падешь!

Хвастовство Гектора: — Сам уложу Ахилла! Бой над Патрокловым телом. Гектор облекается в доспех убитого. Зевс, горюя о близкой смерти храброго, дарует ему еще одну победу.

Плач коней Патрокла (Ахилла). Не движутся с места. Зевес ободряет коней (бессмертных, как и доспех).

Греки посылают Антилоха, сына Нестора, сообщить Ахиллу ужасную весть. — Пусть идет и возьмет хотя бы тело, с которого Гектор содрал его, Ахиллеса, доспех.

Аякс и Менелай бегут с телом Патрокла.

(Пока всё своими словами, последующее — в 1933 г. — по Гнедичу.)[598]

XI

Антилох сообщает Ахиллесу весть о смерти Патрокла. Исступленное горе Ахиллеса. Осыпает себе голову пеплом, рвет на себе волосы.

«Сам он, великий, пространство покрывши великое, в прахе — Молча простерся...» Плач невольниц над лежащим Ахиллом. Антилох, обливаясь слезами, держит руки Ахилла, чтобы он в отчаянии не перерезал себе горла.

Фетида, услышав страшный вой и плач сына, выходит из моря с сонмом Нереид, и обещает сыну бессмертное оружие от Гефеста. Отпустив Нереид домой, Фетида подымается на Олимп.

Ахейцы, отбив тело Патрокла, приносят его в шатер Ахиллеса при наступлении ночи, приближение которой ускоряет Гера, повелев солнцу закатиться до сроку.

Да! до этого Ахилл выходит на высоту рва, без оружия, и страшным видом и криком заставляет Гектора оставить тело Патрокла.

Ахейцы вместе с Ахиллесом оплакивают Патрокла, омывают тело его, умащают благовониями и полагают на погребальный одр.

Среброногая Фетида во дворце Гефеста. Застает божественного кузнеца за творением двадцати треножников сразу. (NB! Первый механик.) Приветствие, сочувствие, готовность служить — ибо *Фетиде* обязан жизнью: сброшенный надменной Герой с Олимпа за уродство, был принят Фетидой в морское лоно и девять лет провел под ее защитой в пещере, никем не зримый.

— Почему ты к нам, о божественная редкая гостья, под этим черным скорбным покрывалом?

Жалоба Фетиды: земнородный муж и, через него, смертный сын. Рассказ об обиде, гневе, утрате и отчаянии Ахиллеса.

Может быть сжалишься ты над моим
краткожизненным сыном!

Просит у него бессмертный доспех взамен снятого с Патрокла Гектором.

...И когда все доспехи сковал Олимпийский
художник
Взяв, пред Пелидовой матерью их положил
он на землю.
И как ястреб, она, с осребренного снегом
Олимпа
Бросилась, мча от Гефеста блестящие сыну
доспехи.

XII

Ахилл распрю с Агамемноном

С рассветом Фетида приносит от Гефеста доспехи Ахиллесу, столь ослепительные, что никто, кроме него, не может вынести их вида.

Ахилл готов в бой, но пуще судеб Ахейцев он печется о судьбе патроклова тела — да не тронет его тленье. Фетида обещает сохранить тело нетленным и вливает лежащему в ноздри нектар и амврозию, чтобы прекрасным лежал до погребения.

Ахилл и Ахейцы. Большинство ранено. Речь Ахилла Агамемнону. — Лучше бы мы раньше прекратили злосчастную распрю, лучше бы злосчастная Бризеида была бы поражена артемидиной стрелою в день когда я ее избрал между пленниц. Тогда бы —

Столько Ахейских героев земли не глодало б
зубами —

— Ахилл отказывается от гнева и горячит Ахейцев к битве.

Агамемнон предлагает Ахиллесу братскую трапезу, Ахилл отказывается: не время. Вручение примирительных даров. Равнодушие. («*Думен* восстал...») На Бризеиду, стоившую ему Патрокла, смотрит с горечью.

Плач Бризеиды над Патроклом, всегда бывшим ей верным другом, утешавшим ее в неволе и обещавшим брак с Ахиллесом.

Ахейцы вторично уговаривают Ахилла подкрепиться пищей. Ахилл, убиваясь по другу, отказывается. Воспоминания о счастливых совместных трапезах. Горюет о Патрокле сильнее, чем об отце — если бы его утратил, сильнее чем о сыне Нéоптолеме, если бы его потерял.

Афина незримо умащает Ахилла нектаром и амврозией — прилив силы — облекает доспехи Гефеста — идет в бой.

(Об отце:

...Помощи сына лишенный, тогда как в
земле чужелюдной
Ради презренной Елены сражаюсь я с
чадами Трои...)

XIII
Гибель Гектора

За Ахейцев:

Гера, Афина, Посейдон, Гермес, Гефест

За Троян:

Аполлон и Артемида, Арей, Киприда, Лета и Ксанф (Скамандр: река)

Гектор и Ахиллес, оба впереди воинств. Ахиллес убивает брата Гектора — Полидора и убил бы самого Гектора, если бы Аполлон не покрыл его облаком.

(Трижды могучий Пелид на него нападал,
ударяя
Пикой огромной, и трижды вонзал ее в
мрак лишь глубокий)

Аполлон, приняв вид Агенора, отвлекает Ахиллеса от стен Трои — равниной, покрытой пшеницей, чтобы дать Троянам укрыться внутри города. Издевательство Аполлона над Ахиллесом:

— Чтó ты меня, о Пелид, уповая на
быстрые ноги
Смертный, преследуешь бога бессмертного?
Или доселе
Бога во мне не узнал?..

Гневный ответ Ахиллеса:

Так обманул ты меня, о зловреднейший
между богами!

Гектор, решивший несмотря на слезные мольбы Приама *не* скрываться в стенах и с оружием в руках ждущий Ахиллеса, уви-

дев его — бросается в бегство. Ахиллес трижды гонит его вокруг града. Когда оба они в четвертый раз прибегают к ключам Скамандра, Зевес полагает на весы их жребии. Гекторов жребий преклоняется. Аполлон оставляет его.

(Погоня:

«Словно во сне человек изловить человека
не может,
Сей убежать, а другой уловить напрягается
тщетно...»

NB! Ахилл и Гектор — *уже* призраки, *уже* собственные тени!)

Гектор предлагает Ахиллесу договор: кто бы из них ни пал — не бесчестить тела и вернуть его своим.

Ахилл, негодуя, отказывается.

Афина под видом гекторова брата Деифоба становится рядом с Гектором, якобы на его защиту. Гектор ударяет Ахиллеса копьем, но копье, отраженное щитом, отлетает далёко, Гектор просит у Деифоба нового и понимает обман Афины. (Рядом с ним — никого.)

— Возле меня — лишь смерть!

Гектор бросается на Ахиллеса с ножом (мечом), Ахиллес пронзает его в шею копьем.

Умирающий Гектор умоляет не отдавать его тела на поругание. (NB! Ахилл сражался с собственным доспехом: со своим — как бы — вторым телом, и убивая Гектора убивает себя.) Ответ Ахилла:

— Тщетно ты

<Оставлены незаполненными семь листов.>

Высокомерье — каста:
Чем недохват — отказ.
Чтó говорить: не часто!
В тысячелетье — раз.

Всё, что сказала — крайний
Крик (морякам знаком!)
А остальное — тайна:
Вырежут с языком[599].

16го мая 1925 г.

(на прогулке)

Слава падает та́к, как слива:
На́ голову, в подол.
Быть красивой и быть счастливой?
(А неплохой глагол —

Быть? Без всякого приставного!
Быть й точка. За ней простор.)
Слава падает та́к, как слово
Милости на топор

Плахи...

...Быть счастливой и знаменитой?

Слава! Я тебя не хотела;
Я б тебя не сумела нести...[600]

...Не пытать судьбы,
Собирать грибы...

(17$^{\underline{го}}$ мая 1925 г.)

Отъезды без приездов

Тележечка моя —
Тарахтелочка...

Орешинка моя —
Скороспелочка!
Тележечка моя —
Тарахтелочка...

...Повозочка моя —
Громыхалочка!

Записи:

Декольтэ и санкюлот. Французы выдумали женскую красоту и мужское безобразие.

Не будь души, тело бы не чувствовало боли. Для *радости* его достаточно.

И еще: — Не будь тела, душа, быть может, не чувствовала бы радости. (А «Freude, schöner Götterfunken»?[601] И не шиллеровское — *бетховенское!*)

Вот уж не Психея! Непременно — *глазами* увидеть. Да я, наоборот, глаза *закрываю!*

Еве до познания добра и зла вовсе не было дела. Ей было важно сделать по-своему — преступить. Иначе бы не любопытство, а любознательность, т.е. не порок, а добродетель, не женский жест, а мужской. (Еву Библия делает Прометеем!)

Дальше: вовсе не примета божества — знать добро и зло. Привилегия божества — именно не знать, иначе — откуда бы счастье? Знают, т.е. страдают *люди*. Итак, я бы то древо переименовала в древо *забвения* добра и зла.

(18го марта 1925 г.)

— И верно, и спорно, а в общем — не додумано.

(При переписке, авг<уст> 1933 г.)

Наслажденье я в жизни заменила наважденьем, т.е. первое в моих руках неминуемо превращалось во второе, не успев *собою* пробыть — ни мигу. Если наслаждение нечто без — хотя бы <пропуск одного-двух слов> — я никогда не наслаждалась.

Чревоточина тоски.

От родимых сел, сел!
— Наваждений! Новоявленностей!
Чтобы поезд шел, шел,
Никогда не останавливался,

Никуда не приходил!
— В   ! незастроенное! —
Чтобы ветер бил! бил!
Выбивалкою соломенною

                    бы мозг, мозг!
Всё осевшее и плесенное!
Чтобы поезд нес, нес!
Быстрей лебедя, как в песеннике!

Сухопутный шквал, шквал!
                    !

Чтобы поезд мчал, мчал,
Чтобы только не задерживался

...Чтобы поезд — с рельс, с рельс!

...Чтобы только свист, свист
Над треклятою действительностью!

Говорящих птиц, рыб!
                ! Незахватанностей!
Чтобы поезд шиб, шиб!
Чтобы только не засматривался...

...Чтобы только не оглядывался
На родимых мест, мест

...Чтобы только не заслушивался...
                        дремот, нот
Часа сонного, двенадцатого.
Чтоб как тысячами — мот
Перебрасывался насыпями.

Никогда не спать! Спать?!
Грех последний, неоправданнейший...
(Будет время и на кладбище ведь!)
Птиц, летящих вспять, вспять!
                деревьев падающих!

Этим поездом к тебе
Всё бы ехала и ехала бы...[602]

(Хорошо бы — *написать*. Авг<уст> 1933 г.)

Дальше — Крысолов

...Целый мир грозятся стрескать!
...
— У нас — Библию: мол, дескать —
Кил сала на ней!

Строка:

Сад — замкнутый как тайна.

(NB! Чем меньше пишешь — тем хуже. Та́к у меня. То же о мысли. То же о любви.)

О Савинкове[603]:

21го мая в соборе Св. Николая панихида по террористу — коммунисту — самоубийце Савинкову. — Как по-русски! — Любопытно: кто придет? Я бы пошла. Есть чувство — <пропуск одного слова> всех: взаимочувствие личностей, тайный уговор единиц против масс, каковы бы единицы, каковы бы эти массы ни были. И в каком-то смысле Борис Савинков мне — брат[604].

Строка:

— ухом
Вытянутым, как слух.

III глава Крысолова «Напасть» кончена во Вшенорах, 28го мая 1925 г.

(«Человек в зеленом — с дудочкой»)

Запись:

Есть чувства, которых бы не было на острове: гордость например, жалость например. Стало быть, два моих основных чувства не абсолютны. (Странно, что как раз эти два чувства — источник всех моих страданий.) Ряд чувств, возникающих из общежития: гордиться (перед кем-нибудь) жалеть (кого-нибудь) — чувства с приставкой. И только они, не абсолютные, и есть болевые. Ведь будь Христос на необитаемом острове — где бы вся Голгофа?

Гордиться, сердиться, ревновать, завидовать, жалеть, *ЛЮБИТЬ*... всё с людьми, от людей. А есть — самострасти?

Знаю только одно самочувство, одну самострасть: тоску. Везде, всегда, без ни кого, ни от <фраза не окончена>

Строки:

Серею в лице

...Пустые составы...
— Состав пустоты?
(Поезд)

Крысы разносят чуму. Мускусные кошки. Цикады. Пальмы. Манго. Кокосовые циновки.

Озеро: всякий находит в нем, что хотел.

Не ищите его на карте, —
Нету!..

Строки:

Жаль-Уныль.

Большак-большевик

Мур

31го мая 1925 г., в воскресение, Мур весил $7^{1}/2$ кило (4 месяца без одного дня).
7го июня — 7 к. 70
14го июня — 7 к. 80
21го июня — 8 к. 10
28го июня — 8 к. 25
5го июля — 8 к. 65

Запись:
Я ровно настолько знаю быт, чтобы его ненавидеть. — Достаточно. —

Попытка IV гл<авы> — Увод.
NB! Всё любовное и женское, весь соблазн мужского — «Озере». Здесь — соблазн чужого (там — Чужого).

...Мне Дидона внимала, Энея
Позабыв... Пережив...
Мне внимала сама Суламифь,
Улыбалась сама Саломея...

Дальше, дальше — — —
Есть страна — — —
— Три, четыре, — — —
И она называется — Далью

Надпись на моем камне:

Le moule en est brisé[605].

(NB! хорошо, что именно на камне — пребывающем.)

…За предельный покой:
За отдельный покрой

…Стóит только — — —
Чтобы поезд — «только что отошел»…
Тщетен   и тщетен розыск:
Все паровозы тебя увозят…

Ни от одной женщины, в разговоре о башмаках, я еще не услышала: «п.ч. у меня низкий поъём». (*Всегда* — высокий!) Очевидно, это — позор, тайна, которую скрывают на смертном одре даже от духовника.

Предгрозовой вечер. Подвязываю в саду розовые кусты. Почтальон. В неурочный час. — Pani Cvetajeva. — Протягиваю руку: бандероль. И — почерк Пастернака — пространный, просторный, — вёрсты. *Рука* Пастернака. Книга прозы[606], которую я так тщетно (40 кр<он>!) мечтала купить на советской книжной выставке.

А до этого — сон, буйный и короткий — просто свалилась, сонная одурь, столбняк. Проснулась в грозу, <пропуск одного-двух слов> к роз<ам?> и получила — в раскрытую руку — Пастернака.

Да! Перед сном (столбняком) вздрогнула, т.е. уже заснув проснулась от ощущения себя на эстраде Полит<ехнического> Музея — и всех этих глаз на себе.

(10го июня 1925 г., день Муриных крестин.)[607]

Крестины Мура (вкратце)[608]

Вчера, 10го июня, в Духов день, в день рождения Пушкина[609] и день семилетия с рукоположения о. Сергия[610] — стало быть в тройной, в сплошной Духов день — было крещение Георгия. Дня я не выбирала, как не выбирала дня его рождения (1ое — воскресение — полдень) — вышло само. О. Сергий должен был приехать в Псы (Дольние Мокропсы) служить на реке молебен, и вот, заодно, окрестить Мура. Молебен на реке ввиду голых часов и, вообще, вульгарности *пляжа* (нарочно пишу через *я*) отменили, а Мур окрещен — был.

Увидав подлежащего крещению, о. Сергий, мне, с некоторым испугом: — А я с ним… справлюсь? — И я, с внутренней улыбкой, внешне же — задумчиво: — «А это уж я не знаю».

На мое предложение в начале обряда уйти, о. Сергий: — Собственно, родителям присутствовать не полагается, но если

бы Вы попросили, я бы разрешил. И мое испуганное: «Нет, нет, не надо, сохрани Бог! — раз заведено. Зачем?!»

Чин крещения долгий, весь из заклинаний бесов, чувствуется их страшный напор — точно в младенца *ломятся!* — борьба за власть. И вот, церковь, упираясь обеими руками в толщу, в гущу, в эту живую стену: — Запрещаю — отойди — изы́ди! Весь чин крещения: кто — кого (и *никогда* заранее не известно, точно каждый раз — всё за́ново! точно окончательной победы еще не было — и быть не может. Ратоборство.) В одном месте, когда особенно выгоняют, навек запрещают («отрекись от ветхия прелести!») у меня выкатились две огромных слезы — точно это *мне* вход заступали в Мура. Одно Алино слово перед крестинами: — «Мама! а вдруг, когда он скажет: „дунь и плюнь“ Вы... исчезнете?» Робко, точно прося не исчезать. (Я потом, провожая с горы, рассказывала о. Сергию, слушал взволнованно, м.б. того же боялся, на то же, втайне надеялся?)

Мур, во время обряда, был прелестен. Я не видела, рассказывали. Улыбался свечам, слизнул с носу миро и заглотнул сразу: крестильную рубашку, ленту и крест. Одну ножку так помазать и не дал. (Ахиллесова пята *язычества!* Моя сплошная пята!) Временами, когда очень долго (был голоден) — подхныкивал, деликатно, от ком<ара> до фылина. С головой окунут не был — ни один из *огромных* чешских бельевых чанов по всему соседству не подошел. Этого мальчика с головой окунуть можно было только в море.

(4 мес. 10 дней)

10го июня

Муркины крестины
(из Алиного дневника)[611]

Как только встали — уборка, мытье, передвиганье, переноска, вбиванье гвоздей, заготовленье и приготовленье еды, собиранье посуды со всего дома, у соседей, у хозяев, словом де́ла — по горло. Обедаем на́скоро и вдруг — новая забота — купель! Как? Откуда? Какую?

У нас — Муркина очень маленькая и мелкая деревянная ванночка, потом глубокий жестяной, с тремя дырами, грязный и мрачный от долгого неупотребленья — бак. И есть еще несколько тазов куда Мура не то, что не окунешь с головой, но никаким образом не втиснешь даже и наполовину. У прислуги и у хозяйки ничего подходящего нет. Что делать?

Сперва приходят разные гости с посудой и помощью и общими силами додумываемся: бак вымыть, дыры заткнуть, накрыть бак простыней, и тогда будет хорошо.

Это исполняется, и купель готова. Теперь сдвигаются два стола, накрываются скатертями Ольги Елисеевны, и подается посуда и еда. Заместительница О.Е., Александра Захаровна, принесла пирог с грибами, Муна Булгакова — пирог с миндалем. Лелик был поставлен часовым за ворота, смотреть когда пойдет о. Сергий. Он стоял словно какой-нибудь индеец, одной рукой опершись в бок, другой защищаясь от солнца, одну ногу выставив вперед, другую поставя на камень — и был очень доволен своим назначеньем.

Гости, которым надоело оставаться дома, почти все вышли во двор. Брэй-он и Брэй-она любовались видом коз, мама и Мур гуляли возле скамейки, А.З. о чем-то разговаривала с мамой, папа перетаскивал стулья, Катя Р<ейтлингер> любовалась (в подлиннике: руболавась) видом крестинной рубашечки и крестика. Вдруг Лель влетает в ворота. К маме: — Идет! К Брэям: — Идет! Домой: — Идет!

Выходим с папой встречать о. Сергия и Муну. Подходим под благословение. Когда возвращаемся, всё для переведения язычника в христианство готово (т.е. кипят котлы кипучие, точат ножи булатные, хотят козла зарезати). О. Сергий велит распеленывать невинного и голодного Мура. Мама говорит: — О. Сергий, я лучше выйду, правда? А он: — «Собственно, я бы Вам мог разрешить... если бы Вы попросили». И это он сказал с таким сомненьем — очевидно, он думал, что мама не может никогда ничего попросить. Заместитель крестного, Брэй, начал с того, что когда свечи еще не были зажжены, выкупался весь в воске. Крещенье началось. Булгаков всеми средствами изгонял бесов, Мурку обдувал, Мурку обвевал. Последний вел себя изумительно! Когда Мура мазали миром, он подставлял руки и ноги, смеялся, пытался о. Сергия поймать за волосы. Однако, когда его окунули три раза, тогда его настроение испортилось, так как он всегда после мытья сразу ест, а тут еще молитвы читают! На него накинули рубашечку и крестик, которые он мгновенно потянул в рот и принялся блаженно сосать. Отнять у него не было никакой возможности, он засасывал всё глубже и глубже, как настоящее болото! Теперь, после крестин, видно как он скучает об тех, бедных невинных изгнанных своих прежних хранителях.

Между прочим, о. Сергий никак не мог Муру волосы остричь — только ножницами щелкал!

Записка ко мне Али 1го февр<аля> 1925 г. сразу после рождения Мура:
(на трехугольном отрывке конверта, собственно на его закрышке, большими буквами, чернильным карандашом)

Дорогая Р<ысь> (переправлено:) Мама,

Очень рада, что *Ваше* желание сбылось. Мы назовем Борисом. Мне очень хочется Вас видеть, но сейчас нельзя.

Скоро приду. Я рада, что брат, а не сестра. Борис лучше чем Ксения[612].

Целую крепко. Поздравляю

Ваша Аля

Два письма Борису (себе в тетрадь)[613]

Вшеноры, 14го февраля 1925 г.

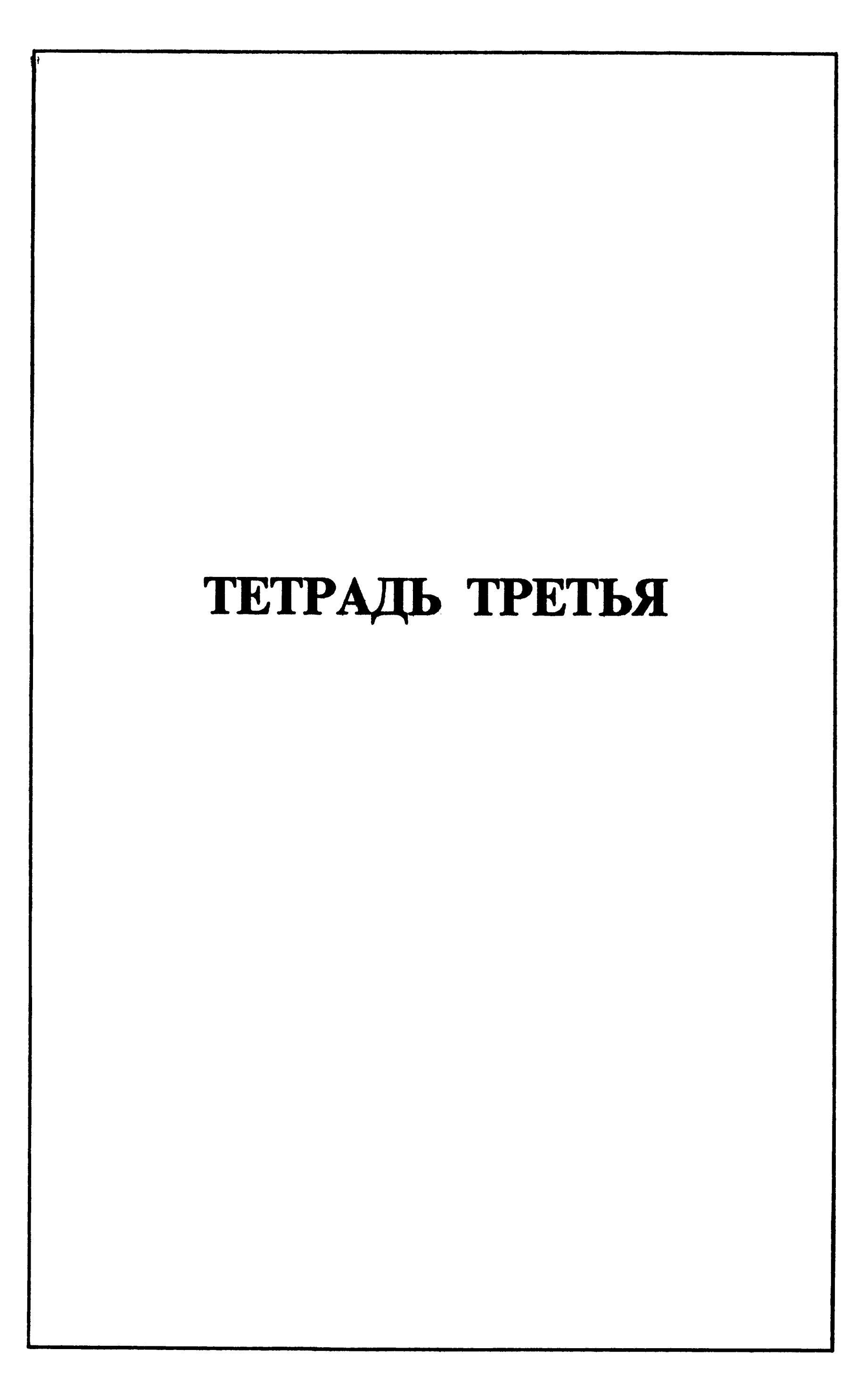
Дорогой Борис,

1го февраля, в воскресение, в полдень, родился мой сын Георгий. Борисом он был 9 месяцев во мне и 10 дней на свете, но желание С. (*не* требованье) было назвать его Георгием — и я уступила*). И после этого — облегчение. Знаете, какое чувство во мне работало? Смута, некоторая внутренняя неловкость: Вас, любовь, вводить в семью, приручать дикого зверя: любовь, обезвреживать барса (Барсик, так было — было бы! — уменьшительное. Ох, эти сослагательные!)

Отнимать *его* у своих, а Вас своим — отдавать. Делать Вас общим достоянием. Делать *его* в родном доме — чужим, Вас — в моем — своим. Что-то *дикое* (т.е. ручное) вроде племянника и дяди. Ясно и просто: назови я его Борисом, я бы навек потеряла право на <пропуск одного слова> Бориса, не право, а его самого. (Дв <пропуск нескольких слов>.) Это было бы — отказ. Та́к, назвав этого Георгий, я сохраняю право на Бориса, т.е. на Вас и ——. Борюшка, это не безумие, а самый точный расчет. (NB! Так говорят *все* сумасшедшие. 1933 г.)

---

*) <Примечание не вписано.>



ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

Выписки из черновой тетради

Егорушка

(Зеленая, квадратная, с картой — начата 11-го марта 1928 г., в Мёдоне, кончена 11-го сентября 1928 г., в Понтайяке (Жиронда).

Шуршит слава
и мои зайчики

—

А из карет, поезда — одну
Скорей в верхов ... !
(NB! рукоп. — Очевидно — Егора)

—

Не успели еще меня заподозрить в германизмах: ноете, как уже начинают корить за „полумглы", „мозги", абстракцию — и т. д.
Мало — радь!
А я - в ответ:
Не боюсь я ничего,
Кроме Бога одного!

—

... боль,
Душа вольна!

Выписки из черновой тетради
Егорушка

(зеленая, квадратная, с картой — начата 11го марта 1928 г., в Мёдоне, кончена 11го сентября 1928 г., в Понтайяке (Жиронда)).

Мурины слова и мои записи

А из карет, господа — одну
Скорой и верной помощи!
(NB! признаю. — Очевидно — дроги.)

Не успели еще меня доукорить в бессмысленности, как уже начинают корить за «голую мысль», «мозг», абстракцию — и т.д.

Поди — угоди!
А я́ — в ответ:
Не боюсь я никого,
Кроме Бога одного!

...бабья
Душа дойна!

Историю я люблю не в Werden, а в gewesen sein (т.е. geworden!)[614], отмытую временем от накипи газет. Время — сортировочная. Или — когда промывают золотой песок. (Золотопромывная.)

В моей душе одно волненье,
А не любовь пробудишь ты[615]

Волненье: т.е. на белой стене дня — белую и черную тень любви.

...Многое мне приходится говорить явно — через голову, имеющее быть услышанным — потом, «когда меня не будет», не когда меня не будет, а когда меня — в тебе не будет, когда *ты* во мне кончишься.

Любовь без ревности есть любовь вне пола. Есть ли такая? 1) без ревности 2) вне пола. Есть любовь с невозможностью ревности, т.е. любовь несравненного, вне сравнения стоящего. Та́к, может ли Гёте ревновать любимую — к любому? (Ревность — ведь это некий *низший* заговор равных. Своего рода — братство. Одну дрянь променяла на другую дрянь.)

В ревности ведь элемент — признания соперника, хотя бы — прáва его на существование. Нельзя ревновать к тому, чего вообще не должно быть, к тому, которого *вообще* — нет. (А Пушкин — Дантес?) Нельзя ревновать к пустому месту (néant)[616].

В ревности есть элемент равенства: ревность есть равенство. Нельзя ревновать к заведомо-низшему, соревноваться с заведомо-слабейшим тебя, здесь уже ревность заменяется презрением.

Позвольте, но есть разные планы превосходства (соревнования). Бетховен превосходил любого — сущностью, но любой превосходил Бетховена — красотой. Гёте (80ти лет) превосходил любого гением (*и* красотой!) но любой превосходил его молодостью.

Ревность от высшего к низшему (Бетховена — к Иксу, Гёте — к Игреку, Пушкина — к Дантэсу) не есть ревность *лица* к лицу, а *лица* — к стихии, т.е. к красоте, молодости, скажем вежливо — шарму, к<отор>ые есть — стихия (слепая).

К *лицу* ревновать не будешь, *сам* полюбишь! Гёте *не* может ревновать к Бетховену — вздор! Либо: не та ревность, боль — *иного* качества: боль-*восторг*, за которую — благодарность.

Но ревность Гёте к помощнику садовника, на к<оторо>го загляделась его <пропуск одного слова> (я такого случая не знаю: наверное — был) — есть именно ревность в ее безысходности, ревность к стихии — и потому — стихийная.

Только не надо путать стихии — с данным, его «лицо» (нелицо) удостаивать своей ревности (страдания). Надо знать, что терпишь — от легиона: слепого и безымянного.

И чем *нулевее* соперник — тем *полнее* ревность: Пушкин — Дантэс. (Нулевее — и как круглый нуль, и как последний нуль порядкового числительного: миллионный, ста-миллионный и т.д.)

В лице Дантэса Пушкин ревновал к нелицу. И — *нелицом* (пóлом — тем самым шармом!) был убит.

(Это пока что — всё я, а теперь — Мур.)

Мур

(Муру — 8го мая 1928го года — 3 г. 3 мес. 1 неделя 1 день — Мёдон. NB! Переписываю ровно 10 лет спустя — 3го мая: Муру 13 лет, 3 месяца, 3 дня. Рост 1 м. 73, уже тень (светлых) усов, вес — точно не знаю: около 65 кило) — Vanves —

— Вы не будете осел, когда старше?
(мне — в ванной)

Вчера С.: — Мур, пингвин хороший, ты с ним будешь спать?

— Да, с птицем, с соловьем.

(единств<енное> число: птиц)

— У меня такие сильные брови!

(почти никаких)

На своих имянинах, чужому седому господину (к<отор>ый в него *влюблен!*)

— Какие у тебя белые волосы! Ты их покрасил?

Бестактен, т.е. говорит *всё*, что думает. Безногому Жене[617]: — Почему у тебя одна нога? Нужно две. Где ты вторую оставил?

(NB! — резонный вопрос: именно — *где* и *оставил.* Есть даже точный адрес.)

Вчера, в мёдонском лесу, о чужом старом господине (тропическом мореплавателе), идущем рядом, совершенно громко: — Какой грубый голос! (*дважды* — намеков, взглядов и нажимов не понимает.)

Ласковый, добром всё можно, страстно увлекается (са́хнты (шахматы) новый автомобиль — и т.д.), обожает сказки. Репертуар — мой: Про паровоз который отцепил свои вагоны (*мое: чистое* безумие!)[618] — Карлик-Нос — Жмурки (Медведь и девушка) — Спящая Красавица (*хорошо* рассказываю: особенно сон) — Белоснежка — Маленький Мук[619].

Явно, определенно не любит стихов, ничего ритмического, сразу перестает слушать и понимать, а — еще меньше был, как только стихи (в тексте) — ну, хоть две строки — раздраженная гримаса, и: — Перестаньте — *та́к...* (т.е. — стихами). Можно сказать — воинствующе не любит. *Слышать* не может!

Дама, льстиво: — Какие у тебя чудные колечки! Мур, грубо: — У меня не колечки, у меня только волосы.

— Когда я буду маленький...

(*Маленьким* не был — никогда.)

Начинает понимать грусть. Вчера, неожиданно: — Деревья грустные. — Почему они грустные? — Они не хочут жить в земле. Я (в надежде на небо) — А где они хотят жить? — Да хочут жить в воде. (Собственное вожделение, обожает воду — вез-

де, кроме ванны: — Спасайте меня-я-я! — Не хочу быть чистый, хочу быть грязный.)

Ребенок ни умственно ни сердечно не выдающийся, в пределах естественной хорошести и умности трехлетнего ребенка, *нно* — есть в нем что-то, очевидно — в *виде* (а просто *вида* — нет, вид — *чего-нибудь* и, скорей, — ВСЕГО) заставляющее одного называть его Наполеоном, другого — Муссолини, третьего — профессором, четвертого чудаком — Зигфридом[620] — римлянином (а здесь (позднейшая вписка) в Понтайяке — мясник: — переплыл ли он уже Ла-Манш?).

(Пропустила о стихах:)

Когда говорит стихи, то по желанию переставляет и сокращает:

Человек, и зверь, и пташка
он:
Человек и *пряжка*

явно не заботясь ни о размере ни о смысле.

Запись:

Чтобы иметь точку зрения на вещь, нужно на нее *смотреть*.

Ложь. Не себя презираю, когда лгу, а тебя, который меня заставляет лгать.

Что́ легче чем говорить правду? (мне) — Разве что — воду пить!

Плохо лгу.

Ложь — предательство самого себя, отречение от себя — в виде *своего* поступка, *своего* слова.

Моя ложь (жалость) — расписка в чужой слабости: не за себя боюсь, за тебя боюсь. Если бы жить с богами — или хоть с по́лу — ...

Скрещенные руки:

Нам, чтобы дать *крест*, нужно руки — сложить. (Тот — раскрыл.)

7-го июня 1928 г.

Отрывок письма к Б.П.

Б<орис>, наши нынешние письма — письма людей отчаявшихся: примирившихся. Сначала были сроки, имена городов — хотя бы — в 1922 г. — 1925 г.! Из нашей переписки исчезли сро-

ки, нам стало стыдно — чтó? — просто — врать. Ты ведь отлично знаешь — то, что я отлично знаю. Со сроками исчезла срочность (*не* наоборот!), дозарез-ность друг в друге. Мы ничего не ждем. О Б<орис>, Б<орис>, это так. Мы просто живем, а *то* (*мы!*) — сбоку. Нет, быв впереди, стало — вокруг, растворилось.

Ты мне (я — тебе) постепенно стал просто другом, которому я жалуюсь: больно — залижи. (Раньше: — больно — выжги!)

9го июля 1928 г. приехала в Понтайяк (под Ройаном — Жиронда) — мифологическая рощица — дай Бог.

...С ветками, с листьями
Женская исповедь —

Шестикрылия двустиший

Лес: сплошная маслобойня
Света: быстрое, рябое,
Бьющееся как Ваграм.
Погляди, как в час прибоя
Лес играет сам с собою!

Так и ты со мной играл.

NB! Варианты Вместо 1го леса — хлябь, вместо 2го вал
(Но лучше — лес, ибо от лесу началось.)

(Н.П. Г<ронскому>[621] — в память наших лесов)

Мур: — бежý — ля́жу —

Красная шляпа
(План повести. — Записи)[622]

Поезд увозил назад
(ее)
Поезд увозил вперед
(нас)
Поезд был сквозной. Сквозь всё.

...Чтó было в этой просьбе, в странной страстности этого «Напишите о ней!». Препоручение. Скажите за меня. Полюбите за меня. Любить я ее не могу, но она меня тревожит, потому тревожит, что любить не могу, о тогда бы — любил. Дай мне прочесть себя к ней — 20 (*ее*) лет назад. Чтобы мне было *сейчас*, а ей — *тогда*. Осуществите. Освободите. Любить я ее не могу, п.ч. ей фактически — шестьдесят, а мне вдвое меньше, п.ч. это

было бы и смешно (другим) и страшно (мне), п.ч. на это меня не хватит и этого с меня не хватит, п.ч. на это и этого не хватило бы ни с одного — <пропуск одного слова> — п.ч. на такую любовь стар — я (на 20 лет, ибо для нее нужно быть юношей т.е. той смесью мужского и женского, к<отор>ой является — каждый юноша и — каждый поэт). Верни мне меня на 20 лет назад.

Всё это, по человеческой скромности и тёмности, называется: — Напишите о ней.

И вот, написала — доволен, сосед?

Одного хочу. В награду. Твоего молчаливого утверждения, что та́к, как любила ее я — сейчас, ты бы не любил бы ее ни тогда, двадцать своих лет назад, ни сейчас, двадцать ее лет назад — ни тогда, ни когда.

П.ч. та́к люби́ть могут — только поэты.

———

Шея из последних жил.

———

Самое страшное (грешное), что она вовсе не была смешна...

———

La grande amoureuse?[623] Нет. Актриса, игрица.

———

Для него мы были — étrangers, иностранцы — на курорте естественно.

Для нее — тоже иностранцы — люди иной страны: молодости.

———

Старая женщина? Нет, благополучно.
Старая дама? Нет, почтенно.
Старая — что́?

———

Глаза — у греческих статуй, у египетских мумий, сквозь прорези масок.

———

Беспощадность боя (глаза).

———

Лицо сделать (сделалось) именно таким — п.ч. не хотела (бы?) таким: сопротивление *не* бессонной ночи, *не* солнцу (*не* — *не* — не) — а —

(старости)

———

От чьего взгляда она ушла? *Не* моего, ибо ни один взгляд женщины для нее в счет не шел: *она* их не видела! (м.б. ошибаюсь? 1938 г.) — кроме взгляда соперницы — которых у нее уже не было. Кроме того, прочти она мой взгляд, она бы от него

не ушла, ибо в нем было: зачарованность птицы — змеею, т.е. *ее* же власть. (Змея не хочет зачаровать птицы — это птица хочет зачароваться, верней птица, взглянув, не может оторваться. Зачарованность птицы держит змею.) Она ушла от другого взгляда — мужского взгляда.

— Дура! Дура! Дура! Седые волосы на молодом лбу. Или у тебя нет зеркала? Или ты не видишь, что ты — седая? Или ты не видишь, что ты молодая? Да я бы душу — другого у меня сейчас ничего нет, да и этого — нет — и никогда не было! — отдала за твое молодое лицо из к<оторо>го я — чего бы ни сделала! Презираю — ибо вся ты — презрение ко мне: моей красной шляпке на желтых волосах, моим желтым волосам на старом лбу. Вся ты — уничтожение меня — всей.

— Ничего. В цвете лет. Неплох. *Сейчас* — очень хорош. А *тогда* — был бы вол для моей колесницы.

Переигрыванье красного и соломенного. Молодость так же переигрывала в ней, как красная и белая соло́ма.

Дело для нее было явно не в наших лицах (красивых, некрасивых и, кстати — сплошь коричневых) а в нашем возрасте, в нашем собирательном возрасте к<оторо>му имя — молодость, не в окраске лиц (— а в *некраске* их!) а в общем <сверху: нашем> цвете лет, в общем цвете *наших* лет, — саде, откуда она ушла навсегда. Мы для нее были — рай, каждая морщина на собственном лбу — меч архангела.

Ушла от нас, загораживаясь от нас как от солнца.

Вариант:

Загораживалась от нас как от солнца. Ушла от нас как от солнца.

Милая тень, что́ тебя ко мне влечет? Ты зла, черства, бездушна, ты наверное не поняла бы ни одной строки, а и поняв — отвергла бы. Ты из ненавистной мне расы пожирателей и господ жизни (пожиратель*иниц* и госпо*ж!*), ты — уничтожение всей меня, а как бы я, ради тебя — *себя* уничтожила бы!

Знаю. То, чего нет на пляже, то от отсутствия чего с плажа — бегу: трагедия. Человека (он на этот раз зовется старой кокеткой) со смертью. Бывшего цветка, еще почти-цветка — еще чуточку-цветка! — с черепом, с заступом. Не: — Почему так всё конча-

ется?! — а: — Не хочу, чтобы это кончилось! — Пусть всё кончится только не это!

Ты, свою молодость бы купившая — ценой *всех* жизней!

Ты была родной дочерью Людовика XV — après moi le déluge![624] — да и XIV — l'Etat, c'est moi[625]. Такие на Титанике, <сверху, над окончанием: ах>, отталкивая, в море сбрасывая чужих маленьких детей (своих у них нет и быть не может!) первые бросаются в спасательные лодки — спасать красоту!

Милая и злая чужая, родная чужая, такая недосягаемая под красными полями шляпы. (Заёмная кровь, весна.)

Вся я в ту секунду сводилась к укору: — почему Бог не создал меня мужчиной, чтобы в этот данный час (твой — последний!) любить тебя? — та́к, чтобы этой любовью вызвать на твоем лице окончательную победу молодости — улыбку.

(Спутник, огорченно и покорно: Pourquoi avons nous dû partir? Nous étions si bien là[626].

Là[627] — это *мы. Он* — нашей молодостью — грелся...

— И о нем. —)

П.П. С<увчинский>[628] — мне:

— Через десять лет забудут!

— Через двести — вспомнят![629]

Еще — Красная шляпка:

— Что меня в этом возгласе обрадовало, озолотило, осчастливило? Сознание, что и на этот раз не выдумала, что это есть — помимо меня. Что — увидела, не нагадала. Освобождение от вечной муки сомнений поэта, навязанной ему всеми его ненавистниками и доброжелателями: а может быть ты всё это выдумал? (В устах ненавистника — хула, доброжелателя — хвала, в ушах и сердце поэта — мука. Мы ведь только (и *точно*) правды хотим: вещи как она есть (*внутри*).)

Поэт: Иоанн, из к<оторо>го постепенно делают Фому.

Dunkle Zypressen!
Die Welt ist gar zu lustig —
Es wird doch alles vergessen[630].

(Этих стихов Lenau, виденных когда-то в детстве в альбоме моей матери (ее рукой) я потом никогда не обнаружила — два раза покупала из-за них Lenau — *нету!*)

...Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию — были[631].

(Оба — эпиграфы для П<ерекопа>)[632]

После этой записи начинается П<ерекоп>. Первые строки, карандашом:

Земля была суха, как соль —
Земля хотела пить
(просила — пить)

(NB! Потом не вошло — жаль: символ — и достоверность. 1938 г.)

Не странно: на солончаке
Кончалась соль земли

Черепах будем жрать

(пометка «soup de tortue»...[633])

Пометка: П<ерекоп> начат 1го августа 1928 г., в Понтайяке. Дай Бог!

Отрывок письма: — Мой родной, Вы не знаете, как сжалось у меня сердце, когда я по возвращении прочла «только не в четверг après-midi[634]» — это, кажется, моя первая боль от Вас, я увидела, что в своей безрасчетности — *просчиталась*, либо Вы мне мстите (*мне* — *Вы*, когда мы — братья!) — либо *мы* (Вы + я, я + Вы) в данную минуту жизни для Вас не то, что для меня, т.е. не *ВСЁ*. Какая-то другая жизнь, где меня (нас с вами) нет, другие уговоры, и — главное — за час до моего отъезда. Родной, неужели Вам с другими лучше, чем *с нами*. Как мне больно.

(Очевидно — Н.П. Г<ронскому> и очевидно — случайно посреди тетрадки, на первом свободном месте, п.ч. уехала значительно позже, а тут — отъезд. МЦ. 1938 г.)

Мур — 9го августа 1938 г.[635]

— Очень, очень жалко, что папа уехал! Я теперь с одним мамом остался!

...В четверг Вы[636] были один дома, в субботу я — одна, а встретились мы в пятницу. Что́ это, как не жизнь, с ее непрерывными случайностями, с ее *мазней*, жизнь — обратное сну (чистовику сна), где всё *когда* надо и *как* надо.

Zur rechten Zeit — am rechten Ort — der rechte Mann — das rechte Wort[637] (NB! спросите у папы[638]).

Мы бы сейчас чудесно говорили — еще потому, что сейчас последнее небо дня. (А будет — небо последнего дня!)

(NB! Для моего собеседника настало — скоро: 2 <фраза не окончена>[639]

Двум смертям — не бывать
А нý как — н

Мур — Рыбаката (Рыба-Кит)

— Куда садится? — Зá море. — Ему же страшно! Оно утонет! Оно в Рыба-Кит утонет! Рыба-Кит — злой!

(20го авг<уста> 1928 г.)

Отрывок письма (другому — самым подлым образом меня предавшему — зá 2 года до этого письма)[640] —

— Es war einmal ein junger Kaufmannssohn[641]. — Так начиналось.

Не малодушие — не Великодушие — меня заставляет — мне дозволяет — Вам писать это письмо, просто — Душа: безвоздушность, в к<отор>ой живу.

Вы меня выдали (предали) я Вас — нет. Никогда не простила бы Вам, если бы в ответ выдала Вас — я.

Я не могла предать *вида с горы* и руки в руке — Вашей ли в моей, моей ли в Вашей. Когда вчера на докладе[642] М<арк> Л<ьвович> привел чьи-то слова: «Разве нужно всю жизнь есть и гулять вместе» я ответила: — Нет.

Я никогда не старалась понять Вашего поступка, я уперлась в него — и отступила, унося всю меня. Горе от него, *могшее* быть, немогшее *не* быть, растворилось в известии о смерти Р<ильке>[643], совпавшей. Мне стало стыдно быть меньше этой смерти (так явно — *жить!*). Но не скрою, друг, что по сей день, при упоминании Вашего имени, под слоем презрения и забвения что-то живет: *болит* — весь *мой* Вы, неосуществившийся, *Ваша* я, могшая осуществиться только через Вас — и ни через кого другого (вот смысл местоимений *мой, твой*) проще *мы* (после *я* и *ты* не *он*, а — *мы!* Он — это опять *я!* и та же его одинокая мука.)

Вы предали, Д., (его звали Даниил, 1938 г.) не только меня, но и себя, не меня, не себя, *нас*, нашу cause commune[644]. Заговорщик, называя, предает не друзей, а — заговор.

Как мне вчера было больно еще раз подтвердить, что я не ошибалась, что из сорока́ — значит четырехсот — значит четырех тысяч (нули проставляйте сами — пока рука не устанет!) —

Слушая вчера Ваши (безымянные, чьи-то, не мне, всем) слова о Z.[645] (говоря об одном, говоришь обо всем: всегда обо всем!) я содрогалась всем содроганием родства, знала наперед каждое слово, п.ч. это — *я* говорила! Но — разница — в Вашем голосе был покой знания, говоря *то*, я бы говорила не *так*, я моложе Вас (на много! много! жизней: на весь непокой страсти) — и за это еще, за старшего в Вас! (люблю́ Вас).

Что вчера произошло? Чудо. Из 40 человек, — значит (brûlons les étapes)[646] — 400 миллионов — я отозвалась на одного. Этот один назывался — Вы. Вчерашняя я подтвердила ту, 2 года назад (переизбрание вслепую!) — слепая подтвердила зрячую.

Значит, права же я была в своей оценке (отношении) два года назад, значит Вы именно тот, к<ого?> я видела, не ошибаются же дважды в том же направлении... Значит, мне за́ново Вас терять (погребать воскресшего). За́ново Вами болеть.

Это началось та́к: сначала прислушалась к голосу (ведь я не знала кто́ говорит, вместо лица́ — пятно) и — о удивление — слова подтверждали голос, человек говорил *то* и *так*. И — удивленье третье — и *мысль* была *та*. Так я Вас, в постепенности, *узнала*.

Разве дело в E.Z. Всё — повод к сущности, *и* <подчеркнуто дважды> литературные прения!

Мне больно, друг, и так как мы когда-то были *мы*, возвращаю Вам Вашу долю — нет, всю боль! — потому что она не делится.

(Нужно думать — этого письма не послала. Во всяком случае, никогда на него не получила ответа.)

Мур — 22го августа 1928 г.
— Почему небо так не шумит? (О море.)

Письмо Али про Мура

Вчера мы (мама, Мур и я) были на Grande Côte, на поездке́ до St. Palais, и пешком оттуда. В поезде Мур сидел очень важно, и от удовольствия жевал свой собственный язык. В лесу он говорил, что запах там соснённый, пил молоко и спрашивал, скоро ли поедем обратно (из-за поезда!). До Gr<ande> Côte шел хорошо, а там от восторга лег на живот перед самым казино́'м и стал орать нечеловеческим голосом, болтая ногами. Наконец,

по зыбучим пескам дошли до свободного местечка (было воскресенье, и много народу) и стали Мура кормить. Он один жевал как целое стадо коров. Посреди еды он вдруг сказал d'une voix lugubre[647]: — «Мама я хочу», и т.д. Я жертвенно, при всем честнóм народе, его посадила. Потом мама, к<отор>ой, как известно, никогда на месте не сидится, решила лезть на дюны — чтобы оттуда полюбоваться чудесным видом. И мы полезли. Я, за мной Мур, за ним мама. Я его тащу, мама пихает, мы все ссыпаемся. Ну, наконец влезли. Стоим, смотрим вниз, и вдруг кто-то произносит: — Il est six heures moins dix[648], а наш поезд — без пяти. Мчимся. Мур летит с нами и невинным голосом спрашивает, стоит ли наш поезд, не уехал ли он, и что наверное он давно уехал. (А он — последний!) Мама шипит (keucht!)[649] — Молчи, Мура! — Наконец прибегаем. Садимся. Ждем 25 мин. Едем. Приезжаем.

Рукой Мура: — Милый папа, я был на Грандкот.

Мур
и Аля

21<u>го</u> авг<уста> 1928 г., понедельник
Понтайяк

Мур — 24<u>го</u> августа

Местный праздник, иллюминация плажа, фейерверк. Я до последней минуты не хотела идти, в последнюю минуту решила, Аля, обидевшись по недоразумению, улеглась в постель, я пошла, в конце ежевичной дорожки — остолбеневаю: — «море огней» — огня — огонь и огни в море (бенгальские). Чувствую, что сейчас пройдет и бегу обратно за Алей. Мур не спит, шипя и кипя вытаскиваю обоих из кроватей. — Где коляска? — В сарае, а ключ у хозяйки, а хозяйки нет. Мур выкатывает глаза: — «Но сейчас ночь! Она страшная!» и, уже в дверях: — Почему у меня так живот дрожит? (трясется). Аля взваливает его на плечи, мчимся. — Куда, куда? — Смотреть фейерверк. — Оно страшное? Оно с бородой? —

— Чтó это? Это — звездочки? — Да, звездочки, ракеты! — Нет, это не ракеты (NB! теннис) — это ведь звездочки! — Это всё игрушечки? Это ёлка? Полное волнение, сна никакого. (Десятый час. Всегда ложится в 7^1/2 ч., 8 ч.) На плаже и над — весь Понтайяк. Конкурс сюсеток (кто скорей дососет и тоньше обсосет), жюри — священник. Сажаю Мура на каменный край плажа. — Я никогда не пойду домой, я никуда не пойду, всё буду гулять и гулять. (Раньше, еще дома: — Будем смотреть фейерверк. — Оно страшное? Оно с бородой?)

— Это — ёлка? Это — Рождество? Это — Дед-Мороз подарил? Дед-Мороз — французский или русский?

Море всех цветов (кроме своего), стаи детских китайских фонарей и — ракеты! Тут-то и началось! Ракеты — взрываться, Мур — трястись. — Ҹто это? Ҹто это? Мне неприятно! (Пуще.) — Мне прямо в уши! Я не хочу смотреть на звездочки! — Смотри, Мур, видишь? — Я больше не хочу смотреть, я хочу домой! — Затыкаю ему уши пальцами — не помогает. Соскакивает, тянет зá руку: — Звездочки неприятные! Я не хочу на них смотреть! (Колосья, снопы, колёса...) Встречаем в толпе Калерию Ивановну[650]. Мур не дает говорить. — Идем домой! — Сейчас, Мурочка! — Неприятные эти звездочки, довольно гулять!

В поле: — Как хорошо! Тихо! А это — что? — Это луна. — А вот еще другая луна (маяк). — А это что черное? (облако).

1) Никогда не гулявши ночью, всё виденное (и слышанное!) принял за вообще-ночь — 2) — луну и звезды включил в свое *общее* удивление 3) страшный трус (то же с морем, с криком поезда, со всем *сильным*) 4) трусость — усиленная восприимчивость, свидетельство об остроте чувств и, по-старинному, — «тонкости нерв». Выход — *воля*, в три года — рано. Не боятся шума только глухие — или тупые, вообще же ничего — дураки.

Трус только кто остроте своих чувств (и тонкости нерв!) — уступил: упал — или сбежал.

И совсем не знаю еще, чтó мне милее (презреннее) *тупец* — или трус.

Роднее — во всяком случае — трус: я *всего* боюсь: лифта, автомобиля, парохода, но только — технического: ни львиного реву ни колоколов, ни грозы *не* боюсь. Еще безумно — м.б. безумнее всего — боюсь толпы (взятости в оборот). Но это — да и *всё* это — уже дело сердца (физического). Мое — здоровое. И — безумное.

Еще о фейерверке: — А ты же хотел на войну идти? Там ведь тоже стреляют! — Я не хочу на войну: она страшная.

Еще Мур. Третьего дня, за неубеганье с пляжа катался на осле. (Дама — ослятница.) Вчера вечером, я — Ну чтó, Мур, как гулял, видел ослика? — Ослика не было, он больной. — Почему больной? — Потому что я у него так тяжело на спине сидел. — Чтó ты! Осел крепкий. Он м.б. съел что-нибудь? — Он болезнь съел. Взял и (глотательное движение) съел. — А у хозяев — дама такая ословая — есть на сякмый случай — молоток. Она сняла ему кожу, побила в него гвóздем, и еще, и еще,

и помазала мазью лишаи, и потом кожу опять надела, и вынула гвоздь — и стала шерсть.

(NB! Напоминает изумительную китайскую сказку — о дьяволе в девичьей коже: Die bemalte Haut[651]. 1938 г. Там тоже всё это снимается и надевается.)

— А тебе, Мур, можно снять кожу? — Мне — нет, только ослу.

Письмо

Милый папа, я скажу, что я тачку вижу, папа милый, я Вас очень люблю, я скажу, что я был на Фéрмаксе (NB! и Фэрбанкс, и фейерверк), потом ушел домой, п.ч. я боялся звезды, к<ото-р>ая сверкала («Вечер был, *сверкали* звезды...»)[652] — и еще летала — так нагнулась и взбрызгнула! (А он в Мёдоне — засмеялся? — Нет, Мур, письмо еще пойдет на почту, потом поедет в поезде...) — А там *папа*, на почте? Дайте мне деньги — к папе поехать один в Мёдон, мне не страшно.

Мур — 29го авг<уста> 1928 г. (о собаках)

Я: — Мисс, это Блакó — мать, а сам Блакó — сын.

Он: — Нет! Мальчик и девочка! С ушами, с хвостами, с кóгтями! Безрукие! У них отрезали на *войны́*.

Мур

Глоточек — светочек

— Позвольте мне одну ма-аленькую светýшку зажгить! (NB! спичку)

Письмо Вере (тогда С<увчинской>, потом Т<рейл>, ныне — ?)[653]

— Вы конечно не ждете этого письма, как не ждала его — я.

Хотите в двух словах его содержание? Если бы я была мужчина — я бы Вас любила. Грубо? Как всякая формула. Что же мне мешает сейчас, будучи женщиной и т.д. Знаю. Сама говорила и буду говорить.

(NB! Мешала мне тогда, очевидно, полная ненужность ей *женской* любви. И — поэтовой любви. Нужность ей только мужской любви. Всчётность для нее — только мужской. Но это выяснилось — год спустя. 1938 г.)

(Мысль: нужно ли дальше? Всё уже сказано. Сам факт письма отъезжающему — то, что не смеешь сказать — а чтó не смеешь сказать? Ясно.)

Для пущей же ясности: мне жалко, что Вы уезжаете. Потому что я Вас люблю. Полюбила за эти дни. Полюбила на все

дни. За гордость. За горечь. За детскость. За огромную доброту. За неженский ум. За душевное целомудрие, о к<отор>ом упоминать — уже не целомудренно. За то, что Вы так очевидно и явно — растете больше. За любовь к котам (скотам). За любовь к детям. Когда у Вас будет ребенок — я буду счастлива.

Мне очень больно расставаться с Вами. Кончаю в слезах. Письмо разорвите.

— Знаю, что хранит[654] (десять лет подряд). Еще знаю — пришлось узнать, *не*вольно! — что два года спустя получения этого письма старательно и цинически уговаривала С. со мной разойтись (рукоплещу Вашей новой жизни — зачем В<ам> нужна М. — и *хуже*) — в жизни продолжая ласкаться. И я *ничего* не чуяла — и *ничего* <подчеркнуто трижды> не чуя! — разлюбила — и даже отвратилась — и постепенно превратила ее в нарицательное — пустоты и низости: — Вот и вырастешь — Верой С<увчин>ской. (*Сердце* — чуяло!) Это она *первая* развела меня с Алей, на к<отор>ой — *навсегда* ее печать: пустоты. Теперь вижу, что над этим разводом — работала. *И* над этим. И здесь — удалось.

Кстати, единственный в моей жизни случай *женского* предательства, женского заспинного удара.

Но — все ее братья умерли в детстве, не доживали, последний (Твоя Смерть) был — блаженный: $13^{\underline{ти}}$ лет — трехлетним[655]. И м.б. вся ее низость (и предательство) — только мозговой *порок*.

Ребенок у нее есть — 9 л. спустя после моего пожелания — а у ребенка (девочки, к<отор>ую назвала *Kikï*) кроме русской няни и бабушки — еще скандинавская няня, и ребенок этот (7 мес.!) отправлен с Nurse[656] — в Plessis-Robinson[657]. А мать — здесь: ходит по гостям и собраниям.

А письмо — хранит. (Документ? Патент на благородство? Но — *кому я его ни выдавала!!!* Скорей — примета *обратного!*)

Мур — $11^{\underline{го}}$ сент<ября> 1928 г.
Я: — За кого еще помолимся?
— За Бога!

(Здесь кончается квадратная зеленая тетр<адь> с географической картой — Егорушка. — Начата $11^{\underline{го}}$ марта 1928 г. в Мёдоне, кончена $11^{\underline{го}}$ сент<ября> 1928 г., в Понтайяке.)

Выписки из огромной синей черновой

Понтайяк, 15го сентября 1928 г. — Мёдон, 31го января 1930 г.

Мур

(конец Октября 1928 г. — 15го—20го)

— Папа! Почему я Вас совсем не вижу? Когда Вы туда уходите, Вы становитесь — негр? (Уходит в соседнюю темную комнату — и в ней *чернеет* (негр).)

Дьявол, это как *яблоко*. — *Элиза*, это похоже на *язык*.

А в небе можно утонуть? *Куда* утонешь.

Утон*и*л, зажгить, помаху́ (помашу + помахаю)

— У меня не было труб*е?* Нет, я не так сказал. Трубу? Нет!
— Труб*ы?*
— Нет, нет, — труб!

Любовь к *речи*, интонации, вплоть до декламации. (Основная интонация — убедительная, т.е. убежденная.) Иногда, говоря, влезает на стул. — Я не могу говорить (сидя), когда все сидят!

Слушая какую-то сказку:
— Мать? На крыльях? Странная мать! Ну, и птичка!

В гостях, испуганно (а есть — чего: целое множество (любящих друг друга и никого другого) одинаковостей) —
— Мама! А Вы не Черновы?
(множество)

— Ты не пил морской воды?
— Нет, не пил.
— Почему же ты знаешь, что она соленая?
— Должно быть Бог послал.

Я сам родился? (И, уже утверждая) — Без мамы, без папы, без Маталь-Натвевны[658], без Али — *сам* родился!

Глядя на похоронную процессию из окна:
— Это всё женихи! Этого машина — женихи. (Этот машин — катафалк.)

Однажды, возле нового мёдонского лесного кладбища, при встрече с такой же процессией

— Мама! Почему же Вы мне <пропуск одного слова>, что покойник спит?

— Конечно, спит. А потом когда-нибудь проснется.

— Как же он спит, когда у него глаза открыты?

— Чтó?

— Ну дá, я отлично вижу, что он смотрит!

— Да где ж ты его видишь?

— Да вот!

Вот — кучер правящий катафалком.

Так он, почти ежедневно встречая на прогулках похороны, был убежден, что кучер — покойник, что *его* хоронят, живого, смотрящего и правящего — зарывают в землю. Что — его — (живого) все эти черные люди провожают и оплакивают. И не только живого, а каждый раз — того же самого, п.ч. он, почти ежедневно его встречая, отлично знал его в лицо.

И — никакого удивления: что *живого*, что — того же самого. (А *то* — в колеснице — *то* — не в счет, тáк, ящик какой-то, просто — цветы.) Похороны для него были — *кучер*. Одевшийся в черное и лошадей одевший — чтобы быть зарытым — покойник.

Впрочем, настоящий покойник — то, что мы о нем знаем — ничуть не менее удивительно — и ничуть не более утешительно.

Ведь тоже живого (вчерашнего) — зарывают!

— Мама, сделайте меня маленьким!

— Мама, сделайте меня котом! Живым котом, настоящим, с лапами!

— Эта киса похожа на чорта!

...Милый М<аяковский>! С   прошло 10 лет — и мы, естественно, поумнели: Вы признали величие   , я   (Плóхи мы были бы, плохим Вы были бы — собой, я — собой, если бы признали их уже тогда!)

М<аяков>скому — сдача[659]

Из окна:

Я: — Смотри, Мур! Аля не идет? Ты не видишь Алю?

— Нет! Только дорога пылит и трава зеленеет!

($10^{\text{го}}$ ноября 1928 г.)

— А что ангелы едят?

— Ничего, они только нюхают. Знаешь, как ты: «я носом ем».

— Они облака едят? Они вку-усные! А помните, как я раз, когда никого не было, ел дрожжи? Открыл мешочек, взглянул и откусил. Такая гадость.

(NB! Думал — сыр. Полчаса исходил пеной.)

— Встать на крышу и трогнуть небо. А Бог тогда — упадет?

Когда начну́лась ночь (началась, по образцу — нагнулась)

(NB! До сих пор (13 л. 3 мес.) говорит хо́чете. А мне — нравится.)

— Мур, тебе не жалко, что мама останется?

— Мне жалко, только мне непременно нужно пойти к Лелику, с ним сговориться. (Деловито.)

Селы: головы соломенны
(Я)

Сегодня — 1$^{\underline{го}}$ февр<аля> 1929 г., пятница, Муру исполнилось 4 года.

— Чистовик Последнего чая[660]. —

Варианты (невошедшие)

Врете, плоские, отцовские,
Врете луковкою, с буковкою
вся движимость
с
Врете, с розой на стебле,
Врете, мозеровские!

Вслух серчай, аль ус крути — | Чуб терзай — аль круг черти́
Ждут сердца — все врут часы!

Мур: — 11$^{\underline{го}}$ апреля 1929 г.

— «Спаси, Господи!» Что спасать-то? Никто не поймет.

Почему мне всё кажется до неба? Дома, деревья...

(Страстный интерес к чуме)

— Папа, Вы можете убить чуму? Мама, убейте, пожалуйста, чуму!

Мур — 15$^{\underline{го}}$ мая, рисует:
— Каких я страшных, Наполеонов нарисовал!
— На двух Наполеонов напал дождь. — Правда, страшно?

Муравьи — куравьи (комары)

В ответ на предложение попросить прощения:
— Я такой большой, толстый, — как же я могу виноватиться?

Мур — 16$^{\underline{го}}$ мая 1929 г.
— Почему у него такие глаза — умеревшие?
(О слепом котенке)

Мальбрук в поход собрался
— Mironton — mironton — mirontaine —
Мальбрук в поход собрался —
Зарыт[661].

(Raccourci!)[662]

Рисуя:
Я сделал папу и сына — козля́ных.

Мур
(Немножко назад. Было вписано в конце тетради.)
— Мама! Вы умеете превращаться?
— Когда я буду большой, я иногда буду много курить и тогда превращаться в маленького.
(В ответ на утверждение, что от курения перестают расти.)

Я не буду помнить, ни вспоминать.

— Дай ему отдохнуть! — Он, что ли, старый дедушка, чтоб отдыхать?

— Мама, эта лужа грязная?
— Все лужи грязные.
— Нет! Море — *чистая* лужа!

Чо́рты. — Можу. — Нагниваться.

Я, рассказывая: — «...пожалел его и взял к себе».

— Это не пожалеть, а украсть.

Лопатка — *копатка* (сознательно)

Всё это — до 10го сент<ября> 1928 г., знач<ит> — $3^1/2$ года.

Трактор. — Три недели роман с трактором (NB! трамбовка, но зовет его — трактор, и все зовем). 12го сент<ября> трактор бесследно исчезает. Безумное беспокойство, тоска. Вечером крик из кровати: — Он же знает, что я его люблю? — Чего же он уехал? —

(P.S. ошибка: всё это уже 1929 г., продолжаю прежнее, эт<от> листок не в счет —)

Мур — Але:

— Я тебе дам такую трещину! Такую трещину получишь!

Ни с какими не с бабами не с яги́ми!

(Долгая мечта, как с утра поедем на пароходе, и т.д.)

— Мур! Кто же с утра ездит на пароходе?!

— Англичане.

19го июня 1929 г., в долинке

— Мама, правда какое умное имя Лев? Справедливое такое, приятное. Как я бы хотел, чтобы меня звали Львом. Почему меня не назвали Львом?

— П.ч. тебя окрестили Георгием.

— А ка́к это — окрестили?

— Пришел священник, прочел молитву и окрестил.

— А как — раскреститься?

— Нужно перейти в др<угую> веру — (коварно) — французскую, напр. (ненавидит французов). (Отводя гнев) — А как тебе больше нравится, Георгий или Егор?

— Никак не нравится, мне Львом нравится. И я уже тогда навсегда буду француз?! (в голосе — отвращение)

Разговор о дурачках: глупая улыбка, доброта, Бог любит.

— Мама, я хочу быть дурачком.

— Ну́, милый, дурачком нужно родиться!

— Я хочу *пере*родиться. А как это — переродиться? Да! Аист меня может опять принести, я ведь все-таки (с большим сомнением) — легенький!

(NB! 31 1/2 кило — 4 г. 4 1/2 мес.)

Ненависть к девочкам (с году — к куклам. Куклу встречал — кулаком.)

— Мама! Какие хорошие эти мальчики — что девочку мучают!

— Вовсе и не мучают, это их сестра, они с ней играют.

— Нý, заче-ем?! (в голосе — глубочайший упрек и разочарование)

(Кстати, бедная эта девочка недолго пожила: мальчики убежали, а девочка (двух лет — русские) напилась негашёной извести — белили дом.)

— Я не хочу, чтобы у меня родители кончились!

— Почему у нек'торых родителей нет детей? Не у всех родителей есть дети?

— Здесь эти... разбойники жили? Радзевичи[663], то есть!

Чтó мне вкусно — то я ем, чтó мне невкусно — то я не ем. (Присказка с 3х лет. Козьма Прутков.)

— Почему я не чувствую, когда другому вкусно?

(Июнь 1929 г.)

Запись:

— Почему я в 1920 г. (когда уже *хорошо* писала!) — писала так легко? (Всё Ремесло, напр., написанное в *год!* Бывало — по два стиха в день!) Чтó со мной сделалось? сделали? — Сплошное непопадание в волну (ритмическую). Ничто не *несет* (раньше уносило: заносило — как метель!). Если я еще пишу — и *хорошо* пишу — то только благодаря упорству. От отчаяния. Голое сознание долга — перед кем и чем? — Раньше: не пишу — не дышу, сейчас: не пишу — не вправе дышать.

Другие ждут «вдохновения»... Если бы *я́* ждала вдохновения!..

Я, очевидно, ныне в состоянии Тютчева, писавшего стих в год. П.ч. не садился — se laissait aller — vivre — (*не*-vivre!)[664] — прозябал... Ведь если не сесть (засесть) — стихи себя сами не напишут. Придут («в голову» — пройдут сквозь нее облаком) — и пройдут.

Я ведь тоже могу не писать — месяцы! (Не внутренно — могу, стихотворно — могу.) Больше того: я, чаще всего — каждый день, каждый раз, когда сажусь — *не могу писать.* (Особенно не могла — Федру. Точно воз везла! А *кáк* вышла! Самое коварство, что ни малейшей приметы — этого моего возо-везения: *водовоз'ства:* сплошной *поток!*) Скажем честно: большие стихотворные вещи — моя каторга.

Последнее вдохновение — Письмо к Р<ильке> (Новогоднее). Федра — уже колодки. Перекоп — вдохновленность не стихом, а *темой.*

Сейчас — <пропуск названия>[665]. Неделю бьюсь над восемью строками. Чтобы написать эту вещь тáк, как она была, нужно *любить* и *смочь,* т.е. быть мной, человеком, и мной, поэтом (рукою, слухом). Дай мне Бог написать эту вещь хотя бы в год. (Нынче 1го июля 1929 г.) Столько мыслей — и так мало строк! Столько строк — и так мало *связи!*

Мур:

Я царь, я большой,
Я даже русский с бородой!

5го июля 1929 г.

(Стихи:— изваянием собственным) Второе мужеска: Ровно
бы — очередь край на мученицын — семени да не хват:—
сердца. У Троицы, завтра в Оптину — пусто: мощи.
Целые ведра воды нашептанной — Горы просфор и ро-щи —
Свеч — а требует — полыни горше — следу нет — Порча
—)[666]

Мур — канун 14го июля («Quatorze Juillet»[667] — между прочим гениаль<?> <пропуск одного слова> Марка Твэна о французских историч<еских> датах: l'homme du 2 Octobre — 4 novembre — 19 août — etc. etc.[668]) 1929 г.

— Я хочу себе переменить сестру. Глупо — «Аля». Я хочу с разными именами.

— Вот я сейчас разрубаю: ма—ши—на. Разрубленное.

Я:
Я понимаю вещи только через слово (собственное).

Мур:
— Что такое политик?

— Человек, к<отор>ый устраивает войны (а сам не воюет) — обманывает — торгует — любит всякие новости...

Мур, быстро: — Я тоже люблю новости!

— Когда крокодил бывает добрый? Когда он без зубов?

— Вы любите автомобили?

— Нет.

— А когда Вы будете их любить? Когда их не будет?

— Савка!

— Так нельзя говорить, нужно говорить: Савва.

— Так Вера говорит.

— Вера может, п.ч. она его сестра[669].

— Как — сестра? Ведь он большой, у больших сестер не бывает.

— Сестра — навсегда.

— Иногда они умирают.

Появившаяся *доброта* — ($4^{1}/2$ года — ce n'est pas trop tôt![670]) — подарил паровоз, коляску, обратно не берет. *Желание* быть добрым.

— Я Вас люблю, а Вы меня не любите!

— Я в 5 минут злой и в четыре минуты добрый.

Рисуя лицо: — Вот у него усы... И уши сделаю разнообразные. (29го авг<уста> 1929 г.)

1го сентября 1929 г. — С<лони>му: — Почему у Вас такое звериное название?

— Папа сказал, что когда я буду большой я сам буду править трактором. (После секундного раздумия) — Я сам хочу быть трактором!

2го сент<ября> 1929 г., Мёдон, лето 1929 г. никуда не уезжали.

— Мама, Вы умеете превращаться? Когда я буду большой, я иногда буду много курить и тогда превращаться в маленького.

(В ответ на утверждение, что от курения перестают расти.)

— Дай ему отдохнуть!

— Он, что ли, старый дедушка, чтобы отдыхать?

В лесу.
— Мама, эта лужа — грязная?
— Все лужи грязные.
— Нет! Море — *чистая* лужа!

———

Чо́рты. — Мо́жу. — Нагниваться.

———

Я, рассказывая: — «пожалел его и взял к себе».
— Это не пожалеть, а украсть.

———

Лопатка — *копатка.*

———

Трактор. Три недели роман с трактором. (NB! — трамбовка (rouleau-compresseur)[671] но зовет — трактор, — и мы́ зовем.) Ежедневно (дважды в день) ходим на свидание — познакомились с хозяевами — за трактором maison roulante[672], т.е. цыганский вагон — roulotte. Кстати — о́н — вылитый Б.П., только маленький — и между нами взаимная симпатия. Любуется Муром: — Est-il costaud, ce gar! Est-il costaud! Et il l'aime tant que ça, mon rouleau? Cu—rieux! Eh bon, quand il sera grand il pourra bien conduire, puisqu'il l'aime tant que ça![673] (В полный серьез, веря в *вечность* этой страсти: в Мурину при́званность.) Узнав, что у меня дочь 16ти лет — Une fille de seize ans — Vous? Mais Vous-même Vous avez seize ans![674] — без комплимента, в полном чистосердечии изумления. (Лестно! — А сейчас когда это переписываю — грустно. Немножко.)

Ищем его (т.е. трактор) с Муром — всюду, и Мур его издалека чует: не прогулки — сплошные поиски и даже погоня. Говорит дома — только о нем. Поэта Оцупа[675], приехавшего по делу, совсем задурил и онеми́л — не дал слова сказать. *Наваждение.*

И — 12го сент<ября> трактор бесследно исчезает. Безумное беспокойство, тоска. Вечером крик из кровати: — Он же знает, что я его люблю! Чего же он уехал?!

———

— Мне надоело без него *жить*, у меня мало *друзей*, трактор *уехал...*

(Вбегая ко мне в кухню)

— Мама! Радость! У меня душа — тракторская! Деревянная. (Подумав:) — Железная.

———

— Эписьер — помдетер[676] — получилась французская рифма!

———

(Рисуя)

— Нарисован дядя Толсто́в у меня на картинке: как моль его ест.

(Бедный *Лев!* Ибо речь — о нем.)

(Играя в кубики)

— Я Кози́ные ворота делаю. Я Казанские ворота для чечена и для козы делаю.

(16го авг<уста> 1929 г. — запись на коробке карандашом, *еле*заметная!)

А я знаю такой праздник, когда молодых пускают, а старых не пускают.

(Внезапная безумная любовь. Было — *раз. Не* повторилось.)

— Мама! Я Вам всю свою еду дам, и картошку, и рыбу, Вы всё можете есть и мне ничего не оставлять. (Перекладывает.) И если мне Vichy[677] дадут, я Вам Vichy дам, а сам не буду пить. И буду всё, всё давать, Вы можете всё съесть, всё, и мое и свое, а потом я Вам еще сварю, — пойду в лавку и куплю — один — яичко. Я буду Вам варить, стирать, подметать комнату, всё, всё делать, выметать всякие грязи, мыть столы, всю работу делать, а Вы будете играть. Я Вам подарю свою полку и все свои вещи и большой паровоз и ничего себе не оставлю, я играть не буду, я всё время буду работать (а иногда отдыхать и ездить один в Версаль и к папе в Бельгию). Я пойду в игрушечную лавку и куплю Вам маленький трактор. Я Вас буду наряжать, и каждый день, и в воскресенье, чтобы Вы всегда были <фраза не окончена>

24го сентября.

— А у мертвецов не кухня, а *тухня*.

Приношу ему с дороги камни.

— Вас не побили? (NB! за то, что «украла»)

— Меня же никто не видел.

— Все слепые были?

— Мама! Я Вам скажу стихи:

Сердце чувствует тошни́вство.

— *О́*са, потому что о́сы.

Мур, 17го Октября, страшный сон: — Грозо́вые сторожа — белые. Будто я беру папу за́ руку и попадаю в лужу... Мне снилось, что у моих родителей головы отлетели — оторвали́сь...

———

(Немножко раньше, сентябрь, трактор)

— Как же он уехал? Он же знал, что я его не пустил бы! Привязал бы веревку — и он бы остался. (1го сент<ября> 1929 г. Мур на тракторе — большая карточка, 4 г. 7 мес. ровно, — 7го — с рабочим. NB! эту карточку я потом выдала Д. М<ирскому>[678] за Б.П. (на одной рабочий был с семьей, без Мура) и тот — поверил, только удивился на жену — очень уж простую.)

— Останавливайтесь! Останавливайтесь! Я Вам скажу слова, к<отор>ые мальчик сказал своей сестре. Тогда они поймут, что у меня трактора больше нет! (В слезах) — Может быть он только так пошутил? — Если я ночью услышу большой шум, я проснусь, разбужу всех, забью в барабан, подойду к окну...

———

Подаренного в утешение большого заводного настоящего «трактора» — модели Рено — не игрушки, а модели — лакированного, зеленого, самоповорачивающегося — не полюбил (и поэтому не сломал! до сих пор стоит) — никогда.

Бездарность этого подарка и *одарённость* этой нелюбви. Я поступила как классическая «maman»[679] из детской книжки 100 лет назад, а он — как ребенок *всех* времен.

———

Я — Муру: — Почему взрослые так много шутят?

— Потому что они удовольствие хочут сделать маленьким.

———

— Мама! Почему мясо в фартуке? Оно же не человек.

———

Мама, а мясо в человеке — hâché[680] или бифштекс?

(NB! Из памяти, но где-то записано, и многое еще, разыскать и вписать.)

———

Вчера, после 2ой прививки — необычайная нежность, ласковость.

— Мур? Почему ты такой ласковый?

— От любви и от еды.

———

— Какие всё глупости... (С расстановкой) В Италии — шкилеты, в Германии — людоеды... (отзвук Дюссельдорфского вампира[681], о к<отор>ом говорят)

———

— Я не сирот.

— Почему у этого шкилета нет глазо́в?
— Папа, а у докторши в комнате был шкилет.
— А кто еще там был?
— Еще один мужчина.

— Если петь чорту священную песню — он станет священником?

с'рукавка (т.е. обратное *без*рукавке, куртка с рукавами)

18/31го июля 1929 г. (случайно не вписано раньше) — собственноручное письмо — в воздух — Мура

— Лелик! Я тебе письмо написал, а мама тебя проявляет. Моя бумага очень плохая, я хотел хорошую взять, но не смог. Имянины были мамины, но кончились.

5/18го сент<ября> 1929 г. (Алин день рождения)

Мур, глядя на аэроплан, неустанно, с громким треском кружащий над парком:

— Он — небо чинит?

(Небесный «трактор»)

— Папа! Я так рисую, что ни в сказке сказать, ни пером не описать! (Сам с собой) — Что́ это? Крыло? — Нет! — Это лодочка едет с парусом. — Очень красиво! — Красивый цвет!

(NB! Страсть к рисованию — осталась. Рисует — *замечательно*, но только гротеск. Призвание.)

Я: — «И стал медведь под столом заводить свою песню...»
— Чем? У него граммофон был?

— Мама! что такое политицкое привидение?
Я, не задумываясь: — Ке́ренский.

— Мама, хрестоматия — святая?
Я, не успев понять: — Почему?
— Христо—матия. (матия — мать)

Мурины стихи:

Я пойду, милый друг,
На войну всех убивать.

Помоги, милый друг,
На войне всех убивать.
Прости, милый друг,
Я тебя убью сейчас
Вот та тá — та-тá — та-тá —
Вот хорошая стиха!

(Нет, не стихá, а лучше война!)

— Я мерию — сколько пудов красоты?
(т.е. вешу)

(20—21го сентября 1929 г., Мёдон)

Мур — 29го Окт<ября> 1929 г.
— Я десять пудов съем вкусного!

Я: — Каждому по половинке, нас как раз, четверо.
Мур: — А я — *сколько?*

Але, на прогулке: — Аля! Почему только одно воскресенье — и столько понедельников и вторников?

— Нараспев, 2го ноября 1929 г.
— Мама! Где Вы?
Лук и стрелы...

— Вылейте на папу!
(чтó — неизвестно. Такова запись.)

— Пекить или пекуть?
(вместо: печь, глагол)

В лесу, сося конфету:
— Мама! Эта конфета — навсегда! Никогда! Даже когда в горы поеду не кончится! Потому что она стеклянная.

Оставается.

Из далекá войны.

Мур *наконец* упавший в ванну:
— Я встал на лапу и стал глядеть в ванну — нет ли там какой-нб. грязинки. И вдруг упал.

(Скрюченный хребет, боль в животе, страх, доктор, — старый доктор — русский — психиатр.)

Он — д<окто>ру: — Теперь всё кончилось: и *горло* (!) кончилось, и спина кончилась, и живот кончился... Сначала у меня горло болело!

Д<окто>р: — Ну, про горло — в другой раз...

— Потому что я свалился в ванну. Я часто стоял, но мне всегда трактор помогал, подавал силу — и я не падал.

— Какой трактор?

— А на горе — на Avenue Jeanne d'Arc. — А теперь мне трактор не помог — и я свалился...

Выстукиванье, выслушиванье. — Здесь не болит? Та́к не болит? А здесь?

— Нигде не болит, п.ч. ко мне сейчас сила пришла — из трактора — в спину.

Д<окто>р выйдя и рассказывая о том, что *есть* (растяжение мышц) и быть могло бы —

— Ему нужно дать валерьянки — он видно вообще очень нервный мальчик.

Я: — Говорун.

— Да, а что это за трактор такой?

— Трамбовка. Увидел и влюбился. Полгода ни о чем другом не говорит.

— А с этим трактором — что-то уж вроде мании.

— Любовь.

— Да, да, вроде мании. Очень любопытно — что он о нем говорил...

(Для психиатра — aubaine![682])

— Царь-Салтан не любил зверей?

— Почему?

— У него ведь сын был — лягушонок, мышонок. Это ведь так приятно.

Я: Сонный киргиз...
Конный тайгиз...

(Тайгиз — узкая тропа в тайге.)[683]

Мурины стихи:

Бой-ска́уты! Волчаты!
Ори-перепеляты!
И — разом разобрать!
И — разом разобрать!

Массажу не хватает —
Ори-перепеляют.

(Доскý перепиляют — второй вариант)

Мёдон, 27го дек<абря> 1929 г.

1930 г.

— Мур, ты рад, что пили за твое здоровье?
— Я? Не особенно. Я лучше буду пить за *их* здоровье!

(Глядя как я пишу:)
— Чтó, не выходит? А Вы — злитесь!

— А чтó это всё было? скажите мне!

(После чтения вслух пастернаковского Зверинца[684] — «для детей среднего возраста» — бедный Пастернак! — точно есть — и *может* быть! — детский средний или взрослый средний возраст — на его стихи!

А — какое великолепие:

Павлин, торжественный[685], как ночь,
Подходит и отходит прочь...)

(третий день русского Рождества)

Мурины стихи:

Вот приходят гости к вам
Внучке часовам.

(еще полная бессмыслица, но вслед, овладев темой)

Вот приходят людоеды
С пиками, с ножами,
Они траву режут
Вартажами

Мама, не терзайте сына своего
Оттого что он Вас любит ничего.

Людоеды из лесý
Режут траву как косý

Мур — 25го янв<аря> 1930 г.
— без 6ти дней 5 лет

Мур — 27го янв<аря> 1930 г.
— Мотоциклет, это волк такой рычащий, на колесах.

Рассматривая книгу с картинками, с подозрением:
— Сперва цветочки, а потом смерто́чки!

— Какое у дамы де*голь*тэ большое, — совсем голая!

(По-французски не говорит совсем: несколько слов.)

Мур (по поводу украденного К<утепова>[686])
— Мама! Как по-французски генерал?
— Général.
— Почему? Потому что у него — жена?

— *Le* général — или *la*?
— *Le* général.
— Почему? Потому что — *лев?* (le)

Тетрадь кончена 31го января 1930 г., в Мёдоне — в дни пропажи К<утепова>.

Кончается на словах:

...Дававший на немощь,
Дававший на мощь[687]

— Хорошо! —

Выписки из большой черновой светло-зеленой тетради — с красным корешком —

начатой 1го февраля 1930 г., в день Муриного пятилетия, конченной (не совсем доконченной — есть пустые страницы) 6го июня 1931 г.

Мур — 4го февраля 1930 г.
— Мама! Снимите мне, пожалуйста, салфетку!
— Ну, можешь и так посидеть.
— Мама! ведь я тогда от волнения ее проглочу?!
(«Крокодил»)[688]

— Нý, мама, теперь Вы мне должны *сто* книг прочитать?

(Возмещение за мое получасовое писанье, т.е. его отсутствие из комнаты.)

Меховые малахаи
(Я. Сибирь)

Вещь я вижу только когда я на нее *смотрю*. Никакого «бокового зрения» — полная слепость (на быт).

Мур — 5$^{\underline{го}}$ февраля 1930 г.

Волнение — это когда беспокоишься: когда не придет никто — или придет.

Мур — 8$^{\underline{го}}$ февраля 1930 г.:

— Ты же ничего не видишь!

— Я — ушами вижу!

(Отсюда мое, в поэме: — ушами — видь![689])

— Я спрошу в Бианкуре у трактора — он мне скажет где тот серый проклятик. («Limousine grise»[690], увезшая <фраза не окончена>

— Мура, прекрати свои глупости с табуретом!

— Это не глупость, это опасность.

— Скорей! Скорей, Мур, а то солнце уйдет — и мы останемся!

(Одевая, бормочу какие-то стихи) Мур: — Только не думайте, что Ваши стихи остановят солнце!

(NB! Об Иисусе Навине — *не* знает.)

Мур — 14$^{\underline{го}}$ февраля 1930 г.:

— А я ведь *подымаюсь*, когда неподвижно стою.

(Тихо, за супом)

Два вида религиозности:
Столпник — и хлыст.
Столпниц — нет.
Хлыстовки — все.

(NB! не стихи! Нечаянно — в столбец.)

(— Эта запись — *явно* по ассоциации с Муриным *глубочайшим* и нечаянным словом: — А я ведь *подымаюсь* — когда не-

подвижно стою. (1938 г.) Не нечаянным, а — физически-наблюдательным!)

В ответ на приглашение в гости — нашего доктора — на день рождения его девочки — «и мальчики будут, и девочки...»

— Спасибо! Я *девок*-то — не очень люблю!

(*Девок* никогда не слышал, словоизобретение — из чистой ненависти, чтобы не сказать дев*очка* (ласкательное).)

— Я возьму *сучок* и буду *сучком* пилить по дереву.

(Сучок — смычок. Представление о скрипке.)

Письмо Мура

Мёдон, 20го февраля 1930 г.

Милый папа! Я Вас очень люблю, поджидаю давно. Хорошо живу, целый день наигрываюсь, только простуженный. Я был у зубного врача в гостях, много там веселых гостей было, едемте, дети, туда поскорей, я ел и играл. Мне понравился один мальчик, одетый в белое — в черные штаны и в белую куртку, большой, у него в кармане был свисток, я посвистел немножко.

Я с дядями разговаривал — о стихах, о машинах, о всем. Там скрипач был, играл на скрипке, а я *не* танцевал. Сейчас лежу я на Вашей кровати и играю, со мной на кровати Мамынта, Barnrn (Барару́чка!) и Мумсик.

Милый папа, спасибо за подарки. До свиданья, па́—а—па! (громко, во весь голос, с оборотом на окно) Люблю Вас. Меня Мура зовут.

— Я не люблю, вообще, колокола...

— Почему? Что́ ты чувствуешь, когда слышишь?

(Задумчиво) — Черти кажутся... (восторженно) — Чортовы кулички кажутся!

— Ты рад, что мы весной пойдем в Зверинец?

— Но мне ведь там исповедоваться нужно!

— Кому?

— Зверям-батюшкам — грехи говорить.

(Конец февраля 1930 г.)

— Назад, крохотная истасканная записная книжка,

несколько записей, а то в разрухе переезда — пропадут —

Кажется — лето 1924 г., Иловищи, Чехия[691]

...Вереницею комнат, где жил и маялся —
Жизнь, ужель предстанешь в последний час?
(...где не́ жил: маялся!)

Души, души неуживчивые!
Губы, губы неотзывчивые!

Поля в снопах, слепят

О, мое солнышко, моя звездочка!
Я тебя выхотела из воздуха!

(NB! Будущему Муру — родился 1-го февр<аля> 1925 г. — еще очень будущему, очень *воздушному* Муру!)

Да будет свет.
Да будет сын.

Стихосложение взяв за правило —
Я тебя выхотела: составила
(из чего — *всего* — и т.д. — и после перечисления:)
Чье собирательное — любовь

...*я́* тебе буду — Русью

Матерью, Родиной и Москвою

Из письма (кому??)[692]

Я не хотела Вам писать и не думала о Вас, но А.[693] так хорошо рассказывала о Вас, что вспомнила Вас *живым*, прежним, и мне сделалось жалко Вас — всем жаром жалости, как я одна умею жалеть.

Вы виноваты передо мной — глубо́ко — минуя всё — пишу Вам — тому — почти год назад

(оборвано)

Время и молчание работают, чувствую Вас враждебным, а не моим уже — ни одной песчинкой Вашей песчаной (не пустынной!

песчаной — говорю о составе) души. Я Вас уступила, я (брезгливо) отстранилась. С самого Вашего отъезда по сей (сентября) день — постепенное нарастание обвинительного акта

(оборвано)

— А того зверька помните, шуршавшего в кустах? Это был тритон — или саламандра — «гений этих мест» (dieu des lieux)[694] — подслушивавший и шумом покрывавший тайну.

...Обозрев всё назад — слишком близки, чтоб рваться, слишком далекѝ — чтоб слѝться. Ни дали, ни близи, на расстоянии *руки*. Стихам тут нечего делать.

Милый друг, Е.О.[695], уезжая всё-таки передала мне Ваше наставление: не быть столь быстрой в своих суждениях о людях и не столь легко- (-мысленной? весной? верной? Половина слова так и осталась в воздухе — из-за моей реплѝки.)

И вот, объявляю Вам, что мне на днях исполняется 30 лет[696] (NB! 26го сентября по старому) — и что эти слова я слышу уже с трех, и что это совсем безнадежно.

И относя эти Ваши слова вовсе не к Я<ковле>ву[697] (к<ото-ро>го Вы *от меня* (!!!) защищаете) а к Вам самому, мой друг — говорю Вам, что все-таки ни о чем не жалею: ни о своей быстроте, ни о своем легко- (мыслии? верии? любии?) и никогда бы не променяла этих своих свойств — хоть было бы сотни вас! — на их обратное.

Будьте счастливы, дружочек, и ищите себе кого-нб. на 15 лет моложе и на целую меня — меньше.

Тогда Ваши добрые советы м.б. и принесут — прок и плод.

МЦ

16го сент<ября> 1924 г.

Другой отрывок:

— Письму буду рада, но только как необходимости Вашего вздоха (Вам — воздуха).

Дышите в меня! — вот моя формула взамен: — Дышите мной! (а *я* — что́ буду делать?!)

Дышать другим — задыхаться.

МЦ

— Я не верю стихам, которые — *льются*. Рвутся — *да!*

«Любить». Точно это что-то отдельное, какое-то занятие, точно вообще кроме что-нб. делаешь!

Souvienne vous de celuy à qui, comme on demandoit à quoy faire il se peinoit si fort en un art qui ne pouvoit venir à la cognoissance de guère des gens, — «J'en ay assez de peu», répondit-il. «J'en ay assez d'un. J'en ay assez de pas un».

Montaigne[698] — случайно нашла в словаре, одна в В<оле> Р<оссии>, возле холодного самовара. — Подарок на всю жизнь.

Переписка с Алей на каком-то чтении:

Я: — Что ты чувствуешь к этой Оле — и что о ней думаешь? Напиши.

Аля: — Глупая, сумасшедшая, увлекшаяся обыкновенная барышня.

Я: — Чистая и нищая духом дура. Умилительная, но противная.

...Рисуй, но мелко.

(Дальше, в записной книжке, целая страница мельчайших бесов.)

Отрывок письма:

(Мелко-мелко, почти стерто, предельно-сокращено, местами — одни буквы, с трудом, с трудом, с трудом разбираю. Разгадываю — но я всё та же, и то же бы написала — и так же бы написала — если бы не седые волосы, которые я *нарочно* не крашу — чтобы не было таких писем: этой *безумной*, глубоко-бессмысленной и неизбежной — боли.)

Я сегодня рассталась с Вами, как с родным, хочется верить — навек родным. (А навек и навеки — разное: навеки — на все века, навек — на *мой* век, что́, иногда — очень коротко. 1938 г.)

Когда мы сидели рядом в трамвае, меня прямо *залило* этим чувством нерушимого родства. «Несмотря ни на — *всё*». (Помните, Вы всегда смеялись, подсказывали — *что́*, а я — настаивала, отстаивала.)

Дружочек, Вы хотели быть со мной как с другими, а я хотела быть с Вами как с ни-одним — вникните — каждый хотел *своего* — и дважды сорвалось.

Не будем помнить — Schwamm drüber![699] — не сто́ит помнить.

Наша любовь была задумана дружбой — трудной дружбой мужчины и женщины, невозможной без любовного эпизода. Это миновало — вместе с невозможностью.

Я Вас люблю (четыре слова данные только буквами и даже не́ буквами, ни разобрать ни разгадать — даже мне) — так же как Вы меня, но между нами — опять простор — тех набережных, по которым мы ходили ровно год назад, простор — неизбежный для ви́денья и слышанья друг друга.

Сопутствующая рука — тень — ветер... — «Ирреально?» — Верней и вечней всего.

Вместе быть и жить, спать и жить — я этого никогда не умела, отказываюсь.

Не скажу, что во мне не осталось боли — живая боль и соль! — но это уже соль без горечи: отмытая, не морская уж...

Расправясь со мной как с вещью, Вы для меня сами стали вещь, пустое место, а я сама на время — пустующим домом, ибо место которое Вы занимали в моей душе было *не мало́*. (Господи! как сквозь это не прослышать: ты был мне *всем* и опять будешь — когда захочешь — и *этого* хочу — и для этого пишу! 1938 г.) Теперь Ваше место (пу́сто) опять заполнено человеческой нежностью.

Живите как можете — Вы это тоже плохо умеете — а с моей легкой руки, кажется, еще хуже, чем *до* меня — Вам как мне нужны концы и начала, и Вы как я прорываетесь в человека, сразу ему в сердцевину, а дальше — некуда.

Для меня земная любовь — тупик. Наши сани никуда не доехали, всё осталось сном.

Хочу Вас видеть — теперь будет легко — перегорело и переболело. Вы можете идти ко мне с доверием.

Я не допускаю мысли, чтобы все вокруг меня любили меня больше, чем Вы. Из всех Вы — мне — неизменно — самый родной.

Что́ женская гордость перед человеческой правдой.

Гадание на отсутствующего

1) Новое знакомство и неприятность
(я: слава Богу!)
2) Получит обещание от пожилой дамы
(я: слава Богу!)
3) В семье кто-то очень болен, близкий
(я: бедный! (пауза) ко мне придет!)

4) Удивительная удача
(я: *не* в любви, на картах это называется по-другому)
5) Огорчения и сплетни
(я: — всё хорошо чтó хорошо кончается!)

Строки:

Обеспамятев от памяти

Кровью сердца на пергаменте
Мысли...

Ворочается вулкан

Алина запись:

Выпила, съела. Целую крепко Вас обоих, разбудите, расскажите (мене не взяааали!).

Уауáу ау
Ваша Аля

На этом кончается черная бедная тощая чешская записная книжка лета 1924 г.

Дальше — 1930 г.

На вокзале, Мур и я

Я: — О чем ты думаешь?

Он: — Об урродах! Одни слишком толстые, другие слишком худые, третьи совсем скелеты, четвертые — жирафы, пятые — сажа, а еще другие — просто грязь.

(Встречая С. (очевидно из Бельгии) — 14го апреля 1930 г. Урроды очевидно — пассажиры.)

Из записной книжки — почти пустой —

реплики во время каких-то прений

— Маяковский не только не прислуживался к Революции, а сидел за нее в тюрьме гимназистом 16ти лет.

— Поэма Октябрь[700] ничуть не хуже первых вещей.

— Умер вовсе не потому что Революция умерла — а потому что девушка не любила. И умер вовсе не потому что *и* од-

на умерла *и* другая не любила — п.ч. — как еще Наполеон сказал Гёте о Вертере — от *двух* вещей не умирают (Вертер: любовь и расстроенные дела)[701], *всегда* — от одной. (Иногда — от всего, но это тоже — от одного.)

Народное: двум смертям не бывать относится не только к смерти, а к причине смерти. Так, напр., Блок умер не от подагры + астмы + еще чего-то, а — от *тоски*. Которая — одна. *Всегда* — одна!

———

— Самое обидное, что́ можно сейчас сделать М<аяков>скому (а сделать ему может сейчас — *всё* — всякий — на к<оторо>го он даже бы не плюнул!) — это сказать, что он умер разочаровавшись в <пропуск одного слова>. Он был ей предан вплоть до двух (2х) тысяч уплоченного налогу[702].

Сила этой смерти — в том, что он умер в полной силе, на высоте дара и судьбы.

Поэтому я его не жалею, а на него (за него) — радуюсь.

———

Мур — из Алиных о нем записей — год назад, весна 1929 г. (Муру — четыре года)

— Вот ангел в белых штанах!
(каменщик)

———

— Я заработаю деньги, чтобы купить машину.

———

— А папа в наплёвинской шляпе пойдет гулять?
(м.б. — наполеоновской?)

———

— Я грозный человек потому что я барабаню.

———

— Кто эту вазу купил?
Мур: — Никто, это просто *есть*.

———

— Возьмите этот чайник, весь, и сожгите его, поставьте в огонь.
(подогрейте чай)

———

— Мама, кости нужно стирать?

———

— Папа на службе разговаривает, а у нас не слышно.

———

— Детям игрушки полезны.

———

— Вантыкстан, вантыкстан, варалбо́-выразда́к.

———

(Март 1929 г.)
Аля: — Вода осталась для ног.
Мур: — А мне блинок?

———

(Из Алиного дневника, май 1929 г.)
...Мур встречает меня высунутым языком и вопросом о подарочке. Еще рассказывает мне сказку: — «Жила-была мама, ее съел Кащей, и стала мама еденная».
— Я буду твоей женой, а ты будешь моей сестрой.

———

— Идут кадеты, трубами барабанят.
(Май 1929 г., Мёдон)

———

В мёдонском лесу (из памяти, но *кажется* — тогда же)
— Я, когда буду большой, пойду на войну?
— Будем надеяться, что когда ты вырастешь уже не будет войны. П.ч. война — страшная вещь, и ты убиваешь, и тебя могут убить.
— А всех убивают на войне?
— Нет, иные возвращаются, иных забирают в плен.
— А в плену — тоже убивают?
— На хороших войнах — нет: заставляют работать, но по́ят и кормят.
— Тогда если меня возьмут на войну, я сразу пойду и <пропуск одного слова>: — А где у вас <пропуск одного слова> плен?

———

2го июня 1929 г.
Мур: — Спасайте меня, а то я Вас зарежу!

———

— Аля! Перестань ошибаться — и вон!

———

— Совсем штанов не осталось, одни заплатки да козлятки.

———

— Мама, знаете отчего у меня штаны мокрые? Вспотели, вероятно!
(Т.е. *они* вспотели, а не он, ибо *другого* — не бывает никогда.)

———

Хро́мый. Зажмали (зажали). Иду к Бибияги́.

———

— Я хочу надеть сольду (куртка).

— Флаг говорит да и нет.

— Gui — это ведь негрские головы.
(Gui — омела)

Возобновляю выписки из большой светло-зеленой черновой тетради с красным корешком

Учится читать: в тетради ряд слов огромными печатными буквами.

Liebe gnädige Frau![703]

Wie merkwürdig trifft es sich! Als ich Ihnen von der russischen Sekretärin schrieb, musste ich gleich ein neues Blatt nehmen, denn eh ich mich bedachte stand es: *zu gesund*.

Das «blonde Mädchen» (Tchernoswitowa[704] heisst: Tcherno — schwarz und switowa kommt von Hemd (kleinrussisch: Switka), eigentlich — die mit dem schwarzen Hemde) prahlte mit R<ilke> und sprach über ihn wie über die selbstaufgenommennen Platten zu seinen Bildern: *mein*. Ich traf sie nur ein einziges Mal und liess sie weiterleben — ohne Sehnsucht.

Heute, am 17-ten erhielt ich Ihren Brief und die sein (Briefbuch).

Ihr Brief raucht — und rauscht — und glänzt — Bodensee — ein Wort aus meiner Kinderheit, ich war damals im Breisgauer Freiburg und hatte eine Freundin — Brunhild — von dorten, das Kind sah wie ein Seefräulein aus. Ich liebte sie so sehr (für ihre Schönheit: Seefräuleinheit!) dass man uns schnell jeden Verkehr verbot — als ob ich der See wäre, der sie heimwollte — von der Schul-Sandbank!

Brunhild vom Bodensee.

...Seit R<ilke> habe ich Niemanden geliebt, in Niemanden gelebt, er war meine letzte Seele, meine letzte ander-Seele.

Als Sie so lange nicht schrieben, dachte ich: jetzt hat die Frau Angst, sie will kein grosses Gefühl, sie ist erfüllt — und liess Sie schweigen und hätte selbst *nie* geschrieben (geschrien).

...Als mein Kind in Russland vo<r> Hunger starb und ich es — so auf der Strasse von einen fremden Menschen erfuhr (— Ist die

kleine Irina Ihr Kind? — Ja. — Sie ist tod. Gestern tod. Morgen begraben wir sie.) schwieg ich drei Monat lang — kein Sterbenswort — zu niemandem — damit es nicht weiterstürbe, noch (in mir) — lebe. Darum nannte Ihnen R<ilke> nicht meinen Namen. Nennen — trennen: sich vom Dinge trennen. Ich nenne niemand — nie.

Es wird ein harter Winter sein — ist schon hart, obwohl noch nicht Winter — mein Mann hat keine Arbeit und kann, als Kranker, auch keine haben. Wütende und würgende Armut, geschenkte (*schöne* Sachen — was brauch ich sie?) verschleudere ich für 20-30 frs — die gleich weg sind. Meine Tochter strickt, aber für einen Sweater — 2 Wochen Arbeit — zahlt man nur 50 frs. Ich kann nur schreiben, nur *gut* schreiben, sonst wäre ich längstens reich.

Mit der russischen Emigration steh ich schlecht denn — ich steh ausserhalb, lebe nur in meinen Heften und meinen Pflichten und wenn manchmal meine Stimme erklingt — so ist es immer *Wahrheit*, wie noch unlängst, als unser grosser sowietischer Dichter Maïakowsky hier in Paris einen Vortrag hielt. Am anderen Tag schrieb ich ihm einen offenen Brief — das war ein Jubelruf — und am Tage drauf wurde ich aus der Zeitung, wo ich manchmal meine Verse drucken liess (nein, wo man sie manchmal — duldete) — entfernt «wegen sowietischen Sympathien».

Ganz allein steh ich, für die Fernen — eine Emigrantin, für die Nahen — eine <пропуск одного слова> — nurweil ich *keine* Politik.

Hände waschen möchte ich jedesmal wie ich eine Zeitung — anseh.

Liebe Frau im alten Park, grossen Dank für das grosse Geschenk. Zur Stunde, wo alle Fenster umher schwarz sind — *meine* Stunde, mein lichtes Fenster allein! — schlag ich das Buch auf und bin wieder *ich*: *vogelfrei*, wie es in Ihren alten Gesetzen steht[705].

(Уже осень 1930 г., *после* С<ен> Лорана.)

Строки:

...Тригорбого верблюда
Обиды — *не* забуду.

Мур:
Зверский сад.

— Вы только ростом ма́леньки, а так — Вы дама.
(жене зубн<ого> врача, крохотной)

Я свечек не ем вообще.

Мур: — Мама, у нас черти в ванной завелись. Я слышал, как они сейчас: и-и-и! Совсем ма́ленько. За печкой. Совсем тоненько. Подите послушайте.

Мёдон, 8го ноября 1930 г.

(NB! Здесь какой-то большой пропуск — сейчас еще не напала на след: с 14го апреля 1930 г. по 8ое ноября 1930 г. — ни одной записи о Муре и ни одной собственной. В большой тетради — зеленой — нет, д.б. в какой-нб. записной книжке. Ни одной записи за всю Савойю: немыслимо. Но — пока — продолжаю.)

Мур — 31го дек<абря> 1930 г.
— Не понимаю: зачем жена нужна?
— Чтоб в доме порядок был.
— Но ведь мама есть.
— Мамы умирают (объясняю возраст).
— А зачем *еще* жена нужна?
— Чтобы был близкий человек, который тебя пожалеет. Ну, у тебя горе например. Кому расскажешь?
— Гостям расскажу.
— Но гостям твое горе неинтересно, они как раз ходить перестанут.
— Тогда совсем не говорить.

— Но я все-таки не понимаю — зачем жена нужна?
— Чтобы дома кто-нибудь ждал вечером. Вернешься домой — никого нету.
— Позову гостей.
— Но нельзя ж каждый вечер — гостей (и т.д.).
— А *еще* зачем жена нужна?
— Чтобы *скучно* не было одному.
— Но жена — *своя*. (Лукавая улыбка) Вот если бы *новая* жена каждый раз...

(Последняя запись 1930 г. — 31го дек<абря> 1930 г. Мёдон.)

1931 г.

Встреча Нового Года у И<звольских>. Е<лена> А<лександровна>, ее мать[706], Маруфф, дядюшка, гр. Комаров[707] (Мур: Графка Маруффка), Ел. Ник.[708], С., Мур, я.

Мур в гостях спит и просыпаясь в камине находит: красный лакированный мяч в синей сетке, маленький поездок и розовые вязаные башмаки для Мумсика.

Спим вместе на огромном поперек себя шире и<зволь>ском диване, под розовым атласным одеялом.

(Аля в своем первом розовом вечернем длинном шелковом платье — с Л<ебедевы>ми на вечере Кр<асного> Креста.)

Дай Бог — в Новом Году́ — всем здоровья, всем — успешного ученья

— мне

— дописать в этом году[709], устроить французского Мо́лодца[710] и — новую дружбу.

(Алина приписка: — Аля мне связала чудный ко́ричневый берет из chenille[711].)

(К 1му дню русск<ого> Рождества дописана главка Обед и начата Елка — окончена 10го янв<аря> 1931 г.)[712]

Мур: — Англичане украли у французов Бико́[713].
Я: — Это французы у англичан украли.
Мур: — А что́ англичане за это французам сделали?
Я: — Что ж им сделать?
Мур: — Война может произойти.

...Вьются бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...[714]

— Хорошо, Мур?
Мур: — А как они ви́згают?
(визгают — лязгают)

— Нехорошее слово французы придумали: тэт[715] — голова. Точно — зад.

— А бес*и* любят машины?

Я — кому-то:

— On ne doit pas traiter les riches plus mal que les pauvres. Mais — c'est tout (ce qu'on leur doit).

А м.б., еще суше: — On ne doit pas plus maltraiter un riche qu'un pauvre[716].

...On les a parfois sans aimer, mais quand on les a — on les aime[717].

Мёдон, 16го января 1931 г.

...По имени звала мать,
По имени будет звать
Жених: — Оля! Милая!
А не по фамилии...

(Невошедшее. Гаданье кончено в канун русск<ого> Крещения.)

...Как — а вот и не *додам!* —
Подносимую к губам
Руку — вот и оближись! —
Вдруг оттягивала вниз...[718]

Мур — 27го января 1931 г.

— Мур, не беги так — еще нос себе расквасишь!

— По крайней мере квас будет, если нос раскв*асю.*

— Иисус Христос не был женат?

— Нет.

— Холостяк, значит?

Письмо Мура — 18го февраля 1931 г.

Милые Ася и Андрюша! Мне так приятно получать посылки из России, что я даже прыгаю. Больше всего мне понравилось про водолазов[719] и про обезьян[720]. Детки в клетке[721] я читаю, самый лучший тигр. Еще мне нравится «Кто быстрее»[722], где лошади и олени, к<отор>ые санки везут, и трамваи, и велосипеды, и машины, и пароходы, и поезда, и авионы. Я этих книжек не читаю, п.ч. я еще не особенно хорошо читаю. Читать я люблю та́к себе, п.ч. я еще не взрослый, когда выросту я буду любить читать. Картинки очень хорошие. И Люди в снегу[723] тоже очень хорошие. Люблю больше всего рисовать, но и играть люблю, и чинить свое. У меня гвозди, выбиваю их,

чтобы не кололось. Учусь у К<арсави>ных, хотя вы их не знаете — с батюшкой и с Лидией Николаевной[724]. Учиться та́к себе люблю. Пятилетку мы перевесили на другую сторону, но вверх ногами, чтобы видны были поезда, заводы, трактора́ пашущие и верблюды. Читаю сам слова: шахтеры — химия — и еще — нефть. <Пропуск одного слова> я боюсь, но все-таки поеду, когда будет вторая после лета зима. Я не могу послать к сожалению Андрюше ничего, п.ч. маленький. Когда-нб., когда я вырасту, я тоже буду посылать — за прошлое.

От руки: ЦУЛУЮ АСЮ И АНДРЮШУ МУР

(Сплошными столбцами поправки к Потопу[725].)

Мур, не хотящий спать, сам с собой, с горькой рассудительностью:

— Я не медведь, я не белый медведь, я вообще не медведь, я не этой породы, я не ем из бочки сырое мясо, я не беру мед у пчел, у меня не острые уши, а круглые, я не хожу на четырех ногах... я не сосу лапу... Это только медведи спят всю зиму, я не медведь какой-нибудь, чтобы меня укладывали на спячку, я человеческой породы, а не медвежьей, я не ем сырое мясо из бочки, я не отнимаю мед у пчел...

— и т.д. —

Мёдон, 21го февраля 1931 г.

Мур, к<оторо>му подарили porte-bonheur[726] — пингвина:

— Пингвин-то есть, а счастье не приходит: и в поезде никогда не езжу, и кашель с насморком.

(22го февраля 1931 г.)

Я. — Уезжает (замуж!) Е.А. И<звольская>. Разговор — какие книги взять. Все: — Библию. Я бы, кажется, нет. — «И поэтов». Я бы, кажется, — тоже нет. Я бы, кажется, Temps perdu Пруста (все икс томов!)[727], все 6 (или 8) томов Казановы — лучше восемь! — Русские сказки и былины — и Гомера (немецкого). И Mémorial — Лас-Каза[728]. Выясняется: ни одного *литератур-ного произведения*, ряд сопутствующих жизней, чтобы не так тошно было жить — свою. Эккермана, конечно.

1) Эккерман 2) Mémorial 3) Гомер (две в одной) 4) Казанова 5) Пруст 6) Сказки и былины. — Седьмая придет.

(Пометка 1938 г. Гомера бы, в крайнем случае — оставила. Сказки и былины — наверное. Вместо них — Kristin Lawrans-

tochter — и Olaf Anderssohn[729] Зигрид Ундсет (к<отор>ых тогда не знала) — и Confessions[730] — Руссо — а седьмое (д.б. восьмое?) — весь Китай, весь *мой* Китай, всю полку[731].)

В социальном заказе оскорбителен не заказ, а его социальность. — Смоги! (на заказ) Мое дело — смочь. Но смоги *непременно* — на социальную. — Не хочу.

М.б. и даже наверное — *всякая* тема — социальная (*даже* Поэма конца, ибо не я одна, и т.д.) не говоря уже о других моих вещах, но 1) писала я их — не п.ч. этого хотели другие и даже не п.ч. этого — *я* хотела, а п.ч. *они́* хотели (вещи!) 2) я не хочу и не должна об этом знать, но — если я даже об этом *знаю* — дайте мне что́ — и предоставьте мне — ка́к (не написать а *отнестись*), т.е. дайте мне — ничто или нечто? — и предоставьте мне (достоверно) *всё*.

Ибо ваше дело — чтобы я написала завод, *мое* дело — чтобы *я* его написала.

Остается еще весьма вероятный случай: что мне сейчас не хочется писать завод, п.ч. я пишу другое. Тогда — подождите, чтобы мне самой захотелось.

Иначе — плохие вещи, плохие вещи.

Если хотите, чтобы я написала завод (сейчас) держите пари, что я его не смогу написать — как бы ни захотела. Тогда — получите.

Или — лестью берите: одна *ты!* И докажите почему — одна *ты*. И — *верно* докажите.

(1938 г. Кажется — путаю. Соц<иальный> заказ — ведь это не заказ на обществ<енную> тему, а общественный заказ, т.е. заказ общества. А общество, соскучившись быть обществом, может заказать и на личную — и на исключительную тему. Идеал — Руссо: к<отор>ый писал только о себе (Confessions) а — но, впрочем, опять путаю: для меня Руссо — знак равенства — Confessions — для тех — Emile и Contrat Social[732]. Но, в чем права, всё им написанное, *и* Contrat Social, шло изнутри него, изнутри его одиночества, а не снаружи «вопро́сов».)

Мур — 23го февр<аля> 1931 г., 1ый день поста
— Петрополис — это точно белый верблюд ходит...

— Болит голова и дырка в пузе.

Я: — За мое перо дорого бы дали, если бы оно согласилось обслуживать какую-нб. одну идею (кажется — пока что обслуживало только привидения — 1938 г.) а не правду: всю правду. — Это я о прозе, о стихах же: За такие стихи (работу, двойную чистоту ее) дорого дают (дадут?) только в Царстве Небесном.

Вывод за *годы* (нынче 25ое февраля 1931 г.)[733]

<Пропуск названия>[734] лежит оконченный 15го мая 1929 г. — *лежит:* Числа не взяли, В<оля> Р<оссии> не взяла, Совр<еменные> Записки не взяли.

Французский Мóлодец (работа 6ти месяцев) с иллюстрациями Гончаровой[735] — знают Vildrac, Muselli, Parrain[736] — *лежит*.

Лежит *год* работы и будут лежать *годы* работы.

«Новая Газета» — выйдет 1го марта — не приняла статьи «Новая детская книга»[737] под предлогом, что и там плохих детских книг много (NB! а у нас *совсем* нет хороших: даже Гэк-Финна, даже Макс-и-Мóритца[738] не переиздали!).

(NB! Статья потом была напечатана в В<оле> Р<оссии> — в спорном порядке.)

(И кажется — правда, совсем — правда: мое перо обслуживало только мои видения.)

...Здесь я — ненужна, там я невозможна.

Вокруг пустота, мой вечный, с младенчества, круг пустоты. *Нет* друзей, в будущем — нищета (дающие когда-нб. да устанут — перестанут), но это — в быту, душевно — хуже, просто — ничего.

Уезжает Е.А. И<звольская>, та к<отор>ая могла бы стать другом (времени не было!) — замуж — навсегда.

У всех своя жизнь, всем — некогда («в субботний вечер выпиваем и рассказывать Вам не можем»)[739] свободное время — на любовь, меня не любят, любят — даже не: красивых — нарядных. Платья у меня есть, и румяна есть. *Охоты* нет. Нет, очевидно, охоты к любви, или к тому, что так называется.

Люблю вещи за *их* красоту, не для своей, не за свою в них. Безотносительно. Серебро — *бессеребряно*. М.б. даже — в ущерб себе («Вам коричневый не идет», да, но — я к нему иду: ногами, — руками тянусь).

В короткий срок моей красоты (золотые волосы, загар, румянец) от меня все-таки — опомнившись, всмотревшись, испугавшись — уходили. Чего же ждать теперь с моим — цветом

пепла — в достоверной печной золе — лицом, волосами, всем. *Серого* (снаружи!) никто не любит.

Ну, а я́ люблю — (кого-нибудь)? Нет. Я бы и Рамона Наварро[740] (в морском!) не любила, если бы встретила — даже в Тулоне. Та́к — улыбнулась бы — как на цветок. Цветов *никогда* не разрешила себе любить (за явность красоты — и еще за то, что — *все* любят), любила — деревья, без *явности* соблазна.

Семья? Даровитый, самовольный, нравом и ухватками близкий, нутром, боюсь (а м.б. — лучше?) *новый* — *трудный* — Мур.

Вялая, спящая, а если не спящая — так хохочущая, идиллическая, пассивная Аля — без больших линий и без единого *угла*.

С. рвущийся

Вырастет Мур (Аля уже выросла) — и *эта* моя нужность отпадет. Через 10 лет я буду совершенно одна, на пороге старости. С прособаченной — с начала до конца — жизнью.

(1931 г.—1938 г. — Прошло — семь.)

...Поклонники лирических слюней...

(Потребители)

Сон

(среди бела дня, проснулась ровно в 5 ч.)

Мы в гостях у художников[741]. Она и какие-то подруги. Оказывается — всё перепутали: приглашены на 7 1/2 веч<ера>, а сейчас четырех нет. Разговор о неверности будильника. Глядим в окно: двор, а во дворе: две — нет, четыре — нет, восемь — нет, шестнадцать — словом множащиеся на глазах собаки: щенки, часть черных с желтым, часть волки. И двое — нет, четверо — нет, восьмеро — и т.д. — родителей.

Выходим. Оказывается — всё это глубоко под водой: пруд. И вдруг Аля, совершенно одетая, спускается. Еле голова торчит. Я: — Аля! Ты с ума сошла! И тут же вижу — Мур — который *весь* с головой, естественно. Кра́ем водоема подходит Ар<темо>в, спускается и вытаскивает Мура. Я, сильно ругаясь, особенно Алю — за пример, прохожу по широкой внешней лестнице с обоими в дом. Аля уже переоделась, посылаю ее — мгновенно домой — за вещами Мура, выхожу с ней в переднюю, и, когда возвращаюсь, Мур уже переодет окончательно. — «Но — как он влез в эти башмаки??!» А<ртемо>ва, улыбаясь: — «О, он их расширил!» (как в жизни — нараспев голоса и улыбки) Детские, даже не детские, кукольные, с маленькой куколки туфельки. Белое кружевное платьице, чепчик. Удивляюсь. Лицо — фарфоровое,

голубые фарфоровые движущиеся глаза. — Мур, это ты? — Улыбка. Я — какой-то прислуге, француженке: — Mais ce n'est pas lui, ça ne peut pas être lui, ça ne peut pas être un enfant de cinq ans![742] — Соглашается. (Мысль: значит — обманули! Утонул, и А<ртемо>ва подменила.) Выхожу на широкую лестницу, со всё той же куклой на левой руке и — видение: Мур, без верхних штанов, победоносный, с французскими мальчишками — множество взрослых — откуда-то возвращается. — Ты где был? — Я на трамвае ездил, сам билет взял, потом меня вернули...

Мальчишки восторженно подтверждают.

Набросок неотосланного письма И.С. (*не* Игорь Стравинский!)[743]

...Начну с того, что это сказано Вам в письме только потому, что не может быть сказано всем — в статье. А не может — потому что в эмиграции поэзия на задворках — раз, все места разобраны — два: там-то о стихах пишет А<дамови>ч и никто более, там-то — другой -ович и никто более — и так далее. Только двоим не оказалось места: правде и поэту.

От лица правды и поэзии приветствую Вас, дорогой.

От всего сердца (своего) и от всего сердца вчерашнего зала: от всего сердца всего вчерашнего зала — благодарю Вас, дорогой.

Вы вышли. Подымаете лицо — молодое. Опускаете — печать лет. Но — поэту не суждено опущенного! — разве что никем не видимый наклон к тетради! — всё: и негодование, и восторг, и слушание дали — далей — вздымает, заносит голову. В *моей* памяти — и памяти вчерашнего зала — Вы останетесь молодым.

(Ваш зал... Зал — с Вами вместе двадцатилетних... *Себя* пришли смотреть: *свою* молодость: себя — *тогда*, свою последнюю, как раз еще успели! — молодость: любовь... В этом зале были — те, к<отор>ых я ни до ни, после *никогда* ни в одном литературном зале не видела:

Все пришли. Привидения пришли, притащились... Поглядеть на *себя*. Послушать — *себя*.

Вы — Вы были только *та*, Саулу показывавшая — Самуила...)

...Слушая Ваши стихи я думала: лучше — старой с тобой, чем молодой — с другими. Так, думаю, думали *все*, молодыя и старыя, молодые и старые. (Те двое м.б. *думали* — в первый раз!)

Это был итог. *Двадцатилетия*. (*Какого!*) Ни у кого м.б. так не билось сердце, как у меня, ибо другие — все! — слушали *свою* молодость, *свои* двадцать лет — тогда! двадцать лет —

назад, я же — кроме — *я́* ставила ставку на силу поэта. Кто перетянет — он или время. И перетянул — он: Вы.

Среди стольких призраков, сплошных привидений — Вы один были — жизнь: двадцать лет *спустя*.

Ваш словарь. Справа и слева шепот: не он!

Ваше чтение: Справа и слева шепот: *не* поет!

Вы выросли, Вы стали простым и большим, поэтом больших линий и больших вещей, Вы открыли то, что Вам отродясь было открыто: — ПРИРОДУ, Вы раз-нарядили ее...

И вот, конец первого отделения, в котором лучшие строки:

— И сосны, мачты будущего флота...[744]

ведь это и о нас с вами, о поэтах — эти строки. Я задохнулась от величия.

Сонеты[745]. Я не критик и нынче — меньше, чем всегда. Прекрасен Лермонтов — из-под крыла, прекрасен Брюсов — «всю жизнь мечтавший о себе, чугунном» — прекрасен Есенин — «благоговейный хулиган» — может, забываю — прекрасна Ваша любовь: поэта — к поэту (ибо множественного числа — нет, *всегда* — единственное). *Поэтом* в Вас Вы мне напомнили Бальмонта (и любили *мы* вас обоих — одной любовью).

И — *то, те!* И, к моему счастью — *лучшие* из тех, не любимцы публики: Соната Шопена, Нэлли, Каретка куртизанки[746] — и другие — но любимые Ваши: чудесная *плотина* (NB! перечень) Ваша лучшая, Ваша вечная молодость.

И — последнее. Заброс головы, полузакрытые глаза, дуга усмешки, и — напев — тот самый — тот ради которого — и тот без которого — тот напев — нам — как кость — или как цветок... — Хотели? на́те!

— в уже встающий — уже стоящий — разом вставший — зал.

И эта *соловьиная* песнь конца, са́мого конца, после которого уже не было ни строки, ни кивка:

— Я так бессмысленно-чудесен,
Что смысл — склонился предо мной[747]

Эта самопеснь — *всех* соловьев!
Такого не сказал и Бальмонт.

За вечер *ни слова* (прозы). Ни даты. Только стихи. Стихи сами всё

(Не окончено и не отослано: И.С. уехал утром следующего дня. Та́к я его увидела в первый и в последний раз. МЦ)

(Всё это — последние числа февраля 1931 г., м.б. 28ое — п.ч. дальше уже вновь черновик очередной главы «Вот двое...» помеч<енный> 1ым марта 1931 г.)[748]

Мур — нынче, 5го марта 1931 г., в постели, вечер

— Я не хочу с волосами! Я хочу с голой кожей!

(NB! Но — что́? Игрушку? Но какие это игрушки, кроме медведей, к<отор>ые *ужасны* с голой кожей. Очевидно — какая-нибудь *еда*, ибо запись явно из-за несоответствия вещи — и волосатости.)

Четверг — не пойдя в школу к К<арсави>ным (где учится по-русски, раз в неделю)

— Вот я сейчас и сравнялся четвергом с другими детьми.

Про нянь:

— А — *мое* счастье, что у меня нет няни. В России нет нянь.

— В России?! Сплошь няни.

— Да, знаю какие: в платке — со скулами — ужжасные в профиль!

Моя судьба
— как поэта[749] —

в до-революционной России самовольная, а отчасти *не*вольная выключенность из литер<атурного> круга — из-за раннего замужества с *не*-литератором (NB! редкий случай), раннего и страстного материнства, а главное — из-за рожденного отвращения ко всякой кружковщине. Встречи с поэтами (Эллисом, Максом Волошиным, О. Мандельштамом, Тихоном Чурилиным) не — поэта, а — человека, и еще больше — женщины: женщины *безумно* любящей стихи. Читатель меня не знал, п.ч. после двух первых — самонапечатанных, *без* издательства — детских книг — из-за той же литературной оторванности и собственной особости: ненавидела напр. стихи в журналах — нигде не печаталась. Первые стихи в журнале — в Северных Записках, п.ч. очень просили и очень понравились издатели[750], — в порядке *дружбы*. Сразу слава среди поэтов. До широкого круга не дошло, п.ч. журнал был новый — и скоро кончился. *Всё* скоро кончилось.

Революция. В 1918 г. читаю стихи в Кафэ поэтов. Раз выступаю на вечере поэтесс[751]. Успех — неизменный, особенно —

Стеньки Разина: «И звенят-звенят, звенят-звенят запястья: — Затонуло ты — Степаново — счастье!»

Перед отъездом из Р<оссии> выпускаю у Архипова[752] (был такой!) маленькую книжечку «Версты» (сборничек) и Госиздат берет у меня Царь-Девицу и другие Версты, большие.

Заграница.

В 1922 г. в Берлине, еще до меня, появляются книжки (собственно, отрывки из Ремесла) — Стихи к Блоку и Разлука.

Приехав, издаю — Ремесло (стихи за 1921 г. по апрель 1922 г., т.е. отъезд из Р<оссии>), Царь-Девицу — с *чудовищными* опечатками и Психею (сборник, по примете романтики) купленную Гржебиным еще в Р<оссии>. Потом, в Праге, в 1925 г. — Мо́лодца. Потом, в Париже — каж<ется> в 1927 г. — После России[753] (за к<отор>ую не получаю ни копейки).

Читателя в эмигр<ации> нет. Есть — на лучший конец — *сто* любящих. (NB! Гораздо больше, но 1) я их не знаю и не вижу 2) они — хоть тысячи! — для меня ничего не могут, п.ч. у читателя в эмиграции нет голоса. Для полной справедливости скажу, что на мои *рядовые* вечера — именно на вечера-*чтения:* без всяких соблазнов! выхожу и читаю — годы подряд приходили всё те же — приблиз<ительно> 80—100 человек. Я свой зал знала в лицо. Иные из этих *лиц*, от времени до времени исчезали: умирали. 1938 г. Ванв.)

Моя внешняя литер<атурная> неудача — в выключенности из литер<атурного> круга, в отсутствии рядом человека, к<отор>ый бы занялся моими делами.

Внутренняя — нет, тоже внешняя! — ибо внутренние у меня были только удачи — в несвоевременности моего явления — что́ бы на двадцать лет раньше.

Мое время меня как действующую силу — смело и смело бы — во всякой стране (кроме одной огромной и нескольких, многих (еще — многих!) маленьких). Я ему не подошла идейно, как и оно мне. «Нам встречи нет, мы в разных станах»[754]. Я — в стане уединенных, а он — пустыня с всё редеющими сторожевыми постами (скоро — просто кустами — с костями). Мало того, оно меня овра́жило и, естественно, огромчи́ло, мне часто пришлось говорить (орать) на *его* языке — *его* голосом, «несвоим голосом», к<отор>му предпочитаю — собственный, которому — тишину.

Моя неудача в эмиграции — в том, что я *не*-эмигрант, что я по духу, т.е. по воздуху и по размаху — там, туда, оттуда. А содержания моего она, из-за гомеричности размеров — не узна-

ла. Здесь преуспеет только погашенное и — странно бы ждать иного!

Еще — в полном отсутствии любящих мои стихи, в отсутствии их в моей жизни дней: некому прочесть, некого спросить, не с кем порадоваться. *Все* (немногие) заняты — другим. В диком творческом одиночестве. *Всё* — auf eigene Faust[755]. От *темы* вещи до данного *слога* (говорю именно о слогáх). Ненавидя кружки, так хотела бы — друзей.

В душности моего быта. В задушенности им.

Не знаю, сколько мне еще осталось жить, не знаю, буду ли когда-нб. еще в Р<оссии>, но знаю, что до последней строки буду писать *сильно*, что слабых стихов — не дам.

Но знаю еще, что по сравнению с — хотя бы еще чешской захлёстнутостью лирикой (1922 г.—1925 г.) я иссохла, иссякла, — нищая. Но иссыхание, иссякновение — душевное, а не стихотворное. Глубинно-творческое, а не тетрадное.

Знаю еще, что стóит мне только взяться за перо…

Знаю еще, что всё реже и реже за него берусь.

(NB! здесь говорю о лирике, т.е. отдельных лирических стихах, к<отор>ые приходят — и, неосуществленные — уходят… 1938 г.)

Господи, дай мне до последнего вздоха пребыть ГЕРОЕМ ТРУДА:

— Итак, с Богом!

Мёдон, 3го июня 1931 г. (нынче впервые была на Колониальной выставке. Любуясь всем — Господи, до чего мне всё не нужно (не насущно) чтó не слово!)

МЦ.

Тетрадь — большая, светло-зеленая, с красным корешком — кончается на словах: — Сияющее на лицах: — «Свобода — пожива — землица!»[756] — 3го—5го июня 1931 г., в Мёдоне.

Отрывки письмá к Р.М. Р<ильке>[757], еще летом 1926 г. — St. Gilles-sur-Vie (Vendée) — несколько листков блок-нота. Хо-чу спасти — хоть это. Все мои письма к нему остались у него, я их потом не взяла, не захотела взять.

…Was ich von Dir will, Rainer? Dass Du mir erlaubst jeden Augenblick meines Lebens zu Dir aufblicken — wie auf einen Berg,

der *da* ist. Bis ich Dich nicht kannte — ging es, jetzt, da ich Dich «kenne» — bedarf es Deiner Erlaubnis.

Denn gut erzogen bin ich und gleiche nicht einer «Dichterin».

Denn meine *Seele* ist gut erzogen.

Aber schreiben will ich Dir — ob Du willst oder nicht. Über *Dein* Russland (Tsarenkreis, Riese von Murom, Nachtigall...)[758].

Deine russischen Buchstaben. *Die Rührung.* Ich, die wie ein Indianer *nie* weine...

Darf ich Dich umarmen? («Nicht Rüssen! Küssen ist was so gemeines!» — das *erste* Gretchen von Goethe.) Dich umarmen wie Du den Boris: göttlich und brüderlich.

...Ich las Deinen Brief am Ozean, der Ozean las mit. Ob Dir so ein Mitleser nicht störend ist? Denn kein Menschenauge liest je eine Deine Zeile zu mir.

...Ich schicke Dir meine Gedichtbücher[759] — lesen brauchst Du sie nicht — leg sie auf Deinen Arbeitstisch und glaub mir ums Wort, dass sie vor mir nicht da waren, so wenig auf der Welt *da* waren, wie auf Deinem Tisch.

(Переворачиваю листок блок-нота: очевидно начало письма, п.ч. на Вы)

...Was nach Ihnen ein Dichter noch thun kann? Einen Meister überwindet (und überschreibet) man, aber *Sie* überwinden heisst die Dichtung überwinden, das ist doch keine Aufgabe für einen Dichter, der das *Leben* überwinden soll.

Sie sind eine schwere Aufgabe für kommende Dichter. Man muss einfach *Sie* sein, d.h. Sie müssen noch einmal geboren werden.

Sie geben den Worten ihren *ersten* Sinn, und den Dingen — ihre *erste* Worte. Z.B., wenn Sie grossartig sagen, sagen Sie von grosser Art, so wie es gemeint war bei der Entstehung. (Jetzt ist grossartig ein hohles Ausrufungszeichen.)

Russisch hätte ich Ihnen dies alles viel *reiner* gesagt, aber ich will Ihnen nicht die Mühe geben sich hineinzulesen, ich will mir lieber die Mühe nehmen — mich hineinzuschreiben.

Das erste was mich in Ihrem Brief auf den höchsten Turm der Freude warf (denn *fallen* kann man auch nach oben!) war das Wort Maÿ, das viel Jahrhunderte alte Wort Maÿ — darum so jung! —

Das Wort Maÿ, dem Sie den alten Adel wiedergaben.

Wissen Sie, wie ich heute Ihre Bücher[760] erhielt? Die Kinder schliefen, ich sprang plötzlich auf und lief zur Thüre. Im *selben* Augenblick — ich hatte schon die Hand auf der Thürklinke — pochte der Briefträger — mir gerad in die Hand. Ich hatte nur zuzudrücken und mit derselben, noch *pochenden* Hand die Bücher empfangen.

Ich habe sie noch nicht aufgemacht, denn sonst geht der Brief heute nicht ab, und er soll — fliegen.

Das letzte.

Als mein Mädchen noch ganz klein war — zwei, drei Jahre, fragte sie mich immer vor dem Schlafengehen:

— А ты будешь читать Рейнеке?

Reinecke — so klang bei ihr Rainer Maria Rilke. Denn so kleine Kinder haben noch keinen Sinn für Pausen.

Über die Vendée will ich Dir schreiben, meine heroïsche französische Heimat (in jedem Land und Jahrhundert mindestens eine). Ich bin da dem Namen wegen.

Die Schweiz lässt keine Russen hinein. Aber die Berge sollen sich spalten und uns — den Boris und mich — zu Dir lassen. Ich glaube an Berge (die Zeile — erkennst Du doch?). Meine Umänderung ist keine, denn Berge und Nächte — *reimen*[761].

Jetzt, das allerletzte («sie kann nicht enden»).

Da ein Schreibebuch für Dich — aus Prag — Deiner Heimatstadt — ich bin glücklich nichts darin geschrieben zu haben: zu schön für mich, nicht schön genug für Dich — denn ein Spartaner bin ich (der, mit dem Fuchse!) — und ein Athener bist Du — einer vom Mythenathen, nein: einer von denen bist Du, die über Athen und Sparta und Troya — standen[762].

(NB! *Письмо* было гораздо лучше, это — записи к нему, на берегу... Но та́к — хоть это не пропадет. Ванв, 10го мая 1938 г.)

На той же стр<анице> блокнота — текст синим, цифры красным:

Мамины чулки коричневые:
1 дырка средняя — 10 с<антимов>
1 дырка маленьк<ая> — 5 с.

1 дырка средняя	—	10 с.
" " " "	—	10 с.
" " " "	—	10 с.
		45 с.
Муркин фартук голубой:		
1 завязка	—	5 с.
1 плечо	—	5 с.
2ая завязка	—	5 с.
		15 с.
Муркин фартук желтый:		
Карман (штопка и зашивка)	—	15 с.
		75 с.

(Аля)

Выписки из квадратной черной кожаной черновой тетради[763],

начатой в конце июня 1931 г. в Мёдоне

— Я начинена лирикой, как ручная граната: до разорватия.

(Черновик первых стихов к Пушкину.)

Я, нечаянно: — Кончайте! Кончайте, господа! Тут молоко уходит — и время уходит — уходите и вы.

(на прогулку — Муру и Але)

25го июня 1931 г.

(Письмо Борису — себе в тетрадку, не знаю — отослано ли)

Дорогой Борис, я стала редко писать тебе, п.ч. ненавижу случайность часа. Мне хотелось бы, чтобы *я* писала тебе, а не такое-то июня в Мёдоне.

Пиши *я* тебе вчера, после того-то и того-то — ты бы прочел одно, пишу тебе ныне — читаешь это, неизбежно другое, чем завтра прочел бы. В этом разнообразии не богатство, а произвол (чего-то надо мной — и мой над тобой — и чего-то над тобой и мной).

Я бы хотела — извсегда и навсегда.

Мне тебя, Борис — не завоевывать, не зачаровывать. Письма — другим, вне меня живущим. — Так же глупо (и одиноко), как писать письмо *себе*.

Начну со стены. Вчера впервые (за всю с тобой — в тебе — жизнь), не думая о том, что́ делаю (и делая ли то, что́ думаю?), повесила на стену тебя — молодого, с поднятой головой, явного метиса, работу отца. Под тобой — волей случая — не то окаменевшее дерево, не то одеревеневший камень — какая-то тысячелетняя «игрушка с моря», из тех, что я тебе дарила в Вандее, в 26-том. Рядом — дивно-мрачный Мур, трех лет.

Когда я — т.е. все годы *до* — была уверена, что мы встретимся, мне бы и в голову, и в руку не пришло та́к выявить тебя воочию — себе и другим. Ты был моя тайна — от всех глаз, даже моих. И только закрыв свои — я тебя видела — и ничего уже не видела кроме. Я *свои* закрывала — в *твои*.

Выходит — сейчас я просто тебя из себя — изъяла — и поставила — как художник холст — и возможно дальше — отошла. Теперь я могу сказать: — А это — Б.П., лучший русский поэт, мой большой друг, говоря этим ровно столько, сколько сама знаю.

Морда (ласкательное) у тебя на нем совершенно с Колониальной выставки. Ты думал о себе — эфиопе? арапе? О связи — через кровь — с Пушкиным — Ганнибалом — Петром. О преемственности. Об ответственности. М.б. после Пушкина — до тебя — и не было никого? Ведь Блок — Тютчев — и прочие — опять Пушкин (та же речь!), ведь Некрасов — народ, т.е. та же Арина Родионовна[764]. Вот только твой «красивый, двадцатидвухлетний»...[765] Думаю, что от Пушкина прямая расходится вилкой, двузубцем, один конец — ты, другой — Маяковский.

Если бы ты, очень тебе советую, Борис, ощутил в себе эту негрскую кровь (NB! в 1916 г. какой-то профессор написал 2 тома исследований, что Пушкин — еврей, т.е. семит[766]: ПЕРЕСТАВЬ*)), ты был бы и счастливее, и цельнее, и с Женей[767] и со всеми другими легче бы пошло. Ты бы на многое, в тебе живущее, — свое насущное — стал вправе. Объясни и просвети себя — кровью. Проще.

Ведь Пушкина убили, п.ч. он своей смертью не умер бы никогда, жил бы вечно, со мной бы в 1931 г. по Мёдону гулял

---

*) т.е. напиши 2 тома исследований, или одно *свое* двустишие, что Пастернак — негр.

(Пушкина убили, п.ч. он был задуман бессмертным.) Я с Пушкиным, мысленно, с 16ти лет — всегда гуляю, никогда не целуюсь, ни разу, — ни малейшего соблазна. Пушкин никогда мне не писал «Для берегов отчизны дальней», но зато последнее его письмо, последняя строка его руки — мне, Борис, — «та́к нужно писать историю» (Русская история в рассказах для детей)[768], и я бы Пушкину всегда осталась «многоуважаемая», а он мне — *милый*, никогда: мой! мой!

Пушкин — негр (черная кровь, падение Фаэтона — когда вскипели реки — и (это уже я!) негрские волосы) самое обратное самоубийце, это я выяснила, глядя на тебя на́ стену. Ты не делаешь меня счастливее, ты делаешь меня умнее.

———

О себе, вкратце: просьба подождать еще два года до окончания[769]. Таким образом у меня *еще* два посмертных тома. (О, мои богатые наследники!) Большую вещь, пока, отложила[770]. Ведь пишу ее не для здесь (здесь не поймут — из-за голоса), а именно для там — реванш, языком равных. Пишу сейчас Пушкина (стихи). Как только пришлешь *наверный* адрес — пришлю.

(Попутная мысль, чтобы не забыть — 10го мая 1938 г. Ванв — благородство и пощада пера, никогда не выдающего нашего возраста: в письмах мы вечно-молоды, в счет идет — только наша (молодая, сильная) интонация — никаких морщин ни седин!)

Несколько дней назад тебе писал С. — просьбу его смело можешь исполнить: *я* — порукой. (— А жена? — Жена пока и т.д. — Ой! ой! ой! Да ведь это же — разрушать семью! — Хороший д.б. человек.)[771]

Очень болен Д<митрий> П<етрович>: грудная жаба. Скелет. Мы с ним давно разошлись, м.б. он — со мной, приезжает, уезжает, не вижу его никогда. Положение серьезное, но не безнадежное: при ряде лишений может прожить очень долго.

———

Это лето не едем никуда. Все деньги с вечера ушли на квартиру. Все эти годы кв<артиру> оплачивал Д<митрий> П<етрович>, сейчас из-за болезни не может. Как будем дальше жить — не знаю, п.ч. отпадает еще один доход — 300 фр<анков> в месяц, к<отор>ые одна моя приятельница[772] собирала в Лондоне. Пожимаю плечами и живу (пишу) дальше. (Р<аисе> Н<иколаевне>[773] ничего не пиши, о тяжелой болезни сына ты знаешь.)

М.б. С. на́ две недели съездит в деревню, к знакомым рабочим, обещают кормить, наша — только дорога. Сейчас он пы-

тается устроиться в к<инематогра>фе (кинооператором). У него блестящие идеи, но его всё время обжуливают.

Та́к что мой адр<ес> на всё это время — прежний.

Да! ты пишешь о высланной II ч<асти> Охранной Грамоты, у меня и I нет. Посылал?

———

(NB! На́ год назад — сентябрь 1930 г. St. Laurent Haute Savoie)

Черная небольшая холщевая тетрадь

для франц<узского> Мо́лодца (Le Gars) — конца́ его: «Adieu, mon petit Grillon»[774] — несколько выписок о Муре — и несколько моих записей:

Из стихов к М<аяков>скому (невошедшее)

... С Богом — по морозцу!
Жи—изнь? — Ваша!
Смерть — моя!

———

В красный рай самоубийц

———

Мур, упавший в колодец

— У меня живот подскользнулся, как нога на теннисе, и я свалился.

———

Ля́жу. Бежу́.

———

Так и не подал руку девочке — Димитриевой. Ненависть к ней, несмотря на ее смелость, мальчишество, мужское имя Кирченок и 10 лет. (Ему — 5 л.) И когда ставят всё это на вид:

— А она — все-таки девочка!

(Галилей)

———

Разговор с шоссейным рабочим (русским)

— Кто такое твой товарищ: монархист или охотник?

Мур: — Ни то, ни другое: рабочий. Сначала человек, потом рабочий. Человек, к<отор>ый работает. Рабочий человек.

И — медленно — крайне выразительно — со всей полнотой интонации:

— До чего мне иногда удивительно — что́ вы, взрослые, говорите!

———

(Всё это, о Муре — июль 1930 г., С<ен> Лоран.)

Болезнь, лежание в Арсине[775] (18го—19го июля 1930 г.)

(Из стихов к М<аяков>скому)

Слушай! Не ты ли — апостол Павел,
Отбивавший носы у ста́туй?

...Мимо склепов и гробниц —
В красный рай самоубийц...

(Июль 1930 г. С<ен> Лоран — черновик стихов к М<аяков>скому.)

...Авария в озере...

Авария в блюдце...

Мур: — Нессесэр (С.С.С.Р.)

— Мама! Для чего Вы стали писательницей, а не шофёром и не другим таким?

С<ен> Лоран, 21го авг<уста> 1930 г., за едой.

— Время — когда едят и время — когда спят, время — когда гуляют — и время когда

(NB! *не* читав Экклезиаста)

NB! ВОЗОБНОВЛЯЮ ЧЕРНУЮ КВАДРАТНУЮ КО́ЖАНУЮ ЧЕРНОВУЮ[776]

лета 1931 г., Мёдон

Как хорошие стихи пишутся — знаю, как плохие — *не* знаю (и не догадываюсь!).

...*Братски* — да, *арапски* —
Да, но *рабски* — нет

(NB! люблю Пушкина. Невошедшее. А жаль.)

...Собственного слуха
Эфиоп — арап.

...где хозяин — гений.
Тягости Двора —
Шутки — по сравненью
С каторгой пера...

Узы и обузы
Сердца и Двора —
Шутки — перед грузом
Птичьего пера

Мур
Кто-то о Пушкине: — обреченность.
Мур: — Не обреченность, а афричённость.
(т.е. обреченность на Африку)

10го июля 1931 г., Мёдон

Встреча с внучкой Пушкина[777]

Прихожу к Елене Николаевне Арнольд[778]. У нее сидит дама — белобрысая — белорыбица — альбиноска, страшно-постная и скучная. Через несколько минут после моего прихода Е.Н. со свойственной ей бесцеремонностью начинает ее — всячески выживать: — А Вам никуда не нужно идти? — М.б. Вам уже пора идти? — и так далее, и чем далее — тем грубее. Но дама — сидит, и Е.Н., когда убеждается, что сидеть — будет, глубоким, громким, даже не актерским, а декламаторским голосом — мне:

— А Вы зна-аете, дорогая! *кто* у меня сидит?

Я, робко: — Вы, кажется, сказали Г<оспо>жа Розен... Розен...

— Розенмайер — чтó! Розенмайер — ничто. Эта дама — внучка Пушкина. Родная внучка Александра Сергеевича[779].

— И я, *ничего* не успев: — Доч<ка?> — Сашки?!

За 6 лет Парижа я у Е.Н. была в третий раз и ждала встретить у нее старую Т<атищеву>[780], «на которую» Е.Н. меня и пригласила — и до того ждала, что сначала подивилась ее молодости (Т<атищевой> — около 80^ти^ лет) и такой полной белобрысости. (И даже «Розен...» не смутило.)

И вместо нее — встречаю внучку Пушкина, бывающую у Е.Н. *раз в год* и зашедшую случайно.

На вид — 45 лет (самый постный возраст! самый неудобоносимый и -выносимый, самый двусмысленный! (сейчас (1938 г.) — мой) когда сам не знаешь — кто ты, на чтó похож, — впрочем, не сам, а *сама*, ибо у мужчин этого возраста нету) — итак, на вид 45 лет, но должна быть моложе, если не предполагать, что породила свою Светлану[781] (названную, очевидно, в честь Пушкина, хоть это — Жуковского[782]) 37ми лет — чтó тоже возможно: всю жизнь собиралась — и разродилась.

О Светлане этой — Светике — говорит захлебываясь, показывает ф<отогра>фию и открытку: тоже белорыбица — в русском костюме, за к<отор>ый где-то, конечно, получила какой-то приз, а пишет — 8 лет — Je tan brase[783]. Учится во франц<узской> школе. По-русски не читает и не пишет вовсе — и наверное не говорит. Сейчас — для точности — гостит в Баварии: оттуда анбразирует.

Итак — внучка Пушкина, родная дочь Александра Александровича, генерала, почетного опекуна, бывавшего у нас в доме в Трехпрудном[784], куда ехал мимо дома Гончаровых[785], с нашим — смежного (наш — д<ом> № 8, шоколадный, со ставнями, с двумя огромными серебряными тополями. Разобран в Рев<олюцию> на дрова), родная дочь пушкинского Сашки — и жена «маленького русского офицера», сидящего в Шарантоне[786] (у Е.Н. там сидит сын, и знакомство на этой почве).

Белобрысая белобровая белоглазая немка, никакая, рыбья, с полным ртом холодного приставшего к нёбу сала (жирно картавит).

— У Вас есть какой-нб. листок Пушкина?

Она, с удовлетворенной и даже горделивой улыбкой:

— Ни-че-го. Папá всё отдал в Академию наук.

Узнала от нее, что оба пушкинских имения живы (в Револ<юцию> был упорный слух, что Михайловское сгорело)[787] — но сильно запущены. Единственное собственное — не на вопрос — сведение (вставка в наш с Е.Н. разговор) — что Ганнибал был куплен Петром за бутылку рома — сведенье, к к<оторо>му уже Пушкин относился юмористически и уцелевшее только благодаря его реплике — насчет *ваших* предков, приносивших и уносивших царям ночные горшки (посудины)[788].

Читаю Стихи к Пушкину, разрываюсь от волнения — что перед *внучкой*. Одиноко — разрываюсь, ибо не понимает *ничего* и не отзывается — никак. (Е.Н. за всех хвастливая спешно объ-

являет ей, что я самая великая и знаменитая поэтесса и т.д. — чего наверное не думает.)

И — о Пушкине — всё.

На *ком* был женат «Сашка», чтобы так до́чиста ни одной пушкинской черты?[789] А м.б. — слишком поздно женился, когда своих уж — не бывает? Если ей сейчас — 40 лет, то родилась она в 1891 г., Пушкин же умер в 1937 г. и Сашке (кажется) было 4 года, знач<ит> родился́ (ничего нет под рукой) в 1833 г. 1891 г. - 1833 г. = 58 л. Нет, еще могут быть, у Б<альмон>-та и у А.И. Г<учкова> — чудные. Особенно — если пушкинская кровь (неутомимая). Та́к или иначе: бедная Светлана! Такая мать и шарантонский отец — пожалуй что и Пушкину не одолеть (*уже* не одолел: 8 лет и: je tan brase. Мур 9ти лет не делал *ни одной* ошибки, а учился по-франц<узски> только год.)

— С увлечением — сладострастным хихиканьем и поддразниванием — говорит о квартире в 3 комнаты в Neuilly, к<о-тор>ую сняла на́ три месяца совместно с какой-то француженкой и русскими. — Кто же эти русские — или секрет? хозяйка, по-настоящему увлеченная — и для к<отор>ой «внучка Пушкина» не редкость, ибо знает ее — и цену ей (*ка́к* выгоняла!!) — давно. — «Никакого секрета нет и быть не может: *всё тайное становится явным*» (кроме тайны *твоей* наследственности). Имени русских, несмотря на бесстрастнейшие и подробнейшие расспросы хозяйки — не назвала.

Из моих стихов к Пушкину — самых понятных, то, с чего всё и повелось: «Бич жандармов, бог студентов — Желчь мужей, услада жен» — не поняла ничего и не отозвалась ничем, ни звуком (даже: гмм...).

Внучка Пушкина — и я, внучка священника села Талиц[790].

Что же и *где же* — КРОВЬ.

Пушкин, при всем этом, конечно присутствовал незримо, не мог *не* — хотя бы из-за юмора положения.

И, несмотря на: ни иоты, ни кровинки пушкинских, несмотря на (наконец нашла!) *рижскую мещанку* — судорога благоговейного ужаса в горле, почти слёзы, руку поцеловала бы, чувство *реликвии*

— которого у меня нету к Пушкину —

но тут два довода и вывода, к<отор>ые, из честности, оставляю — оба:

первое: ибо Пушкин — читаю, думаю, пишу — жив, в настоящем, даже смерть в настоящем, сейчас падает на снег, сейчас просит морошки — и *всегда* падает — и всегда просит — и я его сверстница, я — тогда —

она же — живое доказательство, что умер: Пушкин во времени и — неизбежно в прошлом — раз мы (внучки) приблизительно одного возраста

и второе

ибо Пушкин — все-таки — моя мечта, мое творческое сочувствие, а эта — его живая кровь и жизнь, его вещественное доказательство, его <зачеркнуто: восьмушка> четверть крови (это Светлана — восьмушка).

Из этого (кажется, для обоих — вывод, сейчас спешу, не успею додумать) — вывод: насколько жизнь (живое) несравненно сильнее — физически-сильнее, ибо судорога, слёзы, мороз по коже, поцелуй руки — *физика* — самой сильнейшей, самой живейшей мечты, самая убогая очевидность (осязаемость) самого божественного проникновения.

Казалось, не я́ это говорю, я *всю* жизнь прожившая *мечтой*, не мне бы говорить, но —

мое дело на земле — правда, хотя бы против себя и *от* всей своей жизни.

Мёдон, 10го июля 1931 г.

(Сейчас для меня ясно: волнение другого порядка. Одно — «Для берегов отчизны дальней», другое — Сашкина дочка в комнате. Если последнее волнение сильней, то п.ч. физика, вообще, сильней. Зубная боль сильнее (грубее) душевной. Но умирают — от душевной, от зубной — нет.

Сила еще не есть мерило вещи, это только — признак ее. И даже если от зубной боли пускают пулю в лоб — да, боль сильна, но и она и такая смерть — невысокого порядка.)

Строки:

...Неудержимый
Ни в чьих руках
(Поток. Поэт.)

Кто мне положит в гроб —
Вяземского перчатку?[791]

О ПОЭТЕ

Поэт не может служить власти — потому что он сам власть.
Поэт не может служить силе — потому что он сам — сила.

Поэт не может служить народу — потому что он сам — народ.

— причем власть — высшего порядка, сила — высшего порядка

и т.д.

Поэт не может служить, потому что он *уже* служит, целиком служит.

...раз поэт не может служить *даже* самому себе!

Единственный, кому поэт на земле может служить — это другому, бóльшему поэту.

Гёте *некому* было служить. А служил — Карлу-Августу!

Почему государи не служат поэтам? Не Людовик XIV — Расину? Разве Людовик — выше? Разве Людовик думал, что — выше?

Droit divin[792], но поэт — больше, явнее droit divin — над человеком: droit divin — над самим поэтом: droit divin Андерсена извлекшее из *гроба* служившего ему колыбелью, Гейне — из еврейской коммерческой гущи, всех нас — <пропуск одного-двух слов> — извлекшее и поставившее.

Мур — 20го июля 1931 г., Мёдон — весь месяц проливные дожди.

— Если бы я был Бог, я всегда бы делал хорошую погоду. Значит — я умнее, чем теперешний Бог.

Вчера, 19го — Какая у Вас круглая голова. Как раз для футбола. Я ее сниму и буду ею играть ногами.

(Сейчас шутит, но 3х лет, в полный серьез: — Мама, можно отвернуть Вам голову? — Нельзя. Зачем? — В футбол играть. В парке Беллевю, на одной из наших бесконечных прогулок.)

(Весь пушкинский цикл кончен 19го июля 1931 г. — Потусторонним залом — 12го, Нет, бил барабан — д.б. 17го и последнее «Вместо мундира — гражданский фрак?»[793] — 19го июля 1931 г.

Тогда же — сон о Пушкине.)

Сон о Пушкине

Перед сном о Пушкине — долгий разговор с Николаем I, очень мой, очень его. Помню только одну его фразу:

— Нельзя быть одновременно первым поэтом России и мужем самой красивой женщины страны!

— Но она же его не любила!

(Моя реплика лишена логики, но интонация, убедительность *но* — моя.) (Сейчас, в 1938 г., объясняю — та́к: ты говоришь о двух удачах, а какая же Гончаровская красота ему удача, раз Гончарова его не любила.)

Да, помню еще одно:

— Вы и благословения своего ему не передадите?

— Нет.

(Очевидно я его убеждала пойти проститься с Пушкиным.)

Затем:

Больница. Какая-то сиделка по-франц<узски> предупреждает меня, что сейчас у него никого нет, что к нему можно. Коридор. Палаты. Которая? Сиделка указывает на третью раскрытую дверь слева. Я — ей: — Но как же я его узна́ю? Я же ничего не вижу. Вхожу. Окна нет, свет из двери. Серо́. По стенам посетители. Вижу Володю С<осин>ского[794] (уже!) зарисовывающего. Прямо против входа, посреди комнаты — кровать. На ней Пушкин. Слева другая, пустая. Кто-то, увидя меня: — А это — М.Ц., наш лучший поэт. Становлюсь на колени в промежутке между кроватями, дает — беру — руку. — Ну, что, *Масеточка*, пришла смотреть, как умирают? Прощай, Масеточка? — Прощай, земляк! (Страны поэзии, конечно, но тут же вспоминаю, что он больше петербуржец, чем москвич.) *Очень* похож, *он* — как действительно был. Маленькое лицо и тело. Громадные перекатывающиеся белки, цвет глаз голубо-*зеленый*, от жару. *Его* лоб, волосы, баки. *Его* рот. С какого портрета — не знаю, *не* снимок с портрета, собирательный — всех.

Голос — не скажу иначе — изящный, играющий, легкий, с *чуть*-иронической интонацией — еще на смертном ложе — игры.

Не хотела бы быть ни Керн, ни Ризнич, ни даже Марией Раевской[795]. Карамзиной[796]. А еще лучше — няней. Ибо никому, никому, никогда, с такой *щемящей* нежностью:

— Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя![797]

Ведь Пушкин, как вся его порода, любя — презирал, дружа — чтил, только Гончарову не презирал (понятие *жены!*) — самую презренную.

Да, важное:

Когда в ответ на собственный вопрос: как Пушкин мог любить Гончарову — *куклу*, я вспоминаю, как я 14ти лет от роду в пансионе Фон-Дервиз[798] любила Маргариту Ватсон (единственную красавицу, встреченную мною за всю жизнь — (подтверждаю в 1938 г.)), как не только безнадежно, но даже без понятия надежды (на чтó? взаимность? точно это, при таком устремлении, есть!) — как яснозренно, обреченно любила Маргариту Ватсон —

— я перестаю понимать собственный вопрос.

Мур

— начало июля или конец июня 1931 г. —

Сам садясь в лесу на что-то подходящее и указывая на какой-то торчек:

— А Вы сядьте — где *не* удобно.

— А есть борзые кошки?

Я, ставя ему вопросы сказки:

Месяц спустя, 27го июля 1931 г.

— Что быстрее и сильнее всего?

— Великан.

— Сильнее Беркулес, а поезд — быстрее.

(В сказке мудрая семилетка отвечает: ветер.)

— Жирнее всего?

— Бык.

— Свинья, конечно.

(В сказке — земля.)

— Мягче всего?

— Barnrn (в сказке: рука, к<отор>ую подкладывают под щеку)

— Пуховик, конечно.

— Милее всего?

Безмолвно показывает на себя.

— Собака, конечно.

Те же вопросы — 27го марта 1933 г., 10, Rue Lazare Carnot, Clamart — Муру 8 л., 27 дней

1) Ветер 2) свинья 3) подушка 4) Маманкин.

Мур — 18го июля 1931 г.
— Есть такая музыка — Прокофьев?
— Есть, конечно.
— И про сахар.
(Французская военная каррикатура, висящая у нас в передней: Pas de sucre — pas de café[799]. Очевидно, ассоциация с военной музыкой. А Прокофьев — ясно.)

— Смотрите, мама, какой чудный стрекоз!

— А есть борзые кошки?

Я.
Я — врачу: — Я боюсь — потому что я не знаю, Вы боитесь — потому что Вы знаете.

Жизнь я прожила в случайных местах, с случайными людьми, без всякой попытки корректива.

Наибóльшим событием (и наидлительнейшим) *своей* жизни считаю Наполеона.

Все события *моей* жизни настолько меньше моей *силы* и моей *жажды*, что я в них просто не вмешиваюсь: чего тут исправлять!

Всё это: случайность людей и мест — отлично зная *свою* породу людей (душ) и мест, узнавая их в веках и на картинах по первому взгляду (чтó *вовсе* не значит, что когда-то здесь, с ними — жила! О *другом* узнавании говорю, об узнавании: *не*-воспоминании!)

«Стрóить свою жизнь» — да, если бы на это были даны все времена и вся карта. А выбирать — друзей — из сотни, места — из десятка мест — лучше совсем не вмешиваться, дать жизни (случайности) самочинствовать до конца.

В это неправое дело — не вмешиваюсь.

Чувствую свой посмертный вес.

Ушло слово грех (понятие Бог). Оно заменено словом вред. Грешник. Вредитель.

Согрешить можно на острове, один на один с собой (совестью). Повредить на острове можно только руку или ногу.

Грех — понятие наединное, неизменное, вред — общественное, прикладное. Грешника Бог судит и прощает. Вредителя общество не судит, а осуждает (упраздняет, изымает).

Мёдон, кинематограф, $3^{\underline{\text{го}}}$ июля 1931 г.

Мур
Я: — Раз я уже решила.
Мур: — А Вы не решайте.

— Мур, объясни мне, пожалуйста, почему дети такие злые?
— Вы сами должны мне объяснить.

$5^{\underline{\text{го}}}$ июля 1931 г.

$8^{\underline{\text{го}}}$ июля, по дороге в Шавиль
Мур: — Почему на той стороне так мало людей?
— П.ч. в Париж все ездят из-за работы, а в Версаль — гулять.
— Небось и дамы-прачки есть, не только дамы-интеллиген*ты!*

В долинке, на ближнем песке (первом, против длинной низкой фермы, откуда однажды вышла старуха с вишнями, говорившая «liards»[800])
Я: — Небо хорошее — высокое!
Мур: — Еще бы ему высоким не быть! По существу же — это *не* небо.
— А — что же?
— По существу — это земля разноцветная — у Бога.

— Никогда не бывает черной земли: только ночью.

Мур, рассказывая Валентину[801]:
— Поезд такой чудный, со стеклами, к<отор>ые открываются не наполовину, как в электрическом, а совсем.
— Куда же он едет?
— В Бельгию — потом в Голландию — потом в Ерландию. Там голые женщины, не совсем голые: наполовину хвост.

(Странное соответствие со стихами Блока — Гиппиус «зеленоглазою наядой — Вам плескаться у ирландских скал»[802] — стихов, к<отор>ых, *не помня*, никогда при нем не говорила и к<отор>ых в доме — нет, да стихов и не читает.)

Слыша, что Валентин едет в Аркашон:
— Аркашон — Безгрошон.

— Мы поедем *ночью!* в папином поезде! п.ч. днем неинтересно, слишком всё видно.

Мóясь, поздним вечером, в ванной:
— Посмотрите, какое небо! Какая луна-а! Какой ффон!
(Редкая секунда лирики)

— Я Ваш грандиозный котенок!

— Я весь исколю́чился (лес, день С<ережи>ного отъезда, т.е. 23го июля 1931 г.)

Слыша в разговоре: пилот.
— Не пилот, а Пилат, — разбойник такой: пират.

26го июля 1931 г. — Я: — Ты бы хотел жениться на такой, как я?
Без всякого восторга, констатируя: — Таких — нет.

(Мур в детстве: шалыш (шалаш).)

Я: — Мур, что такое кожа?
Мур: — Это материя такая, очень плотная, к<отор>ая рвется на башмаках.

Два года спустя:
1) Одеяло. Человеческое одеяло. Которое никогда не рвется, только когда ножом.

---

2) Кожа — это вещество, к<отор>ое покрывает мясо: человеческое или собачье. Это как бы... конверт.
(Оба определения — 27го марта 1933 г.)

Я.
Единственный памятник, к<отор>ый бы следовало сбить — это памятник Николая I, убийцы Пушкина. Или, щадя работу Фальконета[803], надпись:
— Памятник, воздвигнутый самодержавием убийце Пушкина.

Начало августа 1931 г.:
Я, мимо кладбища: — Господи! Как хорошо лежать!
Мур: — Вот увидите как хорошо: в земле задохнуться, в грязи.

— Поваром не особенно интересно быть: другим давать, а самому мало есть. Хорошо давать, но — *в меру* <подчеркнуто дважды>.

(«Расточайте без счету — и смело
Все сокровища Вашей души!»[804] — мой лейтмотив — и рок...)

После проводов С., 23$^{\underline{го}}$ июля, на мосту:
— Пойдем воровать у людей деньги — будем богатые!
(он же)
— Будем богатые — купим все фонари!

В обратном поезде, тогда же:
— Хорошо умереть старым — ты уже *жил* — отдохнуть!

Еще-детское: мечетаю, мечетá.

(Запись: — Не писала с 27$^{\underline{го}}$ июля по 20$^{\underline{ое}}$ августа — отъезд С., шитье Муру штанов, уборка дома, правка «Истории одного посвящения». Были какие-то строки (концы) но сейчас не помню.)

Жена раздаривала скарб...
(Гончарова — пушкинский)

«...Если Вы не забыли меня и по-прежнему питаете ко мне добрые чувства...» — не забыла — кого? питаю — к кому? — уж д.б. настоящие добрые чувства были, раз человек так уверенно на них ссылается — тáк до самой подписи и не догадалась, а прочтя — безумно обрадовалась — всеми своими старыми добрыми чувствами.

Дорогой друг! А ведь (1921 г.—1931 г.) пожалуй — десятилетие дружбы!

(NB! Я уехала из Р<оссии> в 1922 г. и до 1931 г. его не видала. Начало письма к художнику Синезубову[805].)

Мур — конец августа 1931 г.
— Мама! Почему Вы всегда надеетесь только на неприятные вещи??

(«Вот придем, а их не будет», «вот дождь пойдет — и ты простудишься» и т.д.)

—

— Папа! Как Вы могли дать Толстому[806] *два* яйца, а мне не оставить ни одного. Ведь я же Ваш сы-ын! Ведь это же важнее, чем друг! Ведь я же больше Ваш сын, чем Толстой Ваш друг!

—

— Не скрипи, Мур, как колесо!

— У автомобиля колеса не скрипят, они плотные. Только у грузовика.

—

Мечта: — Буду богатый, куплю себе виллу, а по воскресеньям буду катать в такси министров.

(NB! привилегированный шоффёр)

—

— до́леже —

(собственное, самому непонятное слово, постоянно вставляет)

—

мечетаю — мечета — нажмал —

—

(Конец черной кожаной квадратной тетради.

В ней стихи: Лучина — Стихи к Пушкину — Ода пешему ходу — Дом («Из-под нахмуренных бровей...»).

Конец июня — 5ое сент<ября> 1931 г. Мёдон — лето поездок в Шавиль, дружба с ткачихой.)

—

(Из серой *крохотной* записной книжки, в к<отор>ой последняя запись: «Какой ффон!»)

— Мама! Приятнее, когда *шмель* кусает, п.ч. осы и пчелы — такие маленькие круглые дамы.

(Женщин, дам, девочек; кукол — ненавидит.)

—

— Мама! Папа — меньше, чем слон?

—

— А можно спрятаться от войны за занавеску?

—

(Я объясняю ему: война — страна — и т.д.)

— Пускай страна сама о себе думает, я буду думать — о себе.

(июль 1931 г.)

—

Мур — 17го авг<уста> 1931 г.

Я: — Знаешь, Аля, пословицу: когда два пана дерутся за панночку, то получает ее…

Мур: — То получаются шлепатаны!

(детское слово — вместо шлепки)

Аля: — У кошки один ус как у Клемансо[807].

Мур: — А другой — как у Альфонса XIII![808]

(Я: — Родное — как язык во рту.)

(В этой крохотной книжечке первые записи Бузины. Есть и фразы для «Искусства при свете Совести».)

Мур — мне:

— Ваша мать наверное была зверь.

(*не* иносказательно!)

Мур: — Я напишу, что моя мать любила негров — деревья — простор…

— Я не кресть*ян*, чтобы жить без денег!

(Я)

Мне мое поколенье — по колено.

— Назад, в лето 1930 г., С<ен> Лоран

(МАЛЕНЬКАЯ СЕРАЯ ЗАМШЕВАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА)

Мур:

Орешник — подъешник.

Я рассказываю: — А отец его был плотник — строгал доски.

Мур: — Как казак. А столы делал?

Я: — Для чего?

Мур: — Чтобы есть Богу, — обедать.

— Стра́нга моя, Стра́нга подсэмская!

(Фамилия хозяев — имя собаки)[809]

— Кучера всегда кокетничают.

(Позже, очевидно зимой, я — кому-то — на докладе <сверху: русск<ом> чествовании> Valéry)

— Я любуюсь на правильность своего инстинкта: недаром я не любила Valéry, оказавшегося анти-паскáльцем[810].

— Фохт, платя мне гонорар[811], плакал чернильными слезами (огромная клякса на жемчужно-серое новое платье моей соседки).

Va là — je ne sais où, apporte *le* — je ne sais quoi.
или
Va — je ne sais où, apporte — je ne sais quoi.
— On va et on apporte —[812]
Вóт, что я бы хотела сказать Valéry о творчестве.

Рыжая бумажная (прах!) записная книжка

лета 1928 г. — Понтайяк — еле-заметные записи — относятся к 10-тым стр<аницам> этой книжки. Муру 3 г., неск<олько> месяцев

Мур — о здешней собаке:
— Она хвостом хвастается.

— Я пью ветер.

— Почему грустно? У него есть собака другая же!

— Потому что оно мокрое — хочет высушиться!
(о море)

Мои строки:

В дни, когда выли и голодали —
Ты во мне пел и цвел.

(как будто бы — Ю. З<авадский>[813], в Р<оссии>. Но — почему?)

Мур — о Белоснежке:
— Она была солдат.
(Сейчас связь утрачена, м.б. восстановлю.)

первяк (паровичок — местного поездка)

———

безносатый

———

Строки:

Не полюбленное мною
За́ново — в который раз?
(о море)

———

...На́ море ты поедешь к женщине, которая тебя будет меньше любить, чем я.

(На́ море — не поехал совсем: был сбит и убит метро на станции Пастёр, в Париже, 2 <фраза не окончена>[814]

———

Мурина песня (венчальная)

Будет венчаться моя собака — хриплая,
Будет венчаться моя собака — хриплая,
Але подарки растут на батюшкиной голове.
Батюшки, помилуй!
Ка́к я Вас люблю!
Все пошли в церковь,
Мура пошел один,
Совершенно один:
Мама — не пошла,
Папа — не пошла,
Мама — больная,
Папа — больная,
Аля — больная, —
Батюшки, помилуй!
Я стариков не люблю,
Ка́к я их не люблю!
Ка́к я их не люблю!
Barnrn венчается с Мумсом,
Лелик венчается с Черепахой...

———

Я, рассказываю: — И вот — идет Медведь! А навстречу Медведю — сначала папа, за папой мама, за мамой Наталья Матвеевна[815], за Н.М. — Аля, за Алей — Блако, за Блако́ — Мисс, за Мисс — Мумс, за Мумсом — Barnrn... а за всеми — ты.

— Слава Богу, что не *перед!*

(4го августа 1928 г.)

———

Я:

— Я бы хотела жить в том месте, которое я вижу в первый раз, а не в том, в котором я живу, когда живу.

Мур — 17го августа 1928 г.

— Занозы — мухи заносят?

— Что пчелки варят? Мед — медвежатам?

(Отрывок моего письма к Н.П. Г<ронскому> — м.б. есть где-нб. в цельном виде, среди писем. Это — карандашом, в записную книжку, на берегу.)

...Жить и спать под одним кровом мы уже, конечно, никогда не будем.

Чтó я хотела от этого лета? Иллюзии непрерывности, чтобы ты не приходил и уходил, а — был.

...Сосны колют меня в сердце всеми иглами.

...Я еще не плáчу, но скоро буду.

После письма надела твои бусы — в первый раз за всё лето — висели на иконке.

Чтобы тебя не заела совесть, нужно поступ<ать?> *по чести* (помнишь — мой вечный припев — и твои — мне — стихи).

Ты просто предпочел бóльшую боль — меньшей: боль отца по уходящей — моей по тебе, неприехавшему[816]. (Уход больше чем неприезд, не говоря уже о 25ти годах — и *ни одном дне* совместной жизни.)

...Любуюсь на твой поступок — как если бы ты был мой сын, так же *сторонне* — счастливо.

Мур — 8го

— Не выгонять мою кошку! Никогда! Запрещаю!

— Мур, ты наглый стал в день отъезда!

— Я не наглый, а храбрый!

(Это последняя Понтайякская запись, следующая уже в Мёдоне — м.б. тоже существует в письмах.)

— Вы знаете, я сразу поцеловала Ваше письмо, как тогда — руку — в ответ (на ответ «не совсем чужая» — скромность этого ответа: «не совсем чужая» — *Ваша* — мне!). Подумать не успев.

Думаю, что целование руки у меня польское, мужско-польское (а не женско-сербское, где *все* целуют — даже на улице). Целует руку во мне умиление и восторг.

Итак, письмо поцеловала, как руку. Я была *залита* восхищением. Та́к нужно писать — и прозу и стихи, та́к нужно глядеть и понимать — входы и выходы. Вы предельно-зорки: я, действительно, шагнув — отступаю перед тьмой — даже если она белый день: перед тьмой всего, что́ не я, перед всем *немною*, ожидая, чтобы оно меня окончательно пригласило, ввело — за́ руку. Я отступаю так же, как тьма, в которую мы выходим. Не отступаю — чуть подаюсь.

Шаг назад — после сто́льких вперед — мой вечный шаг назад!

А выхожу я — опять правы! — как слепой, даже не тычась, покорно ожидая, что — выведут. Не выхожу, а — стою. Мое дело — войти, ваше — вывести.

Наблюдение об уверенности шагов к Вашей двери — простите за слово! — гениально, ибо, клянусь Вам, идя — сама подумала: — Та́к сюда иду — в первый раз.

А вчера вошла как тень — дверь была открыта — всем, значит и мне. А Вы хотите, чтобы я пришла к Вам — потом, — если уйду раньше Вас — или будете бояться?

— Как мне хорошо с Вами, легко с Вами, просто с Вами, чисто с Вами — как Вы всегда делаете что́ нужно, ка́к нужно.

Никогда до встречи с Вами я не думала, что могу быть *счастлива* в любви: для меня люблю всегда означало больно, когда боль переходила меру — уходила любовь.

Мне пару найти трудно — не потому что я пишу стихи, а потому что я задумана без пары, состояние парой для меня противоестественно: кто-то здесь лишний, чаще — я, — в состоянии одинокости: молитвы — или мысли — *двух* воздетых рук и *одного* лба...

Но дело даже не в боли, а в несвойственности для меня взаимной любви, к<отор>ую я всегда чувствовала тупиком: точно двое друг в друга уперлись — и *всё* стоит.

Тем, что Вы любовь чувствуете не чувством, а средой благоприятной *для* (всякого величия!), Вы ее приобщили к таким большим вещам, как ночь, как война, вывели ее из тупика *самости*, из смертных — в бессмертные!

Вы знаете много больше, чем еще можете сказать.

Соскучилась по Вас у себя — даже на моем тычке и юрý.

А знаете — как *Вы́* входите?

Стук — открываю — кто-то стоит, с видом явно не при чем, точно и не собирается войти, явно «не я стучал», совершенно самостоятельно от двери. (Может — ветер, может — я.) Мне всегда хочется сказать: — нну?

У Вас при входе — сопротивление. — Возьму да не войду. — Вы необычно-долго (т.е. ровно на 5 сек<унд> дольше чем другие) *не* входите.

— Нынче и завтра свободна до позднего вечера — и никто не ждет — *Вы́* ждете, а я не приду — ибо во всех подобных делах *безнадежно*-воспитана, ибо нельзя — тем более что никто не запрещает! — ходить каждый день, злоупотребляя расположением матери и широкостью взглядов — отца.

Ах, шапка-невидимка! Ковер-самолет!

Кто-то взял у нас и осень. (Ни разу не были в мёдонском лесу и только раз — вчера — в парке.) А чтó зимой будем делать?

(Здесь кончаются выписки из желтой бум<ажной> прахóвой записн<ой> книжки конца лета 1928 г. в Понтайяке и первых дней осени 1928 г. в Мёдоне.)

Такая же прахóвая зеленая записная книжка — счетовая

— 1929 г.—1930 г. (относится к эпохе Муриного трактора; *до* этого — запись: Óса, — п.ч. óсы).

Я — кому-то, не то на чьем-то докладе о М<аяков>ском:

— Площадь — не только драка и давка, но и место подвигов — и казней.

(Кажется, о поэте Поп<лав>ском)

— Вся тайна в отсутствии дисциплины. За лучшие строки мы не ответственны, ибо они — дар, мы ответственны именно за худшие: наши. Довести творённое, до рожденного, зáданное до дáнного — вот задача. Нужна *воля*. Ее у П<оплавского> — нет. — Сгубил малого Монпарнасс. —

— «Я что-то видел...» — *Чтó* именно? — Плох, кто не ответит. Ибо вещь для того ему показывалась, чтобы он ее *сказал.*

Мур — 2-го декабря 1929 г.

Хлынет дождь в Москве и в Африке —
Дикари моргают как фонари...

Городские города

«Пока не требует поэта...»[817]

— А чтó если *всегда* требует, а суетный свет — малодушно погружает?!

Мур: — Здесь будем жить и здесь умрем.

Я, после какого-то его высказывания: — Господи! И это в пять лет! Что же будет дальше?

Мур: — Дальше — шесть лет.

Мур: — А потом я пойду на Фауста...

Я: — На какого Фауста?

Мур: — На Доктора.

Я: — Ты не любишь ни одной женщины, как же ты — меня любишь?

Мур: — Потому что... Потому что Вы мой родитель.

— Миша — он такой маленький! Он в крошке соли живет.

— Мама! Где же покупать, когда вырастешь? Ну, вообще одежду! Потому что мне нужно торопиться.

(Очевидно — уже февраль 1930 г. — раз возглас: в пять лет! (родился 1-го февраля 1925 г.) а м.б. — самый конец 1929 г. и «пять» — предвосхищение. Скорей — тáк.)

(Здесь кончается светло-зеленая праховая лавочная записная книжка.)

Лиловая записная книжка

— начало 1930 г. — Мёдон

Мур, видящий похороны: — А покойник — с открытыми глазами! (и т.д. — Эта запись, в полном виде, уже имеется.)

——

— А лошади — тоже покойники?

——

— А Л<ебеде>в, мужчина-Л<ебеде>в[818] — тоже будет? А то всё дамы да дамы.

——

— Облака пустые.
— Нет, они не пустые, они с Богом.

——

Плача над плохой жизнью: ...Раньше козы проходили, а теперь... не... про... ходят...

——

— Не хочу быть уродом человеческим!
(Человеческим — в отличие от «носатиков» (Зиг и Пюс)[819], к<оторы>ми хочет быть.)

——

Мур — 21го марта 1930 г.
— Я вообще большие магазины не люблю: там слишком много материй этих и слишком много дам.

——

Я: — Всё, что делают поэты, философы, музыканты они с успехом могли бы делать на *том* свете. Сделанное Наполеоном могло быть сделано только на этом.
Поэты и т.д. спокойно могли бы *не* родиться.

——

Мур, с отчаянием:
— *Я* не *могу* <подчеркнуто дважды> смотреть на солнце, потому что я *не* орел!

——

(Конец лиловой записной книжки — почти пустой.)

——

Маленькая черная записная книжка, кожаная, с задвижкой — AGENDA[820]

Мур — 28го янв<аря> 1931 г. (только что прошел Крещение)
Я: — А для чего крестная мать и крестный отец?

Мур: — Для того, чтобы если настоящая мать умрет, еще бы запасная оставалась. Как в машине — колесо запасное.

Разговор с батюшкой (четверговый урок у К<арсавиных>)
Батюшка: ...
Мур: — Он же мне ничего не ответит — он ведь нарисованный.
(солдатское, в 1918 г. — не хочу на до́ску молиться!)

— Какие свиньи — французы! Испортили наше р. Свиньи! Всё у них наоборот.

(Конец марта 1931 г.)

Мур: Остров — земля срединводная.
(NB! *сам*)

Я, сама себе: — Когда я буду <по?>мирать — что́ я буду вспоминать?
Мур, молниеносно: — Стихи.

Про драку с Алей:
— Она меня бьет как корова, как кобыла, а я ее — как муравей.

Пасха, заутреня́ на воле.
Я, шепотом: — Тебе нравится церковь?
Он, громко: — Да, потому что похожа на гараж.

О войне: — Нужно уехать *до* войны, *за* войну, где ее еще нет.

Гусочка (подарили желтую, большую, голова снимается — внутри конфеты. Обожает ее.)

Кто-то: — Но у нас тоже были богатыри.
Я: — Богатырь — физическая сила, герой — духовная. *Только всего.*

Любовь не прибавляет к весне, весна — тяжелое испытание для любви, великий ей соперник.

Кто может сравниться с деревом?

Мур — апрель 1931 г.
— У меня теперь бывает такое чувство, что я — я.

Прыгая на меня с камня (дольмэна)
— Ой, мама! *Я* Вас совсем изнемогу!

О Муре:
Человек предполагает, а *Мур* располагает.

Я: — «От юности моея́ мнози борют мя страсти...»[821] — Мур, на каком это языке?
— Славянском.
— А кто на нем говорит?
— Отец Андрей[822] — и больше никто.
30го апреля 1931 г.

Мур — 5го мая 1931 г.
— А как слоны ласкаются?

Я
Почему любят спать с красивыми? (*В темноте*) Значит все-таки — *сознание*. Значит дело не в прямом ощущении (одном — всегда, с красивой и некрасивой, любимой и нелюбимой) а — в освещении (изнутри).

На улице, маленький мальчик — матери:
— Maman! Regarde ce qu'elles sont belles!
Мать: — Elles sont en fleur, — ça ne nous avance en rien[823].
(Могло бы — о девушках...)

Удивительно, что прошедшее (истекшее) время так же подробно проходило, как наше, год за годом, день за днем, час за часом, миг за мигом, — не пластами: Атилла, Цезарь, и т.д. — не эпохами — не глыбами, а нашей дробью: миговеньем ока — т.е. что Атилла каждую данную минуту был Атилла, не Атилла-вообще (а сколько — какие толпы — сонмы — мириады — *не*-Атилл, и каждый — каждую данную минуту!) — не Атилла раз-навсегда.

Потому-то так неудовлетворительна, неутолительна — *история*.

Мур, на улице: — Вы видали эту негрскую маму?

— Собаку зовут как меня.
Я: — А как меня́ зовут?
Шепотом: — Не знаю.
— Ну́, ты меня зовешь мам<ой?>, а другие все как зовут?
— Марина Цветаева.

———

— Мама! Хотите сделаем пожар! Подожжем землю, чтобы все *лысые* горы стали.

———

(Про осу — или пчелу:) — У нее живот, как у тигра.

———

(*Безумный*, с младенчества, страх ос, пчел и мух. Особенно — мух. Панический.)

———

В Зоол<огическом> саду — про какую-то птицу:
— Летний птенец.

———

Сто лет мне иногда кажутся, как сто фр<анков> — раз плюнуть!

(Пометка: не то, что у меня этих ста фр<анков> было много, а то, что я знаю, что они по существу — не сто фр<анков>, что это — ложь, пустая цифра и звук. Но и кроме этого — *вообще* наплевать на франки (сроки).)

———

(Здесь кончается маленькая черная кож<аная> записная книжка с затвором — весна 1931 г.)

———

Теперь — сине-голубая записная книжка, с металл<ическими> скрепами — Мёдон, ноябрь 1931 г. — м.б. была какая-нб. между, не обнаружила — но до́ нее — несколько записей из небольшой желтой черновой — картонной 1931 г. Мёдон — тетрадь начата 6го сент<ября> 1931 г., в воскр<есенье>.

ВЫПИСКИ ИЗ ЖЕЛТОЙ НЕБОЛЬШОЙ КАРТОННОЙ ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ[824],

Мёдон — 6го сент<ября> 1931 г., воскресенье. Тетрадь начинается чистовиком Дома («Из-под нахмуренных бровей...»).

Строки, не вошедшие в Бузину:

Край безумный — о, край бузинный!
Край, в безумье своем — безвинный

———

...Мне сад был — тетрадью
Тетрадь была — садом...

(Бузина окончена 11го сент<ября> 1931 г. — потом я еще раз за нее взялась.)

Мур — конец сентября 1931 г.

— А продаются такие специальные пилки — для тюрьмы?

— А это что на картинке нарисовано?

Я: — Это Париж — каким он был давно, давно назад.

Мур: — Ка-ак? э-это Па-а-ариж? (недоверчиво смеется) — Я знаю, что́ это: это — ПШЕНОРЫ, где *я* родился.

(Чешская деревня Вшеноры, недалеко от Праги)

— Мау, а у Вас есть какой-нб. знакомый язычник? ...А страшные их боги. Но — красивые. Цветом красивые.

Что-то, очевидно, цитируя: «Невинные наслаждения». Глупо. Разве наслаждение может быть виновным?

С. приводит пример яблока, к<отор>ое мальчик украл и — вот — наслаждается.

Мур, неубежденно (и прав: ибо *яблока — не крадут*, особенно — мальчики!) — Да... — Нет, всё равно: наслаждение *не* виновное и *не* невинное.

Длинный разговор с Муром — 20го сентября 1931 г.

Мур: — А я знаю, кто такие разбойники. Разбойники — это люди, к<отор>ые раньше были нищие, а потом стали разбойниками. Не может же разбойник покупать в магазине! — А бывают *добрые* разбойники?

Взволнованная *словом*, рассказываю ему про доброго разбойника и кончаю на: — «Ныне же будеши со мной в раю»[825].

Мур: — Как — в раю? Когда он на кресте.

Я: — На кресте — тело, оно и останется, а душа с Христом подымется в рай.

— Но душа — ведь это не я-а!

— А кто же — *ты́?*

— *Я*? вот! (обхватывает себя всего сколько руки загребают. Негодующе:) — Душа. Душа. Что мне из того, что моя душа будет гулять в раю. Я сам хочу гулять в раю, п.ч. в раю все животные добрые. — А львы? А тигры? — Чорт с ней с этой душой!

Читаю 24го, нынче, ему андерсеновскую Русалочку, в три присеста. По окончании: — Чтó тебе больше всего из всей сказки понравилось?

— Тот город с огоньками.

— Ну, а сама Русалочка, ее любовь, какая она была добрая...

В ответ не *да*, а гм-гм, сухое. Как будто не хочет — ни признаться, ни признать то, в чем признается. Каждый раз — как только дело идет о добре, любви — в женском образе.

Всю сказку понял отлично.

— «КАРÁНГУЛ!» — потрясающий крик в ванной, оказывается — на мне паук. Потом, всё еще плача:

— Я же не за себя боялся, я за Вас боялся!

По поводу предстоящей свадьбы конинницыной дочери:

— Женюсь и разойдусь, опять женюсь и опять разойдусь.

Письмо Мура А.А. Тешковой

16го ноября 1931 г. — сохраняю орфографию.

милая тетя Аня ваш заяц жив потому что Я яво сел. уменя уже миняются зубы 4 новох. Я помню Чехию наш дом лес с двух старон жолтый песок и реку о Я нашол себе жену англи = чанку Я пазнакомелся ?!? очинь просто bonjour Madame[826]. Она больше папы (NB! папа — метр 86 или 87) очень белокауря у ниё есть bebe[827]. У нас есть кошка трехцветная очень добрая и совсем не ворует. Я много рас бывал на Колониальной выставке. ведал там = скалу с обезянами и семью львов. Ещё алжирцав и негров и ещё индо-китайцов. Там замечательнйе духи и бусы. Можот-быть мы к Вам приедим в гости на какое = нибудь Рождиство. Я очень (любити <сверху, над «-ти»: ль>) люблю технику и катаца на поезде. Я очень люблью кни = ги. Привет Вам Мур[828].

(Теперь голубо-синяя записная,
о к<отор>ой уже сказано):

— Почему Бог не сделал уродов еще и злыми, а красивых еще и добрыми. Так бы лучше было.

— Почему Вы меня так не-знатно назвали — Георгий Сергеевич?

— А чтó ты думаешь — знатно?
— Чтобы все знали.
— Ну, какое имя например?
— Иван Сергеевич.
— Иван самое простое имя, крестьянское.
— *Большое* имя, по-мóему.

Мёдон, 15го ноября 1931 г.

Валяясь на диване и закрывая глаза, торжественно:
— Je — dorme.
Je — morte.
Je — squelette![829]

После рассказа про братьев Кесселей, сломавших в автомобильной катастрофе один — хребет, другой — ногу[830]
— Так он теперь всю жизнь будет хромать спиной?
(Синтез)

Разговор про чуму. Человек чернеет и т.д.
Мур: — И нельзя смыть?
— Нельзя, п.ч. это кровь — черная. Вот М<аргарита> Н<иколаевна> — врач, спроси у нее.
— Она не таких вещей — врач.

О деревьях: — *Думают* — раз склонились!

— Жен много, Мур, а мать одна.
— Не одна. Другая жена.
— Так *жена* другая, я про мать говорю.
— Папы — жена, ведь папа же женится, когда Вы умрете.
— Ну, даже если — какая это мама? Ничего твоего знать не будет, ни твоих Мумсов ни Barnrn...
— Но Вы же ей, когда будете умирать, *скажете!*

...Только уж я сам буду выбирать жену.
— Конечно. Умные спрашивают у родителей, а глупые сами выбирают.
— Не свою. Папину жену — когда Вы умрете.

— А ты знаешь, что такое — умирать?
— Да, да, сначала полежать, а потом все эти скелеты встанут и пойдут на небо.

— Не скелеты — души, скелеты, это кости, к<отор>ые на небе не нужны.

— Но души — это ведь *мы?* А в раю яблоки будут? А можно будет гладить тигров? (Утвердительно) Пантеров.

Мёдон, 15го—17го ноября 1931 г.

Мур — 27го ноября 1931 г.

— Знаете, какие я сочинил стихи?

Хлынет дождь,
Нахлынет ночь.

Лавка закрывается —
Бесы появляются.
Бесы появляются —

Аля: — Мура покрывается.
Мур: — А можно и:

Мура ухмыляется!

Я

Гнать писателей на стройку ж<елезной> д<ороги>[831], — лучше людей науки! Свидетельство писателя ведь само по себе — о чем бы ни было — не внушает доверия.

— Ишь, расписал!

...Время само спросит, без всяких своих врéменных представителей.

(Первая запись: Езжай, мой сын, в свою страну![832])

— Vous êtes désenchanté de trouver le poète désenchantant? Que n'êtes vous — une page blanche! (de mon cahier)[833]

Мур, 6го дек<абря> 1931 г.

Кто-то: — Ты и его знаешь?

Мур: — Я всех знаю, только кабана зеленого не знаю!

— А меня никто не зовет в гости...

— Еще бы! Ты в гостях картины раскрашиваешь.

— Один раз!!! (Пауза) У других картины за стёклами...

— И что же?

— Ну, а у этих — нет: вот я и пользуюсь.

(Расписал у А<ртемо>вых «pot de fleurs»[834] — натюрморт. «Картина отвратительная, между прочим» — 12го мая 1938 г., Ванв — больше чем вдвóе, ибо нá 7 лет старше.)

Мечта о доме с плоской крышей — с садом — и павильон будет прилеплен.

— В нем я́ буду жить.

— Да. И себе такой же построю, из него будет дверь в Вашу комнату.

— Вот, Мур, попируем когда ты женишься!

— Да, и индюки будут. А что Вы мне дадите в приданое?

— Не знаю. В приданое в общем дают что-нб. и́з дому. Выбери.

Долго оглядывает кухню — и:

— Утюг для жены — чтоб гладить мои штаны!

Мёдон, декабрь 1931 г. Идем с ним в Кламар — очевидно, в четверговую школу.

— Какая девочка худая! У-ужас! Стянуть пояс — и *ничего* не останется. А от меня (самодовольно, но скромно) — если стянуть — все-таки останется!

— Ехать на Северный Полюс и делать там деньги, чтобы полиция не увидела.

(До этого — разг<овор> о фальшивомонетчиках.)

Я — мысленно — Р.М. Р<ильке> (†29го дек<абря> 1926го г. — запись в дек<абре> 1931 г.)

Da ich zu Haus nie Zeit habe, nie zu Haus bin — weil immer drin, lese ich Deine Briefe immer nur im Untergrund (das herrliche, heim<?>[835] — unheimliche Wort!) und, wie ich mich innerlich vor Allem und allen mit Dir schütze, so list Du — <пропуск одного слова> — Dein Buch mit meinem, ja unter meinem Arm — Flügelarm — Rainer, geschützt.

Goethe und Rilke — *nie* обратно. Denn Einen am Letzten nennen ist ihn am nähsten fühlen — nennen — haben[836].

Отсутствие зубов на молодом лице — то же, что целые зубы на черепе: <фраза не окончена>

Мур — кому-то, указывая на автомобиль:

— Moi être très content quand cette machine écrasera moi: parce que plus de pas-bonheur, plus — guerre[837].

— А по-мóему — умирать очень выгодно: больше не будет несчастий!

— Да, Мур, Христос говорил: добром за зло.

— О-о! Гораздо наоборот!

31$^{\underline{го}}$ дек<абря> 1931 г. — 1$^{\underline{го}}$ января 1932 г.

(В голубо-синей еще есть записи, возвращусь.)

Здесь — таинственный перерыв, не могу, пока, обнаружить — ни черновых ни записных — начала 1932 г. Придется вписать потом. Здесь — перескок.

Мур, 15$^{\underline{го}}$ апреля 1932 г. — злобно:

— Все скрипят — и птицы, и bébé[838], и куклы.

— Гадкие коляски, и bébé гадкие, и матери плохие.

Мои реплики моим оппонентам на докладе (нужно же как-нибудь назвать!) Поэт и Время[839].

Поплавскому:

«Гамлетическая позиция поэта...» Я думаю Гамлет — философ, а не поэт, т.е. человек вопросов, а не ответов.

Я сказала: всякий поэт есть эмигрант, а П<оплав>ский из этого извлек, что вся эмиграция есть поэт. С чем не согласна.

(Смех)

Оцупу:

«*Я* хуже всякого сапожника». Да, но я говорила о сапожнике — судящем. Этого я — *не* хуже.

«Притворяясь, что он охватывает другие планы...»

Я о *притворщиках* не говорила.

Дипломов я тоже не раздавала, я только назвала Пастернака и Маяковского, которым мой диплом не нужен.

Эйснеру я отвечаю: спасибо за защиту и прибавляю, что тáк себя защитить, как он — меня — я̀ бы не посмела. Обывателя я не трогаю — пока он меня не трогает, т.е. — не судит.

Слониму:

— «Поэт — вне порядка вещей».

Я бы сказала: он в ином порядке вещей, в порядке иных вещей, остается установить — каких. И еще прибавила: он — единственный порядок вещей, всё остальное — непорядок.

Отход от общества не есть отход от человечности, от человечества. Есть — приход к нему.

«Под колпаком...»

Рильке жил под колпаком целого неба, т.е. под куполом.

Газданову:

— Я вовсе не предполагаю, что отлично разбираюсь в современности. Современность — вещь устанавливаемая только будущим и достоверная только в прошлом.

Сергею Я<блонов>скому:

— Благодарность за непосредственный привет, пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить его за длительность его внимания, он приветствовал мою первую книжку в 1911 г.[840]

(В зале эффект, ибо автором книжки в 1911 г. — не выгляжу.)

Первый образец мужского хамства я получила из рук — именно из рук — поэта.

Возвращались ночью откуда-то втроем: поэт, моя дважды с половиной меня старшая красивая приятельница[841] — и 14летняя, тогда совсем неказистая — я. На углу Тверского бульвара, нет — Никитского — остановились. Мне нужно было влево, поэт подался вправо — к той и с той.

— А кто же проводит Марину? спросила моя очень любезная и совестливая приятельница.

— Вот ее провожатый — луна! был одновременный ответ и жест занесенной в небо палки в виде крюка.

Из-за этой луны, ушибшей меня как палкой, я м.б. и не стала — как все женщины — лунатиком любви.

Seit diesem Augenblick, lieber Rainer, hat sich meiner der Mond angenommen[842].

Мёдон, 16го февраля 1932 г. — в $2\frac{1}{2}$ раза старшая я. А нынче в 2 раза младший тогдашней меня Мур в первый раз пришел с вокзала один домой.

Поэт не может воспевать государство — какое бы ни было — ибо он — явление стихийное, государство же — всякое — обуздание стихий.

Такова уже природа нашей породы, что мы больше отзываемся на горящий, чем на строящийся дом.

Б.[843] (разбой).

Разбой и богатырство — та же стихия, и он в России — воспет.

Я позволяю «организовывать свои страсти» только своей совести, т.е — Богу. Чем государство *выше* меня, *нравственнее* меня, чтобы *оно* организовывало мои страсти?

Il faut obéir à Dieu — plutôt qu'aux hommes.

(St. Paul)[844]

(Затем — просьба об авансе — чего никогда не делаю — и об *этом* пишу — и заключение:)

— Как неприятно просить! По мне — и квартиры и статьи должны были бы идти даром.

Il n'y a qu'un seul enfant, une seule vieille, une seule jeune fille, un seul poète[845].

Nicht ich liebe den Dichter, aber jedesmal habe ich das Gefühl, dass *er* mich liebt: dass er *mich* liebt[846].

Que la terre est dure quand on tombe![847]

...Воскресные брюки — с воскресною юбкой

(Воскресные зáгородные поездки парижских любящих)

Реплики моим оппонентам на моем чтении «Искусство при свете Совести»[848].

Слониму: — Природа *не* бесстрастна, ибо закон ее (один из ее законов!) борьба, со всеми ее страстями. Бесстрастно правосудие, *знающее* добро и зло и *не* прощающее.

Я вовсе не говорила, что искусства судить нельзя, я только говорила, что никто его тáк осудить не сможет, как поэт.

Человечество живо одною
Круговою порукой добра[849]

стихи моей монашки я отстаиваю *и формально*. На всякого мудреца довольно простоты. М<арк> Л<ьвович> до *этой* простоты — не дошел.

М.Л. говорит, что я говорю о себе лично, но говоря о себе лично, я говорю о поэте, о всей породе поэтов, поэтому это не мой личный случай, а личный случай всей Поэзии.

Бальмонту.

Моя тема не нова. Я не хочу *нового*, я хочу *верного*.

Милый Бальмонт, твои слова: «Гроза прекрасна, а сожженный дом и убитый человек — *такая мелочь*» — есть слова одержимого стихией. Твоими-то устами и гласят стихии.

Адамовичу:

— Если Адамович мне не верит — дело в нем, а не во мне.

Г.П. Ф<едотову>

«Добро отмирает в Царствии Небесном».

А я думала, что Царство Небесное — абсолютное добро, т.е. Христос.

С точки зрения *красоты* я совести — не вижу. Из-за совести — красоты не вижу. Совесть для меня, пока я на земле, *высшая* инстанция: неподсудная.

Стремоухову[850]:

О каких правах я говорила? Только о праве суда над собою.

Поплавскому:

Я была занята не грехом всей твари, а собственным грехом поэта.

Насчет древности я ничего не говорила. Совсем.

В чем увидел Поплавский мое благополучие? В том, что я столкнула искусство — с совестью?

Вопрос личной морали я не затрагивала, я затрагивала вопрос поэтовой морали: личной морали всей Поэзии.

А в общем Поплавскому я не могу возразить, п.ч. не знаю в точности о чем он говорил.

(NB! Никто — никогда — и меньше всего — он сам.)

А Эйснеру — спасибо за полноту внимания.

Строки (о доме)

...Где покончила — тихо,
Как с собою — с любовью

Где покончила — пуще,
Чем с собою: с любовью.

Дом, с зеленою гущей:
Кущ зеленою кровью...
Где покончила — пуще
Чем с собою: с любовью[851].

14го июня 1932 г. Кламар

Quand je suis née toutes les places étaient prises. Peut-être le sont-elles *toujours*, mais rien que pour ceux qui le savent.

Donc, il ne me restait que le ciel — celui où les avions n'ont rien avoir (2) celui que nul avion n'atteint).

N'oublie jamais que chaque instant de ta vie tu es à l'extrême limite du temps et qu'à chaque point du globe (place que tes deux pieds occupent) tu es aux dernières limites de l'horizon.

C'est toi — l'extrême limite du temps.
C'est toi — l'extrême limite de l'horizon.
Лучше: — C'est toi — l'extrême limite du temps.
C'est toi — les confins de l'horizon.

14го июня 1932 г.

Quand j'ai vu dernièrement sur l'écran le grouillement <пропуск одного слова> de la Chine — j'ai reconnu ma *vie*.

Pauvres Chinois! Pauvre de moi!

Trop de barques. Trop peu d'eau.

Toute la pièce du monde se joue entre quatre, cinq personnages — toujours les mêmes.

La Jeunesse n'est qu'un vêtement qu'on se passe les uns aux autres. Non. Ce sont les uns et les autres qui sont le vêtement que revêt et laisse, et remet et laisse la jeunesse éternelle.

Mon amour n'a jamais été qu'un détachement de l'objet — détachement en deux sens: se détacher et ôter les taches. Je commence par le détacher — de tout et de tous, puis, une fois libre et sans taches, je le laisse — à sa pureté et solitude.

Le plaisir le plus vif de ma vie a été d'aller seule et vite, vite et seule.

Mon grand galop solitaire.

Les Françaises n'ont pas honte de se décolleter (dépoitrailler) devant les hommes, mais elles ont honte de le faire devant le soleil.

(Toilettes du soir et robes fermées du midi-Juillet.)[852]

(Здесь кончается голубо-синяя записная книжка с металлическими скрепами.)

ЛИЛОВАЯ ЗАПИСН<АЯ> КНИЖКА, БОЛЬШАЯ, БУМАЖНАЯ —

лета-осени 1932 г. (по-мóему мы на 101, Rue Condorcet, а потом 10, Rue Lazare Carnot Clamart)

Мур: — Я еврей?

— Нет, ты русский, и папа русский, но фамилия эта — еврейского происхождения, даже — библейского: на <пропуск числа> стр<анице> Библии: Авраам просил у Эфрона продать ему землю для погребения Сарры, а Эфрон продать не хотел, хотел — дать...[853]

Через несколько дней, Мур

— Я — еврейского производства.

Мурина версия «В двенадцать часов по ночам...»[854]

Из гроба встает Император
И лезет куда-то туда
Он ищет любимого сына
Потом залезает в гроба...

Мой тóт Париж (лета 1910 г.) с этим незнаком. А я́ та — с этой?

Я на квартиру никогда не смотрела с точки зрения удобств, а всегда — с точки зрения точки зрения. Потому все мои квартиры были трущобы — зеленые.

Le quarantième jour de mon anniversaire j'écrirai sur mes tablettes:

Quarante ans de noblesse[855].

Мур:

— Когда я вырасту, я изобрету такую машину: нажать кнопку — и появляется мальчик — или девочка — на доске — из того места, где они находились.

А нажать другую кнопку — доска втягивается — ребенок исчезает.

(NB! выход из положения)

Чертес (вместо — черкес)

Мур — 4летней Жаклине, дочке консьержки:

— Moi je reste avec Suzanne, et toi — reste avec toi![856]

La création lyrique nourrit les sentiments dangereux, mais apaise les gestes. Un poète est dangereux que lorsqu'il n'éc-rit pas[857].

Раз только в мире стихи писались всерьез: Виллонова баллада Парламенту о помиловании[858], баллада о висельниках[859], вообще — весь Виллон.

Et tout le reste n'est que littérature[860] (*особенно* — французская!).

Нужно добавить: и сделали дело (помилование Виллона).

Сон

Садик, лестница, танцую на палке. Вокруг танцует Мур. Танцуем с Муром, сосед из окна смотрит. Вхожу — народ — Аля передает мне письмо. — Если Вы поедете нá море — может пригодится. Вскрываю — огромная рукопись о Китае, в к<отор>ой пытаюсь найти следы прозы Г<оргуло>ва[861] и *ничего* не нахожу. Да, чек на 40 фр<анков>, дальше — само письмо на гранках, начинается: — В 4 ч. 3 мин. такого-то числа и дня, когда будут кричать газету Криёр (Crieur) — газету Crieur всегда кричат в 4 ч. 3 м<инуты> — и т.д. и т.д., но конца нету.

Читаю вслух (в комнате множество народа, несколько *дам*), почерк ужасный, мушиные лапы, листков — оказывается — бесконечность. Еще два чека: на сто и на пятьдесят долларов — между листками — точно награда за прочтение, либо: внутреннее условие даяния.

После, мое утверждение: — Можно убить, но писать нужно хорошо (разборчиво). Непонимающий одобрительный смех как после парадокса (т.е. обычного моего высказывания — наяву). Я,

невзирая: — Нет, не так: убить еще не дает тебе право плохо писать! (Всё это не о содержании, а о почерке.)

У меня особый дар идти с собой (мыслями, стихами, даже любовью) как раз *не-к-тем.*

За последнее время мне на письма, равняющиеся событиям, не ответили:

Зигрид Ундсет (die Frau, die keine Blume war[862] — лейтмотив —)

и

Мак-Орлан[863]

(на мою хвалу его человечности)

— писатели, цену такому письму, т.е. цену души такого письма (как в Библии — цену крови) знающие.

Кому же не отвечать — как не им — мне?

Оставьте меня, потрясения, войны и т.д. У меня *свои* события: свой дар и своя обида — о, за него, не за себя.

Летопись своей судьбы.

Свое самособытие.

Войны и потрясения станут школьной невнятицей, как те войны к<отор>ые учили — мы, а мое — вечно будет петь.

Сегодня меня в первый раз в жизни (трогала — всех) укусила собака — черная, с желтыми надглазниками, лже-Подсэм — через решетку чужого сада. Дó крови. За то, что я ее, будучи незнакома с ней и невзирая на ее рычание, погладила.

(Потом эта собака, честное слово! каждый раз, когда я проходила, пряталась.)

В ауру начинаю верить из опыта: кто же, как не она, рознит и роднит меня с людьми еще *до* слова, до поступка.

Лицо, походка, одежда?

Тоже *аура,* т.е. неизбежное (у меня).

Что-то от квакера, который бы согрешил с цыганкой.

(я)

Мур: — Я хочу крутое в смятку.

Благородство и богатство слова гость: и купец (заморский) и гость (у блудницы) — и небесный гость.

———

Quand on a un enfant qui est mort de faim, on croit toujours que l'autre n'a pas assez mangé.

———

On n'a jamais eu un enfant, on l'a toujours[864].

———

Свысока высокой насыпи...

———

На высокомерной насыпи
Счастья — могшего бы быть

———

Какие-то жены — каких-то Карлов,
Которые счетом — которых счетом?

(в тонах янтарных, а м.б. — в цепях янтарных — о Карловом Тыне)

———

— «Женщина не может одна».
— Человек — может.

———

Для Карлова Тына:

Внизу городочек
Прильнул собачкою...

———

Santé[865]

При входе на улицу — занесенный кулак фонаря. Справа наискосок стена с плющем и густой сад. Недоходя до тюрьмы дом с акациями. — Что ты думаешь, старый дом? Стена углом, т.е. нá две стороны от Santé — только трубы торчащие, как тощие шеи и кулаки. Ворота — въезжает фургон. Дальше по Santé справа — как последняя новость — Décès — Кончины — лавка естественных смертей, старушка с цветами (для естественных смертей). Недоходя — Bd. Arago — где-то вблизи казнят. Там же; против ворот — столовая.

С конца Santé виден Пантеон. Но чтó спрашивать с Пантеона, когда *небо*...

———

Никогда меня *слово* не заводило, но часто (предопределял) размер и (уносил) ритм.

———

Мур

— Мама, а мы — нищие?

— Да. Нет. (*Мы* рознимся от нищих только тем, что больше просим — и получаем, что нам не смеют (пока) дать *10* сант<имов>, но тряпье дают — ужасное. Так что, в общем, не рознимся ничем. И есть нищие, к<отор>ые, умирая, оставляют миллионы, что́ с нами навряд ли случится.)

(Поставленное в скобки думаю, но не говорю — что́ тут понять Муру? И мне.)

14ое, кажется, августа 1932 г.

Колокола покрывают — странностью своего звука (не звонят никогда) все T.S.F-ы[866] и граммофоны. On a toujours assez de voix pour être entendu[867].

Мур — 16го августа

— Мама! А Лев Толстой — по-французски — Лажечников?
(Из<дательст>во Лажечникова)

Мате́рям остаются в любовь вещи, разлюбленные сыном.

В 1932 г. впервые читаю Mary Webb: Sarn и Le Poids des Ombres[868].

Любимых забываю вместе с собой, любившей. Ибо если дружба — одно из моих обычных состояний, то любовь меня из всех обычных состояний: стихов, одиночества, самоутверждения —

И — внезапное видение девушки — доставая ведро упала в колодец — и всё новое, новая страна, с *другими* деревьями, *другими* цветами, *другими* гусями и т.д.

Так я вижу любовь, в к<отор>ую действительно проваливаюсь и выбравшись, выкарабкавшись из (колодца) которой *сначала* ничего из здешнего не узнаю, потом — уже не знаю, было ли (то, на дне колодца) а потом знаю — не было. Ни колодца, ни тех гусей, ни тех цветов, ни *той* меня.

Любовь — безлица. Это — страна. Любимый — один из ее обитателей, туземец, странный и особенный — как негр! — только *здесь*.

Глубже скажу. Этот колодец не во-вне, а во мне, я в себя, в какую-то себя проваливаюсь — как на Американских горах в свой собственный пищевод[869].

Вот как отозвалась, а м.б. вот о чем детская сказка Frau Holle[870].

Колодец *рода* и *пола*.

8го сент<ября> 1932 г.

Есть, очевидно, люди одаренные в любовной любви.

Думаю, что я, отчаявшись встретить одаренность душевную, а сама в любовной любви если не: бездарная, то явно-неодаренная, во всяком случае *явно* (обратное от тайно) *не* одаренная — к этой одаренности, в них, тянусь, чтобы хоть как-нибудь восстановить равновесие.

Образно: они так целуют, как я — чувствую и так молчат, как я — говорю.

Ничем иным такое тяготение всегда к тем же, к таким же, при моей холодной в любви (и только в любви!) крови не объяснишь. (Разве что надежда на горячую кровь (собственную)?)

Тянусь к их единственному дару (моему единственному — отсутствующему).

Еще одно — и очень сильное.

Эти люди (и только эти!) делают меня другой, новой собой, не-собой. Соблазн собственной новой души, а не чужого тела. И соблазн — чужой души, только тогда — беззащитной, разверзтой (*моя — всегда!*) и только та́к заполучаемой.

Только в этом они сильнее, цельнее, полнее меня.

К людям высокого духа я — любовно — *не* влеклась. Мне было жаль их на это, себя на это (Володя А<лексеев>). Что́ — это? Да на эту *невысокую* беду.

Мур, рассказывает Гоголя:

— Там одна барышня была — царица, в красных сапогах. Она откусила ухо у прытсидателя и потом ела золотые галушки.

«Кто при звездах и при луне»[871].

Я: — Что́ было в шапке?

— Предисловие, т.е. завещание.

18го Октября 1932 г.

Мур — 4го ноября 1932 г. — злится

— Губка! Сто пятьдесят метров клочьев Ваших волос!

Строки:

...О, тел и волн
Волнуемость!
— Пиши! —
Целую Вас
До дна души...

———

Забытая, зарытая обида

———

(Стихи «Закрыв глаза — раз и́наче нельзя —»[872])

———

Мур — 20го сентября 1932 г.

Мама! Какая комнатная трагедия произошла! Муж поссорился с женой...

— Это часто бывает.

— И они ушли, т.е. муж ушел — совсем, и теперь у нас в доме сдается комната — мужа комната, в которой он жил.

———

— Каждый день подымая теленка, в конце концов подымешь...

Мур: — Автомобиль!

———

— У него такое русское лицо, точно он по самой середине России родился.

———

Строки:

В Бога — не знаю, но верую
В синее, белое, серое,
—
всякое
Небо
Сыново, Духово, Богово

———

Сказка Мура

— У одного человека вместо сына родился чорт — в красной куртке и в красных штанах. Он всё время досаждал своей хозяйке и всё время занимался политикой: просил очинить карандаш, ломал свои новые машины и просил тогда другие покупать. Раз как-то этот человек писал икону. Чорт подошел, чтобы досадить, но когда увидел, что это икона отскочил и ушел совсем от своих хозяев гулять по белу-свету. Шел-шел, шел-шел и пришел в ад. Там-то у него и началась настоящая хорошая жизнь: ни икон, ничего религиозного, Бога он не видел. Тепло

в аде. Наконец он вышел из ада и пошел гулять в рай. Взвился на небо (Точка. Точка. Точка.) Пролетел над раем и спустился на самую середину рая, на желтую — в песке вся — дорожку.

В раю он увидел цветы, птицы и всё хорошее. Вода, лебеди, гуси — (гуси не сто́ит) по речке ездиют, лодки и маленькие пароходы, души сидят в них, которые попали в рай. Далёко — большой дом, очень красивый, но чорт вдруг заметил, что пахнет иконами и чем-то таким религиозным. Как он заметил — он парх! парх! на небо со своим сыном, а оттуда — в ад. — Конец. — А теперь — дайте мне десять тысяч!

— Почему алжиры, когда молются, кувыркаются?

15го окт<ября> 1932 г.

Вечер. Нуга. Полтинник. Сапог.

<Оставлен пробел приблизительно в полстраницы.>

Мур — 24го Октября 1932 г.

Просыпаюсь при виде Мура — совершенно-одетого.

— Мама! Я пишу роман. Как только я проснулся, я понял, что хочу писать большой роман — и больше ничего не хочу.

(С раннего утра — упорно — пишет.)

1го Октября 1932 г. — в парке

— Ну и вдова, мама, которая играет в футбол!

(Набросок письма)[873]

Дорогая С<аломея>, видела Вас нынче во сне с такой любовью и такой тоской, с таким *безумием* любви и тоски, что первая мысль, проснувшись: — где же я была все эти годы, раз та́к могла ее любить (раз, очевидно, та́к любила) и первое дело, проснувшись — письмо Вам: сказать Вам и последний сон ночи (снились под утро) и первую мысль.

С Вами было много, и А<лександр> Я<ковлевич>[874], Вы были больны, но на ногах, и очень красивы (до умилительности, до растравы), освещенье — сумеречное, всё слегка пригашено, чтобы моей тоске — жарче, ярче гореть.

Я всё спрашивала, *когда* я к Вам приду — без всех этих — мне хотелось рухнуть в Вас — как с горы в пропасть, а что́ там делается с душою — не знаю, но *она* того хочет, п.ч. ни одно тело еще не хотело разбиться.

...Это была прогулка, даже променада, Вы были окружены подругами, наперсницами, лиц которых не помню, это был —

фон, хор, но который мне мешал. Но с Вами была еще собака — та серая, которая умерла.

Воспоминание о Вас в этом сне — как о водоросли в воде: все движения. Вы были тихо качаемы каким-то морем, к<ото-р>ое меня с Вами рознило. Событий никаких, знаю одно, что я Вас любила и хотела к Вам до такого самозабвения, какого мне не дано в жизни, но — не в жизни — дано. Куда со всем этим? К Вам, ибо никогда не верю, что во сне ошибаются, что сон ошибается, что я во сне могу ошибиться (везде — кроме). Порука тому — моя предшествующая сну — запись:

«Мой любимый вид общения — сон, не во сне, сам он: сон, тот воздух, который мне необходим, чтобы дышать. *Моя* погода, *мое* освещение, *мой* час суток, *мое* время года, *мой* возраст, *мой* век, *моя* страна. Только в нем я — я. Остальное — случайность».

Милая С<аломея>, о которой я сейчас так двойственно думаю, если бы я сейчас была у Вас — но договаривать здесь решительно-бесполезно: Вы меня во сне та́к *не* видели, поэтому Вы, *эта*, меня — ту (еще ту!) навряд ли поймете — как и себя — ту. А та — понимала, и если сразу не отвечала, когда и где, если что-то еще длила и отстраняла, то с такой всепроникающей нежностью, что я не отдала бы ее ни за одно *когда* и *где*.

Милая С<аломея>, нужно же, чтобы шесть (?) лет спустя знакомства, Вам, рациональнейшему из существ, приходится слышать это от меня (да, все-таки!) рациональнейшего из существ...*) И — озарение — так вот почему́ тогда, шесть лет назад, Д<митрий> П<етрович> не хотел Вас знакомить со мною. Но — откуда он взял (знал)? меня — ту, не гостящую даже в моих стихах, только в снах, только в снах. Ведь он не видел моих снов, меня — в моих снах, сновидящей.

А как был *прав* в своей прозорливости, ревности, как дико неправ — ибо так, так, так Вас любить как я Вас любила в своем нынешнем сне (так — *невозможно!*) — я никогда бы не могла любить — что́ — его! — никого, ни одного его, ни на каком яву, — только женщину (свое) — только во сне (на свободе). Ибо лицо моей тоски — женское.

Так безысходно, заведомо-безнадежно я любила только в детстве, очень, очень раннем, до-грамотном, до-четырехлетнем.

---

*) Здесь случ<айный> пропуск. Он находится после ...невозможн<ого> существа[875]

Черноглазую барышню на Патриарших прудах.
Зеленую актрису из Виндзорских проказниц.
Зеленую куклу в Пассаже — с муфтой.

Милая С<аломея>, это письмо глубоко-беспоследственно. Что́ с этим делать в жизни? И даже — если бы знала — то: что́ с этим сделает жизнь!

До-знанье (наперед-знанье) обратное дознанью (post fact'ному и посмертному) — игра не слов, а смыслов — и вовсе не игра.

Мне сегодня утром дали прочесть в газете статью о стихах — А<дамови>ча, где он говорит, что я (М.Ц.) — ничей путь[876]. (Всякий поэт — свой собственный путь — в пропасть.) С<аломея>, он совершенно-прав, и я счастлива, что это — так: — Правда поэтов — тропа зарастающая по следам, — это я́ сказала[877].

Так и моя правда — сонная, данная — о Вас — правда, меня — к Вам — когда-нб. зарастет, но я нарочно иду медленно, а может и вовсе стою — ногами посреди своего сна, спиной ощущая, что та́ Вы (*ТЫ* — Вы!) еще там (здесь).

С<аломея>, Вы сухи, Вы сплошная сушь, и моя сушь — по сравнению с Вашей — но не надо водного сравнения, ибо во мне *ничего* от воды и от водоросли — *но* моя сушь — *огонь*. Я *никогда* не видела Вас что-нибудь до самозабвения любящей, но раз я Вас, именно Вас, без всякого внешнего повода, о Вас *не* думая — Вас — такой — видела, *та́* Вы — есть, другая Вы — есть. Иначе вся я, с моими стихами и снами — *ничего* не сто́ю, вся — мимо.

Кончаю в грозу — души и природы, под такие же удары грома — как сердца, под встречные удары сердца и грома, под такие же молнии, как молния моего прозрения о Вас: себе — к Вам. Ибо — бесконечный *такт* моего сердца — хотя громового! — *Вы* меня в моем сне вовсе не так любили, так любить двоим, т.е. друг друга нельзя.

— С<аломея>! Электричество погасло — чтобы одни молнии! — пишу в темноте, итак: Вы меня во сне вовсе не так любили, Вы ходили как зачарованная — моей любовью, конечно — Вы *ходили*, чтобы я Вами любовалась, Вы — *красовались*, но не тою дурацкой красотой красавиц, а красотою любимого и невозможного.

NB! Случайно пропущенная страничка книжки, после «из существ» — последняя строка третьей страницы назад.

(Случайный — при переписке — пропуск:)

...Если бы я сейчас была с Вами я бы — знаю себя! — врылась бы в Вас, зарылась бы в Вас, закрылась бы Вами от всего белого света, дня, часа, века — от Ваших глаз и от собственных, не менее яснозрящих.

С<аломея>, спасибо: я, после нынешней ночи, на целую тоску: целую себя — богаче.

Дико будет читать это письмо?

Мне еще не дико было его писать. Мне не было дико его жить, так естественно было — его жить.

С<аломея>, у меня озноб по коже, вникните: наперсницы, греческий хор, одежда, ложно-классическая променада — *точное* видение Вас О. М<андельшта>ма. Значит, прежде всего — поэт во мне Вас такой сновидел, значит — правда, значит — Вы такая и есть, дважды — правда, дважды — такая, значит — та Вы и есть, только та — Вы и есть. Не могут же ошибиться: целый сон и два целых поэта: один — во сне, другой — наяву.

Я во сне видела не Вас, а свою любовь к Вам, Вы были лицом моей любви, моей жажды — точным лицом моей тоски — так давно уже не женским лицом, но — мужским не заменимым и не затмеваемым!

И — озарение (дальше — 2 стр<аницы> назад, предпоследняя строка третьей назад. — Теперь — продолжаю.)

...(Почему у меня всё время, после сна, м<андельштамов>ское начало Федры:

Как этих покрывал и этого убора
Мне роскошь тяжела — средь моего позора[878]

(А может — и позор — прозрение? Всему готова верить — после Вас — в грозу.))

Милая С<аломея>, письмо не кончено, оно единственное, первое и последнее от меня (во всем охвате слова) — к Вам — которую знаете — только Вы.

Милая С<аломея>, лучше не отвечайте. Что Вы можете на это ответить?

— Это была не я.

— Нет, Вы.

— Это были — Вы.

— Да, только эта — я.

Я Вас всё равно не убежду — и переспорю.

Чтó на это можно ответить? Ведь это не вопрос — и не просьба — и не зов — это просто кусочек Элизиума (*тех* Елисейских Полей!), лоскут *неба любви*.

Даю Вам этот лоскут — из благодарности, ибо, повторяю, — нет, лучше не повторять! И не из благодарности (неизбывной) — а возвращение по принадлежности. Утаить такое было бы неправедным.

Знаю еще, что при следующей встрече — через день или через год — или через год и день (срок для найденной вещи и заветный — запретный срок — всех сказок!) — нá людях, одна, где и когда бы — я буду (внутри себя) глядеть на Вас *иначе*, чем все эти 7 лет глядела, м.б. вовсе потуплю глаза — от невозможности *скрыть*, от безнадежности *сказать*.

Vulaines sur Seine — *Seine* — 22го августа 1932 г.

Облака подъемлют кулаки

(Немецкие Wolkenbaken[879])

Мур
Без глазов
(его тень)

Купанье. — За что ты просишь прощенья?
— Вы меня ругали, значит я что-то плохое сделал.

— А стол-то в башмаках, мама!

мужов

«Poules d'eau flottant sur l'eau,
Elles semblaient ci gaies!
Mais en vérité
Ce n'est pas gai de vivre à
Chercher avec inquiétude
Les moyens d'existence»[880].

(Японская поэтесса)

...и правда более полная, чем Вы думаете: ибо дерево шумит Вам навстречу только если Вы это чувствуете, это тáк чувствуете, а так — просто шумит. Только Вáм и никому другому, так же как: никому. Вáм — если Вы его так слышите (любите), или, если никому не нужно — никому[881].

(NB! можно еще яснее)

31го августа 1932 г., Clamart
Разговор во дворе. Мур и Dédé.
Dédé: — Tu es gros.
Мур: — Oui.
Dédé: — Tu es fort?
Мур: — Oui.
— Moi (пигмей) je suis fort comme un camion.
Мур: — Moi, pas comme un camion, comme un éléfant, je suis fort comme *les* trois éléfants.
Silence admiratif.
Мур, развязно: — Comme trois, quatre éléfants...[882]

— Мур, как ты себя чувствуешь в своих сандалиях?
— Как в Сэне.
— Что?
— Плаваю.

Не могу удержаться и переписываю сюда, перескочив 6 лет, современное и даже сегодняшнее письмо Мура Але — описание первого посещения — вдобавок при вечернем освещении — Лувра:

Дорогая Аля!

Прости что довольно долго тебе не писал, но был очень занят прогуливанием и лодырьством (provisoire)[883]. Был недавно (в субботу) в Лувре, с мамой и Ирусиной матерью. Были в отделе римской скульптуры и оказалось гораздо интереснее чем я думал. Ируся не пошла, prétextant[884] что у нее экзамен а Аля не пошел потому что ему, по его словам, это не интересно. Видел самые важные и знаменитые вещи Лувра и римской скульптуры: Диана с собачкой и с луком и стрелами, Венера Безрукая и самофракийская победа. Самая красиво сделанная конечно Венера, а Диана мне совсем не понравилась. Потом видели бюсты всех почти императоров римских: у многих зверские морды, а у кого хорошие то эти потом оказываются дебошерами и вообще свиньями: пример Элиогайал и компания. У Тражана длинные уши и нос, Нерон грубый толстяк, Адриян — эстет, Катилина и Каракалла — бороды зверские, Марк-Аврелий строгий и злюка, Цезарь — ха, ха, я вас всех умнее — лисица белобородая. Аполлон хоть и красив а вот содрал кожу с бедного сатира который лучше пел чем он. Венера опустила глаза от стыда что всё на нее смотрят, Диана ищет в какую бестию выпалить из лука, а у ее собаки свиное рыло, Амфитрита, Эдипа или еще кто-то — petite poule qui se fout de tout le monde[885], у Эроса нос сло-

ман — вот что значит соблазнять невинных девушек, получил пó носу — и вот теперь нос сломан. Вот и потом были такие морды: <рисунок> — совсем как теперешние друзья-сюрреалисты. Вообще всё было интересно, красиво, поучительно и т.п. Масса была американцев и американок страшно негармоничных на фоне статуй.

Целую крепко

Мур <рисунок кота>

(NB! Кот (Мур) у Мура лучше, у меня Бог знает чтó.)
Vanves (Sein) 65, Rue J.B. Potin
15$^{\underline{го}}$ июня 1938 г., среда

(Нынче впервые ела anguille de mer[886] — сейчас всё пробую — на прощание.)

Anonimat de la création féminine

Ce ne sont pas des femmes, c'est une femme, toujours la même, c'est le grand Anonymat féminin, l'immense Inconnu féminin (l'immense *Mé*connu...).

Nous nous reconnaissons au moindre signe, sans moindre signe.

...Je revendique mon droit d'écrivaine, elle, genre féminin, e muet, si longtemps muet.

Quand une femme écrit, elle écrit pour toutes qui se sont tués — mille ans, et se taisent encore — et se tairont.

Ce sont elles qui écrivent par elle.

— Que de choses je n'aurais pas comprises si j'étais née homme.

— Et que de choses vous auriez comprises.

— Lesquelles? Tout ce qu'un homme peut faire, les femmes (ou du moins quelques unes) — la femme — l'a fait: Jeanne d'Arc (guerre) Sonja Kovalevsky (mathématiques) ou peut le faire un jour, car je ne vois pas que la musique (en cas où l'on me reprocherait l'absence d'un Beethoven féminin) soit plus éloignée de la femme — que les mathématiques.

Un homme n'écrira jamais les lettres de la Religieuse Portugaise[887].

Un seul l'a fait — Rilke[888], mais qui voudra du mot *homme* pour lui, même au sens d'*humain*[889].

Эпилог к одной моей Idylle Cérébrale[890]

1926 г. — самое начало (2$^{\underline{го}}$ ноября 1925 г. приехала в Париж). Письмо от А. Б<ахраха>, просит повидаться. Назначаю. Вы-

сокий типичный еврейский молодой человек — разновидность — высокий. Не типичный высокий, но типичный еврейский молодой человек, долговязый. С большими глазами (или очками), с большими ушами и большими губами. Сидим в ч<ернов>ской кухне: — *все* Ч<ерно>вы (и не-Ч<ерно>вы, т.е. с ним — человек 12) и едим кровавую колбасу (будэн, — Виллэт — с кашей).

— А это, что́ Вы едите — кровавая колбаса. Она очень полезная: сгущённая кровь. В том куске, что Вы съели — правда, очень интересно? — целая бочка крови, конечно не бочка, но вроде. Между прочим, ее покупают на метры — здесь 2 метра — но она сильно садится. Здесь как раз бойни, и очень удобно. Она еще совсем теплая.

А.Б. — Гм...

И т.д., повышенно-деловито и участливо, с добротой и даже терпением — точно в ответ на его подробные расспросы (о колбасе).

Словом с колбасы не съехали.

Говорили, впрочем, кажется еще о Борисе З<айцеве>.

Год — не знаю, знаю — весна, положим — 1928$^{\underline{\text{ая}}}$. Пишу, очевидно после перерытия дебрей, т.е напав на какое-нб. его, Б<ахраха>, письмо, что очень хочу повидаться по-человечески, не на́ людях, не за едой, (NB! про колбасу — умолчала) и предлагаю встретиться на Ch<amp> de Mars — тогда-то — таким-то поездом (день, число, час). Если *не* может — пусть предупредит.

Данный час, день, поезд. Схожу на Champ de Mars, отдаю билет, подымаюсь по лестнице, вхожу в здание вокзала — *никого*. Жду возле вокзала 10 минут, спускаюсь с лестницы, сажусь в обр<атный> поезд. Дома — пишу: На вокзале была, но никого не было. Если шутка — глупая, месть — недостойная, ибо недостаточно крупная: что́ мне в том, что я проехала на Ch<amp> de Mars: *очень* люблю ездить на Champ de Mars! *Самолюбия* («стояла и ждала») у меня отродясь нет. Ведь *я́* стояла и жда-ла. Недоразумение? Слишком поздно ответил, что не может?.. — ??? —

Ответ: никакого письма не получал.

Я, вслед: — Что-то роковое, ибо адрес был верный и я сама оцу<стила?>. Что ж — попытаемся еще раз, но пусть назначает — он, м.б. у него более легкая рука.

Ответа — никакого. Дивлюсь — и перестаю думать. Через два дня — письмо: — Стоял и ждал — прождал 3 поезда подряд — Вас не было.

Я, в ответ: — Т.е. стоял и ждал — в Neuilly, почем же я знала, что будет стоять и ждать!

В ответ: — телеграмма его — мне: — «Жду Вас в Neuilly — тогда-то — таким-то поездом (подробности). Если не можете — известите». На телеграмме надпись: — Destinataire inconnu — т.е. вернулась.

Адр<ес> 2, Av<enue> Jeanne d'Arc — Meudon — мне — т.е. мой — и точный.

— ? —

Совсем-эпилог

Больше не писала и не пыталась. Еще через год — посылка. Открываю: *все* мои книги: Царь-Девица, Ремесло, Мóлодец, еще, еще... Почерк на бандероли — его. Понимаю и, делая вид, что принимаю за подарок, тут же раздариваю (необходимо было!) направо и налево всем Ч<ерно>вым (и не-Ч<ерно>вым).

Денег вернуть не было — никогда. Тем и кончилось.

Мур — $1^{го}$ сент<ября> 1932 г. (NB! мои записные книжки исписаны со всех концов, потому эти заскоки и перескоки дат. Блюсти точную хронологию — сейчас — нет возможности.)

Мур — $1^{го}$ сентября 1932 г.

— А есть люди с такими крепкими зубами, что могут откусить нос?

— Конечно. Один муж, например, откусил жене нос, и она пришла в суд и несла в руке нос.

— Артемов.

(NB! Тот самый художник, картину к<оторо>го он изрисовал.)

— Да, а этого мужа потом арестовали и посадили в тюрьму.

— И он сразу откусил нос полицейскому, и полицейский перестал *нюхать*... воров.

— Мама! Чтó бы Вы больше хотели: чтобы я был злым и умным или добрым и глупым?

(Я улыбаюсь.)

Он: — Знаю, знаю, чтó Вы сейчас скажете!

Молчу. Он, упоенно:

— Вот я Вам загадку задал! Ну и загадку я Вам задал! Ну и загадку!

Почему люди (мужчины) меня не любили

П.ч. не любила людей.

П.ч. не любила мужчин.

П.ч. я не мужчин любила, а души.

Не людей, а вокруг, над, под.

П.ч. я слишком много давала.

Слишком мало требовала.

Ничего не требовала.

Слишком многого (*всего*) ждала — и не для себя.

Слишком *терпеливо* ждала (когда не шли).

Никогда не защищалась.

Всегда прощала.

Всё прощала, кроме хулы на Духа Свята, т.е. — Эренбургу не простила хулы на *героя*[891], Геликону — (непонимания, глухости и слепости на́) Врубеля и Бетховена — и т.д. — и т.д.

Всё прощала — лично, ничего — надлично.

Всё прощала — пока лично, всё прощала — пока мне (но где кончаюсь — я??) но поняв, осознав кого, что́ во мне обижают и унижают, уже не прощала ничего, *вся* бралась (изымалась) обратно из рук.

Потому (боялись), что боялись «связаться».

П.ч. та́к по́просту «связаться» — нельзя.

«Развязаться» — нельзя.

(NB! Впрочем, одолевали и это!)

П.ч. у меня — имя (а это в цене).

Боялись моего острого языка, «мужского ума», моей правды, моего имени, моей силы и, кажется, больше всего — моего бесстрашия —

— и —

самое простое:

— просто не нравилась. «Как женщина». Т.е. мало нравилась, п.ч. этой женщины было — мало. А если нравилась, то бесконечно-меньше первой встречной, к<отор>ую любили бесконечно-больше.

И — пра́вы.

Мужчины ищут «страсти», т.е. сильного темперамента (душевные страсти им не нужны, иначе нужна была бы я) — или красоты — или кокетства — или той самой «теплоты» или (для жены) «чистоты» (той самой).

Не то́й страсти, не то́й красоты, не то́й игры, не то́й чистоты, во мне имеющихся.

Есть всё, но *мое*, единоличное, в *моей* транскрипции и — потому — неузнаваемое.

Ибо штампа всего этого ищут, общих мест.

NB! Я только потому та́к всегда напираю на свое *я*, что все (жизнь — первая) его попирают. Живи я с равными — я бы этого местоимения не употребляла.

Вместо *я* я так же свободно могла бы говорить Пастернак. (NB! ошиблась — 1938 г.) В иных случаях — Рильке. Во *всех* случаях — третье лицо: поэт.

Я мое — не единоличное. Только очень уединенное. Одинокое я одного за всех. Почти что — анонимное.

Я знаю, что таких, как я — много, но я их не встречаю и живу с не-я.

Негр — это Африка. Африка черна, а не данный негр.

Мур — 4го сент<ября> 1932 г.
— А французы ходят к Прокопенке?
— Да, конечно, он отличный врач.
— А он, *когда надо*, выдирает глаза?

Строки:

Не раскрывающиеся портфели —
И разрывающаяся душа

Мур, на улице:
— Упорный дом: стоит так прочно!
(Когда *поймет*, что это — стихи, и бу́дет поэтом.)

(Смерть Макса В<олошина>. Пишу «Живое о живом». Вечер его памяти в Кочевье[892]. Меня просят уговорить Бальмонта — моего соседа по Кламару.)

Милый М<арк> Л<ьвович>. Увы, с Б<альмонтом> ничего не вышло, наотрез отказывается и, когда его слушаешь — соглашаешься (как всегда — когда слушаешь поэта). Я *очень* долго его уговаривала, и *очень* ласково, ни длительность ни ласковость не помогли. Кроме того, он в ужасном унынии: — *ничего* не хочет и не ждет.

(NB! оказалось начало болезни)

Я о М. В<олошине> — пишу, и с увлечением.
Пишу Вам в чудном зеленом саду — чужом.

18го сент<ября> 1932 г. — строки:

Передёржки — предпосылки —
Их постельки и подстилки

Цельным телом, полным весом
Всей души своей могучей
Вытянувшись на той туче

(Тý тучу — помню: над железнодорожной насыпью — и далью — лежачую — могучую. 1938 г.)

Мур:

Enorme[893] — это значит больше, чем нормальный. А нормальные слоны — маленькие?

23го сент<ября> 1932 г.

— Там старуха живет, она вытряхивает свой плетеный свой грро—мадный ковер, шириной во всю улицу...

(Описание чьего-то собственного дома)

12го октября 1932 г.

— Мама! Вы заметили, какие у негров огромные уши? Длинные, длинные — и они все-таки не ослы!

1го октября, в парке

— Ну и вдова, мама, которая играет в футбол!

Мур — 24го Октября 1932 г.

Просыпаюсь при видении Мура — совершенно одетого.

— Мама! Я пишу роман. Как только я проснулся, я понял, что хочу писать большой роман и больше ничего не хочу.

(С раннего утра — упорно пишет.)

Jeanne[894] n'appartient ni à l'Eglise ni à l'Etat: l'Etat (Charles VII, son «gentil Roy» — de vile mémoire) l'a abandonnée, l'Eglise l'a brûlée.

Jeanne n'appartient ni à l'Eglise, ni à la Patrie (Société) ni même à la Chrétienté — ni à l'Univers. Jeanne appartient aux voix (qui appartiennent à Dieu). Si ses voix lui avaient dit: — Renie ton gentil Roy, passe aux Anglais — elle l'aurait fait.

(NB! 1938. — Non: elle aurait renié ses voix: «*Ces*-voix-ci ne sont pas les *miennes*».)

Nul n'a droit d'auteur sur Jeanne: la foi (version de l'Eglise) ne comporte pas le génie militaire et le génie militaire ne com-porte pas la sainteté.

Jeanne avait la foi, *donc* elle commandait les troupes — sottise.

Jeanne aimait son pays, donc elle entendait des voix — sottise version Michelet[895] — plus sotte encore.

Un miracle ne s'explique que par un miracle.

On est sûr de soi si on sait derrière soi une chose plus grande que soi.

On est infaillible lorsque cette chose est Dieu.

Le voix qui commande donne aussi les moyens (génie militaire).

La grandeur de Jeanne est dans sa fidélité (la fidélité de son *ouïe*).

— Jeanne est-elle une valeur personnelle?

Qu'est-ce que la valeur personnelle, existe-t-elle et en quoi se manifeste-t-elle?

Toute haute valeur est impersonnelle.

La persévérance-même — n'est-elle pas un don?

...Sainte-Jeanne — fait et *est* moins que Jeanne.

Notre Jeanne-des-Victoires (Etat) — fait et *est* moins que Jeanne.

Nul n'a droit d'auteur sur Jeanne, ni droit de propriété[896].

(Отрывки, из к<отор>ых бы мог выйти толк.)

La *foi* de Jeanne n'est *rien*, ses voix sont *tout*[897].

(Здесь кончается вторая лиловая (дов<ольно> большая) записная книжка — Carnet.

Очередная будет маленькая красная кожаная толстенькая, с резинкой — и одновременно — желтая картонная черновая, высокая и узковатая, с красным корешком: Мёдон, 1931 г., часть выписок — по 1932 г. — уже сделана[898].)

Выписки из Муриной рисовальной тетрадки,

— с картонок — из последних записных книжек, обнаруженных:

— Это — Англичанка, это — саламандра, это — просто такие уши. Это — дверь, это (с негодованием) — просто такие рисунки. Это всё — посуда: бокалы, вилки и ложки, тарелки и котлеты. А это — дядя сидит в кресле.

— А почему ты ей платье не раскрасил?

— Так. Платье само по себе какое-то красочное, красивое.

(Мёдон, 23го ноября 1931 г., 6 л. 9 мес. 3 недели)

(Рисунок в тонкой зеленой горизонт<альной> тетради — Dessin.)

Из Carnet Médical —

лето 1934 г., Elancourt

...Comme toutes ces choses, terribles d'en bas, sont inoffensives, voire — drôles — vues *un peu* d'en haut (par la fenêtre d'un wagon!)[899].

За границей еще не создана поэма тоски. Никто. Только я. (Тоски = силы (синоним), и тоски-силы (тоскующей силы).)

...И между другими хатами —
Одна — как ведьма лохматая

(С папиросной коробки «Gitanes» — Celtiques не было — идя с Муром к Фр-там, за гвоздями.)

...Чтó нужно кусту от меня,
Чего бы уж нé было — вдосталь...

...А может быть — вспомни любовь! —
Мы только хотим — чтó имеем?
И каждое дай есть — не *мне*
Дай, *меня* — дай...
(не надо)
И каждое нé дано —

...Мое лицо — с лицом земли

Не угодила — гадинам
(25го сент<ября> 1934 г., почти день рождения)

...По мановенью — *моему*
Ходи | и двигайся
Дыши |

Люби и гневайся

Мне родинка твоя —
Дороже родины

(Тáк. Никому. Никому бы и не сказала — п.ч.: 1) унизительно 2) ненавижу родинки (не у детей), — что-то самое плотское. Но тáк могла бы Федра — Ипполиту — но для нее (понятия) *родины* — не было. А в общем — хорошо. Формула.)

— J'ai un panaris à l'abdomen![900]
(Мур — своей учительнице, Окт<ябрь> 1934 г.)

L'amant de Lady Chatterton[901]

Первое впечатление: с конца.

Книга кончается неожиданно и неприятно-счастливо. Она или он должны были бы умереть от разрыва сердца. (Лучше — один, п.ч. *оба* — тоже счастье.) Тогда всё было бы оправдано и возвеличено до Эмпирей.

Очень хороша первая и вторая встреча L<ady> Ch<atterley> и Лесничего, все первые две трети книги.

Сцена с цветами (повсюду) сентиментальна и безвкусна. (Особенно смехотворно перечисление и местоназначение цветов: туда — незабудки, сюда — крокус, и т.д.) Уж если *цветы* — то лучше La Faute de L'Abbé Mouret[902] — с целым садом: *целым* — сада.

Но, вообще, пошлость ассоциации.

Хороша — она, плох (неудачен) — он: демоничен и байроничен, слишком духовен для такой физики, какой-то принципиальный любовный Геракл.

Вроде пропагандиста.

Все *ощущения* книги — верны, а большинство рассуждений героя — излишни.

Такое ощущать она должна была бы от совсем простого — любого — хотя бы гондольера Джиованни. От *бессловесного.*

Лесничий (бывший — коновалом, бывший — офицером) — пересложнен.

Нехороша его словесная грубость: называть вещи своими именами, да еще все — и всеми. Я бы предпочла его словесно-почтительным, или вовсе бессловесным.

Гениален в книге Лоренс, а не герой. Герой — глуп. (Значит — и Лоренс глуп.)

Настоящие любовники не занимаются настроениями углекопов.

Невероятен (по грубости) отец во встрече с Меллорсом. Непристоен до неправдоподобия.

Хороша — безукоризненно — она. И infirmière[903]. И — даже жена. Все женщины.

Мужчины — тени.

Странная книга. Прекрасная по авторскому бесстрашию. Но есть тошнотворность, перегруженность *сластью* — пресыщающая — и отвращающая читателя.

С третьей трети — тошнит.

...С миром — в мире:
На буксире!

С миром — в споре:
На отпоре!

Мур: — Разное — утро и вечер. Вечером — всходишь точно на горку и смотришь.

...Покаместь душу выдавят...
А мне еще — завидуют!

31го дек<абря> 1934 г. — сороковой день[904].

Стояла на его могиле и думала: здесь его нет, и там его нет: здесь — слишком местно (тесно), там — слишком просторно (All)[905], здесь — слишком здесь, там — слишком там[906]. *Где* — тогда?

(О Днепре без порогов)
— Я сама — Неясыть!

Не сытá моя суть —
Я сама — Неясыть!
(Январь 1935 г.)

— Я такой волчий медведь только потому что меня никто не любит.

(Метро Mairie d'Issy — crie du cœur[907] — 24го янв<аря> 1935 г. Мур)

11го февр<аля> вторник — без четверти четыре — весть о тяжелом заболевании С.М. В<олконского> (сердце). Сейчас еду в П<оследние> Нов<ости> — узнавать, потом, м.б., к нему.

(Померанцы с <фраза не окончена>

Май 1935 г.

Когда старая женщина говорит: — «Когда я была молодая» — даже этому не верят, точно молодость та же красота.

Иногда нужно предпочесть, в стихах — общее место — острейшей подробности — ради потока. Т.е. фразу, период — эпитету, и поток — образу, к<отор>ый иногда, именно единственностью своей — тормозит.

Что-то ранее нас — умерло...

Ты меня поцелуешь — мертвую,
Как тогда целовались — мысленно

Любовь была зла. Никто меня милой
Не звал — *ты*, соловей! —
Я жизнь прожила — счастливая силой
Своей, *жилой* своей!

были зла. Кто, кто меня телом
Покрыл — от —
Я жизнь прожила — счастливая делом
Своим, мелом своим!

---

2 1
(жаром — даром)

...Я в рай добрела — ведóмая — (чарой?)
Своей: лирой своей!

(Всё здесь — от ударения, до-смысловой настойчивости: звуковой навязчивости повторения (подтверждения). *Мое* дело — заполнить *должным*. Здесь как нигде дана звуковая канва (звуковой *канат*).)

...Seule une femme pour porter le poids d'une âme (j'aurais mis «*mon* âme» — si ce n'était pas un équivalent)[908].

«Поэзия» — «поэзия» —
Да знаете ли вы

Благородство (поведения в трудных случаях жизни) есть не то последствие, не то ‸причина бесстрастия.

Абсолютно-страстный человек не может быть абсолютно-благородным.

(Записано в Госпитале Ville-Juif, 15го июня.)

Между годовалым ребенком (лицо!) и 80летним им же — *ни дня* перерыву.

— Он его тоже посмотрел... — сестра, показывая мне Мурин аппендицит (*знаю*, что appendix, но привыкла — та́к).

(Для «Чорта»)
Деление серебра на горсточки, горочки, стопочки.

Серебряные стопочки отражаются в глубоком *ломбере* стола.

(Знаю, что l'Hombre — jeu de l'Hombre[909] — и, кажется, одна — знаю, но здесь беру *ломбер* как материал: из-за глубины звука — и отражения.)

Это — приписка 26го мая 1938 г., переворачиваю страницу — и: «Ибо ломбер (l'Hombre) от долгого словесного (невежественного) и игрального употребления уже стал ЛОМБЕР — древесной и металлической породой».

Н.П. Г<ронский>
Зерна богатой барышни. — Губная помада. — Бритье (мячик). — Jouy-en-Josa<s>[910] (нигде) — скалы, сосны, спящий город, арка, помост, кафэ.

Возвращение route nationale[911] — с его громким о́ром (песнями: один — как целый хор).

Шавильский желанный дуб. — И еще одно желанье. — Версальские леса, папоротник, вереск, листва, саблиэры.

«Старушки». Иду к «старушкам».

— Иду домой: своих кормить.

Рынок, кожаная кошелка.

— Ты еще немножко слишком громок.

Дружба с С.М.

Игранье моей головой — отрастающей.
— Как Вы похожи на волка!
— Глупости! Я похожа на Вильгельма.
— Нет! нет! Именно на волка, особенно — нос.
— Если я — на волка, то Вы на Марью Царевну, с картинки Репина — помните? Волк увозит Царевну.
— Иван-Царевич увозит!
— Нет, Волк.

Он: — А Вы замéтили, что у Вас с Марьей-Царевной — одни инициалы?
— Я не Марья-Царевна, а Марья Моревна — помните: — «Я поеду воевать, а ты сиди дома и занимайся хозяйством»[912].
— Это я́ — займись хозяйством? Впрочем, я великолепный хозяин, спросите маму. Вы сколько варите pot-au-feu?[913]
— Часа полтора.
(Он, торжествуя) — А я — три.
...Но Вам Марья не идет. Вы Марина Моревна — от моря.
— Просто скажите — морское чудище.

В другой раз, на саблиэре, в вереске
— Какие волчьи волосы! Совершенно — волчий мех!
— Глупости. Это — седины.
— Что-о? Седины, это *матрона* — что-то торжественное — Рим или Новгород. А это *просто* волчья шерсть. А сверху — золото.
— Еще скажите — волчий хвост! Помните, у Жуковского — в золотой сетке![914]

(Хотела писать его — живого. Не довелось. И только всего осталось:

— Погляди как в час прибоя
Лес играет сам с собою.
— Так и ты со мной играл[915].)

(Конец Carnet médical)

(ДРУГАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА: УЖАСНАЯ: ГРЯЗНЕЕ ГРЯЗНОГО, КАРАНДАШНАЯ, СОВЕРШЕННО-НЕЧИТАЕМАЯ.

Жажду уничтожить).

Что такое мужская дружба? Любовь есть жажда — потери себя в другом, дружба — обретения себя в другом. Над дружбой всегда третье — то, ради чего — по Гронскому:

— Восток был отперт на простор[916]

и — Нашего полку прибыло.

(Над любовью (душой ее) — всегда *третий*, бывший или будущий, угроза, смерть.)

А любовь — тупик. Выход — смерть. (Дружба — бессмертье.)

Если бы я в ноябре 1934 г. *любила* Н.П. Г<ронского> я в ноябре Х-вого года его — разлюбила: забыла.

<Вклеенная газетная вырезка:>

— В Египте найден дневник школьника, относящийся ко II веку до Р.Х. В нем подчеркнуты слова Гомера, что богини часто выбирают мужей среди смертных людей.

(П<оследние> Н<овости> — 26го июня 1938 г.[917] — Оправдание тщательности моих записей. Ибо наверное и тогда были войны — и всякие великие события. А школьник — читал и выписывал. Писал — и подчеркивал. Этот школьник для меня покрывает всю мою современность. Этот школьник IIго века до Р.Х. — мой современник. Ибо он так же жил прошлым — как я. *Гомером* — как я. И нам скоро обоим будет — столько же лет. (Нисколько — лет.))

А та́к — отрешенно, чисто и кровно (та́м — кроваво!) я буду помнить его вечно, болеть будет вечно. Моя боль — *о нем*, а не о себе без него.

Приезжайте[918] в П<ариж>. Расскажу. То, чего никогда не прочтете — даже в моей рукописи о нем, живом, даже в нашей переписке, где он считался с детской ревностью моей дочери, а я — не хотела быть ему слишком *всем*. Переписка с обеих сторон чрезвычайно *бережная*. Он считался с моей семьей, я — с его юношеством, — и оба с временем и местом. Мы же должны были скоро, скоро встретиться и *всё* друг другу сказать!

Я бы Вам не рассказала, я бы Вам показала его.

«Трагических обстоятельств» не было. Он был счастлив. Его все любили. Он готовил свою книгу и ни в кого не был влюблен. Он только что был у матери, только что посадил ее на автобус (Мама! осторожней!) и вез своему старому морскому другу — в Мёдон — чужой морской бинокль. Мы с Г<ронским> под поезд с чужими Цейесами *не* бросаемся.

«Eux que le départ d'une femme ou la fuite du temps inspire...»
(Aragon, crieur public)
«Les prodiges ne sont plus dans les eglises, ils sont dans la rue...»
— Ils étaient quelquefois dans les champs... Sur mer aussi...
(Jésus, Jeanne d'Arc)[919]

...Во всю величину залива

В ответ на слёзы мне «Колхозы»,
В ответ на чувства мне «Челюскин»[920]
(Б.П. и я — Писательский Съезд 1934 г.[921]
июнь)

...Дорогой Б<орис>, я теперь поняла: поэту нужна красавица, т.е. без конца воспеваемое и никогда не сказуемое, ибо — пустота et se prête à toutes les formes[922]. Такой же абсолют — в мире зрительном, как поэт — в мире незримом. Остальное всё у него уже есть.

У тебя, напр., уже есть *вся я*, без всякой моей любви направленная на тебя, тебе экстериоризировать меня — не нужно, п.ч. я все-таки окажусь внутри тебя, а не вне, т.е. тобою, а не «мною», а тебе нужно любить — другое: чужое любить.

И я дура была, что любила тебя столько лет напролом.

Но мое дело — другое, Борис. Женщине — да еще малокрасивой, с печатью *особости*, как я, и не совсем уже молодой — *унизительно* любить красавца, это слишком похоже на шалости старых американок. Я бы *хотела* бы — не могла. Раз в жизни, или два? — я любила необычайно красивого человека, но тут же возвела его в ангелы.

Ты был очень добр ко мне в нашу последнюю встречу (невстречу), а я — очень глупа.

Логически: что́ ты мог другого, как не звать меня <фраза не окончена>. Раз ты сам не только в ней живешь, но в нее рвешься. Ты давал мне лучшее, что́ у тебя есть. Но под всеми твоими навязанными в любовь бабами — была другая правда: и ты *со мной* был — по одну сторону спорящего стола.

Я защищала право человека на уединение — не в комнате, для писательской работы, а — в мире, и с этого места не сойду.

Ты мне предлагал faire sans dire[923], я же всегда за — *dire*, к<отор>ое и есть *faire*[924]: *задира* этого дела!

Вы мне — массы, я — страждущие единицы. Если массы вправе самоутверждаться — то почему же не вправе — единица? Ведь «les petites bêtes ne mangent pas les grandes»[925] — и я не о капиталах говорю.

Я вправе, живя раз и час, не знать, чтó такое К<олхо>зы, так же как К<олхо>зы не знают — чтó такое — я. Равенство — так равенство.

Мне интересно всё, что было интересно Паскалю и *не* интересно всё, что было ему *не* интересно. Я не виновата, что я так правдива, ничего не стóило бы на вопрос: — Вы интересуетесь будущим народа? ответить: — О, да. А я ответила: нет, п.ч. искренно не интересуюсь никаким и ничьим будущим, к<отор>ое для меня пустое (и угрожающее!) место.

Странная вещь: что ты меня не любишь — мне всё равно, а вот — только вспомню твои К<олхо>зы — и слёзы. (И сейчас плáчу.)

Однажды, когда при мне про Микель-Анджело сказали биф<ш>текс и мясник, я так же сразу заплакала — от нестерпимого унижения, что мне (кто я́, чтóбы...) приходится «защищать» Микель-Анджело.

Мне стыдно защищать перед тобой право человека на одиночество, п.ч. все стóющие были одиноки, а я — самый меньший из них.

Мне *стыдно* защищать Микель-Анджело (одиночество) — оттого я и плачу.

Ты скажешь: гражданские чувства М<икель->А<нджело>. У меня тоже были гражданские — т.е. героические — чувства, — чувство героя — т.е. гибели. — Не моя вина, что я не выношу идиллии, к к<отор>ой всё идет. Воспевать к<олхо>зы и з<аво>ды — то же самое, что счастливую любовь. *Я не могу.*

(Набросок письма карандашом, в книжку, на скворешной лестнице, в Фавьере, пока Мур спал. Письмо было лучше, но Б.П. конечно его не сберег.)

(Одновременно — другому: последнему, к<оторо>му я нравилась — пишу это в те же дни (июньские — четыре[926] года спустя))

...Главное, чего *не* забудьте:

я в Вас не влюблена, я по Вас и без Вас *не* томлюсь, мое «скучаю» значит: рада была бы здесь с Вами ходить и беседовать. И еще — привыкла.

У меня к Вам — братское чувство, *одной* семьи. Ни малейшей ревности — женись Вы завтра, я за Вас была бы счастлива, а за себя — спокойна, что никогда уже не смогу Вам сделать никакого зла.

Мне в жизни нужна не влюбленность, а понимание и помощь.

Будь я *совершенно* свободна, я бы Вам сказала то же самое, я бы никогда не соединила своей судьбы с Вами — и ни с кем уже.

Поэтому — умоляю: забудьте обо мне как о женщине — во мне ее так мало.

Если мне тогда хотелось к Вам прислониться — то с той же нежностью как к каштану — при чем тут *пол?* И не сделала я этого только потому что Вы *не* каштан.

(NB! После этого сразу и навсегда перестал писать и «любить».)

Я могу раскрыть руки — только от безмерности души моей, от невозможности встретить ровню — или хотя бы ровесника всех моих возрастов, соотечественника всех моих климатов, включая в это объятье и всех молодых женщин, которых Вы будете любить.

И Вас — любя!

Не: Вас — любя!

Получить меня легче чем понять.

Мур — 21$^{\underline{го}}$ июля 1935 г.

— Он любит свою жену — точно она из сахара. Или из стекла.

(В ответ на мои стихи:

Небо — синей знамени,
Сосны — пучки пламени...)[927]

— Синее знамя? Синих знамен нет. Только у кана́ков.

Пучки пламени? Но ведь сосны — зеленые. *Я* так не вижу, и никто не видит. У Вас белая горячка: синее знамя, красные сосны, зеленый змей, белый слон.

Как? Вы не любите красивой природы? Вы — сумасшедшая! Ведь *все* любят пальмы, синее море, горностай, белых шпицев.

Для кого Вы пишете? Для одной себя, Вы одна только можете понять, п.ч. Вы сама это написали!

...От сто́лького — увяла
Душа — роско-шест-ва.
Поэту нужно — мало,
Его легко сыта
Душа

Мур: — Поэт — кто поет.

(Тому же — *до* письма о каштане)

...Нынче приезжал овощник — красавец, и жена его — красотка, и ребенок — красавец. И я подумала о Вас, пожелала Вам — такой жены, говорящей: — Moi, je ne décide rien. C'est mon mari qui décide, moi — je *suis*[928]. И такого ребенка, еще ничего не говорящего.

П.ч. *это* дает *мир*, а не дружба со мною.

Я этого мира — никому не дала.

Будь я даже на все 20 л. моложе, я бы Вам этого мира никогда не дала, и не по строптивости, а по невозможности — в полной чистоте сердца — сказать первому встречному — с радостью, и даже с гордостью: Moi — je le suis.

(Мое suis[929] — *есмь!*)

П.ч. над каждой любимой головой я видела — высшее: хотя бы голову — о́блака, и за это высшее *всегда* — внутри себя — отдавала все земные головы, свою включая.

Со мной — счастья — нет.

Маршрут в Lavandou[930].

Спуститься до римского колодца и — мимо куч сухого тростника — тропинка виноградником — глубиной тростников. — Мост. — По тропинке мимо домика — полем до проволоки — направо.

(Конец ужасной прахо́вой записной книжки.)

(Костяк блок-нота)

Мать — это *об*нимать, *по*нимать, *у*нимать, *под*нимать.

— Очень старый листок, карандашный, Берлин 1922 г. лето —

...Думаю о расставании. Что́ во мне расстается — и с чем? *Мной* владело — и без ведома, во всяком случае без *участия* того, *что́* владело. Здесь потеря равна освобождению, но освобождаешься ли по *воле* от того, что завладело тобою помимовольно.

Можно выходить только из-под чьей-нб. воли. Там где *воли* чужой (ведома!) не было, там и освобождения нет.

Луч. Но у него *одна* дорога. Да, и эта дорога сейчас как раз моя, и не могу я ради свободы свернуть направо или налево.

— М.б. сам повернет? — согласно солнцу. Ибо только прожекторы прыгают, у луча — закон.

———

(NB! Темно, но достаточно ясно.)

———

...Главный мой грех — если уж по чести — непогрешимость. (Сознание ее!)

———

Богом становишься через радость, человеком через страдание. Это не значит, что боги не страдают и не радуются — человеки.

———

Мур — март-май 1929 г. (4 года) — Из Алиных записей.

— Какая сегодня у нас погода раскрашенная!

———

— Сейчас будет грох.

———

— Когда у кошки вырастут руки, она будет мыться губкой?

———

...Глазки — голубые, нос маленький, крючком, уши — серые, собачиные, ротик — красный, щеки — огромные, страшный подбородок, малиновые брови...

———

— Хулиган ищет свою пару чулков.

———

— На свинью надета хря-хря-хря.

———

— Погода совсем новая.

———

Достать с на́-пола

———

— Радз<евич>, ты не ешь апельсин, он соленый!

———

Раньше — январь 1929 г.
— Я не ты.

———

— Я засучиваю рукава, чтобы лучше держать barnrn. — Мура пришел к папе с визитом. — Папа, вставай, лентюга! — Снять салфицу (раньше: фати́цу). — А у Бомаршэ (Bon Marché)[931] — есть колеса? — Папа, в какую сторону садится поезд? — А у тебя есть одышка, малокровье? (NB! Вопрос — всем гостям.)

———

Февраль.
— Шахматы —
— Конь съел собаку. Пешка съела королеву и убежала. Пешка проглотила королеву.
— Владик[932], когда я буду твоей женой, я буду тебя кормить. — Книга меня руручит. — Медвяк (медведь). — Ба́ю, ба́ю, я козляю. — Я не шага́ин, это Лев — шага́ин (хозяин). — Из кодпапусты (из-под капусты). — Как говорят когда едят? Поглабoрадить? — Скрипщик. Лу́рщик. Умерел, умурул. — Если синее и желтое — получается грязь. — Я вчера взял ножницы и нацелился, а его нет нигде. — А кошки любят ангелов? — А микетка любит Жанну д'Арк? — Нет, она других микэтов любит. — Мать течырех Петров (сказка Андерсена: Мать четырех ветро́в). — Фылинский глаз на небе сверкает. Фылинский глаз, зоологический сад. (Вариант: после сверкает: — Директор — зоологический сад.) Кто-то: — Здоровый мороз! Мур: — Мама! Мороз выздоровел! — В комнате Евразины[933] (вроде — образины). — Когда люди спят, петушки им подпевают.

———

— Немножко раньше, 1-го февраля, день рождения (4 года) — Алина запись.

— С утра нашел на столе découpages — La belle au bois dormant и La biche au bois[934] и фартучек (ненависть!) а в кармане тетрадка и карандашик. Надел новый костюм. После сна пришел Владик с огромной лошадью, страшно грохочущей. Потом А<лександра> З<ахаровна> и Лелик. Л<елик> принес громадную корзину с яблоками, апельсинами и бананами и играл с Муром в découpages. Когда ушел Л<елик>, пришла Веса́нна со сводными картинка́ми и мячиком. В сказке про Кащея — на вопрос как он кричал — ответил: — Ка́к? сейчас узнаю. Сейчас вспомню. Сейчас скажу. Как слон мычит.

———

Две ёлки (Алина запись).

1) Наша, в Сочельник. Гости: Весанна[935], Лель, Владик, М<ария> С<ергеевна> и К<онстантин> Б<олеславович>[936]. Подарки принес Дед-Мороз в мешке: стройка от папы, карандаши от меня, барабан от Радз<евича>, зайца, машину и козлов от Весанны. Деду Морозу орал: — «Мура умный! Мура хороший! Я себя хорошо вел!» Очень понравился барабан. От мамы получил столик.

2) У Б<огенгард>тов[937]. После длиннейшей дороги в поезде, метро и трамвае — особнячок. Встречают радостно, меряют Мура с Сережей, Мур больше. Гости (дети) — две французских девочки, два русских мальчика и мы. Елочка маленькая, в горшке, служит уже вторую зиму. Подарки — волчек, музыка джаз-банд и мячик (мне — чашку) и две корзинки со сладостями. Еще козел.

Март 1929 г.

— Когда я бегу, у меня сзади мешок с корабликом.

Мама: — Если ты будешь есть колбасу, а другой будет смотреть — чтó нужно сделать?

Мур: — Дать ему по морде. (В другой раз — на тот же вопрос:) — Дать ему картошку.

— Много воды поправляет кашель. —

Мур рисует. Аля спрашивает: — А чтó это за кружкú — румянец?

— Нет, это сия́нец.

Белая лошадь сидела на снеге,
Она скользкая без сиденья.
А Бобик вышел из подворотни.
В подвале река с супругом.

Май 1929 г.

— Я не хочу, чтобы священники были бритые, а чтобы с волосами!

(Адам и Ева) — Мадам Гиэна.

Мурина первая франц<узская> фраза (июль 1929 г.)

— Donne bonbon gamin s'il vous plaît[938].

Солдат-убивальщик.

Мне хочется с папой венчаться.

— Петр Петрович, Вы — шина мясная (Michelin)[939].

— Аля гадкая очень, сломала свою лошадку.
— А рифма где?
— Какая арихва??

Мур нá море (Понтайяк)
— Савва, соблазни пожалуйста нашу собаку!
— Эх ты, старый букан!
— Мур упал с поезда, большого, длинного, нехорошего, у Мура нога болит (это — ночью, и после этого хромает).
— Моталь-Матвевна[940], уходите с дороги, старая змея!
— Марьяша (К<арсави>на, 18 лет) — моя подруга любимая.
— Мороженое — вещь очень вредная для больших.
— Савва, нáте Вам печеные окурки!
— Какая тетя уродистая!

(Конец Алиным записям.)

Еще Алины записи — на дне коробки

26го сент<ября> 1927 г. (Муру 2 г. 7 мес. 26 дней)
— Полотенца, пошло вон!
— Почему?
— Пошла, пошла в угол, полотенца, ты грязная и глупая!

— Аля, не сиди на сундуке!
— Почему?
— На сундуке неинтересно, пускай лучше Мура сядет!

— Пускай Аля лучше суп ест! Он не оцень кусный, он сладкий такой!

Визит С.М. (27го ноября 1927 г., Муру 2 г. 9 мес., 27 дн<ей>)
Мур, на вопрос о стихах (знает ли он какие-нибудь стихи)

Старый барабанщик шляпу снял,
Немец это видел   сказал:
— Вы моя надежда, я твой идеал, —
Ах, зачем, зачем я шляпу снял?!

— а на вопрос С.М. о песне — и затем самоё песню:

— Спой мне песню, как девица
[...]
Спой мне песню, как синица
Тихо за́ морем жила[941]

— «Была синица, была еще синица, еще синица — *много*. Они все пошли гулять. Шли, шли, прибежали разбойники. Убежали — разбойники. У синицы была морда, глазки, волосы, ручки, башмаки».

19го ноября 1927 г. — разговор с Гризо (? совершенно не помню, м.б. та́к Аля звала Владика, я никакого Гризо не знала)
Гр. — Кошка мулями пахнет.
Мур: — Да, да, Му́лом!
Гр. — А ты любишь мули?
Мур, показывая себе на живот: — Да!
Гр. — А ты хочешь есть мули?
Мур, возмущенно: — Ннееет!

(NB! Он понимал, что речь — о *нем*.)

16го ноября
— Папа, пусти своего кота, твоего сына!
1го декабря
— Мама, поцелуй своего сына, кота любимого, под хвост!

11го дек<абря>
— Аля, ты ужасная шутка!

3го дек<абря>
Мура надевает штаны и палталоны.

— Папа, хотите черного кофе с молоком?

21го дек<абря> — Почему у Зозефины усы мокрые?

14го дек<абря> — таща кошку за хвост: — Вот две кисы едут на поезде.

22го дек<абря> Когда мама ушла, Аля взяла мех и стала пудриться, вот так, вот так, вот так. (Показывает на́ голову.)

23го дек<абря> — Аля! Какая у тебя кофта чудная! Вся рваная, шелушится, и в паршаф.

23го дек<абря> — Кто тебе Аля? — Аля — братья.

16го дек<абря> — Муре нужно намазаться папиной мазью, у Мура паршаф, ужасный паршаф.

20го дек<абря> усиленно рассказывал Д<митрию> П<етровичу> про Кащея, а уходя спросил: — А М<ир>ский — очень страшный старик?

24го дек<абря> — А почему Лелик ночью не играет на скрипке?

(Мое, на картоне блок-нота)

Мур — 20го дек<абря> 1929 г.

— Вот когда я состарюсь...

Мур: — Вы не состаритесь! Я позову чóртов и они Вас *сделают*. Молодой сделают.

29го дек<абря> 1929 г. — Удар ветра. Мур: — Я знаю чтó это. Это ветер сердится на своих ветряток.

— Кто французов сделал?

— Бог.

— А почему он французов — так много сделал, а русских — так мало?

— Мур, ты когда будешь большой поедешь на полюс?

— Где снег?

— Снег, плавучие ледяные горы, спят в мешках, ни травки, ни лавки...

— Я буду *мимо* путешествовать.

Я (дек<абрь> 1929 г.)

С какой-то минуты отсутствия человека мы пишем письм*ам*.

St. Laurent — канун Алиного 17летия — дописываю последние строки Мóлодца[942].

Мур — 2го Окт<ября> 1930 г., С<ен> Лоран, последние дни

— Как меня сейчас блоха укусила! Это еще ничего когда блохи кусаются! Вот когда люди кусаются! А когда мясники кусаются — самое опасное!

Письмо к С.

— Милый папа! Отчего Вы мне Benjamin[943] не присылаете, самого обыкновенного? Приедем скоро (*о!*). Встретьте нас пожалуйста в Gare de Lyon[944] и возьмите И<русю>, чтобы она встре-

тила. Вчера мы были в шато[945], там пили чай с крендельками, и я съел *массу* крендельков, и даже у меня желудок сделался плохой, неважный. Вчера приезжал Бюффар в красном автомобиле. Сейчас пашут, а коровы у нас звонят — только они в хлеву заперты. Вывезли тачку, и я ее катал, а потом перестал.

До свидания, папа (шепотом: где моя лейка?!) прощаюсь с Вами, где Вы сейчас находитесь?

(собственноручно: Мура)

Мур — 23го февраля 1934 г. (9 л. 23 дня) — 1ый школьный год

Вот я сегодня глядел на учительницу и думал: — Вот у нее есть какая-то репутация, ее знают в обществе, а мама — ведь хорошо пишет? — а ее никто не знает, п.ч. она пишет отвлеченные вещи, а сейчас не такое время, чтобы (писать) читали отвлеченные вещи. Так что же делать? Она же не может писать другие вещи[946].

Первая школьная consigne[947] (со слов нынешнего Мура)

Задали тему для сочинения Charlemagne[948], и нужно было сказать, что́ сделал с оставшимся золотом St. Elois. А я написал: — Il s'acheta une patinette.

— Qu'est-ce que ça signifie?[949] — мне сказали. Я пожал плечами. А потом дали consigne.

Из оставляемой тетради — зима 1931 г.—1932 г. — Поэт и Время (средне-большая, рыжая)

— Стихи — как всё что́ чрезвычайной важности (и опасности!) — письмо зашифрованное.

Стихи: созвучие смыслов.
(Кламар, 23го апр<еля> 1932 г.)

Внешняя рифма только путь к рифме внутренней, слуховое созвучие только путь к смысловому созвучию.

Душе, чтобы писать стихи нужны впечатления. Для мысли впечатлений не надо, думать можно и в одиночной камере — и м.б. лучше чем где-либо. Чтобы ничто не мешало (не задевало). Душе же необходимо, чтобы ей мешали (задевали), п.ч. она в состоянии покоя не существует. (Покой — *дух*.) — (Что́

сказать о соли, к<отор>ая не солёная... Чтó сказать о боли, к<отор>ая *не* болит?..) Покой для души (боли) есть анестэзия: умерщвление самой сущности. Если вы говорите о душевном покое, как вершине, вы говорите о *духовном* покое, ибо в духе боли нет, он — *над*. (...Или вы говорите о физическом здоровье.) «Я знаю, я породил *смертного* сына» — есть ответ духа Гёте, Гёте — духа, des Geistes — Goethe[950]. Есть ответ *бога*. Душа его болела как у всех — и больше, ибо после этого бессмертного ответа — смертный живой поток крови, *чуть* не унесший — душу, *которой он и был*. Душа знает одно: болит. *Есть* одно: болит. *Как* болит — стихи. «Переболит» — быт: дурной опыт.

— Творческая воля есть терпение.

28го апр<еля> 1932 г.

Мур — 10го янв<аря> 1932 г.

Мур — смесь лукавства и гордости:

— Раньше реки тихо текли — и теперь так текут...

— Не только деревни, не только избушки, но и дерево, и этого бы дёрева никакими топорами не вырубить...

(Отрывки из моего «Искусства при свете Совести», к<отор>ое однажды при нем читала вслух Але.)

— Как страшно, д.б., резать человека, как это д<окто>ра могут?

— Учились — и крепкие нервы.

— Они наверное *в очках*.

— Когда будет Поэт и Время*), я буду говорить гораздо проще. Нужно, чтобы у Поэта было время, а для того, чтобы у поэта было время, нужно достать время: *расковырять* время.

(31го янв<аря> 1932 г., 7 л. без одного дня)

Во сне (я)

— Совесть должна разучиться спрашивать: за чтó?

Мур — Пасха 1932 г. (1го мая 1932 г.)

Страстная Пятница

Мур — до исповеди, припоминая:

— Черти. — Злопамятность. — Ругань. — Драка.

---

*) Говорит о моем предстоящем чтении[951].

... — Наоборот: я их ненавижу. — (Увещевания священника.) — Ну, прощать-то я их м.б. и буду, но уже любить — *не-ет!*

———

Аля рассказывает сон, мрачный (две ночи)

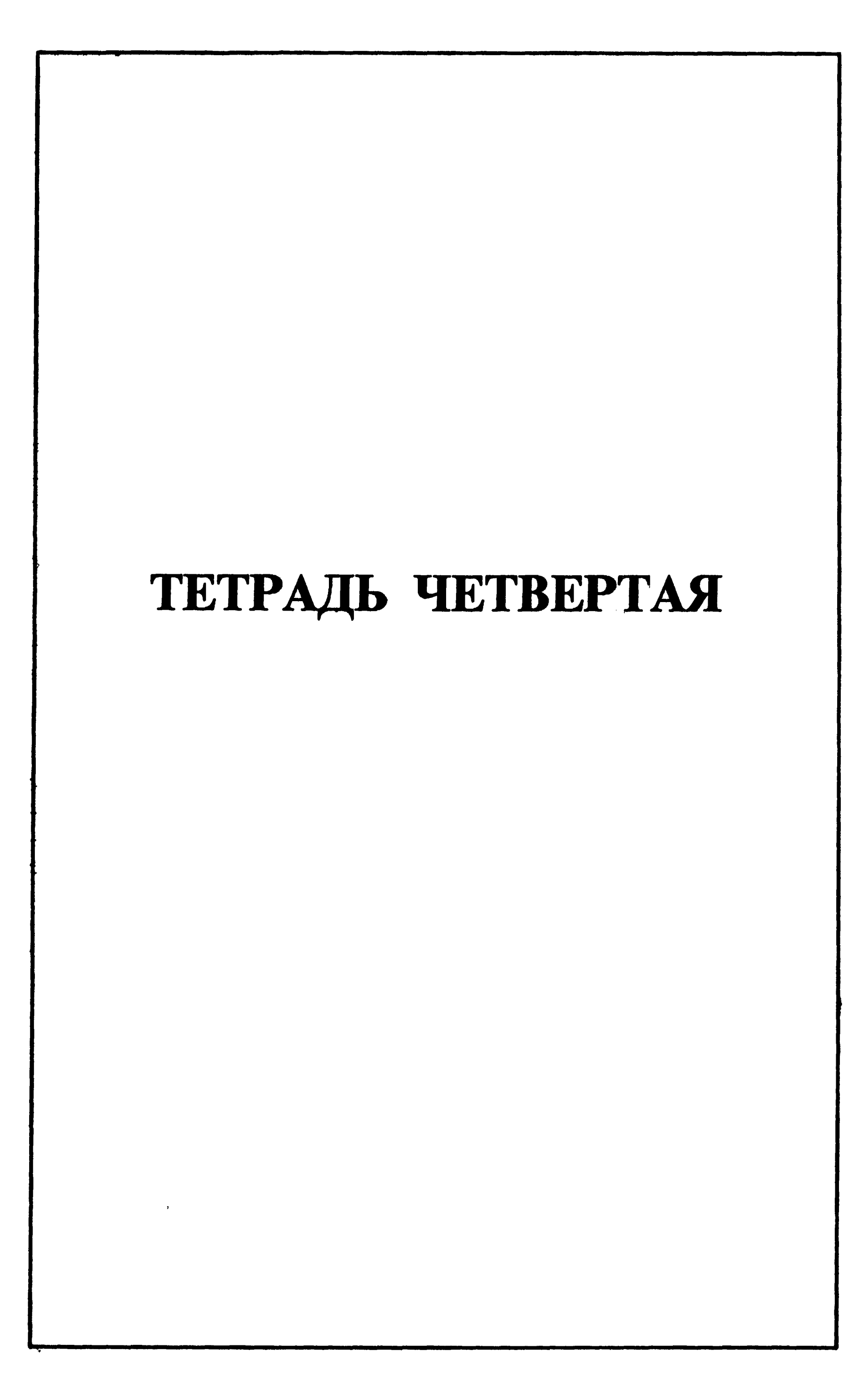
Мур: — Ce n'est pas qu'un rêve, un — только не joli, а *vilain* — rêve![952] (Из фильма Congrès de Vienne — Le Congrès s'amuse)[953]

———

<Рукой Мура:>

Бордо, 24 декабря. —

В 8 часов вечера со станции Мон-де-Марсан отошел пассажирский поезд. Ночь была холодная и туманная. Термометр показывал 5 градусов ниже нуля. Поезд шел полным ходом. Полусонных пассажиров бросало из стороны в сторону. Не доходя до станции Моко-Банке поезд начал замедлять ход и, наконец остановился в поле. Прошло 10 мин. 20 минут. Обеспокоенные пассажиры повыходили из вагонов. В чем дело? Не случилось ли несчастия? Несколько человек направились к локомотиву, чтобы расспросить машиниста. Нетрудно себе представить состояние всех когда локомотива не оказалось. Машинист потерял свой состав и умчался дальше. Гордо подкатил одинокий паровоз к станции Моко-Банке и затормозил. Машинист стал возиться с машиной. С криком прибежал начальник станции: «Где ваш состав?» — «Какой состав?» — к большому конфузу для себя, машинист должен был убедиться, что потерял поезд. Пятясь назад он повел свой паровоз на поиски потерянного поезда. Вследствие тумана пришлось идти очень медленно чтобы не врезаться в состав без локомотива. К счастью всё обошлось благополучно. Машинист прицепил к паровозу вагоны. Пассажиры вынуждены были провести ночь среди поля. — Переписано Муром 2-го июля 1938 года, в *Ванве*[954].



ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Последних выписки

из тетрадей – оставленных

ПОСЛЕДНИЕ ВЫПИСКИ ИЗ ТЕТРАДЕЙ — ОСТАВЛЯЕМЫХ[955]

Не об том сердце болит,
Который рядом сидит
А об том сердце болит
Который издали глядит.

(Частушка Переяславль-Залесского уезда)

Черновик письма к Вильдраку[956]

Cher Monsieur,

J'ai bien reçu Votre lettre et Votre livre[957], et si je ne Vous ai pas répondu plus tôt, c'est pour ne pas Vous faire de vacances littéraires. Mais puisque Vous voilà rentré...

Vous me demandez pourquoi je rime?[958]

Je suis chrétien,
J'ai un petit chien
Qui mange du pain
Tous les matins

(Jacquot, fils de l'épicier d'en bas, 6 ans)

Si le dit auteur de ce quatrain avait dit: — Je suis baptisé, j'ai un petit chien auquel je donne à manger tous les jours — ça ne me dirait rien, ni à lui non plus, ni à personne: ça ne *serait* rien. Et voici que cela est.

Voici, Monsieur, pourquoi je rime.

Des vers non rimés sont (ou me font, à de rares exceptions près l'impression de) vers à écrire: l'intention y est — rien qu'elle.

Pour qu'une chose *dure* il faut qu'elle soit chanson, chanson étant elle-même son accompagnement musical, accomplie en elle-même, ne devant rien à personne.

(Pourquoi je rime? Comme si on rimait — pourquoi! Deman-dez le peuple — pourquoi il rime. L'enfant — pourquoi il rime. Et les deux — ce que c'est que *rimer*.)

...Voici, peut-être, un essai de réponse à Votre léger reproche sur <пропуск одного слова> du son au détriment du mot et du sens dans mes vers.

Cher ami, c'est toute ma vie que je l'entends, que je l'attends. Vous avez visé juste et, ne connaissant rien de moi, à pre-

mière vue (ouïe!). Vous avez été plus <пропуск одного слова> que les autres, ayant mis en présence non seulement le son et le sens, mais (troisième puissance!) le son et le mot. Et voici que Votre reproche — au lieu de m'indigner — ou m'ennuyer — ou m'attrister — m'intérèsse, comme matière à discussion où je pourrai moi-même en apprendre long. (*J'écris pour comprendre* — c'est tout ce que j'ai à dire sur mon métier.)

Cher Monsieur, ce n'est pas mon Gars, ce n'est pas moi-même, c'est ma cause, *une cause* que je défends. Ne confondez donc pas!

Si Vous m'indiquez tel ou tel endroit obscur — ou non réussi — ou mal-sonnant — je ne Vous en serai que reconnaissante — surtout en ma qualité d'étrangère. Je peux rimer mal — d'accord, mais que la rime soit en elle-même un mal — cela, je ne Vous l'accorderai jamais.

(Oh, surtout ne Vous fâchez pas! Si je m'emporte ainsi — ce que j'ai confiance —)

Votre livre. Savez-Vous qu'il me rappelle beaucoup Rilke, le Rilke des Cahiers[959]. Votre livre — un coeur mis-à-nu, sans la défence de la forme, Votre livre — dit, non écrit et par conséquent senti, *ouï*, non lu. Je l'ai relu trois fois. Il y a aussi beaucoup de moi dans Votre livre (le cas de croire sur parole!) je me reconnais presqu'à chaque page, surtout dans Etre un Homme[960] — et surtout dans:

Et si tu vas un jour chez ceux qui ont de l'or —

et surtout dans:

— Sans que leur voix se trouble ordonnant
qu'on les *serve*

— surtout dans ce *serve*, qui, ici, a le poids du substantif, que j'aurais mis, moi, en ithaliques, que j'ai lu, moi, en ithaliques.

(«Madame e<s>t *servie*», celle qui le dit et celle qui l'est n'y pensent pas, mais Vous — moi — poètes — ouïe prolongée — y pensons pour elles: — servie par mes deux mains — ses deux mains dorées diamantées et oisives — par ces deux miennes, etc. C'est bien cela?)

L'auberge[961], c'est tout à fait Rilke, Histoires du Bon Dieu[962], *son* dedans des choses. Si je dis Rilke — ça veut dire fraternité. Faire du R<ilke> est impossible, on naît, on *est* R<ilke>. (*On* ne naît pas Rilke. 5 Août 1938 — en copiant.) Vous êtes, dans ce livre d'amour, son frère en humanité, son «frères humains...», son frère-arbre, frère-loup.

Et ce qui me touche — je ne saurais même pas dire et ne voudrais même pas savoir pourquoi, c'est ce mot gentil, gentille, qui Vous revient si souvent, ce mot si humble si peu usité en vers.

...Voici un cavalier sans cheval![963]

Dans cette ligne Votre choix dans la vie — ou avant la vie — est fait.

A un cheval qui veut, a un bréviaire qui veut, mais être (cavalier, prêtre, <пропуск одного слова>) sans avoir — c'est l'orgueil ou le refus suprême.

Comme je le connais, ce cavalier sans cheval.

Au revoir, cher Monsieur, à Vous de vouloir me voir. Si je ne Vous avais pas envoyé de manuscrit je me sentirais envers Vous aussi libre que vis à vis de Votre livre: âme à âme (admirez ces trois *a*!) mais — Vous avoir prié de me lire — me gêne et c'est pour ça que je me tairai jusqu'à ce que Vous parliez.

MZ

(Еще отрывок — м.б. *первого*[964] письма)

...Ne Vous paraît-il pas et n'est-il pas étrange que je me sois adressée, moi, rimeur passionné, entre tous — à Vous, ennemi hautain de la rime? Et n'aurait-il pas été plus simple (?) d'amener mon Gars au camp ami (s'il en existe) des *rimeurs*.

D'abord et en tout: mon instinct cherche, trouve et crée toujours des obstacles, c'est-à-dire je les crée d'*instinct:* dans la vie comme dans les vers.

Ainsi — j'ai eu raison *selon moi*.

Secondement: il existe entre nous des liens familiaux: Russie, Pasternak et surtout par-dessus tout — R<ilke> — qui comme je le viens d'apprendre par Votre lettre — Vous avait choisi, lui aussi, entre tous — lui, que je peux nommer simplement le Poète. Non: la Poésie.

Ainsi — j'ai eu encore une fois raison — *selon lui*.

Tout ceci pour Vous dire que je viendrai avec grand plaisir ce mardi à 4 h<eures>, 12, Rue de la Seine.

P.S. Votre gentil petit quatrain[965] sur la tante qui en balayant ses planches avait trouvé une orange — est plein de sens — et de soleil: dimanche: beau soleil! planches: parquet clair! orange: *orange!* — et la vieille tante coiffée en Marat dans sa baignoire — mais voici que je m'embarque — et que je Vous dégoûte.

P.P.S. Mon Jacquot ne connaît pas de cantiques puisque ses parents sont païens et qu'il va à la communale[966]. C'est la rime (né-

cessité de rimer à chien) qui l'a chrétiénisé. On commence par dire, on finit par faire (être).

Ces deux P.S. — un peu pour rire: pour Vous faire sourire.

P.S. 3me: Et ce dont par quoi j'aurais dû commencer: ce chien existe réellement: Zig, dévoreur d'ordures[967].

(Из дружбы с Ш. В<ильдраком> ничего не вышло: дружбы не вышло. Попереписывались — по поводу моего Gars[968] — ни в чем друг друга не убедили — и не разубедили — я поэт, он — нет (*и* поэт: à ses heures[969], а у меня — ни часу, чтоб *не*) несколько раз встретились — в гостиной, с гостями, — в столовой, с семьей — и потом кончилось: понемножку. Сошло на нет.)

Отрывок письма к Б.П.

...Баллада хороша[970]. Так невинно ты не писал и в 17 лет — она написана тем из сыновей (два сына), который крепче спит. Горюю о *твоем*. Но — изнутри Жени, *не* мальчика[971]. Какое блаженство иметь тебя — отцом раз, тебя отцом на воле — два. Если он *твой* — ему лучшего не надо. Ты бы в детстве дорого дал — за себя, отсутствующего.

Б<орис>, из памяти: когда я через Смиховский холм (мою «гору») шла от С. к Р<одзевичу> и через Смиховский же холм — от Р<одзевича> к С. — *туда* была *язва*, оттуда *рана*. Я с язвой жить не могла. (Помнишь того богача из хрестоматии, созвавшего друзей и в конце пира — под пурпуром — показавшего им язву? Ведь пировали — *они*.) *Моя* радость, *моя* необходимость в моей жизни не значили. Точнее: чужое страдание мгновенно уничтожало самую возможность их. С. больно, я не смогу радоваться Р<одзевичу>. Кто перетянет не любовью ко мне, а необходимостью во мне (невозможностью *без*). Я *знала* — да так и случилось! — что Р<одзевич> *обойдется*. (М.б. за это и *любила?!*)

Катастрофа ведь только когда обоим (обеим) *нужнее*. Но этого не бывает. Для меня весит давность. Не: nous serions si heureux ensemble! — nous *étions* si malheureux ensemble![972]

Я не любовная героиня, Борис. Я *по чести* — герой труда: тетрадочного, семейного, материнского, *пешего*. Мои ноги герои, и руки герои, и сердце, и голова.

С Р<одзевича> — никого не любила. Его вижу часто, он мне предан, обожает Мура, *ничего* не чувствую.

Вот тебе *мой* опыт.

У тебя *еще* сложнее: ведь и у нее — свое, тот же выбор. Но, верь моему нюху: четверо легче чем трое, что-то — как-то — уравновешено: *четверостишие.* Трое, ведь это хромость (четыре ноги). И еще: весь вес на одном (центральном: ней — как тогда — мне). Нет, слава Богу, что — четверо.

Еще, Б<орис> — уезжает Е.А. И<звольская>, раздает книги, как зверей — в хорошие руки — и вот частушка Переяславль-Залесского уезда:

Не об том сердце болит —
Который рядом сидит
А об том сердце болит —
Который издали глядит.

Выиграет тот кто проиграет.

Только расставшись с Р<одзевичем> я почувствовала себя вправе его любить и любила напролет — пока не кончилось.

Не совет. Пример. Отчет.

Я знаю только одну счастливую любовь: Беттины[973] к Гёте. *Большой* Терезы[974] — к Богу. Безответную. Безнадежную. Без помехи приемлющей руки. Как в прорву. (В огромную ладонь — прорвы. В провалённую ладонь — прорвы.) Что бы я с тобой стала делать дóма? Дом бы провалился, или бы я, оставив тебя спящим и унося в себе тебя спящего — из него вышагнула — как из лодки. С тобой — жить?!

Дай ей Бог всего этого не знать, быть просто — счастливой, отстоять тебя у совести, Бога, богов, *тебя.* (NB! что же у нее останется?? 1938 г.)

...А знаешь — дела дивные! — раскрываю Гёте «Aus meinem Leben» и — эпиграф: — Es ist dafür gesorgt, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen[975] — т.е. то, что постоянно, всю жизнь говорю о себе и своей жизни я — только у меня:

— Es ist von Gott besorgt, dass die Bäume[976] —
Ну́ — обнимаю.

Cher Jean Chuzeville[977],

Vous souvenez-Vous encore de moi? Vous étiez tout jeune, nous étions tous jeunes. C'était Moscou. C'était Noël. C'était là neige. Vous écriviez des vers. J'écrivais des vers. Nous les lisions à M-elle Hélène Guedwillo[978].

Vous aimiez Francis Jammes, j'aimais Edmond Rostand. Mais on s'entendait bien. M-elle Guedwillo aimait les vers et la jeunesse.

Arrivée en 1925 à Paris je n'ai jamais renoué avec personne — de mon enfence. Chaque passé est passé, celui-là (Guerre, Révolution) était le Passé absolu, total, n'ayant jamais existé.

Mais jamais, aussi, je n'ai entendu nommer Votre nom sans la vision de: Moscou — neige — Noël — lunettes — jeunesse — vision aussitôt traduite par un sourire qui mettait entre mon interlocuteur et moi plus de distance que de 1909 à 1930. Je Vous mettais du côté de ma jeunesse, l'interlocuteur restait dehors.

Cher Jean Chuzeville, quand Mme G-ky[979] m'a transmis Votre souvenir, je eu le sentiment — ne craignons pas les grand mots, toujours petits devant nos sensations — d<e> resurrection: non de la Votre, de la mienne propre, de la moi d'alors.

Une chose sans témoins n'a jamais existé.

C'est moi — la chose sans témoins.

Cher Jean Chuzeville, la règle de ma vie a été (sans que je l'ai voulu) de me faire à moi-même plus de tort que de bien. Surtout avec mes lettres. J'ai toujours voulu être moi, moi toute — il n'en fallait souvent pas tant que ça.

Ainsi il se peut que me fasse tort en ce moment en Vous écrivant cette lettre, au lieu de l'autre — aimable et «simple» et nulle…

Cher Jean Chuzeville. Voici Noël. Venez me voir. C'est en banlieu — Meudon — écrivez-moi quand, pour que je Vous attende.

Voici l'itinéraire: Vous prenez le petit train aux Invalides — ou au Pont de l'Alma — ou au Champ de Mars — ou à Mirabeau — descendez à Meudon–Val-Fleury — traversez la passerelle — montez l'Avenue Louvois — et sans tourner ni à droite ni à gauche — Vous vous trouvez juste devant ma maison — 2, Av<enue> Jeanne d'Arc — 1 étage gauche — frappez.

Vers 4 heures de préférence.
Vous verrez mes enfants, Vous m'avez vue enfant.

MZ

Noël 1909 — Noël 1930
Moscou — Meudon[980]

Потом, слова Шюзвилля: — Je Vous craignais tant: Vous étiez tellement intelligente, tellement intelligente, Vous me fai-siez peur, Vous correspondiez si peu à ce rêve de jeune fille — qu'a chaque jeune homme...[981]

(Горько слушать — даже 21 год спустя! Даже (1938 г.) 29 лет спустя! И когда будет — *не* горько?! Мое последнее чувство от людей будет — горечь: незаслуженность обиды.)

Мур — осень 1930 г. ($5^{1}/2$ лет)

(Очевидно в ответ на какой-нб мой (вечный) возглас о *конце* книги:)

— Тогда читайте с конца!

— Зачем любить человека, когда его нет?

(NB! То, что я делала — *всю жизнь.*)

(В этой тетрадке — серой, грязной, Pax-Labor — поправки к концу франц<узского> Мóлодца, статья о детской сов<етской> книге[982] и эти наброски писем. Тетрадь надписана: Октябрь 1930 г. С<ен> Лоран — 4/17$^{\underline{го}}$ сент<ября>, канун Алиного семнадцатилетия. Но письма — из Мёдона.)

<Одна страница оставлена незаполненной.>

Стихи к Чехии[983]
(Попытка чистовика)

Сентябрь

1.

Полон и просторен
Край. Одно лишь горе:
Нет у чехов — моря.
Стало чехам — море

Слёз: не надо соли!
Запаслись на годы!
Триста лет неволи
Двадцать лет свободы.

Не бездельной, птичьей —
Божьей, человечьей.
Двадцать лет величья,
Двадцать лет наречий

Всех — на мирном поле
Одного народа.
Триста лет неволи
Двадцать лет свободы.

— Всем. Огня и дома —
Всем. Игры, науки —
Всем. Труда — любому —
Лишь бы были руки.

Нá поле и в школе —
Глянь — какие всходы!
Триста лет неволи
Двадцать лет свободы.

Подтвердите ж, гости
Чешские, все вместе:
Сеялось — всей горстью,
Строилось — всей честью.

Два десятилетья
(Да и то не целых!)
Как нигде на свете
Думалось и пелось.

Посерев от боли
Стонут Влтавы воды:
— Триста лет неволи
Двадцать лет свободы.

На орлиных ска́лах
Как орел рассевшись —
Что́ с тобою сталось,
Край мой, рай мой чешский?

Горы — откололи,
Оттянули — воды...
...Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

В селах — счастье тка́лось
Красным, синим, пестрым.
Что́ с тобою сталось,
Чешский лев двухвостый?

Лисы побороли
Леса воеводу!
Триста лет неволи
Двадцать лет свободы!

Слушай каждым древом,
Лес, и слушай, Влтава!
Лев рифмует с гневом,
Ну, а Влтава — слава.

Лишь на час — не боле —
Вся твоя невзгода!
Через ночь неволи —
Белый день свободы!

(Париж, 32, B[d] Pasteur
12го ноября 1938 г.
а припев (Триста лет...) и лучшие строки: — Посерев от боли... были уже в сентябре, в те самые дни, всё ходила и повторяла, а остальное — мычала.)

2.

Горы — турам поприще!
Черные леса,
Долы в воду смотрятся,
Горы — в небеса.

Край всего свободнее
И щедрей всего.
Эти горы — родина
Сына моего.

Долы — ланям пастбище.
Не смутить зверья
Хата крышей застится,
А в лесу — ружья

— Сколько бы ни пройдено
Вёрст — ни одного.
Эти долы — родина
Сына моего.

Там растила сына я,
И текли — вода?
Дни? или гусиные
Белые стада?

...Празднует смородина
Лета рождество.
Эти хаты — родина
Сына моего.

Было то рождение
В мир — рожденьем в рай.
Бог, создав Богемию,
Молвил: — Славный край!

Все дары природные,
Все — до одного!
Пощедрее родины
Сына — Моего!

Чешское подземие:
Брак ручьев и руд!
Бог, создав Богемию,
Молвил: — «Добрый труд!»

Всё бы́ло — безродного
Лишь — ни одного
Не́ было — на родине
Сына моего.

Прокляты — кто заняли
Тот смиренный рай
С зайцами и с ланями,
С перьями фазаньими...

Трéкляты — кто продали
— Ввек не прощены! —
Вековую родину
Всех — кто без страны!

Край мой, край мой, проданный,
Весь, живьем, с зверьем,
С чудо-огородами,
С горными породами,
С целыми народами,
В поле, без жилья,
Стонущими:
— Родина!
Родина моя!

Богова! Богемия!
Не лежи как пласт!
Бог давал обеими —
И опять подаст!

В клятве — руку подняли
Все твои сыны —
Умереть за родину
Всех — кто без страны!

(Между 12тым и 19тым ноября 1938 г.)

3.

Есть на карте — место:
Взгля́нешь — кровь в лицо!
Бьется в му́ке крестной
Каждое сельцо.

Поделил — секирой
Пограничный шест.
Есть на теле мира
Язва: всё проест!

От крыльца — до статных
Гор — до орльих гнёзд —
В тысячи квадратных
Невозвратных вёрст —

Язва.
 Лег на отдых —
Чех: живым зарыт.
Есть в груди народов
Рана: *наш* убит!

Только край тот назван
Братский — дождь из глаз!
Жир, аферу празднуй!
Славно удалась.

Жир, Иуду — чествуй!
Мы ж — в ком сердце — есть:
Есть на карте место
Пусто: наша честь.

(19го ноября 1938 г. — первая версия, 22го ноября 1938 г. — эта, окончательная.)

4.
Родина Радия

<Полторы страницы оставлены незаполненными.>

5.
Один офицер

В Судетах, на лесной чешской границе, офицер с 20тью солдатами, оставив солдат в лесу, вышел на дорогу и стал стрелять в подходящих немцев. Конец его неизвестен.
(Из сентябрьских газет 1938 г.)

Чешский лесок —
Самый лесной.
Год — девятьсот
Тридцать восьмой.

День и месяц? — вершины, эхом:
— День как немцы входили к чехам!

Лес — красноват,
День — сине-сер.
Двадцать солдат
Один офицер.

Крутолобый и круглолицый
Офицер стережет границу.

Лес мой, кругом,
Куст мой, кругом,
Дом мой, кругом,
Мой — этот дом.

Леса не сдам,
Дома не сдам,
Края не сдам, —
Пяди не сдам!

Лиственный мрак.
Сердца испуг:
Прусский ли шаг?
Сердца ли стук?

Лес мой, прощай!
Век мой, прощай!
Край мой, прощай!
Мой — этот край!

Пусть целый край
К вражьим ногам!
Я — под ногой —
Камня не сдам!

Топот сапог.
— Немцы! — листок.
Грохот желéз.
— Немцы! — весь лес.

— Немцы! — раскат
Гор и пещер.
Бросил солдат.
Один — офицер.

Из лесочку — живым манером
На громаду — да с револьвером!

Выстрела треск.
Треснул — весь лес!
Лес: рукоплéск!
Весь — рукоплéск!

Пока пулями в немца хлещет —
Целый лес ему рукоплещет!

Клёном, сосной,
Хвоей, листвой,
Всею сплошной
Чащей лесной —

Понесена
Добрая весть,
Что — спасена
Чешская честь!

Значит — страна
Так не сдана,
Значит — война
Всё же — *была!*

— Край мой, виват!
— Выкуси, Герр!
...Двадцать солдат.
Один офицер.

Начато в первые дни Октября.
Кончено 16го—17го апреля 1939 г.
Париж, Пастёр

II
Март

1.
(Колыбельная)

В óны дни певала дрёма
По всем селам-деревням:
— Спи, младенец! Не то злому
Псу-татарину отдам!

Ночью черной, ночью лунной —
По Тюрингии холмам:
— Спи, германец! Не то гунну
Кривоногому отдам!

Днесь — по всей стране богемской
— Да по всем ее углам:
— Спи, богемец! Не то немцу:
Пану Гитлеру отдам!

28го марта 1939 г.

2.
Пепелище

1.
Налетевший на град Вацлава
— Так пожар пожирает тра́ву —

Поигравший с богемской гранью!
— Так зола засыпает зданья,

Так метель заметает вехи...
От Эдема — скажите, чехи! —

Что́ осталося? Пепелище.
— Так Чума веселит кладбище!

2.
Налетевший на град Вацлава
— Так пожар пожирает траву —

Объявивший — последний срок нам:
— Так вода подступает к окнам...

Так зола засыпает зданья...
Над мостами и площадями

Плачет, плачет двухвостый львище...
— Так Чума веселит кладбище!

3.
Налетевший на град Вацлава
— Так пожар пожирает тра́ву —

Задушивший без содроганья
— Так зола засыпает зданья:

— Отзовитесь, живые души!
Стала Прага — Помпеи глуше:

Шага, звука — напрасно ищем...
— Так Чума веселит кладбище!

29го—30го марта 1939 г.

3.
Барабан

По богемским городам —
Что́ бормочет барабан?
— Сдан — сдан — сдан —
Край — без славы, край — без бою.
Где — под серою золою
Дум — дум — дум...
— Бум!
бум!
бум!

По богемским городам —
Или то не барабан,
(Горы ропщут? Камни шепчут?)
А в сердцах смиренных чешских
Гне—ва
Гром:
— Где
Мой
Дом?

По усопшим городам
Возвещает барабан:
— Вран! Вран! Вран
Завелся в Градчанском замке!
В ледяном окне — как в рамке —
(Бум! бум! бум!)
Гунн!
Гунн!
Гунн!

30го марта 1939 г.

4.
Германии

О, дева всех румянее
Среди зеленых гор —
Германия!
Германия!
Германия!
Позор!

Полкарты прикарманила,
Астральная душа!
Встарь — сказками туманила,
Днесь — танками пошла.

Пред чешскою крестьянкою —
Не опускаешь вежд,
Прокатываясь танками
По ржи ее надежд?

Пред горестью безмерною
Сей *маленькой* страны —
Чтó чувствуете, Германы:
Германии сыны??

О, мания! О, мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие,
Безумие
Творишь.

С объятьями удавьими
Расправится силач!
За здравие, Моравия!
Словакия, *словачь!*

В хрустальное подземие
Уйдя — готовь удар:
Богемия!
Богемия!
Богемия!
Наздар!

Париж, Пастёр, 1ый—2ой день Пасхи (9го—10го апреля) 1939 г.

5.
Март

Áтлас — что колода карт:
В лоск перетасован!
Поздравляет — каждый март:
— С краем, с паем с новым!

Тяжек мартовский оброк:
Зе́мли — цепи горны —
Ну и карточный игрок!
Ну и стол игорный!

Полны́ руки козырей:
В ордена одетых
Безголовых королей,
Продувных — *валетов.*

— «Мне и кости, мне и жир!»
Так играют — тигры!
Будет помнить — целый мир
Мартовские игры.

В свои козыри — игра
С картой европейской.
(Чтоб Градчанская скала —
Да скалой Тарпейской!)

Злое дело не нашло
Пули: дули пражской.
Прага — что! и Вена — что!
На Москву — отважься!

Отольются — чешский дождь,
Пражская обида.
— Вспомни, вспомни, вспомни, Вождь —
Мартовские Иды.

го апреля 1939 г.

6.
Взяли...

Эпиграф:
Чехи подходили к немцам и плевали.
(См. мартовские газ<еты> 1939 г.)

Брали — скоро и брали — щедро:
Взяли горы и взяли недра,
Взяли уголь и взяли сталь,
И свинец у нас, и хрусталь.

Взяли сахар и взяли клевер,
Взяли Запад и взяли Север,

Взяли улей и взяли стог,
Взяли Юг у нас, и Восток.

Вары — взяли, и Татры — взяли,
Взяли близи и взяли дали,
Но — больнее чем рай земной! —
Битву взяли — за край родной.

Взяли пули и взяли ружья,
Взяли руды и взяли дружбы...
Но покамест во рту — слюна —
Вся страна вооружена!

<Справа, поперек страницы:>
Париж, Пастёр, 9го мая 1939 г., вторник

7.
Лес

Видел — как рубят? Руб —
Рубом! — за дубом — дуб.
Только убит — воскрес!
Не погибает — лес.

Так же как мертвый лес
Зелен — минуту чрез! —
(Мох — что зеленый мех!)
Не погибает — чех.

9го мая 1939 г., на улице

8.

О, слёзы на глазах!
Плач гнева и любви!
О, Чехия в слезах!
Испания в крови!

О, черная гора
Затмившая — весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.

Отказываюсь — быть.
В Бэдламе нелюдей

Отказываюсь — жить.
С волками площадей

Отказываюсь — выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть —
Вниз — по теченью спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещих глаз.
На твой безумный мир
Ответ один — отказ.

11го мая 1939 г.
(начато 15го марта 1939 г.)

9.

Не бесы — за иноком,
Не горе — за гением,
Не горной лавины ком,
Не вал наводнения —

Не красный пожар лесной,
Не заяц — по зарослям,
Не ветлы под бурею —

За Фюрером — фурии!

15го мая 1939 г. — на Av<enue> du Maine — обратно от Аллы[984], к<отор>ой носила пирог.

10.
Народ

Его и пуля не берет —
И песня не берет!
Так и стою, раскрывши рот:
— Народ! Какой народ!

Народ — такой, что и поэт
— Глашатай всех широт —
Что и поэт, раскрывши рот
Стоит — такой народ!

Когда ни сила не берет,
Ни дара благодать —
Измором взять такой народ?
Гранит — измором взять!

(Сидит — и камешек гранит,
И грамотку хранит...
В твоей груди зарыт — горит! —
Гранат, *творит* — магнит.)

...Что *радий* из своей груди
Достал и подал: — вот!
Живым — Европы посреди —
Зарыть такой народ?

Бог! Если ты и сам — *такой* —
Народ моей любви
Не со святыми упокой —
С живыми оживи!

20го мая 1939 г. (внезапно)

Не умрешь, народ!
Бог тебя хранит!
Сердцем дал — гранат,
Грудью дал — гранит.

Процветай, народ —
Твердый как скрижаль,
Жаркий как гранат,
Чистый как хрусталь.

(дописано, мысленно, на улице — 21го мая 1939 г.)

Выписки из старых записных книжек

Осень 1926го и зима 1927 г. (начало)

…Вечная пара вовек не встречающихся[985]

…Даже Анютины глазки плакали

Анютины глазищи

Одна тоска расселась

Нелюбопытно, как старческий загар

Зеленый костер

Какой должен был быть напор, чтобы так сжаться!
(О чем? Найти. Хвост очень точного наблюдения.)

Старуха вяжет чулки на собственных мыслях.

Птицы слушают телеграммы

Море — вырядилось — в синь и ярь

…Плевало — фыркало — харкало
(NB! Бедное море!)

Целого моря на переломе
Волна ломалась, как голос

Молочная пена

(Строки из Лестницы, — очевидно в С<ен> Жилле.)

Моя потрясающая воспитанность, <пропуск одного слова> простым глазом: простому глазу. — Зато все *большие* — увидели.

…На песке волна нарисовала волны
(Стоило бы — стих)

Поперечность: взад-вперед'ность моря. Как Л-н.

Я бы хотела, чтобы меня любил старик, многих любивший, меня — последнюю. Не хочу быть старше, зорче, грустнее, добрее, холоднее. Не хочу, чтобы на меня смотрели вверх. Этого старика я жду с 14 лет: им бы *был* Стахович, им — *почти* был В<олкон>ский, п.ч. он меня *почти* полюбил.

Переводимы смыслы. Слова непереводимы. Переведя горячий — heiss —. Heiss und weiss — (пустыня). Горячая и белая — *не* то. Короче, переводимо слово, звук — непереводим.

Там, где единица не понятие, а слово (дальше не разобрать, было что-то *верное*)

Бойтесь понятий, облекающихся в слова, радуйтесь словам, обнажающим понятия.

(NB! Поняла: бойтесь одежды, радуйтесь — сути. Май 1939 г.)

...Там, где конец дыханья —
Начало души

Отрывок письма к Б<орису> (на песке st. gill'ского plage à l'infini[986] — карандашом)

Этот уезд из Чехии, эти экскурсии (воображаемые, его, — 1939 г.) в Париж и в Лондон — точно нарочно, чтобы ты тогда мог полюбить меня. Теперь я еду в Чехию[987], а ты больше всего на свете любишь свою жену[988], и всё в порядке вещей.

Б<орис>, одна здесь, другая там — можно, обе там, *два* там[989] — невозможно и не бывает.

Я ни с кем не делю <пропуск одного слова>, это *моя* страна и *моя* роль, поэтому не думай обо мне вовсе.

Двум поездам вслед не глядят. (В два глаза — одному.)

Тоскуй, люби, угрызайся, живи с ней на расстоянии, как какой-то час жил со мной, но не втягивай меня.

Человеческого сердца хватает только на одно отсутствие, оттого оно (отсутствие) так полно.

...Не бойся, что я чем-нб. преуменьшаю твою любовь к жене, но «я люблю ее больше всего на свете» — зачем ты *мне* это твердишь, это ей надо знать, не мне.

(NB! Твердил — себе. Потом с ней разошелся.)

Я привыкла к жизни — в мире совершенном: в душе. Оттого мне здесь не хочется, не можется, не сто́ится.

Как *тихо* пишется. Как шумно печатается.
(Ноябрь 1926 г. — Типография.)

— Смерть Рильке: 29го декабря 1926 г.
Я рада, что последнее что́ он от меня слышал: *Bellevue*[990]. Он, так любивший ландшафты Франции. Bellevue — в этом названии моего городка — весь его первый взгляд оттуда на землю. Вот уж — Belle Vue!

А нынче, гуляя с Муром, изумлена: *красные* верхи деревьев! — Что́ это? — Молодые прутья (отпрыски) бессмертья.

Мур — 2го апреля 1927 г.
— Мур, вот Barnrn!
— Козел.
Нагибается, целует, делает рукой, и, уже уходя: — «Налоду масса, дёни мало. Всё»[991].

(NB! Первая Мурина фраза.)

(О Есенине) — У Ес<енина> был песенный дар, а личности не было. Его трагедия — трагедия пустоты. К 30ти годам он внутренно кончился. У него была *только молодость.*

(Пел — и пил.)

Аля в детстве говорила: горблюд, а Мур, сейчас: люблю̀д (от: люблю).

Июнь 1927 г.
Слово научило меня всему. (Даже хозяйству.)

В какую-то секунду пути цель начинает лететь на нас. Единственная мысль: не уклониться.

О Л<ейтенанте> Шм<идте> Б.П.[992] — Победа человека, к<ото-р>ый не есть ты, к<оторо>го в тебе нет. Победа *всех* против *одного.* Ш<мидт> ноет. Ш<мидт> слюнит. Ш<мидт> нытик. Слёзь и слизь.

Письма Ш<мидта> — срифмованный жаргон 1905 г.

— Дети, вы меня сбросите!

— Дети, вы меня вспомните!

Le moule en est brisé[993].
(Надпись на могильном *камне*.)

Поэзия

Это сочинила одна семилетняя крестьянская девочка, когда мы на Оке катались на лодке:

Серафима-отца
Окатила овца

Не глазами, а слезами
Я глядела на тебя

(Конец записной книжки 1926 г.—1927 г.)

Мур — осень-зима 1938 г. Пастёр

Tu es en lutte perpetuelle contre les choses (inanimées) inertes[994].

Я: — Почему у тебя такая голова стала маленькая?
Мур: — Вымыли.

— Кот! Да у тебя — у́сы!
— А как же кот — без усов?

— Отрывок из неотосл<анного> письма — Elancourt, лето 1934 года. (Муру 9 л.)

Нынче, возвращаясь с Муром из Траппов (ибо это — Трапп*ы!*)[995] в ответ на какое-то его размышление сказала ему слово Гауптмана, к<отор>ое знаю с детства:

— Миром движут голод и любовь[996].

— Голод — да, быстрый ответ. — Любовь — нет. Мало — любят. Я не говорю о *маленьких*, этот велосипедист, напр., — это — всё равно, я не говорю о любви одного человека к другому. Я говорю о важн*ом*, глав*ных*. Голод и злоба — да.

А слово Гауптмана — неглубоко, ибо та любовь, о которой о́н говорит — тот же голод. (Даже не жажда.)

ВЫПИСКИ ИЗ ЧЕРНОЙ КЛЕЕНЧАТОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1937 г.—1938 г.

— последней зимы в Ванве:

Милые дети[997],

Я никогда о вас отдельно не думаю: я всегда думаю, что вы люди или нелюди (как мы). Но говорят, что вы *есть*, что вы — особая порода, еще поддающаяся воздействию.

Потому:

— Никогда не лейте зря воды, п.ч. в эту же секунду из-за отсутствия этой капли погибает в пустыне человек.

— Но оттого что я не пролью этой воды, он этой воды не получит!

— Не получит, но на свете станет одним бессмысленным преступлением меньше.

— Потому же никогда не бросайте хлеба, а увидите на улице, под ногами, подымайте и кладите на ближний забор, ибо есть не только пустыни, где умирают без воды, но трущобы, где умирают без хлеба. Кроме того, м.б. этот хлеб заметит голодный, и ему менее совестно будет взять его та́к, чем с земли.

Никогда не бойтесь смешного, и если видите человека в глупом положении: 1) постарайтесь его из него извлечь, если же невозможно — прыгайте в него к нему как в воду, вдвоем глупое положение делится пополам: по половинке на каждого — или же, на *худой* конец — не видьте его.

Никогда не говорите, что так *все* делают: все всегда плохо делают — раз так охотно на них ссылаются (NB! ряд примеров, к<отор>ые сейчас опускаю). 2) у всех есть второе имя: никто, и совсем нет лица: бельмо. Если вам скажут: так никто не делает (не одевается, не думает, и т.д.) отвечайте: — А я — *кто*.

В более же важных случаях — поступках —

— Et s'il n'en reste qu'un — je serai celui-là[998].

Не говорите «немодно», но всегда говорите: *неблагородно*. И в рифму — и лучше (звучит и получается).

Не слишком сердитесь на своих родителей, — помните, что и они были *вами*, и вы будете *ими*.

Кроме того, для вас они — родители, для себя — я. Не исчерпывайте их — их родительством.

Не осуждайте своих родителей на́ смерть раньше (ваших) сорока́ лет. А тогда — рука не подымется!

Увидя на дороге камень — убирайте, представьте себе, что это *вы* бежите и расшибаете себе нос, и из сочувствия (себе в другом) — убирайте.

Не стесняйтесь уступить старшему место в трамвае.

Стесняйтесь — *не* уступить.

Не отличайте себя от других — в материальном. Другие — это тоже вы, тот же вы. (Все одинаково хотят есть, спать, сесть — и т.д.)

Не торжествуйте победы над врагом. Достаточно — сознания. После победы стойте с опущенными глазами, или с поднятыми — и протянутой рукой.

Не отзывайтесь при других иронически о своем любимом животном (чем бы ни было — любимом). Другие уйдут, свой — останется.

Книгу листайте с верхнего угла страницы. — Почему? — П.ч. читают не снизу вверх, а сверху вниз.

Кроме того — это у меня *в руке*.

Наклоняйте суповую тарелку к себе, а не к другому: суп едят к себе, а не от себя 2) чтобы, в случае беды, пролить суп не на скатерть и не на vis-à-vis[999], а себе на колени.

Когда вам будут говорить: — Это романтизм — вы спросите: — Что такое романтизм? — и увидите, что никто не знает, что люди берут в рот (и даже дерутся им! и даже плюются им! запускают <пропуск одного слова> вам в лоб!) слово, смысла к<оторо>го они не знают.

Когда же окончательно убедитесь, что *не* знают, сами отвечайте бессмертным словом Жуковского:

Романтизм — это душа.

Когда вас будут укорять в отсутствии «реализма», отвечайте вопросом:

— Почему башмаки — реализм, а душа — нет? Что более реально: башмаки, которые проносились, или душа, к<отор>ая не пронашивается? И кто мне в последнюю минуту (смерти) поможет: — башмак?

— Но подите-ка покажите душу!

— Но (говорю *их* языком) подите-ка покажите почки или печень. А они всё-таки — есть, и никто *своих* почек глазами не видел.

Кроме того: *что-то* болит: *не* зуб, *не* голова, *не* живот, не — не — не —

— а — *болит*.

Это и есть — душа.

Мозг слишком умный: он знает, что нé от чего грустить.

Чем люди пишут стихи и *чем* их понимают?

(Довод в пользу души.)

Журавль и синица.

Нет, ложь, ложь и глупость: чтó делать с синицей и вообще — с птицей в руках?

Есть вещи, к<отор>ые нехороши в руках, хороши — в воздухе.

Журавль например.

Не стесняйтесь в лавках говорить: — Это для меня дорого. *Кого* ты этим обкрадываешь?

Ведь не *ты* ничего не стóишь, *она* — слишком дорого стóит.

(или)

Ведь не *тебя* — нет: *у* тебя ничего нет.

(NB! По-мóему должен стесняться — лавочник.)

Милое дитя! Если ты — девочка, тебе с моей науки не поздоровится. (Как не поздоровилось — мне.)

Да если и мальчик — не поздоровится. Девочку, так поступающую, «никто» не будет любить. (Женщин любят — за слабости — и погрешности — и пороки.) Мальчик — займет последнее место в жизни (и в очереди!).

Но есть места — *над* жизнью, и есть любовь — ангелов.

(NB! Переписываю — как есть, тороплюсь, ибо последние сроки[1000], могло бы быть лучше. — Я. — 28го мая 1939 г., рано утром — Париж, 32 Bd Pasteur.)

До скамейки (смотрю открытки). — Собор, Св. Тереза — Cierge[1001]. Поиски к<инематогра>фа (Grande Illusion — complet)[1002]. Старый Рынок. Статуя, поднесенная английскими женщинами. Висячий мост. Кафэ. Опять скамейка и два ореха (де-

рева). Вид. Толпа. Бесконечная прогулка. Вокзал. Сон. Звоним: не застаем. Дом.

— Незабвенный день — и вид — и город[1003] —

Выписки из маленького черного кожаного Agenda с металл<ической> закрышкой[1004]:

1931 г. (Муру 6 лет)

Мур (28го янв<аря> 1931 г. — почти 6 л. — родился 1го февр<аля> 1925 г.)

Я: — А для чего крёстная мать и крёстный отец?

Мур: — Для того чтобы если настоящая мать умрет еще бы запасная оставалась. Как в машине — колесо запасное.

Разговор с батюшкой. В ответ на его доводы:

— Он же мне ничего не ответит, он ведь нарисованный!

(Напоминает солдатское, 1917 года: — Не хочу на до́ску молиться!)

Мур: — Захотелось поикать.

— Какие свиньи — французы: испортили наше русское *р*. Свиньи. Всё у них наоборот.

(Не́ помню, Мур или я:)

— Остров — земля срединводная.

Я, себе — вслух:

— Интересно, когда я буду помирать — что́ я последнее буду вспоминать?

Мур, не задумываясь: — Стихи.

Мур — про драку с Алей (NB! ему шесть лет — Але *18*$^{1}/_{2}$!)

— Она меня бьет — как корова, как кобыла. А я ее — как муравей.

Пасха, заутреня (на воле, кламарская церковь, зелень, фонарики)

— Тебе нравится церковь?

— Да, п.ч. похожа на гараж.

О войне.
— Нужно уехать *до* войны, *за* войну, где ее еще нет.

———

Гу́сочка.
(безумная любовь к картонной гусыне-бомбоньерке — «гусочке»)

———

(Я)
Любовь не прибавляет к весне, весна — тяжелое испытание для любви: кто может сравниться с деревом?

———

Мур — апрель 1931 г.
— У меня теперь бывает такое чувство, что я — я.

———

Многократно прыгая на меня с камня (долмэна) — Мёдон — Беллевю — Observatoir[1005]:
— Ой, мама! Я Вас совсем изнемогу!

———

О Муре:
Человек предполагает, а *Мур* располагает.

———

От юности моея мнози борют мя страсти. Мур, на каком это языке?
— Славянском.
— А кто на нем говорит?
— О. Андрей — и больше никто.
(31<u>го</u> апреля 1931 г.)

———

Мур — 5<u>го</u> мая 1931 г.
— А как слоны ласкаются?

———

(Я). Почему любят спать с красивыми (в темноте)? Значит, всё-таки *сознание*. Значит — ценность не в прямом ощущении, а в освещении.

———

Мальчик — матери (на какие-то расцветшие кусты)
— Regarde ce qu'elles sont belles!
— Elles sont en fleur, cela ne nous avance en rien.
(Май, с Муром в Кламаре)

———

Удивительно, что прошедшее время так же *подробно* как наше: не пластами — а ежесекундно — и у пещерного человека — ежесекундно — и у Атиллы — и т.д. Потому так неудовлетво-

рительна *история*. И так восхитительна и умилительна и *воскресительна* — la petite histoire[1006] (бельевые счета Бетховена).

Мур:
Негрская мама.

Собаку зовет как меня. (А м.б. óн говорит: — Вы собаку зовете как меня?) Нет! «Собаку зовут как меня». (В книге, вспомнила. — 1939 г.)

Я: — Как меня зовут?
Шепотом: — Не знаю.
— Нý, ты́ меня зовешь мамой, а другие все — как зовут?
— Марина Цветаева.

— Мама! Хотите сделаем пожар! Подожжем землю — чтобы все лысые горы стали.

На осу: — Живот как у тигра.

«Летний птенец» (про какую-то птицу в Зоолог<ическом> Саду).

(*Я*). Сто лет мне иногда кажутся как сто франков — раз плюнуть!
(NB! 1939 г. — Пишется — *в бедности!*)

Записная книжка 1938 г.

9го мая 1938 г. (переписываю год спустя — 28го мая 1939 г.) еще Ванв

Говорим с Муром об идолопоклоннической любви некоторых к собакам — сажают за стол, повязывают салфетку — как ребенку, к<оторо>го — нет.

Мур: — По-мóему — для *себя* нелестно: породил — пса!

— Нужно такого лишить жизни, чтобы *меня* не лишил — земли!

(О самовластцах)

(*Я*) — Как из таких двух огромных слов: *добро* и *душа* смогли сделать это среднее, вялое *добродушие?* (Случай, когда

вещи, сложенные, дают безмерно-меньшее: уничтожаются. Иногда такой случай — брак. NB! *не* мой.)

...немножко — ручной...
Сиреной — еще, и Сивиллой — уже...

(Дальше книжка пустая.)

Мур, 29го сент<ября> 1938 г. (Accord des Quatre[1007] — день чешской трагедии. П<ариж>, Пастёр)

— читает газету:

— L'Angleterre sera réunie au continent. Mais cet évenement ne ce produira que dans 15 siècles.

Мур, с досадой: — On sera mort[1008].

Стихи — мне — нижнего (отца) — в ответ на стол:

Знаменитый писательский стол...
Вдохновений слуга и приятель!
Нескончаемой славы престол, —
Ты — сарая теперь обитатель!

Был ты пет и воспет,
Как высокий предмет,
Даже больше, — как лучший товарищ!
После этих побед, —
Тебе места вдруг нет!
Вдруг ты свален — как хлам от пожарищ...

Но прости мне всю немощь мою
И пойми: сам я свален судьбою!
И, хоть песен других о тебе не спою —
Всё же будем друзьями с тобою.

М.И. — от М.А.[1009]

Ванв, июнь 1938 г.

Песня о Кахóвке

— Светлова, автора Гренады

Каховка, Каховка, родная винтовка,
Горячая пуля, лети,
Иркутск и Варшава, Орел и Каховка —
Этапы большого пути.

Гремела атака, и пули звенели,
И ровно строчил пулемет.
И девушка наша проходит в шинели,
Горящей Каховкой идет.

Под солнцем горячим, под ночью слепою
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит — на запáсном пути.

Ты помнишь, товарищ, как вместе шагали,
Как нас обнимала гроза,
Тогда нам обоим сквозь дым улыбались
Ее голубые глаза.

Так вспомним же юность свою боевую,
Так выпьем за наши дела —
За нашу страну, за Кахóвку родную,
Где девушка наша жила...

(NB! Повторяется 3$^{\underline{\text{тье}}}$ четверостишие, но лучше — тáк: у Светлова всегда пересказано. И в Гренаде — лучшей песне за 20 лет.)

(Моя мысль — попутная и внезапная:)
Я своего ребенка *обязана* любить больше своей чести. (Честь — просто!)
28$^{\underline{\text{го}}}$ мая 1939 г.

Письмо на прощание — год назад[1010]

Париж, 12$^{\underline{\text{го}}}$/VII (т.е. июля) 1938 г. (по ошибке — 1932 г.)
Дорогая М.,
Я завтра уезжаю, и нам не удастся встретиться. Я не прощусь с Вами, не обниму, не поцелую — м.б. в последний раз. Увидимся ли мы и когда? И даже те скупые часы, какие были нам даны в эти последние годы — кажутся такой близостью по сравнению с провалом отъезда.

Хочется мне сказать Вам очень многое — о том, что Вы сами знаете и о чем мы не говорили. Я знаю всё дурное, что я причинил Вам. Знаю всё неправильное, что делал.

Но я хочу, чтобы одному Вы верили: в чем-то основном я не изменил Вам, и — *несмотря* на все мои поступки, или мое отсутствие — я был Вашим верным другом — и буду им всегда, до конца Вашей и моей жизни. Где бы Вы ни были, что́ бы Вы ни делали, знайте всегда, что можете на эту дружбу и эту верность рассчитывать — хотя это слово для Вас неподходящее.

Привет Муру — будет он расти молодцом.

До свидания.

Обнимаю и целую Вас от всей души.

ПОСЛЕДНЯЯ (ЛИ?) ЗАПИСНАЯ КНИЖКА: ОСЕНЬ 1938 Г. — ВЕСНА 1939 Г. — ТОЛСТАЯ, КЛЕЕНЧАТАЯ, ТРЁПАНАЯ,

с черновиками стихов к Чехии — верный спутник

Выписки[1011]:

Вокруг — грозные моря неуюта — мирового и всяческого, мы с Муром — островок, а м.б. те легкомысленные путешественники, разложившие костер на спине анаконды[1012]. Весь мой уют и моя sécurité[1013] — Мур: его здравый смысл, неизбывные и навязчивые желания, общая веселость, решение (всей природы) радоваться вопреки всему, жизнь текущим днем и часом — мигом! — довлеет дневи злоба его, — его (тьфу, тьфу, не сглазить!) неизбывный аппетит, его Barnrn, сила его притяжений и отвращений, проще — (и опять: тьфу, тьфу, не сглазить!) его неизбывная жизненная сила.

Сейчас мания — Brillantine du D<octeu>r Rojà[1014] (ужасная касторочная душистая *гадость*, рекламируемая по T.S.F-у[1015]) — нынче даже снилась: — Я видел ужасный сон, Вы знаете разные présages?[1016] — Ну, конечно. В чем же дело? — Мне снился Brillantine du Docteur Rojà. Я никак не мог его купить: то денег не было, то никак не мог его открыть, то он делался совсем маленький.

По вечерам страстно (он — за двоих!) играем в Oie[1017], и он *всегда* обыгрывает, а в шашки идем ровно: для меня это не ком-

плимент, а для него — большой (при его полной неспособности к математике, пока — арифметике).

Вчера съел у меня *все* черные (к<отор>ые я, из «суеверия» всегда беру — себе) — и я *не* поддавалась, щадя его в будущих играх *не* со мной (с *не*-мной!). В Coffret[1018] — *12* игр!!! Но иных мы не понимаем, а для других нужно трое, четверо.

Научилась одна ездить на лифте, впервые за *всю жизнь:* одна, на 7ой эт<аж>, но только на знакомом. Чужих боюсь как прежде (и *об*хожу как прежде) особенно — раздвижных.

Старик и старуха: camarades de malheur[1019]. (Са́мое malheur[1020] когда один из них ищет себе — camarade de *bonheur*[1021].)

Будет вам Моравия —
Язва морова́!
(Не написано)

В доме, где нет *культа* матери, мать — раба. Равенства — нету, да и не должно быть.

(По своему — и других еще — поводу — 9го янв<аря> 1939 г.)

У стойки кафэ, глядя на красующегося бэль-омма[1022] — хозяина, слыша — ушами слыша:

— Vous n'avez pas de gueules cassée?*)[1023]

— я внезапно осознала, что я *всю жизнь* прожила за границей, абсолютно-отъединенная — за границей чужой жизни — зрителем: любопытствующим (не очень!), сочувствующим и уступчивым — и *никогда* не принятым в чужую жизнь — что я *ничего* не чувствую, как они, и они — ничего — как я — и, что́ главнее чувств — у нас были абсолютно-разные двигатели, что то́, что для них является двигателем — для меня просто не существует — и наоборот (и *какое* наоборот!).

Любовь — где для меня всё всегда было *на волоске* — интонации, волоске поднятой, приподнятой недоумением (чужим и моим) брови — Дамокловым мечом этого волоска

— и их любовь: целоваться — сразу (как дело делать!) и, одновременно, за 10 дней уславливаться. (А вдруг мне не захочется? (целоваться) Или им — *всегда* хочется? «Всегда готов».)

---

*) <Примечание не вписано.>

— и квартира — и карьера — и т.д., т.е. непреложная уверенность в себе и в другом: утвержденность на камне — того, что для меня было сновиденный секундный взлет на седьмое небо — и падение с него.

И не только здесь, за границей: в Р<оссии> было — то же самое и везде и всюду — было и будет, п.ч. это — жизнь, а *то* (т.е. я) было (есть и будет) — совсем другое.

Ка́к его зовут??

П<ариж>, Пастёр, 9го янв<аря> 1939 г.

И всё-таки я знаю, что я́ — жизнь: я, а не они, хотя мне *всё* доказывает обратное.

Я, как зверь, чую взгляд и как зверь — на него оборачиваюсь — воззреваюсь — и отворачиваюсь. И вторично (с безнаказанным любопытством) на меня *никто* не глядит.

(— Ce qu'elle doit être méchante, celle-là!)[1024]

Я искушала Париж (терпение, моду — и вкус его) — всячески: и некрашенностью лица, и седостью волос при почти-беге, и огромностью башмаков, и нешелковостью и даже нешерстя́ностью (не говорю уже о немодности!) одежд — и — и — и —

И всё-таки мне никто, по сей (тьфу, тьфу, не сглазить) двадцать-восьмой мая день 1939 г. — за 14 л. бытности — не рассмеялся в лицо. Ибо было во всем этом что-то настолько серьезное — и странное — и *до́лжное* (сужденное)...

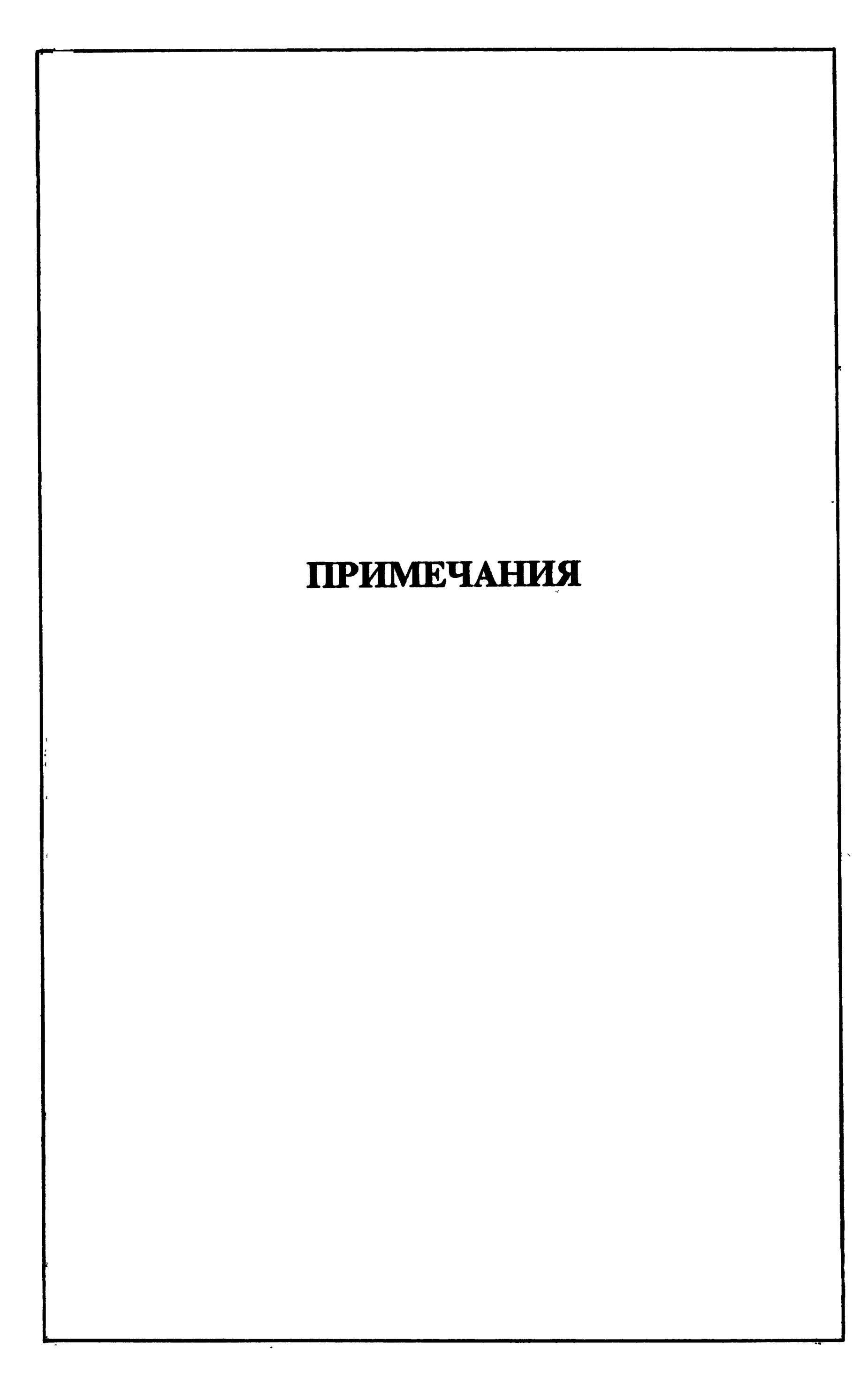
После себя в Париже могу сказать: Париж хорошо воспитан.

(Из головы. 28го мая 1939 г., воскресенье, Троицын день)

Кто-то из «нас» — «туземцы». Может быть — и я.

Туземцы. Чтобы определить жителей данной, этой, сей земли — русские взяли *ту* землю, точно говорят уже из воспоминаний, точно 20летний *уже* рассказывает внукам.

Насколько вернее французское indigènes[1025] (внутриземцы: innen-drin[1026]).



ПРИМЕЧАНИЯ

Условные сокращения

Имя Цветаевой везде обозначается инициалом «Ц.». В персональных справках фамилии, набранные курсивом в начале примечания, при повторном упоминании внутри него также сокращаются до первой буквы фамилии.

Сокращения слов общеупотребительных ниже не оговариваются.

БТ-3 — беловая тетрадь ст-ний Ц. 1921—1923 гг.: РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 4.

БТ-4 — беловая тетрадь ст-ний и поэм Ц. 1923—1934 гг., в большей части составленная в 1938 г.: РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 7.

В — газ. «Возрождение» (Париж).

В1 — Цветаева М. *Версты: Стихи. Вып. первый.* М.: Госиздат, 1922.

В2 — Цветаева М. *Версты: Стихи.* М.: Костры, 1921; 2-е изд.: 1922.

ВА — Цветаева М. *Вечерний альбом.* М., 1910.

ВМЦ — *Воспоминания о Марине Цветаевой.* М.: Сов. писатель, 1992.

ВР — газ. (1920—1921), затем ж. «Воля России» (Прага; Париж).

ВФ — Цветаева М. *Волшебный фонарь.* М., 1912.

Д — газ. «Дни» (Берлин; Париж).

З-9 — ж. «Знамя» (Москва), 1992, № 9.

ЗК-49 — записная книжка Ц.: РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 49.

МЦПЖ — *Марина Цветаева: Песнь жизни [Marina Tsvétaeva: Un chant de vie]. Actes du Colloque International de l'Université de Paris IV, 19-25 Octobre 1992.* Paris: YMCA-Press, 1996.

НМ — ж. «Новый мир» (Москва).

НРК — ж. «Новая русская книга» (Берлин).

П-1926 — *Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева: Письма 1926 года.* М.: Книга, 1990.

ПН — газ. «Последние новости» (Париж).

ПР — Цветаева М. *После России.* Париж, 1928.

ПТ — Цветаева М. *Письма к Анне Тесковой.* СПб.: Внешторгиздат, 1991.

ПЦС — Цветаева М. «Поэма о Царской Семье».

Р — Цветаева М. *Ремесло: Книга стихов.* М.; Берлин: Геликон, 1923.

РГАЛИ — Российский гос. архив литературы и искусства (Москва).

СБ — Цветаева М. *Стихи к Блоку.* Берлин: Огоньки, 1922.

СЗ — ж. «Современные записки» (Париж).

СП — Цветаева М. *Стихотворения и поэмы.* Л.: Сов. писатель, 1990 (Биб-ка поэта. Большая сер.).

СС — Цветаева М. *Собр. соч.: В 7 т.* М.: Эллис Лак, 1994—1995; через дефис указывается номер тома.

ЧТ — черновые тетради Ц.: РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3; через дефис указывается номер ед. хр.

Принципы подготовки текста и редакторские обозначения

Сводные тетради Ц. публикуются по оригиналам, хранящимся в РГАЛИ: ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 3, 9, 20, 21. Текст тетрадей воспроизводится полностью.

Ниже перечислен ряд принципов, последовательно проведенных при подготовке рукописей к печати.

1. Унифицированы:

а) формат и расположение заголовков в тексте. Заголовки «Тетрадь 1, 2, 3, 4» добавлены публикаторами.

б) расположение авторских примечаний к тексту, отмеченных знаком «*»: во всех случаях они помещаются внизу страницы. В тетрадях-оригиналах они могут находиться внизу, сбоку, вверху или в середине страницы.

в) расположение стихотворных фрагментов на странице. Поскольку изолированные строчки не всегда могут однозначно распознаваться как стихотворные или прозаические, они располагаются тем или иным образом на усмотрение публикаторов.

2. Подчеркивания в рукописи передаются *курсивом*. В случаях двойного или тройного подчеркивания курсив сопровождается ремаркой публикаторов «<подчеркнуто дважды (трижды)>». Слова, написанные в рукописи печатными буквами, передаются ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ.

3. Для раскрытия авторских сокращений, включая инициалы упоминаемых лиц, используются угловые скобки. Ряд общеупотребительных сокращений в тексте не раскрывается. К ним относятся:

г. (год)	м.б. (может быть)
гр. (грамм)	напр. (например)
д.б. (должно быть)	-нб. (-нибудь)
д.с.п. (до сих пор)	п.ч. (потому что)
к. (килограмм)	т.е. (то есть)
л. (лет)	т.д. (так далее)
мес. (месяц)	т.п. (тому подобное)
мин. (минута)	ч. (час)

Инициалы лиц обычно раскрываются при их первом упоминании, а далее оставляются в авторской редакции. При наличии инициала фамилии раскрывается только он. Если в авторском тексте дан лишь один инициал (имени или фамилии), то он раскрывается полностью при каждом упоминании. Ни разу не раскрываются в тексте инициалы самой Ц. («М.», «М.И.», «М.И.Ц.» и «М.Ц.»), С.Я. Эфрона («С.»), Б.Л. Пастернака, когда он упоминается под инициалами «Б.П.», С.М. Волконского, когда он упоминается под инициалами «С.М.» и «С.М.В.».

4. Наличие вопросительного знака в конце конъектуры означает, что данное слово не сокращено, а намеренно недописано автором, и в тексте оставлен пробел для недописанной части слова. В этих случаях предлагаемый в угловых скобках вариант является *одним из возможных*. (Недописанной оставляется чаще всего конечная часть слова, но в нескольких случаях — начальная и даже срединная.) Эти пробелы Ц., как правило, оставляют открытым выбор между тем или иным грамматическим временем, видом глагола, падежом или числом существительного и т.д.; возможные варианты имеют, по преимуществу, стилистические различия.

5. В нескольких случаях угловые скобки используются для восстановления грамматической ясности фразы и для корректировки авторского написания отдельных слов.

6. Угловые скобки используются также для ремарок публикаторов. Эти ремарки набраны в тексте более мелким шрифтом.

Ремарка «<пропуск одного (нескольких) слова (слов)>» дается в случаях, когда в авторском тексте оставлен пробел; в зависимости от его размера и от грамматической структуры фразы указывается возможное количество пропущенных слов. Эта ремарка не используется в поэтических сегментах и заглавиях, где пробел воспроизводится наглядно.

Ремарка «<фраза не окончена>» дается как в случаях явной грамматической незаконченности фразы, так и в случаях, когда в конце фразы (обычно завершающей абзац или весь фрагмент) отсутствует точка и оставлен явный пробел для возможного продолжения. В тех случаях, когда незаконченность фразы выступа-

ет как стилистический прием, ремарка не используется. В спорных случаях не ставится точка и не дается ремарка.

Другие публикаторские ремарки поясняют, главным образом, графическое расположение текста на странице рукописи.

В ряде случаев, из-за технической сложности наглядного воспроизведения, слова́, вписанные в рукописи над или под строкой (обычно — в качестве вариантов), даются в строчку, после соответствующей ремарки и двоеточия, внутри угловых скобок (<сверху: текст Ц.>).

В поэтических фрагментах подобная ремарка не используется и варианты, вписанные над или под строкой, воспроизводятся наглядно и отчеркиваются слева или справа жирными вертикальными штрихами (|), заменяющими фигурную скобку в рукописи (штрихи даются и в случае отсутствия скобки в авторском тексте, чтобы исключить смешение вписанных сверху или снизу вариантов к строке — с часто встречающимися неполными строками).

8. Знак «[...]» используется для обозначения пробела, оставленного между стихотворными строками для недостающей строки. Он дается в тех случаях, когда этот пробел мог бы ошибочно читаться как пробел между строфами или отдельными несвязанными строчками. В спорных случаях этот знак не используется и оставляется пробел.

9. Пунктуация автора внутри предложений не корректируется, за исключением немногочисленных случаев, когда отсутствие того или иного знака препинания могло бы помешать пониманию текста. Пунктуация, связанная с использованием знаков препинания в конце предложения (иногда отсутствующие у Ц. точки), а также при скобках и кавычках, приведена в соответствие с современными правилами (отсутствующие иногда с одной или другой стороны скобки и кавычки доставлены).

10. Орфография автора (все тетради заполнены по старой орфографии) в значительной степени приведена в соответствие с современными правилами. Это не распространяется на написание иностранных слов, в т.ч. имен собственных, которые сохранены в транскрипции Ц., включая и имеющиеся в тексте варианты написания одного и того же слова (имени). Кроме того, оставлен ряд орфографически устаревших или грамматически неправильных форм, а также индивидуально-авторских написаний, устранение которых представлялось бы неоправданным.

11. Во всех случаях устранены без оговорок явные смысловые и грамматические описки.

Принципы комментирования

Примечания к тексту сводных тетрадей носят избирательный характер. Обширность научной и мемуарной литературы о жизни и творчестве Ц., многочисленность изданий ее произведений и наличие их солидной библиографии (*Марина Цветаева: Библиография*. Сост. Т. Гладкова и Л. Мнухин. М.; Париж, 1993) избавляет от необходимости помещать здесь многие био- и библиографические справки. То же относится и к сведениям общего характера, легко находимым в энциклопедиях и словарях и потому в примечания не включенным.

Архивные справки сводятся к описаниям оригиналов тетрадей и к указаниям на сохранившиеся в архиве Ц. источники выписок. Если примечание к заглавию источника в тетради не сделано, значит, он не сохранился. Тексты тетрадей-источников привлекаются для комментария лишь в особых случаях; систематического сопоставления их со сводными тетрадями не делается.

Ряд фрагментов сводных тетрадей уже публиковался. Почти все эти публикации, в той или иной мере, страдают неточностями, в ряде случаев в них име-

ются существенные купюры. В справках о первых публикациях таких фрагментов, сопровождаемых также отсылками к *СС*, степень дефектности этих текстов не оговаривается. Не оговариваются специально случаи цитирования тех или иных неопубликованных фрагментов в книгах, статьях, комментариях, воспоминаниях. Не упоминаются также в качестве первых публикаций те из них, которые не дают корректных отсылок к источнику публикации (исключение оговорено).

При ссылках на произведения Ц. используются следующие издания: на поэтические тексты, включенные в *СП*, ссылки приводятся по нему; на остальные поэтические и на все прозаические тексты — по *СС*; на письма ссылки приводятся по *СС-6* и *СС-7*, за исключением писем, включенных в *П-1926* и *ПТ*.

При комментировании поэтических фрагментов текста оставляются без пояснений варианты и наброски, относящиеся к ст-ниям, публиковавшимся при жизни Ц. Если Ц. называет ст-ние неточно, в примечании дается его каноническое название; обычно указывается также принадлежность ст-ния к тому или иному циклу. Мелкие разночтения в датировках ст-ний в тетрадях и в существующих изданиях не оговариваются. Изредка встречающиеся в тетрадях фрагменты окончательных редакций ст-ний, опубликованных при жизни Ц., сопровождаются отсылкой к названию ст-ния.

Что касается ст-ний или близких к завершению набросков, опубликованных лишь посмертно, то примечания к ним содержат отсылку к конкретному изданию: *СП* или *СС-2*. При ссылке на *СП* указывается также источник, по которому ст-ние там опубликовано. В *СС-2* источники текстов не указаны, поэтому ссылка на него носит формальный характер и не означает авторитетности опубликованной в нем редакции ст-ния.

Неосуществленные замыслы, упоминаемые в тексте, сопровождаются соответствующими ремарками (это не касается отдельных лирических ст-ний). Упоминания названий (в авторском тексте часто без кавычек) опубликованных произведений Ц. не комментируются.

Прозаические фрагменты, в аналогичных или близких редакциях известные по опубликованным текстам Ц., сопровождаются отсылками в форме «ср. ...».

Наброски писем Ц. к разным адресатам сопровождаются отсылками (в форме «ср. письмо...») к реальным письмам, если таковые известны. Отсутствие отсылки означает, что письмо неизвестно.

В тех случаях, когда адресаты тетрадных набросков не названы Ц., комментаторы на свое усмотрение дают однозначную или предположительную идентификацию адресата, либо вообще опускают ее.

Мелкие повторы одних и тех же записей внутри тетрадей (особенно частые в Тетради 3) не оговариваются.

Персональные справки об упоминаемых в тексте лицах, как правило, не содержат подробных биографических данных, но обязательно включают в себя ссылки на сохранившиеся письма к ним Ц. или их воспоминания о ней. Значительная часть лиц (прежде всего — литераторов), биографически с Ц. не связанных или мало связанных, в примечания не выносится. Лица, неоднократно упоминаемые в тексте по имени или по имени и отчеству, не комментируются при каждом таком упоминании, однако для удобства их имена или инициалы их имен и отчеств (расшифрованные или не расшифрованные в тексте) помещаются отдельной строчкой в «Указателе имен» с отсылкой к соответствующей фамилии. Имена (в ряде случаев нерасшифрованные) неустановленных лиц сопровождаются в именном указателе знаком «(?)», в примечания же не выносятся.

При комментировании литературных цитат и аллюзий, как правило, отмечаются текстовые и смысловые неточности, допускаемые Ц. В ряде случаев не удалось установить источников цитат, и к ним делается соответствующая ремарка в примечаниях. В тех случаях, когда нет уверенности, что тот или иной фрагмент является цитатой, он оставляется без ремарки.

Реальный комментарий не содержит систематических сведений о географических реалиях и адресах, упоминаемых в тетрадях; ряд исключений сделан на усмотрение комментаторов.

Все переводы иноязычных фрагментов, если не указано иначе, выполнены комментаторами, в ряде случаев — с учетом уже существующих переводов аналогичных фрагментов в других изданиях произведений Ц.

В заключение комментаторы считают своей приятной обязанностью поблагодарить тех, кто щедро поделился с ними своими знаниями и материалами и без чьего участия этот комментарий был бы несравненно беднее: С.Б. Джимбинова, Р. Кембалла, И.В. Кудрову, Н. Лангмюир, В.К. Лосскую, Е.И. Лубянникову, Л.М. Солдатову, Р.Д. Тименчика, А.Б. Устинова, Л.С. Флейшмана. Опыт многих публикаторов и комментаторов произведений Ц. был также бесценным источником помощи в работе над комментарием к настоящему тому.

Тетрадь 1

Оригинал представляет собой тетрадь-ежедневник (Walker's «Year by Year» Book) форматом 19,5 на 14 см, в коричневом кожаном тисненом переплете, с золотым обрезом. На переплете вытеснена надпись «Year by Year», а страницы разграфлены по горизонтали типографским способом (по пять секций на странице). На обороте шмуцтитула — заглавие рукой Ц.: «Записи из черновых тетрадей». На титуле, в правом верхнем углу, надпись бывшей владелицы: «Елена Извольская. 1916 г. Париж», посредине листа рукой Ц. — пояснительная надпись в скобках: см. в тексте. Верхние части нескольких первых листов, заполненные Извольской, обрезаны приблизительно на 1/4 листа. Первые три листа, заполненные Ц., отрезаны ею по корешку, отчего отсутствует заглавная надпись первого источника выписок. Хронологические рамки записей: 1921—1932 гг. Тетрадь заполнялась летом-осенью 1932 г. Заполнена полностью (всего 192 листа). Листы 1—153 заполнены синими чернилами, далее до конца тетради, а также позднейшие ремарки и пометки в тексте — черными.

[1] См. описание тетради в преамбуле. *Извольская* Елена Александровна (1897—1975) — переводчица, религиозная писательница; дочь видного государственного деятеля А.П. Извольского, в 1906—1910 гг. министра иностранных дел России, в 1910—1917 гг. посла России во Франции. Автор двух мемуарных очерков о Ц. («Тень на стенах». *Опыты*, 1954, кн. 3, с. 152—159; «Поэт обреченности». *Воздушные пути*, 1963, кн. 3, с. 150—160). Об И. и об истории обретения этой, в частности, тетради см. первую часть очерка Ц. «История одного посвящения» (1931).

[2] Заключительная строфа ст-ния Ц. «Земное имя» (1920; 1940). Написана на отдельной странице как эпиграф к тетради.

[3] *Волконский* Сергей Михайлович, князь (1860—1937) — внук декабриста С.Г. Волконского, театральный деятель, художественный критик, мемуарист. К нему обращен поэтический цикл Ц. «Ученик» и ст-ние «Кн. С.М. Волконскому» в *Р*, а его книге мемуаров посвящена статья Ц. «Кедр. Апология» (1923). В. посвятил Ц. свою книгу «Быт и бытие» (1924).

[4] Поэма «Егорушка» (1921—1928), оставшаяся незавершенной.

[5] Здесь и далее Ц. говорит о книге Волконского «Художественные отклики» (СПб., 1912).

[6] Имеется в виду уличная танцовщица, героиня второго рассказа Максимилиана из новеллы Г. Гейне «Флорентийские ночи».

[7] Героиня романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери».

[8] Речь идет о книге литературного секретаря Гёте в 1823—1832 гг. И.П. Эккермана «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни» («Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens»).

[9] Книга Волконского (СПб., 1912).

[10] Излюбленная формула Ц. Возникла при чтении следующего рассуждения Волконского о существе музыки: «Упраздняя движение, вырывая из пространства, повергая в покой, — музыка дает наивозможное в пределах земных приближение к вездесущию. Она упраздняет вопрос „где?“ и сосредотачивает нашу жизненную сущность в вопросе „когда?“. Конечно, вездесущие лишь в смысле ощущения, — достигнутое не *победою* над пространством, а *отказом* от пространства» («Художественные отклики», с. 132).

[11] В данном месте книги Волконский рассуждает об относительности силы звука и, следовательно, об относительности музыкальных терминов forte и piano, значимых только в сопоставлении.

[12] Речь идет о главе «Число» раздела «Музыка», в которой Волконский рассказывает о своей встрече с монахом бенедиктинского монастыря в Германии о. Дезидерием Ленцем, который нашел «канон человека» — закон соотношения частей человеческого тела с «золотым сечением» («Художественные отклики», с. 139—145).

[13] В этом месте книги Волконский описывает свое впечатление от постановки второго действия оперы Глюка «Орфей и Эвридика» в рамках «Школьных Празднеств» Института Жак-Далькроза в 1912 г.: «Под неописуемую музыку Глуковских созвучий Орфей проходит и уходит вниз; свет гаснет, мрак сгущается; хор недвижен, музыка умирает. В сердцах тоска и благодарность» («Художественные отклики», с. 144).

[14] Городок близ Дрездена, где в 1912 г. проходили так называемые «Школьные Празднества» — представления обосновавшегося там Института ритмической гимнастики Жак-Далькроза, которые Волконский назвал «самоутверждением системы ритмического воспитания перед лицом музыкальных и педагогических сил Европы». В «Художественных откликах» этим представлениям посвящена глава «Хеллерау» (с. 147—154).

[15] В последней главе книги «Странствия» «Моих воспоминаний» Волконского (впервые: Мюнхен: «Медный Всадник», 1923) описывается Рим как город, в котором жили пять поколений семьи Волконских.

[16] «Книжная лавка писателей» просуществовала в Москве с осени 1918 г. по осень 1922 г. О ее деятельности см. заметку М. Осоргина в *НРК* (1923, № 3/4).

[17] Рассказ об одном из наиболее известных скандалов в истории русского театра начала века, ставшем причиной отставки Волконского с поста директора Императорских театров, который он занимал в 1899—1901 гг. См. главу «Фижмы» в книге «Родина» «Моих воспоминаний».

[18] Наиболее полная справка об издательском начинании, которое здесь описывается, содержится в объявлении, помещенном 16 июня 1921 г. в *ВР* (№ 230, с. 5):

> В Риге организовалось издательское т-во «Книгоиздательство Русских Писателей», поставившее себе целью издание произведений, прежде не появлявшихся в печати, так называемой московской группы русских писателей, в первую очередь Андрея Белого, Федора Сологуба, Ник. Бердяева, Ю. Айхенвальда, Бор. Зайцева, Г. Чулкова, П. Му-

ратова, Ив. Новикова, Марины Цветаевой, Мих. Осоргина, Н. Ашукина и др.

<…> Издательство сообщает, что в печати находится и непосредственно выйдет в свет альманах московских писателей «Московские раздумья» с частью романа Андрея Белого «Эпопеи», о котором в московских литературных кругах говорят как об одном из крупнейших явлений новой русской литературы, рассказами Зайцева, Муратова, Новикова и Осоргина и стихотворениями Чулкова, Цветаевой, Эренбурга, Белого, Сухотина и Ашукина.

К моменту появления этой заметки в названном издательстве уже вышла книга М. Осоргина «Из маленького домика», которая, однако, так и осталась, насколько удалось установить, единственной книгой, выпущенной этим издательством. См. также прим. 131.

[19] Жюли де *Леспинас* (1732—1776) — хозяйка парижского салона, где собирались энциклопедисты, подруга д'Аламбера. Среди писем Л. к разным адресатам, выходивших несколькими изданиями в течение XIX в., особое место принадлежит ее любовным письмам к графу де Гиберу, которые, несомненно, и имеет в виду Ц. Эти письма были впервые изданы в 1809 г. («Lettres de Mlle de Lespinasse écrites depuis l'année 1773 jusqu'à l'année 1776»), а в существенно дополненном виде, какими знала их Ц., — в 1906 г. («Correspondance entre Mlle de Lespinasse et le Comte de Guibert»).

[20] Эмиль *Жак-Далькроз* (1865—1950) — швейцарский композитор, автор системы так называемого ритмического воспитания, пропагандистом которой в России был Волконский.

[21] Ц. описывает впечатление от главы «О балете» раздела «Пластика» книги «Художественные отклики» (с. 191—213); далее — цитаты из этой главы.

[22] «Существо» — первая глава раздела «Музыка» книги «Художественные отклики».

[23] «Материал» — вторая глава раздела «Музыка» книги «Художественные отклики».

[24] Персонажи сказки Андерсена «Снежная Королева».

[25] Гёте прощается с неким пейзажем и некой возлюбленной. «Однажды летним вечером, в сумерках, он бросил, сквозь слезы, последний взгляд вниз на луга, леса, горы и долины; он стоял с полыхающим лицом. Еще раз вся прожитая жизнь, как раненый исполин, припала к его груди, затем он, улыбаясь, легко разжал и это объятье, уже сознавая свою божественность» (*нем.*). Источник цитаты не установлен.

[26] Вниз — на горы? (*нем.*)

[27] и некой страстью (*нем.*).

[28] *зд.:* страстишка (*нем.*).

[29] Псалтирь 150:6.

[30] Речь идет о Борисе Александровиче *Бессарабове* (1897—1970), знакомом Ц., послужившем прототипом героя ее неоконченной поэмы «Егорушка».

[31] Т.е. въезду Белой Армии в Москву.

[32] *Шлёцер-Скрябина* Татьяна Федоровна (1883—1922) — вдова А.Н. Скрябина (юридически их брак не был оформлен). Ц. познакомилась с ней в июне 1920 г., и их дружба продолжалась до смерти Ш.-С. в апреле 1922 г. Ей посвящено ст-ние Ц. «Бессонница! Друг мой!..» (1921).

[33] «Скажите же мне, сударыня, можете ли Вы мне сказать — что же в ней хорошего, в жизни? Это обилие страданий...» (*фр.*). Мать Т.Ф. Шлёцер-Скрябиной — Мария Александровна *Шлёцер* (урожд. Боти, 1847—1937), по происхождению бельгийка.

[34] См. прим. 30.

[35] Место, где отбывал каторгу в 1827—1830 гг. С.Г. Волконский.

[36] рыбьи кости (*фр.*).

[37] См. *СП*, с. 638, где напечатано по *БТ-3*.

[38] См. этот эпизод в последней главе («Разрушение») книги «Родина» «Моих воспоминаний» Волконского. Речь идет о двоюродном брате автора Петре Петровиче *Волконском* (1877—1957); под «дамами» подразумеваются Е.К. Малиновская и О.Д. Каменева, возглавлявшие, соответственно, коллегию Большого театра и ТЕО Наркомпроса, в работе которых в то время участвовал Волконский.

[39] скользят по поверхности (*фр.*).

[40] Название улицы в Москве, возникшее в XIX в. Так — «Волхонка» — назывался кабак в доме кн. Волконского (№ 8); см.: Сытин П.В. *Из истории московских улиц.* М., 1958, с. 183.

[41] *Миндлин* Эмилий Львович (1900—1981) — литератор, автор книги воспоминаний «Необыкновенные собеседники», включающей главу о Ц. (см. также *ВМЦ*, с. 110—135).

[42] Имение в Тамбовской губернии близ Борисоглебска, купленное родителями Волконского. Ему посвящена вторая глава книги «Родина» «Моих воспоминаний».

[43] Из незавершенного ст-ния «В сновидящий час мой бессонный, совиный...» (см. *СП*, с. 639, где напечатано по *БТ-3*).

[44] Название первой книги «Моих воспоминаний». Однако Ц. допускает неточность: рассказом об Италии начинается вторая книга мемуаров Волконского («Странствия»).

[45] Ц., по-видимому, не помнила, о ком идет речь; имеется в виду Петр Дмитриевич *Бутурлин* (1859—1895), поэт, писавший стихи по-английски и по-русски.

[46] Дочь сандомирского воеводы Юрия Мнишка, Марина *Мнишек* (ок.1588—ок.1614) в 1604 г. обвенчалась с Лжедмитрием I и в 1606 г. была коронована в Москве; после гибели первого самозванца — жена Лжедмитрия II (Тушинского вора) и мать его сына; после разгрома тушинского войска бежала на Яик вместе с атаманом Иваном Заруцким.

[47] человеческий документ (*фр.*).

[48] Умственная молитва (*фр.*). В православной традиции утвердился перевод «умная молитва», т.е. молитва, творимая про себя.

[49] распрямление (*фр.*).

[50] Ст-ние «Быть голубкой его орлиной!..» и др. ст-ния цикла «Марина».

[51] См. *СП*, с. 639—640, где напечатано по *БТ-3*.

[52] «Святой Антоний Падуанский, дай мне найти то, что я потеряла...» (*фр.*).

[53] Кн. Михаил Сергеевич Волконский умер в 1909 г.

[54] Ср. запись от 16 марта 1919 г. в записной книжке Ц.: «Для памяти: 16-го марта утром, когда таяло, я, любя Стаховича, решила, чтобы не умереть, любить Волконского. Они жили вместе и на нем — каков бы он ни был — должен быть какой-то отблеск Стаховича» (*СС-4*, с. 581). О Стаховиче см. прим. 89.

[55] Впервые: Полякова С.В. *Незакатные оны дни: Цветаева и Парнок.* Анн Арбор: Ардис, 1985, с. 110—114; см. также *СС-6*, с. 207—211. Ссылка при первой публикации на архив О.Н. Гильдебрандт является охранительным вымыслом: письмо Ц. не сохранилось, хотя из дневника М.А. Кузмина (запись от 8 июля 1921 г.) известно, что оно было получено адресатом (см.: *Минувшее*, 1993, вып. 13, с. 467).

[56] Эта поездка впоследствии была описана Ц. в очерке «Нездешний вечер» (1936). В действительности она не была первой. Ц. впервые побывала в Петербурге в январе 1912 г.: тогда, вместе с С.Я. Эфроном, она гостила в семье его старшей сестры Анны Яковлевны *Трупчинской* (1883—1971).

[57] Семья Иоакима Самуиловича *Каннегисера* (1860—1930), надворного советника, крупного инженера-путейца, директора правления Русского акционерного общества «Металлизатор». Его сыновья Сергей и Леонид упоминаются в «Нездешнем вечере». Ко времени написания письма ни Сергея, ни Леонида Каннегисеров уже не было в живых: первый покончил с собой в марте 1917 г., второй был расстрелян в сентябре 1918 г. как убийца председателя ВЧК М.С. Урицкого. С дочерью И.С. Каннегисера Елизаветой Ц. продолжала знакомство в Париже.

[58] В Петербург Ц. ездила с Софией Яковлевной *Парнок* (1885—1933), поэтессой и критиком (псевдоним «Андрей Полянин»), ведшей в то время литературно-критический отдел петербургского журнала «Северные записки» (1913—1917). Одной из целей поездки было знакомство Ц. с издателями-редакторами журнала Софьей Исааковной *Чацкиной* (1878—1931) и Яковом Львовичем *Сакером* (1869—1918). Ц. к этому времени уже опубликовала в «Северных записках» несколько своих ст-ний (1915, № 1, 5/6) и продолжала сотрудничать в журнале вплоть до его закрытия.

[59] Зеркальная галерея (*фр.*) — одна из достопримечательностей Версальского дворца.

[60] Ц. неточно цитирует ст-ние Кузмина «Среди ночных и долгих бдений...», вошедшее в сб. «Вожатый» (1918).

[61] С осени 1917 г. по декабрь 1921 г. С.Я. Парнок жила в Судаке.

[62] Речь идет об актрисе Людмиле Владимировне *Эрарской* (ок.1890—1964), близкой подруге С.Я. Парнок до конца ее жизни.

[63] Как и многие писатели, в период издательского кризиса 1919—1921 гг. Ц. продавала через «Лавку Писателей» маленькие рукописные книжечки стихов. По данным М.А. Осоргина, через «Лавку» прошло около 250 книжечек тридцати трех авторов; составленная им библиография этих изданий включает пять книжек Ц. (Осоргин. М. «Рукописные книги московской Лавки Писателей: 1919—1921». *Временник Общества друзей русской книги*, III, Париж, 1932, с. 49—60). Современная библиография указывает девять рукописных книжек Ц. этого периода.

[64] для вида (*фр.*).

[65] Сб. Кузмина «Нездешние вечера. Стихи 1914—1920» вышел в 1921 г. Ниже Ц. упоминает кантату «Святой Георгий» и два ст-ния из III раздела книги, «Дни и лица». Сама Ц. работала в это время над поэтическим циклом «Георгий», вошедшим в *Р.*

[66] Анонсы сб. Ц. с таким названием появились в печати в начале 1922 г.; см.: «Книга в советской России». *ПН*, 1922, № 534, 12 января, с. 4; «Хроника. Москва». *Вестник литературы*, 1922, № 1 (37), с. 24.

[67] Книжный магазин «Град Китеж» существовал в первой половине 1920-х. годов в Берлине. В Париже такого книжного магазина не было; сведений о су-

ществовании в Париже магазинов иного профиля с таким названием обнаружить не удалось.

[68] *Алексеев* Владимир Васильевич (1892—1920) — актер, ученик Мансуровской студии Е.Б. Вахтангова (1914—1919); герой второй части «Повести о Сонечке» (1937).

[69] Со всех крыш кричать о своей красоте (*фр.*).

[70] *Чабров* (наст. фамилия Подгаецкий) Алексей Александрович (1883—ок.1935) — музыкант, близкий друг А.Н. Скрябина; прославился как актер, сыграв роль Арлекина в пантомиме «Покрывало Пьеретты», поставленной А.Я. Таировым в Свободном театре в Москве в сезоне 1913—1914 гг. Принадлежал к московским теософским кругам. В эмиграции с 1923 г. В 1927 г. принял католичество; в 1931 г. рукоположен как католический священник, получил приход на Корсике. Ц. посвятила Ч. поэму «Переулочки» (1922).

[71] Оригинал письма С.Я. Эфрона не сохранился. Его текст был переписан Ц. в беловую тетрадь стихов (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 4); он будет опубликован в следующем томе серии «Марина Цветаева: Неизданное» — «Марина Цветаева и семья Эфрон».

[72] Об этой шпаге см. сообщение Н.И. Катаевой-Лыткиной в ж. «Литературное обозрение» (1987, № 5, с. 97).

[73] Первое ст-ние цикла «Благая весть».

[74] Шестое ст-ние цикла «Георгий».

[75] Из первого ст-ния цикла «Поэты», вошедшего в *ПР.*

[76] Второе, третье и четвертое ст-ния цикла «Благая весть».

[77] Международная Колониальная выставка проходила в Париже в мае-ноябре 1931 г. Ц. побывала на ней 3 июня (см. запись в Тетради 3, с. 438).

[78] чулан, кладовая (*фр.*).

[79] См. *СП,* с. 641—642, где напечатано по *БТ-3.*

[80] Пятое ст-ние цикла «Разлука».

[81] Обращено к дочери; написано во время поездки Ц. в деревню для «натурального обмена». См. об этом в очерке «Вольный проезд» (1918; 1924).

[82] *Малиновский* Александр Николаевич — художник, приятель Маврикия Александровича *Минца* (1886—1917), второго мужа А.И. Цветаевой. По свидетельству последней, пропал во время гражданской войны.

[83] В г. Александрове Владимирской губ. в 1916 г. жила А.И. Цветаева с М.А. Минцем и сыном (от первого брака) Андреем Борисовичем *Трухачевым* (1912—1993). Летом 1916 г. Ц. гостила у сестры. См. об этом в очерке «История одного посвящения».

[84] Нянька дочерей Ц.

[85] Речь идет о Никодиме Акимовиче *Плуцер-Сарна* (1883—1945), близком друге Ц., знакомство с которым относится к 1916 г., и его жене Татьяне Исааковне (1887—1972). В 1941 г. Ц. по просьбе А.Е. Крученых проставила посвящения стихов в его экземпляре *В1* (ныне в составе коллекции М.С. Лесмана хранится в Музее А.А. Ахматовой в Петербурге); на с. 90, под ст-нием «Руки даны мне — протягивать каждому обе...», ею сделана следующая запись: «(Все стихи отсюда — до конца книги — и много дальше — написаны Никодиму Плуцер-Сарна, о котором — жизнь спустя — могу сказать, что — сумел меня любить, что сумел любить эту трудную вещь — меня. <...>)». Внося эту запись в свою тетрадь 1941 г., Ц. сделала одно уточнение: «(Все стихи отсюда — до

конца книги — и много дальше (и немножко *до*) — написаны Никодиму Плуцер-Сарна <...>)» (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 38, л. 10).

[86] Младшая дочь Ц.

[87] См. прим. 17.

[88] Вследствие интриг актрисы Каролины фон *Гейгендорф* (1778—1848), возлюбленной великого герцога Саксен-Веймарского *Карла-Августа* (1757—1828), в 1817 г. Гёте был вынужден отказаться от руководства Веймарским театром.

[89] *Стахович* Алексей Александрович (1856—1919) — актер и педагог Московского художественного театра. Ц. посвятила ему цикл из двух ст-ний «Памяти А.А. Стаховича» (1919) и ст-ние «Ex-ci-devant (Отзвук Стаховича)» (1920). См. также дневниковый очерк Ц. «Смерть Стаховича» (1919; 1926).

[90] Ст-ние, первоначально открывавшее цикл «Отрок», но затем снятое Ц. и при ее жизни не публиковавшееся (см. *СС-2*, с. 50). Вторая строка в беловом автографе читается: «Рвется тропа» (ср. запись ниже).

[91] Не стану больше
Внизу стоять я.
Оставьте руки,
Оставьте платье,
Оставьте кудри:
Они — мои!

(*нем.; пер. Н.А. Холодковского*)

Ц. с небольшими неточностями цитирует слова Эвфориона из третьего действия второй части «Фауста» Гёте.

[92] Первое и второе ст-ния цикла «Отрок».

[93] колонна (*нем.*).

[94] Э.Л. Миндлин и Б.А. Бессарабов.

[95] Ср. мемуарное свидетельство Л.К. Чуковской: «<...> я рассказала ей <Ахматовой>, как видела ее впервые на вечере памяти Блока в лазурной шали.

— Это мне Марина подарила, — сказала Анна Андреевна. — И шкатулку» (Чуковская Л. *Записки об Анне Ахматовой.* Кн. 1. 1938—1941. М.: Книга, 1989, с. 19).

[96] Четвертое ст-ние цикла «Отрок» (в окончательном тексте: «в садах»).

[97] Ст-ние «Веками, веками...».

[98] О драматическом замысле, связанном с именами Давида и Саула (см. ниже в тексте), ничего не известно.

[99] Названная тетрадь либо не сохранилась, либо не была заведена.

[100] См. прим. 98. Вряд ли здесь может идти речь о ст-ниях цикла «Отрок», так как последнее из них уже упомянуто выше как законченное.

[101] См. *СП*, с. 677, где напечатано по этой сводной тетради. Третья строфа вошла в ст-ние, озаглавленное в *Р* как «Отрывок из стихов к Ахматовой».

[102] Впервые: *НМ*, 1969, № 4, с. 190—191; см. также *СС-6*, с. 201—203.

[103] Речь идет о слухах о самоубийстве Ахматовой.

[104] Ц. иронизирует над ситуацией узнавания публикой ст-ния Северянина «Это было у моря» в поэме его эпигона (у Северянина: «Это было у моря, где ажурная пена...»).

[105] Боже сил... (*фр.*). См. Псалтирь 79:8 и 79:15.

[106] Финальная строка ст-ния Ахматовой «Молитва» (1915).

[107] Намерение не было осуществлено Ц.

[108] Из первого ст-ния цикла «Ханский полон».

[109] См. *СС-2*, с. 55. Во всех существующих публикациях — разночтение в первой строке: «рóдные сестры».

[110] Ст-ние «От гнева в печени, мечты во лбу...».

[111] Из незавершенного ст-ния «Справа, справа — баран круторогий!..» (см. *СП*, с. 621, где напечатано по *БТ-3*).

[112] Ц. имеет в виду свои ст-ния «Молодость моя! Моя чужая...» и «Скоро уж из ласточек — в колдуньи!..».

[113] Вошло в *СБ*.

[114] «Ибо любовь — о странная и <...> штука! — // Питается голодом и умирает от пищи» (*фр.*). У Ростана этих строк не обнаружено. Источник цитаты не установлен.

[115] Цикл из двух ст-ний «Вифлеем», напечатанный в *Р* с посвящением «Сыну Блока — Саше».

[116] Ст-ния, объединенные заглавием «Подруга» и обращенные к Н.А. Нолле-Коган, составили III раздел *СБ*.

[117] *Нолле-Коган* Надежда Александровна (1888—1966) — жена историка литературы и критика Петра Семеновича *Когана* (1872—1932), близкая знакомая А.А. Блока в последний период его жизни. Знакомство с ней Ц. состоялось осенью 1921 г. В архиве П.С. Когана в РГАЛИ сохранилось одно письмо Ц. к Н.-К. от 10 декабря (ст. ст.) 1921 г. (ф. 237, оп. 2, ед. хр. 267) и экземпляр *ВФ* с ее дарственной надписью: «Дорогой Надежде Александровне Нолле себя — десять лет назад. МЦ. *Москва, Пасха 1922 г.* — Не любите меня вчера, не любите меня сегодня, — любите меня завтра!» (ф. 237, оп. 2, ед. хр. 275). Кроме того, из сохранившегося черновика письма Н.-К. к Ц. от лета 1922 г. (ф. 237, оп. 2, ед. хр. 231) известно, что Ц. послала ей из Берлина *СБ*.

[118] Запись рассказов Н.А. Нолле-Коган.

[119] См. запись «Встреча с внучкой Пушкина» в Тетради 3 (с. 446—449).

[120] Финальные строки ст-ния А. Блока «Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...» из цикла «На поле Куликовом»; в оригинале: «Помяни ж...».

[121] *Зайцева* Вера Алексеевна (1878—1965) — жена Б.К. Зайцева.

[122] Кафе, излюбленное место встреч русских эмигрантов.

[123] Владелец петербургского издательства «Алконост» Самуил Миронович *Алянский* (1891—1974).

[124] Речь едва ли может идти о Любови Яковлевне *Гуревич* (1866—1940), которая ни поэтессой, ни секретаршей не была; скорее всего, имеется в виду Надежда Александровна *Павлович* (1895—1980), в июне 1920 г. избранная (вместе с Вс. Рождественским) секретарем петроградского Союза поэтов, председателем которого тогда же был избран А. Блок.

[125] Управляющий делами издательства «Геликон» в Берлине Абрам Григорьевич *Вишняк* (1895—1943).

[126] *Каплун* (псевд. Сумский) Соломон Гитманович (1883—1940) — заведующий издательством «Эпоха» в Берлине.

[127] Т.е. И.Г. Эренбург и его жена Любовь Михайловна *Эренбург* (урожд. Козинцева, 1900—1971).

[128] П.С. Коган.

[129] Летом 1927 г. А.И. Цветаева по приглашению А.М. Горького была в Италии; в начале сентября она ненадолго приехала оттуда в Париж навестить Ц.

[130] *Гольцев* Борис Викторович — в 1921 г. был секретарем Центропечати (Центрального агентства ВЦИК по распространению произведений печати).

[131] *Башкиров* Кирилл Александрович — журналист; писал на экономические темы в ряде дореволюционных и пореволюционных изданий эсеровского направления. Издательство «Лира» ни одной книги не выпустило, однако заявило о себе публично следующим сообщением в *ВР* от 14 июля 1921 г. (№ 253, с. 5):

> В ближайшем времени в Риге в издании т-ва «Лира» выходят в свет следующие книги:
>
> 1. Б. Пастернак — «Сестра моя жизнь» (стихи).
> 2. И.Г. Эренбург — «Раздумия» (стихи).
> 3. Сборник стихотворений «Детям».
> 4. Сборник новейших стихотворений русских поэтов — «Из России».
> 5. Э. Герман — «Московские раздумья» (стихи).

Последний пункт в этом перечне настораживает: под названием «Московские раздумья» в *ВР* за четыре недели до этого рекламировался альманах рижского «Книгоиздательства Русских Писателей» (см. прим. 18), и можно предположить, что и в этом списке имелся в виду он же, и газета лишь по ошибке «совместила» его со сборником Э. Германа «Стихи о Москве», вышедшим годом позже в екатеринбургском Уралгосиздате. В таком случае, есть основания полагать, что за обоими издательскими начинаниями стояли одни и те же лица, либо второе было просто продолжением первого под новым названием. Был ли Б. главным организатором этих издательств, сказать трудно, но информацию в *ВР* давал, скорее всего, он: в автобиографической справке, посланной в ж. «Русская книга» 6 июля 1921 г. (Hoover Institution Archives, Boris Nicolaevsky Collection, box 124, f. 29) и лишь частично воспроизведенной в № 7/8 журнала за этот год (с. 22), Б. рекомендовал себя как корреспондента *ВР* и «Голоса России» (в последнем 8 мая 1921 г. также появлялась информация о рижском «Книгоиздательстве Русских Писателей»). В 1922 г. Б. выпустил в Риге, без издательства, свою книгу воспоминаний о гражданской войне «Под белым крестом»; указанный на книге адрес склада издания совпадает с тем, что записан у Ц.

[132] Эти слова Али, сказанные ею при чтении «Книги Джунглей» Р. Киплинга, приводятся в очерке Ц. «Герой труда» (1925); см. *СС-4*, с. 34.

[133] О.А. *Шор* (псевд. О. Дешарт, 1894—1978) известна своими работами в области философии и истории искусств; в начале 1920-х гг. — ученый секретарь «Академии художественных наук», организованной под руководством П.С. Когана. Впоследствии эмигрировала в Италию; была близким другом семьи Вячеслава Иванова.

[134] соприкосновение двух эпидерм (*фр.*). Выражение из афоризма *Шамфора* (Chamfort, наст. имя: Sébastien-Roch-Nicolas, 1741—1794): «L'amour, tel qu'il existe dans la Société, n'est que l'échange de deux fantaisies et le contact de deux épidermes» («Любовь, как она существует в обществе, есть не что иное, как взаимный обмен фантазиями и соприкосновение двух эпидерм») («Maximes et pensées», CCCLIX).

[135] См. прим. 30.

[136] Т.е. из родительского дома в Трехпрудном переулке.

[137] Финальные строки ст-ния «Пуще чем женщина...».

[138] В диалоге и последующей записи речь идет об издании пьесы Ц. «Конец Казановы» одним из эфемерных издательств того времени «Созвездие». В апреле 1941 г. Ц. записала историю издания этой книги (видимо, по просьбе А.Е. Крученых и, видимо, на его экземпляре книги, который не сохранился, а также — в свою тетрадь): «NB! Издательства Созвездие не было. <Были> два жулика. Оба рыжие, он — с рыжей бородой, она — просто лисица. Оба втерлись ко мне и унесли мою рукопись „Конец Казановы" — в трех картинах: I Дворец, II Знать, III Франциска, из которых воровски, без моего ведома, и явно *без* моей корректуры, с невставленными мной местами: *пустыми* скобками, напечатали только одну третью, т.е. самый конец Конца Казановы, назвав, вернее обозвав его „Драматический Этюд", чтобы как-нибудь объяснить его явную безначальность и переза-конченность (конец Конца...). Потом оба исчезли, оставив мне на память этого ублюдка. Я их потом больше никогда не видала, а этого ублюдка — видала всюду. И с неизменным отвращением» (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 38, л. 9 об.).

[139] Дракон и месть — и всё Песнь о Нибелунгах (*нем.*).

[140] жалюзи (*фр.*).

[141] Елена Оттобальдовна *Кириенко-Волошина* (1850—1923), мать М.А. Волошина.

[142] М.А. Волошин.

[143] Ст-ние «Масляница широка!..».

[144] Речь идет о Варваре Дмитриевне *Иловайской* (1858—1890), первой жене И.В. Цветаева, матери единокровных сестры и брата Ц. — Валерии и Андрея.

[145] стоячий гребень (*фр.*).

[146] Неточная цитата из ст-ния Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы»; в оригинале: «Парки бабье лепетанье».

[147] Ср. незавершенный набросок «Как закон голубиный вымарывая...» (*СС-2*, с. 11).

[148] Ст-ние не было своевременно переписано Ц. в *БТ-3*. Впервые: *СЗ*, 1932, кн. 50.

[149] См. *СС-2*, с. 50.

[150] Я отменяю этот поцелуй. — Я отменяю эти шлепки (*фр.*).

[151] чего ради? (*фр.*)

[152] Эта тетрадь сохранилась: РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 6.

[153] *ЧТ-4*.

[154] См. *СС-2*, с. 99.

[155] 11 мая 1922 г. Ц. с дочерью выехали из Москвы в Ригу, где сделали пересадку на берлинский поезд, и 15 мая прибыли в Берлин.

[156] Первое время своего пребывания в Берлине Ц. с дочерью жили в предоставленной им Эренбургами комнате их квартиры в Prager Pension (Pragerplatz, 4a).

[157] См. *СС-2*, с. 117.

[158] Строфа, вошедшая в ст-ние «Удостоверишься — повремени!..» в *ПР*.

[159] В № 7 *НРК* за 1922 г. сообщалось, что названным издательством среди прочих приобретена книга Ц. «Версты» (с. 30). Из письма Ц. к Р.Б. Гулю от 9 февраля 1923 г. известно, что речь шла о переиздании сб. *В1* (см. *СС-6*, с. 520), первоначально купленного у Ц. издательством «Огоньки», а затем перепроданного им «Веку Культуры». Издание не осуществилось.

[160] Так выглядели в то время в Берлине номера телефонов.

[161] В «Справочнике для русских в Берлине», вышедшем в 1923 г. под инициалами С.Я., на с. 18 упоминается некто С.К. Сочивко, присяжный поверенный, секретарь Русского постоянного третейского суда. Адрес этого учреждения в справочнике не совпадает с тем, что записан у Ц. Чем могло быть вызвано обращение Ц. к Сочивко, если оно действительно имело место, неизвестно.

[162] Адресат писем — А.Г. Вишняк. В 1932 г., тогда же, когда заполнялась эта сводная тетрадь, Ц. осуществила перевод на французский язык и обработку текстов писем, придав эпизоду вид эпистолярной повести. (Тогда же был написан «Конец Флорентийских ночей»; см. с. 229—230.) При жизни напечатать эту вещь Ц. не удалось, но французский текст (авторизованная машинопись) сохранился в ее архиве (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2. ед. хр. 101) и был впоследствии опубликован: Marina Tsvetaeva. *Neuf lettres avec une dixième retenue et une onzième reçue*. Paris: Clémence Hiver, 1985. Существуют два обратных перевода этого текста на русский язык: Р. Родиной («‹Флорентийские ночи›», впервые: *НМ*, 1985, № 8; см. также *СС-5*) и Ю. Клюкина («Девять писем с десятым, невернувшимся, и одиннадцатым, полученным, — и Послесловием». *Болшево*, 1992, № 2). В последнем случае переводчик имел возможность сверять свою работу с русским текстом Ц., который он готовил к печати для неосуществившегося тома «Литературного наследства».

[163] «Флорентийские ночи» (*нем.*) — новелла Г. Гейне. В августе 1922 г. «Флорентийские ночи» и «Рабби из Бахарах» Гейне были анонсированы издательством «Геликон» в переводе Ц. (см. *Новости литературы*, 1922, № 1, с. 29). Издания не осуществились.

[164] Ц. неточно цитирует приведенные в воспоминаниях С.М. Волконского (глава «Единомышленники» книги «Родина») слова его матери, Елизаветы Григорьевны Волконской: «Однажды она сказала: „Я люблю Соловьева больше, чем кого бы то ни было“. Тут же она спохватилась и прибавила: „То есть, конечно, я больше всего люблю вас, детей моих, но для приволья души моей никто мне не дорог, как он“» (Волконский С.М. *Мои воспоминания*. Т. 2. М.: Искусство; 1992, с. 80).

[165] Скорее всего, речь идет о Н.А. Плуцер-Сарна.

[166] Цикл «Отрок», первоначально посвященный Э.Л. Миндлину (сохранился автограф с посвящением: см. *ВМЦ*, с. 118), был перепосвящен А.Г. Вишняку (Геликону) и появился в ж. «Эпопея» (1922, № 2), а затем в *Р* с этим новым посвящением.

[167] Письмо четвертое.

[168] Письмо пятое.

[169] Немецкая идиома, означающая: всё целиком, без остатка.

[170] *Гуковский* Александр Исаевич (1865—1925) — один из редакторов *СЗ*, при которых существовало одноименное издательство.

[171] Письмо шестое: Ц. сбилась со счета.

[172] Речь идет о еще не написанном первом письме Ц. к Пастернаку, которое стало откликом на его письмо к ней от 14 июня 1922 г., посланное на адрес Эренбурга и пересланное им 21 июня Ц. Первое письмо Ц. к Пастернаку датировано 29 июня 1922 г.

[173] Письмо седьмое.

---

[174] В оригинале: «Freude». «Через страдание — радость» (*нем.*). Ставшие знаменитыми как жизненный девиз Бетховена, слова из его письма к графине Марии фон Эрдеди от 10 октября 1815 г.

[175] Письмо восьмое.

[176] Слова Марии-Антуанэтты Лозену из четвертой картины пьесы Ц. «Фортуна» (см. *СС-3*, с. 400).

[177] Т.е. А.И. Гуковскому. Пьеса была напечатана в *СЗ*, 1923, кн. 14, 15.

[178] Поездка описана в очерке Ц. «Пленный дух» (1934).

[179] 31 июля 1922 г. Ц. с дочерью уехали из Берлина в Прагу. А.Г. Вишняк провожал их. На вокзале Ц. передала ему письмо, остающееся неизвестным.

[180] Письмо было получено Ц. 2 ноября 1922 г. (см. ее письмо к Л.Е. Чириковой от 3 ноября 1922 г.: *СС-6*, с. 303). Об обстоятельствах, вызвавших это письмо, см. письмо Ц. к Л.Е. Чириковой от 16 октября 1922 г. (*СС-6*, с. 302—303).

[181] экспресс-почтой (*нем.*).

[182] *ЧТ-7.*

[183] Неточная цитата из «Мнения о начале поэзии и стихов вообще» В.К. Тредиаковского. Эти слова Ц. поставила эпиграфом к первому разделу («Тетрадка первая») *ПР.*

[184] См. ст-ние «Золото моих волос...» (*СС-2*, с. 149—150).

[185] от *чешск.:* svobodárna — общежитие для холостых (незамужних). Речь идет об общежитии на улице U svobodárny на заводской окраине Праги, в Либне, в котором в начале 1920-х гг. была размещена большая группа русских студентов, прибывших в Прагу для продолжения учебы в рамках так называемой «русской акции» чехословацкого правительства. У С.Я. Эфрона была комната в этом общежитии.

[186] Т.е. бойцов «Марковского» офицерского полка Добровольческой армии, названного по имени возглавившего его генерала Сергея Леонидовича *Маркова* (1879—1918). Был сформирован в феврале 1918 г. в Новочеркасске. С.Я. Эфрон все три года гражданской войны воевал в этом полку.

[187] См. ст-ние «В сиром воздухе загробном...» (*СС-2*, с. 160—161); к нему же относятся варианты ниже в тексте.

[188] надежда (*фр.*). Ц. подразумевает французскую примету: «Araignée du soir — espoir» («Паук вечером — знак надежды»).

[189] См. ниже в тетради набросок письма к Пастернаку.

[190] Олег Вячеславович *Туржанский* (1916—1980) — сын Александры Захаровны *Туржанской* (урожд. Дмитриевой, ?—1974), до эмиграции — актрисы, и Вячеслава Константиновича *Туржанского* (1891—1976), знаменитого кинорежиссера, одного из зачинателей немого кино в России, ставшего затем классиком французского немого кино. Брак А.З. и В.К. Туржанских распался еще до эмиграции. Об А.З. Туржанской, с которой Ц. познакомилась в Чехии и поддерживала дружеские отношения в Париже, см. записи в Тетради 2.

[191] На Сицилии Ц. побывала во время свадебного путешествия весной 1912 г.

[192] *Альтшуллер* Григорий Исаакович (1895—1983) — в то время студент-медик Пражского университета, сын известного врача И.Н. Альтшуллера, лечившего А.П. Чехова и Л.Н. Толстого.

[193] Ср. письмо к Пастернаку от 10 февраля 1923 г., известное по копии, снятой А.Е. Крученых (*СС-6*, с. 228—233).

[194] Демону (*лат.*).

[195] Речь идет о сб. «Темы и варьяции», выпущенном в январе 1923 г. издательством «Геликон»; Пастернак послал его Ц. с дарственной надписью (см. *СС-6*, с. 282).

[196] Ст-ние «Так начинают. Года в два...».

[197] В оригинале: «О не вы, это я — пролетарий!» (ст-ние «Я их мог позабыть? Про родню...»).

[198] великое Может Быть (*фр.*); выражение, восходящее к легендарной предсмертной фразе Рабле: «Je m'en vais chercher un grand peut-être» («Я отправляюсь на поиски великого Может Быть»).

[199] Ц. говорит о похоронах Т.Ф. Шлёцер-Скрябиной в апреле 1922 г.

[200] Список ст-ний, приведенный ниже, в точности совпадает с начальной частью автографа Ц. со стихами 1923 г., посланного ею Пастернаку и сохранившегося в архиве А.Е. Крученых (РГАЛИ, ф. 1334, оп. 1, ед. хр. 984). Этой части в автографе предпослано заглавие «Стихи к Вам», и стихи пронумерованы от 1 до 9 (девятое — как цикл из двух ст-ний). Различается лишь вторая из крайних дат: не 14, а 17 февраля, что совпадает с датировкой последнего из названных ст-ний в *ПР*. Разночтения в заглавиях ст-ний в приведенном списке и в *ПР* восстановлены отчасти по этому автографу.

[201] Ст-ние «Не надо ее окликать...».

[202] Третье ст-ние цикла «Скифские».

[203] Ст-ние «Нет, правды не оспаривай...».

[204] Ст-ние «Эмигрант».

[205] Ст-ния «От руки моей не взыгрывал...» и «Оперением зим...» (первое из ст-ний не вошло в *ПР*; см. *СП*, с. 397, где напечатано по *БТ-3*).

[206] Первое ст-ние цикла «Скифские».

[207] Второе ст-ние цикла «Скифские».

[208] Ст-ние «Плач цыганки по графу Зубову».

[209] Edel — благородный; Edelstein — драгоценный камень (*нем.*). Эта запись вошла в очерк «О Германии» (1919; 1925); см. *СС-4*, с. 550.

[210] По-видимому, с ней Ц. запечатлена на известной групповой фотографии лета 1923 г.

[211] Трудно себе представить, чтобы в 1932 г. И.А. Бунин появлялся в дворянской фуражке; вероятно, Ц. вспоминает его известный юношеский фотопортрет 1890 г.

[212] *Рейтлингер* (в замужестве Кист) Екатерина Николаевна (1901—1989) и *Рейтлингер* Юлия Николаевна (1898—1988) — близкие знакомые семьи Ц. в Чехии, в то время обе студентки. См. о них записи в Тетради 2. См. также воспоминания Е.Н. Рейтлингер о Ц.: *ВМЦ*, с. 287—291.

[213] Из статьи «Искусство при свете совести» (*СС-5*, с. 365); в тексте статьи: «Правда поэта...».

[214] Ср. письмо к Пастернаку от 9—10 марта 1923 г., известное по копии, снятой А.Е. Крученых (*СС-6*, с. 237—241).

[215] См. также неоднократные упоминания о работе над этой книгой ниже в тексте. Книга не вышла и неизвестно, была ли работа над ней завершена. Относящихся к ней рукописей не сохранилось, но можно предположить, что це-

лый ряд впоследствии опубликованных очерков Ц., восходящих к ее дневниковым записям революционных лет, генетически связан с планом книги.

[216] *Слоним* Марк Львович (1894—1976) — литературный критик, один из редакторов *ВР*. На протяжении многих лет был близким другом Ц. См. его воспоминания о ней: *ВМЦ*, с. 306—350.

[217] Девятое ст-ние цикла «Провода».

[218] постоянный (*фр.*).

[219] Цикл «Федра».

[220] Первое ст-ние цикла «Провода».

[221] См. *СП*, с. 397—398, где напечатано по *БТ-3*.

[222] Восьмое ст-ние цикла «Провода».

[223] богемский лес (*нем.*).

[224] В *ПР* это ст-ние не входит в цикл «Провода», а непосредственно ему предшествует; однако в автографе стихов 1923 г., посланном Пастернаку (см. прим. 200), это ст-ние включено в цикл (между четвертым и пятым ст-ниями цикла в редакции *ПР*).

[225] Горизонтальное и вертикальное ремесло (*нем.*). Выражение «horizontales Handwerk» восходит к «Путешествию по Гарцу» из «Путевых картин» Г. Гейне.

[226] Речь идет о С.М. Волконском.

[227] Пятое ст-ние цикла «Провода».

[228] кто ничем не рискует, тот ничего не выигрывает; кто рискует малым (*фр.*).

[229] Финальная строка (с неточностями в графике) ст-ния И.Ф. Анненского «Невозможно» из сб. «Кипарисовый ларец».

[230] Впервые: *НМ*, 1969, № 4, с. 191—193. Обращено к Александру Васильевичу *Бахраху* (1902—1985), в то время начинающему критику, и является откликом на его рецензию о *Р* («Поэзия ритмов». *Д*, 1923, № 133, 8 апреля, с. 19). Первоначально написанный в тетрадку, этот набросок был впоследствии включен Ц. в текст ее первого письма к Б. от 9 июня 1923 г. (*СС-6*, с. 557—560).

[231] Название большого универмага в Берлине.

[232] Правильно: «Глоссолалия. Поэма о звуке». Была написана Белым раньше, чем полагает Ц., — в 1917 г.; издана в 1922 г. в Берлине.

[233] русский стиль (*фр.*).

[234] Из ст-ния К. Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем...»; в оригинале: «Одно, чего и святотатство...».

[235] Анна Алексеевна (Ася) *Тургенева* (1890—1966) — первая жена А. Белого, видная антропософка.

[236] наш случай (*фр.*).

[237] См. *СС-2*, с. 187.

[238] Первое ст-ние цикла «Ариадна».

[239] Речь идет о возникшем примерно в это же время замысле драматической трилогии «Тезей». Осуществлены были лишь две первые части — «Ариадна» и «Федра»; см. записи, относящиеся к этому замыслу, далее в тексте тетрадей.

[240] «Поэма заставы».

[241] Цикл «Поэты».

[242] Об этом замысле ничего неизвестно.

[243] Фрагмент (последние четыре строфы), не вошедший в печатный текст поэмы; известен его автограф на экземпляре книги «Мóлодец» (1924), подаренном М.С. Булгаковой 18 июня 1925 г. (впервые опубликован Р. Кембаллом в кн.: *Marina Tsvetaeva. Actes du 1er colloque international.* Peter Lang, 1991, pp. 426—427; см. также *СС-2*, с. 134).

[244] Ср. письмо к Пастернаку от 19 ноября 1922 г., известное по копии, снятой А.Е. Крученых (*СС-6*, с. 225—228).

[245] пожар (*нем.*), а также имя героя одноименной драмы Г. Ибсена.

[246] «Где радуга опустила свою ногу» (*фр.*). Источник цитаты не установлен.

[247] Северное море (*нем.*); так называется один из разделов «Книги песен» («Buch der Lieder») Г. Гейне и одна из глав его же «Путевых картин» («Reisebilder»).

[248] См. прим. 199.

[249] *букв.:* дикая охота (*нем.*). В немецкой мифологии — души умерших, по ночам носящиеся в воздухе со звуками охотничьих рожков и собачьего лая.

[250] тире (*нем.*), *букв.:* черта (морщина) мысли.

[251] с учетом пропорций (*фр.*).

[252] с еще бóльшим учетом пропорций (*фр.*).

[253] «...и ищут прекрасные образы // И всю жизнь так одиноки» (*нем.*). Неточная цитата из ст-ния Р.М. Рильке «Und du erbst das Grün...» из сб. «Часослов» («Das Stunden-Buch»). В оригинале: «und sammeln Bilder, rauschende und reiche, // und gehn hinaus und reifen durch Vergleiche // und sind ihr ganzes Leben so allein...».

[254] Быть и иметь (*фр.*).

[255] «Всё преходящее есть только подобие» (*нем.*) — слова Мистического хора из финала II части «Фауста» Гёте.

[256] Московское символистское издательство; при нем существовал кружок (так называемый «молодой Мусагет»), на собраниях которого бывала Ц.

[257] верующие (*фр.*).

[258] Обращено к А.В. Бахраху.

[259] *букв.:* пурпурная лихорадка (*фр.*); горячка. Бл. Августин, упоминаемый ниже в тексте, был болен ею в детстве («Исповедь», кн. 1, гл. 1, § 17).

[260] Автобиографический роман С.Т. Аксакова.

[261] Выше, без имен авторов, упомянуты: роман Тургенева «Рудин», роман Пушкина «Евгений Онегин», повесть Достоевского «Неточка Незванова» и две ее героини (Неточка и княжна Катя), его же роман «Бедные люди» и персонажи его романов «Преступление и наказание» (Соня Мармеладова) и «Идиот» (Аглая).

[262] «черный (смуглый) ребенок» (*нем.*, *фр.*); «enfant noiraud» значит также «особый ребенок» (*фр.*).

[263] Возможно, ошибка памяти Ц. В мемуарах первой жены Леопольда фон *Захер-Мазоха* (1836—1895) Ванды фон *Захер-Мазох* (наст. имя: Aurora, урожд. Rümelin, 1845—1933), которые Ц. могла читать и по-немецки, и по-французски (Wanda von Sacher-Masoch. *Meine Lebensbeichte.* Berlin & Leipzig, 1906; *Confession de ma vie.* Paris, 1907), говорится о сильной взаимной привязанности, существовавшей между отцом и старшим сыном Александром, светловолосым и голубоглазым, умершим от тифа в десятилетнем возрасте, и о прохладном отношении отца к младшему сыну Деметриусу, любимцу матери, смуглому и тем-

новолосому. Однако о том, чтобы Ванда фон Захер-Мазох выбрасывалась из окна, никаких упоминаний в книге нет. С какими еще источниками Ц. могла иметь дело, установить не удалось.

[264] материнская любовь, которая все их (страсти) укрывает в тени (*фр.*). Источник цитаты не установлен.

[265] *ЧТ-8.*

[266] Ст-ние «Сестра».

[267] Это низость! — вернее: убожество! (*фр.*)

[268] Ст-ния «Ночь» и «Прокрасться...».

[269] См. *СП*, с. 646—647, где напечатано по беловой сводке в *ЧТ-8.*

[270] Наброски, следующие ниже, относятся не к ст-нию «Сахара», а к ст-нию «Расщелина».

[271] Обращено к Константину Болеславовичу *Родзевичу* (1895—1988), бурный роман с которым Ц. пережила осенью 1923 г. См. записи в Тетради 2. Письма Ц. к Р. сохранились и находятся в РГАЛИ; по оригиналу опубликовано лишь одно письмо (*СС-7*, с. 758), фрагменты двух других писем опубликованы по копиям (*СС-6*, с. 659—662).

[272] *Чирикова* Валентина Евгеньевна (1898—1988) — дочь писателя Е.Н. Чирикова, художница. См. ее мемуарный очерк о Ц.: *ВМЦ*, с. 275—277.

[273] Ст-ние «Рельсы».

[274] Из приведенного списка написано лишь последнее ст-ние — «Клинок».

[275] Обращено к А.В. Бахраху. Далее обращенные к нему фрагменты не оговариваются в примечаниях (за исключением отсылок, где необходимо, к опубликованным письмам Ц.).

[276] главным выигрышем в жизни (*фр.*).

[277] уверенность (*фр.*).

[278] «Юноша любит девушку» (*нем.*). Начальная строка ст-ния Г. Гейне из раздела «Лирическое интермеццо» («Lyrisches Intermezzo») сб. «Книга песен» («Buch der Lieder»).

[279] Начальная строфа ст-ния, открывающего *ПР.*

[280] наш живой облик (*нем.*).

[281] Скандальная хроника (*фр.*).

[282] Ст-ние «Сок лотоса» (*СС-2*, с. 212—213).

[283] Ливанские высоты (*нем.*).

[284] Ср. письмо к Бахраху от 25 июля 1923 г. (*СС-6*, с. 572—576).

[285] покрасоваться! (*фр.*)

[286] См. *СП*, с. 627, где напечатано по беловой сводке в *ЧТ-8.*

[287] Ср. письмо к Бахраху от 25—27 июля 1923 г. (*СС-6*, с. 576—582).

[288] Наст. имя: Лев Львович *Кобылинский* (1879—1947). Был близким другом юности Ц.; к нему обращен ряд ст-ний в *ВА*, он же является героем поэмы Ц. «Чародей» (1914). См. письма Ц. к нему: *СС-6*, с. 31—34.

[289] Ц. имеет в виду «Воспоминания о А.А. Блоке» А. Белого, напечатанные в ж. «Эпопея» (1922—1923, № 1—4).

[290] Б.К. Зайцев.

[291] Речь идет о ст-нии «Жив Бог! Умен, а не заумен...», напечатанном в *СЗ*, 1923, кн. 16.

[292] Ср. полную перемену смысла фразы в посланном письме: «„Ангела, Богу предстоящего“ я всегда предпочитаю человеку <…>» (*СС-6*, с. 579).

[293] Нина Николаевна *Берберова* (1901—1993) — в то время начинающая поэтесса, впоследствии известная писательница.

[294] Под общим названием «Прóводы» в ж. «Русская мысль» (1923, № 1/2) были напечатаны три ст-ния Ц., вошедшие в *В1:* «Собирая любимых в путь…», «Никто ничего не отнял!..», «Разлетелось в серебряные дребезги…».

[295] *Простая речь о мудреных вещах.* Сочинение Михаила Погодина. М., 1873.

[296] Осторожно, змеи (*чешск*.).

[297] Правильно: «Жизнь и гибель Николая Курбова» (1922, опубл. 1923), роман Эренбурга.

[298] В действительности в список включены стихи, написанные в июне и июле 1923 г. Все ст-ния, кроме 2, 14 и 15, вошли в *ПР.* Ст-ние 7 (в *ПР* — «Луна — лунатику») названо в списке по варианту первой строки, в окончательной редакции измененной. О ст-нии 2 см. прим. 269; о ст-нии 14 («Сок лотоса») см. прим. 282; о ст-нии 15 (названо в списке по второй строке) см. прим. 286.

[299] Ст-ние «Посмертный марш».

[300] Ст-ние «Заочность».

[301] Второе ст-ние цикла «Час души».

[302] Ст-ние «Письмо».

[303] Третье ст-ние цикла «Час души».

[304] Ср. письмо к Бахраху от 17 августа 1923 г. (*СС-6*, с. 582—583).

[305] По-видимому, описка Ц.: ее переезд планировался на 1 сентября (см. далее в тексте).

[306] Ст-ние «Клинок».

[307] Ст-ние «Наука Фомы».

[308] Первое ст-ние цикла «Магдалина».

[309] Ср. письмо к Бахраху от 27 августа 1923 г. (*СС-6*, с. 583—586).

[310] вечно-мужское (*фр.*).

[311] Правильно: «Košíře» и «Šwédská». В действительности, названная улица расположена не в районе Коширже, а в районе Смихов (Smíchov).

[312] См. ст-ние «Как бы дым твоих ни горек…» (*СС-2*, с. 223); к нему же относится ряд набросков ниже в тексте.

[313] Второе и третье ст-ния цикла.

[314] Здесь и в следующем эпистолярном фрагменте речь идет о К.Б. Родзевиче.

[315] Цикл «Овраг».

[316] К.Б. Родзевичу.

[317] Ст-ние «Ахилл на валу».

[318] Т.е. 13 сентября.

[319] Ст-ние «Последний моряк».

[320] Ср. текст, посланный Бахраху (*СС-6*, с. 589—599).

[321] всё сбудется (*фр.*).

[322] нечего терять (*фр.*).

[323] Из ст-ния «Не здесь, где связано…». В *Р* нет цикла «Сугробы»; в составе этого цикла печаталось в *ВР*, 1922, № 26/27.

[324] Оставим это; довольно (*нем.*).

[325] Ц. имеет в виду строки из Откровения Иоанна Богослова: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (3:15—16).

[326] Фрагмент о Ф.А. Степуне (с заменой его имени на N) впервые: *НМ*, 1969, № 4, с. 193—194. Речь идет о рецензии Бахраха на книгу Степуна «Основные вопросы театра» («Данные театра и задания жизни». *Д*, 1923, № 226, 29 июля, с. 13—15).

[327] захочешь — не сможешь (*фр.*).

[328] Отзыв Бахраха о книге Степуна носит вполне положительный характер.

[329] Рецензия Бахраха завершается строками «И с тех пор люблю я, Брента, // *Прозу в жизни* и в стихах» (курсив Бахраха) из ст-ния Ходасевича «Брента», впервые опубликованного месяцем ранее в берлинском ж. «Сполохи» (1923, № 19/20).

[330] Драма Г. Ибсена.

[331] трагическое (*нем.*).

[332] «для галёрки», «для публики» (*фр.*).

[333] Английские писательницы сестры Шарлотта (1816—1855), Эмили (1818—1848) и Энн (1820—1849) *Бронтё* всю жизнь прожили в пасторском доме своего отца в местечке Хауорт (графство Йоркшир).

[334] Начальные строки ст-ния «Письмо».

[335] Текст представляет собой монтаж отрывков из начала главы 24 романа Ш. Бронтё «Вилльет» (в современном переводе — «Городок»), который Ц. читала по-французски. Приводим русский перевод по изданию: Бронтё Ш. *Городок*. Пер. с англ. Л. Орел и Е. Суриц. М.: Худож. литература, 1983, с. 321—323 (пропуски Ц. отмечены знаком купюры):

> Того, кто обречен жить в тиши, кому выпала жизнь в стенах школы или другого отгороженного от мира прибежища, порой надолго забывают друзья, обитатели шумного света (отгороженного не только стенами, я, 1932 г.). Вдруг, ни с того ни с сего, после особенно частых встреч, которые сулили оживление, а не прекращение дружбы, — наступает пауза, полное молчание, долгая пустота забвенья. Ничто не нарушает этой пустоты, столь же полной, сколь и необъяснимой. Нет больше писем, прежде приходивших то и дело; нет визитов, ставших уже привычными; почта не приносит ни книг, ни бумаги, никаких вестей.
>
> Всегда сыщутся причины этим перерывам, только они неведомы бедному отшельнику. Покуда он томится в тесной келье, знакомцы его кружатся в вихре света. Пустые дни катятся для него так медленно, что бескрылые часы едва влекутся, словно унылые бродяги, не чающие добраться до межевого столба, в то же самое время, быть может, для друзей его полно событий и летит, не успевая оглядеться.
>
> Отшельнику, ежели он отшельник разумный, — остается забыть обо всем, не предаваться ни чувствам, ни мыслям и пережидать холод. Ему следует понять, что Судьба судила ему уподобиться маленькому зверьку соне и не горевать о себе, свернуться калачиком, забиться в норку, покориться и перезимовать во льду.
>
> Ему остается сказать себе: «Что поделать, чему быть, того не миновать». И быть может, в один прекрасный день отворится ледяной склеп, повеет весною, его согреет луч солнца и теплый ветерок; колыханье трав, птичий щебет и пенье раскованных струй коснется его слу-

ха, призывая к новой жизни. Это может случиться, но может и не случиться. Сердце его может сковать мороз так, что оно уж не оттает. Теплой весной лишь косточки бедного сони могут достаться ворону или сороке. Но даже и тогда — что поделать! С самого начала ему следовало помнить о том, что он смертен и однажды пройдет путь всякой плоти. <...>

Середина пустоты — всегда самое тяжелое для затворника время <...>.

На последней из этих долгих семи недель я уступила мысли, в которой целых шесть недель не хотела себе признаться, — что пустот таких не избежать, что они следствие обстоятельств, указ судьбы, моя участь, и главное — о причине их нечего и дознаваться, и винить решительно некого. <...>

Чего только я не перепробовала, чтобы скоротать одинокие часы: затеяла плести мудреное кружево, корпела над немецкими глаголами, перечла все самые толстые и скучные книжки, какие отыскались на полках; и всё это с большим прилежаньем. Быть может, я просто выбирала занятия невпопад? Не знаю.

Час мучений наступал, когда ждали почту

Так писем не ждут:
Так ждут — письма.

Час мучений наступал, когда ждали почту. Увы, я хорошо знала, когда ее приносят, и тщетно старалась себя обмануть и отвлечь, страшась пытки ожидания и горечи обманутой надежды, ежедневно предварявших и сопровождавших слишком знакомый звонок.

Думаю, звери, которых держат в клетках и кормят так скудно, что они едва не гибнут с голоду, ждут кормежки с тем же нетерпеньем, с каким я ожидала письма. Ох! Говоря по правде и отступая от притворно спокойного тона, в каком уже нет сил продолжать больше, за семь недель я пережила непереносимую боль и страх, мучилась догадками, не раз теряла всякую веру в жизнь и делалась добычей отчаянья самого горького. <...> Письмо, милое письмо никак не приходило; а мне не было иной отрады (*фр.*).

[336] С Ольгой Елисеевной *Колбасиной-Черновой* (1886—1964) и ее младшей дочерью Ариадной (1908—1974) Ц. подружилась в Праге и активно переписывалась после их отъезда в Париж в октябре 1924 г. (см. *СС-6*, с. 666—782). В Париже К.-Ч. поселилась (уже со всеми тремя дочерьми) на rue Rouvet, 8; первые полгода после своего переезда в Париж Ц. жила на их квартире. См. воспоминания К.-Ч., А.В. Сосинской (Черновой) и Н.В. Резниковой (Черновой) о Ц.: *ВМЦ*, с. 292—298, 299—300, 380—386.

[337] Правильно: Цетлиных. Речь идет о дочери М.С. Цетлиной от первого брака Александре Николаевне *Авксентьевой* (1907—1984).

[338] См. прим. 251.

[339] Ср. устные воспоминания Н.В. Резниковой (Черновой): «Например, была большая обида с Бахрахом. Его критика на ее стихи ей очень понравилась. Но позднее, когда он пришел к нам, вместо того чтобы вести с ним интересную беседу, она стала едко над ним издеваться. Помню, она все говорила о каком-то “boudin” (кровяная свиная колбаса). — Вот купим “boudin”, будем есть “boudin”. А он ожидал от нее умных разговоров о поэзии. Так она дала ему понять, что больше его ни в грош не ставит» (Лосская В. *Марина Цветаева в жизни.* М., 1992, с. 152).

340 В действительности речь идет о лете 1928 г. Последовательность событий изложена далее рассказе неточно; ср. письма № 21—24 Ц. к Бахраху (*СС-6*, с. 624—626).

341 «Я зря прождала» (*фр.*).

342 Адресат неизвестен (*фр.*).

343 Ср. в воспоминаниях Бахраха: «Пропал даже пакет с ее книгами, который я ей выслал по ее просьбе. Что-то ей было нужно, а у нее иссякли авторские экземпляры» (*ВМЦ*, с. 387).

344 вещи (*нем.*).

345 См. прим. 162.

346 Выражение из романа Достоевского «Бесы».

347 (Вселенная.) Оттого и одинока. Вселенная одинока (*нем.*).

348 Три последних фрагмента (от слов «Когда я уезжаю из города...») вошли (с разночтениями) в подборку дневниковых записей, опубликованных Ц. под названием «Отрывки из книги „Земные приметы“» (1919; 1924); см. *СС-4*, с. 516—517.

349 Речь идет о публичной лекции главного идеолога антропософии Рудольфа *Штейнера* (1861—1925) «Die Menschenentwicklung · und Menschenerziehung im Lichte der Anthroposophie» («Развитие и воспитание человека в свете антропософии»), состоявшейся 30 апреля 1923 г. в помещении пражской Товарной биржи.

350 Домашнее прозвище С.Я. Эфрона.

351 эрзац, суррогат (*нем.*).

352 великолепиями (*нем.*).

353 «Глубокоуважаемые господа и дамы... Господа и дамы... Господа и дамы... Смена зубов... Господа и... Смена зубов... Дамы... Дамы... Смена зубов...» (*нем.*).

354 крещендо, быстро, очень быстро (*итал.*).

355 «До семи лет ребенок это только огромный глаз» (*нем.*).

356 «Господин Доктор, скажите мне одно-*единственное* слово на *всю* жизнь!» (*нем.*)

357 с ударением: «До *нового (следующего)* свидания!» (*нем.*)

358 Антропософский храм в Дорнахе.

359 Остров Патмос был местом изгнания евангелиста Иоанна; на этом острове ему было виде́ние о конце света, после которого он написал «Откровение» («Апокалипсис»). Имя Иоанна Богослова было особенно значимо для Ц., в частности, потому, что день ее рождения приходился на день этого святого по православному календарю, — факт, поэтически запечатленный ею в двух ст-ниях цикла «Стихи о Москве» (1916).

360 Ц. имеет в виду насмешки и осуждение, которые вызывала у современников гомоэротическая тема в поэзии Августа фон *Платена* (1796—1835); Ц. была знакома, как минимум, с одним произведением, дающим представление о полемике вокруг имени и поэзии П., — с «Лукксками водами» («Die Bäder von Lucca») Г. Гейне из его «Путевых картин».

361 Французский эквивалент предшествующей фразы.

362 См. прим. 10.

363 Не снисхожу (не снисходи) (*фр.*).

[364] *зд.:* Пред-чувствие. После-чувствие (*нем.*).

[365] Мотив «шагов перед грозой», связанный с предчувствиями драматических потрясений, врывающихся в жизнь, присутствует в главах VI или XXI книги второй романа Ч. Диккенса «Повесть о двух городах».

[366] Возможно, эта запись также связана с чтением «Повести о двух городах» Ч. Диккенса. Манон *Ролан* (1754—1793) — жена одного из лидеров жирондистов, министра внутренних дел Французской Республики Жана-Мари *Ролана де Ла Платьера* (1734—1793), погибшая на гильотине. В последней главе романа Диккенса к мадам Ролан относятся следующие слова: «Одна из самых известных жертв гильотины этого времени, женщина, у подножья того же эшафота попросила разрешения записать осенившие ее мысли». Возможна, однако, другая расшифровка смысла записи Ц. (не обязательно исключающая уже приведенную). По одной из биографических легенд, уподножья эшафота мадам Ролан обратилась к молодому человеку, который должен был быть казнен после нее, со словами: «Идите первым, у Вас не хватит сил смотреть, как я умираю». Палач запротестовал против нарушения этикета, однако мадам Ролан ответила: «Может ли француз отказать даме в ее последней просьбе? Я сумею подождать». Строки «Поэмы конца» Ц.: «Ведь даже на эшафот // Нас первыми просят...» — по-видимому, навеяны именно этой легендой о мадам Ролан.

[367] мезальянс (*фр.*).

[368] Беттина: «Мой самый сонный час» (*нем.*). Источник цитаты не установлен. Беттина фон *Арним* (Bettine von Arnim), урожд. Брентано (1785—1859) — немецкая романтическая писательница; Ц. чаще всего упоминает ее как автора книги «Переписка Гёте с ребенком» (1835).

[369] Финальные строки поэмы «Мóлодец».

Тетрадь 2

Оригинал представляет собой тетрадь форматом 22 на 17 см, в клетку, в темно-зеленом (изумрудном) картонном переплете с темно-синим матерчатым корешком. Хронологические рамки записей: 1923—1933 гг. Заполнялась в 1932—1933 гг. Заполнена приблизительно на 1/3 (записи кончаются на листе 53; семь пустых листов, оставленных в середине текста в нумерацию не включены). Вся тетрадь заполнена синими чернилами. Каждый разворот имеет очерченные красным карандашом верхние, нижние и боковые поля. Каждая страница заполнена в два столбца; граница между столбцами проведена почти на всех страницах простым или синим карандашом.

[370] *ЧТ-8.*

[371] Ц с дочерью уехали в Моравскую Тшебову (Тржебову) 7 сентября. Аля была оставлена там для учебы в русской гимназии.

[372] Рим с Любовью (*лат.*).

[373] Из ст-ния «Крик станций».

[374] Ст-ние «Крик станций».

[375] См. *СС-2*, с. 229.

[376] Начальные строки ст-ния «Ночные места».

[377] Ст-ние «Поезд жизни».

[378] *ЗК-49.*

[379] Обращено к К.Б. Родзевичу. Далее обращенные к нему фрагменты не оговариваются в примечаниях.

[380] Ст-ние «Древняя тщета течет по жилам...».

[381] Ст-ние «Побег».

[382] «Вычисление» представляет собой расчет времени оставшегося до встречи с Пастернаком, назначенной в письмах на 1 мая 1925 г. Число, записанное справа, обозначает время, прошедшее с 1 мая 1923 г., той даты, от которой Ц. вела отсчет двухлетнего срока ожидания.

[383] Овен (*нем.*).

[384] *ЧТ-10.*

[385] Слово, изобретенное Ц. как возможный немецкий эквивалент к выражению «незаконный сын».

[386] *ЗК-49.*

[387] В немецкой народной демонологии название группы ду́хов, связанных с одной из четырех стихий (элементов) — землей, водой, воздухом или огнем.

[388] См. прим. 373.

[389]
Небосвод над этой крышей
Так высок, так чист!
Стройный вяз над этой крышей
Наклоняет лист.
<...>
— «Что ж ты сделал, ты, что плачешь,
Много, много дней,
Что ж ты сделал, ты, что плачешь,
С юностью твоей?»

(фр., пер. В. Брюсова)

Первая и четвертая (последняя) строфы ст-ния П. Верлена из третьей части его сборника «Мудрость» («Sagesse»).

[390] Речь идет о Владимире Оттоновиче *Нилендере* (1883—1965), филологе-классике, переводчике, участнике кружка московских символистов-«аргонавтов». К Н. обращен целый ряд ст-ний в *ВА*; имея в виду Н., Ц. писала в «Герое труда», что сам ее первый сборник был издан «взамен письма к человеку, с которым была лишена возможности сноситься иначе» (*СС-4*, с. 23).

[391] См. прим. 163.

[392] См. о нем прим. 860.

[393] Всё понять — значит всё простить (*фр.*).

[394] Ц. имеет в виду выходящий в район Смихов южный склон Петржина холма.

[395] Запись оборвана, так как это случайный повтор уже сделанной выписки: см. с. 255—256.

[396] Точных данных об этом докладе обнаружить не удалось. Можно, однако, предположить, что речь идет об одной из серии лекций по новейшей русской литературе, устраивавшихся по вторникам и четвергам в помещении «Русского Дома» (см. прим. 402).

[397] Т.е. письма, адресованные Ю. Рейтлингер.

[398] Финальная строфа ст-ния Эренбурга «Не сумерек боюсь — такого света...» из сб. «Опустошающая любовь» (1922). Ц. допускает неточность в порядке

слов и фразовом членении; в оригинале: «Молю, — о Ненависть, пребудь на страже! // Среди камней и рубенсовских тел, // Пошли и мне...» и т.д. Это четверостишие цитируется в конце автобиографической заметки Эренбурга, помещенной в *НРК* (1922, № 4, с. 45), и, скорее всего, именно по этому источнику оно запомнилось Ц.

399 Этой строкой завершается датируемое 1940 г. ст-ние «Двух — жарче меха! рук — жарче пуха!..» (*СП*, с. 469).

400 *ЗК-49.*

401 *Кубка* Франтишек (1894—1969) — чешский писатель и переводчик. См. его мемуарный очерк «Грустный романс о Марине Цветаевой» (*ВМЦ*, с. 353—361), в котором упоминается (с неточностью в хронологии), по-видимому, то самое свидание с Ц. и Ходасевичем, о котором идет речь в записке.

402 «Русским Домом» (Praha II, Panská ul., 16) называлось здание, где помещался пражский Земгор и проходили многие культурные мероприятия, им организуемые; там же находился и ресторан «Русский Дом».

403 Л. Преллер — Греческая мифология, том II (*нем.*). Во втором томе (выходил в нескольких частях) неоднократно переиздававшейся «Греческой мифологии» Людвига *Преллера* (1809—1861) подробно излагаются сказания о греческих героях.

404 *ЧТ-8.*

405 *ЧТ-10.* За исключением последнего двустишия, это случайный повтор (с мелкими разночтениями) уже сделанных выше выписок из *ЧТ-10* (см. с. 254).

406 *ЧТ-8.*

407 См. *СС-2*, с. 235 (ст-ние «Ты, меня любивший фальшью...»).

408 *ЧТ-10.*

409 См. прим. 324.

410 Подруга, а не супруга (*нем.*).

411 См. прим. 407.

412 См. *СП*, с. 398, где напечатано по *БТ-4.*

413 *ЧТ-8.*

414 «В мои двадцать восемь лет быть уже вынужденным превратиться в философа; это не так-то легко, а для художника труднее, чем для кого-либо другого». Бетховен (Завещание) (*нем.*). Цитата из «Гейлигенштадтского завещания» («Heiligenstädter Testament», 1802) Л. ван Бетховена, обращенного к его братьям и написанного в период прогрессировавшей болезни слуха, приведшей впоследствии к полной глухоте.

415 На Новый год Ц. с мужем ездили навещать Алю (см. прим. 371).

416 См. прим. 312.

417 По-видимому, речь идет о Сергее Иосифовиче *Гессене* (1887—1951) — философе, профессоре Русского научного института в Берлине. С 1923 г. Г. постоянно жил в Праге, где, в частности, с осени 1923 г. читал лекции на историко-философском отделении Русского народного университета.

418 Возможно, речь идет об известной групповой фотографии, на которой запечатлены Ц., Е.И. Еленева, К.Б. Родзевич, Лелик Туржанский, С.Я. Эфрон и Н.А. Еленев.

419 Речь идет о № 18 или 19 *ВР* за 1923 г., в которых печаталась пьеса Ц. «Приключение».

[420] Самому́ есть — толстеть. Наедаться другим человеком не досыта, а дожирна (*нем.*). Ц. опирается на немецкую поговорку: «Selbst essen macht satt» («Самому́ есть — быть сытым»).

[421] Речь идет о намеченной встрече, см. прим. 382.

[422] *В* Вас (*нем.*).

[423] Написана на отдельном листке, который был заложен в *ЧТ-8.* В настоящее время — в Музее-квартире Ц. в Болшеве.

[424] Слова Татьяны Онегину из ее монолога в главе восьмой романа Пушкина «Евгений Онегин».

[425] *Булгакова* Мария Сергеевна (1898—1979) — дочь С.Н. Булгакова, впоследствии (в июне 1926 г.) вышла замуж за К.Б. Родзевича; во втором браке — Степуржинская.

[426] Эта драма Г. Ибсена была первой постановкой, осуществленной пражской группой бывших артистов Московского художественного театра. Главные роли исполняли М.Н. Германова и Н.О. Массалитинов. Ц. была на одном из двух представлений пьесы в Виноградском театре в Праге: 12 или 18 декабря 1923 г.

[427] «И говорите иногда мое имя при поцелуе...» Мадмуазель де Мопэн (*фр.*). Ц. с небольшой неточностью цитирует финальные слова романа Т. Готье «Мадмуазель де Мопэн» («Mademoiselle de Maupin»), принадлежащие главной героине романа. Учитывая контекст цветаевской записи, эта цитата из романа Готье скорее всего вписана ею в качестве иронического контрапункта к ее собственной фразе. В романе слова героини обращены к любовной паре и последнее предложение полностью читается так: «Aimez-vous bien tous deux en souvenir de moi, que vous avez aimée l'un et l'autre, et dites-vous quelquefois mon nom dans un baiser» («Любите друг друга в память обо мне, любившей каждого из вас, и говорите иногда мое имя при поцелуе»).

[428] Четыре последующие цитаты взяты из романа Ф. Гёльдерлина «Гиперион, или Отшельник в Греции» («Hyperion oder Der Eremit in Griechenland»). В скобках при переводе указываются номер тома и книги романа.

[429] «Сердечная волна не вздымалась бы так высоко и не превращалась бы в дух, когда бы ей не преграждала путь старая немая скала — судьба» (*нем.*) (т. 1, кн. 1). Эти строки Ц. поставила эпиграфом к циклу «Провода» в *ПР.*

[430] «О, как правы были древние тираны, запрещая такие дружбы, как наша! Человек в них становится сильным, как полубог (и не терпит никакой подлости рядом с собой)» (*нем.*) (т. 2, кн. 1).

[431] «Разве я говорю с тобой не из *твоей* собственной души?» (*нем.*) (т. 2, кн. 2).

[432] Эти строки (с небольшими неточностями) Ц. поставила эпиграфом к своей «Поэме горы» и в позднем ее автографе перевела следующим образом: «О любимый! Тебя удивляет эта речь? Все расстающиеся говорят как пьяные и любят торжественность» (т. 2, кн. 2).

[433] «Боль — доброе слово, боль — истинное слово, боль — милосердное слово». Святая Кунигунда (*нем.*). Источник цитаты не установлен. *Св. Кунигунда* (†1033) — супруга императора Генриха II (†1024); канонизирована в 1200 г.

[434] «И вечно пребывает стремление к освобожденью» (*нем.*). Цитата из гимна Ф. Гёльдерлина «Мнемозина» («Mnemosyne [Dritte Fassung]» («Reif sind, in Feuer getaucht, gekochet...»)).

[435] А потом — конец (*фр.*).

[436] рефрен, повтор (*фр.*).

[437] Здесь есть умысел (*фр.*).

[438] «Не очень-то ставь себе это в заслугу: привычка слишком сладкая вещь» (*нем.*). Источник цитаты не установлен.

[439] «О вдохновение! Мы находим в тебе счастливое упокоение, спокойно-торжествующие, мы погружаемся глубоко в твои волны, — до той поры, пока не услышим зов к молитве и, с пробудившейся вновь гордыней, не возвратимся, подобно звездам, в краткую ночь жизни» (*нем.*). Финальная строфа (с небольшими неточностями) ст-ния Ф. Гёльдерлина «Диотима» («Diotima» [Mittlere Fassung] («Lange tot und tiefverschlossen...»)).

[440] Ст-ние М.Ю. Лермонтова «Свиданье» (Ц. приводит его первую строку).

[441] Ода Г.Р. Державина «Властителям и судиям» (Ц. приводит начало ее пятой строфы).

[442] Ст-ние Я.П. Полонского «Песня цыганки» (Ц. приводит начало его первой строки); неоднократно положенное на музыку, было популярно как романс.

[443] кафе (*чешск.*).

[444] См. прим. 435.

[445] По-видимому, обращено к А.А. Чаброву.

[446] вечно-женственное (*нем.*).

[447] Страна Нежности (*фр.*). Аллегорическая страна любви, описанная в романе Мадлен де *Скюдери* (1607—1701) «Клелия» («Clélie»).

[448] Один из центральных районов Праги.

[449] ...и еще его (ее) дружба, которая была большей, чем его (ее) любовь (*фр.*).

[450] См. прим. 387.

[451] Родилась в 1932 г.

[452] Начало ст-ния Пастернака «Заместительница» из сб. «Сестра моя — жизнь».

[453] По-видимому, обращено к М.Л. Слониму.

[454] *ЧТ-10.*

[455] Фрагмент диалога Казановы и Генриэтты из четвертой картины пьесы Ц. «Приключение» (*СС-3*, с. 488).

[456] Речь идет о финальном эпизоде романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо».

[457] См. записи ниже (с. 310—313).

[458] Матфей 9:13 и 12:7.

[459] А.М. Ремизов и его жена, С.П. Ремизова-Довгелло, с осени 1923 г. постоянно жили в Париже. Их приезд в Чехию в августе 1924 г. был связан с тем, что Е.А. Ляцкому удалось выхлопотать им денежное вспомоществование для лечения и отдыха в Карловых Варах. Ц. виделась с Ремизовыми, очевидно, в те несколько дней, которые они провели в Праге до отъезда на курорт.

[460] Речь идет о газ. «Огни», выходившей в Праге в 1924 г. Просмотреть газету de visu нам не удалось. Согласно существующей библиографии, на ее страницах Ц. опубликовала лишь несколько ст-ний. По-видимому, проза Ц. не появилась в газете из-за прекращения издания.

[461] Очевидно, речь идет о ст-нии А. Белого «Марине Цветаевой», опубликованном в первоначальной редакции в ж. «Эпопея» (1922, № 2), а в новой редакции вошедшем в его сб. «После разлуки» (1922).

---

[462] «Скользите, смертные, не задерживайтесь!» (*фр.*) — цитата из «Четверостишия о конькобежцах» («Quatrain sur les patineurs») Пьера Шарля *Руа* (1683—1764), поэта и оперного либреттиста. Ставшие во французском языке пословицей, эти слова означают: «Достаточно сказано, не нужно больше на этом останавливаться (настаивать)»; см. контекст этой фразы в письме Ц. к Е.Л. Ланну от 15 января (стар. ст.) 1921 г. (*СС-6*, с. 172). В письме к Р.М. Рильке от 6 июля 1926 г. Ц. приписывает авторство этих слов Ж. де Леспинас (*П-1926*, с. 164).

[463] Ср. ст-ние «Лес: сплошная маслобойня...» (1928; см. *СП*, с. 404).

[464] Из ст-ния «Ятаган? Огонь?..». В *ЧТ-10* этот фрагмент записан в строку, т.е. «прозой».

[465] шпорник (*нем.*) — название цветка.

[466] опытная кокетка (*фр.*).

[467] Набросок о прозе Пастернака впервые: *З-9*, с. 181—182; см. также *СС-4*, с. 595—597.

[468] в присутствии кого-то значительного (*фр.*).

[469] *букв.:* вращать большими пальцами (сложенных на животе рук), т.е. бездействовать (*фр.*).

[470] Речь идет о фрагменте повести «Детство Люверс».

[471] «руку помощи!» (*фр.*).

[472] «Горные вершины // Спят во тьме ночной...» (*нем.; пер. М.Ю. Лермонтова*). Начало ст-ния Гёте «Ein Gleiches» («Wandrers Nachtlied»). Ранний вариант этого ст-ния был написан Гёте 6 сентября 1780 г. на стене охотничьего домика, находившегося в лесу близ Веймара, где Гёте часто уединялся для работы.

[473] «собака зарыта» (*нем.*).

[474] В указанном номере был опубликован очерк Ц. «Вольный проезд».

[475] Ц. неточно цитирует один из наиболее популярных вариантов былины о Садко («Садкё», № 134 по сб. «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым»); этим двустишием Ц. сопроводила посвящение Борису Пастернаку своей поэмы «Мóлодец». В оригинале: «За твои за утехи за великие, // За твою-то игру нежную».

[476] Замысел статьи не был осуществлен.

[477] *Федоров* Александр Митрофанович (1868—1949) — литератор, переводчик. С 1920 г. жил в эмиграции, в Болгарии. В 1924 г. в Софии вышла его «Антология болгарской поэзии»; в ней, однако, нет переводов из народной поэзии, очевидно, оставшихся ненапечатанными.

[478] По-видимому, обращено к П.П. Сувчинскому.

[479] Еще всё (*нем.*).

[480] черно-белые (*фр.*).

[481] Начальная строка популярного романса Н.В. Зубова на стихи неизвестного автора.

[482] Сударыня, десять лет *прожитой* жизни! (*фр.*)

[483] Госпожа приехала! Госпожа там! Собачка госпожи! (*фр.*)

[484] Сядьте вот там, Вы мешаете кадрили! (*фр.*)

[485] Под таким заглавием в газ. «Правда» (1924, № 177, 6 августа, с. 3) была помещена статья Л. Сосновского, посвященная книге С.М. Волконского «Быт и бытие». Ц. переписывает, с небольшими пропусками и неточностями, первый ее раздел (всего их пять), озаглавленный «В мире белых, беглых эстетов».

[486] Речь идет о книге Б. Савинкова «Конь вороной» (1924), которой Л. Сосновский посвятил свою предыдущую статью в «Правде» — «Червоточина» (1924, № 175, 3 августа, с. 2).

[487] *Сосновский* Лев Семенович (1886—1937) — член РСДРП с большим дореволюционным стажем, в 1917 г. — депутат Учредительного собрания от партии большевиков. С 1918 г. — постоянный сотрудник «Правды». В начале 1920-х гг. выпустил несколько книг. В 1927 г. исключен из партии; ненадолго восстановлен в 1935 г., затем вновь исключен. В 1937 г. репрессирован.

[488] Запись в скобках добавлена при переписке. Возможно, Ц. неточна в интерпретации своих слов, завершающих выписку из статьи. Перепечаток этой статьи Сосновского обнаружить не удалось, и можно предположить, что Ц. имела дело с оригинальным текстом из «Правды» или со сделанной кем-то его копией. Ц. работала в информационном отделе Наркомнаца с конца ноября 1918 г. по конец апреля 1919 г. (см. очерк Ц. «Мои службы» (1918—1919; 1925)). В ее обязанности входил просмотр и реферирование периодики по определенной тематике. Имя Сосновского, регулярно выступавшего в «Правде», должно было многократно встречаться ей, поэтому ее иронический «привет» мог быть в 1924 г. обращен просто к тому безвестному служащему, который занимается на ее прежнем месте реферированием все тех же авторов, что и она когда-то.

[489] *ЧТ-12.*

[490] «Что ж, злоупотребляй <моей добротой>! В этом низком мире нужно быть добрым сверх меры, чтобы быть добрым достаточно». Мариво (*фр.*). Ц. неточно цитирует слова Месье Оргона из второй сцены первого действия комедии Мариво «Игра любви и случая» («Le jeu de l'amour et du hasard»). В точном виде (исключая мелкие разночтения в пунктуации) цитата повторена Ц. на с. 348.

[491] По-видимому, *ЧТ-11.*

[492] Адрес пансиона сестер Бринк во Фрейбурге, где Ц. с сестрой учились в 1904—1905 гг.

[493] Будущее не будет знать границ (*фр.*).

[494] Будущее (*фр.*).

[495] настоящее время (*фр.*).

[496] «Эта книга — для добрых, а не для злых» (*нем.*). Этими словами открывалось предисловие Беттины фон Арним к первой части ее книги «Переписка Гёте с ребенком» («Goethe's Briefwechsel mit einem Kinde»), впервые вышедшей в Берлине в 1835 г.

[497] Эта книга — для злых, а не для «добрых» (*нем.*).

[498] Составили цикл «Двое».

[499] См. *СП*, с. 648, где напечатано по *БТ-4*.

[500] Психея (*нем.*).

[501] Финальные строки ст-ния «Под шалью».

[502] Первое ст-ние цикла «Сон».

[503] В окончательной редакции: «пролёжан».

[504] Ст-ние «Приметы».

[506] Финальные строки ст-ния «Емче органа и звонче бубна...».

[506] Первое ст-ние цикла «Жизни».

[507] См. *СП*, с. 398, где напечатано по *БТ-4*.

[508] важность (*фр.*).

[509] Так Аля называла О.Е. Колбасину-Чернову.

[510] в схватке с (*фр.*).

[511] В окончательной редакции: «Что, Муза моя?..»

[512] вызывать в памяти, в представлении (*фр.*)

[513] Ср. строки из ст-ния «Дом» (1931): «Аполлонический подъем // Музейного фронтона — лбом // Своим...» Фрагмент от слова «Evoquer» до следующей ниже отбивки добавлен при переписке.

[514] Воскресный, полдневный и огненный ребенок (*нем.*). Sonntagskind (ребенок, родившийся в воскресенье), по немецкой мифологии, одарен счастливой судьбой и всевозможными магическими способностями.

[515] Деревня под Прагой.

[516] *Андреева* (урожд. Денисевич, в первом браке Карницкая) Анна Ильинична (1883—1948) — вдова Л.Н. Андреева; в эмиграции близкая приятельница Ц. См. письмо к ней Ц.: *СС-7*, с. 657—658.

[517] *Чирикова* (урожд. Григорьева) Валентина Георгиевна (1875—1966) — жена Е.Н. Чирикова, профессиональная актриса.

[518] «Огнь — все то, что я хватаю, // Уголь — все, что я бросаю, // Я воистину огонь!» (*нем., пер. Ц., с исправлением первого слова*). Неточная цитата из ст-ния Ф. Ницше «Ecce homo» (в оригинале «Licht» вместо «Flamm'»), включенного в первый, стихотворный, раздел его книги «Веселая наука» («Die fröhliche Wissenschaft»). В «Повести о Сонечке» Ц. с неточностями цитирует это ст-ние целиком и дает свой перевод его, частично воспроизведенный выше (см. *СС-4*, с. 415).

[519] Речь идет о Ю.Н. Рейтлингер.

[520] См. прим. 190.

[521] Парафраз из «Гамлета» В. Шекспира.

[522] Речь идет о романах П.И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах» и «На горах».

[523] Речь идет о повести Н.В. Гоголя «Страшная месть» и драме А.Н. Островского «Гроза».

[524] *Абрикосов* Владимир Владимирович (1880—1966) — бывший настоятель католического прихода восточного обряда в Москве; выслан из России в 1922 г.

[525] Правильно: *Тескова* Анна Антоновна (1872—1954) — чешская писательница и переводчица, активная участница Чешско-русской Едноты в Праге; впоследствии — многолетняя корреспондентка Ц. (см. *ПТ*).

[526] Переписано из тетради А.С. Эфрон, озаглавленной «Мур» и заполнявшейся в начале лета 1928 г. (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 254). В тетради несколько «глав»: 1) Мур в Чехии; 2) Отъезд из Чехии; 3) Мурин день на Rue Rouvet; 4) Прогулка вдоль канала; 5) St. Gilles-sur-Vie; 6) Мур в St. Gill'e. На л. 19 тетради есть несколько записей слов Мура рукой Ц., датированных мартом-апрелем 1929 г.

[527] *Игумнова* (урожд. Герценштейн, в первом замужестве Левицкая) А.М. (ок.1888—ок.1986) — знакомая семьи Ц., см. о ней ниже в тексте.

[528] По-видимому, Евгений Евгеньевич *Чириков* (1899—1970), сын писателя.

[529] *Андреев* Савва Леонидович (1909—1970) — старший сын А.И. Андреевой.

[530] *Ретивова* (урожд. Чирикова) Н.Е. (1894—1978) — старшая дочь писателя.

[531] *Андреева* (урожд. Стольникова) Н.М. (1883—1962) — вдова брата Л.Н. Андреева Всеволода Николаевича *Андреева* (1873—1916).

[532] Жена Г.И. Альтшуллера, Вера Александровна *Альтшуллер* (урожд. Пелопидас, 1895—1943).

[533] См. прим. 129.

[534] *Герценштейн* Михаил Яковлевич (1859—1906) — экономист, член кадетской партии, депутат I Государственной думы; был убит черносотенцами в Териоках в июле 1906 г.

[535] «Четвертым союзом» назывался Русский демократический студенческий союз (РДСС) в Праге, в деятельности которого С.Я. Эфрон активно участвовал.

[536] *Лутохин* Далмат Александрович (1885—1942) — по профессии экономист; выступал также как публицист и литературный критик. Был выслан из России в феврале 1923 г. После короткого пребывания в Берлине поселился в Праге, сотрудничал в *ВР* и «Записках Института изучения России». В 1927 г., при содействии Горького, вернулся в СССР.

[537] См. прим. 363.

[538] *Лебедева* (урожд. баронесса Спенглер) Маргарита Николаевна (1885—1958) — по профессии врач; жена видного деятеля партии эсеров, одного из редакторов *ВР* В.И. Лебедева. Близкие отношения с семьей Лебедевых сохранились у Ц. до самого ее отъезда в СССР; в их доме в Париже была оставлена на хранение значительная часть архива Ц., погибшая во время войны.

[539] лобная артерия (*букв.:* жила гнева) (*нем.*).

[540] Александр Александрович *Брей* (?—1931) — актер и режиссер; происходил из семьи обрусевших англичан. О чтении, упоминаемом Ц., см. отзывы в *Д* (1925, № 686, 8 февраля, с. 6) и *ПН* (1925, № 1473, 12 февраля, с. 5).

[541] Где же ты? (*нем.*)

[542] Чем хуже — тем лучше (*фр.*).

[543] Ц. неточно цитирует предсмертную реплику Катерины Ивановны Мармеладовой из «Преступления и наказания» Достоевского: «Уездили клячу!.. Надорвала-а-сь!» (ч. 5, гл. 5).

[544] которая остается целой и невредимой (*фр.*).

[545] Речь идет об эпизоде в финальной части девятой книги («Неопалимая купина») романа Р. Роллана «Жан-Кристоф». Foehn (Föhn) — фён, теплый сухой ветер.

[546] Из ст-ния «Променявши на стремя...».

[547] «Из моей *маленькой* горести // Я создаю *великую* песнь...» (*нем.*). Ц. полемически обыгрывает начальные строки ст-ния Г. Гейне из раздела «Лирическое интермеццо» («Lyrisches Intermezzo») его сб. «Книга песен» («Buch der Lieder»): «Aus meinen großen Schmerzen // Mach' ich die kleinen Lieder» («Из моей великой боли // Я создаю маленькие песенки»).

[548] В *ПР* датировано 19 февраля.

[549] поэзии (*нем.*).

[550] В действительности, названная улица находится в Праге не в районе Жижков, а в районе Вышеград (Vyšehrad).

[551] *Розенталь* Леонард (?—1950) — выходец из России, в молодости переселившийся во Францию и сделавший там большую предпринимательскую карьеру. Автор книг: «Au royaume de la perle» («В царстве жемчуга», 1919), «Au jar-

din des gemmes» («В саду драгоценных камней», 1922), «Faisons fortune» («Будем богаты», 1923), «L'esprit des affaires» («Дух предпринимательства», 1925), «Quand le bâtiment va» («Когда здание строится», 1928), «Mémoires d'un chercheur de perles» («Воспоминания искателя жемчуга», 1949). В дневнике В.Н. Буниной сохранилась запись о Р. по следам первого знакомства с ним на банкете в Париже в июне 1921 г.: «Рядом со мной сидел Розенталь, король жемчугов, он русский еврей, ставший французом. Родился в Ставрополе, все богатство приобрел сам своим коммерческим гением. <...> Он очень прост, видимо, интересуется русскими писателями» (*Устами Буниных*. Т. 2. Франкфурт/Майн: «Посев», 1981, с. 44). В апреле 1922 г. И.А. Бунин упоминает в дневнике о денежной помощи Р., предложенной ему, Мережковскому, Куприну и Бальмонту (*там же*, с. 85).

[552] Тема обращения за денежной помощью к Розенталю затрагивается в нескольких письмах Ц. к О.Е. Колбасиной-Черновой, начиная с 19 января 1925 г. (до этого в письме от 16 ноября 1924 г. он упоминается как «таинственный ловец жемчужин», см. *СС-6*, с. 688). Как явствует из письма от 7 марта 1925 г., Ц. приложила к нему текст своего письма к Розенталю, с просьбой прочитать и решить, подходит ли оно по стилю и тону. Судя по письму к О.Е. Колбасиной-Черновой от 25 мая 1925 г., Ц. позже передала через нее и официальное прошение на имя Розенталя. Если учесть, что в письме, датированном 29 февраля 1925 г. (очевидно, следует читать: «1 марта»), Ц. ставила свой переезд в Париж в зависимость от получения денег от Розенталя, — то из фразы в письме от 9 июня 1925 г.: «А в Париже нам, конечно, не жить. Я так и знала» (*СС-6*, с. 748), — можно сделать вывод, что Розенталь в деньгах отказал.

[553] жирный, тучный (*нем.*).

[554] и только? (и это всё?) (*фр.*).

[555] Начальные строки ст-ния И.З. Сурикова «Детство».

[556] *Сталинский* Евсей Александрович (1880—1952) — эсер, один из редакторов *ВР*.

[557] В действительности — в апрельском (IV) номере за 1925 г. Ниже в тексте эта же ошибка повторена.

[558] *Лазарев* Егор Егорович (1855—1937) — в молодости народник, затем эсер; эмигрант с большим дореволюционным стажем. Был издателем (а не главным редактором) *ВР*.

[559] «Что ж! злоупотребляй <моей добротой>. В этом мире нужно быть немножко слишком добрым, чтобы быть добрым достаточно» (*фр.*). См. прим. 490.

[560] вычурный слог, жеманство (*фр.*).

[561] Ср. финальные строки ст-ния «Русской ржи от меня поклон...», завершающего *ПР*.

[562] М.А. Кузмину Пастернак посвятил свою повесть «Воздушные пути», впервые опубликованную в ж. «Русский современник» (1924, № 2).

[563] Цикл ст-ний «Стихи к Ахматовой», который Ц. послала Ахматовой.

[564] К Ц. обращены три ст-ния О. Мандельштама: «На розвальнях, уложенных соломой...», «Не веря воскресенья чуду...», «В разноголосице девического хора...» (все 1916). К Мандельштаму обращен целый ряд ст-ний Ц. в *В1* (см. прим. в *СП*, с. 704—706).

[565] Посвящение Ц. предпослано публикации в альманахе «Гюлистан» (1916, № 2) прозаического фрагмента Чурилина «Из детства далечайшего». Стихи Чурилина, обращенные к Ц., возможно, остались ненапечатанными. Строка, приведенная Ц., была ею вписана в 1941 г. в экземпляр *В1*, подаренный А.Е. Круче-

ных (ныне в составе коллекции М.С. Лесмана хранится в Музее-квартире А.А. Ахматовой в Петербурге), под ст-нием «Не сегодня-завтра растает снег...» (которое отмечено ею в том же экземпляре как обращенное к Чурилину), с пометой «Тихон Чурилин — мне» и с пояснением: «было много стихов, все пропали, — все, кроме этой строчки». Кроме названного ст-ния, согласно пометам на этом экземпляре *В1*, к Чурилину обращены ст-ния Ц. «Голуби реют серебряные, растерянные, вечерние...», «Еще и еще — песни...» и «Не ветром ветреным — до — осени...».

[566] К Ц. непосредственно обращены два ст-ния Парнок, вошедшие в ее сб. «Стихотворения» (1916): «Следила ты за играми мальчишек...» и «Смотрят снова глазами незрячими...» (оба 1915). Парнок является героиней цикла Ц. «Подруга» (1914—1915) в сб. «Юношеские стихи»; к ней также обращено ст-ние «В оны дни ты мне была как мать...» (1916) в *В1*.

[567] Впоследствии Пастернак посвятил Ц. — при ее жизни — четыре ст-ния: «Не оперные поселяне...» (1926); акростих «Посвященье» (1926), предшествовавший первой публикации поэмы «Лейтенант Шмидт»; «Марине Цветаевой» («Ты вправе, вывернув карман...») (1929) и акростих «Мгновенный снег, когда булыжник узрен...» (1929). После смерти Ц. Пастернаком написано ст-ние (в ранней редакции — цикл из двух ст-ний) «Памяти Марины Цветаевой» (1943).

[568] Ст-ние «Маяковскому» («Превыше крестов и труб...»).

[569] См.: *Евразия*, 1928, № 1, 24 ноября, с. 8.

[570] *Яковлева* Татьяна Алексеевна (1906—1991) — одно время считалась невестой Маяковского, адресат его ст-ния «Письмо Татьяне Яковлевой» (1928). Приехала в Париж в 1925 г. по вызову своего дяди, знаменитого русского художника А.Е. Яковлева. Танцовщицей никогда не была. Одно время пыталась сниматься в кино, затем работала в шляпной мастерской одного из парижских домов мод. В декабре 1929 г. вышла замуж за Бертрана дю Плесси.

[571] Этими словами начиналось «Письмо Марине Цветаевой», открывавшее книгу С.М. Волконского «Быт и Бытие».

[572] Ц. имеет в виду свое ст-ние «Два зарева! — нет, зеркала́!..» (1921).

[573] *Ундсет* Сигрид (Зигрид) (1882—1949) — норвежская писательница, лауреат Нобелевской премии (1928). Ц. открыла ее для себя в начале 1930-х гг. и очень высоко ценила ее трилогию «Кристин, дочь Лавранса». См. также записи в Тетради 3.

[574] *Ноай (Ноайль)* Анна Элизабет де (1876—1933) — французская поэтесса и романистка. В 1916 г. в ж. «Северные записки» (№ 9—12) Ц. опубликовала свой перевод романа де Ноай «La nouvelle espérance» («Новое упование»). Письмо Ц. к де Ноай от 19 мая 1927 г. сохранилось в архиве последней, находящемся в Институте Франции (Institut de France) в Париже. Опубликовано по-французски в *МЦПЖ*, с. 371—374; по-русски в *СС-7*, с. 189—193.

[575] У любимого ребенка много имен (*нем.*).

[576] См. с. 349 и прим. 561.

[577] Ничего (*фр.*).

[578] См. ст-ние «Рас—стояние: версты, мили...».

[579] М.А. Волошин.

[580] Волошин посвятил Ц. цикл из двух сонетов «Две ступени» (1917): «Взятие Бастилии» и «Бонапарт» («Взятие Тюильри»). Впервые как цикл в сб. Волошина «Демоны глухонемые» (Харьков, 1919).

581 Начальные строки ст-ния Пушкина «Поэт», первое четверостишие которого обыгрывается в последующей записи.

582 «Ты этого хотел, Жорж Данден!» (*фр.*). Ц. с небольшой неточностью (нужно «Вы» вместо «ты») цитирует слова Жоржа Дандена, героя комедии Мольера «Жорж Данден, или Одураченный муж» («George Dandin ou Le mari confondu»), обращенные к самому себе (финальный монолог I действия).

583 В посмертных публикациях поэмы этот фрагмент восстановлен. См., например, *СП*, с. 486.

584 дети — кухня — церковь (*нем.*).

585 Опускаться! (*фр.*)

586 Ст-ние «Попытка ревности».

587 Ср. в письме к Ю.П. Иваску от 4 июня 1934 г.: «Когда-нибудь, в каких-нибудь „Последних новостях“ или dans un autre mauvais lieu <в другом дурном месте (*фр.*)> прочтете, как я, лет трех, исступленно мечтала потеряться — и потерялась, — в Александровском пассаже, где-то между белым медведем и гипсовым крашеным негром над сухим фонтаном» (*СС-7*, с. 392). Ср. также упоминание о «белом медведе в пассаже» и «негре над фонтаном» в очерке «Мой Пушкин» (*СС-5*, с. 64).

588 Всё прочее я оставляю (дарю) вам... (*нем.*).

589 счастливый (*фр.*).

590 См. прим. 526.

591 Здесь речь, по-видимому, идет не о В.Г. Чириковой, а о В.Е. Чириковой, дочери писателя.

592 Т.е. дочери М.Н. и В.И. Лебедевых.

593 *Брешко-Брешковская* Екатерина Константиновна (1844—1934) — народница, затем одна из лидеров партии эсеров; с 1919 г. — в эмиграции. Ее длительная деятельность в рядах освободительного движения закрепила за ней прозвище «бабушки русской революции».

594 от *нем.*: Löwe (Лев) — домашнее прозвище С.Я. Эфрона.

595 отрешенность (*нем.*).

596 Замысел драмы (поэмы) об Ахилле не был осуществлен.

597 ясень (*нем.*).

598 Далее Ц. опирается в своей записи мифа на перевод «Илиады» Гомера, сделанный Н. Гнедичем; фрагменты этого перевода (начиная с Песни восемнадцатой) цитируются ниже в тексте.

599 См. *СП*, с. 399, где напечатано по беловой сводке в *ЧТ-12*.

600 См. *СП*, с. 399, где напечатано по беловой сводке в *ЧТ-12*.

601 «Радость, прекрасная божественная искра...» (*нем.*). Начальная строка ст-ния Ф. Шиллера «К радости» («An die Freude»); положенное Бетховеном на музыку для хора, вошло в его Девятую симфонию.

602 См. *СП*, с. 400, где напечатано по *ЧТ-12*.

603 *Савинков* Борис Викторович (1879—1925) — эсер, член боевой террористической организации. Автор «Воспоминаний террориста», относящихся к дореволюционному периоду. Под псевдонимом «В. Ропшин» выступал как беллетрист. После революции возглавлял антибольшевистский «Народный союз защиты родины и свободы». Был арестован на советской территории в середине августа 1924 г. и после суда приговорен к смертной казни, замененной затем

десятью годами тюремного заключения. По официальной версии, покончил с собой в тюрьме 7 мая 1925 г. (извещение о его смерти появилось в «Правде» лишь 13 мая).

[604] Ср. эту запись с фрагментом письма Ц. к О.Е. Колбасиной-Черновой от 25 мая 1925 г. (*СС-6*, с. 745); письмо написано уже после описываемого события и ошибочно дает его дату как 22 мая.

[605] Форма разбита (*фр.*). Эта французская поговорка означает утрату кого-то (чего-то) значительного, чье существование неповторимо, т.е. секрет чьего существования невозвратно утрачен.

[606] Речь идет о сб. Пастернака «Рассказы» (М.: Круг, 1925).

[607] Ср. приведенную выше запись с двумя фрагментами письма Ц. к О.Е. Колбасиной-Черновой, датированного при публикации — возможно, ошибочно — 10 июля 1925 г. (*СС-6*, с. 748—749).

[608] Ср. эту запись с фрагментом письма Ц. к О.Е. Колбасиной-Черновой от 9 июня 1925 г. (*СС-6*, с. 746—747). Письмо датирует крещение Мура 8 июня.

[609] День рождения Пушкина 6 июня.

[610] *Булгаков* Сергей Николаевич (1871—1944) — видный философ и богослов.

[611] См. прим. 525.

[612] О своем намерении, если родится девочка, назвать ее Ксенией Ц. писала, например, О.Е. Колбасиной-Черновой 27 декабря 1924 г. (*СС-6*, с. 703).

[613] Далее вписан лишь небольшой фрагмент наброска одного письма. Ср. письмо к Пастернаку от 14 февраля 1925 г., известное по копии, снятой А.Е. Крученых (*СС-6*, с. 242—245).

Тетрадь 3

Оригинал представляет собой записную книжку форматом 14,5 на 9,5 см, в клетку, в красном картонном переплете с красным матерчатым корешком. Хронологические рамки записей: 1922—1938 гг. Заполнялась в апреле-июне 1938 г. Заполнена полностью (всего 103 листа). Листы 1—24 заполнены черными чернилами, с оборота листа 24 до конца записей Ц. — зелеными, последняя запись рукой сына — черными.

[614] не в становлении, а в законченности (т.е. установившейся!) (*нем.*).

[615] Из ст-ния Е.А. Баратынского «Разуверение»; в оригинале: «В душе моей».

[616] ничто, ничтожество (*фр*).

[617] Речь идет о Е.Е. Чирикове, сыне писателя, потерявшем ногу во время гражданской войны, на которую ушел 18-ти лет.

[618] См. запись рукой Мура в конце Тетради 3 и прим. 954.

[619] «Карлик Нос» и «Рассказ о Маленьком Муке» — сказки В. Гауфа; «Спящая Красавица» — сказка из сб. Ш. Перро, «Белоснежка» — сказка из сб. братьев Гримм (в современных русских изданиях — «Снегурочка»); «Жмурки (Медведь и девушка)» — один из вариантов распространенного в русских сказках сюжета; зафиксирован дважды в сб. Афанасьева: «Дочь и падчерица» (№ 98) и «Девушка и медведь» (№ 557).

[620] Герой немецкого эпоса «Песнь о Нибелунгах».

[621] См. *СП*, с. 404. *Гронский* Николай Павлович (1909—1934) — поэт; в 1928—1930 гг. близкий друг Ц. Их переписка сохранилась и находится в фонде

Ц. в РГАЛИ. Опубликована частично: *СС-7*, с. 198—233. Памяти Г. посвящен цикл Ц. «Надгробие», а его творчеству — статья «Поэт-альпинист» (в сокращенном варианте — «Посмертный подарок») и рецензия «О книге Н.П. Гронского „Стихи и поэмы“».

622 Замысел повести не был осуществлен.

623 Великая любящая (любовница)? (*фр.*) Выражение, восходящее, по-видимому, к роману Максима Формона (Maxime Formont) «La Grande Amoureuse».

624 После меня хоть потоп! (*фр.*)

625 Государство — это я (*фр.*).

626 Почему мы должны были уйти? Нам было там так хорошо (*фр.*).

627 Там (*фр.*).

628 *Сувчинский* Петр Петрович (1892—1985) — музыкальный критик, один из лидеров евразийского движения, соредактор ж. «Версты». См. письма Ц. к нему: *СС-6*, с. 314—333; *СС-7*, с. 184—188.

629 Эти слова, без указания имени собеседника и с ремаркой «Живой разговор летом 1928 г. Второй — я» Ц. поставила одним из эпиграфов к поэме «Перекоп».

630 «Темные кипарисы! // Мир слишком весел — // Всё будет забыто» (*нем.*). Цитата из ст-ния Т. Шторма «Frauen-Ritornelle»; Ц. ошибочно приписывала эти строки Н. Ленау.

631 Из ст-ния В.А. Жуковского «Воспоминание» («О милых спутниках, которые наш свет...»).

632 Последняя цитата не была оставлена в качестве эпиграфа к «Перекопу».

633 «черепаховый суп» (*фр.*).

634 после полудня (во второй половине дня) (*фр.*).

635 Очевидно, описка в дате и следует читать: «1928». При перечитывании записей Ц. подчеркнула эту дату красным карандашом и рядом тем же карандашом пометила «NB!». Скорее всего, смысл пометы состоит в обнаружении сходства обстоятельств (отсутствие С.Я. Эфрона) тогда, в 1928 г., и в момент переписывания этих записей, в 1938, что придает случайной описке непредвиденный смысл.

636 Обращено к Н.П. Гронскому.

637 В нужное время — в нужном месте — нужный человек — нужное слово (*нем.*).

638 Отец Н.П. Гронского — Павел Павлович *Гронский* (1883—1937), по образованию юрист, писал также на исторические темы. До революции преподавал в Петербургском университете и Петербургском политехническом институте. Член кадетской партии, депутат IV Государственной Думы. В эмиграции читал лекции на русском юридическом факультете в Париже, а также несколько семестров — в университете в Ковно. Член редколлегии *ПН*.

639 Н.П. Гронский погиб в результате несчастного случая на станции парижского метро «Pasteur» 21 ноября 1934 г.

640 Обращено к Даниилу Георгиевичу *Резникову* (1904—1970), поэту и критику. Известны два письма Ц. к Р., относящиеся к 1926 г. (*СС-7*, с. 96—99). Положение этого наброска в тетради среди августовских записей 1928 г. вызвано какими-то случайными обстоятельствами: ряд смысловых деталей письма позволяет датировать его началом января 1929 г.

641 Жил-был юный купеческий сын (*нем.*).

[642] Речь идет о докладе М.Л. Слонима «Советская литература в 1928 г.», прочитанном им на собрании литературного объединения «Кочевье» 3 января 1929 г.

[643] Р.М. Рильке умер 29 декабря 1926 г.; Ц. узнала о его смерти 31 декабря.

[644] общность (*фр.*).

[645] См. также ниже в тексте: «E.Z.». По-видимому, речь идет о Евгении Замятине; разговор о нем в прениях по докладу о советской литературе в 1928 г. был более чем вероятен, учитывая, что год был ознаменован кампанией травли писателя в СССР.

[646] едем без остановок (*фр.*).

[647] мрачным голосом (*фр.*).

[648] Сейчас без десяти шесть (*фр.*).

[649] задыхается, пыхтит (*нем.*).

[650] К.И. *Завадская* (урожд. Гостинопольская, в первом браке Полешко; 1876—1963) — жена С.В. Завадского, с которым Ц. приятельствовала в Чехии.

[651] «Разрисованная кожа» (*нем.*).

[652] Начальная строка ст-ния К.А. Петерсона «Сирота».

[653] Адресат письма — Вера Александровна *Сувчинская* (1906—1987), урожд. Гучкова (дочь военного министра Временного правительства А.И. Гучкова), во втором замужестве Трейл (Traill). Знакомство с ней Ц. относится к 1926 г. Принадлежала к левым, просоветски настроенным кругам эмиграции (ее первый муж, П.П. Сувчинский, — один из лидеров евразийства); впоследствии (в первой половине 1930-х годов) стала сотрудницей ГПУ (по показаниям С.Я. Эфрона на следствии, была завербована лично им). После войны не возобновляла своей прежней деятельности, постоянно жила в Англии, занималась журналистикой, главным образом как кинокритик.

[654] Письмо действительно было сохранено адресатом и в настоящее время находится в фонде В.А. Трейл в Русском архиве в Лидсе (Leeds Russian Archives), Англия. Известны еще три письма Ц. к тому же адресату, относящиеся к 1926—1927 гг. и сохранившиеся в парижском архиве П.П. Сувчинского. См.: *СС-7*, с. 179—182.

[655] Речь идет об Иване Гучкове; см. о нем в очерке Ц. «Твоя смерть» (1927).

[656] няня (*фр.*).

[657] Дальнее южное предместье Парижа.

[658] Речь идет о Наталье Матвеевне Андреевой (см. прим. 531), жившей около года в семье Ц.

[659] Очевидно, набросок неосуществленного (или неизвестного) письма к Маяковскому. Пробелы между словами в этой записи не обозначают объема пропущенного текста.

[660] Глава поэмы «Перекоп».

[661] Вариация на тему французской песенки XVIII века «Malbrough s'en va-t-en guerre...», связанной с именем знаменитого английского полководца Джона *Черчилля*, герцога Мальборо (John Churchill, Duke of Marlborough, 1650—1722). В России многочисленные переложения этой песенки были популярны в первой половине XIX в.

[662] Краткое изложение (*фр.*).

[663] Ц. часто писала фамилию К.Б. Родзевича через *а*.

664 отдавался течению жизни (*не*-жизни!) (*фр.*).

665 ПЦС.

666 Опорные строки одного из фрагментов ПЦС. Пробелы между словами в этой записи не обозначают объема пропущенного текста.

667 «Четырнадцатое июля» (*фр.*) — национальный праздник Франции, день взятия Бастилии.

668 человек 2-го октября — 4-го ноября — 19-го августа — и т.д. и т.д. (*фр.*). Источник цитаты не установлен.

669 Савва Леонидович (1909—1970) и Вера Леонидовна (1910—1986) *Андреевы* — дети А.И. Андреевой.

670 не слишком-то рано! (*фр.*)

671 дорожный каток (*фр.*).

672 домик на колесах (передвижной фургон) (*фр.*).

673 «Какой силач этот мальчуган! Какой силач! И он так любит мой каток? Забавный какой! Ну что ж, когда он вырастет, он сможет здорово на нем работать, раз так его любит!» (*фр.*)

674 «Шестнадцатилетняя дочь — у Вас? Да Вам же самой шестнадцать!» (*фр.*)

675 *Оцуп* Николай Авдеевич (1894—1958) — поэт и критик. По-видимому, его визит к Ц. был связан с обсуждением возможности ее сотрудничества в ж. «Числа», начавшем выходить в 1930 г. под его редакцией.

676 от *фр.:* épicière — лавочница; pomme(s) de terre — картошка.

677 Марка минеральной воды.

678 *Святополк-Мирский* Дмитрий Петрович (1890—1939) — литературный критик, историк литературы и публицист. Преподавал русскую литературу в Лондонском университете. Как критик высоко ставил творчество Пастернака и Ц. Во второй половине 1920-х гг. — участник евразийского движения, соредактор ж. «Версты». В 1931 г. вступил в коммунистическую партию Англии; в 1932 г. вернулся в СССР; в 1937 г. репрессирован.

679 мать (*фр.*).

680 рубленое мясо (*фр.*).

681 Сообщения о таинственном «дюссельдорфском убийце», или «вампире», появились в газетах в феврале 1929 г. после серии из трех убийств (жертвами были женщины), совершенных преступником. Затем, после некоторого затишья, преступник вновь дал о себе знать, убив в конце июля и в августе еще пятерых женщин. С этим вторым всплеском газетных корреспонденций, очевидно, и связана хронологически запись Ц. Впоследствии неуловимый маньяк совершил еще ряд убийств и был пойман полицией лишь 24 мая 1930 г. Преступником оказался некто Петер Кюртен, признавший себя виновным во всех злодеяниях (см., например: «Арест дюссельдорфского „Джека-Потрошителя“». *ПН*, 1930, № 3351, 26 мая, с. 1, а также ряд публикаций в последующих номерах под общим заглавием «Дюссельдорфский „Джек-Потрошитель“»). После длительного судебного разбирательства, 22 апреля 1931 г. суд вынес Кюртену смертный приговор (см. *В*, 1931, № 2151, 23 апреля, с. 1), который был приведен в исполнение 2 июля в Кельне (см. *В*, 1931, № 2222, 3 июля, с. 3).

682 находка (*фр.*).

683 Возможно, запись относится к ПЦС.

684 Ст-ние Пастернака для детей, изданное отдельной книжечкой в 1929 г.

[685] В оригинале: «загадочный».

[686] Генерал Алексей Павлович *Кутепов* (1882—1930), председатель Русского Обще-Воинского Союза, был похищен советскими спецслужбами в Париже 26 января 1930 г.

[687] Из опубликованной главы ПЦС «Сибирь».

[688] Сказка К.И. Чуковского.

[689] Из главы «Выход» поэмы «Перекоп».

[690] «Серый лимузин» (*фр.*). Речь идет о машине похитителей А.П. Кутепова.

[691] Несколько стихотворных строк, приведенных ниже, повторяют записи, имеющиеся в Тетради 2 (с. 320).

[692] По-видимому, обращено к М.Л. Слониму.

[693] По-видимому, А.И. Андреева.

[694] местное божество (*фр.*).

[695] По-видимому, описка, и следует читать «О.Е.», т.е. О.Е. Колбасина-Чернова.

[696] Точнее: 32 года. В письмах периода эмиграции Ц. часто уменьшает свой возраст на два года. В письме к Ю.П. Иваску от <25> мая 1934 г. содержится частичное объяснение этому: «<...> я родилась в 1892 г., в паспорте по ошибке написано 1894 г., т.е. я умоложена на два года <...>» (*СС-7*, с. 389).

[697] *Яковлев* Иван Иванович — эсер, администратор *ВР*.

[698] «Вспомнили бы вы того, кто на вопрос, зачем он тратит столько усилий для совершенствования в искусстве, которое не может снискать понимания в людях, ответил: „Пусть их будет немного. Пусть будет один. Пусть не будет ни одного“». Монтень (*фр.*). Цитата из главы XXXIX, «Об одиночестве» («De la solitude»), первой книги «Опытов» («Essais») М. Монтеня. Ц. воспроизводит старофранцузский текст с мелкими грамматическими неточностями. Эти слова Монтеня Ц. поставила эпиграфом к статье «Поэт о критике» (1926) и ко второму разделу («Тетрадь вторая») *ПР*.

[699] См. прим. 324.

[700] Т.е. поэма Маяковского «Хорошо!».

[701] Речь идет о разговоре между Гёте и Наполеоном, произошедшем 2 октября 1808 г. в Эрфурте. Ц. несколько смещает акценты в своей передаче смысла слов, сказанных Наполеоном Гёте о «Страданиях молодого Вертера» и известных по мемуарам Ф. фон Мюллера, в то время веймарского посланника при дворе Наполеона. Согласно записи Мюллера, Наполеон указал, как на художественный недостаток романа, на смешение в определенных местах повествования мотивов уязвленного тщеславия и любовного страдания и заметил: «Das ist nicht naturgemäß und schwächt bei dem Leser die Vorstellung von dem übermächtigen Einfluß, den die Liebe auf Werther dehabt» («Это неестественно и ослабляет для читателя представление о могуществе воздействия, которое любовь имела на Вертера») (Goethe J.W. *Sämtliche Werke. Briefe, Tagebücher und Gespräche.* Bd. 6 (33). Frankfurt/Main: Deutsche Klassiker Verlag, 1993, S. 373).

[702] Ц. имеет в виду фразу из предсмертного письма Маяковского «Всем», опубликованного в «Правде» 15 апреля 1930 г. (№ 104) и перепечатанного *ПН* (1930, № 3314, 19 апреля, с. 2): «В столе у меня 2000 руб. — внесите в налог».

[703] Обращено к Нанни *Вундерли-Фолькарт* (Nanny Wunderly-Volkart, 1878—1962), близкому другу и душеприказчице Р.М. Рильке. Ср. письмо к ней от 17 октября 1930 г. (по-немецки: *Rainer Maria Rilke und Marina Zwetajewa:*

Ein Gespräch in Briefen. Herausgegeben von Konstantin Asadowski. Frankfurt/ Main und Leipzig: Insel Verlag, 1992, S. 169—172; по-русски: *СС-7*, с. 358—361). Переписка Ц. с В.-Ф. продолжалась с 1930 по 1933 гг. (см. указанные издания).

704 Речь идет о Евгении Александровне *Черносвитовой* (1903—1974), бывшей секретарем Рильке с середины сентября по конец ноября 1926 г. Известен тетрадный набросок письма Ц. к ней от середины января 1927 г. (*П-1926*, с. 207—209).

705 Милостивая государыня!

Как странно получается иной раз! Когда я писала Вам о русской секретарше, я должна была сразу взять новый лист, ибо не успела опомниться, как на бумаге появились слова: *чересчур здоровая*.

«Светловолосая девушка» (Черносвитова означает: Черно — черный, а свитова происходит от рубашки (малороссийское: свитка), буквально — та, на которой черная рубашка) хвалилась Рильке и говорила о нем как о собственноручно сделанных пластинках его фотографий: *мое*. Я встретилась с ней один-единственный раз и отпустила ее жить дальше — не тоскуя.

Сегодня, 17-го, я получила Ваше письмо и его (том писем).

Ваше письмо пенится — и плещется — и сверкает — Боденское озеро — слово из моего детства, я жила тогда во Фрейбурге (Брейсгау), и у меня была подруга — Брунхильда — из тех мест, похожая на русалку. Я так ее полюбила (за ее красоту: русалочность!), что нам вскоре вовсе запретили встречаться — как будто я была озером, желающим забрать ее домой — со школьной скамьи и песчаной отмели!

Брунхильда с Боденского озера.

...После Рильке я никого не любила, ни в ком не жила, он был моей последней душой, последней другой-душой.

Вы так долго не писали, что я подумала: госпоже стало боязно, она не желает полноты чувства, она переполнена — и я не прерывала Вашего молчания и сама бы *никогда* не написала (окликнула).

Когда мой ребенок умер в России от голода и я узнала об этом — просто на улице от незнакомого человека (— Маленькая Ирина Ваша дочка? — Да. — Она умерла. Вчера умерла. Завтра мы ее будем хоронить.), я молчала три месяца — ни слова о смерти — никому — чтобы он <ребенок> не умирал окончательно, еще (во мне) — жил. Поэтому Ваш Рильке не называл моего имени. Назвать — разъять: отделить себя от вещи. Я не называю никого — никогда.

Грядет холодная зима — уже холодно, хотя зимы еще нет — у моего мужа нет работы, да он и не может работать, потому что болен. Изнурительная и удушающая нищета, распродаю дареные вещи (*красивые* вещи — к чему они мне?) по 20—30 франков — которые тут же улетучиваются. Моя дочь вяжет, но за свитер — 2 недели работы — дают всего 50 франков. Я умею только писать, только *хорошо* писать, иначе давно бы разбогатела.

С русской эмиграцией я лажу плохо, ибо — стою в стороне, живу лишь в моих тетрадях и обязанностях, и если порой раздается мой голос — это всегда *правда*, как совсем недавно, когда наш великий советский поэт Маяковский выступал здесь в Париже. На другой день я написала ему открытое письмо — это был ликующий зов — а еще на другой день я была изгнана из газеты, где я

изредка печатала свои стихи (нет, где их изредка — допускали), — «за советские симпатии».

Я совсем одинока, для тамошних — эмигрантка, для здешних — <пропуск одного слова> — только потому, что я *не* политик.

Мне хочется мыть руки всякий раз, когда газету — вижу.

Милая госпожа в старом парке, огромное Вам спасибо за огромный подарок. К тому часу, когда все окна вокруг черны — *моему* часу, одно лишь мое светящееся окно! — я открываю книгу и снова становлюсь *собою* — *вне закона* <букв.: *вольной как птица*> как написано в Ваших старых законах (*нем.*).

706 Маргарита Карловна *Извольская* (урожд. Толль).

707 Правильно: гр. *Комаровский* Виктор Владимирович (1866—1934) — в прошлом крупный государственный чиновник; действительный статский советник; церемониймейстер при дворе Николая II.

708 По-видимому, Е.Н. Арнольд.

709 Пропущено название ПЦС.

710 Французская версия поэмы «Мóлодец» — «Le Gars», над которой Ц. работала в 1929—1930 гг., не увидела света при ее жизни и была издана лишь недавно по авторизованной машинописи, сохранившейся в архиве Ц. (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 49): M. Tsvetaeva. *Le Gars*. Paris: Clémence Hiver, 1991; Paris: Des Femmes, 1992. Однако еще в 1930 г. в рамках серии публикаций русских эмигрантских писателей, предпринятой журналом «France et monde» (см. прим. 811), Ц. удалось опубликовать первую главу поэмы, под названием «Fiançailles» (в окончательном тексте — «Accordailles»): *France et monde*, No. 138, 1er trimestre, pp. 76—78. Позже, в 1935 г., маленький фрагмент последней главы поэмы был напечатан как отдельное ст-ние «La Neige» («Снег») в «Anthologie de la littérature soviétique» (pp. 283—284).

711 синель (*фр.*).

712 Запись относится к ПЦС.

713 Персонаж детских комиксов.

714 Из ст-ния Пушкина «Бесы».

715 от *фр.*: tête.

716 Не дóлжно обращаться с богатыми хуже, чем с бедными. Но — и только (что по отношению к ним дóлжно).

— Не дóлжно обижать богатого более, чем бедного (*фр.*).

717 ...Порой ими обладают не любя, но когда обладают — любят (*фр.*).

718 Два последних четверостишия и ремарка между ними относятся к ПЦС.

719 Книга А. Самохвалова «Водолазная база» (1928).

720 По-видимому, книга С. Федорченко «Обезьяны» (1928).

721 Книга С.Я. Маршака, несколько раз к этому времени переиздававшаяся.

722 Книга Е. Шварца, вышедшая в 1928 г.

723 По-видимому, книга Е. Шварца «На морозе» (1927).

724 *Карсавина* (урожд. Кузнецова) Л.Н. (1881—1961) — жена Л.П. Карсавина; профессиональный педагог (окончила Высшие Бестужевские курсы).

725 Неизвестно, о каком произведении идет речь; возможно, один из фрагментов ПЦС.

[726] *букв.:* носитель счастья (*фр.*). Обычно так называется браслет, который носят на руке, не снимая; Ц., по-видимому, имеет в виду брелок.

[727] Семитомный цикл романов М. Пруста «В поисках утраченного времени» («À la recherche du temps perdu»).

[728] Книге Эммануэля *Ласказа* (Emmanuel de Las-Cases, 1766—1842) «Записки о Св. Елене» («Le mémorial de Sainte-Hélène»).

[729] Точнее: «Kristin Lavranstochter» («Кристин, дочь Лавранса») и «Olav Audunssohn» («Олаф, сын Эудуна») — немецкие переводы двух трилогий 3. Унд-сет, впервые вышедшие, соответственно, в 1927 и 1929 гг.

[730] «Исповедь» (*фр.*).

[731] Увлечение Ц. Китаем в 1930-е годы нигде не описано ею подробно, но подтверждается различными косвенными данными. В частности, она читает посвященные китайской жизни романы Перль Бак (Pearl Buck), а также собирает книги о Китае, часть которых берет с собой в СССР. В списке книг, продаваемых в 1940 г., есть две, посвященные Китаю: Florence Ayscough — «Un Miroir Chinois (à travers la Chine inconnue)» и Maurice Percheron — «La Chine».

[732] «Эмиль» и «Общественный договор» (*фр.*).

[733] Ср. эту запись с фрагментами писем Ц. к А. Тесковой от 25 февраля (*ПТ*, с. 75—76) и Р.Н. Ломоносовой от 6 марта 1931 г. (*СС-7*, с. 331—333).

[734] Поэма «Перекоп».

[735] С художницей Натальей Сергеевной *Гончаровой* (1881—1962) Ц. познакомилась осенью 1928 г. Ей посвящен обширный очерк Ц. «Наталья Гончарова: жизнь и творчество» (1929). В 1929—1930 гг. Г. сделала ряд иллюстраций к предполагавшемуся изданию французского «Мóлодца» («Le Gars»).

[736] О Ш. Вильдраке — см. прим. 956. Винсент *Мюзелли* (1879—1956) — французский поэт. Брис *Парэн* (у Ц. ошибочно два «г») (1897—1971) — французский писатель и философ, секретарь издательства «Галлимар» и член редколлегии журнала «Nouvelle revue francaise»; был женат на Н.Г. Челпановой, бывшей соученице Ц. по гимназии.

[737] Точнее: «О новой русской детской книге».

[738] Речь идет о книгах М. Твена «Приключения Гекльберри Финна» и В. Буша «Макс и Мориц».

[739] Ср. рассказ Ц. о поисках ею очевидца последних дней Перекопа в ее интервью Н. Городецкой: «Наконец, отыскали мне какого-то дроздовца — теперь работает на заводе. Пишу ему. Получаю ответ — в таком смысле: по субботам мы *пьем*, в иные же дни некогда. А так как при вас пить неловко, то значит потеряем мы свой единственный день отдыха... Так ничего и не вышло. „Документ" сохранила» (Н. Городецкая. «В гостях у М.И. Цветаевой». *В*, 1931, № 2104, 7 марта, с. 4; см. также *СС-4*, с. 626—628).

[740] Правильно: Рамон *Новарро* (наст. имя: Ramon Gil Samaniegos, 1899—1968) — американский киноактер мексиканского происхождения, пользовавшийся большой популярностью в эпоху немого кино.

[741] Речь идет о чете художников — Георгии Калистратовиче *Артемове* (1892—1965) и Лидии Андреевне *Никаноровой-Артемовой* (1895?—1938). Источником, дающим наиболее подробные (хотя, возможно, не абсолютно достоверные) портреты Артемова и Никаноровой, является роман В. Каверина «Перед зеркалом». Они выведены в нем под именами Георгия Гордеева и Лизы Тураевой, а сам роман основан на реальных письмах Никаноровой своему другу в Россию. В романе прослеживается история знакомства и взаимоотношений Ни-

каноровой и Ц., которая выведена под именем Ларисы Нестроевой. Если верить роману, знакомство Ц. с Никаноровой происходит через М.С. Булгакову (в романе — Машу Снегову), подругу Никаноровой еще по дореволюционной России.

[742] «Но это не он, это — не может быть им, это — не может быть ребенком пяти лет!» (*фр.*)

[743] Впервые: *Поэзия*, 1983, вып. 37, с. 142—143; см. также *СС-7*, с. 421—422. Обращено к Игорю *Северянину* (наст. имя: Игорь Васильевич Лотарев, 1887—1942). С. выступил в Париже с чтением своих стихов дважды: 12 и 27 февраля 1931 г. Ц. была на втором чтении, откликом на которое является этот набросок письма.

[744] Неточная цитата из ст-ния «Вода примиряющая» (1926).

[745] Речь идет о большом цикле сонетов о поэтах, писателях и композиторах, выборку из которого Северянин читал на вечере. Ст-ния этого цикла составили впоследствии сб. Северянина «Медальоны» (Белград, 1934); в нем есть и сонет (весьма нелестного содержания), посвященный Ц.: «Блондинка с папиросой и в зеленом...».

[746] Ст-ния из сб. «Громокипящий кубок». Под «Сонатой Шопена» Ц., очевидно, имеет в виду ст-ние «Это было у моря».

[747] Финальные строки ст-ния «Интродукция» (1918).

[748] Запись относится к ПЦС.

[749] Впервые: *3-9*, с. 183—184; см. также *СС-4*, с. 600—601.

[750] См. прим. 58.

[751] Выступление описано в очерке Ц. «Герой труда» (1925).

[752] *Архипов* Николай Архипович (наст. имя: Моисей Лейзерович Бенштейн, 1881—не ранее 1945) — беллетрист и издатель; был главным редактором издательства «Костры», в котором и вышли упоминаемые в тексте *В2*.

[753] Точнее: «Мóлодец» — в 1924 г., *ПР* — в 1928 г.

[754] Начальная строка ст-ния Ахматовой из сб. «Anno Domini».

[755] на свой страх и риск (*нем.*).

[756] Строки из ПЦС.

[757] Ср. письмо Ц. к Рильке от 9—10 мая 1926 г. (по-немецки: Rainer Maria Rilke, Marina Zwetajewa, Boris Pasternak. *Briefwechsel*. Herausgegeben von Jewgenij Pasternak, Jelena Pasternak und Konstantin Asadowskij. Insel Verlag, 1983, S. 105—110; по-русски: *П-1926*, с. 85—88).

[758] Цикл «Цари» («Die Zaren») входит в сб. Рильке «Книга образов» («Das Buch der Bilder»); Илья Муромец упоминается в первом ст-нии цикла, Соловей-разбойник — во втором.

[759] Ц. отправила Рильке *СБ* и «Психею» (1923).

[760] Вслед за первым письмом Рильке послал Ц. два своих последних поэтических сборника: «Сонеты к Орфею» («Die Sonette an Orpheus») и «Дуинезские элегии» («Duineser Elegien») (оба 1923).

[761] Ц. обыгрывает здесь заключительную строку ст-ния Рильке «О темнота, ты — родина моя...» («Du, Dunkelheit, aus der ich stamme...») из сб. «Часослов» («Das Stunden-Buch»): «Ich glaube an Nächte» («Я верю в ночи»).

[762] ...Чего я от тебя хочу, Райнер? Чтобы ты позволил мне каждый миг моей жизни подымать на тебя взгляд — как на гору, которая *здесь* есть. Пока

я тебя не знала — я могла и так, теперь, когда я «знаю» тебя — мне нужно твое позволение.

Ибо я хорошо воспитана и не похожу на «поэтессу».

Ибо *душа* моя хорошо воспитана.

Но писать тебе я буду — хочешь ты этого или нет. О *твоей* России (цикл «Цари», богатырь из Мурома, Соловей-разбойник...).

Твои русские буквы. *Умиление.* Я, которая как индеец *никогда* не плачу...

Можно ли обнять тебя? («Не копоть! Это именно поцелуи низки!» — *первая* Гретхен Гёте.) Обнять тебя, как ты Бориса: божески и братски.

...Я читала твое письмо на океане, океан читал со мной. Тебе не мешает такой читатель? Ибо ни один человеческий глаз никогда не прочитает ни одной твоей строчки ко мне.

...Я посылаю тебе свои книги стихов — можешь не читать их — положи их на свой письменный стол и поверь мне на слово, что до меня их не было, так же не было на свете, как и на твоем столе.

...Что после Вас остается делать поэту? Можно преодолеть (пере-писать) мастера, но преодолеть *Вас* означает преодолеть поэзию, и это все еще не конечная цель для поэта, который должен преодолеть *жизнь.*

Вы тяжкая задача для будущих поэтов. Кто-то просто должен будет стать *Вами,* т.е. Вы должны будете еще раз родиться.

Вы возвращаете словам их *изначальный* смысл, а вещам — их изначальные слова. Например, когда Вы говорите «великолепно», Вы говорите о «великой лепоте», о значении слова при его возникновении. (Теперь «великолепно» лишь стершийся восклицательный знак.)

По-русски я всё это сказала бы Вам гораздо *точнее,* но не хочу утруждать Вас чтением по-русски, буду лучше утруждать себя писанием по-немецки.

Первое в Вашем письме, что бросило меня на вершину радости (ибо *падать* можно и вверх!), было слово «май», слово «май», которому много сотен лет — потому оно так молодо! —

Слово «май», которому Вы возвращаете старинное благородство. <Имеется в виду написание этого слова через ÿ вместо i.>

...Знаете, как я сегодня получила Ваши книги. Дети спали, я внезапно вскочила и побежала к двери. И в *тот же* миг — рука моя уже была на дверной ручке — постучал почтальон — прямо мне в руку. Мне оставалось лишь завершить движенье и всё той же, еще *хранившей стук* рукой принять книги.

Я их еще не раскрывала, иначе это письмо не уйдет сегодня, а оно должно — лететь.

Последнее.

Когда моя дочь была еще совсем маленькая — двух, трех лет, она всегда меня спрашивала перед тем, как ложиться спать:

— А ты будешь читать Рейнеке?

Рейнеке — так звучал для нее Райнер Мария Рильке. Ибо такие маленькие дети еще не чувствуют пауз.

Я хочу написать тебе о Вандее, моей героической французской родине (в каждой стране и в каждом столетии есть хотя бы одна). Я здесь ради имени.

Швейцария не впускает русских. Но горы должны расколоться и впустить нас — меня и Бориса — к тебе. Я верю в горы (эта строчка — узнаешь ли ты ее?). Моя переделка ничего не меняет, ибо горы и ночи *рифмуются*.

———

Теперь самое последнее («она не может закончить»).

Вот записная книжка для тебя — из Праги — твоего родного города — к счастью, я в ней еще не писала: слишком красивая для меня, недостаточно красивая для тебя — ибо я спартанец (тот, с лисенком!) — а ты афинец — один из обитателей мифических Афин, нет: ты один из тех, кто стоит над Афинами и Спартой и Троей (*нем.*).

763 *ЧТ-22.*

764 *Яковлева* Арина Родионовна (1758—1828) — няня Пушкина, крепостная его бабушки.

765 Т.е. В.В. Маяковский. Ц. цитирует слова из ст-ния Пастернака «Смерть поэта», являющиеся, в свою очередь, цитатой из поэмы Маяковского «Облако в штанах».

766 По-видимому, Ц. лишь понаслышке знала об упоминаемом исследовании и потому допускает неточности в его характеристике. Речь может идти о работе профессора антропологии и этнографии Московского университета Д.Н. Анучина «А.С. Пушкин (Антропологический эскиз)», публиковавшейся в 1899 г. в ряде номеров газ. «Русские ведомости» и вышедшей в том же году отдельным оттиском. В этой работе впервые была дана новая антропологическая справка об Абраме Ганнибале, прадеде Пушкина. Отмечая, что «сам Пушкин, как и почти все его современники, видел в „арапе Петра Великого“ негра» и что «после смерти поэта негритянское происхождение его (от Ганнибала) принималось почти всеми биографами» (с. 12), Анучин указал на несостоятельность этой точки зрения с позиций современной антропологии, выделяющей жителей северо-восточной Африки, в том числе — Абиссинии, откуда происходил Ганнибал, в особую расу. В частности, он писал: «<...> некоторые исследователи склонны были даже видеть в них <абиссинцах> колонию семитов и думали найти тому подтверждение не только в истории, языке и некоторых чертах быта, но и в самом физическом типе населения. Однако более точные наблюдения показывают, что в общем тип абиссинцев не может быть отождествлен с семитским; он воспринял в себя, несомненно, семитскую примесь, как с другой стороны и примесь крови негров, но в массе населения он является своеобразным, занимающим как бы среднее положение между семитским — даже типом брюнетов белой расы вообще — и негритянским. Эта своеобразность типа оправдывает выделение абиссинцев совместно с галласами, нубийцами, египтянами и т.д. в особую антропологическую расу, которой обыкновенно теперь придают название хамитской» (с. 22). Упоминая далее в своей работе, что «некоторый семитический оттенок был присущ физическому типу Пушкина» (с. 44), Анучин скрупулезно анализировал сохранившиеся живописные и словесные портреты поэта.

767 Речь идет о Евгении Владимировне *Пастернак* (урожд. Лурье, 1898—1965), первой жене поэта, с которой он расстался в 1931 г. ради создания новой семьи.

768 Ц. неточно цитирует письмо Пушкина (написанное перед дуэлью и оказавшееся последним) к детской писательнице А.О. Ишимовой: «Сегодня нечаянно открыл Вашу „Историю в рассказах“ и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!» (Пушкин А.С. *Полн. собр. соч.* Т. 16. М.; Л.: АН СССР, 1949, с. 227). Письмо было откликом на первый том «Истории России в рассказах для детей» Ишимовой.

[769] В тетради около этой фразы есть две пометы рукой А.С. Эфрон: сверху после слова «просьба» приписано «(Аси)», после слова «окончания» — «А.». В силу темноты смысла этой фразы, приводим это место в редакции черновой тетради, откуда сделана выписка: «О себе, вкратце. Получила окольн<ым> путем остереж<ение> от Аси, чт<о> если я сделаю то́-то, с н<ей?> случ<ится> то́-то — просьбу подожд<ать> еще 2 года до оконч<ания> Андр<юши>. Ясно, что не два, а до конца времен». Можно с уверенностью предположить, что беспокойство сестры Ц. вызвало интервью Ц. Надежде Городецкой (см. прим. 739), в котором — впервые в печати — шла речь о поэмах «Перекоп» и ПЦС. Свидетельством тому, что это интервью попало в поле зрения советских идеологов, является фраза в статье о Ц. в т. 60 «Большой советской энциклопедии» (1934): «В последние годы Ц. дошла до воспевания семьи Романовых <...>» (с. 323).

[770] Речь идет о ПЦС.

[771] Речь идет о письме С.Я. Эфрона к Пастернаку с просьбой о содействии ему в получении советского гражданства. 29 июня 1931 г. Эфрон писал о том же своей сестре, Е.Я. Эфрон:

> У меня к тебе спешное и серьезное дело. Я подал прошение о сов<етском> гражданстве. Мне необходима поддержка моего ходатайства в ЦИК-е. *Немедля* сделай всё чтобы найти Закса и попроси его от моего имени помочь мне. <...>
>
> Мое прошение пошло из Парижа 24 июня. Следовательно нужно оч<ень> торопиться. <...>
>
> Одновременно написал Горькому и Пастернаку.
>
> (РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, л. 63.)

[772] Речь идет о С.Н. Андрониковой-Гальперн.

[773] *Ломоносова* Раиса Николаевна (1888—1973) — жена крупного русского инженера-железнодорожника Ю.В. Ломоносова, в 1927 г. ставшего невозвращенцем. Жила в Англии; познакомилась с Ц. по переписке через посредство Пастернака, оказывала ей материальную помощь и поддерживала с ней переписку в 1928—1932 гг. (см. письма Ц. к Л.: *СС-7*, с. 313—349).

[774] «Прощай, мой маленький Сверчок» (*фр.*) — строка из последней главы «Le Gars».

[775] Замок Арсин (Château d'Arcine) находился, по свидетельству Ц. (*ПТ*, с. 71), в трех километрах от того места, где жили они с сыном; в нем был русский пансион, в котором в это время отдыхал С. Эфрон. Очевидно, на время болезни Мур был оставлен в пансионе.

[776] *ЧТ-22*.

[777] Впервые: *З-9*, с. 184—186; *СС-4*, с. 602—605. В *ЧТ-22* указана дата встречи: 8 июля 1931 г. (10 июля помечена сама запись). По сравнению с *ЧТ-22* текст этой записи существенно расширен.

[778] Знакомство Ц. с Е.Н. *Арнольд* относится к послереволюционным годам в Москве. По воспоминаниям Э.Л. Миндлина, А. в эти годы состояла в фиктивном браке с С.М. Волконским и жила, вместе со своим сыном от первого брака, в одной квартире с ним (см. *ВМЦ*, с. 125).

[779] *Розенмайер* (урожд. Пушкина) Елена Александровна (1889—1943) — дочь старшего сына поэта, Александра Александровича *Пушкина* (1833—1914), от второго брака (с Марией Александровной Павловой). Эмигрировала в 1918 г.; в ноябре 1921 г. вышла замуж за русского офицера Николая Алексеевича фон дер *Розенмайера* (1892—ок.1933).

[780] Инициал расшифрован по *ЧТ-22*, где также указано, что встреча эта была связана с работой Ц. над ПЦС. Речь могла бы идти о графине Екатерине Борисовне *Татищевой* (урожд. княжне Мещерской, 1848—1930), вдове графа Алексея Никитича *Татищева* (1846—1896), действительного статского советника, занимавшего видные государственные посты и игравшего значительную роль при Дворе. С 1928 г. Е.Б. Татищева жила в Русском Доме в Сен-Женевьев-де-Буа, под Парижем; там она и скончалась, и похоронена на местном кладбище. В воспоминаниях Татищевой, сохранившихся в архиве Гуверовского института в Стэнфорде (Alexei B. Tatishchev Collection, box 4), довольно много места уделено описаниям жизни Двора, к которому с юности была близка мемуаристка, что может объяснить интерес к ней Ц. в период работы над ПЦС. Однако Е.Б. Татищева скончалась в конце декабря 1930 г., т.е. более чем за полгода до описываемого Ц. посещения. Можно предположить, что в записи Ц. имеет место хронологическая контаминация: она могла не знать о смерти Татищевой и когда-то прежде не состоявшаяся (или состоявшаяся) встреча с ней «всплыла» в сюжете этой записи.

[781] Светлана Николаевна фон дер *Розенмайер* (1923—?) пропала без вести во время Второй мировой войны.

[782] Речь идет о балладе В.А. Жуковского «Светлана», благодаря которой за ним самим закрепилась в обществе «Арзамас» кличка «Светлана».

[783] *искаж. фр.:* Je t'embrasse. — Обнимаю (целу́ю) тебя.

[784] См. об этом в очерке «Мой Пушкин» (*СС-5*, с. 63—64).

[785] Речь идет о доме, в котором выросла будущая художница Н.С. Гончарова. См. также очерк Ц. «Мой Пушкин» (*СС-5*, с. 65).

[786] Психиатрическая лечебница, называемая по месту ее нахождения в парижском пригороде Шарантон.

[787] Дом в Михайловском действительно горел в 1918 г. (а до этого в 1908 г.) и был отстроен заново. Однако горел уже не дом, принадлежавший некогда А.С. Пушкину, а дом, построенный в 1860 г. на месте снесенного за ветхостью «пушкинского».

[788] Речь, очевидно, идет о ст-нии Пушкина «Моя родословная», в котором, однако, нет столь уничижительных инвектив в адрес противника.

[789] Ср. запись о внешнем облике Е.А. Розенмайер в дневнике И.А. Бунина, датированную 25 июля 1940 г.: «<...> крепкая, невысокая женщина, на вид не больше 45, лицо, его костяк, овал — что-то напоминающее пушкинскую посмертную маску» (*Устами Буниных*. Т. 3. Франкфурт/Майн: Посев, 1982, с. 54).

[790] По отцовской линии Ц. принадлежала к потомственному духовенству; ее дед, Владимир Васильевич *Цветаев* (о. Владимир) (1819 или 1820—1884), — с 1853 г. до смерти был священником в селе Николо-Талицы (ныне Ново-Талицы) недалеко от Иваново-Вознесенска (ныне Иваново).

[791] Перед отправлением тела Пушкина в Святогорский монастырь для захоронения П.А. Вяземский и В.А. Жуковский, прощаясь с поэтом, бросили в его гроб по перчатке с руки. Перчатка, парная брошенной, была сохранена Вяземским.

[792] божественное право (*фр.*).

[793] Незавершенное ст-ние. См. *СП*, с. 685.

[794] *Сосинский* Бронислав (Владимир) Брониславович (1903—1987) — поэт и критик. Приятельствовал с Ц., с которой познакомился через семью Черновых

(был женат на Ариадне Черновой). См. его воспоминания о Ц. (*ВМЦ*, с. 369—377) и письма Ц. к нему (*СС-7*, с. 79—96).

795 Ц. называет имена женщин, которыми в разное время был увлечен Пушкин.

796 *Карамзина* Екатерина Андреевна (1780—1851) — жена Н.М. Карамзина, близкий друг молодого Пушкина.

797 Из ст-ния Пушкина «Няне».

798 Ц. была пансионеркой в московской гимназии фон Дервиз в 1906—1907 учебном году.

799 Нет сахара — нет кофе (*фр.*). Карикатура, о которой идет речь, относилась, по-видимому, ко временам наполеоновской Континентальной блокады, направленной против Англии. Одним из негативных экономических последствий этой блокады для Франции было чудовищное удорожание сахара, повлекшее за собой недовольство населения. Позже, на Св. Елене, Наполеон так отзывался об этих настроениях: «Ни золота, ни серебра мне не хватало так, как *сахара* и *кофе:* поэтому добродетельные женщины так и не простили мне Континентальной блокады» (*Максимы и мысли узника Святой Елены. Рукопись, найденная в бумагах Лас Каза.* Пер. и ред. С.Н. Искюля. СПб.: Инапресс, 1995, с. 98).

800 лиарды (старинные французские медные монеты) (*фр.*).

801 *Андреев* Валентин Леонидович (1912—1988) — сын А.И. Андреевой.

802 Ц. неточно цитирует ст-ние А. Блока «З. Гиппиус» («Женщина, безумная гордячка...», 1918). В оригинале: «Вам — зеленоглазою наядой // Петь, плескаться у ирландских скал».

803 Ошибка Ц.: автор памятника Николаю I на Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге — П.К. Клодт; Э.-М. Фальконе (Фальконет в старой транскрипции) — автор памятника Петру I («Медного Всадника»).

804 Строки из ст-ния, которое Ц. цитирует в своем эссе «Искусство при свете совести» как принадлежащее «монашенке Ново-Девичьего монастыря» (*СС-5*, с. 357).

805 *Синезубов* Николай Владимирович (1891—1948) — художник, близкий друг А.А. Чаброва. В 1928 г. выехал из СССР по командировке Наркомпроса. До августа 1931 г. жил в Берлине; затем, по-видимому, приняв окончательное решение не возвращаться в СССР, переехал в Париж. Обращение его к Ц. содержало, в частности, просьбу о помощи в улаживании дел с французской визой (продлением ее). Об этом Ц. сообщала 10 сентября 1931 г. С.Н. Андрониковой-Гальперн (*СС-7*, с. 143—144), прося ее содействия. Судя по следующим письмам Ц. к ней, эти хлопоты увенчались успехом.

806 *Толстой* Павел Николаевич (1909—1941) — приятель С.Я. Эфрона, дальний родственник А.Н. Толстого. В 1933 г. вернулся в СССР. В конце июля 1939 г. арестован; проходил по одному делу с С.Я. Эфроном; расстрелян в 1941 г.

807 *Клемансо* Жорж (1841—1929) — французский политический деятель; наиболее драматичный период его политической карьеры пришелся на конец Первой мировой войны, когда он в критический для Франции момент (ноябрь 1917 г.) возглавил правительство и своей энергичной и успешной политикой заслужил титул «отца победы». С января 1920 г. был в отставке; тем не менее, когда в 1929 г. К. тяжело заболел, сводки о состоянии его здоровья и его фотографии регулярно печатались в прессе, включая и русские эмигрантские газеты.

[808] *Альфонс XIII* (1886—1941) — король Испании; после победы республиканцев на выборах в апреле 1931 г. вынужденно покинул страну, не подписав отрешения от престола.

[809] Имеется в виду семья Штранге, которой принадлежал замок Арсин (см. прим. 775), и собака по кличке Подсэм, происходящей от чешского «pojd' sem» («иди сюда»), — обращения, на которое откликаются все чешские собаки и «в память» о котором, по-видимому, и была придумана эта кличка.

[810] Речь идет о состоявшемся 25 ноября 1930 г. собрании Франко-русской студии, посвященном творчеству Поля Валери. Основными докладчиками были Рене Лалу (René Lalou) и Владимир Вейдле; Валери присутствовал и выступил с ответным словом в конце прений. Тезис о Валери как анти-паскальце содержался в докладе Рене Лалу и обсуждался далее в прениях; сам Валери на эту тему не высказывался. См. подробнее стенографический отчет вечера, появившийся (как и отчеты других вечеров Франко-русской студии) отдельной брошюрой в серии «Cahiers de la Quinzaine» (1930, XXI série, 2ᵉ cahier).

[811] Всеволод Борисович *Фохт* (1895—после 1940) — литератор, переводчик, соредактор ж. «Новый дом» (1926—1927), активный участник литературного объединения «Кочевье»; был главным инициатором и организатором (с русской стороны) собраний Франко-русской студии (Франко-русских литературных собеседований). Эпизод, упоминаемый Ц., был связан с получением ею через Ф. долгожданного (т.е. долго задерживавшегося редакцией) гонорара за опубликованную во «France et monde» главу французского «Мóлодца» (см. прим. 710). Ср. сообщение в письме к В.Б. Сосинскому, ошибочно датированном публикаторами концом октября (нужно: конец ноября) 1930 г.: «Да! Чудо! С Фохта деньги взыскала, но ка-ак! При встрече изображу в лицах» (*СС-7*, с. 90). Ф. выступал посредником в выплате гонорара потому, что и эта публикация и собрания Франко-русской студии были частями одного плана по установлению контактов между русскими литераторами-эмигрантами и их французскими коллегами и по ознакомлению французской публики с творчеством русских эмигрантских писателей. С французской стороны сочувствие этому плану выразила группа «Humanités Contemporaines», которая взяла под свою опеку Франко-русскую студию, а также предоставила страницы издаваемого ею журнала «France et monde» для публикаций переводов произведений русских писателей-эмигрантов. Помимо главы цветаевской поэмы, в журнале появились произведения Б. Зайцева (1929, № 135), Н. Тэффи (1929, № 136), М. Алданова (1929, № 137), Н. Городецкой (1930, № 138) и Г. Кузнецовой (1930, № 139). См. подробнее статью Ф. «Soirées de Paris», открывавшую серию этих публикаций в журнале (1929, № 135), а также его предисловие к изданию стенограмм первых четырех вечеров студии: Robert Sébastien et Wsevolod de Vogt. *Rencontres: soirées franco-russes des 29 octobre 1929, 26 novembre 1929, 18 décembre 1929, 28 janvier 1930.* Paris: Aux Cahiers de la Quinzaine, 1930.

[812] Пойди туда — не знаю куда, принеси *то* — не знаю что. Пойди — не знаю куда, принеси — не знаю что. — Идут и приносят (*фр.*).

[813] *Завадский* Юрий Александрович (1894—1977) — актер и режиссер; см. о нем «Повесть о Сонечке». Появление строк о З. среди записей лета 1928 г. можно объяснить недавним (в июне 1928 г.) свиданием в Париже с П.Г. Антокольским, приезжавшим туда с труппой Московского драматического театра им. Е.Б. Вахтангова. Эта встреча могла оживить в воспоминаниях Ц. окрашенную романтическим ореолом дружбу с актерами III студии МХТ, среди которых Ц. была особенно увлечена З.

814 Запись обращена к Н.П. Гронскому. См. о его гибели прим. 639.

815 См. прим. 531 и 658.

816 Неприезд Гронского к Ц. в Понтайяк, реакцией на который является этот набросок, был связан с семейной драмой, происходившей в это время в доме Гронских: желанием матери уйти к другому и попыткой сына удержать ее.

817 См. прим. 581.

818 *Лебедев* Владимир Иванович (1884—1956) — эсер, один из редакторов *ВР*. См. также прим. 538.

819 Персонажи детских комиксов.

820 В Тетради 4 Ц. по ошибке переписывает записи из этой книжки повторно: см. с. 549—551. В редакции и наборе переписываемых записей имеются разночтения.

821 Псалтирь 128:1.

822 *Сергеенко* Андрей Александрович (1902—1973) — в то время священник церкви Св. мученика Иоанна Воина в Мёдоне.

823 «Посмотри, какие красивые!» — «Они цветут, — но нам от этого никакого проку» (*фр.*).

824 *ЧТ-23*. На шмуцтитуле тетради, в левом верхнем углу, помета Ц. зелеными чернилами: «Часть выписок — по 1932 г. — уже сделана. МЦ — 1938 г.».

825 Лука 23:43.

826 здравствуйте, мадам (*фр.*).

827 маленький ребенок (*фр.*).

828 На этом месте Ц. прервала выписки из *ЧТ-23*, сделав в ней помету: «NB! Найти следующую тетрадь с осени 1931 г. — по осень (сентябрь) 1932 г. Что́ писала? Думаю — прозу, но какую? Найти непременно! МЦ. Ванв, 11го июня 1938 г.». Эта запись объясняется тем, что следующая дата в *ЧТ-23* — сентябрь 1932 г. К записям *ЧТ-23* Ц. уже не вернулась.

829 «Я — сплю. Я — мертва. Я — скелет!» (*фр.*) Возможно, Ц. намеренно воспроизводит грамматическую ошибку Мура (женский род вместо мужского) во втором предложении.

830 Речь идет о Жозефе и Жорже Кесселях, попавших в автокатастрофу 28 августа 1931 г.; у Жозефа был поврежден позвоночник, у Жоржа сломана нога. Из двух братьев — сыновей выходцев из России, переселившихся в конце XIX века в Аргентину, а в 1908 г. переехавших во Францию, — известностью пользовался Жозеф *Кессель* (1898—1979), в то время восходящая звезда французской литературы, в 1927 г. удостоенный Большой премии Французской академии. Его имя впервые появляется в переписке Ц. с О.Е. Колбасиной-Черновой в декабре 1924 г. (*СС-6*, с. 703; до этого есть упоминание о «семье Кесселей», см. *СС-6*, с. 687), в связи с просьбой последней послать для К. какую-то книжку Ц. (возможно, поэму «Мо́лодец», впоследствии ему посланную; см. *СС-6*, с. 746). Заинтересованную реакцию Ц. вызвал роман К. «Les Rois aveugles» (1925), написанный в соавторстве с Е.А. Извольской (Hélène Iswolsky) и посвященный последнему периоду царствования Николая II. О намерении написать статью о романе Ц. упоминает в двух письмах к Колбасиной-Черновой — от 14 августа и 18 октября 1925 г. (*СС-6*, с. 751 и 761). В 1925 г. К. упомянул Ц. в ряду наиболее значительных современных русских поэтов в своем обзоре «La nouvelle littérature russe» в журнале «Revue de Paris» (Sept.-Oct., p. 313). Очевидно, в Париже Ц. встречалась с К., хотя прямых свидетельств таких встреч нет.

[831] По-видимому, имеется в виду Турксиб (Туркестано-сибирская магистраль)— один из наиболее заметных объектов социалистического строительства в это время. Массовое движения по отправке творческих бригад писателей на стройки первой пятилетки началось в мае 1931 г. по инициативе РАППа (см. материалы «Литературной газеты» за 10 мая); это движение было призвано обеспечить «художественный показ» в литературе героев и достижений пятилетки.

[832] Первое ст-ние цикла «Стихи к сыну» («Ни к городу и ни к селу...»); см. *СС-2*, с. 299.

[833] «Вы разочарованы поэтом, не оправдавшим ваших ожиданий? Как жаль, что Вы не остались белой страницей! (моей тетради)» (*фр.*).

[834] «горшок с цветами» (*фр.*).

[835] Очевидно, Ц. выбирает между **heimisch** (родной, домашний) и **heimlich** (тайный, сокровенный).

[836] Так как дома у меня никогда нет времени, да и дома я никогда себя не чувствую — ибо всегда внутри, я читаю твои письма только в метро <*букв.*: под землей> (прекрасное, <?> — жуткое слово!), и когда я внутренне тобой от всех и всего огораживаюсь, ты тоже начинаешь читать — <пропуск одного слова> — свою книгу вместе с моей, под моей рукой — крылом — укрывшись, Райнер.

———

Гёте и Рильке — *никогда* обратно. Ибо назвать первого после второго значит почувствовать — назвать — утвердить его ближайшим из двоих (*нем.*).

[837] «Я буду очень доволен, когда эта машина меня раздавит: потому что больше не будет несчастий, не будет — войны» (*искаж. фр.*).

[838] См. прим. 827.

[839] Состоялся 21 января 1932 г.

[840] Печатные отзывы С.В. Яблоновского (Потресова) ни о первом (*ВА*), ни о втором (*ВФ*) сборниках Ц. не зафиксированы в существующих библиографиях. Возможно, однако, что Ц. имеет в виду его устные высказывания. В частности, в письме к Е.Я. Эфрон от 21 декабря 1915 г. она, рассказывая о знакомствах в Камерном театре, упоминала: «Мы сидели в кабинете Таирова, Яблоновский объяснялся в любви к моим книгам и умильно просил прочесть ему „Колыбельную песенку“, которую вот уже три года читают перед сном его дети <...>» (*СС-6*, с. 88).

[841] Спутниками Ц. были, по-видимому, поэт Эллис и Лидия Александровна *Тамбурер* (1870—ок.1940), близкая приятельница Ц., по профессии зубной врач.

[842] С этого мгновения, дорогой Райнер, луна взяла на себя заботу обо мне (*нем.*).

[843] Возможно: «большевики», «большевизм».

[844] «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Ап. Павел) (*фр.*). В Новом Завете эти слова принадлежат «Петру и Апостолам» (Деяния 5:29).

[845] Есть лишь один ребенок, одна старуха, одна девушка, один поэт (*фр.*).

[846] Не я люблю поэта, но каждый раз у меня чувство, что *он* меня любит: что он *меня* любит (*нем.*).

[847] Как тверда земля, когда падаешь! (*фр.*)

[848] Состоялось 26 мая 1932 г.

[849] См. прим. 804.

[850] По-видимому, Дмитрий Николаевич *Стремоухов*, в то время начинающий филолог-славист. Впоследствии отдельными книгами издал исследования

«Vladimir Soloviev et son œuvre messianique» (1935) и «La poésie et l'idéologie de Tiouttchev» (1937); преподавал в Страсбургском университете; публиковался в научной периодике и выступал как переводчик.

[851] См. *СП*, с. 634, где напечатано по этой сводной тетради.

[852] Когда я родилась, все места были заняты. Может быть, так бывает *всегда*, но только для тех, кто об этом знает.

Таким образом, мне оставалось только небо — то, где самолетам нечего делать (2) то, которого не достигает ни один самолет).

Никогда не забывай, что в каждый миг жизни ты находишься на крайней границе времени и что в каждой точке земного шара (месте, которое занимают твои две ноги) ты — на последнем рубеже горизонта.

Ты сам — крайняя граница времени.
Ты сам — крайний рубеж горизонта.
Лучше: — Ты сам — крайняя граница времени.
Ты сам — предел горизонта.

Когда я недавно увидела на экране <пропуск одного слова> кишение Китая, я узнала свою *жизнь*.

Бедные китайцы! Бедная я!

Слишком много лодок. Слишком мало воды.

Весь жизненный спектакль разыгрывается четырьмя-пятью персонажами — всегда теми же.

Юность — лишь платье, передаваемое от одних к другим. Нет. Как раз одни и другие — это платье, которое надевает и сбрасывает, вновь надевает и вновь сбрасывает вечная юность.

Моя любовь всегда была лишь отрешением от объекта — отрешением в двух смыслах: отделиться и очистить (удалить пятна) <по-французски — игра слов>. Я начинаю с отделения и очищения его — от всего и вся, а затем, когда он свободен и чист (лишен пятен), я оставляю его — предоставляя его собственной чистоте и одиночеству.

Наиживейшим наслаждением моей жизни была ходьба — одинокая и быстрая, быстрая и одинокая.

Мой великий одинокий галоп.

Француженки не стесняются открывать шею и плечи (и грудь) перед мужчинами, но стесняются это делать перед солнцем.

(Вечерние туалеты и закрытые платья в июльский полдень.) (*фр.*)

[853] Бытие 23:8—16.

[854] Начальная строка ст-ния В.А. Жуковского «Ночной смотр».

[855] В день своего сорокалетия я запишу на своих скрижалях: Сорок лет доблести (*фр.*)

[856] «Я останусь с Сюзанной, а ты — сама с собой!» (*фр.*)

[857] Лирическое творчество питает опасные чувства, но укрощает поступки. Поэт опасен лишь тогда, когда не пишет (*фр.*).

[858] Речь идет о «Балладе-восхвалении Парижского Суда» («Louange à la Cour [Requête à la Cour de Parlement]»). Ц. неточна, называя ее «балладой о по-

миловании»: ст-ние было написано Вийоном уже после того, как решение о помиловании (т.е. о замене ему смертной казни изгнанием) было принято судом.

[859] Речь идет о «Балладе повешенных [Эпитафии Вийона]» («Ballade des pendus [L'Épitaphe de Villon]»), написанной Вийоном в ожидании смертной казни, впоследствии замененной изгнанием.

[860] «Всё прочее — литература» (*фр., пер. Б. Пастернака*). Финальная строка ст-ния П. Верлена «Искусство поэзии» («Art poétique») из его сборника «Когда-то и недавно» («Jadis et naguère»).

[861] *Горгулов* Павел Тимофеевич (1895—1932) — печально известен как убийца президента Франции Поля Думера. Покушение на президента было совершено Г. 6 мая 1932 г. на благотворительном книжном базаре Общества писателей-комбатантов (ветеранов войны), а рано утром 7 мая Думер скончался от полученных ран. Следствие не смогло установить причастности еще каких-либо лиц или организаций к совершенному преступлению. Сам Г. называл себя лидером «Всероссийской национальной (народной) крестьянской партии „зеленых“», которую именовал также «русской фашистской (фашистической) партией» (программа ее дважды — в 1930 и 1931 гг., с вариантами в тексте — выпускалась Г. отдельной брошюрой), однако за полным необнаружением единомышленников Г. его самопровозглашение более походило на крайний авантюризм, а в его поведении большинство усматривало явные симптомы психического расстройства. Психиатрическая экспертиза, однако, признала Г. психически вменяемым, и суд, проходивший 25—27 июля, вынес ему смертный приговор. После отклонения апелляции адвоката, а затем прошений жены Г. на имя министра юстиции и президента Франции, 14 сентября рано утром приговор был приведен в исполнение.

Как литератор Г. (псевдоним «Павел Бред») практически не был известен, хотя к моменту покушения вышли две его книги: повесть «Даль» (Берлин, 1925) и сборник «Тайна жизни скифов» (Париж, 1932), включавший в себя переработанный текст повести «Даль», поэму-трагедию «Скиф», поэму «Тоска поэта» и ст-ние «Цветы». По происхождению кубанский казак, он с 1921 г. жил в эмиграции; в 1926 г. закончил университет в Праге с дипломом врача; в 1931 г. приехал в Париж, где пытался вступить в «Общество русских врачей», но не был принят, а в декабре того же года был выслан властями из Франции как человек, нелегально занимающийся врачебной деятельностью (см. *ПН*, 1932, № 4064, 8 мая, с. 2). Вместе с женой он поселился в Монако, откуда и приехал в Париж в первых числах мая 1932 г. для совершения преступления.

В библиотеке Ц. была книга Г. «Тайна жизни скифов» (цветаевский экземпляр книги с ее инициалами и пометой «хранить» на обложке находится в настоящее время в библиотеке Гуверовского института в Стэнфорде, куда попал в составе архива Б.И. Николаевского). Эта книга, отпечатанная в начале 1932 г., сохранилась в аутентичном виде лишь в небольшом количестве экземпляров. Бóльшая часть тиража, в силу задолженности автора типографии, оставалась вплоть до покушения Г. на типографском складе. После покушения книгу решено было пустить в продажу — но уже не в ее первоначальном виде, а с прибавлением издательского предисловия и уведомления, что книга эта выпускается в настоящий момент «как психологический документ первостепенной важности»; в ней также было фототипически воспроизведено письмо Г. типографии от 14 апреля 1932 г., в котором он отказывался от всех прав на книгу в связи со своей неплатежеспособностью. Именно такой экземпляр сборника Г. был у Ц.

[862] женщина, не бывшая цветком (*нем.*).

---

[863] Пьер *Мак-Орлан* (Pierre Mac Orlan, наст. имя: Pierre Dumarchey, 1882—1970) — французский поэт и романист.

[864] Когда у вас есть ребенок, который умер от голода, вам всегда кажется, что другой ребенок поел не досыта.

———

Ребенок никогда не «был», он всегда «есть» (*фр.*).

[865] Название улицы в Париже и находящейся на ней тюрьмы. Запись связана с делом Горгулова, который содержался в тюрьме «Сантэ» почти все время в период следствия и постоянно после окончания суда.

[866] радио (сокращ. от *фр.:* Telegraphie sans fil).

[867] Го́лоса всегда достаточно, чтобы быть услышанным (*фр.*). Источник цитаты не установлен.

[868] Так назывались во французском переводе романы английской писательницы Мэри *Вебб* (Gladys Mary Meredith Webb, 1881—1927) «Precious Bane» и «The House in Dormer Forest», впервые изданные по-французски, соответственно, в 1930 и 1932 гг.

[869] Ср. ст-ние «А любовь? Для подпаска...» (1922; см. *СП,* с. 646).

[870] «Госпожа Метелица» (*нем.*) — сказка из сб. братьев Гримм.

[871] Строка из Песни первой поэмы Пушкина «Полта́ва»; фрагмент поэмы, открываемый приведенной строкой, повествует о гонце, едущем к Петру I с зашитым в шапку донесением о предательстве гетмана Мазепы.

[872] См. *СП,* с. 651, где напечатано по *БТ-4*.

[873] Обращено к Саломее Николаевне *Андрониковой-Гальперн* (1888—1982). Ср. письмо к ней от 12 августа 1932 г. (*СС-7,* с. 150—153). Всего сохранилось 123 письма Ц. к А.-Г.; опубликовано 113 писем (*СС-7.,* с. 99—178).

[874] А.Я. *Гальперн* (1879—1956), муж С.Н. Андрониковой-Гальперн, известный адвокат.

[875] Точнее: после слова «невозможного» в тексте тетради; в посланном письме в этом месте — «невозможного существа».

[876] Речь идет о статье Г. Адамовича «Стихи» (*ПН,* 1932, № 4159, 11 августа, с. 3).

[877] См. прим. 213.

[878] Начальные строки ст-ния О. Мандельштама, вошедшего в его сб. «Tristia» (в оригинале: «пышность» вместо «роскошь»).

[879] щеки облаков (*нем.*).

[880] «Водяные курочки на воде казались такими веселыми! Но на самом деле, невесело жить ради беспокойных поисков средств к существованию» (*фр.*). Источник цитаты не установлен.

[881] Повтор фрагмента из «Бюллетеня болезни» в Тетради 1; см. с. 218.

[882] «Ты большой». — «Да». — «Ты сильный?» — «Да». — «Я (пигмей) сильный, как грузовик». — «Я — не как грузовик, а как слон, я сильный, как три слона».

Восхищенное молчание.

«Как три-четыре слона...» (*фр.*).

[883] переходное состояние (*фр.*).

[884] отговорившись (*фр.*).

[885] бабенка, которой на всех наплевать (*фр.*).

886 морской угорь (*фр.*).

887 Авторство «Писем португальской монахини», или «Португальских писем, переведенных на французский» («Lettres portugaises traduites en françois»), как назывались они при первой публикации в 1669 г., является до сих пор проблемой неразрешенной. Опубликованные анонимно, они впоследствии (в последней четверти XIX в.) стали приписываться некой Мариан(н)е Алькофорадо и издаваться под ее именем. Ц., как и другие ее современники, была знакома именно с такой их атрибуцией. Однако еще в 1926 г. эта точка зрения на авторство писем была подвергнута сомнению, и после долгих филологических дискуссий автором писем почти единодушно был признан Габриэль де *Гийераг* (Gabriel-Joseph de Lavergne de Guilleragues, 1628—1685), малоизвестный французский писатель, чье имя прежде фигурировало в исследовательской литературе лишь как имя одного из возможных переводчиков писем. Под его именем они печатаются уже примерно четверть века. Однако обнаружение и публикация в 1982 г. французской рукописи писем, содержащей 12, а не 5 входивших во все канонические издания писем (другие семь были известны, но изначально считались апокрифическими), поставило перед исследователями новые вопросы (включая, возможно, и атрибуцию), которые пока остаются открытыми.

888 В 1913 г., во время своего пребывания в Париже, Рильке перевел на немецкий язык письма «Марианны Алькофорадо», тогда же изданные: *Portugiesische Briefe: Die Briefe der Marianna Alcoforado.* Übertragen von Rainer Maria Rilke. Leipzig: Insel-Verlag, 1913.

889 Анонимность женского творчества

Нет разных женщин, есть одна, всегда та же, есть великая женская Безымянность, вечная Незнакомка (вечная Непризнанная...).

Мы узнаем друг друга по мельчайшим приметам и без этих примет.

...Я беру на себя право пишущей, ее, женского рода, с немым «е», так долго немым <немое «е» — непроизносимое окончание, являющееся грамматическим атрибутом женского рода у французских прилагательных и причастий, а также у некоторых существительных, обозначающих профессии>.

Когда пишет женщина, она пишет за всех женщин, тех, что бесследно сгинули — за тысячу лет и еще молчат — и будут молчать.

Именно они ею пишут.

— Сколького бы я никогда не поняла, если бы родилась мужчиной.

— А сколькое бы Вы поняли.

— Что же именно? Всё, на что способен мужчина, женщины (или, по крайней мере, некоторые из них) — какая-то женщина — сделала: Жанна д'Арк (война), Софья Ковалевская (математика) — или же сможет сделать однажды, ибо я не вижу, чтобы музыка (на случай, если мне укажут на отсутствие Бетховена женского пола) была более далека женщине — чем математика.

Мужчине никогда не написать писем Португальской Монахини.

Единственный сделал это — Рильке, но кому придет на ум слово *мужчина* по отношению к нему, даже в значении *человек* (*фр.*).

890 Мозговая идиллия (*фр.*). Последующий текст — случайный повтор записи, имеющейся в Тетради 1; см. с. 227—229 и прим. к ним.

891 Речь идет о Николае Гумилеве. Нельзя с уверенностью сказать, подразумевает ли здесь Ц. какие-то устные высказывания Эренбурга о Гумилеве или же публичный скандал, связанный с романом Эренбурга «Рвач». Начало этому скандалу положила заметка В. Ходасевича «Вместо рецензии» (*Д*, 1925, 27 сентября, № 812), в которой он с возмущением указывал на недвусмысленное, по его мнению, оскорбление Эренбургом памяти погибшего поэта, выразившееся в

присвоении фамилии «Гумилов» (при первом упоминании набранной к тому же с опечаткой — «Гумилев») одному из проходных, но крайне отрицательных персонажей романа. Эренбург незамедлительно ответил на обвинение Ходасевича в газ. «Парижский вестник» (1925, 2 октября, № 127), сведя свою защиту, собственно, лишь к утверждению, что опечатка была случайной. Ленинградский же журнал «Жизнь искусства» (1925, № 41, раздел «Обзор печати») вступился за Эренбурга таким образом, что косвенно подтвердил — с авторского согласия или без него — намеренность выпада Эренбурга против Гумилева. Это позволило Ходасевичу констатировать в заметке «Pro domo sua» (*Д*, 1925, 15 ноября, № 854), что «друзья И. Эренбурга посмотрели на его поступок с памятью Гумилева именно так, как и я» и что «разница только в оценках». Дальнейшей полемики с чьей бы то ни было стороны не последовало.

892 Состоялся 13 октября 1932 г.

893 огромный (*фр.*).

894 Фрагмент посвящен Жанне д'Арк.

895 Речь идет о французском историке Жюле *Мишле* (1798—1874) и его книге «Жанна д'Арк» («Jeanne d'Arc», 1853).

896 Жанна не принадлежит ни Церкви, ни Государству: Государство (Карл VII, ее «любезный Король» — гнусной памяти) покинул ее, Церковь ее сожгла.

Жанна не принадлежит ни Церкви, ни Отечеству (Обществу), ни даже Христианству — ни Вселенной. Жанна принадлежит голосам (которые принадлежат Богу). Если бы ее голоса сказали ей: — Отрекись от своего любезного Короля, перейди к англичанам — она бы сделала это.

(NB! 1938 г. — Нет: она отреклась бы от своих голосов: «*Эти* голоса не *мои*».)

Ни у кого нет авторского права на Жанну: вера (версия Церкви) не предполагает военного гения, а военный гений не предполагает святости.

Жанна веровала и *поэтому* возглавила войска — нелепость.

Жанна любила родину и поэтому слышала голоса — нелепая версия Мишле — еще больший вздор.

Чудо объясняется только чудом.

Ты уверен в себе, если знаешь за собой нечто большее, чем ты сам.

Ты непогрешим, когда это нечто есть Бог.

Голос, который ведет, дает и средства (военный гений).

Величие Жанны в ее верности (верности ее *слуха*).

— Личная ли доблесть явлена в Жанне?

Чтó есть личная доблесть, существует ли она и в чем проявляется?

Всякая высокая доблесть безлична.

И само упорство — не дар ли?

...Святая Жанна — деяние и *явление* меньшее, чем Жанна.

Наша Жанна-Победительница (Государство) — деяние и *явление* меньшее, чем Жанна.

Ни у кого нет авторского права на Жанну, ни права собственности на нее (*фр.*).

897 *Вера* Жанны *ничто*, ее голоса *всё* (*фр.*).

898 См. прим. 824. Выписок из названных тетрадей ниже не следует.

899 ...До чего всё, устрашающее внизу, оказывается безобидным, даже — забавным — увиденное *чуть-чуть* свысока (из окна вагона!) (*фр.*).

900 «У меня панариций в животе!» (*фр.*)

901 Рядом с заглавием помета рукой А.С. Эфрон: «(NB! Chatterley)». Речь идет о последнем романе английского писателя Д.Г. Лоуренса «Любовник лэди Чаттерлей» («Lady Chatterley's Lover»), имевшем в то время скандальную репутацию порнографического произведения. Роман был издан автором частным образом (без издательства) во Флоренции (1928) и Париже (1929) и фактически запрещен цензурой в англоязычных странах (что стимулировало появление на книжном рынке его многочисленных пиратских переизданий). В 1932 г., уже после смерти Лоуренса, в Англии и Америке была издана отцензурованная автором версия романа. Оригинальный текст не переиздавался по-английски вплоть до 1960 г. Французский перевод, которым пользовалась Ц., вышел в Париже в издательстве «Галлимар» в 1932 г. В том же году появился и русский перевод (Д.Г. Лоренс. *Любовник лэди Чаттерлей.* Авторизованный перевод с англ. Татьяны Лещенко. Берлин: Петрополис, 1932), и роман обсуждался на страницах русской зарубежной печати. В частности, мимо внимания Ц. наверняка не прошла рецензия Ходасевича на русское издание романа: Ходасевич В. «Напыщенный мужик». *В*, 1932, № 2550, 26 мая, с. 3—4.

902 «Проступок аббата Мурэ» (*фр.*) — роман Э. Золя. Ц. имеет в виду любовную сцену в главе XV книги второй этого романа.

903 медсестра, сиделка (*фр.*).

904 Речь идет о сороковом дне со дня гибели Н.П. Гронского.

905 Вселенная (*нем.*).

906 Ср. ст-ние «Напрасно глазом — как гвоздем...» (цикл «Надгробие», 2).

907 Мэрия Исси — крик души (*фр.*).

908 ...Всего лишь женщина, чтобы нести груз души (я сказала бы «*своей* души» — если бы это не значило того же) (*фр.*).

909 игра в ломбер (*фр.*) — старинная испанская карточная игра.

910 Местечко в пригороде Парижа, к юго-востоку от Версаля.

911 национальный корень (*фр.*).

912 Парафраз слов Марьи Моревны из одноименной русской народной сказки.

913 *букв.:* горшок на огне (*фр.*) — традиционное французское блюдо из овощей и мяса, приготовляемых в одной посуде.

914 Точнее: в серебряной. В «Сказке о Иване-царевиче и Сером Волке» Жуковского описание костюма Серого Волка завершается словами: «И на хвосте серебряная сетка // С жемчужной кистью...»

915 Из ст-ния «Лес: сплошная маслобойня...».

916 Из главки «Утро» поэмы Н. Гронского «Белладонна».

917 Сообщение напечатано в разделе «Вести отовсюду» *ПН* за указанное число (№ 6300, с. 2).

918 Обращено к Юрию Павловичу *Иваску* (1896—1986) — поэту и критику, жившему в то время в Эстонии. См. записи И. о встрече с Ц. в 1938 г. (*ВМЦ*, с. 429—432) и письма Ц. к нему (*СС-7*, с. 380—419).

919 «Те, кого вдохновляет уход женщины или бег времени...» (Арагон, публичный крикун). «Чудеса более не свершаются в церквях, они свершаются на улице...» — Они случались иногда в полях... И на море... (Иисус, Жанна д'Арк) (*фр.*). Ц. цитирует (с небольшими неточностями относительно печатного

текста во втором случае) фразы из выступления Л. Арагона на Международном конгрессе писателей в защиту культуры (Congrès international des Écrivains pour la Défense de la Culture) 25 июня 1935 г. Под названием «La retour à la réalité» («Возврат к реальности») напечатано в кн.: Louis Aragon. *Pour un réalisme socialiste*. Paris, 1935, pp. 69—87 (цитируемые фрагменты на с. 84 и 86).

920 Это же свое двустишие Ц. приводит в письме к Н.С. Тихонову от 6 июля 1935 г. (*СС-7*, с. 552).

921 Ц. ошибается в годе: Международный конгресс писателей в защиту культуры проходил в Париже 21—25 июня 1935 г.

922 готова принять любую форму (*фр.*).

923 делать без слов (*фр.*).

924 dire — *зд.:* слово; faire — *зд.:* дело (*фр.*).

925 «маленькие звери не едят больших» (*фр.*). Источник цитаты не установлен.

926 Т.е. три (в 1938 г.): см. прим. 921.

927 В окончательном тексте: «пальмы» вместо «сосны»; см. *СП*, с. 443—444.

928 «Я ничего не решаю. Решает мой муж. Я — как он <*букв.:* следую за ним>» (*фр.*).

929 Ц. обыгрывает идентичность форм 1-го лица единственного числа настоящего времени двух французских глаголов: suivre (следовать за...) и être (быть).

930 Городок недалеко от Фавьера (La Favière); в Фавьере Ц. с Алей и Муром отдыхали с последних чисел июня до конца сентября 1935 г.

931 Название большого универмага в Париже.

932 *Иванов* Владислав Дмитриевич (ок.1901—?) — племянник С.В. Завадского. Выпустил одну поэтическую книгу — «Концы и начала. Попытка эпоса» (1930), а также брошюру «Заметки по вопросам эстетики» (1931). Принадлежал к левому крылу евразийцев, печатался в газ. «Евразия».

933 Очевидно, речь идет о редакции еженедельника «Евразия», в издании которого активно участвовал С. Эфрон.

934 вырезные книжки — «Спящая красавица» и «Лань в лесу» (*фр.*).

935 Так Аля называла В.А. Сувчинскую.

936 М.С. Булгакова и К.Б. Родзевич.

937 *Богенгардт* Всеволод Александрович (1892—1961) и его жена Ольга Николаевна — знакомые семьи Ц. В.А. Богенгардт — однополчанин С.Я. Эфрона по Добровольческой армии. В Чехии Богенгардты работали воспитателями в русской гимназии в Моравской Тржебове, где один год (1923/1924) училась Аля. С 1926 г. жили под Парижем. См. письма Ц. к Богенгардтам: *СС-6*, с. 643—654.

938 Дай, пожалуйста, мальчишке конфету (*искаж. фр.*).

939 Реплика обращена к П.П. Сувчинскому. Michelin — известная фирма, изготовляющая автомобильные шины.

940 См. прим. 658.

941 Неточная (с переменой порядка строк) цитата из ст-ния Пушкина «Зимний вечер».

942 Речь идет о французском переложении «Мо́лодца» — «Le Gars». См. прим. 710.

943 Французский детский журнальчик.

[944] Лионский вокзал (*фр.*).

[945] от *фр.:* château — замок; речь идет о замке Арсин (см. прим. 775).

[946] С небольшими разночтениями эти слова Мура приведены в письме Ц. к В.Н. Буниной от 26 февраля 1934 г. (*СС-7*, с. 268).

[947] наказание в виде оставления после уроков (*фр.*).

[948] Карл Великий (*фр.*).

[949] Он купил себе самокат. — Что это значит? (*фр.*)

[950] духа — Гёте (*нем.*). Речь идет о смерти сына Гёте Августа (1789—1830).

[951] См. прим. 839.

[952] Это всего лишь сон, — только не прекрасный, а *мерзкий* — сон! (*фр.*)

[953] Венский Конгресс — Конгресс развлекается (*фр.*). Речь идет о комедийном фильме немецкого режиссера Эрика Шареля (Eric Charell) «Конгресс танцует» («Der Kongress tanzt», 1931), действие которого происходит во время Венского конгресса 1814—1815 гг.; во французском прокате фильм назывался «Le Congrès s'amuse». Внимание Ц. к этому фильму могла привлечь рецензия на него С.М. Волконского «„Конгресс веселится“» (*ПН*, 1931, № 3876, 2 ноября, с. 3).

[954] Мур переписывает текст заметки «Потерянный поезд» (*ПН*, 1931, № 3929, 25 декабря, с. 8). Очевидно, эта заметка была в свое время вырезана Ц. из-за удивительного совпадения жизненного сюжета, описанного в ней, и «сказочной» истории «Про паровоз, который отцепил свои вагоны», выдуманной ею самой и неоднократно рассказывавшейся маленькому Муру (см. упоминание на с. 387).

Тетрадь 4

Оригинал представляет собой записную книжку форматом 16 на 10,5 см, в линейку, в светло-сером матерчатом переплете, с ленточкой-закладкой, обернутую в розовую бумажную обложку. Хронологические рамки записей: 1926—1939 гг. Заполнялась в августе 1938 г. — мае 1939 г. Заполнена менее, чем наполовину (записи кончаются на листе 30). Заглавие и семь первых разворотов — зелеными чернилами, далее до конца записей — синими.

Неоднократно упоминающийся в тетради адрес — бульвар Пастёр, 32 (32, Bd. Pasteur) — адрес гостиницы Иннова (Hôtel Innova), где Ц. с сыном жили с сентября 1938 г. до отъезда в СССР.

[955] Заглавие написано на отдельном листе (шмуцтитуле тетради).

[956] Впервые: *НМ*, 1969, № 4, с. 203—205; см. также *СС-7*, с. 377—380 (в обоих случаях в русском переводе). Шарль *Вильдрак* (Charles Vildrac, наст. имя Charles Messager, 1882—1971) — французский поэт, драматург, теоретик стиха. В молодости был членом содружества поэтов и художников унанимистов «L'Abbaye de Créteil» (1907—1908), впоследствии входил в группу «Clarté». В 1928—1929 гг. побывал в СССР, где познакомился, в частности, с Пастернаком, о чем есть упоминание в письме последнего к А. Белому: «В воскресенье у меня был и долго просидел Шарль Вильдрак <...>. Он показался мне очень милым и задушевным человеком. Как поэта я его еще не знал, книги его получил на другой день, и они усилили впечатление, а не ослабили, что бывает гораздо чаще» (Пастернак Б. *Собрание сочинений в пяти томах.* Т. 5. М.: Худож. литература, 1992, с. 251). Столь же приязненно отзывается Пастернак о В. в письме к О. Фрейденберг от 16 ноября 1928 г., называя его поэтом «Ромэн Ролланов-

ской „человечной“ складки» (Пастернак Б. *Переписка с Ольгой Фрейденберг*. Нью-Йорк; Лондон, 1981, с. 118).

[957] Речь идет о сб. «Livre d'Amour» («Книга любви»), впервые вышедшем в 1910 г. и затем многократно переиздававшемся. Эта книга была в составе библиотеки Ц., привезенной в СССР: в 1940 г. Ц. упоминает ее в списке книг, предназначенных для продажи (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 128). Уцелела еще одна книга Вильдрака (для детей), «L'île rose» («Розовый остров», 1929), подаренная им Ц. со следующей дарственной надписью: «A madame Marina Zwetaïeva en souhaitant que cette histoire soit jugée par elle digne d'être racontée à son petit gars. Charles Vildrac» («Госпоже Марине Цветаевой с надеждой на то, что эта история покажется ей достойной быть рассказанной ее маленькому мóлодцу. Шарль Вильдрак» — *пер. А.С. Эфрон*) (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 171).

[958] Настоящее письмо датируется октябрем 1930 г., а отвечает Ц., предположительно, на весеннее (перед отъездом на летний отдых) письмо Вильдрака. Тема рифмы возникает в нем в связи с обсуждением французского автоперевода «Мóлодца» Ц. (см. прим. 710). По-видимому, Вильдрак успел к этому времени познакомиться не только с опубликованной первой главой поэмы, в которой Ц. лишь спорадически использовала рифму, но и с рядом последующих глав, в которых рифмованный стих стал уже доминирующим. Сама Ц. в письме к Р.Н. Ломоносовой от 15 ноября 1930 г. так характеризовала свой опыт работы над первой главой поэмы: «Я тогда еще совсем не знала франц<узского> стихосложения, выяснилось в порядке работы, со второй главки уже правильные стихи. А это — как хотите — ритмическая проза или неправильные стихи» (*СС-7*, с. 325).

[959] Речь идет о романе Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге».

[960] Ст-ние из третьего раздела «Книги любви». Ниже Ц. цитирует две строки из него.

[961] Правильно: «Une Auberge»; ст-ние из третьего раздела «Книги любви».

[962] «Истории Доброго Бога» — сб. рассказов Рильке.

[963] Начальная строка ст-ния «Les Conquérants» («Завоеватели»), завершающего «Книгу любви».

[964] Из содержания отрывка очевидно, что он не мог быть фрагментом «первого», т.е. более раннего, чем предыдущий отрывок, письма.

[965] По-видимому, в ответ на присланный Ц. стишок Жако, Вильдрак прислал аналогичный.

[966] районная бесплатная школа (*фр.*).

[967] Впервые эти наброски были опубликованы в переводе А.С. Эфрон. Поскольку этот перевод в значительной степени дополняет оригинал толкованиями переводчика и передает высказывания Ц. по-родственному вольно и расширительно, здесь мы предпочли поместить близкий к подлиннику перевод Ю.П. Клюкина, сделанный им в 1989 г. для предполагавшегося тома «Литературного наследства» и отредактированный нами для настоящего издания. Им же были сделаны тогда примечания к этим наброскам, учтенные в нашем комментарии.

> Милостивый государь,
>
> Я давно получила Ваше письмо и Вашу книгу, и не ответила Вам раньше только потому, что не хотела устраивать Вам литературного отпуска. Но поскольку Вы уже вернулись...
>
> Вы меня спрашиваете, почему я рифмую?
>
> У меня на шее крест,
> У меня собачка есть,

Когда утром я встаю,
Я ей хлебушка даю.
(Жако, сын бакалейщика под нами, 6 лет)

Если бы указанный автор данного стишка сказал: — Я крещен, у меня есть собачка, которую я каждый день кормлю, — это ничего не сказало бы ни мне, ни ему самому, вообще никому: этого бы просто не было. А так — есть.

Вот, сударь, почему я рифмую.

Нерифмованные стихи суть (или кажутся мне, за редкими исключениями) — стихи, подлежащие написанию: замысел — не более.

Чтобы вещь *продлилась*, ей надо быть песней, песня, будучи сама себе музыкальным аккомпанементом, целокупна, ничем никому не обязана.

(Почему я рифмую? Будто рифмуют почему-либо! Спросите народ — почему он рифмует. Ребенка — почему он рифмует. И обоих — что такое *рифмовать*.)

...Вот возможная попытка ответа на Ваш легкий упрек в <пропуск одного слова> звука (-ом?) в ущерб слову и смыслу в моих стихах.

Дорогой друг, всю свою жизнь я слышу этот упрек, просто жду его. Вы попали в точку, ничего не зная обо мне, с первого взгляда (слуха!). Вы оказались более <пропуск одного слова> других, сопоставив не только звук и смысл, но и (третью силу!) — звук и слово. И Ваш упрек — вместо того, чтобы возмутить меня — или раздосадовать — или огорчить — меня заинтересовал, как повод к диалогу, из которого я сама могла бы многое узнать. (*Я пишу, чтобы понять* — вот что я могу сказать о своем ремесле.)

Милостивый государь, я защищаю не своего «Мо́лодца», не себя, а свое дело, *само* дело. Не путайте одно с другим!

Если Вы укажете мне то или иное темное — или неудачное — или не звучащее место — я Вам буду только благодарна, — тем более, что я иностранка. Я могу дурно рифмовать — согласна, но чтобы рифма сама по себе была злом — в этом я никогда не соглашусь с Вами.

(Только не сердитесь! А если я горячусь, то лишь от доверия —)

Ваша книга. Знаете, она мне очень напоминает Рильке; Рильке «Записок». Ваша книга — обнаженное сердце, не защищенное формой; Ваша книга — сказана, не написана, и посему *слушается*, не читается. Я перечла ее трижды. В ней много и моего (поверьте на слово!), я узнаю себя почти на каждой странице, особенно в «Быть Человеком» — и особенно в:

И если будешь с теми, кто владеет златом —

и особенно в:

— Бесстрастным голосом велеть им *подавать*

особенно в этом *подавать*, которое здесь в весе существительного, которое для меня выделено курсивом, которое я прочла — курсивом.

(«Кушать подано, мадам» — та, кто подает, и та, которой подано, об этом не думают, но Вы — я — поэты — продленный слух — думаем за них: подано моими двумя руками — ее двум рукам, раззолоченным, унизанным бриллиантами, праздным, вот этими двумя руками, и т.д. Так?)

«Постоялый двор» — это просто Рильке «Историй Доброго Бога», *его* скрытая суть вещей. Когда я говорю Рильке — я имею в виду братство. Сделать как Рильке невозможно, надо родиться, надо *быть* Рильке. (Рильке не рожда*ются*. 5 августа 1938 г. — при переписке.) В этой книге любви Вы его брат в человечестве, <вспомните> его «братья человеческие...», его брат-дерево, брат-волк.

И что меня особенно трогает — и даже не могу сказать, и даже не хочу знать, почему — это слово: милый, милая, столь часто повторяемое Вами, такое скромное, так редко встречающееся в стихах.

...Вот всадник без коня!

Этой строкой Ваш выбор в жизни — или прежде жизни — сделан.

Кто хочет *имеет* коня, кто хочет имеет молитвенник, но быть (всадником, священником, <пропуск одного слова>) не имея — *в* этом высшее достоинство или высший отказ.

Как я его знаю, этого всадника без коня.

До свидания, милостивый государь, до Вашего желания меня увидеть. Если бы я не послала Вам рукописи, я бы чувствовала себя с Вами столь же свободной, как наедине с Вашей книгой: душа с душой (полюбуйтесь этими тремя *а!*), но моя просьба прочесть рукопись смущает меня, и посему умолкаю до Вашего оклика.

МЦ

...Вас не удивляет и вообще не странно ли, что я, страстная рифмачка, обратилась из всех — именно к Вам, ревностному врагу рифмы? Не проще ли (?) было бы направить моего «Мо́лодца» в дружественный стан (если таковой есть) рифмачей?

Прежде всего и всегда: мой инстинкт ищет, находит и создает преграды, иначе говоря, я действую *инстинктивно:* в жизни, как в стихах.

Так, я оказалась права *по-своему.*

Во-вторых: нас с Вами связывают узы родства: Россия, Пастернак и до всего и поверх всего — Рильке — которого, как я сейчас узнала из Вашего письма, Вы тоже избрали, тоже его, из всех — его, того, кого я именую просто Поэт. Нет: Поэзия.

Так, я еще раз оказалась права — *по-его.*

Этим всем я только хочу сказать Вам, что с большой радостью приду в этот вторник к 4 ч. на улицу Сены, 12.

P.S. Ваше милое четверостишие про тетушку, которая, подметая пол, нашла апельсин, полно смысла — и солнца: воскресенье: солнечный свет! пол: сияющий паркет! апельсин: *оранжевый!* — и старенькая тетушка, повязавшая голову, как Марат в ванне — но меня понесло и Вы уже досадуете.

P.P.S. Мой Жако не знает псалмов, ибо его родители неверующие и ходит он в коммунальную школу. И только рифма (потребность зарифмовать собаку) сделала его крещеным. Начавшись словом, кончается делом.

Эти два P.S. — шутки ради: просто чтобы Вы улыбнулись.

P.S. 3ий: А вот с чего мне следовало бы начать: собака действительно существует: Зиг, любитель помоек (*фр.*).

[968] В конце 1930 г. Ц. познакомила Вильдрака с полным текстом своей поэмы, о чем свидетельствует упоминание в письме к Р.Н. Ломоносовой от 8 декабря 1930 г.: «Нынче *своего* Мóлодца (французского) несу к пастернаковскому другу, писателю Шарлю Вильдраку <...>» (*СС-7*, с. 327).

[969] в определенные часы (*фр.*).

[970] Речь идет о ст-нии Пастернака «Баллада» («На даче спят. В саду, до пят...»), впервые опубликованном в ж. «Красная новь» (1930, № 12).

[971] Т.е. Евгении Владимировны Пастернак, первой жены Б. Пастернака; Женей был назван и их сын (р.1923).

[972] мы были бы так счастливы вместе! — мы *пережили* вместе столько несчастий! (*фр.*)

[973] Речь идет о Беттине фон Арним.

[974] Так (в отличие от Маленькой Терезы из Лизьё) иногда называют *Св. Терезу Авильскую* (1515—1582) — испанскую монахиню ордена кармелиток и известную мистическую писательницу, причисленную к лику святых в 1622 г.

[975] «Предусмотрено, чтобы деревья не врастали в небо» (*нем.*). Ц. цитирует эпиграф к третьей части книги Гёте «Из моей жизни. Поэзия и правда» («Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit»).

[976] Богом устроено, чтобы деревья — (*нем.*).

[977] Впервые: *РМ*, 1991, № 3878, 10 мая; см. также *СС-7*, с. 419—421. Жан *Шюзвиль* (1886—не ранее 1959) — поэт, критик, переводчик; в конце 1900-х — начале 1910-х гг. шесть лет прожил в России. В 1913—1914 гг. вел обзоры новейшей русской литературы в журнале «Mercure de France», упомянув в одном из таких обзоров и имя молодой Ц. (1913, № 106, с. 203). Тогда же подготовил и издал в своем переводе «Антологию русских поэтов» (*Anthologie des poètes russes*. Paris: Ed. Crès, 1914). Был и в дальнейшем одним из активных переводчиков русской литературы на французский язык.

[978] *Гедвилло* Елена Адамовна — преподавательница французского языка в московской гимназии М.Г. Брюхоненко, последней, где училась Ц.

[979] Скорее всего, имеется в виду Надежда Даниловна *Городецкая* (1903—1985) — писательница и журналистка, с которой Ц. должна была регулярно встречаться в 1929—1930 гг. на собраниях Франко-русской студии (см. прим. 811). Весьма вероятно, что именно на собрании студии 16 декабря 1930 г. Шюзвиль (впервые в этот день посетивший студию) и передал через Г. упоминаемый в письме сувенир для Ц., которой в тот день не было на собрании (см. список участников собрания в стенографическом отчете о вечере: *Cahiers de la Quinzaine*, 1931, XXI serie, 4ᵉ cahier).

[980] Впервые этот набросок опубликован в переводе А. Цетлин-Доминик. Здесь, как и выше, мы отдаем предпочтение переводу Ю.П. Клюкина, отредактированному нами для настоящего издания.

> Милый Жан Шюзвиль,
>
> Неужели Вы меня помните? Вы были таким юным, мы все были такими юными. Была Москва. Было Рождество. Был снег. Вы писали стихи. Я писала стихи. Мы читали их мадмуазель Елене Гедвилло.
>
> Вы любили Франсиса Жамма, я любила Эдмона Ростана. Но это не мешало нам понимать друг друга. Мадмуазель Гедвилло любила стихи и юность.
>
> Приехав в Париж в 1925 г., я не искала возобновления отношений ни с кем из моего детства. Всякое прошлое есть прошлое, а то

прошлое (Война, Революция) было абсолютным, совершенным Прошлым — никогда не бывшим.

И однако же, когда я слышала Ваше имя, передо мной всегда вставало видение: Москва — снег — Рождество — очки — юность, видение, немедля переходившее в улыбку, которая отдаляла меня от собеседника на расстояние куда большее, чем 1909—1930. Я помещала Вас в страну моей юности, собеседник же оставался снаружи.

Милый Жан Шюзвиль, когда госпожа Г-кая передала мне привет от Вас, у меня было чувство — не будем бояться больших слов, всегда меньших, чем наши чувства, — воскресения: не Вашего — моего собственного, меня тогдашней.

Ведь то, у чего нет очевидцев, никогда не существовало.

У той меня — нет очевидцев.

———

Милый Жан Шюзвиль, законом моей жизни (невольным) было действовать себе более во вред, чем во благо. Особенно своими письмами. Я всегда стремилась быть собой, всей собой, а чаще всего этого не следовало бы делать.

Может быть, я действую себе во вред и теперь, когда пишу Вам такое письмо вместо другого — любезного, и «простого», и никакого...

———

Милый Жан Шюзвиль. Вот опять Рождество. Приезжайте повидаться. Это в пригороде — Мёдон — напишите мне, когда — чтобы я была дома.

Маршрут такой: Вы садитесь в пригородный поезд на станции Площадь Инвалидов — или Альмский мост — или Марсово поле — или мост Мирабо — выходите в Мёдон-Валь-Флёри — переходите через мост на другую сторону — подымаетесь по авеню Лувуа и, не сворачивая ни вправо, ни влево, оказываетесь прямо перед моим домом — улица Жанны д'Арк, 2 — первый этаж налево — стучите.

Желательно около 4 часов.

Вы увидите моих детей, Вы, видевший меня ребенком.

МЦ

Рождество 1909 г. — Рождество 1930 г.

Москва — Мёдон (*фр.*)

[981] «Я так Вас боялся: Вы были так умны, так умны, что я испугался, Вы так мало были похожи на тот идеальный образ девушки, который есть у каждого молодого человека...» (*фр.*).

[982] Статья «О новой русской детской книге» (1931).

[983] Исторический и текстологический комментарий к циклу см. в *СП*, где он напечатан по этой сводной тетради. Для окончательных (на момент переписки) редакций своих стихотворных произведений у Ц. были заведены беловые тетради, заполнявшиеся в хронологическом порядке. Всего их пять, последняя кончается 1936 г. и заполнена едва на одну четверть. Почему беловой текст «Стихов к Чехии» вписан сюда, а не в упомянутую тетрадь, неизвестно.

[984] По-видимому, речь идет о поэтессе Алле Сергеевне *Головиной* (урожд. Штейгер, во втором замужестве Gilles de Pélichy, 1909—1987).

[985] Эта строка представляет собой русский эквивалент второй строки немецкого двустишия Ц., приведенного в ее письме к Пастернаку от 23—26 мая 1926 г.: «Durch alle Welten, durch alle Gegenden, an allen Weg'enden // Das ewige Paar der sich-Nie-Begegnenden» (*П-1926*, с. 118).

986 сен-жильского бескрайнего пляжа (*фр.*).

987 В конце лета 1926 г. Ц. предполагала вернуться в Чехию, так как проживание на территории страны было условием продолжения выплаты ей правительственного денежного пособия для нуждающихся русских литераторов. Однако впоследствии, стараниями друзей и доброжелателей, удалось устроить продление выплаты пособия Ц. без ее обязательного возвращения в Чехию.

968 Ц. отвечает на письмо Пастернака от 11 июля 1926 г., в котором он, в частности, писал: «Мне что-то нужно сказать тебе о Жене. Я страшно по ней скучаю. В основе я ее люблю больше всего на свете» (*П-1926*, с. 174).

989 В июле-августе 1926 г. Е.В. Пастернак с сыном ездила в Германию; в письме к Ц. от 11 июля Пастернак упомянул даже о ее возможном приезде в Париж, который, однако, не состоялся.

990 *букв.:* Прекрасный вид (*фр.*) — название парижского предместья, где Ц. с семьей поселилась осенью 1926 г. Ее последнее письмо к Рильке было написано на открытке с видом этого предместья.

991 Ср. фрагмент воспоминаний В.Е. Чириковой: «В Париже я посетила Цветаеву в 27-м году. <…> Маленький сынишка Цветаевой, устроенный в углу дивана, сидел так тихо, что я заметила его только тогда, когда он громко изрек: „Народу — много, денег — мало“ (совсем по-цветаевски!)» (*ВМЦ*, с. 276).

992 Речь идет о поэме Пастернака «Лейтенант Шмидт» (1926—1927), третью (заключительную) часть которой Пастернак послал Ц. в конце мая 1927 г. Ср. отзыв Ц. о начальных главах поэмы в ее письме к Пастернаку от 1 июля 1926 г. (*П-1926*, с. 159—160).

993 См. прим. 605.

994 Ты находишься в непрестанной борьбе с неподвижными (неодушевленными) предметами (*фр.*).

995 Trappes — городок под Парижем, недалеко от которого находилось упомянутое выше селение Elancourt.

996 Это выражение, ставшее общим местом, восходит, по-видимому, к ст-нию Ф. Шиллера «Мудрецы» («Die Weltweisen»), в последней строфе которого говорится о природе, поддерживающей всеобщее движение «Durch Hunger und durch Liebe» («с помощью голода и любви»).

997 Впервые: *НМ*, 1969, № 4, с. 210—211; републикация с исправлениями и восстановлением купюр: *З-9*, с. 186—188; в *СС-7* — по тексту первой публикации. В первой публикации — примечание А.С. Эфрон: «Открытое письмо, написанное для предполагавшегося детского журнала на русском языке».

998 «И если останется лишь один — им буду я» (*фр.*). Заключительная строка ст-ния В. Гюго «Ultima Verba».

999 находящийся напротив (*фр.*).

1000 Речь идет о близящемся отъезде в СССР. Ц. с сыном покинули Францию 12 июня 1939 г.

1001 восковая свеча (*фр.*).

1002 Полная версия кинофильма Ж. Ренуара «Великая иллюзия» (1937).

1003 Запись связана с поездкой в Руан. Под «статуей» имеется в виду памятник Жанне д'Арк.

1004 Ц. по ошибке переписывает записи из этой книжки повторно: см. Тетрадь 3, с. 465—468 и прим. к ним. В редакции и наборе переписываемых записей имеются разночтения.

1005 обсерватория (*фр.*); речь идет о старинной обсерватории в Мёдоне.

1006 малая (бытовая) история (*фр.*).

1007 Соглашение (договор) четырех (*фр.*). Речь идет о т.н. Мюнхенском сговоре — соглашении, подписанном главами Англии (Н. Чемберлен), Франции (Э. Даладье), Германии (А. Гитлер) и Италии (Б. Муссолини), по которому, в частности, Судетская область отторгалась от Чехословакии в пользу Германии.

1008 «Англия присоединится к материку. Но это произойдет не раньше, чем через 15 веков». — «Все уже умрут» (*фр.*).

1009 Покидая квартиру в Ванве, Ц. раздавала многие вещи. Так, соседям, жившим этажом ниже, был оставлен, среди прочего, письменный стол Ц. Ст-ние, как указывает Ц., принадлежит «отцу», т.е. главе семейства Михаилу Порфирьевичу *Айканову* (1877—1964), бывшему товарищу прокурора Новочеркасской палаты, в эмиграции работавшему ночным сторожем. В подтексте ст-ния подразумевается поэтический цикл Ц. «Стол».

1010 По-видимому, автор письма — М.Л. Слоним. Написание «прощального» письма «год назад» объясняется тем, что сроки отъезда Ц. в СССР многократно переносились (этим ведало советское полпредство); в то время, к которому относится письмо, Ц. полагала, что ее отъезд произойдет осенью 1938 г.

1011 Три фрагмента этих выписок (от слов «Вокруг — грозные моря неуюта...» до слов «...нужно трое, четверо»; от слов «У стойки кафе...» до слов «*Ка́к* его зовут??»; от слов «Я искушала Париж...» до слов «Париж хорошо воспитан») впервые: *МЦПЖ*, с. 397—400.

1012 В литературе о путешествиях популярен сюжет о том, как моряки принимают кита (не анаконду, как у Ц.) за остров, высаживаются на нем и даже разводят костер. Наиболее известный источник, в котором встречается этот сюжет, сказка «Первое путешествие Синдбада» из «Книги тысяча и одной ночи».

1013 безопасность, уверенность (*фр.*).

1014 Брильянтин Д<окто>ра Рожа (*фр.*) — одна из марок брильянтина, модного в то время средства по уходу за волосами.

1015 См. прим. 866.

1016 предзнаменования (*фр.*).

1017 Гусёк (*фр.*) — игра с фишками на таблице в 63 фигуры.

1018 шкатулка, сундучок (*фр.*).

1019 товарищи по несчастью (*фр.*).

1020 несчастье (*фр.*).

1021 товарища для *счастья* (*фр.*).

1022 красавец (от *фр.:* bel homme).

1023 «У вас нет набитых морд?» (*фр.*) По свидетельству В. Лосской, «набитыми мордами» назывались билеты Национальной лотереи в пользу инвалидов Первой мировой войны.

1024 «Ну и злюка, должно быть, эта вот!» (*фр.*)

1025 местные (коренные) жители (*фр.*).

1026 там внутри (*нем.*).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Настоящий указатель охватывает текст сводных тетрадей Ц. и примечаний. В указатель не включены имена мифологических персонажей, героев литературных произведений (если они одновременно не являются реальными историческими лицами), а также библейских персонажей, за исключением случаев, когда они упоминаются как авторы книг и изречений.

Лица, более известные под псевдонимами, включены в указатель под этими псевдонимами.

Знак вопроса в скобках означает, что лицо не установлено.

В квадратных скобках приводятся имена, прозвища и инициалы, под которыми данное лицо упоминается в тексте Ц.

Цветаева М.

Ц 25 Неизданное. Сводные тетради. Подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и И.Д. Шевеленко — М., Эллис Лак, 1997 — с. 640.

ISBN 5-88889-001-4

Настоящим изданием открывается серия публикаций материалов из литературного архива М. Цветаевой.

Основу «Сводных тетрадей» составляют выписки из черновых тетрадей, записных книжек, блокнотов 1921—1938 гг., сделанные М. Цветаевой в 1932—1939 гг. Они включают дневниковые записи, наброски к осуществленным и неосуществленным замыслам, черновики писем к разным лицам (среди которых А.А. Ахматова, Б.Л. Пастернак, Р.М. Рильке, С.М. Волконский, И.Г. Эренбург, К.Б. Родзевич, А.Г. Вишняк, А.В. Бахрах, Ш. Вильдрак), аналитические заметки.

В полном объеме тетради публикуются впервые.

Ц $\frac{4603000000-077}{130(03)-97}$ Без объявл. **ББК 83.3Р**

Содержание